Диляра Усманова

МУСУЛЬМАНСКОЕ «СЕКТАНТСТВО» В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН
КАЗАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Диляра Усманова

Мусульманское “сектантство” в Российской империи: “Ваисовский Божий полк староверов-мусульман” 1862–1916 гг.

Академия наук РТ
Казань 2009

УДК: 282:94(47)″18″
ББК: 86.38:63/3(2)
У75

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Американского Совета Научных Сообществ (ACHC)
This publication was supported by a grant
from the American Council of Learned Societies (ACLS)

Научный рецензент:
профессор Михаэль Кемпер (Амстердам)

Усманова Д.М.

У75 Мусульманское “сектантство” в Российской империи: “Ваисовский Божий полк староверов-мусульман”. 1862–1916 гг. – Казань: изд-во “”. 2009. – с.

Монография посвящена истории религиозного движения, получившего распространение во второй половине XIX – первой четверти XX вв. среди мусульман Поволжья, Сибири и отчасти Средней Азии. Возникшее как религиозное объединение под руководством дервиша Багаутдина Ваисова, движение быстро вышло за рамки узкой религиозной группы, трансформировавшись в сообщество (“Ваисовский Божий полк староверов-мусульман”), претендующее на собственную историческую генеалогию, религиозную автономию, социальный статус и, в конечном счете, политическую программу.

В первом разделе исследования реконструируются биографии мусульманских деятелей, стоявших у истоков “Божьего полка” (шейх Джагфар Салихов, дервиш Багаутдин Ваисов, имам Габдуллатиф Халитов); анализируются их взгляды и идеологические установки, описана практическая деятельность на разных этапах, прослеживается эволюция движения под руководством Гайнана Ваисова в условиях позднеимперской России. Во втором разделе представлены архивные документы из РГИА и НАРТ. Большинство документов выявлены автором исследования и публикуются впервые. В этом же разделе помещена уникальная биография Багаутдина Ваисова, составленная Ризой Фахреддином, ранее не издававшаяся и остававшаяся более восьмидесяти лет в рукописном виде; а также факсимильно (фотографически) воспроизведены некоторые рукописные образцы поэтического творчества Б. Ваисова.

Издание предназначено историкам и исламоведам, а также всем, кто интересуется историей ислама в Российской империи.

© Издательство “Фэн”
© Усманова Д.М., текст, публикация документов, 2009

Посвящается моим родителям
Салисе Зайнулловне
и Миркасыму Абдулахатовичу Усмановым

Введение

Ваисовское движение (*"**Ваисовский Божий полк староверов–мусульман**"*) представляет собой чрезвычайно интересное и весьма противоречивое религиозное, социальное и политическое движение, имевшее распространение среди мусульманского населения Поволжья во второй половине XIX – первой трети XX столетия. Основателем и идеологом данного религиозного сообщества являлся шейх Накшбандийского суфийского братства дервиш Багаутдин Ваисов (1810/18–1893). В начале XX века движение возглавил его сын Гайнан Ваисов (1878–1918), а в начале 1918 года после смерти последнего – младший брат сардара Газизян Ваисов (1887–1963).

Идеология и практическая деятельность ваисовцев, живших во второй половине XIX – первой трети XX века, имеют несколько относительно самостоятельных, но взаимосвязанных аспектов: религиозно-эсхатологический и суфийский, булгаро-этнический, социальный и политический. На разных этапах развития движения доминировал тот или иной аспект, что было обусловлено рядом обстоятельств. Лидеры движения признавали над собой (помимо абсолютного подчинения воле Аллаха) лишь власть верховного правителя (императора). Одновременно они находились в резком антагонизме с гражданскими властями и официальным мусульманским духовенством. Российские власти, впрочем, отвечали на эти протестные настроения преимущественно репрессиями и преследованиями. Сменившие самодержавие большевики также отнеслись отрицательно к ваисовской идеологии, хотя на первых порах использовали движение в своих целях (в частности, стремясь расколоть татарское национальное движение в Волго-Уральском регионе, в борьбе с басмачеством в Средней Азии). На рубеже 20–30-х годов XX века движение практически сошло с политической арены, сохранившись лишь в памяти немногочисленных потомков, а в конце XX столетия – их приверженцев "необулгаристов".

* * *

Среди самоназваний движения на первых этапах наиболее распространенными были "фирка-и наджийа" и "Божий полк староверов-мусульман". Оба названия с одинаковой частотой встречаются и в оригинальных татароязычных документах, и в их русскоязычных переводах.

Что означало выражение "фирка-и наджийа"? Дословно оно переводится как "спасающаяся группа" и генетически связано с известным хадисом (т.н. хадис ат-тафаррук, т.е. "хадис отделения"). Это название ваисовцев генетически восходит к эсхатологическим воззрениям Б. Ваисова[1]. Наиболее широко оно использовалось при жизни основателя общины.

Позднее термин "фирка" использовался в расширительном толковании. Иногда этот термин не вполне корректно переводился на русский язык как "партия" в смысле политической партии. В частности, такой перевод встречается в сочинениях Н.Ф. Катанова[2], а уже из его работ в подобной трактовке был заимствован другими авторами. На основании этого рядом исследователей делается некорректный вывод о том, что ваисовцы представляли собой политическую партию. Буквально слово "фирка" можно перевести и как "секта". Впрочем, в исламе это выражение имеет в целом нейтральный характер, не неся такой сильной негативной нагрузки, как в христианской традиции.

Другое название движения, часто встречающееся как в документах ваисовцев, так и в работах по истории движения, – "Ваисовский божий полк староверов-мусульман" – не вполне соответствует исламской традиции. Вероятно, изначально оно фигурировало преимущественно в русскоязычных документах ваисовцев, а уже из русскоязычных текстов в татарские была перенесена калька этого названия. По-видимому, оно было сконструировано идеологами движения для того, чтобы лучше донести суть своего учения до русскоязычной аудитории. Название это иногда подавало повод для недоразумений. Например, автор наиболее обстоятельной публикации по истории движения М. Сагидуллин назвал движение "Спасительным отделом воинствующих молитвенников". Вероятнее всего, он опирался на некий "Устав относительно военных молитвенников", составленный Гайнаном Ваисовым, исказив в

[1] Подробнее смотри § 5 первой главы данной публикации.

[2] НАРТ. Ф. 41. Оп. 15. Д. 1. Л. 27. Именно опубликованные работы Н.Ф. Катанова, в отличие от большинства других экспертных оценок и записок, оказали существенное влияние на характер терминологии, используемый при описании этого движения в советской и постсоветской историографии.

духе времени второе слово от “военных” до “воинствующих” по аналогии с “воинствующими безбожниками”[3].

Как лидеры (отец и сыновья Ваисовы), так и рядовые представители общины использовали для собственной самоидентификации определенные титулы, употребление которых свидетельствовало об иерархичности движения. Ваисовцы придавали исключительное значение своим титулам, неизменно настаивали на точном их употреблении и ревниво следили за тем, не искажаются ли они в различных документах. Багаутдин Ваисов именовал себя такими титулами, как дарвиш (дервиш), дардеманд, природный старовер, сотрудник всему миру, поверенный Ислама, Божьего полка определенный дистаночный начальник; природный духовный вероисповедник, “светлый умом своим”, сословия Тюрки, верноподданный Монарху, “лично известный Его Императорскому Величеству”, духовный отец. Эти титулы в полном или слегка сокращенном виде указывались практически во всех прошениях Б. Ваисова. Последующие руководители движения, прежде всего, Гайнан Ваисов, отдавали предпочтение титулу “сардар”, что означало полководец, главнокомандующий, лидер движения[4]. В отличие от Багаутдина ни его сыновья, ни кто-либо из числа учеников и ближайших последователей, как правило, не претендовали на суфийские титулы (дарвиш, шайх и пр.).

В то же время для рядовых членов движения именоваться такими титулами, как “природное духовное лицо”, “мусульманин-старовер” и пр., было принципиально важно, поскольку эти не вполне традиционные для мусульман названия играли роль маркера, отделявшего их от остальных татар, не вполне “истинных” мусульман. В отличие от исламских (или псевдоисламских) понятий, христианский термин “старовер” использовался ваисовцами для самопрезентации преимущественно в русскоязычных документах, где этот термин отсылал к хорошо известному не мусульманам феномену в православии. При этом ваисовцы уточняли, что они – староверы-мусульмане, и осознавали свое отличие от русских староверов. Каких-либо документальных свидетельств о наличии контактов ваисовцев с православными староверами Казанской губернии нет, однако полностью исключать этого не следует.

---

[3] См.: Сагидуллин М. К истории ваисовского движения // Очерки по изучению местного края. – Казань, 1930. – С. 236. НАРТ. Ф. 41. Оп. 4. Д. 1983. Л. 25 об. В дореволюционной России для легализации любого общества было необходимо представить на утверждение властей его устав и программу, поэтому в начале XX века лидеры движения работали над составлением подобного устава.

[4] Подробнее о спорах вокруг тех или иных терминов смотри § 1 второй главы данной публикации.

Сочетание наряду с исламскими (или порой псевдоисламскими) названиями сугубо христианских (православных) терминов и выражений (таких, как старовер и пр.) отражало факт трансформации исламской терминологии под влиянием инорелигиозного (христианского) окружения, неизбежность эволюции способов и формы презентации исламского движения в христианском государстве.

Как уже отмечалось выше, среди переводов термина "фирка" на русский язык есть вариант "секта" в религиозном значении этого слова. Однако, по мнению ведущих исламоведов, когда речь идет о мусульманском мире, подобные "христианские" термины должны использоваться очень условно, с оговорками и объяснениями. Подобной позиции придерживается петербургский исламовед С.М. Прозоров, полагающий недопустимым использование ряда христианских терминов применительно к явлениям, имеющим исламскую специфику[5]. Поэтому возникает вопрос, насколько допустимо и приемлемо подобное толкование в отношении ваисовцев? Корректно ли будет в этом вопросе следовать за самими ваисовцами или же следует избегать подобных терминов? Многочисленные архивные документы свидетельствуют, что сами ваисовцы неоднократно использовали выражение "секта" для собственной самоидентификации. Возможно, для них этот термин отражал степень их отстраненности от "огосударствленного" ислама, непричастности к "указному" духовенству, подконтрольному ОМДС и правительству. Эти обстоятельства дают нам основание использовать указанный термин ("религиозная секта") применительно к ваисовцам, правда, с определенными оговорками.

Терминологическая противоречивость сказывается в работах ряда современных российских исламоведов. В частности, в одном из новейших исследований по исламу проблеме "мусульманского сектантства" посвящена целая глава[6]. Автором даются такие критерии направления в религии:

- степень принципиального расхождения с догматикой основного религиозного ствола;
- самостоятельность организационной структуры;
- большая численность последователей.

[5] Не случайно, в выпусках новейшего энциклопедического словаря широко используются такие термины и понятия, как религиозно-философские школы, богословско-правовые толки, течения, организации, партии, тогда как понятие "секта" практически не встречается. См.: Ислам на территории бывшей Российской империи. – М., 2006. Том 1.

[6] Петраш Ю.Г. Ислам: происхождение, вероучение, современность. – М., 2005. – С 144–161. К числу работ, поднимающих проблему религиозного сектантства, можно отнести и монографию М. Степанянц. См.: Степанянц М.Т. Ислам в философской и общественной мысли зарубежного Востока (XIX–XX вв.). – М., 1974. – 190 с.

Однако при прочтении материала данной главы так и остается неясно, чем же "религиозная секта" отличается от религиозных направлений, религиозно-правовых школ, толков и течений. Большая часть главы посвящена двум основным направлениям в исламе – суннизму и шиизму, причем толкам (хариджитов, кадаритов, мутазилитов, исмаилитов, бабидов и др.), получившим распространение преимущественно в шиизме. Вопрос "Насколько же эти религиозно-политические толки (возможно, за исключением "бабизма") можно назвать сектами?" остается открытым.

В то же время некоторые из выводов автора упомянутого исследования вполне справедливы: за религиозными программами и лозунгами сект практически всегда скрывалось выражение социальных интересов обездоленных масс, программы сектантов направлены на достижение реального социального равенства и братства всех мусульман. Но если социальная составляющая "секты" вполне понятна, то религиозно-догматическая остается не до конца проясненной. По словам Ю.Г. Петраша, мусульманское сектантство есть закономерное явление, реакция на основы мусульманского вероучения, отразившего в своем содержании архаичные представления о мире и сверхъестественных силах. Данное утверждение едва ли способно прояснить суть религиозного учения ваисовцев.

Среди определений термина "религиозная секта" в литературе встречается следующее: "вероисповедная группа, один из типов религиозных объединений. Религиозная секта возникает как оппозиционное течение по отношению к ранее утвердившимся, как правило, господствующим религиозным направлениям, часто в результате их раскола, в результате протеста против их доктрины, культа, организационной структуры. Для религиозной секты, особенно в период возникновения и становления, характерны радикализм учения и системы ценностей, проповедь своей исключительности, настроения избранности, резкое противопоставление себя церкви, от которой отделились, другим религиозным направлением. В процессе исторического развития одни секты со временем распадаются и прекращают существование, другие превращаются в иные типы религиозных объединений[7]".

Если следовать данному определению, то ваисовское движение отчасти подходит под определение "секта", поскольку расхождения наблюдались лишь в организационной структуре, тогда

[7] Республика Татарстан: свобода совести и религиозные объединения. Словарь-справочник. Вып. 8. – Казань, 2001. – С. 305.

как в плане догматики и культа ваисовцы оставались типичными для Волго-Уральского региона суннитами-ханафитами.

Закономерен вопрос о численности приверженцев "ваисизма", отражающий степень распространенности и популярности этого движения в Поволжье, и даже шире в пределах империи. Определение приблизительной численности адептов движения позволяет судить о том, насколько широко распространенным или же, наоборот, узколокальным оно было в реальности.

Точных и достоверных данных о численности ваисовской общины нет. Разброс сведений, которые встречаются в различных источниках, настолько существенный, что вызывает сомнения в их достоверности. На одном из допросов сам Б. Ваисов назвал достаточно скромную цифру – около 2000 членов общины (1883 г.). Практически такие же данные – от 500 до 2000 человек – приводил его ученик Ш. Сайфутдинов (1890–1891 гг.)[8]. М. Сагидуллин со ссылкой на столичную газету "Слово" (статья в которой была написана "с подачи" Гайнана) называл уже более значительную цифру – 15000 человек[9]. В прошении, поданном на имя председателя правительства в 1909 году, руководитель ваисовской общины утверждал, что последователей староверского мусульманского общества в данное время (т.е. во время написания ходатайства) насчитывается "не менее 2-х миллионов, из коих 2/3 живет в приволжских губерниях, а остальные в Западной Сибири и Средней Азии"[10]. Наконец, в статье, вышедшей в 1932 году, другой сын основателя секты Гаян приводит не менее фантастические цифры в 330000 адептов, что в реальности не имело под собой никаких оснований[11]. Думается, что наиболее достоверными являются цифры, указанные Б. Ваисовым и Ш. Сайфутдиновым, что косвенно подтверждается и материалами следственного дела 1909–1910 годов.

Границы между убежденными последователями, идейными адептами и людьми, просто симпатизировавшими тем или иным идеям Багаутдина Ваисова, были достаточно подвижны и условны. Большинство рядовых членов секты разделяли идеи лидеров при благоприятном стечении обстоятельств (отсутствие репрес-

[8] НАРТ. Ф. 41. Оп. 2. Д. 1073. Л. 15; Д. 1685. Л. 14 об.

[9] Сагидуллин М. К истории ваисовского движения // Очерки по изучению местного края. – Казань, 1930. – С.260. Слово, № 675, 1908, 30 сентября. Информация в столичную газету была представлена через помощника Л.Н. Толстого руководителем общины Гайнаном Ваисовым.

[10] НАРТ. Ф. 41. Оп. 13. Д. 3. Л. 46об.-47.

[11] Wajsow Chodzja Muchammed Gajan. Wajsov, wajsowcy I stosunek do nich Lwa Tolstoja // Rocznik Tatarski. – Wilno, 1932. – C. 216.

сий, актуальность высказываний и действий лидеров движения в данный момент, совпадение их с преобладающими общественными настроениями в мусульманской среде). Однако они, как правило, отходили от движения в период ужесточения репрессий со стороны властей. Костяк общины, состоявший из наиболее последовательных и стойких адептов, насчитывал всего несколько десятков человек, максимум сотню-другую. Малочисленность последователей Багаутдина и Гайнана Ваисовых, маргинальность их положения в татарском обществе с лихвой компенсировались необычайной активностью его членов по пропаганде своих взглядов и презентации собственной позиции в государственных органах, среди общественности и в средствах массовой информации.

Появление подобного религиозного движения не было случайным явлением. Оно отражало наличие определенных настроений в мусульманской умме Волго-Уральского региона (в частности, реальные опасения мусульман усилением христианизаторской политики властей); свидетельствовало о наличии у татарского населения Поволжья и Сибири социальных проблем (которые в определенных условиях облекались в религиозную оболочку); являлось проявлением серьезных кризисных процессов, поразивших "официальный" ислам и мусульманское духовенство в позднеимперский период. Возрождение же подобных идей в конце XX столетия в виде "необулгаризма" свидетельствует о глубине и причудливости исторической памяти.

Главной целью данного исследования является изучение истории ваисовского движения как своеобразного проявления в дореволюционной России мусульманского "сектантства", выявление его своеобразия и специфики в условиях Российской империи, определение истоков и среды, которая способствовала постоянному воспроизводству сектантских настроений на рубеже XIX–XX веков.

Хронологические рамки исследования ограничиваются периодом с начала 1860-х годов (с момента складывания общины и институционализации движения) и до Февральской революции 1917 года, когда в условиях кардинально изменившейся политической системы страны изучаемое религиозное движение переживает серьезнейшую трансформацию.

Движение староверов-мусульман практически с первых лет своего существования находилось в центре внимания современников, а затем чуть позднее и профессиональных историков. Будучи явлением неоднозначным и противоречивым, обладавшим

Илл. № 1. Александр Касимович Мирза Казем-Бек

значительным конфликтным потенциалом, движение ваисовцев неизменно обращало на себя внимание представителей местной и столичной власти. Последние, обеспокоенные активностью ваисовцев и пытаясь адекватно оценить степень угрозы, уже с конца 1860-х годов обращаются к экспертному мнению. Поэтому не случайно первыми о ваисовцах стали писать именно ученые-исламоведы, на которых в силу профессиональных обязанностей и в государственных интересах была возложена обязанность осуществлять экспертизу идей и оценку практических действий членов ваисовской секты. Именно они становились первыми историографами движения.

Практически всегда экспертами по ваисовскому движению выступали наиболее образованные и влиятельные в научной среде российские ученые. Так, во второй половине 1860-х годов экспертизу ваисовского учения осуществлял профессор Санкт-Петербургского университета А.К. Казем-Бек[12] (илл. № 1). Крайне резкие оценки, данные им идеям Б. Ваисова и Дж. Салихова, оказали значительное влияние на формирование преимущественно негативного отношения столичных властей к деятельности суфия. В 1870-х гг. на негативное отношение к ваисовцам властей значительное влияние оказывало и мнение руководства ОМДС, прежде всего, в лице муфтия С. Тевкелева.

С конца 1870-х – начала 1880-х годов экспертами выступали следующие российские исламоведы и мусульманские знатоки ислама:

- И.Г. Нофаль[13] – в 1881–1883 гг. в качестве цензора ГУПа выступал с экспертизой литературно-религиозных сочинений Б. Ваисова.

[12] Казем-Бек Александр Касимович (Мирза Мухаммед Али) (1802–1870) – востоковед, профессор Казанского (преподавал с 1826, профессор в 1836–1849) и Санкт-Петербургского (1849–1870) университетов, член-корреспондент Петербургской АН (1835), действительный член Королевского Азиатского общества в Лондоне (1829). Автор трудов по тюркским и иранским языкам, истории Кавказа, Ирана, Средней Азии, Крыма, истории и права ислама.

[13] Нофаль Ириней Георгиевич (1835–1902) – известный российский востоковед-арабист, исследователь мусульманского права; учился в медресе в Дамаске и в Королевской гимназии в Лондоне, после чего слушал лекции в парижской Сорбонне. С 1859 г. – профессор мусульманского права, арабского и французского языков в учебном отделении восточных языков Министерства иностранных дел. В 1880-х годах являлся со-

- В.Д. Смирнов[14] – в 1881 на правах цензора ГУПа осуществлял экспертизу литературно-религиозных сочинений Б. Ваисова.
- А. Баязитов[15] – также в 1881 году давал оценку религиозным воззрениям Б. Ваисова и писал по заказу Департамента духовных дел отзыв по мусульманскому сектантству (илл. № 2).
- Ш. Марджани[16] – в 1870-х гг. по просьбе губернского правления оценивал соответствие некоторых поступков Б. Ваисова мусульманским нормам.
- Н.И. Ильминский[17] – в 1880-х гг. являлся экспертом по религиозной доктрине ваисовского учения.
- Ш.-Г. Ахмеров[18] – в 1890-х гг. выступал в роли эксперта с оценкой ряда бумаг и прошений ваисовцев.

Илл. № 2. Атаулла Баязитов

Первые трое из экспертов жили в российской столице и консультировали столичных чиновников, в то время как к известному казанскому миссионеру Н.И. Ильминскому, а также мусульманским деятелям Ш. Марджани и Ш.-Г. Ахмерову обращались преимущественно губернские власти.

трудником Санкт-Петербургского цензурного комитета, осуществлял цензуру мусульманских изданий.

[14] Смирнов Василий Дмитриевич (1844–1922) – востоковед, профессор СПб. университета (с 1884 г.), в 1880–1905 гг. – цензор татарской книги в Петербургском цензурном комитете. Известен своими консервативными взглядами и отрицательным отношением к мусульманским сочинениям и восточной печати.

[15] Баязитов Атаулла (Гатаулла) (1847–1911) – религиозный и общественный деятель, публицист, издатель. С 1871 г. имам, военный ахун, переводчик при МИДе России, преподаватель Азиатского департамента в Санкт-Петербурге. Основатель и издатель первой татарской газеты "Нур" (1905–1911), инициатор строительства в столице соборной мечети. Автор ряда трудов по социально-политическим и нравственным проблемам ислама.

[16] Марджани Шигабутдин (1818–1889) – богослов, философ, историк и просветитель; с 1850 г. имам-хатып 1-й соборной мечети г. Казани, автор многочисленных богословских, философских и исторических трудов; заложил основы татарской исторической науки.

[17] Ильминский Николай Иванович (1822–1891) – востоковед, педагог-миссионер, член-корреспондент Петербургской АН (1870). В 1846–1872 гг. преподавал в Казанском университете, в 1863 году основал Казанскую центральную крещено-татарскую школу, в 1872 г. – Казанскую инородческую учительскую семинарию, директором которой был до 1891 года. Автор учебников для инородческих школ. Разработал собственную систему христианизации и русификации нерусских народов Поволжья.

[18] Ахмеров Шагбазгирей Измайлович (1853–1900) – педагог, преподаватель и директор Казанской татарской учительской школы.

В начале XX века роль экспертов выполняли жившие в Казани специалисты:

- Г.Н. Ахмаров[19] – выступал в качестве переводчика татароязычных рукописных документов во время следствия и судебного процесса 1909–1910 гг.
- Н. Ашмарин[20] – осуществлял экспертизу татароязычных рукописных документов, преимущественно писем (1890-е гг. и 1914 г.).
- Н.Ф. Катанов[21] – эксперт по русскоязычным документам, а также печатным изданиям на татарском, арабском языках (1909–1914 гг.).

Илл. № 3. Николай Федорович Катанов

Роль Николая Федоровича Катанова была особенно важной (илл. № 3). Возможно, близкое знакомство Н.Ф. Катанова с ваисовским движением началось в 1908 г., когда в рамках своих служебных обязанностей сотрудника Казанского временного комитета по делам цензуры он осуществил перевод брошюры бывшего ваисовца А. Кильдишева. В феврале 1909 года казанская полиция произвела первый из целой серии обысков на квартирах Гайнана Ваисова и еще нескольких наиболее активных ваисовцев, изъяв большое количество различных документов, книг и брошюр, а также оружие. В течение марта-апреля того же года производился осмотр и экспертиза изъятых бумаг. В экспертизе непосредственное участие принимали профессор Казанского уни-

[19] Ахмаров Гайнетдин Назмутдинович (1864–1911) – историк, археолог, педагог, общественный деятель. Автор ряда трудов по истории Волжской Булгарии, Казанского ханства, собирал этнографические и археологические материалы по истории татарского народа. С 1904 года действительный член Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Весьма примечательно, что его отец Назмутдин Ахмаров в 1870–1880-х гг. состоял сельским старостой в д. Татарские Наратлы и мог иметь контакты с представителями ваисовской общины в родной деревне, где она была, впрочем, крайне немногочисленной, а также с ваисовцами соседних сел Карашам и Молвино. См.: НАРТ. Ф. 1 Оп. 3. Д. 7629. Л. 94-95.

[20] Ашмарин Николай Иванович (1870–1933) – ученый, языковед, член-корреспондент АН СССР (1929). В 1895–1899 гг. преподавал в крещено-татарской школе, в 1926–1931 гг. в Восточном педагогическом институте и других учебных заведениях г. Казани. Исследователь фольклора и языка чувашского народа. В начале XX века работал цензором в Казанском Временном комитете по делам цензуры.

[21] Катанов Николай Федорович (1862–1922) – тюрколог, этнограф, доктор сравнительного языкознания (1907). С 1893 года преподавал в Казанском университете, профессор (1894), в 1911–1917 гг. – в Казанской духовной академии. Состоял цензором по мусульманским сочинениям в Казанском временном комитете по делам цензуры (с 1905 г.). Автор многочисленных трудов по тюркскому языкознанию и этнографии

верситета Н.Ф. Катанов и учитель русского класса при медресе Г.Н. Ахмаров. Первый производил осмотр и описание документов с татарскими и арабскими текстами, преимущественно печатных (изданных типографским способом бланков, книг, брошюр и пр.). Гайнетдин Ахмаров привлекался для осмотра и перевода рукописных документов, написанных на татарском и частично арабском языках (письма, рукописи и пр.). Экспертиза подробно фиксировалась в протоколах, подписанных следователем, экспертами и понятыми[22]. Таким образом, через руки Н.Ф. Катанова прошли практически все изъятые при обыске у членов общины документы, что делало его наиболее осведомленным историографом движения[23]. Поэтому он был не просто одним из многочисленных экспертов, привлеченных властями во время следствия[24], в предреволюционное десятилетие он являлся, пожалуй, центральной фигурой в расследовании учения и практической деятельности ваисовцев.

Роль Н.Ф. Катанова интересна не только тем, насколько сильно или незначительно его мнение воздействовало на власть. Опубликованные в виде отдельной брошюры материалы оказали очень сильное влияние на характер историографии о ваисовцах. Многие десятилетия (практически до начала 1990-х гг., когда наблюдался публикаторский бум) знания о данном движении ограничивались в основном сведениями, почерпнутыми из брошюр Н.Ф. Катанова и М. Сагидуллина.

Первоначально Н.Ф. Катанов выступил с сообщением на заседании Общества археологии, этнографии и истории Казанского императорского университета (22 февраля 1909 г.)[25], а затем издал свое сообщение в журнале "Православный собеседник", позднее отпечатанное в виде отдельной брошюры[26]. В этом сочинении Н.Ф. Катанов, по сути, лишь ограничивается пересказом на русский язык брошюры Абдуллы Кильдишева. Компетентность Н.Ф. Катанова не ограничивалась лишь сведениями, почерпнутыми из сочинения бывшего ваисовца. Материалы архивных документов свидетельствуют, что роль Николая Федоровича была

[22] Все протоколы обысков, осмотров и экспертиз собраны в одном деле: НАРТ. Ф. 41. Оп. 13. Д. 3. 157 Л.

[23] См. например: НАРТ. Ф. 41. Оп. 13. Д. 3. 57 Л.

[24] Усманова Д.М. Н.Ф. Катанов – эксперт по ваисовскому движению // Наследие Н.Ф. Катанова: история и культура тюркских народов Евразии. Доклады и сообщения международного научного семинара. – Казань, 2006. – С. 105–108.

[25] См. Протокол общего собрания от 22 февраля 1909 г. // Труды ОАЭИ. Вып. XXVI. – Казань, 1910. На этом заседании к сообщению Катанова сделал дополнение и другой причастный к расследованию "ваисовского дела" член ОАЭИ – Г.Н. Ахмаров

[26] Катанов Н.Ф. Новые данные о мусульманской секте Ваисовцев. – Казань. 1909.

более значительной, а осведомленность гораздо шире, нежели следует из упомянутой работы, оставшейся единственной работой ученого, посвященной анализируемой проблеме. При сравнении содержимого публикации Н.Ф. Катанова и материалов следственных дел, прошедших через руки автора, остается лишь удивляться ограниченности данной публикации. Можно предположить, что незавершенность следствия не давала право обнародовать служебные документы, а потому весьма существенно ограничивала возможности автора.

Н.Ф. Катанов заканчивает свое сочинение обещанием вернуться впоследствии к этому вопросу при появлении новых сведений. Чуть позднее, в разгар следственных дел, Н.В. Катанов сделал на заседании Общества археологии, истории и этнографии еще одно сообщение на эту же тему: "Еще новые данные о секте ваисовцев" (24 января 1910 года)[27]. Однако материалы данного сообщения ни в трудах ОАЭИ, ни в периодической печати, ни в виде отдельной брошюры опубликованы не были. К сожалению, текст этого выступления не сохранился и среди бумаг в личном фонде ученого в Национальном архиве РТ. Причастность Н.Ф. Катанова к событиям, связанным с вторичным разгромом ваисовской общины, с одной стороны, лишает его публикации беспристрастности. В то же время традиции академического ученого не позволяли ему преступать через определенные границы.

Если не считать отдельных высказываний и оценок, данных Багаутдину Ваисову современниками, или же экспертных мнений, оставшихся в бумагах для служебного пользования, можно сказать, что первые исследования появляются лишь в начале XX века. И принадлежат они, за редким исключением, не мусульманам. Интерес к ваисовскому движению, облеченный в форму статей и даже отдельных брошюр, был обусловлен подъемом движения под руководством Гайнана Ваисова в 1906–1910 гг. и был инициирован непосредственно, а иногда и косвенно, властями. Это утверждение в определенной степени относится к трем исследованиям, появившимся в начале XX века, авторы которых попытались осмыслить феномен ваисовцев с самых его истоков. Кроме упомянутой работы Н.Ф. Катанова, речь идет о брошюре А.И. Кильдишева и о статье Е.В. Молоствовой[28].

---

[27] Камско-Волжская речь, 1910, 23 января (№ 376); Протокол общего собрания ОАЭИ от 24 января 1910 г. // Труды ОАЭИ. Вып. XXVII. – Казань, 1911.

[28] Кильдишев А.И. Гайнан Ваисовның тозагы. – Казань, 1908; Катанов Н.Ф. Новые данные о мусульманской секте Ваисовцев. – Казань, 1909; Молоствова Е.И. Ваисов Божий полк // Мир ислама. 1912. Том I. № 2. Последняя статья была перепечатана через восемьдесят лет в журнале "Азия и Африка сегодня" (1992, № 9).

Из работ, принадлежащих перу бывших членов общины, более всего интересно сочинение Абдуллы Кильдишева, являющееся, по сути, полемическим трактатом обличительного характера. Данная работа примечательна не только тем, что хронологически появилась раньше других, но, прежде всего, тем, что вышла из-под пера бывшего последователя ваисовской общины, выступившего с публичными разоблачениями на страницах газеты "Юлдуз". Чуть позднее эти обличительные газетные статьи были переизданы отдельной брошюрой. Приближенность к руководящей верхушке (Абдулла Кильдишев фактически являлся секретарем Гайнана Ваисова и его поверенным во многих делах) и проистекающая из этого осведомленность придавали его разоблачениям определенную пикантность. "Ренегатство" делало позицию автора разоблачений несколько безнравственной, аморальной и неприемлемой в глазах многочисленных последователей ваисовцев. Откровения Кильдишева стали очень важным козырем для многих противников ваисовского движения. В то же время изначальная предвзятость и тенденциозность автора вынуждают проявлять максимум осторожности при использовании аргументов и особенно фактов, упоминаемых в его работе. Следует учитывать и то обстоятельство, что источниковой основой брошюры послужили собственные его наблюдения, а также высказывания руководителя движения Гайнана. Сочинение А. Кильдишева послужило питательной основой для большинства последующих работ, авторы которых черпали свои аргументы в разоблачениях бывшего ваисовца.

Другая публикация принадлежала перу Е.В. Молоствовой и была помещена в столичном журнале "Мир ислама". В отличие от предшествующих работ, статья казанской исследовательницы сектантства лишена обличительного пафоса. Известно, что по своим взглядам она была близка к гуманистическим воззрениям Льва Толстого, с которым поддерживала тесные отношения и состояла в постоянной переписке. Это ли обстоятельство сыграло решающую роль, или же сказался научный и несколько беспристрастный характер журнала, сказать сложно. Однако статья Е.В. Молоствовой выгодно отличается от других публикаций о ваисовцах беспристрастностью. Опираясь на сведения Абдуллы Кильдишева и используя материалы личных бесед с ваисовцами во главе с Гайнаном, автор статьи в благосклонных тонах обрисовала историю движения и вкратце пересказала суть религиозного учения.

Именно эти названные публикации служили и продолжают служить для историографов ваисовского движения основным ис-

точником, из которого они черпают значительную часть информации. А потому бывает достаточно сложно определить первоисточник ошибок, неточностей или же явных искажений, которые, однажды войдя в научный оборот, продолжают порой и по сей день кочевать из работы в работу.

В тридцатые годы XX в. было опубликовано четыре работы о ваисовцах, из которых три принадлежат советским исследователям (или пропагандистам), а одна – одному из сыновей Багаутдина – Гаяну Ваисову[29]. Хронологически наиболее ранней является работа М. Сагидуллина. Для его статьи характерно, с одной стороны, максимально широкая на тот момент времени источниковая база исследования: автор привлек все изданные сочинения отца и сына Ваисовых, а также упомянутые работы Н.Ф. Катанова и Е.В. Молоствовой. Более того, М. Сагидуллин не обошел вниманием архивные материалы (преимущественно фонды Казанского губернского жандармского управления), а также ряд периодических изданий того времени. В плане привлечения разнообразных источников работа М. Сагидуллина значительно превосходила более ранние труды о ваисовцах. Другой характерной чертой данной публикации стало расширение хронологических рамок – история ваисовцев была доведена до 1918 года, когда, по словам М. Сагидуллина, "ваисовщина умерла своей естественной старческой смертью"[30]. Более того, впервые автором была дана периодизация истории движения. Но гораздо более символичным и отражающим специфику времени стало преобладающее внимание исследователя к социально-классовым аспектам сектантского движения. История ваисовцев, особенно события второго этапа (1884–1910), рассмотрены сквозь призму классовой борьбы. Интересно, что, несмотря на признание Гайнаном большевистского переворота, его лояльность и попытки наладить сотрудничество с Советской властью, ваисовское движение рассматривалось автором как реакционное и классово-чуждое явление. Использование членами Казанского совета рабочих депутатов ваисовцев в своих корыстных целях оценивалось как тактически верный ход казанских большевиков. Если отбросить революционную риторику и социально-классовую направленность, присущую всем работам

[29] Сагидуллин М. К истории ваисовского движения // Очерки по изучению местного края. – Казань, 1930; Мозаффари З. Ишаннар-дәрвишләр. – Казан, 1931. – 135 с.; Климович Л.. Ислам в царской России. Очерки. – М., 1936; Wajsow, Chodzja Muchammed Gajan. Wajsov, wajsowcy i stosunek do nich Lwa Tolstoja // Rocznik Tatarski. Wilno, 1932. Tom I, p. 215-221.

[30] Это утверждение, так же как и хронология ваисовского движения, будут повторены Л. Климовичем.

30-х годов, следует признать, что статья М. Сагидуллина стала первым системным изложением истории ваисовского движения от зарождения до того момента, когда оно практически сошло с исторической арены. В то же время работа повторяет ряд неточностей и ошибочных фактов, а в ряде случаев изначальная заданность суждений приводит к неизбежному искажению самой сути явления.

Вторая работа была написана Зарифом Музаффаровым и издана в 1931 году, в условиях разворачивающейся в стране антирелигиозной кампании. Поэтому все ее содержание имеет обличительный характер и преследует цель дискредитации в народе такого явления, как ишанизм и дервишизм. З. Музаффаров дает краткие сведения о трех "ишанах" из рода Ваисовых – Багаутдине, Гайнане и Газизяне[31]. При описании жизни и деяний ишанов-ваисовцев З. Музаффаров не скупится на отрицательные эпитеты[32], черпая информацию из печатных изданий самих ваисовцев ("Программа" 1917 г. [33]), а также активно пользуясь слухами и сплетнями, бытовавшими в народе. Заметки З. Музаффарова не отличаются особой информативностью, достоверностью и оригинальностью, отражая, прежде всего, характер антирелигиозной кампании конца 1920-х – начала1930-х гг.

В работе ведущего в советский период отечественного исламоведа Л. Климовича ваисовскому движению уделено значительное внимание в разделе "Сектантские движения в исламе при самодержавии…"[34]. Описывая ваисовскую "секту", Л. Климович опирался в основном на работы трех своих предшественников – Н.Ф. Катанова, Е. Молоствовой и М. Сагидуллина. Иные источники, а также работы, выходившие непосредственно из лагеря ваисовцев, использовались в переводе и пересказе Н.Ф. Катанова и М. Сагидуллина. Автор монографии вполне в духе времени обращает внимание преимущественно на социальную природу данного явления, определяя его как стремление руководителей секты эксплуатировать настроения и предрассудки темных масс крестьян, ремесленников и мелких торговцев, страдавших от гнета

[31] Мозаффари З. Ишаннар-дәрвишләр. – Казан, 1931. – С. 88-92.

[32] В частности, автор неоднократно упоминает презрительные прозвища, данные в народе Багаутдину и Газизяну (Багави-ишан=ишак и Газизян=обезьян), вспоминает все известные случаи "злодеяний" ваисовцев, обвиняет их в религиозном фанатизме, в стремлении возродить Булгарское ханство и стать булгарскими ханами. См.: Мозаффари З. Ишаннар-дәрвишләр. – Казан, 1931. – С. 88-92.

[33] Kaһарман милләте мөҗаһид әл-ислам вәисиләр тарихы һәм әҗмалы программасы. – Казан, 1917. – 23 б.

[34] Климович Л. Ислам в царской России. Очерки. – М., 1936. – С. 143–170.

своего классового врага – буржуазии и относившихся критически к "агентам самодержавия" – официальному духовенству.

Статья Гаяна Ваисова была посвящена контактам ваисовцев с Львом Толстым, той переписке, которую вел Гайнан с великим писателем. Живший постоянно с начала 1920-х гг. в Вильно Гаян Ваисов, вероятно, имел тесные контакты с братьями Ольгердом и Леоном Кричинскими, которые возглавляли культурно-просветительские объединения польско-литовских татар и занимались активной издательской деятельностью. Братья Кричинские и привлекли Гаяна Ваисова к участию в первом томе "Рочника татарски", увидевшего свет в 1932 году в Вильно.

С середины тридцатых годов начинается длительный период, когда "ваисовская" проблематика практически полностью исчезает из работ советских исследователей. В исследованиях советских историков 1960–1970-х гг. ваисовское движение упоминается чрезвычайно редко и то исключительно в отношении альянса Гайнана Ваисова с казанскими большевиками в первые месяцы после Октябрьской революции. На имя же основателя движения ишана Багаутдина было наложено табу.

В конце 1970-х гг. попытку реабилитации ваисовцев предпринял сын Гайнана – Мидхат Сардарович Ваисов. Его монография "Габдулла Тукай и сардар Гайнан Ваисов. К критике сатирической поэмы Габдуллы Тукая "Сенной базар, или Новый Кисекбаш" в татарской литературе"[35] в то время не имела шансов быть изданной. Потому несколько экземпляров ее в машинописном виде были распространены среди родственников и узкого круга ученых. Поводом для написания данной работы послужила сатирическая поэма Г. Тукая "Сенной базар или новый Кисекбаш", в основу сюжета которой были положены скандальные события вокруг Г. Ваисова. Лидер ваисовской общины был выведен поэтом в образе "Дия" (чудовище). Даже если оставить в стороне достоверность событий, послуживших основанием для поэмы ("увод" Гайнаном жены одного татарского купца), создание ее весьма символично. Содержание поэмы отражает в целом негативное отношение казанских татар к представителям секты и ее лидеру.

В данном случае мне кажется правильным, оставив в стороне собственно поэтические сочинение Г. Тукая, посмотреть, какие аргументы Мидхат Ваисов использовал для достижения своей цели – реабилитировать очерненный образ своего отца, не пося-

[35] Ваисов М. Габдулла Тукай и сардар Гайнан Ваисов. К критике сатирической поэмы Габдуллы Тукая "Сенной базар, или Новый Кисекбаш" в татарской литературе. – М., 1979. (Машинописная рукопись).

гая одновременно на авторитет великого поэта. Автор брошюры демонстрирует, с одной стороны, начитанность и осведомленность в обширной литературе по теме (правда, применительно к позднему периоду истории движения), а с другой стороны – допускает массу фактологических ошибок и неточностей. Но самое главное заключается в стремлении доказать революционность и идейность ваисовцев, объяснить критику и нападки на Гайнана происками реакционеров, панисламистов (А. Сайдашева и др.) и монархистов, введших поэта в "заблуждение". Одновременно М. Ваисов стремится обелить Гайнана от обвинений в религиозности (например, отрицая законность именовать Гайнана ишаном) из-за опасения негативного отношения атеистического советского общества к ишанам и суфиям. Те качества исторического персонажа, которые считались правильными в 1970-х гг. и имели какую-либо ценность для реабилитации, приписывались сардару Божьего полка. И наоборот, все компрометирующее в рамках советской идеологии тщательно затушевывалось и сглаживалось. Таким образом, если и предпринимались робкие попытки использовать более светлые тона при описании истории движения, все они укладывались в рамки господствующей советской идеологии.

В целом ваисовская тема была довольно опасной для исторических изысканий. Такая ситуация сохранялась вплоть до конца 1980-х гг., когда ситуация меняется и довольно кардинально. Начинается качественно новый этап в историографии проблемы. Обращение к бывшей долгие годы в тени проблеме было связано, с одной стороны, с естественным процессом переосмысления недавнего прошлого, актуализированного политическими переменами. Переоценка прошлого, как это происходило в период перестройки, началась не с радикального пересмотра господствовавших концепций, а с возвращения "незаслуженно забытых имен", принадлежавших по традиции большевистскому лагерю. С другой стороны, инициаторами и зачинателями возрождения интереса к ваисовской проблематике стали здравствующие потомки самого Ваисова и их немногочисленные последователи – "необулгаристы".

Перестройка сделала возможным появление в Казани во второй половине 1980-х гг. клуба "Булгар аль Джадид", объединившего сторонников булгарского этнонима. Последние рассматривали ваисовское движение начала XX века как свою предтечу, а Гайнана Ваисова почитали своим национальным героем. Не случайно, что 2 июля 1989 г. по инициативе членов клуба на территории Цен-

трального городского парка г. Казани был установлен памятник Гайнану Ваисову. Весьма примечательно и в духе времени было то, что этот памятник располагался в районе аллеи памяти борцов за Советскую власть. Время для установления памятников врагам или противникам Советской власти еще не наступило. Тогда же в средствах массовой информации стали появляться первые публикации новых "булгаристов", среди которых самым плодовитым и активным стал, пожалуй, Ф. Нурутдинов. Его перу принадлежит ряд статей апологетического характера[36]. Не вдаваясь в подробный разбор основных положений, достоинств и недостатков публикаций подобного рода[37], следует отметить лишь, что в центре их внимания были жизнь и деятельность Гайнана Ваисова, а в истории движения наиболее выпукло акцентировались такие "положительные" моменты, как поддержка ваисовцами большевистской власти и контакты ваисовцев с Львом Толстым. Законность власти и моральный авторитет великого писателя выступали как средство реабилитации и легитимизации ваисовского движения в глазах широкой публики.

Естественно, ваисовскую тему не обходили своим вниманием и профессиональные историки и филологи. Однако для работ конца 1980 – начала 1990-х годов характерны в полной мере те же особенности: подчеркивание революционности поздних ваисовцев и их связи со сторонниками Советской власти.

Среди литературоведов, писавших о Ваисове и ваисовцах, следует отметить М. Гайнетдинова и М. Магдеева[38]. Исследования первого в большей степени опираются на архивные документы, не привлекавшиеся прежде другими учеными[39]. Другой особенностью работы М. Гайнетдинова, в отличие от публикаций "необулгаристов" и работ подавляющего большинства историков и филологов того времени, является обращение к противоречивой фигуре основателя движения и анализ поэтического наследия Багаутдина Ваисова.

В 90-е годы XX века можно выделить следующие основные направления развития "ваисовской" историографии. На первых

---

[36] Одна из самых больших и наиболее типичных статей этого автора: Нурутдинов Ф.Г. Жизнь Сардара // Комсомолец Татарстана, 1989, 9 июля.

[37] Интересный разбор концептуальных основ воззрений "необулгаристов" на прошлое татарского народа дан в работе московского исследователя. См.: Шнирельман В. От конфессионального к этническому: булгарская идея в национальном самосознании казанских татар в XX веке // Вестник Евразии. 1998. № 1–2 (4–5). – С. 137–159.

[38] Гайнетдинов М. Багаутдин Вәисов // Татар әдәбияты тарихы. – Казань, 1986. Том 2. – С. 473–474. Магдеев М. Вәисев һәм вәисиләр // Татарстан яшьләре, 1988, 22 май.

[39] М. Гайнетдинов опирался, прежде всего, на ряд дел по ваисовскому движению из фонда Департамента духовных дел иностранных исповеданий (РГИА. Ф. 821).

порах внимание к ваисовцам по-прежнему было ограничено преимущественно событиями 1917–1918 годов[40]. С другой стороны, интерес к истории движения был обусловлен событиями политического свойства. В частности, активизация деятельности "необулгаристов" в первой половине и середине 90-х годов XX столетия спровоцировала интерес к истокам этого явления, а именно к истории появления и эволюции ваисовской идеологии[41]. Еще в большей степени эта связь прослеживается в работах А.Ю. Хабутдинова и Ф. Асадуллина, стремящихся, то ли из соображений политической конъюнктуры, то ли по незнанию многих источников, связать ваисовское движение с ваххабизмом[42].

В настоящее время одним из наиболее активно изучающих ваисовскую проблематику ученых является профессор Казанского университета Р.К. Валеев. Только за последние годы вышло несколько его обширных статей и монографических исследований, в которых ученый фактически заново обращается к данной исследовательской проблеме, затронутой в более ранних работах[43]. И то, о чем по ряду политических соображений было невозможно открыто писать в советские годы, в конце XX – начале XXI столетий освещается с учетом новых источников, введенных в научный оборот именно в последние десятилетия. Интерес профессора к данному движению, помимо сугубо научных мотивов, отчасти объясняется тем обстоятельством, что в родной для него деревне Карашам (ныне Зеленодольский район РТ) в начале XX столетия располагалась одна из наиболее активных сельских общин ваисовцев. Около деревни до сих пор сохранилось старое кладбище мусульманских староверов, расположенное поодаль от основного зиарата карашамовцев. Работы Р.К. Валеева открывают новые страницы в истории ваисовского движения, в первую очередь в отношении последнего этапа (1917–1928) в драматической истории мусульманского сектантства.

---

[40] Малышева С., Зарипова Л. Уравнение со многими неизвестными, или О том, как был убит Сардар Ваисов // Татарстан. 1992. № 5–6. – С. 37–42. В основу статьи были положены материалы из архива КГБ-ФСБ. В этом же ряду находятся работы Р.К. Валеева и А.Л. Литвина, остающихся, в первую очередь, историками революционной эпохи.

[41] Шнирельман В. От конфессионального к этническому: булгарская идея в национальном самосознании казанских татар в XX веке // Вестник Евразии. 1998. № 1–2 (4–5). – С. 137–159.

[42] Хабутдинов А.Ю. Ваххабизм в Татарстане: сегодняшняя ситуация в исторической ретроспективе // Вестник Евразии. 2000. № 2 (9). – С. 86–107; Асадуллин Ф. Москва мусульманская: история и современность. Очерки. – М., 2004. – С. 72. Последний прямо называет Б. Ваисова "татарским сторонником ваххабизма".

[43] Валеев Р.К. Болак арты республикасы. – Казань, 1999. – 159 с.; его же. Өзелгән хәрәкәт // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2002. – № ½; его же. Өзелгән дога // Мирас. – 2002. – № 8, 9, 11, 12; 2003. – №1; его же. Өзелгән дога. – Казань, 2007. – 270 б.

В целом многие из отечественных публикаций 1990–2000-х гг. объединены тем, что в центре их фокуса находятся преимущественно "поздние" ваисовцы, т.е. развитие движения в 1906–1909 гг. под руководством Гайнана Ваисова и последний всплеск их активности под руководством Газизяна Ваисова в годы гражданской войны. По сравнению с основателем общины, Гайнану уделено несравненно больше внимания. Историческая же справедливость требует сместить акценты в пользу основателя и главного идеолога движения Б. Ваисова.

Отличительной чертой в целом немногочисленных, но весьма интересных зарубежных исследований является исламоведческий подход к проблеме и в то же время некоторая ограниченность источниковой базы, объясняемая недоступностью для них в прежнее время советских и российских архивов. Статья Ш. Келькеже, являвшейся одним из постоянных соавторов А. Беннигсена по исламской проблематике дореволюционной России и СССР, стала одной из первых публикаций по ваисовскому движению, появившихся в европейской историографии[44]. В ней автор, вслед за Л. Климовичем, в некоторой степени отождествляет ваисовское движение с ваххабизмом[45].

В 1998 году практически одновременно вышли две монографии, в которых ваисовская тематика занимала весьма значительное место[46]. В монографии американского исследователя А. Франка краткая история ваисовского движения и их идеология вписаны в контекст эволюции булгарской традиции национальной историографии волго-уральских мусульман. Работы немецкого исламоведа М. Кемпера отличаются тщательным и всесторонним анализом поэтического наследия Ваисовых с точки зрения развития религиозно-философской мысли и суфийской традиции в Волго-Уральском регионе[47]. В таком ключе ваисовское движение в отечественной историографии практически не рассматривалось.

---

[44] Quelquejay Ch., La "Vaisisme" a Kazan. Contribution a metode des confrefies musulmanes chez les tatars de la Volga // Die Welt des Islams. – 1959. VI. P. 91–112.

[45] Позднее, основные положения статьи войдут в совместную монографию: Bennigsen A., Lemercier-Quelquejay Ch., Islam in the Soviet Union. – London, 1967.

[46] Frank A. Islamic Historiography and Bulghar Identity among the Tatars and Bashkirs of Russia. – Leiden-Boston. – 1998. – P. 172–178; Kemper M. Sufis und Gelehrte in Tatarien und Baschkirien, 1789–1889: Der islamische Diskurs unter russischer Herrschaft. – Berlin, 1998. – S. 393–429. Обе монографии были переведены на русский язык: Кемпер М. Суфии и ученые в Татарстане и Башкортостане (1789–1889). Исламский дискурс под русским господством. – Казань, 2008. – 675 с.; Франк А. Исламская историография и булгарская идентичность татар и башкир в России. – Казань, 2008. – 266 с.

[47] Некоторые положения диссертационного исследования М. Кемпера увидели свет в русскоязычных статьях автора: Кемпер М. Багаутдин Ваисов // Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь. Выпуск III. – М., 2001;

Однако без подобного ракурса просто невозможно новое прочтение истории ваисовского движения. Хронологически одной из последних работ, в которой затрагивается ваисовская тематика, стала монография американского исследователя Р. Круса[48]. Опираясь на ряд документов из РГИА и НАРТ, он вкратце описал деятельность Б. Ваисова и А.-Л. Халитова в качестве одной из исламских альтернатив (призыв к единоверцам следовать по "истинному пути") модернизационным процессам в российском обществе. В то же время ваисовское движение характеризуется им как закономерный и характерный продукт российской действительности.

Анализ довольно обширной российской и зарубежной историографии истории ваисовского движения 1862–1917 гг., созданной в XX столетии, свидетельствует о наличии различных, подчас противоречивых и взаимоисключающих интерпретаций данного движения. Представители "булгарского" национального движения трактовали его как свою собственную предтечу и делали акцент на этнической составляющей описываемого движения. Другие описывали ваисовцев как сугубо социальное или революционное движение. Третьи приравнивали их к исламским фундаменталистам, ставя знак равенства между ваххабизмом и ваисизмом. Наконец, филологи рассматривали поэтическое наследие ваисоцев с точки зрения литературных достоинств и особенностей их сочинений, оставляя в тени их смысловое наполнение и игнорируя исторический контекст. Такая противоречивость в оценках ваисовского движения проистекает, отчасти, от ограниченности источниковой базы, а отчасти объясняется многоплановостью движения.

Обзор существующей на сегодняшний день литературы по истории ваисовского движения с точки зрения используемых источников, соотношения относительно изученных и малоизвестных страниц, господства в историографии тех или иных концепций ставит перед исследователями проблемы источниковедческого плана. Концептуальное единообразие, наличие многих неточностей и явных ошибок, кочующих из одного исследования в другое, а потому принявших форму аксиомы – все эти явления зачастую порождаются скудостью или однобокостью источниковой базы исследований. Некоторые отрадные сдвиги и перемены,

---

Кемпер М., Усманова Д.М. Ваисовское движение в свете собственных прошений и поэм // Гасырлар авазы – Эхо веков. – 2001. – № ¾. – С. 86–122.

[48] Crews R. For Prophet and Tsar. Islam and Empire in Russia and Central Asia. – Cambridge-London, 2006. – С. 318–330.

наблюдаемые в последнее десятилетие XX столетия, не решают полностью проблему.

На сегодняшний день можно выделить несколько основных групп источников, служащих базой при изучении ваисовского движения.

К первой группе можно отнести все, что выходило из-под пера лидеров движения, прежде всего, Багаутдина и Гайнана Ваисовых. Начиная с середины 1860-х гг. Б. Ваисов, а позднее его ученики, последователи и сыновья посылали в адрес местных и центральных властей прошения, ходатайства и "святые заявления", в которых излагали собственную трактовку происходящих в стране событий и перемен, высказывали те или иные намерения. Эти документы являются важнейшим источником, говорящим "голосом" самих сектантов. В аналогичных документах, созданных в начале XX века, Гайнан Ваисов изложил собственную, альтернативную официальной концепции, версию "истории" ваисовского движения.

Из подобных документов исследователями чаще всего использовались дела из фонда Казанского губернатора (НАРТ. Ф. 1) и Казанского губернского жандармского управления (НАРТ. Ф. 199). Именно эти сведения из раннего прошлого ваисовцев зачастую некритически воспроизводились исследователями. Содержащаяся в этих текстах информация не может рассматриваться как достоверная с фактологической точки зрения. Объективность и достоверность высказываний Гайнана Ваисова и его сподвижников могут и должны быть подвергнуты сомнению в силу малолетства, а потому слабой осведомленности автора прошения, а также явной заинтересованности автора в господстве определенных трактовок.

Свою версию истории движения Гайнан Ваисов облекал не только в форму прошений и святых заявлений, сохранившихся большей частью в архивах. В 1907–1908 годах им была издана часть поэтического наследия отца[49], естественно подвергнутого при издании определенным переработкам и дополнениям. Какова была степень обработки и кому принадлежит авторство этих произведений, в конечном счете, остается предметом дискуссий. В условиях бесцензурной России 1917 года у Гайнана впервые появилась возможность издать собственную историю "героев на-

[49] Вәисзаде [Вәисов Г.] Җәваһир-и хикмәт-и дәрвишан. – Казан, 1907. I җилд, 30 б; II җилд, 26 б. (далее в сносках как: Ваисзаде. Джавахир-и хикмат-и дарвишан. Части I–II).

ции", что и было незамедлительно им осуществлено[50]. Таким образом, Гайнан Ваисов оказался непосредственно причастен к "сотворению" истории ваисовского движения в вербальной форме.

Наибольший массив источников по истории движения отложился в российских архивах: Национальном архиве Республики Татарстан (НАРТ, г. Казань), Российском государственном историческом архиве (РГИА, г. Санкт-Петербург), Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ, г. Москва).

Архивные материалы, как частично опубликованные, так и неизданные, включают следующие группы документов:

– Материалы уголовного судопроизводства (следственные дела, протоколы допроса обвиняемых и свидетелей, вещественные доказательства, резолюции и протоколы судебных процессов и пр.)[51]. Использование подобного рода документов не только позволяет реконструировать ход событий, но и выявить круг наиболее активных и деятельных ваисовцев (не секрет, что сведения о персональном составе ваисовской общины ограничиваются обычно двумя-тремя именами), определить преобладающие идеи религиозного, социального или политического характера и проследить их эволюцию на разных этапах развития движения. Материалы медицинских освидетельствований могут помочь составить психологический портрет "рядового" ваисовца.

– Материалы гражданского судопроизводства (различного рода имущественные споры[52]) содержат весьма любопытную информацию об имущественных конфликтах, нередко являвшихся подоплекой и предтечей уголовного преследования ваисовцев.

– Прошения, ходатайства, "святые" заявления и разъяснения, поданные в адрес местных и центральных властей (канцелярию казанского губернатора, императорскую канцелярию), в представительные органы власти (Государственную думу) и др.[53], содержат уникальную информацию для изучения и анализа идеологии ваисовцев в содержательном плане.

– Неизданное поэтическое наследие Ваисова-старшего отчасти сохранилось в фондах цензурных комитетов с весьма любопытными и красноречивыми комментариями цензоров[54].

---

[50] Kaһарман милләте мөҗаһид әл-ислам вәисиләр тарихы һәм әҗмалы программасы. – Казан, 1917. – 23б.

[51] НАРТ. Ф. 41 (Казанский окружной суд). Оп. 2. Д. 654, 695, 1073, 1604, 1685, 2138, 4885. Оп. 4, Д. 1983. Оп. 13. Д. 3. Ф. 51 (Казанская судебная палата). Оп. 2. Д. 37. Оп. 4. Д. 1851, 2227, 3856, 13475. Оп. 8. Д. 379, 385. Ф. 390 (Прокурор). Оп. 1. Д. 3185.

[52] НАРТ. Ф. 41. Оп. 3. Д. 200, 216, 568.

[53] РГИА. Ф. 1278 (Государственная дума). Оп. 1. Д. 245, 250. Ф. 1412 (Канцелярия Его Императорского Величества). Оп. 35. Д. 32, 35.

[54] РГИА. Ф. 777 (Цензурный комитет г. Санкт-Петербурга). 1881. Оп. 3. Д. 5.

Из перечисленных комплексов источников чуть подробнее следует уделить внимание таким документам, как материалы экспертизы бумаг, изъятых во время обысков и приобщенных к обвинению в качестве вещественных доказательств. Процесс 1910 года впервые имел ярко выраженный политический характер, когда ваисовцы не просто были привлечены к уголовной ответственности за то или иное противозаконное деяние, а обвинены в организации преступного сообщества. Расследование и подготовка обвинительного заключения растянулись почти на полтора года. Черновые материалы следствия, представленные среди архивных документов, являются ярким свидетельством той огромной по объему работы, которая была проделана следователями за этот период. Поскольку многие документы были изъяты властями во время обысков, описаны экспертами и приобщены в качестве "вещественных доказательств" к делу, а их оригиналы позднее возвращены законным владельцам (в основном в 1917 году) и большей частью утеряны, сохранившиеся копии имеют особую ценность.

После Февральской революции Гайнан Ваисов, только что получивший по амнистии Временного правительства право покинуть место ссылки и вернуться в Казань, подал заявление о возвращении отобранных в 1909 – 1910 годах предметов, что и было исполнено в сентябре 1917 года[55]. Маловероятно, учитывая все перипетии XX столетия, что эти документы уцелели и сохранились в семейной коллекции Ваисовых. Эти обстоятельства увеличивают ценность приобщенных к делу протоколов экспертиз, сохранившихся описаний документов. Учитывая слабую вовлеченность архивных материалов в историографическое поле проблемы, недоступность их исследователям (в частности, из-за затянувшегося переезда РГИА), я посчитала важной их публикацию в данном исследовании (в виде приложения с комментариями).

К числу важных источников можно отнести биографию Багаутдина-ишана, написанную Ризаэддином Фахреддином приблизительно в середине 1920-х годов в рамках знаменитого проекта биобиблиографических очерков выдающихся мусульман Волго-Уральского региона, известного под общим названием "Асар" ("Следы"). Биография Багаутдина вошла в третий неопубликованный том "Асара"[56], а потому вплоть до настоящего времени не использовалась заинтересованными исследователями.

[55] НАРТ. Ф. 51. Оп. 4. Д. 13475. Л. 441–442.

[56] Фахреддин Р. Асар. Том 3 (рукопись). Л. 180–183 об.

Поэтому я посчитала не просто возможной, но и необходимой ее публикацию в данном сборнике (документ № 98).

По собственному признанию Ризы Фахреддина, его терзали сомнения, соответствует ли эта личность высочайшей чести быть упомянутой в "Асар". Этими мыслями Риза-казый поделился с участниками свадебных торжеств, состоявшихся в 1910 году в доме Мухаммед-Шакира Рамеева (речь, вероятно, шла о свадьбе Садри Максуди с дочерью последнего). Присутствовавшие на вечере уважаемые люди высказали свое мнение о Багаутдине и о сути его учения, а также дали характеристику движению в целом. Большинство из собеседников Ризы Фахреддина высказались в пользу помещения биографии опального ишана в "Асаре".

В целом, дискуссия, участником которой являлся Р. Фахреддин, весьма показательна для оценки отношения современников к обсуждаемому движению. Среди ключевых вопросов, обсуждавшихся на вечере, был вопрос о характере движения – является ли оно по сути религиозным или же в большой степени политическим? Большинство из участинков вечера, судя по приведенным свидетельствам, высказались в пользу второго варианта, поскольку для претензий на существование самостоятельного религиозного учения (религиозного толка, мазхаба) у ваисовцев не было оригинальной религиозной доктрины. Да и в культово-обрядовой сфере действия ваисовцев не выходили за рамки, принятые в Волго-Уральском регионе. Более того, даже противники и оппоненты признавали за ваисовцами строгую религиозность и точное следование религиозным предписаниям. Примечательны также суждения участников беседы и самого Ризы Фахреддина о том, что среди ваисовцев было мало ученых людей, способных внятно и логично изложить суть своих воззрений перед широкой аудиторией (случай с газетой "Азад"). Поэтому в целом отношение к ваисовцам было как к единоверцам, чья искренняя религиозность заслуживает уважения, а имевшиеся заблуждения – понимания. Более того, часть вины за конфликт между ваисовцами и остальными мусульманами лежит на последних, нередко демонстрировавших явное пренебрежение и даже враждебность в отношении к сектантам.

При написании биографии Б. Ваисова Риза Фахреддин опирался на три основных источника: сообщения в татарской прессе, сопровождавшие процесс 1910 года, в которых была отражена официальная оценка движения; мнения людей, так или иначе сталкивавшихся с Багаутдином и его последователями лично. Наконец, третьим источником стала биография ишана, написан-

ная его сыном Гаяном и посланная им автору "Асара". Из упомянутых источников наибольшего внимания заслуживают второй и третий. Приводя высказывания участников меджлиса, Риза Фахреддин постарался пересказать слова наиболее уважаемых и достойных людей. Хотя многие его собеседники и не были знакомы с Багаутдином лично, но их слова отражали преобладавшие в татарском обществе настроения и оценки. В биографии, присланной Гаяном, имеются любопытные сведения о родителях ишана. Все эти сведения были использованы мной при реконструкции биографии Б. Ваисова (см. § 2 первой главы исследования).

Особую группу самоописательных текстов ваисовцев составляют литературные произведения Багаутдина Ваисова нравственно-религиозного содержания, как изданные самим автором в середине 70-х гг. XIX века[57], так и оставшиеся по цензурным причинам неопубликованными при его жизни. Последние были частично изданы сыном Багаутдина в начале XX века[58], а отчасти сохранились лишь среди архивных материалов (преимущественно в фондах центральных и местных цензурных комитетов), поскольку ходатаям не были возвращены оригиналы тех сочинений Б. Ваисова, которые расценивались цензорами как недопустимые к печати[59]. Литературное наследие отца и сына (Багаутдина и Гайнана) Ваисовых представляет большую ценность для анализа особенностей религиозных воззрений основателя секты, ваисовской эсхатологии, для понимания соотношения религиозных и социальных составляющих ваисовского учения. Сравнение прижизненных произведений Б. Ваисова, сохранившихся в архивах, с теми стихотворениями, что были изданы Гайнаном в 1907 году, позволяет уточнить авторство этих сочинений и время их создания. Литературные сочинения ваисовцев изучены лишь фрагментарно, преимущественно литературоведами (М. Гайнетдинов) и исламоведами (М. Кемпер). Думается, что это дело будущего.

Другой комплекс источников, на сегодняшний день в недостаточной степени привлекавшийся исследователями, представлен публикациями в татарской периодической печати. Пресса – прекрасный индикатор отношения различных слоев населения к представителям ваисовского движения. Тот факт, что татарские

[57] аль-Булгари Б. Тарик-и хважаган. – Казань, 1874.

[58] Ваисзаде. Джавахир-и хикмат-и дарвишан. – Казань, 1907. Части I–II. Частично образцы поэзии Ваисовых были переизданы М. Гайнутдиновым в современной транскрипции: Гайнетдинов М. Багаутдин Ваисов // Татар әдәбияты тарихы. – Казань, 1986. Том 2. – С. 473–483.

[59] РГИА. Ф. 777 (Цензурный комитет г. Санкт-Петербурга). 1881. Оп. 3. Д. 5; Ф. 821 (ДДДИИ). Оп. 8. Д. 842.

издания охотно предоставляли свои страницы противникам и критикам ваисовцев (А. Кильдишев, А. Сайдашев, С. Иманкулов)[60] и почти никогда не являлись трибуной для самих ваисовцев, свидетельствует о маргинальном положении этой "секты" в татарском обществе, о слабом влиянии ваисовцев на формирование мусульманского дискурса не только в масштабе Российской империи, но даже и в Поволжье.

Вероятно, желая преодолеть некоторый информационный вакуум, Г. Ваисов дважды предпринимал попытки наладить выпуск собственного периодического органа. Правда, обе попытки оказались неудачными. В 1907 году Г. Ваисов задумал издавать периодический орган под названием "Ислам"[61]. Однако эта затея не была реализована. Следующая подобная попытка датируется 1917 годом, когда ваисовцы вновь вступили в конфликт с мусульманским сообществом Казани и были заинтересованы в собственном периодическом издании, могущем стать рупором их идей. На брошюре, выпущенной Г. Ваисовым летом 1917 года, был помещен анонс журнала "Ислам", который члены "Ваисовского Божьего полка" планировали начать издавать в скором времени. Но и эта идея не была реализована, вероятно, вследствие материальных и иных затруднений, а также неблагоприятной общей политической конъюнктуры. Поэтому брошюры, изданные ваисовцами в 1871, 1874, 1907 и 1917 гг., а также отложившиеся в архивах материалы – вот основной пласт документов, говорящих "голосом" самих сектантов.

Материалы, связанные с ваисовским движением в 1917–1918 гг., не говоря уже о более позднем периоде, сосредоточенные в архиве КГБ–ФСБ, представляют наиболее закрытую и менее всего вовлеченную в научный оборот группу архивных документов[62]. Можно предположить, что региональные и зарубежные архивы (Поволжские региональные архивы, книгохранилища и архивы в Средней Азии, в Сибирском регионе и др.) хранят неизвестный и практически еще не введенный в оборот пласт архивных материа-

[60] Отрицательные или же критические по отношению к ваисовцам статьи появлялись в таких влиятельных татарских изданиях, как казанские газеты "Баянелхак", "Юлдуз", "Иттифак" и др.

[61] НАРТ. Ф. 41. Оп. 13. Д. 3. Л. 54 об. В деле упоминается прошение Г. Ваисова на имя казанского губернатора с просьбой разрешить издавать журнал "Ислам галяме". Возможно, речь идет об одном и том же прошении, а может быть, это была вторая неудачная попытка.

[62] В частности, мной были использованы материалы следственного дела Галяутдина Ваисова, арестованного в мае 1921 года особым отделом ВЧК и приговоренного к трем годам концентрационных лагерей. В деле содержится информация, характеризующая деятельность ваисовцев в основном в послефевральский период. См.: Государственный архив административных органов Свердловской области (ГААОСО). Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 22551. 118 л. 1921 г.

лов по истории ваисовского движения. Однако не все материалы оказались доступными при проведении данного исследования. Также, в силу объективных причин, ограничено использование материалов частных архивов.

Наконец, можно предположить, что в частных коллекциях сохранились документы личного происхождения (письма, дневники), которые также могут пролить свет на историю данного движения, позволят понять его эволюцию на протяжении последней трети XIX–XX веков. Документы личного происхождения, если и сохранились в оригинале, могут находиться в составе приватных коллекций в семьях, имеющих непосредственное отношение к ваисовскому движению. Об этом свидетельствуют, в частности, опубликованные совсем недавно записки Газизяна Ваисова[63]. Младший из сыновей Багаутдина Газизян незадолго до своей смерти оставил воспоминания и исторический очерк ваисовского движения, доведя его вплоть до начала 1918 года. Этот документ чрезвычайно интересен и важен не столько наличием некоторых фактов, которые приводит автор, сколько той характеристикой, которую он дает движению в целом, теми аллюзиями и идеями, которыми отмечено мышление человека, по сути уже глубоко "советского". Так, весьма показательна и в целом логична для той эпохи (воспоминания были записаны в августе 1963 года) интерпретация Газизяна некоторых аспектов движения. В частности, отношение ваисовцев к представителям царствующего дома и верховной власти (царизму) описано исключительно в черных красках, что вполне соответствует традиции описания борцов за народные интересы (здесь имеются в виду Багаутдин и Гайнан Ваисовы), укоренившейся к этому времени в советской историографии. Описывая ужасы и страдания времен первой мировой войны, Газизян использует в отношении кайзеровской Германии термин "фашисты", что усиливает силу неприятия уже к дважды врагу. Газизян, как и другие ваисовцы, часто обвиняет татарское духовенство, торговцев и представителей местной администрации, в отношении к которым неизменно исполжзует эпитет "эксплуататоры". Кроме обычных штампов, укоренившихся в то время в советской историографии, в этих воспоминаниях нередко встречаются хронологические ошибки и несоответствия (на некоторые из них будет указано в тексте монографии), которые выглядят вполне логичными, если учесть, что писались воспоминания уже на закате жизни.

[63] Шәкүров К. "Кайсы җирдә Муса булса, шунда фиргавен бар", яки вәисевчеләрнең эзәрлекләү тарихыннан // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2007. № 2. – С. 108–117.

Мемуары Газизяна свидетельствуют о том, насколько важной для представителей движения была память, передаваемая из поколения в поколение, насколько бережно они относились к семейным преданиям и легендам. Газизян довольно подробно и в красках описывает события, очевидцем которых он не мог быть в силу малолетства. В то же время многие события, участником которых он был сам, оставляются им за текстом, оговариваются беглыми замечаниями и общими выражениями. Воспоминания Газизяна, судя по всему, не были предназначены для печати и широкого читателя. Скорее всего, они предназначались, в первую очередь, людям близким и родным, должны были стать важным звеном в сохранении этой семейной памяти.

Спецификой многих источников по истории ваисовского движения (особенно архивных) является то, что они были созданы на русском языке и написаны (зафиксированы) людьми, не имевшими зачастую прямого отношения к данной секте (переписчиками, чиновниками различных ведомств, экспертами). Поэтому в русскоязычных текстах происходит естественная трансформация сугубо исламских терминов и понятий. В результате появляются новые, не вполне исламские термины (“секта”, “мусульманестароверы” и пр.), что ставит перед исследователями многочисленные вопросы:

– насколько репрезентативны и достоверны русскоязычные тексты документов (например, тексты прошений и “святых заявлений”, подаваемых в адрес местных и центральных властей) для анализа сути ваисовского движения, нет ли в них естественных искажений?

– можно ли данные тексты рассматривать как образцы сложнейшего диалога внутри собственно мусульманской традиции, и каково ее соотношение (исламской традиции) с имперской практикой?

– каковы были взаимоотношения между различными поколениями внутри ваисовского движения?

– как преодолевались сложности культурного перевода исламских текстов на язык обращений к светской (в том числе судебной) власти в империи?

Другая особенность источников по истории данного, сектантского по сути, движения в том, что многие документы исходили из государственных учреждений, выполнявших судебно-карательные и надзорные функции (Министерство внутренних дел и Департамент полиции, Цензурный комитет, судебные органы и пр.). Поэтому в них фиксировались в основном факты кон-

фликтов и столкновений ваисовцев с государственными органами или же представителями татарской общественности. Поэтому может сложиться превратное, немного искаженное представление о движении как исключительно конфронтационном.

Первая публикация архивных документов, освещающих историю ваисовского движения, была предпринята в середине 30-х годов XX века в сборнике "Материалы по истории Татарии второй половины XIX века"[64]. Включение в сборник этих материалов мотивировалось однозначной интерпретацией ваисовского движения как формы социального протеста. Другая попытка издания документов по истории ваисовского движения была осуществлена лишь в середине 1990-х годов[65]. Авторы публикации в журнале "Гасырлар авазы – Эхо веков" М. Гайнетдинов и Л. Ахметзянова ввели в научный оборот ряд документов из фонда Национального архива Республики Татарстан, связанных с последними годами жизни Багаутдина Ваисова.

Следующая попытка издать небольшую часть из комплекса разнообразных источников по ваисовскому движению была предпринята автором этих строк через пять лет на страницах того же журнала "Гасырлар авазы – Эхо веков"[66]. Одновремено, часть документов, относящихся преимущественно к послереволюционному этапу истории движения, была опубликована Р.К. Валеевым[67]. Наконец, хронологически последняя публикация архивных и иных документов, относящихся к данному движению, была осуществлена автором этих строк[68]. Тем не менее, на сегодняшний день издана лишь незначительная часть разнообразного комплекса источников по ваисовскому движению. Огромное количество документов так и не введено в научный оборот. Поэтому перед исследователями истории мусульманского "сектантства" в Российской империи стоят задачи источникового плана, т.е. поиска, публикации и внедрения в научный оборот максимально широкого комплекса источников, что позволит более достоверно воссоздать

[64] Материалы по истории Татарии второй половины XIX века. – М. –Л., 1936. – Том 1, часть 1.

[65] Прошение возвратить Б. Ваисову, а дело кончить // Гасырлар авазы – Эхо веков. 1996. № 3/4.

[66] Кемпер М., Усманова Д.М. Ваисовское движение в свете собственных прошений и поэм // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2001. № ¾. – С. 86–122. См. также: Усманова Д.М. Духовное завещание Б. Ваисова // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2002. № ¾. – С. 127–138.

[67] Вәлиев Р.К. Өзелгән хәрәкәт // Гасырлар авазы – Эхо веков. – 2002. – № 1/2. – С. 78–89.

[68] Усманова Д.М. "Ваисовский Божий полк староверов-мусульман": языки религиозного, сословного, политического и национального противостояния в Российской империи // Аб империо. – 2006. № 3. – С. 255–319.

историю ваисовского движения. Именно эту лакуну и призвано восполнить данное монографическое исследование, которое помимо авторского текста включает также публикацию более чем ста архивных и иных документов, характеризующих эволюцию движения в период 1862–1916 гг.

Обзор литературы о ваисовском движении, а также характеристика основных групп источников позволяют сделать вывод о тех перспективах, которые ожидают исследователей. Воссоздание истории ваисовского движения следует осуществлять на основе максимально широкого круга разнообразных источников (опубликованных и неопубликованных, архивных документов и материалов периодической печати, воспоминаний и документов личного происхождения), с привлечением разнообразных методов научного исследования. Только комплексный анализ всех документов позволит реконструировать историю ваисовского движения, выделить в его развитии этапы; определить, на каком из этапов доминировал тот или иной аспект движения (религиозный, этнический, социальный или политический). Вероятно, только таким образом можно попытаться на примере истории ваисовского движения исследовать историю мусульманского "сектантства", определить истоки, его "питательную почву", которая способствовала постоянному воспроизводству подобного религиозного явления, выявить его своеобразие и специфику в условиях Российской империи.

При работе над монографией я опиралась на помощь, советы и консультации своих коллег и друзей – профессоров Ингеборг Бальдауф (Берлин), Михаэля Кемпера (Амстердам) и Рауля Мотика (Гамбург), доктора Аллена Франка (Мериленд/США), российских исследователей Марселя Фархшатова (Уфа), Владимира Бобровникова и Альфины Сибгатуллиной (Москва), Светланы Малышевой и Дины Мустафиной (Казань), которым хочется выразить слова глубокой благодарности. Также хотелось бы выразить признательность за оказанную помощь сотрудникам Отдела редких рековписей и книг НБЛ КГУ (З.С. Миннуллину и Э.И. Амерхановой), Национального архива Республики Татарстан (Казань), Государственного архива административных органов Свердловской области (Екатеринбург). Особая признательность родным и близким, неизменная поддержка которых для меня чрезвычайно важна.

Работа над монографией была осуществлена в рамках исследовательских проектов "Muslim Sectarianism in Late Imperial Russia: The Vaisov Movement, 1870–1917" (грант ACLS) и от-

части “Die Entwicklung der Vaisov-Bewegung im 20. Jahrhundert: Von dem “Gottesheer der Altgläubigen Muslime” zum “Islamischen Sozialismus” und “Neobulgarismus”” (грант фонда Gerda Henkel; вторая глава монографии). Некоторые материалы и отдельные сюжеты ранее были опубликованы[69], однако при подготовке монографии к изданию они подверглись существенному переосмыслению, дополнению и переработке.

[69] Усманова Д.М. Духовное завещание Б. Ваисова // Гасырлар авазы – Эхо веков, 2002, № ¾; ее же. “Ваисовский Божий полк староверов-мусульман”: языки религиозного, сословного, политического и национального противостояния в Российской империи // Аб империо. – 2006. № 3. – С. 255–319; ее же. Ваисовское движение в 1870–1916-х гг.: источники и историография // Источники и исследования по истории татарского народа: материалы к учебным курсам. – Казань, 2006. – С. 380–396; ее же. Государственная и верховная власть Российской и Османской империи глазами мусульманских “сектантов” // Turcica et Ottomanica: сб. в честь 70-летия М.С. Мейера. – М., 2006. – С. 329–336; ее же. Ваисовцы в Литве // Orientas Lietuvos Didžiosios Kunigaikštijos visuomenės tradicijoje: totoriai ir karaimai. – Vilnius: VU leidykla, 2008, p.253–262.

Глава I. Ваисовцы в XIX столетии: основание “Божьих полков староверов-мусульман” и Багаутдин Ваисов

Глава I. Ваисовцы в XIX столетии: основание “Божьих полков староверов-мусульман” и Багаутдин Ваисов

§1. Джагфар аль-Кулаткы и Багаутдин Ваисов: “молитвенные солдаты царя”[70]

Илл. № 4. Надгробие на могиле шейха Джагфара аль-Булгари (1790–1862)

Среди людей, стоявших у истоков движения, выделяются фигуры трех деятелей: ишана Джагфара Салихова, Габдуллатифа Халитова и Багаутдина Ваисова. Поступки и действия Багаутдина Ваисова во многом были определены воспитанием и той системой ценностей, которые были заложены в него учителем шейхом (шайхом) Джагфаром аль-Кулаткы аль-Булгари Салиховым (1790 – 10/16.12.1862). Своего учителя Багаутдин именует не иначе, как “дердеманд дервиш хазряти ишан Ягафар Сани Альбулгари Кипчакский” (документ № 21). Джагфар Салихов (“Джагфар второй”) родился в селе Старая Кулатка Кипчакской волости Хвалынского уезда Саратовской губернии (ныне р.п. Старая Кулатка Ульяновской области).

Илл. № 5. Верхняя часть надгробия на могиле шейха Джагфара аль-Булгари

В этом селе же располагается его могила (илл. № 4–5). В июле 2005 года автор этих строк совместно с Михаэлем

[70] При написании §§ 1, 4–5 использовались некоторые материалы, любезно предоставленные Михаэлем Кемпером. Основные исследования известного немецкого исламоведа М. Кемпера на эту тему см.: Kemper M. Sufis und Gelehrte in Tatarien und Baschkirien, 1789–1889: Der islamische Diskurs unter russischer Herrschaft. – Berlin, 1998. – С. 393–429; Кемпер М. Багаутдин Ваисов // Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь. Выпуск III. – М., 2001. – С. 28–29.

Кемпером совершили поездку в р.п. Старая Кулатка с целью поиска и обследования могилы ишана Джагфара. Могила была обнаружена на старом, уже давно заброшенном сельском кладбище. Надгробный камень, поставленный на могиле шейха Джагфара, в настоящее время находится в настолько плохой сохранности, что текст эпитафии практически не читается. По словам жителей Кулатки, вплоть до середины XX столетия могила шейха оставалась местом посещения паломников и объектом поклонения. В настоящее время в селе практически не осталось стариков, которые могли бы дать какую-либо информацию о шейхе Джагфаре. Рядом с могилой шейха расположено захоронение его последней супруги Биби-Муршиды, датируемое 1912 годом (илл. № 6). За могилой шейха, пусть и не очень ухоженной, следят и поныне. Но могила Джагфара в силу ряда причин не стала такой "раскрученной" и посещаемой, как, в частности, могила ишана Хабибуллы Хансуварова[71] в соседнем селе Зимница (илл. № 7–8).

Илл. № 6. Надгробие на могиле последней супруги шейха Джагфара Биби-Муршиды, умершей в 1912 г.

Оригинальная версия биографии ишана Джагфара, написанной в 1897 году имамом села Старая Кулатка Габдуллой Гайсиным (имам Габдулла б. Гайса) по просьбе Ризы Фахреддина, сохранилась в архиве ученого (см. документ № 99)[72]. На ее основе и была составлена биография, опубликованная во втором томе "Асар". О своем

[71] Хабибулла б. Хансувар б. Нугай (1805–1897) – ишан, имам в с. Зимница Саратовской губернии (Ульяновской области). Биография его, написанная Р. Фахреддином, имеется в рукописном (3-м) томе "Асар".

[72] Архив Санкт-Петербургского филиала Института Востоковедения (СПб.). Ф. 131. Оп. 1. Д. 2. Л. 21–24. Биография ишана Джагфара Салихова была написана сельским имамом со слов его вдовы Биби-Муршиды, дочерей, а также учеников (мюридов) и датируется 1897 годом. Она вошла в основу биографии, составленной ученым и опубликованной во втором томе "Асар" (часть 13, с. 389–391).

Илл. №7. Надгробие на могиле шейха Хабибуллы Хансуварова (1805 – 1897) в соседнем селе Зимница Ульяновской области, РФ

учителе неоднократно писал и сам Багаутдин как в прошениях (см. документы №№ 8, 20), так и в произведении "Тарик-и хваджаган"[73].

Согласно всем этим источникам, родители Джагфара происходили из обнищавших мурз (однодворец). Отца звали Салих б. Хамидулла, а мать – Бухария. У них было четверо сыновей (Губайдулла, Джагфар, Гариф, Садык) и трое дочерей (Ханифа, Халима и Хадича). После того, как Джагфар проучился в медресе родного села и ряда соседних деревень, он по настоянию отца был вынужден жениться. Однако супружеская жизнь с необразованной девушкой не прельщала пытливого юношу и, оставив семью, он уехал в Казань, где поступил в медресе к хазрату Мухаммад-Кариму б. Габдрахим. Из Казани Джагфар отправил на родину два послания: одно родителям с просьбой о прощении своего поступка и их согласия на свое дальнейшее обучение, а оставленной жене – о разводе. Через три года серьезные проблемы со зрением не позволили Джагфару продолжить образование. По источникам не совсем ясно, ослеп ли

Илл. №8. Старое надгробие с могилы имама с. Зимница Абдулвахида б. Хабибуллы Хансуварова (1850 – 1920). Село Зимница

[73] Подробнее см.: Kemper M. Sufis und Gelehrte in Tatarien und Baschkirien, 1789–1889. – Berlin, 1998. – S.401–403 (или же в русскоязычной версии монографии – С. 537–539)

он полностью или же был “слабовидящим”, однако очевидно, что из-за плохого зрения он не мог полноценно читать и писать. Именно по этой причине Джагфар не получил системного образования и не оставил никаких письменных трудов и сочинений.

Вскоре Джагфар решает отправиться в длительное путешествие. Проведя некоторое время в среднеазиатских городах (Ташкент, Самарканд), около трех лет живет в Бухаре. Здесь он значительное время провел у гробницы Багаутдина Накшбанди (умер в 1389 г. в Бухаре). Его наставником был ишан Габдулхалик аль-Балликулли аль-Казани, в свою очередь являвшийся учеником шейха Фаизхана аль-Кабули. После получения иджазы (*иҗаза*)[74] Джагфар вновь отправился в путь – в длительное путешествие-хаджж. Побывав в Багдаде, Египте, посетив большинство ближневосточных центров, он обосновался в Медине, где провел около 12 лет, состоя кладбищенским сторожем (*мөҗавир)* и ведя жизнь дервиша.

После восемнадцати лет отсутствия на родине, в 1834/1835 гг.[75], Джагфар вернулся в село Старая Кулатка, где его ждали престарелые родители. По словам Багаутдина, ишан вернулся в Россию по благословению духовных властей (имеются в виду его духовные наставники) с целью поддерживать российских магометан в должном исполнении священных законов шариата и повиновении царским законам. Возвращение домой практически ослепшего и одетого в рубище нищего дервиша Джагфар-ишана вызвало среди односельчан различные толки. Поселившись на родине, Джагфар обзавелся семьей: женился на девушке по имени Гульфира, дочери местного богача мирзы Айюба Султанова[76]. Вскоре у него родились сын Мухаммеджан и три дочери – Бадигульджамал, Хабибджамал и Васифаджамал. Будучи весьма благочестивым и заботясь более всего о душе и молитве, Джагфар вел праведную жизнь шейха. К нему часто приезжал знаменитый в округе ишан Шахиахмед б. Юсуф[77], с которым он вел долгие беседы. Однако указные муллы как в родном селе, так и соседних селах (например, в селе Зимница имам Габдулнасыр б. хазрат Габдулислам) относились к Джагфа-

---

[74] Текст иджазы был первоначально приведен имамом села Старая Кулатка Габдуллой б. Гайса по копии, сохранившейся у дочери Джагфара Бадигульджамал (Архив ИВ СПб. Ф. 131. Оп. 1. Д. 2. Л. 24). Согласно преданиям, оригинал иджазы был заверен более чем тридцатью печатями.

[75] 1250 год по хиджре соответствовал периоду 28.04.1834 – 15.04.1835.

[76] О мирзе Аюпе (Айубе) Султанове см. также: Frank A. Muslim Religious Institutions in Imperial Russia. The Islamic World of Novouzensk District and the Kazakh Inner Horde, 1780 – 1910. – Leiden-Boston, 2001. – С. 128–129.

[77] Шахиахмед б. Йусуф б. Кутлугмухаммед б. Тавкал (1756–1844) – из рода Тевкелевых, знаменитый в Оренбургской губернии шейх. См. подробнее: Фахреддин Р. Асар. – Оренбург, 1905. Т. 2. Ч. 10. – С. 119–120.

ру весьма враждебно, называя его безбожником, еретиком, лицемером (*“зиндикъ Җагфар”, “сукыр мунафикъ”)*, распускали о нем многочисленные слухи и сплетни. Вероятно, по этой причине ишан Джагфар отказался от мысли стать указным имамом. Построенное на деньги свияжского купца Акчурина здание мечети без минарета было объявлено ханакой, что позволило снять обвинения в том, что Джагфар-ишан фактически выполняет обязанности имама без указа ОМДС.

Вскоре ишан приобрел большое количество последователей (*мюридов*). Среди его учеников, по словам Р. Фахреддина, преобладали башкиры, казахи и нижегородские мишаре[78]. После смерти жены Гульфиры он около шести лет прожил один, затем решил вновь отправиться в хаджж. Однако второе его паломничество оказалось в силу ряда причин безуспешным. Проведя некоторое время в Крыму и на Кавказе (в Дагестане и Тифлисе) и вернувшись на родину, он вновь женился на девушке по имени Биби-Муршида. Прожив с ней около пяти месяцев, в декабре 1862 года в возрасте 72 лет старец покинул этот бренный мир.

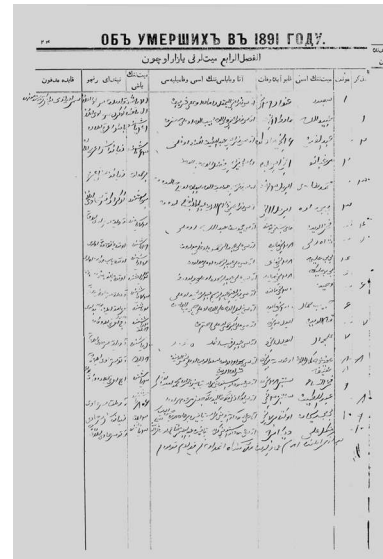
По словам имама Габдуллы б. Гайса, Джагфар не оставил каких-либо значительных сочинений и трудов. Сам ишан объяснял это тем, что из-за проблем со зрением не смог долго учиться и свое предназначение видел в том, чтобы трудиться во благо более совершенного мира. Вероятно, именно это стремление бороться с пороками окружающей действительности, стремление к нравственной чистоте и совершенству компенсировали недостаток учености, а потому у знаменитого ишана было значительное количество учеников и последователей (мюридов). Риза Фахреддин называет имена пятерых наиболее известных учеников шейха: Габдуллатиф б. Яхуда (ум. 1886)[79]; Габдуллатиф б. Халид аль-Биденьги; Хуснутдин б. Гумер ас-Суксуви; Фатхулла б. Валид аз-Задвари; Назметдин б. Ахмед аль-Астрахани.

Из числа перечисленных мюридов Джагфара следует остановиться на двоих, которые сыграли определенную роль в истории описываемого движения. Габдуллатыф Халидов (Абдуллатиф Халитов, если точнее, мулла Габдуллатыф б. мулла Халид б. мулла Джагфар

[78] Упоминание популярности ишана Джагфара среди нижегородских татар (мишарей) встречается и в письмах Хусаина Фаизханова, адресованных Ш. Марджани. Письма эти были опубликованы Ризой Фахреддином в журнале “Шура”. См.: Усманов М.А. Заветная мечта Хусаина Фаизханова. – Казань, 1980. – С. 122.

[79] Его биография, составленная Р. Фахреддином, имеется в третьем рукописном томе “Асар” (с. 105).

б. Алтынбай б. Султан)[80] являлся уроженцем д. Беденьга Симбирского уезда и губернии. Родился приблизительно в 1809/1810 гг., умер в 1891 году в родной деревне[81]. По меньшей мере, до 1877/1878 гг. он состоял указным имамом д. Беденьга, до 1875 года разделяя эти обязанности со своим племянником Джамалетдином Шагиахметовым. Примерно в 1878 году, когда вторым имамом д. Беденьга стал другой племянник Габдуллатыфа – Гимадетдин Шагиахметов, мулла Халитов за неблаговидные поступки по распоряжению ОМДС был удален от должности (документ № 22). До самой своей смерти Г. Халитов (илл. № 9), неоднократно подвергаясь арестам и преследованиям, оставался сторонником дервиша Багаутдина, с которым даже породнился. По словам Б. Ваисова, мулла Халитов был отстранен от должности единственно за знакомство с опальным дервишем. Примечательная трактовка данному событию была дана Газизяном Ваисовым. Он объяснил этот факт не наказанием провинившегося имама со стороны духовных властей (руководства ОМДС), а добровольным и сознательным отказом самого Г. Халитова от указа в знак нежелания иметь общие дела с указными муллами[82].


ОБЪ УМЕРШИХЪ ВЪ 1891 ГОДУ.

Илл. № 9. Метрическая запись 1891 г. Запись об умерших в д. Беденьга. Под пунктом № 8 указано: 3 сентября скончался Габдуллатыф. Отец – указной мулла Халид сын муллы Джагфара

Оценка современниками бывшего муллы Халитова, в отличие от отношения к Б. Ваисову, была более высокой. Г. Баязитов, встречавшийся с ним в столице, характеризовал его как весьма ученого и знающего человека. Эксперт И. Нофаль именно его считал автором ряда сочинений, изданных Б. Ваисовым.

---

[80] Документы № 4, 22; РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 842. Л. 17-18об. НАРТ. Ф. 4. Оп. 10 доп. Д. 60, 68, 77, 95 (метрические книги д. Беденьга за 1860–1880-е гг.).

[81] Согласно записям метрических книг, бывший мулла Габдуллатыф сын муллы Халида умер 3 (30) сентября 1891 года в возрасте 80 (82) лет в родной деревне Беденьга, где и был погребен. См.: НАРТ. Ф. 4. Оп. 10 доп. Д. 77. Л. 113об.

[82] Шәкүров К. “Кайсы җирдә Муса булса, шунда фиргавен бар”, яки вәисевчеләрнең эзәрлекләү тарихыннан // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2007. № 2. – С. 113.

Другой из упомянутых Р. Фахреддином последователей ишана – казанский имам Хуснутдин Гумерович Сеитов (Хуснутдин б. Гумер б. Сеид б. Ишмухаммед ас-Суксуви[83], 1812 – 1872). Вплоть до самой своей смерти в январе 1872 года Х. Сеитов состоял указным имамом новокаменной мечети (№ 11) г. Казани (илл. № 10). В последние годы эти обязанности он фактически разделял со своим сыном Шакиром, вернувшимся в 1862/1863 гг. из Стамбула. Если иметь в виду сообщение Ризы Фахреддина о том, что Х. Сеитов считал своим наставником и учителем Джагфар-ишана, становится понятным его поведение и лояльное отношение к проступкам Б. Ваисова.

Илл. № 10. Ново-каменная (№ 11) мечеть Ново-Татарской слободы (современное состояние)

Хотя Р. Фахреддин не называет Багаутдина Ваисова в числе последователей кулаткинского ишана, его также можно причислить к числу ближайших учеников Джагфара. По свидетельству самого Багаутдина, прослышав о знаменитом ишане, он отправился в Кулатку и поступил в число его мюридов (1841). После продолжительной (более чем двадцатилетней) учебы он остался при наставнике в качестве преемника, "то есть он свои служебные обязанности передал мне Ваисову и все свои полные права на отечество, потом дал мне документ или аттестат"[84]. Под аттестатом подразумевалась иджаза вместе с т.н. *силсила* – свидетельство непрерывной цепи духовной преемственности, духовная родословная суфия, которая придавала легитимность ее обладателю. Противниками Багаутдина высказывалось предположение, что Ваисов был изгнан из окружения Джагфар-ишана за непокорность, а потому он и не обладал иджазой на законных основаниях и не мог именоваться шайхом[85].

[83] Прозвище ас-Суксуви он получил, поскольку родился в то время, когда его отец состоял имамом в д. Суыксу. Краткую биографию имама Х. Сеитова см.: Фахреддин Р. Асар. – Оренбург, 1905. Том 2. – С. 533–534; Салихов Р.Р., Хайрутдинов Р.Р. Исторические мечети Казани. – Казань, 2005. – С. 153.

[84] Цит. по: НАРТ. Ф. 41. Оп. 2. Д. 1073. Лл. 34–34 об.

[85] Среди более молодых современников, оспаривавших всю силсилу Багаутдина Ваисова, также как и его право именовать себя учеником и преемником Джагфар-ишана

По другой версии, Багаутдин обманом выманил у вдовы Джагфара оригинал иджазы и сбежал с ней. Согласно этим преданиям, Багаутдин именовался лгуном и обманщиком (*"кәззәб мөрид"*)[86]. Однако сам Багаутдин всей своей жизнью опровергал это обвинение. К тому же не только почитатели и последователи Багаутдина, но даже и противники неоднократно именовали его ишаном, что косвенно подтверждает право последнего на духовное звание.

После кончины шейха Джагфара, в 1864 году Багаутдин Ваисов подал свое первое прошение на высочайшее имя, с просьбой оказать финансовую помощь для постройки мавзолея (*тәке*) над могилой своего учителя. Себя же Багаутдин видел в качестве смотрителя этого мавзолея. Одновременно он распространял среди мусульман воззвание с призывом пользоваться духовным благословением ишана через посещение его могилы. Просьба Б. Ваисова была оставлена без удовлетворения[87]. В то же время вполне возможно, что Багаутдин получил из столицы какой-то формальный ответ, так как в своих более поздних прошениях он неизменно указывал, что известен императору и утвержден императорской канцелярией с 1862 года.

Именно своему учителю и наставнику шейху Джагфару Багаутдин фактически посвятил сочинение под названием "Тарик-и хожаган"[88] (илл. № 11). Ценность данного изданного еще при жизни автора в 1874 году произведения в том, что оно позволяет про-

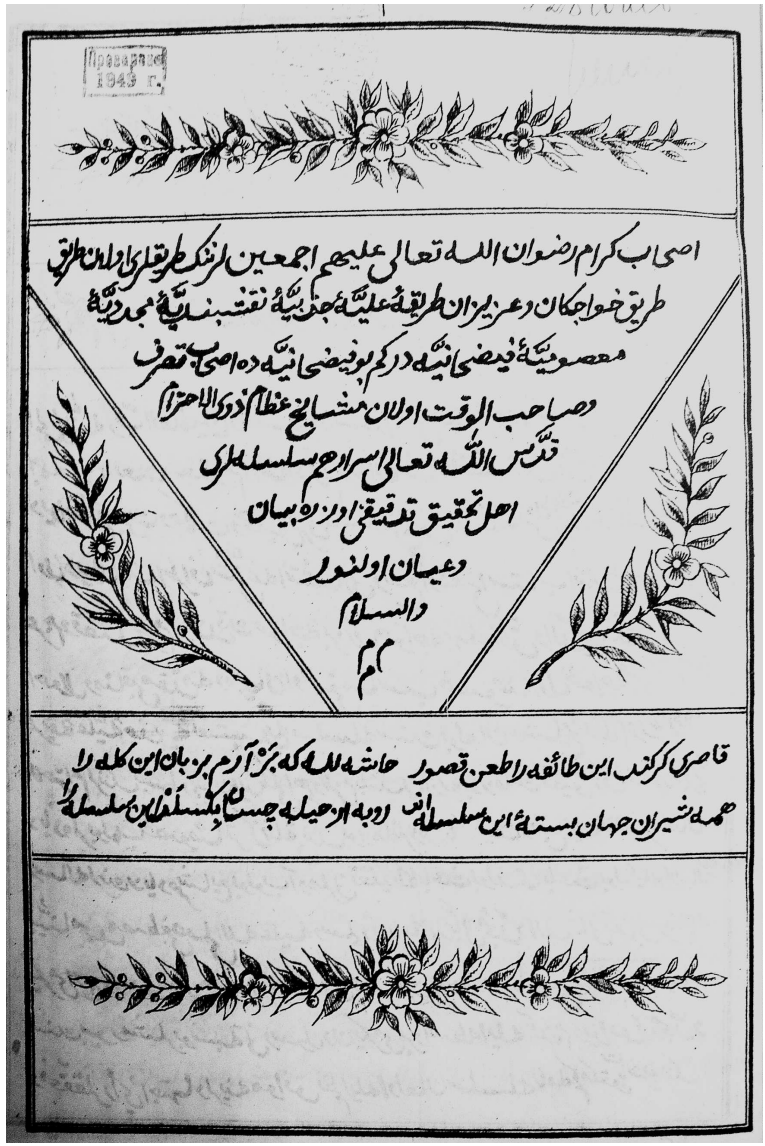
---

был Мурад Рамзи. В частности, он утверждал, что шейх Джагфар отказался дать иджаза своему ученику, а потому после его смерти Багаутдин неправомерно претендует на звание его преемника. См.: Кемпер М. Суфии и ученые в Татарстане и Башкортостане (1789–1889). Исламский дискурс под русским господством. – Казань, 2008. – С. 538. Примечательно, что это утверждение Мурада Рамзи появилось в сочинении "Талфик ал-ахбар", изданном в 1908 году, в разгар второй волны антиваисовских настроений в среде казанских татар. Словам Мурада Рамзи вторил и казанский купец Ахметзян Сайдашев, вступивший с Гайнаном Ваисовым в полемику на страницах своего печатного издания. См.: Баянелхак, 1906, 19 октября (№ 82). Это свидетельство А. Сайдашева попытался оспорить Мидхат Ваисов. См.: Ваисов М. Габдулла Тукай и сардар Гайнан Ваисов. К критике сатирической поэмы Габдуллы Тукая "Сенной базар, или Новый Кисекбаш" в татарской литературе. – М., 1979. – С. 50.

[86] Архив Санкт-Петербургского филиала Института Востоковедения (СПб.). Ф. 131. Оп. 1. Д. 2. Л. 21–24.

[87] НАРТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 6073. Л. 6-10.

[88] Встречается несколько вариантов трактовки названия данного произведения: "Путь ходжей" (Н.Ф. Катанов, 1909), "Образ жизни и учение св. людей ислама" (Н.Ф. Катанов. НАРТ. Ф. 41. Оп. 15. Д. 1. Л. 28), "Способ доказательства" (Р.К. Валеев. Татарская энциклопедия). Полное название сочинения: Әсхәб-и күррәм (ризван Аллаһ тәгалә вә газизән әҗмагыйн)ләренең тарикъләре улан тарикъ тарикый хожаган вә газизән тарикаи галияи җәзбияи нәкъшбандия мөҗәдидия мәгъсүмияи фаизхания деркем бу фаизханиядә әсхәб тәсәррүф вә сәхибелвакт улан мәшәехи гоззәм дәвил ихтирам каддәсе Аллаһ тәгаләнең әсрарахум силсиләләре. – Казан, 1874. (Далее см.: аль-Булгари Б. Тарик-и хваджаган)



Илл. № 11. Титульный лист литографического издания[Бәһаеддин әл-Болгари Вәисзаде]. Тарик-и хожәган. – Казан, 1874

следить истоки этого движения и помогает понять, почему по существу пацифистское движение получило название “Ваисовский божий полк”.

В этом произведении Багаутдин именует себя шейхом суфийского братства Накшбандийа муджаддидийа[89] и представляет свою духовную генеалогию (силсила). Его силсила ни в чем не отличается от силсила других накшбандийских шайхов Поволжья и Приуралья: она восходит к шайху Багаутдину Накшбанди через ряд среднеазиатских шайхов, в том числе основателя муджаддидийской ветви суфийского братства Накшбандийа Ахмада Сирхинди (умер в 1624 г.), потом через его сына и некоторых других известных суфиев, среди которых был и шайх Файзхан аль-Кабули (умер в 1802 г.). Как известно, последний имел несколько видных “булгарских” мюридов, в том числе таких антиподов, как первый муфтий Оренбургского Магометанского Духовного Собрания Мухаммеджан Хусаинов (1756 – 1824) и поэт Габдрахим Утыз-Имяни (1754 – 1835), а также Джагфар бин Габди (“Джагфар первый”, умер в 1823/24 гг.) и Вали б. Мухаммад аль-Амин аль-Каргалы (умер в 1802 году)[90]. По словам Багаутдина Ваисова, у этого Вали б. Мухаммад аль-Каргалы был халифа (суфийский преемник) по имени Габдулхалик аль-Балликулы аль-Булгари, который в свою очередь являлся наставником Джагфара аль-Кулаткы, чьим преемником стал сам Багаутдин Ваисов.

В “Тарик-и хваджаган” Б. Ваисов описывал своего учителя Джагфара аль-Кулаткы как человека богобоязненного и правдивого. По словам Ваисова, у Джагфара было своеобразное мнение по ряду вопросов, из-за чего он неоднократно входил в конфликт с другими шайхами и учеными. В частности, Джагфар резко критиковал дагестанского имама Шамиля и его вооруженное сопротивление русской колониальной политике на Северном Кавказе. Джагфара особенно возмущало то, что народ уважает и почитает Шамиля почти как святого. Более того, каждый раз при упоминании имени последнего выносится хвалебная формула. Джагфар же, напротив, был убежден, что имам Шамиль вводит народ в заблуждение, а его действия приносят мусульманам Кавказа только вред. По его мнению, имам Шамиль был тираном, претендовавшим на

[89] Общий обзор истории развития мусульманского мистицизма (суфизма) с момента его появления до наших дней, в том числе и характеристику братства Накшбандийа-муджаддидийа, см.: Кныш А.Д. Мусульманский мистицизм. Краткая история. – СПб., 2004. – 454 с.; фон Кюгельген А. Накшбандийа-муджаддидийа // Ислам на территории бывшей Российской империи. Выпуск IV. – М., 2003. – С. 56–58.

[90] Kemper M. Sufis und Gelehrte in Tatarien und Baschkirien, 1789–1889. – Berlin, 1998. – C. 92–96.

точное исполнение шариата, но который в действительности в своих распоряжениях вообще не придерживался мусульманских законов. По свидетельству Б. Ваисова, во время поездки по Дагестану Джагфар разъяснял "черкесам" (то есть дагестанцам и чеченцам) подлинное лицо имама Шамиля, но был остановлен предупреждениями, что рискует жизнью, если будет выступать против почитаемого имама[91].

Из слов Багаутдина также следует, что в Тифлисе люди лучше отнеслись к Джагфару. Там, в центре русской администрации Кавказа, мусульманское население с большим вниманием выслушивало его проповеди и молитвы за благополучие царя. Будто бы люди даже плакали, когда Джагфар объяснял им, сколько вреда и разрушения Шамиль приносит Кавказу. При этом Ваисов не преминул вспомнить, как в прошлом "черкесы" (под черкесами подразумевались мамлюки кавказского происхождения, правившие в Сирии и Египте) уже принесли мусульманскому миру много вреда, пока их в 1517 г. не устранил османский султан Селим. Из этих его слов логически следует, что ныне опасность, исходящую от черкесов, устраняет русский царь: "Слава Богу, правитель булгарской земли в наше время, падишах и император Александр Николаевич покорил народ черкесский на их землях, в горах и он взял в плен их предводителей. Наверное, уже полностью исчезли их сообщества, которые вызывали (на Кавказе) только гражданские войны и тиранию"[92].

Представляется несколько странным, что правоверный мусульманин Багаутдин Ваисов однозначно оправдывает войну против единоверцев-мусульман Северного Кавказа. Возможно, Джагфар действовал на Кавказе по официальному заказу. Известно, что царские власти пытались, правда, без особого успеха, использовать татарских служителей культа в качестве посредников и пропагандистов русской политики среди мусульманского населения Дагестана. Например, царская военная администрация на Кавказе некоторое время, правда, безуспешно, пыталась опираться на казанского муллу Таджетдина Мустафина, который в 1836 году работал в Тифлисе и назывался шейх аль-исламом и муфтием[93].

---

[91] ал-Булгари Б. Тарик-и хваджаган. – Казань, 1874. – С. 49–50.

[92] ал-Булгари Б. Тарик-и хваджаган. – Казань, 1874. – С. 51.

[93] Биография Тазетдина б. Мустафа б. Рамазан б. Ишнияз ал-Ашнаки (1773–1845) имеется в сочинении Р. Фахреддина. См.: Фахреддин Р. Асар. – Оренбург, 1905. Том 2. Часть 10. – С. 143. См. также: Климович Л. Ислам в царской России. Очерки. – М., 1936. – С. 26–27; Kemper M. Sufis und Gelehrte in Tatarien und Baschkirien, 1789–1889. – Berlin, 1998. – С. 403–406; Kemper M. Herrschaft, Recht und Islam in Daghestan. – Wiesbaden, 2005. – С. 387.

В своем сочинении Б. Ваисов неоднократно называет русского царя “правителем булгарской земли в наше время”. В этой формулировке содержится прямое указание на то, что “булгарская земля” (т.е. территория Среднего Поволжья и Приуралья) сохранила свою целостность и после того, как она попала под русскую власть. Более того, в XVI столетии Иван Грозный не просто добавил эту территорию к своим владениям, а стал правителем этих земель. В иерархической структуре власти на вновь присоединенных землях русский царь в определенном смысле заменил прежних ханов[94]. Таким образом, Багаутдин Ваисов обращается к царю “напрямую”, как подданный к своему правителю. Не случайно, что из всех государственных налогов и податей ваисовцы признавали только налог на землю в размере 8 копеек с десятины, поскольку этот налог “был введен царем Иоанном Грозным при покорении Булгарского ханства, а так как мы считаемся потомками булгар, то и вносим этот налог”[95].

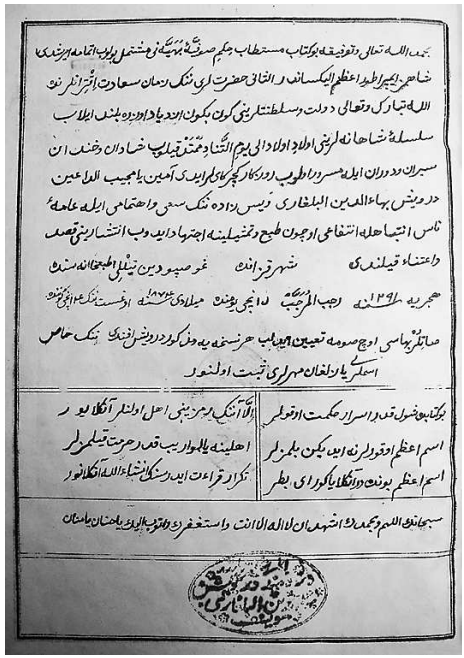
Свое произведение “Тарик-и хваджаган” Б. Ваисов заканчивает не только длинными славословиями в адрес царя и царской семьи, но и своеобразным ходатайством (‘арз-и хал). (илл. № 12) Он особенно подчеркивает, что является легитимным преемником покойного Джагфара и тем самым действующим законным представителем упомянутой духовной генеалогии (силсила) Накшбандийа. В этой роли он будто бы уже в 1863 году предлагал царю свои услуги в молитвах “за силу оружия (русской) армии”. Отказ от этого предложения был бы большой ошибкой властей, так как, по твердому убеждению Б. Ваисова, давно доказано положительное влияние молитв (дога) на успех человеческих действий. В дальнейшем Багаутдин Ваисов предоставлял в распоряжение царя не только свое благословение, а даже предлагал самого себя и свою общину в качестве пропагандистов русского дела: “Особенно когда найдется какое-нибудь только что покорившееся общество, мы можем читать наше благословение на их собраниях. Если (после завершения молитвы) они читают ‘аминь’, то это уже служит нам призом и еще более увеличивает наше желание работать (на этом поприще)”[96].

---

[94] Под “булгарской” землей подразумевался “булгарский вилайет” Золотой Орды, на территории которого позднее образовалось Казанское ханство. Подробное обоснование данного тезиса и факты проявления данной традиции в XVI–XVIII веках см.: Трепавлов В.В. “Ваша Высокая Порта”. Российская государственность в системе традиционных представлений о монархии у народов Евразии XV–XVIII вв. // Восток. 2006. № 1. – С. 34–35.

[95] Из протокола допроса Мухаммед-Гаяна Ваисова. См.: НАРТ. Ф. 41. Оп. 4. Д. 1983. Лл. 25–26.

[96] ал-Булгари Б. Тарик-и хваджаган. – Казань, 1874. – С. 52–53.



Илл. № 12. Последний лист литографического издания [Бағаведдин әл-Болгари Вәисзаде]. Тарик-и хоҗаган (Казань, 1874), с печатью Б. Ваисова

Таким образом, Б. Ваисов намеревался принудить политически ненадежное мусульманское население, в частности, Северного Кавказа, присоединиться к его молитвам. Поскольку эти молитвы содержат упоминание и благословение имени царя, то, следовательно, он считал возможным этой приманкой, как и своим собственным религиозным авторитетом, принудить мусульман хотя бы к словесному повиновению России. Представляется, что именно в этом контексте он называл членов своей общины "солдатами молитвы" (гаскар-и дога)[97]. Другим самоназванием Б. Ваисова было "Догахан" (Хан молитвы), которое происходит, по-видимому, от искаженного персидского дуъа-хван ('человек, который читает молитву').

В отличие от более поздних последователей, Багаутдин Ваисов заботился, прежде всего, о своем религиозном авторитете, который в целом базировался на авторитете братства (тариката) Накшбандийа, и в частности на примере его непосредственного наставника шейха Джагфара аль-Кулаткы. Этим религиозным авторитетом Ваисов легитимизировал свою попытку установить особые отношения с русским царем. Свой авторитет и верность царю он противопоставлял испорченности "вождей времени", то есть представителей официального мусульманского духовенства. Книга заканчивается похвалой на имя царя Александра II. Покорность монарху Б. Ваисов легитимизирует известным кораническим высказыванием: "Повинуйтесь Аллаху и тем, которые командуют" (Коран, 4:59)[98].

[97] ал-Булгари Б. Тарик-и хваджаган. – Казань, 1874. – С. 53.
[98] ал-Булгари Б. Тарик-и хваджаган. – Казань, 1874. – С. 55–56, 57.

§ 2. Штрихи к ранней биографии Багаутдина Ваисова

Хотя в литературе и встречаются предположения, что главным идеологом движения следует считать шейха (шайха) Джагфара или же муллу Габдуллатыфа Халитова, в историю движение вошло под названием "Ваисовский Божий полк". При всей важности анализа истоков и ближайшего окружения тем не менее следует учитывать, что основание "Божьих полков" связано в первую очередь с деятельностью Б. Ваисова. Именно Багаутдина современники и последователи воспринимали как основателя и главного идеолога движения, что не может не вызывать интереса к его жизни и деятельности. Однако биография Багаутдина Ваисова долгое время была представлена в литературе в весьма искаженном и мифологизированном виде. Вне научного оборота находились наиболее интересные и относительно достоверные источники, исходившие от самого Багаутдина или же его ближайшего окружения. Данная реконструкция его биографии базируется на ряде автохтонных архивных материалов, что позволяет надеяться на ценность и правдивость выявленных фактов.

Противоречия начинаются уже с определения точной даты рождения Б. Ваисова. В литературе встречается несколько версий. Из многочисленных дат чаще всего упоминаются "1804 год" или "около 20-го года". Первая дата – 1804 год – указана в прошениях Гайнана Ваисова, написанных в 1905–1910-х годах. Практически одновременно эта же дата упоминается в работах Н.Ф. Катанова и М. Сагидуллина. Именно из последних работ эта версия довольно прочно вошла в научный оборот, оставаясь господствующей до конца 80-х годов XX столетия, закрепившись в Татарском энциклопедическом словаре (1999, 2002). Последние научные изыскания позволяют считать ее наименее достоверной.

Вторая версия – 1819/1820 гг. – была введена в научный оборот М. Гайнетдиновым, который, в свою очередь, опирался на данные ряда архивных документов из РГИА[99]. В одном из прошений, составленном от имени Багаутдина в 1881 году, было сказано, что он поступил в обучение к Джагфару Салихову "в 1841 году на 22 году от рождения" (документ № 8)[100]. Если исходить из правдивости этих слов, то Багаутдин мог родиться приблизительно в

[99] Гайнетдинов М. Бәһаутдин Вәисов // Татар әдәбияты тарихы. – Казань, 1986. Том 2. Вслед за М. Гайнетдиновым, эта дата была использована и немецким исследователем М. Кемпером. См.: Кемпер М. Багаутдин Ваисов // Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь. Выпуск III. – М., 2001. – С. 28–29.

[100] РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 842. Л. 43–47.

1819/1820 годах. Чуть ранее, в 1876 году, во время допроса по обвинению в оскорблении мирового судьи, на вопрос о возрасте Багаутдин Ваисов ответил, что ему 63 года (документ № 1)[101]. Следовательно, он мог родиться и в 1813 году.

Наконец, автором этих строк в архиве были обнаружены документы, которые ранее позволили высказать еще одну версию. В 1883 году была составлена своеобразная автобиография, озаглавленная "Из отзыва в Казанский окружной суд" и приобщенная к делу Б. Ваисова (документ № 20). Документ написан на русском языке со слов самого Багаутдина и им же подписан. В данном документе указано, что Багаутдин "родился в Казанской губернии, Свияжского уезда, д. Сатламышево (ныне село Сатламышево в Апастовском районе РТ – Д.У.) 12 сентября 1810 году"[102].

Таким образом, на сегодняшний день имеющиеся архивные документы позволяют выдвинуть несколько версий относительно даты рождения Багаутдина Ваисова – 1804, 1810, 1813 или 1819/1820 гг. Ни одна из этих версий не имеет бесспорного основания, чтобы мы могли с легкостью ее принять и отвергнуть иные предположения. Но наиболее вероятными представляются вторая и последняя даты, т.е. соответственно 1810 или 1819/1820 годы. Обе они опираются на свидетельства самого ишана. И в этом плане имеют одинаковую степень достоверности. Обе даты были названы в русскоязычной версии документов, а потому в них могли закрасться ошибки, допущенные переписчиком. Наконец, сам Багаутдин, от имени которого были написаны и чьей рукой заверены оба эти прошения, мог допустить ошибку или преднамеренное искажение. Какой из двух версий следует отдать предпочтение? Мне представляется, что в выборе даты рождения основателя секты следует исходить из ее наибольшей вероятности при сопоставлении со сведениями о других событиях, происходивших в жизни самого Б. Ваисова и окружавших его людей.

В названных двух прошениях Багаутдин дает две разные версии того, когда и при каких обстоятельствах он поступил в обучение к Джагфару аль-Кулаткы. В документе 1883 года он утверждал, что начальные знания получил у матери, которая была весьма

[101] НАРТ. Ф. 41. Оп. 2. Д. 695. Л. 76. Возможно, что эти разночтения в возрасте происходят из-за того, что в ряде случаев возраст определялся по солнечному (христианскому), а в ряде случаев – по лунному (мусульманскому) календарям. Но ни проверить, ни опровергнуть это предположение не представляется возможным.

[102] НАРТ. Ф. 41. Оп. 2. Д. 1073. Л. 33–43об. Данный документ был частично опубликован. См.: Кемпер М., Усманова Д.М. Ваисовское движение в свете собственных прошений и поэм // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2001. № ¾. – С. 106–108. Эта же версия была повторена в статье о Б. Ваисове, опубликованной в 1-м томе Татарской энциклопедии (2002).

образована, а в девятилетнем возрасте ею же был отдан на обучение к знаменитому шейху (документ № 20).

В прошении 1881 года эта история описана несколько иначе (документ № 8)[103]. По словам Багаутдина, его будущий наставник Джагфар аль-Булгари Салихов, после более чем 20-летнего пребывания на Ближнем Востоке, вернулся на родину весьма ученым человеком. Прослышав о нем, Б. Ваисов в 1841 году, будучи 22-летним юношей, поступил к нему в учение. И это обучение у знаменитого шейха продолжалось в течение 20 лет.

Наконец, по семейным преданиям, переданным Ризой Фахреддином, Багаутдин учился в Казани в медресе хазрата Мухаммед-Карим б. Мухаммед-Рахим, а после окончания данного медресе стал учеником (*мюридом*) Джагфар-ишана, навещая его время от времени в селе Кулатка[104].

Если сравнить и проанализировать на достоверность обе эти версии, то более приемлемой представляется последняя, которая позволяет уточнить дату рождения Багаутдина. В год смерти (декабрь 1862 года) шейху, родившемуся в 1790 году[105], было не менее семидесяти двух лет. На родину он вернулся в 1834/1835 гг. (в 1250 году по хиджре), что ставит под сомнение первое утверждение Б. Ваисова о том, что был отдан в ученики знаменитому шейху в еще 9-летнем возрасте. Также весьма сомнительным представляется и то, что Багаутдин продолжал обучение у шейха Джагфара до начала 1860-х годов, когда ему, если придерживаться первой даты, должно было исполниться уже пятьдесят лет[106]. Наконец, следует принимать во внимание и то обстоятельство, что самый младший из сыновей Багаутдина Газизян родился в 1887 году. Хотя теоретически такое возможно и история знает примеры столь поздних детей, тем не менее все же представляется более здравым утверждение, что в год рождения последнего сына отцу было около семидесяти, а не под восемьдесят лет. Исходя из всего сказанного, наиболее вероятной датой рождения Багаутдина Ваисова представляется 1818/1819 год. Однако думается, что окончательная точка в этом вопросе еще не поставлена.

---

[103] РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 842. Л. 43.

[104] Фахреддин Р. Асар. Т. 3. Л. 183. Документ № 98. Мухаммедкарим Мухаммедрахимов состоял имам-хатыпом 2-й соборной (Апанаевской) мечети г. Казани в 1838–1861 гг.

[105] По словам Гаяна Ваисова, шейх Джагфар родился в 1788 г. См.: Wajsow, Chodzja Muchammed Gajan. Wajsov, wajsowcy i stosunek do nich Lwa Tolstoja. // Rocznik Tatarski. – Wilno, 1932. – C. 215.

[106] Если только не принимать во внимание семейное предание, что Багаутдин навещал своего учителя в с. Кулатка время от времени, а постоянно жил в Казани.

В данном документе, как и в ряде иных, Багаутдин ясно указывал, что родился в селе Сатламышево, а приписан был к крестьянам с. Молвино[107]. К этому же селу позднее были приписаны и все его сыновья, хотя родились они преимущественно в Казани или с. Беденьга, откуда была родом одна из жен Багаутдина. Вероятнее всего, из села Молвино происходил его отец Хамза Ваисов, так как в дореволюционной России наделом из общинной земли наделялись только мужские представители семейств. В этом селе у Ваисовых до середины 1860-х гг. была своя доля общинной земли.

О родителях, так же как и о своих ранних годах, Багаутдин сообщает достаточно скупо. В "Асар" Р. Фахреддина, а также в истории движения, написанной и изданной в 1917 году Гайнаном Ваисовым (вероятно, в соответствии с семейными преданиями), приведена родословная Ваисовых: Багаутдин б. мулла Хамза б. мулла Ваис б. мулла Габдулбаки б. мулла Саид б. мулла Касим б. мулла Ишмухаммед б. мулла Хафиз б. мулла Ишбулат б. мулла Айтуган б. мулла Ирджамес б. мулла Талаш б. мулла Ялмаш б. мулла Саидахмед б. мулла Сайдак б. мулла Саедгали б. мулла Шаех б. Тамти Хатаи аль-Булгари[108].

Гайнану также принадлежит утверждение, что Ваисовы происходили родом от булгарских ханов и являлись потомками пророка Мухаммада (*сеидами*). Сам Багаутдин ни в "Тарик-и хваджаган", ни в другом поэтическом произведении "Джавахир-и хикмат-и дарвишан" не претендует на генеалогическую связь с древними булгарскими ханами. Утверждения о генетической связи Ваисова с пророком Мухаммадом впервые публично высказываются самим дервишем уже в заключении в психиатрической клинике. В одном из прижизненных документов – "Заключение об освидетельствовании умственных способностей Ваисова", осуществленном 22 января 1883 г., есть указание на то, что Б. Ваисов, возможно, считал себя потомком пророка (документ № 18)[109].

Однако обратимся от легенды к сведениям, сохранившимся в архивных документах и почерпнутым из уст самого основателя общины. В автобиографии Багаутдин Ваисов подчеркивал, что рано остался сиротой: его отец хазрат Хамза, бывший муллой в

[107] НАРТ. Ф. 41. Оп. 2. Д. 695. Л. 76; Д. 1073. Л. 33. До отмены крепостного права в этом селе проживали государственные крестьяне.

[108] Кәһарман милләтә мөҗаһид әл-ислам вәисиләр тарихы һәм әҗмалы программасы. – Казан, 1917. – С. 4; Фахреддин Р. Асар. Том 3 (рукописный). – С. 180. Документ № 98.

[109] Цит. по: НАРТ. Ф. 41. Оп. 2. Д. 1073. Л. 3 об. Подробнее об этом см. в § 4 второй главы монографии.

деревне Сатламышево, умер в 1812 (или 1821?) году. Мать Багаутдина звали Биби-Ямиля Мухамедьяровна. Родилась она в семье указного ахуна Мухаммедьяра-хазрата, состоявшего имамом в д. Бурундуки Свияжского уезда Казанской губернии. По семейным преданиям предки Багаутдина-ишана по материнской линии принадлежали к наиболее образованной части мусульманского духовенства[110]. По словам самого Багаутдина, его мать была очень образованной женщиной ("великой ученой") и умерла в 1850 году в г. Казани[111]. Согласно архивным документам, у Багаутдина был еще старший брат Сиразетдин, умерший в период между 1865 и 1875 годами, а также сестра, умершая до начала 1880-х годов. Во время пребывания в психиатрической клинике Б. Ваисов заявил, что его брата и сестру погубили "злобные татары"[112].

Весьма интересен психологический нюанс: находившийся к этому времени в оппозиции к официальному мусульманскому духовенству, Багаутдин Ваисов не только происходил из семьи указного муллы, но и особо подчеркивал подобное происхождение своих родителей. Однако никаких реальных документов, подтверждавших факт, что и сам Б. Ваисов некоторое время состоял муллой, а позднее ОМДС лишило его духовного сана, не существует. Ни в одном из обнаруженных документов ни сам Б. Ваисов, ни кто-то со стороны не именовал его муллой, ни действующим, ни бывшим.

В 1865 году Багаутдин обратился к односельчанам–молвинцам с просьбой выделить ему вместе со старшим братом Сиразетдином из общинной земли отдельный надел на пять душ с целью последующего выкупа[113]. Сельский сход молвинцев удовлетворил эту просьбу. Однако Сиразетдин, к тому времени более тридцати лет проживший за пределами родного села, отказался отделяться от общины. Поэтому после его смерти во время очередного перераспределения общинных земель согласно постановлению схода его доля была поделена между остальными членами общины, а Багаутдину Ваисову на три души был выделен надел размером 12,1 десятины удобной земли. Поскольку в дореволюционной России земельный надел полагался только лицам мужского пола, можно предположить, что к 1865 году у Багаутдина было двое сыновей, а у Сиразетдина Ваисова – один сын. Впрочем, жившему в Казани руководителю общины было недосуг заниматься своей

[110] Фахреддин Р. Асар. Т. 3. Л. 183. Документ № 98.
[111] НАРТ. Ф. 41. Оп. 2. Д. 1073. Л. 33 об.
[112] НАРТ. Ф. 41. Оп. 3. Д. 200. Л. 1–2.
[113] НАРТ. Ф. 41. Оп. 3. Д. 200. Л. 43.

землей, которая фактически находилась в запущенном состоянии, длительное время оставалась не удобренной и не огороженной.

В сентябре 1875 года, то есть ровно через десять лет после первого благоприятного приговора, Б. Ваисов обратился в суд с иском против односельчан с требованием вернуть ему недостающие 5 десятин земли и возместить убытки за десятилетний период[114]. Возможно, на подачу иска к односельчанам Багаутдина спровоцировали проблемы материального свойства. В конце 1874 года крестьянином Свияжского уезда Петром Демидовым был подан иск на сумму 190 рублей за поставленные и не оплаченные Ваисовым стройматериалы (известка, кирпич и пр.). Вскоре последовал иск Саратовско-Симбирского земельного банка, в котором был заложен один из казанских домов ишана. В результате судебных разбирательств часть имущества Ваисова была продана с торгов (февраль 1876 года), однако вырученных денег хватило лишь на частичное возмещение долга банку. Примечательно, что дом был продан на вторичных торгах за сумму, гораздо меньшую суммы первичной оценки и общей суммы долга. Таким образом, Б. Ваисов едва смог покрыть часть долга банку, а претензии П. Демидова остались без удовлетворения. Судя по архивным документам, вплоть до 1883 года он так и не смог вернуть свои деньги[115].

Судебные разбирательства по делу о земельном наделе брата закончились частичным удовлетворением претензий Б. Ваисова. По постановлению Казанского окружного суда, состоявшегося в августе 1877 года, Б. Ваисов должен был получить недостающие 3,1 десятины земли и компенсацию за убытки с момента подачи иска (сентябрь 1875) по день удовлетворения. В апреле 1878 года Судебная палата рассмотрела и оставила без удовлетворения апелляционную жалобу молвинцев, а решение суда вошло в законную силу[116]. Вероятно, с этого времени Б. Ваисова и членов его семейства мало что связывало с селом Молвино, хотя официально они продолжали числиться молвинцами. Тот факт, что во всех официальных документах Багаутдин Ваисов и его сыновья назывались крестьянами д. Молвино, не является необычным и бесспорным, так как подлинное место рождения и пункт приписки зачастую не совпадали. Например, младший сын Багаутдина Мухаммедгаян по всем документам проходил как крестьянин д. Молвино, хотя родился и жил в д. Беденьга Симбирской губернии, откуда родом была его мать – Биби-Гайни-Джамал Ваисова. Двое других сыно-

[114] НАРТ. Ф. 41. Оп. 3. Д. 216. Л. 56.
[115] НАРТ. Ф. 41. Оп. 2. Д. 1073. Л. 54–55.
[116] НАРТ. Ф. 41. Оп. 3. Д. 200. Л. 22, 31–39.

вей Галяутдин и Гайнан, приписанные к селу Молвино, являлись уроженцами Казани.

По меньшей мере, уже с начала 1860-х годов Багаутдин Ваисов постоянно проживал в г. Казани. К середине 70-х годов он владел двумя домами: один располагался в Ново-Татарской (Большая Симбирская улица), а другой – в Адмиралтейской (Большая Татарская улица) слободах. Первый дом официально принадлежал его жене – Биби-Фаизе Абдуллатыфовой. Второй дом был продан в середине 1870-х гг. за долги.

Сведения о семейной жизни Багаутдина также фрагментарны, разноречивы и базируются на ряде свидетельств, сохранившихся в прижизненных архивных документах. У Багаутдина было не менее пяти жен: Бадигуль-Джамал Субханкуловна Габдулгафарова, Сарви-Джамал Мухаммедаминовна Габдуллина, Биби-Фаиза Абдуллатыфовна [Халитова], Биби-Камал Шамсутдинов(н)а и, наконец, Биби-Гайни Замал (Биби-Джамал) Абдуллатыфовна Ваисова.

Имена первых двух жен Багаутдина – Бадигуль-Джамал Субханкуловны и Сарви-Джамал Мухаммедаминовны – были обнаружены мною в метрических книгах Ново-Татарской слободы г. Казани, содержащих записи о рождении и смерти детей Б. Ваисова, сделанные в середине и второй половине 1860-х годов[117]. Имена двух других жен – Биби-Фаизы Абдуллатыфовой и Биби-Камал Шамсутдиновой[118] – упоминает сам Багаутдин в прошениях, датированных августом-октябрем 1878 года (документ № 2)[119]. Эти имена также встречаются в метрических книгах с. Молвино.

К сожалению, кроме упомянутых записей метрических книг, других источников информации о первых двух женах Багаутдина нет. Следует сказать, что и метрические записи велись муллой Новой каменной мечети Ново-Татарской слободы Хуснутдином Сеитовым весьма небрежно, а потому содержат много ошибок и неточностей. При отсутствии иных сведений это приводит к неясности и некоторой путанице. Тем не менее в результате тщательной реконструкции записей метрических книг более-менее достоверно было установлено следующее. Первой женой Багаутдина могла быть, вероятнее всего, Сарви-Джамал (1827? – 13.11.1870), поскольку старшие ее дети родились еще в начале

[117] НАРТ. Ф. 4. Оп. 180. Д. 30.

[118] Шамсутдином звали отца Биби-Камал. Родители Биби-Камал Шамсутдиновой проживали, вероятнее всего, в селе Татарские Наратлы Азелеевской волости Свияжского уезда. В архивах сохранились документы, свидетельствующие, что смерть ее матери (тещи Багаутдина) наступила в 1890 году. См.: НАРТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 7629. Л. 94-97.

[119] РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 842. Л. 10–13 об. НАРТ. Ф. 2. Оп. 3. Д. 413. Л. 1–4.

и середине 1850-х годов. Ее отец Мухаммедамин сын Габдуллы происходил из крестьян Свияжского уезда Казанской губернии и в 1870 году был еще жив. Сарви-Джамал умерла осенью 1870 года в возрасте 43 лет[120]. Причина смерти в метрике не указана.

Отцом другой жены Багаутдина Бадигуль-Джамал (1825–8.03.1870) был Субханкул сын Габдулгаффара, умерший еще до 1865 года. Бадигуль-Джамал умерла, вероятнее всего, при родах в марте 1870 года в возрасте 45 лет[121]. После смерти Бадигуль-Джамал для ее малолетней дочери Биби-Гайнел-Камал в качестве "няньки" была приглашена Биби-Фаиза, с которой у Багаутдина вскоре сложились более близкие отношения.

Илл. № 13. Шигабутдин Марджани

С Биби-Фаизой связана одна из первых серьезных конфликтных ситуаций. По определению ОМДС от 31 июня 1873 года, проведшего расследование, брак Багаутдина Ваисова с Биби-Фаизой был признан незаконным, поскольку обряд бракосочетания был совершен самим Багаутдином без приглашения указного муллы. На основании этого, Багаутдин был признан виновным в прелюбодеянии и на основании шариата и ст. 1211 XI тома Установлений духовных дел ДДДИИ, через приходского имама Иманкулова[122] был предан осуждению (таубе). Также виновному была предписана 28-дневная ураза (пост). Более того, этим же определением было рекомендовано передать обоих виновных уголовному суду: первого за склонение замужней женщины к прелюбодеянию, а вторую – за нарушение супружеской верности[123]. Примечательно, что экспертом в этом расследовании выступил казанский ахун Шигабутдин Марджани (илл. № 13), который в отзыве Казанскому губернскому правлению признал совершенный Ваисовым брак с Абдуллатыфовой незаконным[124].

[120] В метрике записано, что Сарви-Джамал умерла в возрасте 63 лет, но думается, что это описка, так как за пару лет до этого у нее родилось несколько детей.

[121] НАРТ. Ф. 4. Оп. 177. Д. 166. Л. 84об.–85. Метрическая запись об умерших в 1870 году.

[122] Вероятнее всего, речь идет об имаме Малой каменной мечети Ново-Татарской слободы Абдул-Гани Иманкулове (Габдел-Гани б. Габделвахаб б. Иманкул).

[123] НАРТ. Ф. 2. Оп. 3. Д. 413. Л. 1–4.

[124] НАРТ. Ф. 2. Оп. 3. Д. 318. Л. 3–6.

Возможно, что конфликт Б. Ваисова с Ш. Марджани начался именно после этой отрицательной экспертной оценки казанского имама. Уже к концу 1870-х – началу 1880-х гг. отношения между ними были настолько плохими, что Ш. Марджани в числе других казанских имамов подписал приговор о выселении Б. Ваисова из Казани (документ № 15). В то же время Ш. Марджани проигнорировал ишана в своем труде биобиблиографического характера (Мустафад аль-ахбар фи ахвали Казан ва Булгар), не упомянув его ни одним словом (на это обратил внимание, в частности, Р. Фахреддин). В свою очередь, в 1880-х г. Б. Ваисов посылает в адрес Ш. Марджани многочисленные проклятия и угрозы, которые будут неоднократно повторены и его учениками.

Биби-Фаиза, вероятнее всего, была дочерью Абдуллатыфа Халитова, соратника Багаутдина. Ее имя встречается также под прошениями, адресованными в 1883 году директору Казанской окружной психиатрической лечебницы, с просьбой освободить больного под поручительство семьи, а также в иных документах начала 1880-х годов. В ряде документов, принадлежавших перу Гайнана Ваисова, неоднократно упоминалось о том, что старшая из жен Багаутдина – Биби-Фаиза – погибла от случайной пули во время вооруженного конфликта 1885 года[125]. Однако в архивных документах, сопровождавших процесс 1885 года, нет никаких свидетельств о гибели людей. Также подобной записи нет и в метрической книге Новокаменной мечети Ново-Татарской слободы.

Наконец, в завещании, написанном от имени Багаутдина и датируемом 1888 годом, а также в документах 1890-х годов неоднократно упоминается супруга по имени Биби-Гайни Замал, которая, судя по ряду свидетельств, также была дочерью бывшего беденьгинского муллы Абдуллатыфа Халитова[126]. После смерти мужа в 1893 году она покинула Казань и переселилась в Беденьгу, где жила в доме своей родственницы. Биби-Гайни-Джамал (Гайни-Замал) была жива еще в начале XX века, так как в протоколах экспертиз и осмотров 1909 года упоминаются письма к Гайнану от братьев и мачехи, проживавших в селе Беденьга[127].

---

[125] Кәһарман милләте мөҗаһид әл-ислам вәисиләр тарихы һәм әҗмалы программасы. – Казан, 1917. – 5 б. Эти же сведения, со ссылкой на слова младшего Ваисова, были приведены в статье Е.И. Молоствовой (1912).

[126] НАРТ. Ф. 41. Оп. 13. Д. 3. Л. 93–98об.; Оп. 2. Д. 1685. Л. 11 об. О том, что Биби-Гайни-Джамал была дочерью Абдуллатыфа Халитова, есть упоминания в одном из прошений 1890 г. См.: НАРТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 7629. Л. 60–68.

[127] НАРТ. Ф. 41. Оп. 13. Д. 3. Л. 73. Она была еще жива летом 1918 года, когда ее в деревне Беденьга посетил только что вернувшийся из Средней Азии Газизян. См.: Шәкүров К. "Кайсы җирдә Муса булса, шунда фиргавен бар", яки вәисевчеләрнең эзәрлекләү тарихыннан // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2007. № 2. – С.116. Более того,

Сам Багаутдин утверждал, что от пяти жен имел сорок два сына (?!), из которых выжили лишь трое[128]. Имена около двадцати детей, большинство из которых действительно умерли в младенчестве, были выявлены мной по метрическим книгам, так как до начала 1870-х годов даты их рождения и смерти фиксировались в официальных документах приходским муллой Хуснутдином Гумеровичем Сеитовым (метрические книги мечети № 11)[129]. После смерти имама Х.Г. Сеитова (умер в январе 1872 года), начиная с 1871/1872 гг., имена других детей Багаутдина в казанских метриках практически не записывались вследствие конфликта его с новым приходским муллой Шакиром Сеитовым. В 1870-х годах Багаутдину удалось записать в метрические книги с. Молвино некоторых из своих сыновей, родившихся в Казани: в 1874 году сына Галяутдина от жены Биби-Камал и сына Шаха-Шагаутдина от Биби-Фаизы, а в 1878 году – сыновей Гайнанетдина от Биби-Камал и Гаянетдина от Биби-Фаизы[130] (документ № 100). Но все же это было скорее исключением. Имена большинства детей дервиша, родившихся уже после того, как конфликт вошел в стадию обострения и полного непризнания нового приходского муллы и игнорирования староверами официальных метрических книг, остались неизвестными или же могут быть идентифицированы по прошениям самого Багаутдина, а также по более поздним документам.

Таким образом, в метрических книгах мусульман вновь отстроенной мечети Ново-Татарской слободы г. Казани за 1864–1879 гг., с. Молвино за 1874–1878 гг. в графе родившихся и умерших детей были указаны имена следующих детей дервиша Б. Ваисова[131].

От брака с Сарви-Джамал Габдуллиной:

– Умме-Камал (1855 – 11.03.1865);

как следует из следственного дела Раузы Гаяновны Ваисовой, она была жива еще в 1920-х гг.

[128] Маевский М.М. Случай эпидемического помешательства на религиозной почве // Неврологический вестник. 1897. Том. 5. Выпуск 4. Документ № 33.

[129] Вспомним, что Х.Г. Сеитов, как и Б. Ваисов, был мюридом Джагфар-ишана. Возможно, этим объясняется снисходительное отношение имама Х.Сеитова к некоторым проступкам Б. Ваисова (в частности, самостоятельное совершение им обрядов имянаречения, погребения умерших младенцев и пр.). Но его сын и преемник Шакир Сеитов подобного пиетета к Багаутдину не испытывал, а потому отказывался закрывать глаза на прегрешения последнего.

[130] НАРТ. Ф. 4. Оп. 177. Дд. 101, 103.

[131] Метрические книги г. Казани за 1865-1879 гг. см.: НАРТ. Ф. 4. Оп. 177. Дд. 147, 162, 164,165,166, 167, 168. Метрические книги Новой каменной мечети (№ 11) Ново-Татарской слободы г. Казани за 1864–1918 гг. см.: НАРТ. Ф. 4. Оп. 180. Д. 30. Следует сказать, что метрики за 1864 год являются самыми ранними из сохранившихся в НАРТ.

– Ходжа Мухаммед Джалялетдин (6.04.1864 – 15.01.1865);
– Ходжа Гинаятелхак Валидин (14/15.06.1867 – 28.02.1869).

От брака с Бадигуль-Джамал Субханкулов[н]ой:
– Сахиб-Джамал (26.08.1864 – 6.10.1864);
– Ходжа Мухаммед-Зыяддин (? – 9.04.1866);
– Биби Гайнел-Джамал (7.08.1866 – 14.03.1869)[132];
– Биби Гайнел-Камал (21.02.1869 – 30.04.1878).

От брака с Биби-Фаизой было не менее четырех сыновей и одной дочери, умерших также в младенчестве:
– Биби-Шамси Фахри-Бану (29.02.1871 – 3.03.1871[133])
– Ходжа Мухаммед-Шаха Шагаутдин (8.05.1872 – 8.05.1872[134]);
– Ходжа Мухаммед-Шаха Шагаутдин Факыя Сани (1.01.1874 – 2.05.1874)[135];
– Ходжа Мухаммед-Шаха Шагаутдин ас-Салис (1.10.1875[136] – после 10.1878, но до 06.1888);
– Ходжа Мухаммед Гаянетдин (1.07.1878[137] – после 10.1878, но, вероятно, до 1882).

От брака с Биби-Камал:
– Ходжа Мухаммед **Галяутдин** (1.04.1874[138] – не ранее осени 1921);
– Биби-Эльма Гайна (7.07.1876 – 02.1877[139]).

---

[132] В записи о смерти этой дочери было сказано, что она умерла от опухоли в возрасте 20 месяцев. Хотя имя матери не указано, в этой же записи есть моменты, которые позволяют предположить, что речь идет именно о дочери Бадигуль-Джамал.

[133] НАРТ. Ф. 4. Оп. 177. Д. 147. Л. 92, 97. Поскольку брак с Биби-Фаизой считался незаконным, дочка Багаутдина как незаконнорожденная была записана лишь под именем матери. В графах родившихся под № 6 и умерших под № 3, было указано лишь имя матери девочки – Фаиза Габдуллатыф кызы.

[134] НАРТ. Ф. 4. Оп. 177. Д. 166. Л. 218. В метрике было указано лишь имя матери ребенка – Биби-Фаизы Габдуллатыф кызы, тогда как отец вновь не назван.

[135] Запись о рождении и смерти данного сына внесена в метрическую книгу д. Молвино за 1874 г. См.: НАРТ. Ф. 4. Оп. 177. Д. 101. Л. 19об.–21, 12–13. В графе мать указана Биби-Камал Шамсутдинова, что, вероятнее всего, ошибочно.

[136] По словам самого Б. Ваисова, так как в метрической книге Новой каменной мечети Ново-Татарской слободы факт рождения этого сына не указан. См.: НАРТ. Ф. 4. Оп. 177. Д. 167. Однако Б. Ваисову удалось внести запись о рождении сына в метрическую книгу села Молвино. См.: НАРТ. Ф. 4. Оп. 177. Д. 102. Л. 18.

[137] Запись о рождении сына Гаянетдина также содержится в метриках с. Молвино за 1878 г. См.: НАРТ. Ф. 4. Оп. 177. Д. 103. Л. 19 об. В метрической книге было записано, что мальчик родился в Ново-Татарской слободе г. Казани и о рождении его стало известно 16 августа.

[138] Запись о рождении Галяутдина внесена в метрическую книгу д. Молвино. См.: НАРТ. Ф. 4. Оп. 177. Д. 101. Л. 21.

[139] По словам самого Б. Ваисова, так как в метрической книге Новой каменной мечети Ново-Татарской слободы дата смерти его дочери не указана. См.: НАРТ. Ф. 4. Оп. 177. Д. 168.

– Ходжа Мухаммед **Гинанутдин (Гайнан)** (9.01.1878[140] – 28.02.1918);

От брака с Гайни-Джамал:

Ходжа Мухаммед **Гаянетдин (Гаян)** (17.02.1882 – 1940);

Мухаммед-Ибн уль Гайб Аль-**Газизян** Фахретдин (1884/1887 – 1963).

Следует отметить, что в список детей, родившихся в 1878 году в Ново-Татарской слободе, Гайнан был внесен самым последним, вероятно, уже после того, как метрика была составлена, так сказать, "постфактум" (документ № 101). Чуть раньше (8 февраля) запись о рождении этого сына Багаутдина была внесена в метрическую книгу с. Молвино. К записи была сделана приписка, что Гайнан родился в Ново-Татарской слободе[141].

Не совсем уточнена дата рождения самого младшего из сыновей Багаутдина – Газизяна. В литературе общепринятой датой рождения его был 1887 год, который и указан во всех справочных изданиях. Однако, по словам самого Газизяна, когда его отец был арестован и навсегда разлучен с семьей (речь идет о событиях января 1885 года), он был всего лишь трехмесячным младенцем, которому так и не было суждено увидеть своего отца воочию[142].

От какого брака были дочь Биби-Сазида (Биби-Саджида)[143] и старший сын Ходжа Мухаммед-Салахетдин (родившийся в 1853 или 1854 г.), точно установить не представляется возможным. О старшем из сыновей Багаутдина сохранилось очень мало сведений. В частности, в архивных документах мной обнаружено всего лишь несколько скупых строчек. В 1875 г. Салахетдин присутствовал при описании части семейного имущества для продажи с торгов по иску ряда кредиторов и вместо отца расписался в получении копии описи[144]. 3 января 1879 года в 25-летнем возрасте он женился на двадцатидвухлетней женщине по имени Джамал. Факт бракосочетания был зафиксирован в метрической книге Ново-Татарской слободы рукой муэдзина Мухаммед-Вафы Исхакова[145]. Помимо этого факта, имя Салахетдина также упоминается и в "Завещании" 1888 года. В одном из полицейских донесений есть указание на то, что в конце XIX века Салахетдин жил в Ка-

[140] НАРТ. Ф. 2. Оп. 3. Д. 413. Л. 1–4; Ф.4. Оп. 180. Д. 30. Л. 651. РГИА. Ф.821. Оп. 8. Д. 842. Л. 10-13 об. Документ № 2.

[141] НАРТ. Ф. 4. Оп. 177. Д. 103. Л. 20.

[142] См.: Шәкүров К. "Кайсы җирдә Муса булса, шунда фиргавен бар", яки вәисевчеләрнең эзәрлекләү тарихыннан // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2007. № 2. – С. 111.

[143] Ее имя упоминается в документе 1890 г. См.: НАРТ. Ф.1 Оп. 3. Д. 7629.

[144] НАРТ. Ф. 41. Оп. 3. Д. 216. Лл. 3–4.

[145] НАРТ. Ф. 4. Оп. 180. Д. 30. Лл. 637-639.

мышловском уезде Пермской губернии. Об этом же упоминал Газизян Ваисов в своих воспоминаниях. По его словам, Салахетдин чудом избежал ареста в январе 1885 года, бежав из дома через задний двор; позднее жил в Камышлове, занимаясь торговлей фруктами и зеленью. Умер в 1892 году. По словам Ризы Фахреддина, Салахетдин умер вскоре после смерти отца, оставив жену и троих детей (документ № 97).

Уже начиная с бумаг, датируемых осенью 1889 года, в прошениях и иных архивных документах упоминаются имена лишь четверых малолетних сыновей Багаутдина (их имена выделены жирным шрифтом). Именно им и будет суждено сыграть наиболее видную роль в продолжении дела своего отца в начале XX столетия.

§ 3. Основание староверческой общины и первые конфликты с соплеменниками и властями

Сведения об основании и раннем периоде существования ваисовской общины в Казани чрезвычайно скудны и базируются в основном на более поздних источниках. Возможно, достоверных автохтонных источников просто не существует. Прошения и показания Гайнана, данные им судебному следователю в 1909–1910 годах, долгое время оставались наиболее цитируемыми. Выявленные в последнее десятилетие новые архивные документы могут внести некоторые уточнения, несколько меняющие имеющиеся представления о раннем этапе истории ваисовского движения. Тем не менее следует признать недостаточность имеющихся в нашем распоряжении сведений, в особенности по первым годам функционирования общины.

Официальной датой основания ваисовской общины в г. Казани считается 1862 год. Вспомним, что это год смерти Джагфаришана. Вероятно, после смерти своего учителя Багаутдин считает себя законным преемником шейха и полноправным руководителем общины. Существует и более точная дата – 11 ноября 1862 года. Она указана на многих документах, в том числе на отпечатанных в 1908 году бланках и паспортах. Кроме исторической традиции, пока нет никаких достоверных свидетельств в пользу даты 1862 г. Судя по упоминавшимся метрическим записям, Б. Ваисов проживал в Ново-Татарской слободе, по меньшей мере, уже с начала 1860-х гг., а возможно, и раньше. Однако наиболее ранние из сохранившихся достоверных сведений о деятельности дервиша

относятся к первой половине и середине 70-х годов XIX века. Именно этим временем датируется первое программное печатное выступление Багаутдина Ваисова, а его имя приобретает определенную скандальную известность.

Практически с первых лет деятельность Багаутдина вошла в противоречие с мусульманским сообществом г. Казани и верхушкой мусульманского духовенства в лице членов ОМДС. Конфликт этот базировался не только на осуждении личной жизни и аморальных поступков Багаутдина (см. § 2 данной главы), но имел и иную подоплеку. Наиболее ранние сведения о конфликтах и напряженных отношениях Б. Ваисова с высшими кругами мусульманского духовенства в лице муфтия С.-Г. Тевкелева датируются началом 1870-х годов[146]. В частности, весной 1873 года муфтий распространил среди мусульманского духовенства одобренную в Департаменте духовных дел фетву (наставление) муллам и ахунам о необходимости содействовать обучению мусульман русской грамоте. Бесспорно, инициатива распространения данного документа исходила от чиновников Департамента и должна была содействовать реализации закона 1870 года о введении русских классов при медресе. Муфтий, как лицо, состоявшее на государственной службе, скорее всего, лишь выполнял данное ему поручение. Однако данная фетва муфтия была воспринята частью духовенства негативно, как элемент принудительной кампании с целью заставить мулл сдавать экзамены на знание русского языка. В обществе распространялись различные слухи и толки, подогреваемые сообщениями в русских изданиях, а самим муфтием было получено анонимное письмо с обвинениями и угрозами. Хотя письмо было анонимным, подозрения пали на Б. Ваисова, который, по словам муфтия, имел вредное влияние на магометанское общество Казани и уже писал ранее письма оскорбительного содержания. В продолжение дела министр внутренних дел А.Е. Тимашев затребовал из Департамента духовных дел сведения о Б. Ваисове. Оскорбительные выпады против руководства муфтиата были высказаны Багаутдином в произведении "Тарик-и хваджаган" (1874), а также в многочисленных прошениях того времени.

Одновременно Багаутдин Ваисов вступает в перманентные конфликты с местными властями, неоднократно подвергается штрафам за оскорбление должностных лиц (пристава, мирового судьи и пр.). Зачастую поводом к судебным разбирательствам

[146] Аграрный вопрос и крестьянское движение 50–70-х годов XX века. Материалы по истории Татарии второй половины XIX века. – М.–Л., 1936. Том 1, часть 1. – С. 305.

становились бытовые конфликты, невыдержанность и грубость самого Б. Ваисова. Например, зимой 1875 года он был обвинен в том, что выстроил около дома деревянный флигель и конюшню с нарушением правил строительства. Мировой судья наказал осуществить перестройку с учетом противопожарных соображений. Апелляционная жалоба Ваисова была отклонена, а оскорбительные слова в адрес пристава (выражавшиеся в словах "варвар", "атаман разбойников" и др.) стали основанием для осуждения его к двухмесячному тюремному заключению. Во время разбирательства выяснилось, что Б. Ваисов был либо в "пьяном виде", либо в крайнем раздражении. Одновременно, в это же самое время он был заочно осужден на два месяца тюрьмы за нанесение побоев женщине. Судя по материалам уголовного дела, крестьянка д. Большой Кусаковой Свияжского уезда Биби-Гайша Мухаметгалеевна Назирова подала жалобу о том, что 6 марта 1876 года Б. Ваисов нанес ей побои. После судебного разбирательства и показаний свидетелей мировой судья 3-го участка г. Казани вынес приговор о заключении обвиняемого на два месяца в тюрьму. Апелляционная жалоба была отклонена. Осенью 1877 года приговор был приведен в исполнение, поглотив раннее наказание за оскорбление должностных лиц[147].

Нередко представители местной администрации сами провоцировали обострение конфликтных ситуаций явным пренебрежением и грубыми словами в адрес дервиша. Например, мировой судья мог запросто бросить жалобу Ваисова на землю/пол со словами "ты кляузник", "мерзавец", "пошел вон" и т.д.[148] Хотя факты грубого и высокомерного поведения представителей власти и оскорбления, допускаемые ими в адрес неугодных лиц, как правило, не фиксировались в официальных документах, они, бесспорно, имели место. Вероятно, они были широко распространены в российской действительности, о чем свидетельствуют воспоминания и документы личного происхождения той эпохи.

Наконец, во второй половине 1870-х – начале 1880-х годов Б. Ваисовым было подано большое количество прошений и жалоб на действия муфтия, симбирского и казанского духовенства. В частности, в 1877– 878 годах Б. Ваисов оспаривал действия ряда духовных и должностных лиц (муллы и старосты) д. Беденьга, не выполнивших волю умершего крестьянина этого же села Мифтахутдина Масагутова, завещавшего пятую часть своего имущества Б. Ваисову. Согласно жалобе, мулла д. Беденьга Гимадетдин

[147] НАРТ. Ф. 41. Оп.2. Д. 654, 30 л.; Д. 695, 86 л.
[148] НАРТ. Ф. 41. Оп. 2. Д. 695. Л. 76–77об. Документ № 1.

Шагиахметов, очернив и отстранив законного душеприказчика Г.-Л. Халитова, в сговоре со своим братом и рядом должностных лиц, самовольно и вопреки воле умершего осуществил раздел имущества покойного, проигнорировав права Ваисова. Муфтиат же обвинялся в том, что в этой спорной ситуации занял неправедную сторону[149].

В течение 1878 года у Багаутдина продолжался, начавшийся еще в первой половине 1870-х годов, длительный конфликт с муллой Ново-Татарской слободы Мухаммед-Шакиром Хуснутдиновичем Сеитовым[150]. Последний обвинялся в подлогах, многочисленных служебных преступлениях, в весьма вольном и произвольном обращении с метриками (в частности, он отказывался фиксировать в них даты рождения и смерти детей самого Ваисова), в том, что намеренно настраивает муфтиат против Багаутдина (документ № 2)[151]. Руководство Оренбургского Магометанского Духовного Собрания, которое в силу корпоративной солидарности, естественно, встало на сторону законного муллы, было обвинено Ваисовым в попустительстве и укрывательстве должностных преступлений; в произвольном наказании за служебные подлоги и преступления. Б. Ваисов жаловался, что муллу Шакира Сеитова, которого с некоторыми членами Собрания связывают родственные отношения, оно покрывает, тогда как муллы Г.-Л. Халитов и другие были лишены своих должностей за допущенные провинности. Например, в 1874 году от обязанностей имама соборной мечети Адмиралтейской слободы был отстранен Хуснутдин Абдулсалямов, обвинявшийся в ряде преступлений[152].

Из переписки, последовавшей за данным прошением Б. Ваисова, вполне очевидно следует, что уже к середине 1870-х годов

[149] РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 615. Л. 16–18 об. В деле имеется оригинал духовного завещания М. Масагутова. Пикантность ситуации заключалась в том, что мулла одного из приходов д. Беденьга Гимадетдин и его брат, мулла из соседнего селения, Джамалетдин Шагиахметовы приходились Габдуллатыфу Халитову родными племянниками.

[150] Мухаммедшакир Хуснутдинович Сеитов (25.07.1843 – 27.06.1904) – один из трех сыновей имама одиннадцатой соборной (Новокаменной) мечети Ново-Татарской слободы, свияжского мещанина Хуснутдина Гумеровича Сеитова. Образование получил в медресе своего отца и в Стамбуле. В 1872 году Шакир Сеитов стал официальным преемником отца на посту имама этого прихода и занимал его до самой своей смерти. Последние годы долго болел. См.: НАРТ. Ф. 4. Оп. 180. Д. 30; Ф. 2. Оп. 2. Д. 255. 12 л. Салихов Р.Р., Хайрутдинов Р.Р. Исторические мечети Казани. – Казань, 2005. – С. 153. В этой работе номер архивного дела указан ошибочно.

[151] РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 842. Л. 10–13 об.

[152] НАРТ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 524. 115 л. Еще ранее, в 1867 году, имам Х. Абдулсалямов был осужден за “повенчание” самого себя с несовершеннолетней Биби-Гайни-Джамал, а также за жестокое обращение с ней и оскорбление пристава 5-й части г. Казани. Но лишь в 1874 году протесты прихожан были услышаны руководством муфтиата и мулла Абдулсалямов был отстранен от должности приходского имама.

он отказывался признавать необходимость приходского духовенства и выполнял все обряды (имя-наречение родившимся детям, причем не только своим, но и чужим, обряды бракосочетания, погребение умерших) самостоятельно, игнорируя официальное духовенство. В данном случае сталкивались две традиции – мусульманская и российская. Б. Ваисов полагал, что признание его в качестве духовного отца и предводителя дает ему полное право исполнять обязанности главы мусульманской общины. По российским законам, все эти функции возлагались на "указное" духовенство. И это давало формальный повод для обвинения Б. Ваисова в том, что он незаконно присваивает себе функции духовных лиц, к которым сам не принадлежит[153].

В то же время из документов 1878–1879 годов следует, что ваисовцы в то время еще не были намерены самостоятельно вести метрические книги, поскольку Багаутдин настаивал на внесении его детей в официальные метрические списки жителей Ново-Татарской слободы. Получив отказ, он начинает искать обходные пути (например, через муллу с. Молвино), одновременно продолжая обвинять муллу Сеитова в произвольном ведении метрических книг. В этом произволе со стороны "указного" имама Ваисов видит угрозу для интересов правительства: не записанные в метрики дети впоследствии могут избежать воинской повинности. По-видимому, конфликт с муллой Ш. Сеитовым, упорно отказывавшимся вносить имена детей Багаутдина в метрики (на том основании, что он не совершал необходимых обрядов имя наречения), подтолкнул лидера ваисовцев к большей самостоятельности и в данной сфере. Уже в 1881 году он представил на утверждение министра внутренних дел собственную метрическую книгу о записи новорожденных и умерших детей староверов-мусульман[154]. В начале XX века факты, когда дети ваисовцев не записывались в официальные метрические книги, стали повсеместно распространенным явлением. В 1909 году при обыске квартиры Г. Ваисова и канцелярии были изъяты типографским способом отпечатанные метрические книги, предназначенные для ваисовских общин на местах.

В сентябре 1880 года в Казани произошли события, когда конфликт вышел за рамки взаимных обвинений и обычных словесных перепалок. Угрозы в адрес дервиша едва не приняли форму физи-

[153] Оренбургский муфтий неоднократно обращался к казанскому губернатору (в частности, 11 октября 1877 и 14 августа 1878 гг.) с просьбой принять меры в отношении Ваисова, обвиняя его в нарушении закона и совершении различных треб по обрядам магометанской веры. НАРТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 6073. Л. 6-10.

[154] РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 842. Л. 53а–53а/об.

ческой расправы. Они были настолько серьезными, что Б. Ваисов, опасаясь за свою жизнь, был вынужден покинуть Казань. Выехав осенью в село Беденьга Симбирской губернии, он провел там всю зиму 1880/1881 гг. Весной 1881 года (по крайней мере, с 24 марта по 4 апреля) Б. Ваисов находился в столице[155], тщетно пытаясь получить аудиенцию нового императора и подавая многочисленные прошения с целью легализации ваисовской общины.

Однако было бы неверно представлять жизнь Б. Ваисова в 1870-х – начале 1880-х годов исключительно лишь как череду конфликтов с окружавшим его сообществом. Такой перекос объясняется тем, что в сохранившихся архивных документах преобладают материалы судебных преследований и свидетельства тех или иных конфликтов. Это вполне естественно, так как конфликты чаще, нежели мирная повседневная и созидательная жизнь, фиксировались в документах, исходивших из надзирающих и карательных органов. А именно такие функции выполняли министерство внутренних дел с подразделениями, окружной суд и даже цензурный комитет.

Главным в своей деятельности Багаутдин Ваисов считал проповедничество и "издание духовно-нравственных книг"[156]. В уже упоминавшейся автобиографии 1883 года Багаутдин утверждал, что еще в 1874 году он "напечатал 30 тысяч экземпляров книг для образования российского народа", а также "свое собственное издание 10 тысяч экземпляров книг"[157].

Вероятно, во втором случае в виду имелось "Тарик-и хваджаган", а в первом – произведение "Шарайту-ль иман" ("Иман шарты"), изданное им в университетской типографии с разрешения цензуры в 1880 году. Последнее издание представляло собой традиционный мусульманский сборник молитв и отрывков из различного рода религиозных сочинений для повседневного чтения. Издание Багаутдина Ваисова отличалось от многочисленных более ранних и позднейших вариаций некоторыми дополнениями, в том числе и молитвой в адрес Александра II[158].

В 1875–1881 годах Багаутдином было подано большое количество прошений в Цензурный комитет на издание различных книг. Часть из поданных рукописей была возвращена ходатаю. Однако рукописи, которые, по мнению цензоров, содержали факты проти-

[155] Судя по прошениям, в столице Б. Ваисов проживал в Александро-Невской части (Тележная улица, д. 169, кв. 2).

[156] НАРТ. Ф. 41. Оп. 2. Д. 695. Л. 76. Из "Протокола допроса обвиняемого" от 11 августа 1876 года.

[157] НАРТ. Ф. 41. Оп. 2. Д. 1073. Л. 33–43об.

[158] НАРТ. Ф. 41. Оп. 15. Д. 1.

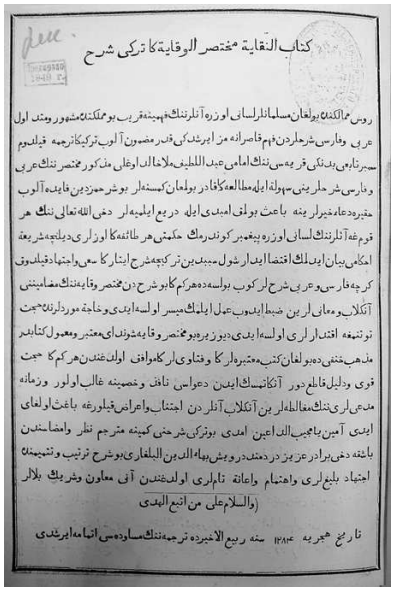
воправных деяний или имели преступное содержание, оставались в архиве Цензурного комитета. Таким образом, они частично сохранились в фондах РГИА (см. документы № 102-106).

Весной 1881 года Департаментом через казанского губернатора Багаутдину были возвращены 3 книги (печатные) и 9 тетрадок (по-видимому, рукописных). По словам самого Багаутдина, это были следующие сочинения:

– “Китабы Никоя Мухтасаф Выкоя тарзюма” в 3-х частях[159];

– “Китабы мустятаб диван Шахикгибент” в 3-х частях[160];

– “Шароитман” в 1-й части[161].



كتاب النقاية مختصر الوقاية كا تركى شرح

روس ممالكنده بولغان مسلمانلر لسانى اوزره آنلرننك فهمينه قريب بو مملكتده مشهور ومتداول
عربى وفارسى شرحلردن فهم قاصرانه مز ايرشدكى قدر مضمون آلوب تركيكا ترجمه قيلدوم
سبر تابعى بدنكى قريه سى ننك امامى عبد اللطيف ملا خالد اوغلى مذكور مختصر ننك عربى
وفارسى شرحلرينى سهولة ايله مطالعه كا قادر بولمغان كمسنه لر بو شرحمزدين فايده آلوب
حقيره دعاء خيرلرينه باعث بولمق امبدى ايله دريغ ايلميه لر دخى الله تعالى ننك هر
قومغه آنلرننك لسانى اوزره پيغمبر كوندرمك حكمتى هر طائفه كا اوزلرى ديلنجه شريعة
احكامى بيان ايدلمك اقتضا ايدار شول سببدين تركيجه شرح ايتار كا سعى واجتهاد قيلدوق
كرچه فارسى وعربى شرحلر كوب بولسه ده هركم كا بو شرحدن مختصر وقايه ننك مضامينى
آنكلاب ومعانى لرين ضبط ايدوب عمل ايلمك ميسر اولسه ايدى وخاجه مورد لرنده حجت
توتنمغه اقتدارلرى اولسه ايدى ديوز يره بو مختصر وقايه شوندای معتبر ومعمول كتابدر
مذهب حنفى ده بولغان كتب معتبره لر كا وفتاوى لر كا موافق اولدغندن هركم كا حجت
قوى ودليل قاطع دور آنكا تمسك ايدن دعواسى نافذ وخصمينه غالب اولور وزمانه
مدعى لرى ننك مغالطه لرين آنكلاب آنلردن اجتناب واعراض قيلورغه باعث اولغاى
ايدى آمين يا مجيب الداعين امدى بوتركى شرحنى كمينه مترجم نظر وامضاسندن
باشقه دخى برادر عزيز دردمند درويش بهاء الدين البلغارى بو شرح ترتيب وتتميمنده
اجتهاد بليغ لرى واهتمام واعانة تاملرى اولدغندن آنى معاون وشريك بلالر
(والسلام على من اتبع الهدى

تاريخ هجريه ١٢٨٤ سنه ربيع الاخيرده ترجمه ننك مساوده سى اتمامه ايرشدى

Илл. № 14. Титульный лист сочинения: [Баһаведдин әл-Болгари, Габделлатыйф бин Халид]. Китаб мөстаб-и шәрех никая мохтәсар әл-викая. – Казан, 1871

Судя по комментариям цензора И. Нофаля[162], первая из упомянутых книг по мусульманской юриспруденции под названием “Викайят” была издана в 1871 году. Еще раньше это известное сочинение по мусульманской юриспруденции было издано с русскоязычными комментариями столичным ориенталистом профессором Мирзой Казем-Беком. В 1871 году в Казани, в университетской типографии был издан аналогичный сборник под редакцией Г. Халитова и Б. Ваисова (илл. № 14). Беденгин-

[159] Написание заглавий сочинений в тексте Б. Ваисова даны так, как они отражены в цитируемых архивных документах. Здесь и далее в сносках указано более правильное написание. В данном случае речь идет о следующем сочинении: [Баһаведдин әл-Болгари, Габделлатыйф бин Халид]. Китаб мөстаб-и шәрех никая мохтәсар әл-викая. – Казан, 1871. – 128 б. Сокращенно это сочинение называли “Викайят”. Примечательно, что в экземпляре сборника, сохранившемся в Научной библиотеке Казанского университета, отсутствует титульный лист с указанием авторов-составителей сборника. Однако на первом листе упоминаются Г. Халитов и Б. Ваисов.

[160] Название этой работы полностью идентифицировать не удалось. Возможно, речь идет о сочинении “Диван-и Шах-и Накшбанд”, которая была издана литографическим способом в 1874 г. в одном томе с “Тарик-и хваджаган”, но с отдельной нумерацией страниц. “Диван-и Шах-и Накшбанд” представляет собой сборник стихотворений, приписываемых Багаутдину Накшбанди, составленный наставником издателя шейхом Джагфаром.

[161] Видимо, следует читать: “Иман шарты”. РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 842. Л. 43.

[162] РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 842. Л. 49–51. Документ № 9.

Илл. № 15. Титульный лист и окончание литографического издания мистических стихотворений шейха Багаутдина Накшбанди. Казань, 1874 г.

ский имам подготовил к печати арабо- и персоязычные части сочинения. Б. Ваисов, по-видимому, являлся составителем сборника и осуществил перевод текста на тюркский язык. Как предположил И. Нофаль перевод был сделан авторами издания, вероятно, с помощью самого М. Казем-Бека.

Вторая из названных книг, как следует из того же документа, представляла собой мистические стихотворения основателя братства шайха Багаутдина Накшбанди с предисловием Б. Ваисова (илл. № 15). В предисловии автор не ограничивается лишь восхвалениями в адрес средневекового мистика, но и критикует современных ему муфтия и казыев, обвиняя их в казнокрадстве, взятничестве, испорченности нравов и чрезмерной легкости, с которой они усваивают чужеземные нравы и обычаи. Досталось и "черкесам" за их низость, подлость и отсутствие всяких религиозных чувств. Цензор обратил особое внимание на ту часть предисловия, в которой трактовались вопросы хаджжа в священные для мусульман Мекку и Медину. По словам И. Нофаля, в этой части автор предисловия допускает двусмысленное толкование некоторых арабских слов, что может быть неверно истолковано

правоверными мусульманами как ограничение их прав на совершение хаджжа (документ № 9).

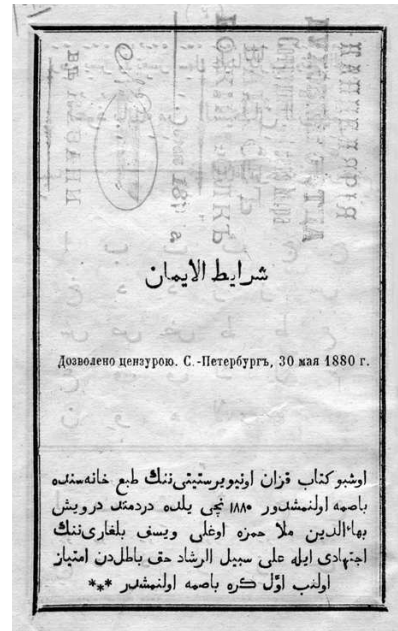
Наконец, третья книга, по словам цензора, представляет собой маленький печатный томик, предназначенный для детского чтения. Возможно, имелась в виду "Шарайту-ль иман", изданная в 1880 году и содержавшая в конце молитву в честь Александра II. Это издание позднее будет пользоваться у ваисовцев особой популярностью (илл. № 16). Из слов самого Б. Ваисова, а также по другим косвенным данным следует, что все три книги (особенно это касается сборника "Викайят", содержавшего правовые нормы и толкование Корана) были составлены и изданы при непосредственном участии Габдуллатыфа Халитова[163].

Вероятно, именно эти слова и позволили М. Гайнетдинову сделать заключение, что основателем и идеологом секты должен считаться бывший мулла Г. Халитов, а не Б. Ваисов. Здесь следует привести еще одно довольно авторитетное свидетельство. В марте 1886 года ахун А. Баязитов по запросу Департамента составил записку о появлении различных сект в исламе. Встретившись с Ваисовым во время его посещения столицы в 1881 году, имея с ним продолжительную беседу, А. Баязитов пришел к заключению, что перед ним очередной самозванец с еретическими взглядами. Все попытки столичного ахуна вразумить ишана и доказать его заблуждения оказались безуспешными. Возможно, на поведение А. Баязитова повлияла и рекомендация муфтия С. Тевкелева, который в своем письме просил столичного ахуна воспрепятствовать Ваисову в распространении еретических взглядов и, по возможности, содействовать его высылке из столицы. Эти рекомендации были Баязитовым исполнены полностью – он не только не разрешил гостю выступить с речью перед мусульманами после пятничной молитвы, но и убеждал столичных мусульман во вредности и ложности взглядов казанского суфия. В то же время А. Баязитов давал его сотоварищу, "бывшему мулле" (имеется в виду именно А. Халитов), более лестную характеристику, отмечая несомненную ученость последнего[164].

Собеседники Р. Фахреддина также подчеркивали, что из всего окружения Б. Ваисова и из числа его последователей самым образованным был именно мулла Г. Халитов (см. документ № 98). Все свои сочинения и сборники, появившиеся в 1870-х гг., Багаутдин Ваисов издавал под именем "Баһаеддин әл-Болгари".

[163] РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 842. Л. 45.
[164] РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 843. Л. 12, 13.

Однако вернемся к сочинениям Б. Ваисова, представленным в Цензурный комитет весной 1881 года. Каково было содержание девяти тетрадок, возвращенных, судя по пометке, автору, остается только гадать. Возможно, часть из них была опубликована его сыном в 1907 году. По словам Багаутдина, в числе представленных рукописей были и молитвы, составленные шайхом Джагфаром и переведенные на русский язык.


شرايط الايمان

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 30 мая 1880 г.

اوشبو كتاب قزان اونيويرستيتى‌ننك طبع خانه‌سنده
باصمه اولنمشدور ١٨٨٠ نجى يلده دردمنك درويش
بهاءالدين ملا حمزه اوغلى ويسف بلغارى‌ننك
اجتهادى ايله على سبيل الرشاد حق باطل‌دن امتياز
اولنب اوّل كره باصمه اولنمشدر ***

Илл. № 16. Титульный лист брошюры “Шараит-уль иман” (“Иман шарты”), изданной Б. Ваисовым в 1881 г., с печатью “Канцелярии”

Из прошений 1881–1882 гг. следует, что Б. Ваисов намеревался издать следующие сочинения[165]:

– “Китаб Хювси Мелюк”[166] – была подана в цензурный комитет, вероятнее всего, еще в 1874 году, поскольку не была допущена к печати 7 января 1875 года;

– “Байгатънаме” (“Присяга на верноподданство”) – запрещена к печати 14 марта 1881 года (документ № 102);

– “Китаби мустада би иршади духи шаганэ ли-ль хыдози мин джемий-ль дженайет ва-ль афат”[167] – была отклонена из-за отсутствия гербовой марки достоинством в шестьдесят копеек в 1880 году и в марте 1881 года внесена вторично.

Все три сочинения вновь были отклонены цензурой со следующим заключением: “Как исполненные резкими и оскорбительными осуждениями высшего представителя духовной власти мусульманского Оренбургского Муфтия, как стремящиеся к возбуждению вражды в народе не только против сказанного выше духовного лица, но и вообще против духовных лиц (мулл) мусульманского испове-

[165] РГИА. Ф. 777. 1881 г. Оп. 3. Д. 5. Л. 87.

[166] Следует читать: “Хивз-уль-Мулюк” (“Сохранение правителей”)

[167] Следует читать: “Китаб мустатаб би-иршад дога шахане лиль-хифз мин джами аль-джинайят вал-афат” (“Собрание молитв, оберегающих императора от преступлений и опасностей”).

дания и, наконец, как заключающие в себе тенденциозные намеки к действиям правительственных установлений и лиц”[168].

Однако отказ цензоров не остудил литературного рвения старца. Уже в ноябре 1881 года в канцелярию императрицы Марии Федоровны Б. Ваисовым были представлены три сочинения с просьбой выделить средства для перевода их на русский язык:

– “Худба-и галишан-шагабасафа Александра-салис”[169];

– “Ахвалирагияд”[170] (документ № 105);

– “Ахвалидунияфигази-хизман”[171].

Эти сочинения были препровождены в ДДДИИ, где и сохранились в бумагах[172]. Естественно, денег Ваисову выделено не было.

Наконец, в декабре 1881 года Б. Ваисов представил еще три сочинения на утверждение столичной цензуры[173]:

– “Макома моназят”[174];

– “Ходба шага басафа Монарх ба шигырь хикмат ва назым”[175] (документ № 106);

– “Байгад намма”[176].

На этот раз цензором выступал известный исламовед, профессор В.Д. Смирнов. По его отзыву, одно из произведений под заглавием “Байгатьнаме” (под № 2287; документ № 103)[177], содержавшее в себе форму присяги, должно быть отклонено, так как оно позволяет автору лишний раз присвоить себе титул “старовера мусульманской религии” (документ № 13). Остальные два произведения, состоявшие из молитв за здравие и благоденствие государя императора и его августейшего дома, были возвращены автору с положительным ответом[178]. Одна из них была издана литографским способом (документ № 107; илл. № 17).

Другой сферой применения усилий суфия была преподавательская (наставническая) деятельность. В прошении 1881 года Б. Ваисов писал о намерении своего учителя шайха Джагфара

---

[168] РГИА. Ф. 777. 1881 г. Оп. 3. Д. 5. Л. 107–107 об.

[169] “Проповедь во славу высокого и чистого императора Александра III”.

[170] “Әхвәл-и рәгайет” (“Положение народа”).

[171] “Әхвәл-и дөнья фи гази хи заман” (“Положение мира”).

[172] РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 842. Л. 36об.

[173] РГИА. Ф. 777. 1881 г. Оп. 3. Д. 5. Л. 350–350 об.

[174] Следует читать: “Мәкам-ә мөнәҗәт” (от макамат – ступень, проходимая суфиями на пути совершенствования; макамат также обозначает поэтический жанр, широко распространенный в тюркоязычной литературе).

[175] “Хутба шах-и ба-сафа монарх хикмат ва-назм” (“Проповедь во славу чистого монарха в стихотворной (рифмованной) форме”).

[176] “Байгать-наме” (“Присяга”).

[177] Другой вариант данного же сочинения имеется в фонде ДДДИИ (см. документ № 104)

[178] РГИА. Ф. 777. 1881 г. Оп. 3. Д. 5. Л. 363 а, б, в.

обратиться в правительство за разрешением открыть медресе (духовное училище). Поскольку эта инициатива не была доведена до конца, умирая, шайх Джагфар завещал своему преемнику реализовать эти намерения. Объясняя мотивы своих действий, Б. Ваисов писал: “Мысль, которую имел дервиш Салихов и передал мне об устройстве магометанского духовного медрисе горит во мне неусыпно до сих пор. Я просил об этом Правительство, но также неудачно и именно не зная с чего и как начать это дело, а потому Правительство не поняв цели, отказало мне”[179].

Илл. № 17. Литографическое издание Б. Ваисова. 1881 г.

Более ранний отказ не остановил Ваисова и в апреле 1881 года он вновь ходатайствует о разрешении учредить такое медресе. В преподаватели учреждаемого медресе он намерен был привлечь “опытных духовных особ”, полезных правительству по нравственности и по поведению. В числе преподавателей планировался и учитель русской грамоты. Руководителем медресе и главным законоучителем Б. Ваисов предполагал стать сам, считая свои теоретические и практические познания в Коране и шариате вполне достаточными и полезными царю и отечеству. На открытие медресе Б. Ваисов был намерен пожертвовать дом в Ново-Татарской слободе г. Казани (принадлежавший его жене Биби-Фаизе) с земельным участком в 15 десятин, а также изданные им книги. Автор ходатайства особенно подчеркивал, что медресе должно подчиняться не ОМДС, а непосредственно Министерству внутренних дел. Попутно руководство ОМДС обвинялось в нерадении, склонности к пьянству (или попустительству пьянства среди мусульман), нежелании сдерживать прихожан и мулл от противозаконных действий (документ № 8). В августе 1881 года Б. Ваисов подает новое ходатайство о разрешении ему открыть мусульманское медресе. Но и это повторное прошение было отклонено по

[179] РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 842. Л. 44 об.–45 (документ № 8).

формальным показателям: неправильно написаны отдельные слова, не переведены на русский язык татарские подписи, в прошении содержатся поносительные выражения[180].

Хотя Б. Ваисов и не получил положительного ответа на свое ходатайство, тем не менее это не помешало ему открыть в собственном доме учебное заведение "мактаби гирфанию", которая была ни чем иным, как местом для обучения детей на дому. Сохранились архивные документы, свидетельствующие, что в учение к Багаутдину отдавались малолетние мальчики из различных поволжских деревень, дети членов ваисовской секты[181]. По причине отсутствия законного разрешения в мае 1882 года против Б. Ваисова было возбуждено судебное преследование. Преследование это приняло новый виток после своеобразного приговора (фактически в виде доноса), составленного в начале июля 1882 года казанскими мусульманами[182]. Около 470–480 казанских татар, возглавляемых практически всеми законными ("указными") имамами г. Казани[183], выступили с обвинениями в адрес Б. Ваисова и его помощника Ахметзяна Абдуллатыпова. Последние обвинялись в таких преступных деяниях, как распространение ложной веры, открытие без разрешения медресе, провоцирование беспорядков, разногласий и даже возможного бунта в мусульманской среде. Приговор заканчивался просьбой выслать руководителей ваисовской общины из Казани и Казанской губернии. Однако местные власти, учитывая отсутствие законных оснований для высылки, предпочли формально проигнорировать данную рекомендацию приговора казанцев.

---

[180] Прошение возвратить Б. Ваисову, а дело кончить // Гасырлар авазы – Эхо веков. 1996. № 3/4. – С. 147. В публикации использовано следующее архивное дело: НАРТ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 1923. Л. 1–2об.

[181] НАРТ. Ф. 41. Оп. 2. Д. 1073. Л. 2–27.

[182] РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 842. Л. 71–83. Документ № 15.

[183] Среди подписавших приговор жителей Казани были тринадцать указных мулл: Мухаммед Сакеев, Хабибулла Усманов (1840–1913, с 1877 года имам соборной № 12 "Казаковской" мечети Старо-Татарской слободы), Хисамутдинов (военный имам), Мухаммед Саниев, Абдулгаллям Салихов (1832–1899, с 1880 г. имам соборной № 2 "Апанаевской" мечети Старо-Татарской слободы), Шакир Абдулджабар Кулиев (Кулеев, 1850–?, с 1880 г. имам соборной № 3 "Бурнаевской" мечети Старо-Татарской слободы), Мухаммедшакир Сеитов (в 1872–1904 гг. имам соборной № 11 Новокаменной мечети Ново-Татарской слободы), Мухаммедзакир Халидов (?–1893, с 1870 г. имам-хатиб соборной № 4 мечети "Голубой" Старо-Татарской слободы), Абдулкаюм Абдулбадигов (1836–1906, с 1879 г. имам соборной № 10 "Красной" мечети Ново-Татарской слободы), Хусаин Амирханов (1814–1893, с 1849 года имам мечети № 9 "Иске Таш" Ново-Татарской слободы), Шигабутдин Марджани (1818–1889, с 1850 г. имам № 1 соборной мечети Старо-Татарской слободы), Мухаммедюсуф Сагитов (1830–1909, с 1875 г. имам-хатиб № 5 соборной "Галеевской" мечети Старо-Татарской слободы), Хузиахмет Музаффаров (?–?, в 1871–1899 гг. имам соборной № 7 "Сенной" мечети Старо-Татарской слободы). Биографии некоторых имамов подробнее см.: Салихов Р.Р., Хайрутдинов Р.Р. Исторические мечети Казани. – Казань, 2005.

В июле 1882 года Б. Ваисов подал в Канцелярию статс-секретаря его Императорского величества прошение, в котором сообщал, что желает присутствовать на коронации Александра III с тем, чтобы прочитать в этот день составленную им Божью молитву во имя нового Императора. Б. Ваисов просил выделить ему и 12 поверенным средства для прибытия в столицу[184]. Отказ же был расценен как результат происков его врагов[185].

Это прошение, как и иные действия руководителя старообрядческой общины, лишь усилили подозрения в умственных способностях просителя. В июле того же года Б. Ваисов впервые был освидетельствован в состоянии умственных способностей: члены губернского присутствия признали ненормальность состояния душевной деятельности Ваисова. Для точного выяснения степени расстройства он был отправлен в окружную психиатрическую лечебницу для вторичного освидетельствования. Диагноз врачей был неутешителен – Ваисов страдает сумасшествием. 22 сентября в помещении губернского присутствия было проведено новое освидетельствование с привлечением в качестве переводчика и эксперта профессора Н.И. Ильминского. Вполне благожелательные пояснения последнего, объяснившего многое в действиях Ваисова незнанием русского языка и государственных законов, а также поведение больного во время пребывания в лечебнице позволили присутствующим сделать вывод о душевном здоровье основателя секты. В то же время Ваисов был признан человеком крайне раздражительным, беспокойным и сутяжным. Вскоре Б. Ваисов был выпущен под поручительство его супруги Биби-Фаизы Абдуллатыфовой.

В январе 1883 года против Б. Ваисова было начато новое судебное преследование – по обвинению в истязании трех малолетних мальчиков-учеников[186]. Суть дела заключалась в том, что в конце декабря 1882 года с согласия Б. Ваисова его помощник Ахметзян Абдуллин посадил трех мальчиков – Халятдина Залялетдинова (12 лет), Мухамет-Карима Халимова (10 лет) и Абдул-Гали Хакимова (9 лет), отданных родителями в учение Ваисову, в качестве наказания в сырой и холодный подвал. Там детей продержали около месяца, периодически применяя к ним физическое насилие. Дело закончилось тем, что мальчики были насильственно изъяты полицией и отправлены в крайне истощенном и болезненном виде в земскую больницу. Примечательно, что приглашенные во время судеб-

[184] РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 842. Л. 67–70; Документ № 16.
[185] НАРТ. Ф. 41. Оп. 2. Д. 1073. Л. 2–4.
[186] НАРТ. Ф. 41. Оп. 2. Д. 1073. Л. 2–4; Ф. 51. Оп. 2. Д. 37. Л. 2–11 (обвинительный акт). Документы № 18, 22.

ного разбирательства родители потерпевших мальчиков встали на сторону Б. Ваисова, считая его действия полностью оправданными. Объясняя мотивы своего поведения (следует сказать, что Б. Ваисов был абсолютно уверен в своей невиновности), обвиняемый много говорил о бесконечных происках его врагов – "татар", из-за которых были отклонены все его прошения и ходатайства в правительственные органы. По словам Багаутдина, "татары" своими действиями нанесли ему огромный материальный ущерб: они скупали и сжигали его сочинения, пытались отравить через пищу с мышьяком, приносимую в окружную лечебницу осенью 1882 года, высмеивали и даже физически угрожали ему самому и его детям. Наконец, мальчики были посажены под замок для того, чтобы их не украли "злые татары", выступавшие против распространяемого Ваисовым учения. Ответы, данные Б. Ваисовым во время допроса, позволили окружающим вновь усомниться в нормальности его психического состояния, а потому он был направлен на новое психиатрическое освидетельствование (документ № 18).

Таким образом, конфликтные ситуации далеко не всегда базировались на идеологических или религиозных разногласиях, а порой имели в своей основе сугубо бытовые корни. Но было бы упрощением сводить все лишь к вздорному характеру Багаутдина или мелочным придиркам со стороны местных властей. Более того, по мере обострения и углубления конфликта между Б.Х. Ваисовым с последователями и окружавшим их мусульманским сообществом усиливалось и стремление руководства староверческой общины к изолированности и самостоятельности во всех делах. Группа "староверов" во главе с Багаутдином Ваисовым все более приобретала характер секты.

§ 4. Волнения 1870–1880-х гг.: социальные аспекты движения

Для властей гораздо более опасным представлялись не отдельные противоправные поступки Багаутдина, а его влияние на мусульманское население региона в условиях нарастающих волнений на почве религиозных и социальных противоречий. Ваисовское движение развивалось в эпоху, когда традиционное мусульманское общество испытывало давление с разных сторон. С одной стороны, деятельность православных миссионеров под руководством Н.И. Ильминского воспринималась ими как наступление против ислама. Мусульмане явно опасались новой государственной кам-

пании насильственной христианизации. С другой стороны, Российское государство впервые напрямую вмешивалось в систему мусульманского образования: оно пыталось упорядочить порядок открытия новых мусульманских конфессиональных учебных заведений, поставив их под контроль правительственных учреждений, открывало альтернативные медресе – т.н. русско-татарские школы, в которых мусульманские дети обучались на русском языке и по русским учебным планам. Одновременно правительство обязывало руководителей традиционных мусульманских медресе включать в программу курсы русского языка или же открывать русские классы. Многие муллы встретили эти требования непониманием и сопротивлением. Известный тюрколог В. Радлов, с 1872 по 1883 г. занимавший должность инспектора татарских, башкирских и киргизских (казахских) школ Казанского учебного округа, считал подобное сопротивление мулл "фанатизмом" и добился закрытия нескольких мусульманских учебных заведений, учителя которых не повиновались его приказам[187].

В конце 1870-х годов конфликт между администрацией и мусульманским населением достиг новой кульминационной точки. Поводом послужил рассчитанный на внутреннее использование правительственный циркуляр, который определял порядок строительства и содержания церквей и русских школ. В этом документе речь шла о том, что каждая община должна сама содержать своего священника и учителя. Несмотря на то, что циркуляр действовал только по отношению к православным общинам и не касался мусульманского населения, он или, по крайней мере, слухи о нем спровоцировали опасения мусульман, что их заставят открывать в своих селах церкви и православные семинарии. А это воспринималось как первый шаг в сторону насильственного крещения. Во многих татарских селениях случились беспорядки[188].

Названная инструкция сыграла определенную роль в сознании Багаутдина Ваисова, что особенно отразилось в его стихотворном цикле под названием "Джавахир-и хикмат-и дарвишан" ("Жемчужины мудростей дервишей"). Произведение было издано в 1907 году, то есть после смерти автора, его сыном Гайнаном. Это обстоятельно позволило эксперту по ваисовскому движению цензору Н.Ф. Катанову, кстати, как и многим другим в его окружении, прийти к заключению, что поэма является произведением Гайна-

[187] Материалы по истории Татарии второй половины XIX века. – М.-Л., 1936. Том 1, часть 1. – С. 312–317.

[188] Материалы по истории Татарии ... – С. 354–433.

нетдина[189]. Возможно, что Гайнан отредактировал и даже дополнил стихи отца своими собственными. Но авторство Ваисова-младшего всей поэмы маловероятно, так как в ней трактуются события 70–80-х годов XIX столетия, которые во время Гайнана, то есть уже в начале XX века, не были столь актуальными и значимыми, как при жизни Багаутдина.

К подобным событиям относится и вышеназванная инструкция, ставшая символом вмешательства христианского государства в систему образования мусульман, о которой упоминается во второй части поэтического произведения "Джавахир-и хикмат-и дарвишан". При этом Багаутдин Ваисов открыто нападает на инспектора русско-татарских школ В.В. Радлова, сравнивая его с антихристом (даджжалом):

"Эти люди с помощью злой инструкции отрицали все сотворение моего Господина (Бога). Этот философский краснобай и шпион Радлов по заказу сатаны принес мусульманам разрушение. То есть в должности татарского, башкирского и киргизского инспектора он не оставил ни одного из верующих (в живых, в покое?). Потом предводитель всех угнетенных стал всемирный потоп, и как огонь, он устранил вздох дардеманда"[190].

Связь Багаутдина Ваисова с движением отпадения крещеных татар от православия и особенно с крестьянскими волнениями татар 1878–1879 годов еще не изучена в полной мере. Известно лишь несколько случаев участия сельских сподвижников Ваисова в подобных конфликтах, которые в своей основе имели социальный характер.

Один из подобных конфликтов произошел в начале 1880-х годов в деревне Карашам Свияжского уезда Казанской губернии. Поскольку эта деревня являлась одним из основных центров ваисовского движения и была родиной ряда активнейших ваисовцев, следует немного подробнее остановиться на характеристике данного населенного пункта. Согласно преданиям, села Татарское Азелеево, Карашам и некоторые другие в бассейне реки Свияги возникли в результате расселения жителей древнего Булгара в период его упадка в XIV–XV вв.[191] В начале 1880-х гг. в д. Карашам

[189] Катанов Н.Ф. Новые данные о мусульманской секте Ваисовцев. – Казань, 1909. – С. 4.

[190] Ваисзаде. Джавахир-и хикмат-и дарвишан. – Казань, 1907. – Часть II. – С. 14–15. Здесь и далее все цитаты из поэмы даны по: Кемпер М., Усманова Д.М. Ваисовское движение в свете собственных прошений и поэм. // Гасырлар авазы – Эхо веков. – 2001. – № ¾.

[191] Родословная (шаджара) жителей села Карашам была составлена в 1870-х гг. имамом деревни Хидиятуллой Габдюшевым и хранится в ОРРК НБЛ КГУ (Т-4308, № 13). Дополненная в 1927 и 1967 гг. версия карашамовского шаджара хранится в сельской

насчитывалось 92 хозяйства (в том числе 3 семьи крещеных татар) и проживало около 415 человек, была одна мечеть, построенная в "давние времена", и медресе. Община староверов-мусульман была не очень многочисленной – порядка пятидесяти человек, но чрезвычайно активной и беспокойной.

Хронологически первый открытый и наиболее острый конфликт между сектантами и остальными членами сельской общины разгорелся в начале 1880-х гг., когда группа крестьян отказалась признать новое распределение общинных земель[192]. Предводителями этой противоборствующей стороны являлись Галиулла Ибатуллин и Габдулсаттар Бикчентаев[193], именовавшиеся "мусульманами-староверами". Когда их ходатайства не дали никаких результатов, члены группы Г. Ибатуллина самочинно заняли те поля, на которые претендовали, но были изгнаны оттуда своими односельчанами. После этого члены "взбунтовавшейся" группы еще долго отказывались от обработки той земли, которая была им выделена общиной. Губернские власти (например, в лице исполняющего обязанности губернатора К.Н. Хитрово) напрямую обвиняли Б. Ваисова в подстрекательстве крестьян деревни Карашам к беспорядкам при переделе земли[194]. В основе этого конфликта лежали сугубо экономические причины: крестьяне д. Карашам испытывали острую нехватку удобных для обработки и плодородных участков земли. Именно "земельный голод", такой обычный для пореформенного крестьянства, спровоцировал этот конфликт, который принял религиозную окраску.

В начале 1890-х годов имя Галиуллы Ибатуллина встречается в ряде прошений в административные и финансово-фискальные учреждения[195]. В частности, в декабре 1890 года он подал прошение

библиотеке. См.: Абдюшев К.С. Карашәм. – Казань, 1978. Автор родословной Хидиятулла Габдюшев (1829–1919) был сыном муллы Габдюша б. Гыйбаддина (1804–1869) и долгие годы – с 1861 года вплоть до начала XX века – состоял имамом д. Карашам. Постарев и подряхлев, он передал свое место младшему сыну Сайфулле (1878–?).

[192] История этого нашумевшего конфликта отражена в ряде публикаций: Материалы по истории Татарии второй половины XIX века. – М.-Л., 1936, том 1, часть 1. – С. 92–99 (публикация архивных документов из фондов РГИА); Абдюшев К.С. Карашәм. – Казань, 1978. – С. 11–12. А также в неопубликованных архивных документах: НАРТ. Ф. 41. Оп. 3. Д. 568. 33 л.

[193] Галиулла Ибатуллин и Габдулсаттар Бикчентаев являлись дальними родственниками и вели свой род от Габдулхака (предполагаемого основателя села Карашам), имя которого указано в шаджара, составленном Х. Габдюшевым.

[194] РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 842. Л. 68. Документ № 16. Действительный статский советник Константин Никанорович Хитрово являлся вице-губернатором Казанской губернии с 22 февраля 1874 по 3 июня 1890 года.

[195] НАРТ. Ф. 1 Оп. 3. Д. 7629. Л. 71–72; Д. 8453, 6 л.

на имя казанского губернатора, в котором жаловался на притеснения со стороны полиции, пытавшейся взимать с карашамовских староверов непомерные и неправедные налоги. Расследование показало, что староверская община д. Карашам насчитывала 15 домохозяев (25 ревизских или 57 наличных душ) и за ней насчитывалось недоимок на общую сумму 916 рублей 31 копейка. В эту сумму входили государственный поземельный налог, выкупные платежи, отсроченная подушная и оброчная подати, уездный земский сбор и частный мирской сбор[196]. В прошении же ваисовцев указывалось, что староверы, считавшие себя владельцами "наследственной булгарской земли", считают для себя правомерным лишь поземельный налог в размере 8 копеек за десятину. Все остальные налоги и повинности они полагали неправомерными, а потому отказывались уплачивать. Однако, отказываясь выплачивать всевозможные налоги и подати, ваисовцы не только нарушали существующие законы и, таким образом, подвергались репрессиям со стороны государственных фискальных органов, но и вступали в неизбежный конфликт со своими односельчанами, так как при существовавшей круговой поруке тяжкое финансовое бремя ложилось на остальных членов общины. Более того, судя по всему, среди сторонников секты распространялся слух, что "мусульмане податью не облагаются, а облагаются лишь татары-крестьяне". Эти слухи могли способствовать "вербовке" новых членов ваисовской общины. С другой стороны, их усиленное распространение вызывало открытое недовольство остальных членов сельской общины, которые были вынуждены прибегать к кардинальным мерам – составлению общего приговора, лишения прав и высылке из села наиболее активных и беспокойных сектантов.

В период проведения первой Всеобщей переписи 1897 года многие ваисовцы открыто призывали не подчиняться распоряжениям властей, настаивали на том, что истинная цель переписи – обращение мусульман в православие. Естественно, это приводило к репрессиям со стороны властей. Волнения и сопротивления переписчикам были не только в Казани, где одним из подобных организаторов беспорядков считался ученик Багаутдина Гизатулла Хамидуллин, но и в селениях Казанской губернии. В частности,

[196] Общая сумма недоимок, которая числилась за карашамовским обществом к декабрю 1890 года, составляла почти 4420 рублей. Из дела непонятно, чем закончилось разбирательство, были ли взысканы недоимки, или же они были списаны из-за крайней бедности карашамовцев вследствие неурожайных лет. Тем более, что в 1891 году Поволжские губернии настигло одно из страшнейших бедствий – неурожай и голод. Примечательно, что во время голода многие ваисовцы отказывались от земской и иной помощи (зерном, продуктами).

одним из самых упорных очагов сопротивления являлось "родовое гнездо" ваисовцев – село Молвино. В Свияжском уезде, где проживало довольно много последователей дервиша, только три селения (Наратлы, Акилово и Малая Русовка) не оказали сопротивления переписчикам. В Мамадышском уезде представители секты просили переписчиков и организаторов переписи внести в переписные листы запись, что они должны именоваться не татарами, а тюрками "старо-мусульманской веры". Зачастую члены ваисовской общины в своих селениях выступали в качестве наиболее активных антиправительственных агитаторов, фактических руководителей сопротивления. Проведение Всеобщей переписи 1897 года ваисовцы напрямую увязывали с планами правительства по последующей христианизации мусульман, а в обмен за присоединение к секте обещали защиту[197].

На социальной составляющей ваисовского движения достаточно подробно остановился в своей работе М. Сагидуллин, который в духе времени полагал, что именно в области социальных отношений следует искать ключ к религиозным взглядам "сектантов". По мнению Сагидуллина, в учении ваисовцев нашла отражение стихийная, анархическая и патриархальная натура крестьянина как мелкого собственника, не готового к происходившим в стране переменам. Б. Ваисов же, по сути, стал мистическим выразителем взглядов татарского крестьянства пореформенного периода[198]. Малоземелье татарского крестьянства Поволжья (особенно в Казанской и Симбирской губерниях) подпитывало воспоминания о временах собственной государственности и собственной булгарской земле. Особенно ярко это проявилось уже в начале XX века в деятельности Гайнана Ваисова с его ходатайствами о возвращении булгарам "наследственной болгарской земли" и неудачными проектами по покупке земли для основания ваисовской общины недалеко от Булгара. В то же время непомерные и зачастую непонятные малограмотным крестьянам налоги и подати подталкивали их в "сети" различных проповедников, обещавших своим сторонникам защиту и избавление от тяжкого финансового бремени.

Перечисленные случаи столкновений можно считать характерными для поведения членов ваисовского движения. В конфликте со своими единоверцами-мусульманами ваисовцы сначала старались добиться своей цели через ходатайства и суд, обращались в

[197] См.: НАРТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 10541; Ф. 390. Оп. 1. Д. 617 (Дело Мухаммед-Юсуфа Файзуллина). Право, 1910, № 45, 7 ноября; Загидуллин И.К. Перепись 1897 года и татары Казанской губернии. – Казань, 2000. – С. 179–180, 190.

[198] Сагидуллин М. К истории ваисовского движения // Очерки по изучению местного края. – Казань, 1930. – С. 247-249.

правительство (или даже непосредственно к царю). Когда же все это не давало желаемых результатов, они считали своим моральным правом принимать другие меры, с точки зрения государства являющиеся незаконными. В понимании ваисовцев эти меры никому не должны принести вреда, а лишь сохраняют статус-кво, то есть прежнее, законное по давности времени состояние дел. При этом члены ваисовского сообщества упорно, порой даже фанатично, защищали свои позиции, когда, казалось бы, не оставалось уже никакой реальной перспективы и надежды на успех. Это упорство в отстаивании своей позиции и приводило к весьма распространенному сомнению в нормальном состоянии их умственных способностей и душевного здоровья.

§ 5. Предвестник в сумасшедшем доме: "Джавахир-ихикмат-и дарвишан". Разгром ваисовской общины

Современники отмечали буйный нрав Багаутдина Ваисова, его повышенную раздражительность и конфликтность. Подобное, неадекватное с точки зрения многих окружающих (но не последователей), поведение провоцировало у властей подозрения в его умственных способностях. Вследствие этого Б. Ваисов неоднократно помещался в Казанскую психиатрическую клинику.

Казанская окружная лечебница Божьей Матери Всех Скорбящих была основана в 1869 году и стала первой больницей подобного рода в провинциальной России. Лечебница должна была обслуживать Казанскую, Вятскую, Нижегородскую, Пензенскую, Самарскую, Саратовскую и Симбирскую губернии. Первоначально она была рассчитана на 150 мест, а к концу века количество мест увеличилось приблизительно до 1000. Директорами Казанской окружной лечебницы в дореволюционный период являлись А.У. Фрезе (1869–1884), Л.Ф. Рагозин (1884–1889), Я.А. Боткин (1889–1892), В.П. Кузнецов (1892–1896), В.И. Левчаткин (1897–1916)[199]. Во второй половине XIX века в ней содержались многие политзаключенные, переведенные в клинику вследствие полученных психических заболеваний, возникших во время заключения. Также в клинику нередко помещали социально опасных людей, которых было необходимо изолировать от общества.

Не избежал подобной участи и беспокойный дарвиш. Впервые это произошло в 1882 году, когда его продержали в лечебнице с 28 июля по 23 сентября. Врачи тогда констатировали у него призна-

[199] Юдин Т.И. Очерки истории отечественной психиатрии. – М., 1951.

ки душевного расстройства и одержимость сумасшествием, но отпустили "в неулучшенном состоянии", передав по ходатайству родных на попечение жены. Вторично Багаутдин Ваисов был освидетельствован в январе 1883 года. Наконец, весной 1883 года он вновь был арестован и помещен в клинику для нового освидетельствования, где в результате шестинедельного обследования прежний диагноз был подтвержден. Этот диагноз как окончательный был утвержден Казанским окружным судом 28 мая 1883 года, что позволило суду прекратить возбужденное в январе того же года уголовное преследование Б. Ваисова за истязание трех мальчиков-учеников.

В январе 1885 года полиция, под предлогом описи дома, на который были предъявлены претензии со стороны прежних владельцев, фактически силой, подавив естественное сопротивление его обитателей, захватила "молитвенный дом" Багаутдина Ваисова. Подробности разгрома "молитвенного дома" и противодействия этому со стороны ваисовцев, а также обстоятельств ареста, расследования и суда над шестью ваисовцами наиболее полно представлены в следственном деле (документ № 22)[200]. По некоторым сведениям, во время штурма произошли схватка и перестрелка, в ходе которых несколько людей получили ранения, а старшая жена Багаутдина Биби-Фаиза Абдуллатыфова-Ваисова была даже убита. Однако в ходе майского процесса 1885 года никто из участников разгрома не упоминал о подобном инциденте. Все остальные источники (Е. Молоствова, М. Сагидуллин) ссылаются на слова Гайнана Ваисова, не приводя никаких других подтверждений правдивости или ложности его слов.

После этих событий шестеро сподвижников Б. Ваисова были привлечены к суду. На состоявшемся 3 мая 1885 года процессе они были признаны виновными в оказании вооруженного сопротивления властям и осуждены на различные сроки (от шести месяцев до трех лет) тюремного заключения с лишением всех прав состояния. Сам Багаутдин Ваисов после разгрома "староверческой" общины в начале 1885 года в третий (и, как оказалось, ставший последним) раз был помещен в клинику. Прежний диагноз был вновь подтвержден врачами и утвержден определением Казанской судебной палаты от 8 февраля 1885 года, а сам душевнобольной дервиш более на свободу отпущен не был. Судя по некоторым данным, с конца 1880-х годов условия его содержания были ужесточены настолько, что больной был лишен каких-либо контактов с родными и близкими. Багаутдин Ваисов умер в клинике 17 сентября 1893 года.

[200] См.: НАРТ. Ф. 51. Оп. 2. Д. 37. 109 л.

Как и в случае с датой рождения, относительно датировки смерти Б. Ваисова существует несколько версий. В протоколе экспертизы документов, отобранных при обыске квартиры Г. Ваисова, была обнаружена рукописная тетрадь с сочинениями, а также биографией Б. Ваисова. Вероятнее всего, эта биография была написана его сыном. В ней сказано, что Б. Ваисов умер в лечебнице 9 февраля 1892 года[201]. Тот же Г. Ваисов упоминал и август 1893 года[202]. Возможно, последняя дата имеет под собой реальное основание. В одном из прошений Г. Ваисов писал, что когда родственники получили весть о смерти Багаутдина, они начали ходатайствовать о выдаче им тела усопшего для погребения по мусульманскому обряду. Однако первоначально им было отказано на том основании, что ходатай – Гайнан – несовершеннолетний подросток (ему было 15 лет). При вторичном обращении от имени супруги оказалось, что Б. Ваисов уже похоронен. Более того, родственникам было отказано даже в указании места его погребения.

Конечно, в доставлении мятежного человека в психиатрическую лечебницу можно видеть административную или государственную практику избавления от опасного оппозиционера путем его изоляции с целью избежать появления нового мученика. Но можно думать также, что его действительно считали "юродивым" или "божьим дураком" (именно так называл себя сам Ваисов)[203], который заслуживает лечения или, по крайней мере, ограждения от остальных людей.

Во всяком случае, изолирование в клинике не лишило Б. Ваисова на первых порах контактов со своими сподвижниками, возможности писать многочисленные письма и ходатайства, а также сочинять стихи. Это касается, прежде всего, первой части его поэтического произведения "Джавахир-и хикмат-и дарвишан", в конце которой есть прямое указание на то, что, по крайней мере, последние стихи были написаны Багаутдином Ваисовым в январе 1886 года[204].

Первая часть стихотворного цикла "Джавахир-и хикмат-и дарвишан" состоит, главным образом, из длинной, непрерывной поэмы Б. Ваисова (стр. 8–26). Это центральное поэтическое стихотворение имеет форму мурабба' (четверостишие), состоящую из строф с четырьмя стихами в 123 строки. Отдельные стихи

---

[201] НАРТ. Ф. 41. Оп. 13. Д. 3. Л. 29об.

[202] Kaһарман милләте мөҗаһид әл-ислам вәисиләр тарихы һәм әҗмалы программасы. – Казань, 1917. – С. 5.

[203] Прошение возвратить Б. Ваисову, а дело кончить // Гасырлар авазы – Эхо веков. 1996. № ¾. – С. 150.

[204] Ваисзаде Джавахир-и хикмат-и дарвишан. – Казань, 1907. – С. 29

каждой строфы не всегда рифмуются. Только завершающее слово четверостишия "имди" каждой строфы повторяется в течение всего произведения. При этом отдельные строки четверостишия не всегда имеют определенный размер стиха, которые могут включать в себя от 12 до 22 слогов. В общем, каждый слог представляет собой отдельную синтаксическую единицу. Литературовед М. Гайнетдинов назвал своеобразный стиль Ваисова "новым стихотворением" в татарской поэзии[205].

По содержанию "Джавахир-и хикмат-и дарвишан" представляет собой эмфатическую проповедь с резкими обвинениями в адрес современного автору мусульманского общества. Багаутдин Ваисов призывает своих читателей отойти от испорченного образа жизни и придерживаться только Корана и Сунны Пророка. Правда, автор не дает никаких конкретных указаний, как именно нужно следовать Корану и Сунне. Скорее "Джавахир-и хикмат-и дарвишан" наполнено проклятиями и осуждениями безбожной современности и неопределенным, но чрезвычайно решительным призывом к возвращению и покаянию. Главными виновниками всеобщего развращения поэт считает представителей администрации, мечети и торговцев: *"Потому что мир наполнился мятежом и бедой, нигде на земном шаре не осталось доброго благословения; из-за отсутствия правдивости даже цари больше не живут в покое. "Скоро ли нас убьют?", спрашивают они, так их пугают, вот так! В отсутствии справедливости виновата власть, в отсутствии веры виноваты (мусульманские) ученые, в отсутствии добродетели и великодушия виноваты богачи и вельможи. Все они вместе являются врагами Бога и царей, вот так![206]"*

Багаутдин Ваисов осуждает испорченность общественной элиты и одновременно защищает царя от упреков: правители сами являются лишь жертвами, они постоянно живут в страхе. Возможно, что эти строки возникли под впечатлением от покушения на царя Александра II (1 марта 1881). По убеждению Ваисова, подлинные угнетатели народа – это местное начальство и мусульманское духовенство, которых он воспринимает как помощников *даджжала* (антихриста).

"Поэтому Пророк сказал такой хадис: "Я не боюсь сатаны, да сохрани нас Аллах; то чего я боюсь, это такие качества перевоплощений даджжала, как правители, ученые и богачи, вельмо-

[205] Гайнетдинов М. Багаутдин Ваисов... – С. 482. Kemper M. Sufis und Gelehrte in Tatarien und Baschkirien, 1789–1889. – Berlin, 1998. – С. 393-429.

[206] Ваисзаде. Джавахир-и хикмат-и дарвишан. – Казань, 1907. Часть I. – С. 14.

жи. Они своей упрямой несправедливостью гасят мой шариат", сказал, вот так[207]*".*

С точки зрения Б. Ваисова, упомянутая ранее инструкция о содержании православных школ олицетворяет царство *даджжала*, из-за происков которого даже царь остался беспомощным: *"Ведь мир стал полон несправедливости и упрямства, приказы и слова царей принципиально уже не действуют, вот так. Во всем мире действует инструкция и приказ сатаны (антихриста), а разве нет его описания в четырех книгах? Ведь в четырех книгах есть проклятие этого приказа. Религия и вера угасли из-за него, вот так*[208]*".*

Не только государство и официальное мусульманское духовенство, но и татарское общество в целом ("татары")[209] стали жертвой обольщений *даджжала*.

Как известно, *даджжал* является ведущей фигурой апокалипсической литературы: он существует во многих христианских, еврейских и мусульманских легендах как чудовище времени непосредственно перед концом мира и Судным днем. Он фигурирует во многих канонических хадисах. Согласно поздней мусульманской литературе, он соблазняет людей своими ложными чудесами и сорок дней владеет миром, пока не выступит Махди[210], который убьет его. Б. Ваисов был убежден, что в испорченности современ-

---

[207] Ваисзаде. Джавахир-и хикмат-и дарвишан. – Казань, 1907. Часть I. – С. 16.

[208] Под четырьмя книгами имеются в виду Тора, Псалтырь, Библия (Новый Завет) и Коран. Ваисзаде. Джавахир-и хикмат-и дарвишан. – Казань, 1907. Часть I. – С. 14.

[209] Ваисзаде. Джавахир-и хикмат-и дарвишан. – Казань, 1907. Часть II. – С. 12.

[210] Пиотровский М. ад-Даджжал // Ислам. Энциклопедический словарь. – М., 1991. – С. 55–56. Махди ("ведомый верным путем", "ведомый по пути Аллаха") – провозвестник близкого конца света, последний преемник пророка Мухаммеда, своего рода мессия. В Коране Махди не упоминается, однако идея мессии широко толкуется в хадисах. Первоначально Махди отождествляли с Иисусом Христом, который должен возвестить приближение Судного дня. Потом он стал мыслиться как самостоятельный образ обновителя веры. Уже в ранний период ислама Махди воспринимался в образе ожидаемого правителя, который должен восстановить первоначальную чистоту ислама. В конце VII в. на эту роль претендовал, например, "антихалиф" Абдалла б. Аз-Зубейр. Более широкое распространение мессианские идеи получили в шиитском исламе, где вера в пришествие Махди слилась с верой в возвращение "сокрытого" имама. Но если в шиизме Махди есть конкретное лицо, с появлением которого связывается восстановление справедливости на земле, то у суннитов это лицо неопределенное, связываемое с идеалом будущего. Мессианские идеи нередко вдохновляли социальные и религиозные движения в мусульманском мире. На них были основаны династии Фатимидов в Северной Африке (909–1171) и Альмохадов в Северной Африке и Испании (1130–1269). Последним по времени крупным махдистским движением было восстание в Восточном Судане в конце XIX в. под руководством Мухаммеда б. Ахмеда, провозгласившего себя Махди. В настоящее время культ Махди, помимо шиитов, исповедуют некоторые радикальные суннитские течения "сектантского" типа, в частности, в Египте. См.: Ислам: Энциклопедический словарь. – М., 1991.

ного ему общества нужно видеть происки *даджжала*. Следовательно, пришло время для выступлений Махди и Страшного суда. Предупреждение о предстоящем конце мира является ключевым высказыванием в поэзии Б. Ваисова: *"Суждение четырех священных книг в этом вопросе ясно, мое доказательство – Коран, мое подтверждение – шариат, и мое усилие (ижтихад[211]) истинны. Те, которые не веруют в мои слова, погибнут, а потом раскаются, но будет поздно, ей Богу, оно не даст им никакой пользы, вот так! Кто слышал божественную правду, а все равно не примет, судьба его объясняется в ясной форме суры аль-Мулк[212]"*.

В упомянутой Ваисовым коранической суре аль-Мулк (67) говорится о тех, которым был ниспослан "предупреждающий" посланник (Пророк), но они все равно не верят. В Судный день эти люди раскаются, но будет уже бесполезно. Ваисов себя представлял в роли предупреждающего знака (посланника) перед апокалипсисом и верил, что он избран Богом: *"Слава Аллаху, дарвиш не имеет равного в это время, клянусь Аллахом, Всевышний сам оказал нам эту милость, вот так[213]"*.

Б. Ваисов указывает на известное высказывание пророка Мухаммеда (т.н. хадис ат-тафаррук, т.е. "хадис отделения"), по которому мусульманская община (*умма*) будет разделена на 73 группы и только одна выступит в роли "спасающейся группы" (араб. *ал-фирка ан-наджия* или "Фирка-и-наджиа" в русскоязычных документах ваисовцев). При этом Багаутдин Ваисов предлагает довольно своеобразное исчисление: будто бы пророк предсказал выступление "Фирка-и наджия" через 1000 лет, а на самом деле имел в виду 1000 лет после трехсотлетнего периода его сподвижников и первых поколений их последователей. Следовательно, по логике Багаутдина, конец мира ожидался 1300 лет после Хиджры: *"Сейчас уже прошло 1300 лет, поэтому сегодня, клянусь Аллахом, время спасающейся группы. Клянусь Аллахом, кто не принесет присяги на верность вождю этой спасающейся группы, тот не может называться мусульманином, вот так![214]"*

---

[211] Иджтихад – право мусульманского правоведа-ученого выносить решение по важным вопросам религиозной и общественной жизни на основе Корана и Сунны пророка, руководствуясь основными методами фикха.

[212] Ваисзаде. Джавахир-и хикмат-и дарвишан. – Казань, 1907. Часть I. – С. 22. См. также: Kemper M. Sufis und Gelehrte in Tatarien und Baschkirien, 1789–1889. – Berlin, 1998. – С. 411–423; Кемпер М., Усманова Д.М. Ваисовское движение в свете собственных прошений и поэм // Га-сырлар авазы – Эхо веков. 2001. № ¾.

[213] Ваисзаде. Джавахир-и хикмат-и дарвишан. – Казань, 1907. Часть I. – С. 16.

[214] Ваисзаде. Джавахир-и хикмат-и дарвишан. – Казань, 1907. Часть I. – С. 24.

Таким образом, из предупреждений истекает эсхатологическая претензия, которая в своей радикальной форме не имеет ничего подобного в татарской ("булгарской") литературе XIX века. Правда, Багаутдин Ваисов открыто не претендует на звание Махди, но утверждает за собой титул "вождя" (*сардара*) "спасающейся группы". Своим исчислением он назначает 1300-й год по хиджре (31 октября 1882 года) сроком ожидаемого решения.

Видимо, некоторые части произведения "Джавахир-и хикмат-и дарвишан" были написаны после истечения этого срока[215]. В них автор признает, что люди не приняли его весть, и даже бросали в него камни. Автор сетует на то, что Бог якобы не выполнил свое обещание, которое он дал Мухаммаду: *"Твоему Любимому (Мухаммаду) ты дал обещание, что его умма завоюет весь мир и (ты обещал) своему посланнику (Мухаммаду), что законы ислама будут действовать повсюду. А где сегодня это счастье и где милости для нас? Пока что только оружие нашей уммы царит среди всех религий, вот так! [216]"*

Однако применять силу уже поздно, так как автор стихов (как и несколько его сподвижников), очевидно, уже находится в заключении в психиатрической клинике: *"Зачем мы остаемся в этом темном месте несправедливости, где никто не имеет помощника ради Ислама, зачем погасил свет Ислама, у нас лишь одно желание – получить свой хлеб, есть, пить, вот так! (...) Ты одевал нас в платья священного джихада, ты украсил нас святилищем Ислама, а сегодня ты отдал нас в руки варваров и врагов истины. Как такое действие сочетается с твоим Величием?! Вот так[217]"*.

Анализ произведения Багаутдина Ваисова дает возможность понять ход его мыслей и логику рассуждений. С исламоведческой точки зрения, сознание Багаутдина Ваисова представляет собой сугубо религиозное мышление, которое принципиально нужно рассматривать в контексте других эсхатологических движений

---

[215] Во второй части "Джавахир-и хикмат-и дарвишан" можно найти указания на предстоящий конец мира и на то, что Багаутдин является предводителем "спасающейся группы". Отсутствует ссылка на арест, как и на то, что его миссия потерпела неудачу. Эти обстоятельства привели М. Кемпера к выводу, что поэма, представленная во второй части произведения, была создана до 1882 года, а стихи первой части – в основном позже. Эта датировка подтверждается и тем, что во второй части "Джавахир-и хикмат-и дарвишан" особое значение придается инструкции конца семидесятых годов XIX века. Подробнее см.: Kemper M. Sufis und Gelehrte in Tatarien und Baschkirien, 1789–1889. – Berlin, 1998. – С. 423.

[216] Ваисзаде Джавахир-и хикмат-и дарвишан. – Казань, 1907. Часть II. – С. 18.

[217] Ваисзаде Джавахир-и хикмат-и дарвишан. – Казань, 1907. Часть II. – С. 17.

(типа махдизма) в разных мусульманских странах в преддверии наступления четырнадцатого столетия по хиджре.

По мнению М. Кемпера, в истории исламской мысли в Поволжье и Приуралье радикальная и эсхатологически направленная оппозиция современному Ваисову обществу напоминает произведения другого накшбандийского шайха XIX в. Габдрахима Утыз-Имяни аль-Булгари. Последний в трактатах на арабском и татарском языках давал собственные версии многочисленным конкретным вопросам права и фикха. Он дал довольно подробное описание собственных представлений пути к идеальному исламу. Для него такой ислам должен подражать действиям пророка Мухаммеда во всех деталях, в ритуале, на работе, в контакте с неверными[218].

В отличие от Г. Утыз-Имяни, Ваисов не пишет глубоких теологических произведений, не занимается отдельными вопросами мусульманской юриспруденции. Тексты с конкретными практическими указаниями на то, как мусульмане должны жить в своем обществе, что конкретно они могут и должны делать, датируются лишь концом 1880-х гг.[219], когда основатель секты был уже изолирован в психиатрической лечебнице. Призывы к чистому исламу, содержащиеся в произведениях самого Багаутдина Ваисова, остаются довольно общими и эмоциональными. Вокруг себя он наблюдает много разврата, по его мнению, свидетельствующих о близости конца мира. Потому он, кажется, уже не видит смысла в улучшении этого мира. Таким образом, фундаментальным положением его религиозного учения является общий призыв к покаянию, очищению, возвращению к истинному исламу и подготовке к Судному дню, но это учение не содержит идей о реформе ислама.

Когда не сбываются апокалипсические предсказания и не наблюдается пришествие Махди, все эсхатологические движения претерпевают кризисный перелом. Яркий пример этого – история шиитского государства Сафавидов во втором десятилетии XVI века, или махдистское движение в Судане в конце XIX века. Для самого Б. Ваисова несбывшиеся ожидания могли обернуться душевным расстройством и унынием.

После же его ареста и заключения в психиатрическую лечебницу для его последователей встал вопрос о том, как развивать и распространять ваисовское учение без харизматичного лидера и без эсхатологического компонента. И как бывает в подобных

[218] См.: Кемпер М. Габдерахим аль-Булгари аль-Утыз-Имани // Ислам на территории бывшей Российской империи. Выпуск II. – М., 1999. – С. 18–19; Kemper M. Sufis und Gelehrte in Tatarien und Baschkirien, 1789–1889. – Berlin, 1998. – С. 174–212. Адыгамов Р. Габдрахим Утыз-Имяни. – Казань, 2005.

[219] НАРТ. Ф. 51. Оп. 4. Д. 2227. Л.72–86. Документ № 26.

движениях, за первым, сугубо эсхатологическим этапом движения следует второй, в большей степени, социально-политический этап развития, который связан с возникновением новых структур и институтов, направленных более на решение земных проблем.

§ 6. Ваисовское движение в 1885–1905 гг.: поиск дальнейшего пути развития или способа выживания?

Очевидно, что после ареста и смерти Багаутдина Ваисова никто из его окружения не мог однозначно и бесспорно для остальных назвать себя его преемником и перенять все его божественные знания, звания и стать тем самым законным "передаточным звеном" в цепи духовной преемственности. Даже его сын Гайнан при наличии двух благоприятных обстоятельств: во-первых, генетического родства ("генетический сын") и, во-вторых, гипотетического духовного завещания ("духовный сын"), не мог претендовать полностью на титулатуру отца и выступал только под именем "наместника духовного отца Багаутдина Ваисова". Однако вплоть до начала XX века Гайнан в силу малолетства, а также образа жизни не мог возглавить уцелевших после суда и арестов членов общины. Кто же был способен выполнить и фактически выполнял роль связующего звена и насколько было организовано функционирование общины во второй половине 1880–1890-х гг.? Имеющиеся источники не дают однозначного ответа, но позволяют сделать некоторые предположения.

Среди архивных документов сохранилось два документа, которые датируются второй половиной 1880-х гг. и имеют непосредственное отношение к основателю секты. Речь идет о т.н. "Духовном завещании" Багаутдина Ваисова 1888 года и о "Правилах поведения правоверного мусульманина" 1889 года (соответственно, документы № 24 и 26). Выяснение обстоятельств появления и текстуальный анализ содержания этих двух документов может пролить некоторый свет на то, как функционировала казанская община ваисовцев в первые годы после изоляции ее духовного лидера, какие из актуальных проблем современности стали доминировать в их идеологии и какие тактические приемы члены общины использовали для реализации своих задач.

Судя по архивным данным, изолированный от своей общины дервиш Багаутдин некоторое время продолжал поддерживать связь с родными и близкими. Такие контакты продолжались, как минимум, до осени 1889 года. Находясь в клинике, Багаутдин Ваисов руководил оставшимися на свободе членами сообщества, посылая им письма с

подробными инструкциями и указаниями. Его ежедневно навещали родные и ученики, которые приносили еду (Б. Ваисов то ли боялся отравления, то ли считал недопустимым принимать пищу, приготовленную неверными), выслушивали наставления, совершали коллективные радения и записывали указания своего учителя[220].

В числе подобных бумаг было и составленное им в психиатрической лечебнице своеобразное духовное завещание, адресованное родным и детям[221]. Документ датируется 19 июня 1888 года. Текст его сохранился благодаря следствию 1909–1910 гг., когда по поручению полицейских чинов эксперт Н.Ф. Катанов осуществил перевод с татарского и арабского на русский язык ряда документов, изъятых во время обыска на квартире Г. Ваисова[222]. Среди этих документов оказалось т.н. "Завещание" Багаутдина Ваисова.

Поскольку перевод документа был сделан не с оригинала, а с копии (как следует из текста перевода, копию осуществил младший сын Багаутдина Газизян в сентябре 1906 года), вполне уместен и целесообразен вопрос об авторстве. Неизвестно, существовал ли в прошлом и существует ли в настоящее время оригинал данного документа. Не является ли "Завещание" продуктом более поздней фальсификации? Вполне можно было бы предположить, что это результат творчества сыновей (или даже старшего из них Гайнана) Багаутдина. Выступление от имени последнего было крайне необходимо, учитывая то, что перед наследниками не просто остро стояла проблема лидерства, но и необходимость признания этих притязаний другими последователями Багаутдина. Известно, что одной из самых важных проблем являлось определение руководителя общины, особенно осиротевшей после смерти дервиша Багаутдина. Естественно эту роль могли выполнять, прежде всего, его дети, которые кроме всего прочего обладали преимущественным правом генетического родства. Но для фанатично убежденных последователей Багаутдина не менее важной, если не определяющей, могла быть личная воля их духовного отца, выраженная словесно или в виде некоего "Завещания".

Долгое время в литературе имелись лишь глухие ссылки на существование такого завещания. Более того, все эти предположе-

---

[220] Маевский М.М. Случай эпидемического помешательства на религиозной почве // Неврологический вестник. 1897. Том. 5. Выпуск 4. – С. 123–140. См. документ № 33.

[221] НАРТ. Ф. 41. Оп. 13. Д. 3. Л. 93-98 об. Данный документ был впервые обнаружен и опубликован автором этих строк: Усманова Д.М. Духовное завещание Б. Ваисова // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2002. № ¾. – С. 127 – 138.

[222] Вторым документом, который был зафиксирован в протоколе экспертизы, является подробная инструкция, как должна строиться деятельность общины с преимущественным акцентом на финансовую сторону вопроса (документ № 24).

ния исходили из лагеря сторонников Гайнана Ваисова, ставшего фактическим главой общины в 1905–1918 гг., и не подкреплялись какими-либо аутентичными документами. Последователи Гайнана прямо утверждали, что он возглавил общину и принял титул сардара вследствие существования некоего "духовного завещания отца, которым тот поручал ему продолжать распространение основанной им секты". Но никаких документальных подтверждений этих слов историкам раньше известно не было.

Содержание и стилистика документа позволяют сделать предположение, что, вероятнее всего, в основе его находилось действительно подлинное письмо, написанное Багаутдином из больницы. Прежде всего, в обнаруженном "Завещании" 1888 года упоминаются все пятеро сыновей Багаутдина без выделения кого-либо из них персонально. Учитывая малолетство сыновей от брака с Биби-Камал Шамсутдиновой, со стороны Багаутдина было бы логично передать руководство старшему сыну – Саляхетдину. Но этого сделано не было. Более того, Багаутдин обращается одновременно ко всем своим сыновьям, не выделяя кого-либо персонально. Если бы документ являлся более поздней фальсификацией, то в интересах Гайнана было бы акцентировать внимание на своей персоне. Несмотря на весьма пессимистичный тон письма, Багаутдин, судя по всему, не оставлял надежды покинуть стены психиатрической лечебницы. В "Завещании" Багаутдин посылает проклятья своим мучителям, а обращаясь к своим сыновьям и родным, просит их продолжить его дело – изобличать людей измены, желающих убить царей и истребить правду. Своих близких он призывает писать прошения и подавать их во всевозможные учреждения, требуя облегчения своей участи. Примечательно, что в этом документе в качестве высшей судебной инстанции для российских мусульман Б. Ваисов впервые упоминает Оттоманскую порту. Этот пассаж будет неоднократно встречаться в документах более позднего периода.

Судя по всему, первое время врачи не препятствовали его контактам с родными и близкими. Зачастую эти контакты осуществлялись путем обмена письмами. В частности, по словам Шигабутдина Сайфутдинова, изолированный руководитель общины присылал письма, в которых описывал все, что с ним происходит в лечебнице, какие ему приходится выносить притеснения и страдания. Кроме того, Багаутдин, опасаясь отравления, отказывался принимать больничную пищу. Следовательно, его кормили родственники, ежедневно навещавшие больного. Так продолжалось до осени 1889 года, когда в силу неизвестных пока причин режим содержания Б. Ваисова был резко ужесточен. По словам того же Ш. Сайфутдинова, их

предводитель отдал приказ “лить кровь” своих мучителей. Не случайно в октябре 1889 года последователи Багаутдина, остававшиеся на свободе (прежде всего Ш. Сайфутдинов), стали забрасывать различные инстанции (губернатора, мирового судью, директора лечебницы и пр.) прошениями и письмами с гневными протестами против “мучителей” и с угрозами кары за преследование их учителя[223].

Содержание и тон этих прошений, хронологическая близость их ко времени написания “Завещания” косвенно подтверждают возможность существования подобного документа. Кроме того, несмотря на то, что перед нами лишь перевод, по стилистике и языку текст очень близок к тому, что выходило ранее из-под пера самого Багаутдина Ваисова. Возможно, “Завещание” стало итогом размышлений Ваисова о дальнейшей судьбе основанной им общины.

Второй документ был составлен более чем через год и, судя по ряду косвенных признаков, также может быть отнесен к сочинениям, имеющим непосредственное отношение к основателю общины. Осенью 1889 года один из наиболее активных учеников и последователей Багаутдина Шигабутдин Сайфутдинов разослал некоторым казанцам, в частности, двум крупнейшим татарским купцам Вали Тойкину (Туйкину) и Ахметзяну Сайдашеву письма с призывом признать учение Ваисова (илл. № 31). К письму были приложены подробные “Правила поведения правоверных мусульман”, содержавшие указание на то, что им следует делать для собственного спасения (документ № 26). Получившие эти письма В. Тойкин и А. Сайдашев, увидев адресат и побоявшись их прочитать, сразу же препроводили в запечатанном виде в полицию. Во время расследования выяснилось, что “Правила” были написаны рукой Ш. Сайфутдинова, но со слов самого Багаутдина: эти правила “дает народу господин дардеманд-дервиш Ваисов, жалея и заботясь о народе и для Бога, который дал своему названному посланнику направление и истинную веру”.

Оригиналы писем и правил, написанные на татарском и арабском языках, вместе с переводами на русский язык, осуществленными учителями КТУШа В. Терегуловым и Ш. Тагировым, а также приставом С.К. Еникеевым, были представлены в качестве вещественных доказательств во время суда над Ш. Сайфутдиновым. Благодаря этому они сохранились в архиве. Письма и особенно приложенные к ним правила были адресованы не просто влиятельным казанским купцам, но, прежде всего, мусульманам,

[223] НАРТ. Ф. 41. Оп. 2. Д. 1685. 45 л. Собранные в деле прошения были написаны Ш. Сайфутдиновым в октябре–ноябре 1889 г. Они были приобщены к делу, а их автор осужден на два месяца тюрьмы.

которые, по мнению ваисовцев, отступили от истинного ислама. Возможно, таких отступников от истинного ислама, которым были посланы увещевания, было больше[224]. Но не все они посчитали нужным обратиться в полицию, стремясь снять с себя какие-либо подозрения. То обстоятельство, что адресатом являлись мусульмане, значительно повлияло на характер обращения, набор аргументов и увещевательных терминов.

В правилах было подробно расписано, как должен вести себя правоверный мусульманин член "Фирка-и наджия". Среди различных предписаний преобладали запретительные: правоверные не должны пользоваться общегосударственными паспортами и билетами, именоваться сословными наименованиями, судиться в имперских судах, платить подати и отбывать воинскую повинность, нарушать предписания Корана и шариата (как-то курить, выпивать, прелюбодействовать и пр.). Некоторые запреты и ограничения касались нововведений, неотвратимо входивших в жизнь российских мусульман в пореформенный период: запрещалось получать ордена и награды, ездить на лошадях "с колоколами", не рекомендовалось допускать жен (женщин) в публичные места, общаться с посторонними женщинами. Кроме запретов, в правилах содержалось немало рекомендаций морально-нравственного плана: правоверные мусульмане должны быть терпеливы, уметь отличать верное от ложного, должны чтить родителей и учителей, неуклонно следовать нормам Шариата и пр. Примечательно, что в правилах мало упоминаний о предстоящем конце света, что являлось лейтмотивом поэтического творчества Б. Ваисова. Основной угрозой представляется опасность крещения мусульман в 1891 году в случае следования неверным муллам и неподчинения Ваисову (документ № 26).

В период рассылки названных правил в среде казанских татар массовые волнения были связаны с опубликованным правительственным указом об испытании мулл в знании русского языка (указ от 16 июля 1888 года, вступивший в силу в начале 1890-х гг.). После обнародования данного высочайшего повеления среди мусульман стали распространяться слухи о скором насильственном обучении мусульманских детей в русских (государственных) учебных заведениях, а затем их последующем крещении; а также слухи о том, что у кандидатов на должность мулл будут требовать аттестат о гимназическом образовании. После распространения подобных слухов татарское население многих деревень Казанского, Лаишевского, Спасского и Тетюшского уездов заволновалось и стало составлять

[224] Судя по тексту документа, среди адресатов послания был и Г. Баруди.

приговоры, подавать прошения и петиции с просьбой отменить данный указ[225]. Расследование выявило некоторых зачинщиков (среди них оказались Г. Баруди, А. Сайдашев, мулла М.-В. Салихов и др. влиятельные казанцы), которым были сделаны внушения и предупреждения. Местная администрация провела широкую разъяснительную работу: исправники объезжали все татарские села своего уезда, собирали сходы и разъясняли смысл данного указа; к разъяснительной работе были привлечены сельские имамы и руководство муфтиата с тем, чтобы оно воздействовало на мусульманское население в правильном направлении, карательными органами было оказано давление на наиболее деятельных и состоятельных мусульман, чтобы пресечь сбор средств на посылку депутации и пр. Лишь к середине 1890 года ценой больших усилий властям удалось снять напряжение в губернии. Весьма показательно, что Б. Ваисов и его последователи опирались на естественные настроения или опасения, царившие среди мусульман, но стремились использовать их в своих интересах. Давая событиям собственную трактовку, они, таким образом, пытались увеличить число своих сторонников. Призывы ваисовцев попадали на благоприятную почву, подготовленную непродуманными действиями властей или же недостаточной смелостью законных духовных пастырей – указных имамов.

После разгрома молитвенного дома, арестов, суда (1885) и, наконец, изоляции Багаутдина Ваисова роль хранителей не только духовной сути движения, но и материального воплощения мудрости учителя, изложенных на бумаге его учений и прочих документов могли выполнять различные люди. Кто-то просто хранил у себя бумаги и не претендовал на особую роль. Но были и иные случаи. Благодаря архивным документам стало известно о ваисовцах, на долю которых выпала тяжелая участь сохранить общину в столь сложный период. Как правило, это были люди, если и не стоявшие у истоков сообщества, по крайней мере, являвшиеся учениками самого Багаутдина и обладавшие его особым расположением.

Во второй половине 1880 – первой половине 1890 годов основной костяк казанской общины составляли члены семьи Б. Ваисова, состоявшей из последней жены Багаутдина Биби-Гайни-Джамал Ваисовой и четверых малолетних детей, а также “имамы Божьего полка”, сподвижники Багаутдина. Среди них чаще всего упоминаются следующие – Габдуллатиф Халитов, Саидбаттал Хабибуллин, Назмутдин Ижбаев, Шигабутдин Сайфутдинов, Ахметша Ибрагимов, Гилязетдин Гизатуллин, Сибгатулла Нигматуллин, Мухаммед-Юсуф Файзуллин. Все они именовали себя “поверенными” и “ду-

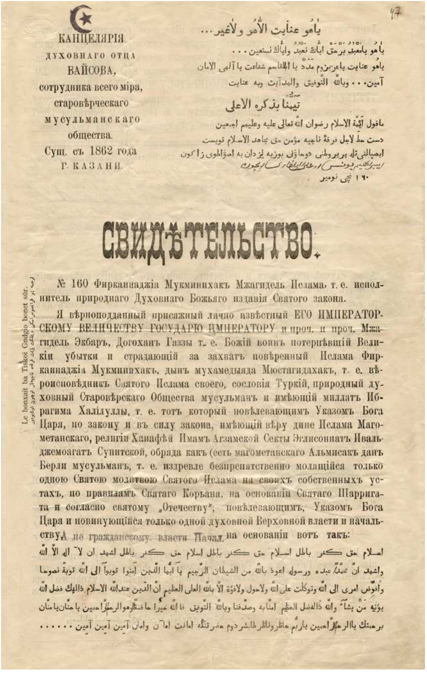
[225] НАРТ. Ф. 1. Оп. 3. Дд. 7797, 7798.

Илл. № 18. Часть "Заявления", поданного в 1886 г. Юсуфом Файзуллиным и подписанного 11 дервишами и поверенными Божьего полка. Прошение написано в связи с арестом и отправкой в Казанскую окружную лечебницу Юсуфа Гиляземтдинова, сына Гиляземтдина Гизатуллина

ховными сыновьями" Багаутдина Ваисова (а некоторые из них даже претендовали на титул "дарвиша"[226]), хранили его "духовное имущество", состоявшее из рукописей, прошений, свидетельств и печатей (илл. № 18).

Не только руководители, но и рядовые члены ваисовской секты неоднократно преследовались полицией: их арестовывали, им запрещалось проживать в Казани, владельцы квартир принуждались к отказу в сдаче жилья в наем и т.д., на квартирах и в домах ваисовцев проводились обыски в поисках компрометирующих материалов и зачинщиков. Например, в 1889–1890-х годах группа членов секты, в которую входили родственники, ближайшие

[226] В прошении, датируемом 18 октября 1896 года, титул дарвиш использовали Гиляземтдин и Хамидулла Гизетуллины, Сайфутдин Сагадуддинов, Мухаммедхалим Мухаммедзакиров, Сибгатулла Нигматуллин и Мухаммед-Юсуф Файзуллин. См.: НАРТ. Ф. 1. Оп. 3. Д.10499. Л. 57–63.

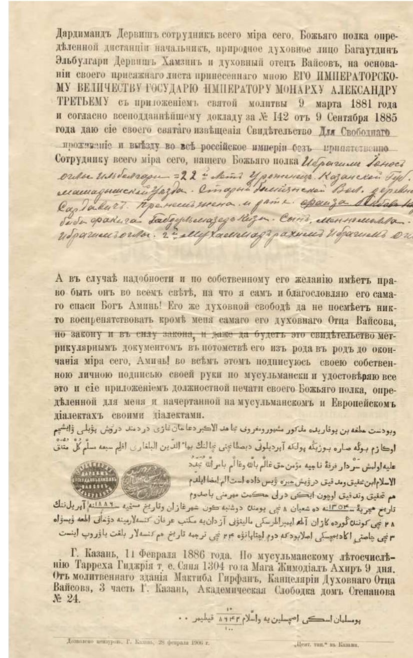

КАНЦЕЛЯРІЯ
ДУХОВНАГО ОТЦА
ВАЙСОВА,
сотрудника всего міра,
старовѣрческаго
мусульманскаго
общества.
Сущ. съ 1862 года
Г. КАЗАНИ.

СВИДѢТЕЛЬСТВО.

№ 160 Фирканнаджіа Мукминихакъ Мжагидель Ислама, т. е. исполнитель природнаго Духовнаго Божьяго изданія Святого закона.

Я вѣрноподданный присяжный лично извѣстный ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ и проч. и проч. Мжагидель Экбаръ, Догоханъ Газзы т. е. Божій воинъ потерпѣвшій Великія убытки и страдающій за захватъ повѣренный Ислама Фирканнаджіа Мукминихакъ, дынъ мухамедыяда Мюстагидахакъ, т. е. вѣроисповѣдникъ Святого Ислама своего, сословія Туркій, природный духовный Старовѣрскаго Общества мусульманъ и имѣющій миллатъ Ибрагима Халілуллы, т. е. тотъ который повѣлевающимъ Указомъ Бога Царя, по закону и въ силу закона, имѣющій вѣру дине Ислама Магометанскаго, религіи Ханафѣй Имамъ Агзамской Секты Эглисоннатъ Ивальджемоагатъ Сунитской, обряда какъ (есть магометанскаго Альмисакъ данъ Берли мусульманъ, т. е. издревле безпрепятственно молящійся только одною Святою молитвою Святого Ислама на своихъ собственныхъ устахъ, по правиламъ Святаго Корьана, на основаніи Святаго Шарригата и согласно святому „Отечеству", повѣлевающимъ, Указомъ Бога Царя и повинующійся только одной духовной Верховной власти и начальству, А не гражданскому власти Пачая, на основаніи вотъ такъ:

Le bonxait ba Tiskoi Gndgio bonet sdr.


Дардимандъ Дервишъ сотрудникъ всего міра сего, Божьяго полка опредѣленной дистанціи начальникъ, природное духовное лицо Багаутдинъ Эльбулгари Дервишъ Хамзинъ и духовный отецъ Вайсовъ, на основаніи своего присяжнаго листа принесеннаго мною ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ МОНАРХУ АЛЕКСАНДРУ ТРЕТЬЕМУ съ приложеніемъ святой молитвы 9 марта 1881 года и согласно всеподданнѣйшему докладу за № 142 отъ 9 Сентября 1885 года даю сіе своего святаго извѣщенія Свидѣтельство Для Свободнаго проживанія и выѣзду во всѣ россійское имперіи безъ препятственно Сотруднику всего міра сего, нашего Божьяго полка Ибрагим Юнос оглы Ильбулгари =22= летъ Уроженецъ Казанской Губ. Мамадышскаго уезда ...

А въ случаѣ надобности и по собственному его желанію имѣетъ право быть онъ во всемъ свѣтѣ, на что я самъ и благословляю его самаго спаси Богъ Аминь! Его же духовной свободѣ да не посмѣетъ никто воспрепятствовать кромѣ меня самаго его духовнаго Отца Вайсова, по закону и въ силу закона, и даже да будетъ это свидѣтельство метрикулярнымъ документомъ въ потомствѣ его изъ рода въ родъ до окончанія міра сего, Аминь! во всѣмъ этомъ подписуюсь своею собственною личною подписью своей руки по мусульмански и удостовѣряю все это и сіе приложеніемъ должностной печати своего Божьяго полка, опредѣленной для меня и начертанной на мусульманскомъ и Европейскомъ діалектахъ своими діалектами.

Г. Казань, 11 Февраля 1886 года. По мусульманскому лѣтосчисленію Тарреха Гиджрія т. е. Сяня 1304 года Мага Жимодіалъ Ахиръ 9 дня. Отъ молитвеннаго зданія Мактиба Гирфанъ, Канцеляріи Духовнаго Отца Вайсова, 3 часть Г. Казань, Академическая Слободка домъ Степанова № 24.

Дозволено цензурою. Г. Казань, 28 февраля 1906 г.
„Цент. тип." въ Казани.

Илл. № 19. Бланк “Свидетельства”, выдаваемого “Канцелярией” в 1880-х гг. членам секты. Данное свидетельство было выдано на имя Ибрагима Юнусова

ученики и последователи Багаутдина (“поверенные”), неоднократно выселялись из Казани. Поводом служило отсутствие вида на жительство: вместо законных паспортов ваисовцы пользовались “Свидетельством № 160”, которое выдавалось канцелярией с середины 1880-х гг. (илл. № 19). Выселенные ваисовцы упорно возвращались в Казань, где их вновь ожидали репрессии. Не помогали обращения в различные инстанции с просьбой прекратить преследования и дать возможность жить в соответствии со своей верой. Жена Багаутдина Биби-Гайни-Джамал просила дозволения остаться вместе с детьми в Казани, так как в деревне у нее не было никаких средств для существования. На ней также лежала обязанность кормить мужа, отказывавшего от больничной пищи. Несмотря на все эти аргументы, только во второй половине 1889 года она четыре раза выселялась из Казани этапным порядком. После смерти дервиша его вдова окончательно переехала в родную

деревню, где в конце 1890-х гг. поселилась в доме своей матери Шарипзямал Абдулвалеевой, считавшемся центром ваисовской общины д. Беденьга[227].

В конце 1889 года "за сопротивление властям" был арестован отставной рядовой Назмутдин Ишмухамет оглы Ижбаев, который именовался одним из двенадцати "поверенных" Багаутдина. Материалы следствия свидетельствуют, что его сопротивление было во многом спровоцировано местными властями: недовольные тем, что Н. Ижбаев живет в Академической слободке поблизости от Ваисова, они предложили хозяину дома отказать ему от квартиры. Действовали власти достаточно грубо и бесцеремонно. Однако попытка признать Н. Ижбаева душевнобольным оказалась неудачной: наблюдение в клинике в течение месяца показало, что, несмотря на определенную ограниченность мировоззрения и кругозора, испытуемый не проявлял никаких признаков душевного расстройства (документы № 28, 29)[228].

В ряде случаев ваисовцы признавались душевнобольными, как правило, с диагнозом "первичное сумасшествие на религиозной почве". В частности, в середине 1890-х годов подобный вердикт был вынесен в отношении Мухаммедгали Байрамгалеева (документ № 31), а чуть позднее другой сектант Гилязетдин Гизатуллин также был признан душевнобольным и помещен на излечение в КОЛ, где находился с 1 июля 1897 года, по крайней мере, до конца лета 1899 года[229]. Изоляция некоторых ваисовцев в психиатрической клинике оставалась действенным средством устранения непокорных сектантов на рубеже XIX – XX веков.

Но сподвижники Багаутдина Ваисова не спешили сдаваться и, даже оставшись без своего лидера, стремились продолжить его дело. Одним из подобных деятелей, ранее традиционно остававшихся в тени основных героев, являлся Гизатулла Хамидуллин (1850–?), казанский мещанин, в конце XIX века живший в Ново-Татарской слободе г. Казани и зарабатывавший на жизнь пошивом меховых изделий[230]. В конце XIX века он был неоднократно замечен в конфликтах с местной властью. Во время переписи 1897 г. "бунтовал крестьян". В 1900 г. обвинялся в вооруженном сопротивлении околоточному надзирателю, за что был приговорен к двум месяцам тюремного заключения. После выхода из тюрьмы ему было запрещено проживать в Казанской губернии в течение

[227] НАРТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 19541. Л. 12–12 об.
[228] НАРТ. Ф. 41. Оп. 2. Д. 1604. Л. 8–9об; Ф. 51. Оп. 4. Д. 1851.
[229] НАРТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 10541. Л. 13.
[230] Подробнее см.: НАРТ. Ф. 1. Оп. 3. Дд. 11525 и 10541. Документ № 38.

двух лет. Местом своей вынужденной ссылки он избрал Астрахань, куда выехал в апреле 1901 года с женой и тремя детьми. Вероятно, после окончания срока запрета вновь вернулся в Казань, так как с началом революционных событий именно он настоял на возвращении Гайнана в Казань, предоставив свою землю для строительства нового молитвенного дома в 1905 году[231]. Думается, что его заслуга в сохранении общины, так же как и в признании уцелевшими членами общины Гайнана своим сардаром, была весьма существенной.

Другим весьма активным последователем дервиша Багаутдина в конце XIX века был крестьянин д. Большие Верезеи Больше-Атнинской волости Казанского уезда Мухаммед-Юсуф-Хаджи Файзуллин (1856–?). В середине 1890-х годов он участвовал в многочисленных беспорядках, в том числе и связанных с подготовкой к всеобщей переписи. В ряде документов М.-Ю Файзуллин назывался основным преемником "духовного отца" Ваисова. По приговору сельского общества от 6 августа 1898 г. "за порочное поведение и как вредный член общества" он был выслан в Сибирь, где первоначально проживал в Семипалатинске, затем был отправлен в Томскую губернию. Поселившись в Сибири, М.-Ю. Файзуллин стал исполнять обязанности сельского имама и мударриса, набрав полтора десятка учеников, попутно занимался агитацией и вербовкой новых адептов в секту. Именно с его деятельностью власти Томской губернии связывали появление в крае хоть и немногочисленной, но весьма беспокойной ваисовской общины[232].

Весной 1906 года М.-Ю. Файзуллин и Габдулла Гильманов были арестованы во время сбора средств для поездки в столицу (см. § 3 второй главы данного исследования). После того, как арестованных продержали пару недель в каталажке и еще более двух месяцев в Каинской тюрьме, мировой судья изменил им меру пресечения. Последовавшая жалоба арестованных спровоцировала прокурорское разбирательство, которое выявило массу нарушений и полнейший произвол со стороны полицейских чинов: во время обыска у арестованных ваисовцев были изъяты личные вещи и значительная сумма денег (по одной версии около 220, по другой 625 рублей), большая часть из которых так и не была возвращена законным владельцам; осуществлявшие арест пристав и урядник были пьяны настолько, что избили Ю. Файзуллина, сильно повредив тому лицо и

[231] Право, 1910, № 45, 7 ноября. В 1907–1909 гг. он фактически заведовал канцелярией общины.

[232] См. подробнее: НАРТ. Ф.1. Оп. 3. Д. 10541; Ф. 1. Оп. 3. Д. 10499; Ф. 390. Оп. 1. Д. 617; ГАРФ. Ф. 124. Оп. 26. Д. 32. 14 л. См. документ № 81.

зубы; посаженные в каталажку ваисовцы более недели не получали еду. Правда, прокурорский надзор, выявивший большинство из указанных нарушений, не имел практически никаких последствий ни для нарушителей, ни для пострадавших[233]. Более того, в январе 1907 года последовало ужесточение режима: М.-Ю. Файзуллин и Г. Гильманов были высланы в соседнюю волость под гласный надзор полиции (документ № 81)[234].

Одной из наиболее колоритных фигур в окружении Багаутдина был Шигабутдин Сайфутдинов, претендовавший после ареста и особенно смерти учителя на роль его поверенного и наместника. Жизненный путь его был извилист и тернист, но в целом типичен для активного и деятельного ваисовца, который в силу непоколебимости своих убеждений и необузданного характера неоднократно преступал официальный закон и общепринятые нормы поведения.

Шигабутдин Сайфутдинов (19.12.1861 – после 1930; Шигабутдин Сайфутдин оглы[235], Шигабутдин Сайфутдинович Зюмагулов) являлся уроженцем д. Карашам Азелеевской волости Свияжского уезда[236]. В "Посемейных списках" на 1900 год среди карашамовских хозяйств под номером 47 числилась семья Зюмагула (Джумагула) Иликеева и его сына Сайфутдина, умерших соответственно в 1866 и 1890 годах. Судя по записям в метрической книге, Зюмагул Иликеев умер 17 июля 1866 года в возрасте 65 лет. Однако факт смерти Сайфутдина Зюмагулова в метрической книге д. Карашам за 1890 год уже не зафиксирован[237].

---

[233] См. подробнее: ГАРФ. Ф. 124. Оп. 26. Д. 32. 14 л.

[234] Хронологически последние сведения о Юсуфе Файзуллине датируются предреволюционными годами, когда начатое дознание о привлечении лидеров ваисовской общины в Сибири (июнь 1915), было прекращено за недостаточностью улик (февраль 1917). ГАРФ. Ф. 124. Оп. 53. Д. 479. 2 л.

[235] Хотя в современном татарском языке более принята форма написания данного термина как "углы" (сын), сами ваисовцы во всех своих русскоязычных документах использовали написание "оглы". Поэтому я посчитала возможным (не только в документах, но и в авторской части) в виде исключения сохранить именно такое написание.

[236] Ныне Зеленодольский р-н РТ. В сборе данных о ваисовцах д. Карашам большая помощь была оказана старейшим карашамцем Габбасом Гирфановичем Сиразеевым (1919 г.р.), который любезно предоставил в распоряжение автора такие уникальные документы, как "Посемейные списки д. Карашам", составленные в 1900–1917 гг., генеалогическое древо (шаджара) одной из карашамских ваисовских семей. Сведения, сообщенные Г.Г. Сиразеевым, вместе с вновь выявленными архивными документами, в значительной степени способствовали реконструкции истории ваисовской общины д. Карашам, за что автор выражает ему свою глубокую признательность.

[237] См.: Посемейные списки д. Карашам, л. 198об.–200 (архив автора). См. также: НАРТ. Ф. 4. Оп. 177. Д. 96. Л. 269; Д. 346. Согласно архивным документам, отца Шигабутдина звали Сайфутдин Назметдин оглы Ишмухамет оглы и умер он 20 августа 1890 г. См.: НАРТ. Ф. 41. Оп. 2. Д. 4885.

Сайфутдин Зюмагулов от двух браков имел двоих дочерей и двоих сыновей – Шигабутдина и Салахутдина. Старший из сыновей Шигабутдин появился на свет 19 декабря 1861 года, однако уже в десятилетнем возрасте потерял мать[238]. Его младший брат Салахутдин родился от второй жены Сайфутдина Махбуб-Джамал 15 декабря 1873 года[239].

Доступные источники умалчивают, как и когда произошло знакомство Шигабутдина с ваисовским учением и лично с самим дервишем. В одном из прошений Ш. Сайфутдинов указывал, что получил свидетельство из рук самого дервиша в 1886 году. Однако думается, что это знакомство состоялось раньше. Его отец Сайфутдин Зюмагулов был в числе активных последователей дервиша Багаутдина. Известно также, что первая жена Шигабутдина была родом из с. Молвино[240]. С другой стороны, и в его родной деревне Карашам староверческая община, судя по беспорядкам 1882–1883 годов, была значительной и довольно беспокойной. Более того, в конце 1880-х годов карашамовские ваисовцы потребовали от местных властей выделить им отдельное место для собственного "староверческого кладбища", что свидетельствовало о наличии глубоких трений с односельчанами-мусульманами, не разделявших их взглядов. Остатки отдельного "староверческого" кладбища сохранились в д. Карашам по сей день и представляют из себя отстоящий в отдалении от основного мусульманского кладбища огороженный заброшенный участок земли без надгробий и каких-либо иных опознавательных знаков. Вероятнее всего, этим кладбищем не пользовались много десятилетий, хотя и продолжали ухаживать за ним (фото на заднем форзаце)[241]. В ряде прошений Шигабутдин называл себя сыном муллы. Однако никаких доказательств этого нет: его отец мог быть лишь имамом ваисовской общины д. Карашам. В частности, летом 1890 года Сайфутдин Зюмагулов подал прошение от имени староверов-мусульман

[238] Первая жена Сайфутдина Зюмагулова – Асхаб-Джамал Минлебай кызы – умерла 4 сентября 1871 года в возрасте 35 лет. См.: НАРТ. Ф. 4. Оп. 177. Д. 100. 25 марта 1869 года у нее родилась дочка Мухиб-Джамал.

[239] См.: НАРТ. Ф. 4. Оп. 177. Д. 101. Л. 264.

[240] Ш. Сайфутдинов был женат дважды. От первого брака с Биби-Нафисе-Бану Сайфутдиновой у него был сын Кашафутдин, родившийся в 1894 году. Вторая супруга Шигабутдина Биби-Нагима Ахметшина родилась в 1889 году в д. Куюк, откуда родом был и другой стойкий ваисовец М.-Г. Байрамгалеев. От второго брака у Шигабутдина было трое детей: дочь Биби-Зайнап (родилась в 1908 году), сын Зилли-Султан (родился 25 октября 1909 года) и дочь Биби-Василя (1913 г.р.). НАРТ. Ф. 41. Оп. 15. Д. 1. Л. 28об.–29. См. документ № 88.

[241] В конце XX столетия в д. Карашам проживали представители всего двух семей "староверов-ваисовцев", являющиеся потомками Галиуллы Ибатуллина (о нем подробнее см. главу 1, § 4).

д. Карашам с просьбой оградить их от нападок татар во время праздника Курбан-байрам, приходящегося на 15–17 июля[242].

Так или иначе, Шигабутдин стал одним из наиболее последовательных адептов учения Багаутдина, воспринял не только его идеи, но и фамилию (многие из документов он подписывал именно как "Ваисов"). Неизбежным итогом этого выбора стали многочисленные конфликты с властями и односельчанами. Именно сельское общество приговорило его в 1889 году к ссылке в Сибирь, лишив доли в общей земельной собственности карашамовцев[243].

Как свидетельствуют архивные источники, конфликты происходили, по крайней мере, в 1889–1890, 1891 и 1894 годах. Первый известный по сохранившимся архивным документам конфликт произошел осенью 1889 года, когда Шигабутдином были составлены и поданы прошения на имя различных должностных лиц (губернатора, мирового судьи, директора Казанской окружной лечебницы и пр.). Содержавшиеся в них грубые нападки и бранные слова стали основанием для привлечения составителя к судебной ответственности. Состоявшийся в декабре 1890 года суд приговорил обвиняемого к двум месяцам тюрьмы[244]. В августе того же 1890 года произошел другой конфликт, уже с волостным приставом. Поводом к этому разбирательству стало то обстоятельство, что односельчане отказались хоронить умершего отца Шигабутдина на сельском мусульманском кладбище, а постановили предать его земле на участке, отведенном для староверов. Это решение карашамцев, однако, не удовлетворило сына покойного, а требование справедливости с его стороны оказалось таким бурным, что вмешавшийся волостной пристав подвергся грубым нападкам и оскорблениям. В итоге этот конфликт закончился осуждением буянов на четырехмесячный тюремный срок (март 1891). Одновременно Ш. Сайфутдинов вместе с еще двумя своими односельчанами-староверами, проходившими по этому делу, Мухаммедфаизом Мухаметкуловым[245] и Мухаммедгалимом

---

[242] НАРТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 7629. Л.88-89 об.

[243] В одном из своих многочисленных прошений (апрель 1913) Ш. Сайфутдинов пытался разрешить эту проблему, ходатайствуя о возвращении отнятых у него "усадьбы и яблоневого сада", которыми завладел "один татарин и не возвращает". Неужели, писал Ш. Сайфутдинов, оба его сына Кашафутдин и Султан, "останутся без земли и без места". См.: РГИА. Ф. 1412.Оп. 35. Д.12. Л. 105–110об.

[244] НАРТ. Ф. 41. Оп. 2. Д. 1685. 45 л.

[245] Участник известных событий 1882 года. См. § 4, глава 1. М.-Ф. Мухаметкулов был сослан в Тобольскую губернию, где занимался распространением своей секты и позднее принимал участие в волнениях среди ваисовцев в Сибири. См.: Шакуров К. Деятельность ваисовцев в Сибири // "Сулеймановские чтения – 2006": Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Тюмень, 2006. – С. 144–146.

Мухамедьяровым, по приговору общества подлежали ссылке в Сибирь. Вероятно, поведение карашамских ваисовцев приносило чрезмерное беспокойство не только местным и губернским властям, но и односельчанам[246].

В июне 1891 года над Ш. Сайфутдиновым, обвинявшемся в составлении писем с ложными сведениями и призывами к неподчинению властям, состоялся новый суд[247]. Ш. Сайфутдинов был признан виновным и сослан на бессрочное "поселение в отдаленнейших местах Сибири"[248]. В августе 1894 года, совершив побег "по приказанию дердеманда дервиша Ваисова", он вернулся на родину. Прожив некоторое время в доме своего тестя Сайфутдина Сагдутдинова в с. Молвино, Шигабутдин переехал в Казань, где вскоре оказался вовлеченным в новый конфликт с представителями власти. В октябре 1894 года вместе с уже знакомыми нам Н.И. Ижбаевым и М.-Г. Байрамгалеевым он был вновь арестован и привлечен к суду – на этот раз за "нанесение ран полицейскому чину при исполнении им служебных обязанностей". Первоначальный приговор к двадцати пяти палочным ударам и году заключения Ш. Сайфутдинову, как совершившему побег из Сибири, был увеличен до трех лет каторжных работ с последующим поселением в Сибири и без права возвращения домой. Именно после этого он надолго оказывается на п-ве Сахалин[249]. В ссылке Ш. Сайфутдинов остался верен своим убеждениям. Находясь в инородной среде, он не просто сохранил свою преданность учителю и его идеям, но и продолжал их распространение в своем новом окружении, вербуя новых сторонников ваисовского движения. В частности, во время пребывания на Сахалине Ш. Сайфутдинов познакомился и сблизился с семьей ссыльного из Казанской губернии Петра Морозова, обратив его в свою веру[250]. Также, вероятнее всего, находясь в ссылке, он познакомился с некоторыми участниками андижанского восстания 1897 г. Позднее в ряде своих прошений он называл их членами "Ваисовского Божьего полка" и выступал в их защиту от притеснений со стороны властей.

---

[246] НАРТ. Ф. 41. Оп. 2. Д. 4885.

[247] Речь идет о составлении и рассылке т.н. "Правил". См. документ № 26 и § 6, глава 1.

[248] НАРТ. Ф. 51. Оп. 4. Д. 2227. Л. 40.

[249] НАРТ. Ф. 41. Оп. 4. Д. 1983. Л. 77–78, 87-88 об.; Ф. 51. Оп. 4. Д. 3856. Л. 206–206 об.

[250] О Петре Морозове сведений очень мало. Известно лишь, что он был русским и, вероятно, был выслан с семьей (женой, двумя дочерями и сыном) на Сахалин из г. Козьмодемьянска Казанской губернии. См.: РГИА. Ф. 1278. Оп. 1. Д. 245 (документы № 41, 47); НАРТ. Ф. 41. Оп. 13. Д. 3 (документ № 64); Ф. 51. Оп. 4. Д. 13475 (документ № 75).

В 1903 году Ш. Сайфутдинов находился на испытании в психиатрической клинике г. Александровский пост (п-ов Сахалин). Во время русско-японской войны эта территория Российского государства была оккупирована японцами. В силу этих катаклизмов, документация клиники, к сожалению, была утеряна. Поэтому нет никаких свидетельств, каково было заключение врачей. По словам самого Шигабутдина, это заключение было благоприятным: испытуемый был признан абсолютно здоровым[251]. Во время нахождения в лечебнице Ш. Сайфутдинов по просьбе наблюдавших его врачей Ильи Филипповича Аккермана и Льва Александровича Ландау составил т.н. "Книгу веры ислама", в которой изложил суть мусульманского учения с особенностями, присущими последователям Б. Ваисова[252]. Кроме того, Ш. Сайфутдинов продолжал писать и рассылать в различные инстанции (на имя российского и даже японского императоров, военному губернатору п-ова Сахалин, в Государственную думу и пр.) многочисленные прошения и "святые заявления". В этих документах Ш. Сайфутдинов не просто выступает как один из адептов "Божьего полка староверов-мусульман", но и претендует на руководящую роль, именуя себя "дистаночным начальником" и главнокомандующим. Лишь в августе 1906 года Ш. Сайфутдинов с разрешения властей смог вернуться в Казань, где незамедлительно стал одним из активнейших членов возродившейся ваисовской общины.

Двадцатилетие после разгрома в Казани ваисовской общины (1885–1905) было, пожалуй, самым сложным для ее членов и для движения в целом. Безусловный лидер и основатель общины Багаутдин Ваисов был изолирован от своих последователей и провел последние годы жизни в психиатрической лечебнице. Во время разгрома "молитвенного дома" погибли или же были конфискованы полицией многие важные для ваисовцев документы и бумаги; сам дом, принадлежавший основателю общины, позднее был продан с торгов. Наиболее активные приверженцы "староверческого" движения были преданы суду и осуждены на различные сроки. Под разными предлогами члены семьи Багаутдина Ваисова и оставшиеся на свободе ваисовцы откровенно "выдавливались" из Казани в родные деревни и села, ссылались в административном порядке или по суду в отдаленные губернии и Сибирь. Складывается впечатление, что зачастую конфликтное поведение ваисовцев преднамеренно провоцировалось властями

[251] См.: НАРТ. Ф. 41. Оп. 13. Д. 3 (документ № 62); Ф. 41. Оп. 4. Д. 1983 (документ № 68); Ф.51. Оп. 4. Д. 13475 (документ № 75).

[252] См.: РГИА. Ф. 1278. Оп. 1. Д. 245 (документы № 41).

и затем использовалось как повод для репрессий. Не имея законного основания для репрессий, местные власти нередко прибегали к испытанному и почти всегда беспроигрышному обвинению ваисовцев в “оказании сопротивления должностным лицам”. В большинстве случаев сила оказывалась на стороне властей. Но “исчезновение” ваисовцев было мнимым – они просто ушли в подполье, продолжая по мере возможности распространять свои взгляды и периодически вступая в неизбежные конфликты с властями.

Глава II.
Ваисовское движение в начале XX столетия

Глава II. Ваисовское движение в начале XX столетия

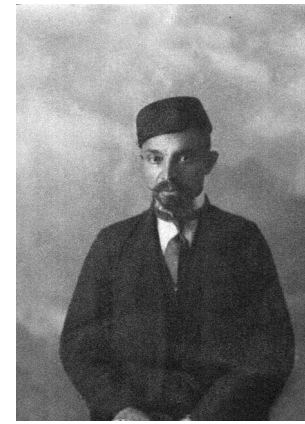
§ 1. Наследники: Гайнан Ваисов или Шигабутдин мулла Сайфутдин оглы аль-Булгари "Ваисов"?

Кроме многочисленных учеников и последователей у Багаутдина были родные сыновья. Повзрослев, они вполне могли претендовать на роль нового лидера ваисовской общины. Из упомянутых в "Завещании" пятерых сыновей – Саляхетдина, Галяутдина, Гайнана, Гаяна и Газизяна – в литературе чаще всего встречаются имена лишь двоих: Гайнана (Сардара) и Газизяна. Гайнанетдин (Гайнан, Гинанутдин), приняв титул "сардара", фактически возглавил движение в 1905–1918 годах. Самый младший из сыновей Багаутдина Газизян (1884/1887–1963) после гибели брата занял место руководителя общины. В 1918 г. он прославился организацией ваисовских "Божьих полков" в составе Туркестанской группировки Красной Армии и участием в установлении Советской власти в Среднеазиатском регионе.

Деятельность последнего приходится в основном на послереволюционный период, что выходит за рамки данного исследования. Можно лишь сказать, что Газизян был самым младшим из сыновей Багаутдина. В конце 1890-х гг. он жил с матерью и старшим братом Гаяном в деревне Беденьга, затем в 1901 году с другим братом Гайнаном переселился в Закаспийский край (село Иолотань Мервского уезда), где оставался до весны 1904 года. Вернувшись в Казань, он, по собственному утверждению, три года проучился в медресе "Мухаммадия" у Галимджана Баруди, а также выступал помощником своего старшего брата по возрождению общины. После ряда мытарств и ссылок, вплоть до весны 1918 года оставался в Туркестане. Эта страница его жизни самая загадочная и плохоизученная. Газизян возглавил отряды староверов-мусульман летом 1918 года, после гибели Гайнана, и оставался лидером (сардаром) вплоть до своего первого ареста в 1923 году. Впоследствии после освобождения и вплоть до вторичного ареста (7 сентября 1940 года)[253] он

[253] Газизян был обвинен в участии в националистической организации, осужден Особым совещанием НКВД СССР по ст. 58-2 и 58-11 и 1 июля 1941 года приговорен к 8 годам исправительно-трудовых лагерей, реабилитирован 30 мая 1989 года. См.: www.memo.ru/memory/kazan/kaza11.htm (Книга памяти). Автобиографию, доведенную до революции 1917 года, см.: Шәкүров К. "Кайсы җирдә Муса булса, шунда фиргавен бар", яки вәисевчеләрнең эзәрлекләү тарихыннан // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2007. № 2. – С. 108–117.

проживал в Янгиюльском районе Узбекистана, где работал фельдшером в Ниязбашском медпункте.



Илл. № 20. Галяутдин Ваисов. 1919 г.

Другие сыновья Багаутдина также сыграли определенную роль в событиях начала XX века. Галяутдин Ваисов родился в Казани. С конца XIX века и вплоть до привлечения к суду в 1910 году проживал в Челябинске, где владел собственной фруктово-бакалейной лавкой при железнодорожной станции. На допросе Галяутдин заявил, что не принимал никакого участия в обществе, созданном с противоправительственной целью, что полностью подчиняется гражданским властям и законам (в частности, отбывал воинскую повинность и выправлял торговые и промысловые свидетельства) и последний раз приезжал в Казань в 1904 году[254]. Но эти оправдания не спасли его от обвинительного приговора. Тем более что среди вещественных доказательств имелись письма, адресованные Галяутдину, подтверждавшие его участие в деятельности общины. Его подпись с персональной печатью подтверждала достоверность копии с "Завещания" отца. Интересно, что составление копии "Завещания" в самом документе также датируется 1904 годом. Точность этой копии была удостоверена личными печатями троих сыновей Багаутдина – Гайнана, Галяутдина и Гаяна. После отбытия тюремного срока Галяутдин с семьей перебрался в Екатеринбург, где жил с семьей (женой и четыремя детьми) вплоть до начала 1920-х гг. и занимался торговой деятельностью. Известно, что весной 1917 года возвращавшийся из сибирской ссылки Гайнан Ваисов навестил своего старшего брата[255].

В конце 1918 – начале 1919 гг. Галяутдин был избран председателем мусульманского попечительского комитета г. Екатеринбурга, в котором занимался делами мусульманской общины в течение двух с половиной лет (илл. № 20). Помимо этого, он попрежнему осуществлял торговую деятельность, с целью закупки мануфактурных и галантерейных товаров совершал поездки по сибирским городам, состоял членом Уральского Союза торговли и промышленности. В начале 1921 г. члены попечительского со-

[254] НАРТ. Ф. 390. Оп. 1. Д. 3185. Л. 37–38 об.; Ф. 41. Оп. 4. Д. 1983. Л. 144.

[255] См.: Кәһарман милләте мөҗаһид әл-ислам вәисиләр тарихы һәм әҗмалы программасы. – Казан, 1917.

вета сместили его с должности председателя, обвинив при этом в злоупотрблениях положением. В мае того же года Галяутдин Ваисов был арестован органами ВЧК и приговорен к трем годам концентрационных лагерей[256]. Дальнейшая судьба неизвестна.

Гаян приходился сводным братом Галяутдину и Гайнану Ваисовым, а по материанской линии он был внуком Габдуллатифа Халитова. Родился он в с. Татарская Беденьга Симбирской губернии, где и проживал вплоть до Февральской революции, занимаясь хлебопашеством и состоя муллой в деревенской староверческой общине. Примечательно, что староверческая община д. Беденьги была достаточно многочисленной: в начале XX века она насчитывала около 135 человек. Ее члены имели отдельный молитвенный дом (который располагался именно в доме Гаяна[257]) и вели собственные метрические книги, куда вносили все сведения о родившихся и умерших членах общины староверов-мусульман. Гаян не скрывал, что является весьма активным участником движения. Состоя одним из двенадцати "поверенных сардара", он подписывал составленный сардаром "Устав относительно военных молитвенников" и другие многочисленные ходатайства и прошения[258].

В период первой мировой войны, оставив в деревне жену с детьми[259], он эмигрировал за границу и обосновался в Прибалтике. С начала 1920-х годов Гаян жил в Вильно, где владел складами, пекарней и кондитерским магазином. В 1920–1930-х годах он играл активную роль в самоуправлении мусульманской общины (гмины) Вильнюса, участвовал в работе ряда всепольских съездов представителей мусульманских общин (гмин), занимался благотворительностью (илл. № 21). В журнале "Рочник татарски" им была опу-

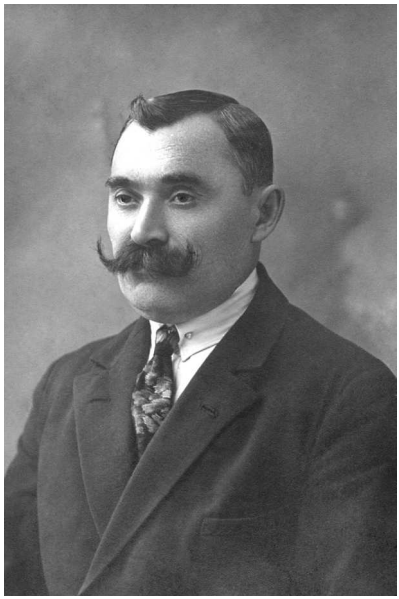
[256] ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 22551.

[257] НАРТ. Ф. 390. Оп. 1. Д. 3185. Л. 52–52 об.; Ф. 51. Оп. 4. Д. 13475. Л. 40–40 об.

[258] НАРТ. Ф. 41. Оп. 4. Д. 1983. Л. 25–26. Документ № 67.

[259] По словам младшей дочери Гаяна Раузы, отец покинул семью еще до ее рождения в 1916 г., оставив в родной деревне мать, жену и пятерых детей. И она никогда не встречалась со своим отцом. В начале 1920-х гг. трое старших детей (два сына Назыф и Асаф, а также дочь Фарида) переехали к отцу в Вильно, тогда как младшие дочери (Бану и Рауза) остались вместе с матерью. Первая жена Гаяна и его мать Гайни-Джамал категорически отказались покидать родную деревню. В 1929 году они переехали на постоянное место жительство в Свердловск, где жена Гаяна жила до своей смерти в 1947 г. Рауза Гаяновна была арестована летом 1941 г., обвинена в контрреволюционной деятельности и высказываниях против Советской власти, осуждена на десять лет исправительно-трудовых лагерей, проведя в Сиблаге шесть лет. В 1956 году ее дело было пересмотрено и прекращено за отсутствием состава преступления. См.: ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 20138. Дело по обвинению Ваисовой Раузы Гаяновны по ст. 58-10 ч. 1. УК РСФСР.

бликована статья о контактах ваисовцев с Львом Толстым[260]. После оккупации Прибалтики советскими войсками Гаян был репрессирован, а имущество его национализировано (1940 г.).



Илл. № 21. Гаян Ваисов. Вильно. 1930-е гг.

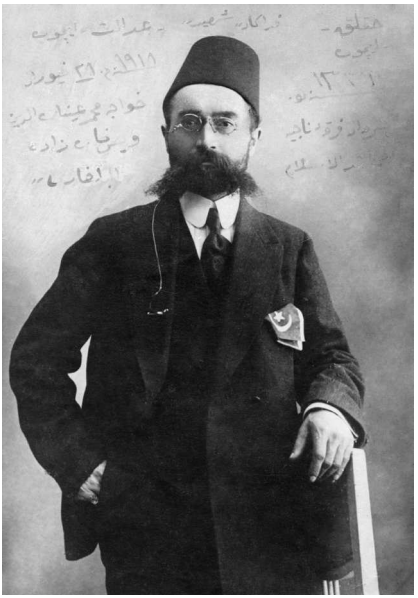
Однако, безусловно, центральной фигурой ваисовского движения в 1905–1918 гг. был Гайнанетдин (Гайнан) Багаутдинович Ваисов (илл. № 22 и 23). Несмотря на то, что о Гайнане Ваисове написано, пожалуй, даже больше, чем об отце или братьях (особенно в советское время), и, казалось бы, сохранилось гораздо больше разнообразных и более доступных исследователям источников, многие страницы его жизни до сих пор окутаны тайной. В литературе его имя более известно благодаря сотрудничеству с большевиками и загадочной гибели в период событий, связанных с разгромом т.н. "Забулачной республики"[261]. Амплитуда литературы о Гайнане–Сардаре Ваисове настолько широка, что колеблется от панегирических восхвалений до открытых обвинений в фанатизме и шарлатанстве. Первая точка зрения наиболее рельефно представлена в статье Ф.Г. Нурутдинова. Вторая – публикацией А.И. Кильдишева, около трех лет являвшегося членом общины, секретарем и помощником Г. Ваисова, а в 1910 г. выступавшего свидетелем обвинения на судебном процессе.

Разнообразные источники дают очень противоречивые сведения о том, где жил и чем занимался Гайнан в подростковом и юношеском возрасте. Согласно апологетической литературе, "чудом оставшийся в живых" Гайнан нашел приют в семьях уцелевших ваисовцев и до 16 лет находился в подполье, скрываясь от пре-

[260] Wajsow, Chodzja Muchammed Gajan. Wajsov, wajsowcy I stosunek do nich Lwa Tolstoja // Rocznik Tatarski. Wilno. 1932. Tom I. P. 215–222; О Гаяне Ваисове см.: Усманова Д.М. Ваисовцы в Литве // Orientas Lietuvos Didžiosios Kunigaikštijos visuomenės tradicijoje: totoriai ir karaimai. – Vilnius: VU leidykla, 2008. P. 253–262.

[261] Об обстоятельствах гибели Гайнана Ваисова на основе следственного дела см.: Малышева С., Зарипова Л. Уравнение со многими неизвестными, или О том, как был убит Сардар Ваисов // Татарстан. 1992. № 5/6. – С. 37–42.

Илл. № 22. Гайнан Ваисов (?). Начало XX в.



Илл. № 23. Гайнан Ваисов. 1917 г.

следований полиции. Затем он был схвачен полицией и сослан в 1894 г. в Сибирь и на Сахалин, где находился до амнистии 1905 года[262]. Эта версия, однако, не находит подтверждения в архивных документах, которые в свою очередь позволяют нам реконструировать историю семьи Ваисовых после ареста ее главы.

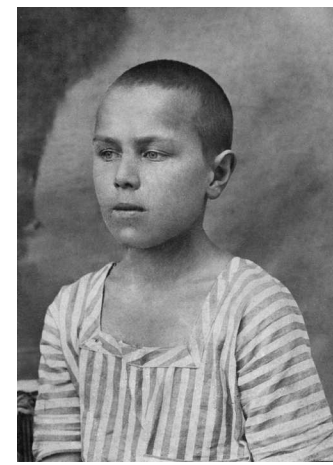
По сведениям полиции, после разгрома молитвенного дома и разгона общины семья Багаутдина переселилась из Ново-Татарской слободы в Академическую слободку с тем, чтобы быть поближе к находившемуся в клинике главе семейства. В это время Гайнану было всего лишь шесть лет[263]. После того как Гайнан немного подрос, он стал заниматься мелкой торговлей, владел лотком для торговли галантерейными товарами вразнос. По сообщению волостного старшины, в молодости Гайнан за кражу денег был дважды судим. Первый раз он был осужден Симбирским городским судьей на четыре месяца тюремного заключения (май 1894 г.) и вторично на три месяца (март 1895 г.). В 1896 году разыскивался полицией по подозрению в совершении кражи со

[262] Нурутдинов Ф.Г. Жизнь Сардара // Комсомолец Татарстана, 1989, 9 июля.
[263] НАРТ. Ф. 41. Оп. 13. Д. 3. Л. 102–103.

взломом (из магазина фирмы "Тагиров и Насыров"), некоторое время просидел в Казанской тюрьме и затем в конце 1896 года был выслан в Оренбург[264].

В самом конце 1890-х гг. он уехал в Туркестан, где провел около 4 лет, также занимаясь торговлей. В Туркестане Гайнан вновь был осужден "за сопротивление властям" (по 271 ст. и 1 ч. 286 ст. Уложения о наказании), лишен всех прав состояния и приговорен Ашхабадским окружным судом к отбытию наказания в арестантских ротах. Срок заключения истек 12 февраля 1904 года (документ № 42)[265]. Следовательно, Гайнан отнюдь не был сослан в Сибирь, а на рубеже веков большую часть времени провел в Туркестане.

Противоречива информация архивных документов о семейной жизни Гайнана в дореволюционный период (документы № 62, 63, 64, 65). Судя по различным отрывочным сведениям, у Гайнана было не менее трех жен: Биби-Хатыма Гайнуллина (1880 г.р.), Биби-Гайша Гатауллина и Биби-Сайран Гайнутдинова (последняя умерла в Казани в 1959 г.). С первой женой Биби-Хатымой он был женат во время пребывания в Мерве и развелся к 1903 году[266]. Вторая из жен Биби-Гайша также проживала в Иолотани Мервского уезда. Вплоть до 1910 года от этих двух браков детей не было. Наконец, третья из жен Гайнана Биби-Сайран была родом из Казани. От нее у Гайнана было несколько детей: сын Абдулахат-Газы, родившийся 7 августа 1905 года (документ № 58, илл. № 24), и дочь Биби-Умми-Гульсум[267]. К 1911 году на свет появились еще два сына – Абдулсамат-Газы (Абдуссамат) (1909 г.р.) и Абдулкарид-Газы (1910 г.р.)[268], судьба которых неизвестна.



Илл. № 24. Ходжа-Мухаммед Абдулахат Гайнанович Ваисов (1905–1921). 1910-е гг.

Среди архивных документов есть два весьма противоречивых. Согласно одному из них, 16 мая 1907 года супру-

[264] НАРТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 10499. Л. 21; Ф. 41. Оп. 13. Д. 3. Л. 102–103.
[265] Право, 1910, № 45, 7 ноября. НАРТ. Ф. 41. Оп. 13. Д. 3. Л. 21.
[266] НАРТ. Ф. 41. Оп. 13. Д. 3. Л. 146-148 об.
[267] НАРТ. Ф. 41. Оп. 13. Д. 3. Л. 25 об. В 1911 году дочь Биби-Умма-Гульсум уже не упоминается.
[268] ГАРФ. Ф. 124. Оп. 48. Д. 650. Л. 30-30об.

ги развелись, а Гайнан отдал жене одного мальчика и одну девочку[269]. Судя по всему, этот развод остался лишь формальностью. Несмотря на развод, состоявшийся в мае 1907 года, в июне того же 1907 года Биби-Сайран писала Гайнану, что не может оставаться в Казани одна с двумя детьми и собирается приехать к нему в Мерв (Иолотань), в марте 1908 года адресовала ему письма в Петербург. Во время допроса, проведенного 23 мая 1909 года, Гайнан назвал Биби-Сайран в качестве одной из своих двух законных жен[270]. Так или иначе, после процесса 1910 года именно Биби-Гайша и Биби-Сайран ходатайствовали о смягчении участи своего мужа, являвшегося единственным их кормильцем.

Реконструкция биографии Гайнана также ставит под сомнение часто встречающееся в литературе утверждение, что в Казань он вернулся лишь весной 1905 года после амнистии, по требованию одного из учеников Багаутдина Гизатуллы Хамидуллина "для более успешного ведения дел пропаганды учения покойного отца". Первые ходатайства Гайнана в правительственные институты в качестве сардара датированы 28 февраля 1905 года и были посланы уже из Казани. В это же время в Казани побывали его братья – Галяутдин и Гаян. Все трое братьев заверили своими подписями и оттисками собственных печатей документ под названием "Установление относительно казначейства военных молитвенников" (документ № 24). По словам Галяутдина, вплоть до 1910 года в Казань он больше не приезжал. Таким образом, Гайнан мог вернуться в Казань уже в мае 1904 года, вскоре после освобождения из ашхабадской тюрьмы.

Члены уцелевшей казанской общины признали Гайнана своим руководителем и наместником духовного отца Багаутдина Ваисова, наделив его именем "сардар". Этому признанию способствовало, во-первых, право Гайнана как сына на генетическое родство, во-вторых, известие о существовании некоего "духовного завещания отца, которым тот поручал ему продолжать распространение основанной им секты". Вопрос о том, действительно ли Багаутдин из многочисленных своих сыновей остановил свой выбор именно на Гайнане, остается открытым. Думается, что это была более поздняя трактовка, исходившая от самого Гайнана или его ближайшего окружения.

Утверждение Гайнана в качестве лидера общины происходило неоднозначно. Оно встретило некоторое противодействие со

[269] НАРТ. Ф. 41. Оп. 13. Д. 3. Л. 71 (документ № 64), л. 73об.–74 (документ № 62), л. 84 (документ № 63).

[270] НАРТ. Ф. 41. Оп. 13. Д. 3. Л. 146–148 об.

стороны людей, считавших себя также законными наследниками "духовного отца Ваисова". Центральной фигурой в этой истории был Ш. Сайфутдинов. Практически сразу же после заключения Багаутдина Ваисова в психиатрическую лечебницу из оставшихся на воле его учеников и последователей именно Шигабутдин Сайфутдинов, Назмутдин Ижбаев и Юсуф Файзуллин выступали в качестве его поверенных. Таким образом, они играли важную роль связующего звена между остатками общины и изолированным от общества "духовным отцом", с одной стороны, а также общиной и гражданскими властями – с другой. После смерти Б. Ваисова (1893 г.) в многочисленных прошениях, подаваемых в период отбывания заключения и ссылки (вплоть до осени 1906 года), Ш. Сайфутдинов неоднократно именовал себя не только "духовным сыном" Багаутдина Ваисова, но также начальником и главнокомандующим Ваисовского Божьего полка: *"Лично поручению его духовного отца Ваисова я есть выше назначенный лицо поверенный Ислам, т.е. делам его и по святое отичество и под условыю на должность и на ответство есть намистник, поэтому согласно время началник гловнокамандующе Ваисовского божиего полка сотрудник всего мира Шигабутдин мулла Сайфутдин оглы Эльбулгари Ваисова"*[271].

По словам Ш. Сайфутдинова, он получил особую доверенность на это звание "поверенного" и начальника от самого духовного отца Багаутдина Ваисова[272]. При этом во всех документах и прошениях, написанных ранее осени 1906 года (когда вернувшийся в Казань Гайнан Ваисов, судя по всему, уже был признан остальными членами общины своим "сардаром"), Ш. Сайфутдинов продолжал претендовать на эту роль и ни разу ни в каком качестве не упоминал имени Гайнана. Вероятно, вплоть до возвращения в Казань он был уверен в своей особой избранности: признание другого наместника Багаутдина Ваисова прошло для него весьма болезненно. Однако мы не знаем и, наверное, никогда не узнаем, было ли открытое противостояние или же проблему удалось решить относительно быстро и бесконфликтно.

Определенные претензии в отношении притязаний Гайнана на особую миссию, сомнение в правильности его действий выражали и другие ваисовцы (Мухаммед-Юсуф Файзуллин, документ № 64, л. 81), однако все же главное противостояние было

[271] Цитата приведена в авторской орфографии. См.: РГИА. Ф. 1278. Оп. 1. Д. 245. Л. 4–24. Приведенный здесь документ (документ № 41) представляет собой наиболее полное и обстоятельное объяснение сути учения ваисовцев.

[272] НАРТ. Ф. 41. Оп. 2. Д. 1685. Л. 1; Оп.2. Д. 4885; Оп. 4. Д. 1983. Л. 77 об.

именно между Шигабутдином Сайфутдиновым и Гайнаном Ваисовым. Содержание ряда писем Ш. Сайфутдинова, описанных экспертами в период следствия и адресованных Гайнану Ваисову (документ № 64), а также одно из последних его обстоятельных "святых заявлений" (документ № 75) свидетельствуют о наличии глубокого внутреннего конфликта. Если оставить в стороне многочисленные упреки в своеволии, корыстолюбии, бездеятельности, которыми Шигабутдин в своих письмах награждает Гайнана (документ № 64, лл. 86–87), следует обратить внимание на ряд пассажей. Шигабутдин ссылается на указание самого Багаутдина, что его преемник должен называться "Начальником Божьего полка", поскольку в слове "начальник" есть особая святость, он стоит выше, чем "сардар", так как обозначает особую богоизбранность его носителя: "Начальник Божьего Полка один на 18.000 миров и старше ангелов, сначала Бог, а за ним Начальник Божьего Полка, т.е. Государь, поставленный Богом и пророком, сардаров же есть тысяча тысяч". Именно этим титулом он подписывал свои многочисленные ходатайства и святые заявления, посылаемые из ссылки. В 1906–1909 гг., когда, вероятно, лидерство Гайнана было признано большинством сектантов, Шигабутдин остерегался именовать себя начальником. Следует признать, что термин "начальник Божьего полка" представляет собой искусственную конструкцию, не имеющую аналогов ни в исламской, в целом, ни в суфийской, в частности, традициях. Скорее оно отсылает к широко распространенному в пореформенный период российскому термину "земский начальник" и пр.

Однако во время следствия 1910 года это противостояние выходит на новый уровень, что отражено в письме, адресованном в Казанскую судебную палату (документ № 75, сентябрь 1910 года). Во время расследования и последующего судебного процесса 1909–1910 годов он заявлял достаточно откровенно следующее: "Гинанутдин сын Багаутдина является в настоящее время представителем Ваисовского Божьего полка староверческого мусульманского общества, но я, хотя и уважаю его, как сына Багаутдина, однако я могу признавать его власть лишь в том случае, если проповедь, деятельность и жизнь его вполне согласно с указаниями Багаутдина Ваисова, а если не согласно, то и я признавать его не буду и останусь безусловным последователем отца его"[273]. В другом прошении, поданном в августе 1910 года, Ш. Сайфутдинов высказывался еще более резко и определенно, что отказывается

[273] НАРТ. Ф. 41. Оп. 4. Д. 1983. Л. 77 об.

признавать сардаром кого-либо, кроме духовного отца Багаутдина Ваисова[274].

Показания Нурмухамеда Мухамедзянова (род. 8 декабря 1850 года в г. Казани), еще одного активного ваисовца, привлеченного к суду в 1910 году, подтверждают версию о наличии внутри общины серьезного конфликта: "Я действительно принадлежал к Ваисовскому Божьему полку еще в то время, когда жил отец Гинануддина – Багаутдин Хамзин Ваисов и его я признаю духовным отцом и потомком пророка Мухаммеда. Что касается Гинануддина, то его я пока совсем не признаю духовным отцом и не считаю сардаром и вопрос об этом должен быть решен на предполагаемом в 1910 году съезде староверов мусульман Ваисовского Божьего полка, причем если съезд признает Гинануддина сардаром и духовным отцом, то и я буду его признавать таковым"[275].

Такая "условность" признания власти сардара абсолютно не характерна для взаимоотношений внутри ваисовской общины и свидетельствует о наличии глубоких внутренних разногласий и противоречий, основной нерв которых проходил, вероятно, между разными поколениями ваисовцев. Можно предположить, что некоторые ученики Багаутдина, стоявшие у истоков движения или примкнувшие к нему на начальном этапе, знавшие духовного отца лично, чувствовали свою особую избранность и превосходство над более молодыми адептами данного движения.

Весьма примечательна идея проведения съезда для преодоления кризисного положения внутри общины. В этой идее съезда как форума для решения спорных вопросов чувствуется влияние времени и происходящих в стране перемен. Впрочем, созыв съезда представляется маловероятным и неосуществимым, так как вряд ли Гайнан был заинтересован в обострении конфликта и открытом проявлении сомнений в своей легитимности.

Обратимся вновь к содержанию "святого заявления", посланного Ш. Сайфутдиновым в адрес Казанского окружного суда (документ № 75). В нем автор не просто оспаривает право Гайнана считаться преемником дервиша Багаутдина и руководителем ваисовской общины. Ш. Сайфутдинов вновь утверждает, что именно он сам является законным преемником Багаутдина, а потому имеет полное право именоваться начальником Божьего полка, а также должен называться дистаночным начальником и даже ду-

[274] НАРТ. Ф. 51. Оп. 4. Д. 13475. Л. 130–130 об. В этом деле сохранилось одно из "святых заявлений" (№ 324) Ш. Сайфутдинова, чрезвычайно интересное и важное для анализа представлений ваисовцев (документ № 75).

[275] Цитируется по "Протоколу допроса обвиняемого". См.: НАРТ. Ф. 390. Оп. 1. Д. 3185. Л. 1об.–2. Обвиняемый давал показания в ноябре 1909 года.

ховным отцом, а также имеет право подписываться как “Ваисов”. Далее следует весьма показательная трактовка фамилии “Ваисов”: Ваисов не является родовой фамилией, это духовное имя, которым награждается очередной начальник Божьего полка, избранный Богом наместник пророка Мухаммеда. Первым Ваисовым был сам пророк Мухаммеда, а Багаутдин Ваисов является 32-м в цепи подобных богоизбранных лиц, наделенных Аллахом особой мудростью, посланных для обновления и очищения ислама, обучения народов и царей истинной вере. Поэтому, по словам Шигабутдина, если сыновья Багаутдина будут следовать по его пути, будут продолжать его дело, то они также могут называться Ваисовыми. А если же они свернут с этого пути, то им нельзя претендовать на святое звание Ваисов, а следует использовать лишь родовую фамилию Хамзин.

По словам Шигабутдина, появление дервиша Багаутдина Ваисова в качестве посланника пророка Мухаммеда в христианской России также не случайно: на него была возложена особая миссия по распространению ислама на русском языке в русском (христианском) государстве. После смерти шайха Багаутдина эта миссия, таким образом, возлагается на его *мюрида* Шигабутдина. И свое право на подобную миссию Шигабутдин легитимизирует не только пожеланием дервиша Багаутдина, но и своими более чем 20-летними страданиями за веру, которые ему пришлось пережить из-за преследований властей, находясь в тюрьмах и ссылках. Поэтому автор святого заявления категорически отрицает обвинения в самозванчестве, считая себя носителем особых знаний и особой божьей мудрости. Вера эта помогала ему стойко сносить все стеснения и гонения.

§ 2. Ваисовская община в 1905–1909 гг.: обретение сардара и возрождение общины

В 1905–1909 годах ваисовская община обрела второе дыхание. Вернувшийся в Казань Гайнан возродил канцелярию. Первоначально для молитвенного дома и канцелярии был арендован дом Гизатуллы Хамидуллина в Ново-Татарской слободе. Уже в 1905 году во дворе дома был поднят флаг, а над входом вывешена специальная вывеска на татарском и русском языках, указывавшая расположение здесь духовного центра ваисовской общины.

На широкую ногу были поставлены организационно-канцелярские дела: в типографиях Шарафа и Сайдашевых были на-

печатаны специальные бланки и паспортные книжки, изготовлены различные печати, в том числе и новая персональная печать давно почившего основателя секты, визитные карточки (илл. № 25). Типографским способом были отпечатаны метрические книги для записи членов (как родившихся, так и умерших) ваисовской общины. В этих книгах фиксировались факты совершения обрядов бракосочетания, а также были включены посемейные списки членов общины в различных регионах страны. Подобные метрические книги велись в казанской канцелярии, по меньшей мере, уже с весны 1907 года, а также рассылались в общины на местах (например, в деревни Беденьга, Молвино и др.). В отличие от государственных метрических книг, в "ваисовские метрики" записывались члены общины по мере их присоединения к секте, вне зависимости от возраста и пола[276]. Среди внесенных в метрические книги значились приверженцы секты, проживавшие в городах Казань, Оренбург, Симбирск, Астрахань, Томск, Уфа, Пермь, Уральск, Витебск, Тобольск, а также в Закаспийской, Акмолинской, Томской и Семипалатинской областях.

شهری قازانده مکتب عر فانده حادم الملّت والدین سردار
فرقهٔ ناجیه عسکری دعا مؤمن حق نقیب الاشرف سید ذاده
حواجه محمد عثمان الدین ابن بعزیزان المبارك دود مندد ژیش
بهاء الدین البلغاری ژیسف ل نجی جاجنده جانکا بسته ده
40
При ИМПЕРАТОРСКОМЪ Молитвенномъ Домѣ
Сардара Ваисовскаго Божьяго полка
Ходзя Мухамадъ Генанутдинъ Багаутдинъ Оглы Булгари Ваисовъ
Ново-Татарск. 5 части. Г. Казань.

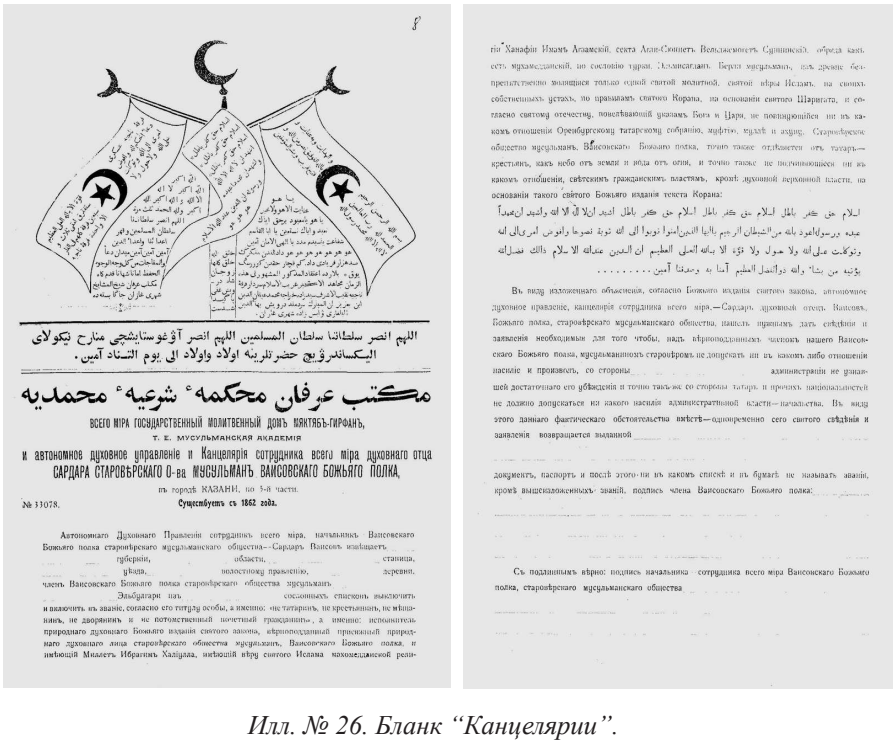
Илл. № 25. Визитка Гайнана Ваисова

Также в специальных книгах фиксировались суммы денег, полученные за выдачу свидетельств о вступлении в секту (по меньшей мере, с марта 1906 по февраль 1909 года), поступавшие в канцелярию письма, телеграммы и денежные переводы. География адресатов, от которых поступала корреспонденция, также весьма обширна: Андижан, Астрахань, Баку, Варшава, Екатеринбург, Иолотань, Иркутск, Мензелинск, Мерв, Москва, Николаевск, Новая Казанка, Омск, Петербург, Плоцк, Полтава, Самара, Семипалатинск, Ташкент, Томск, Уфа, Ходжент, Челябинск, Чердынь[277].

С целью "вербовки" в секту новых адептов и сбора средств для функционирования общины ее руководители (Гайнан и Газизян Ваисовы, Ш. Сайфутдинов) предпринимали поездки по поволжскому и среднеазиатскому регионам страны. Например, Ш. Сай-

[276] Довольно подробный обзор содержания метрических книг и их общая характеристика содержатся в документе № 61. См.: НАРТ. Ф. 41. Оп. 13. Д. 3. Л. 56–64.

[277] НАРТ. Ф. 41. Оп. 13. Д. 3. Л. 56–64. Документ № 61.



Илл. № 26. Бланк “Канцелярии”.
Начало XX века

футдинов июль-октябрь месяцы 1908 года провел в Средней Азии, разъезжая по различным городам Туркестана (Андижан, Коканд, Наманган, Ташкент и Фергана) и Закаспийской области (Мерв), вербуя новых адептов, собирая пожертвования и плату за членство в секте. Об этом свидетельствует содержание писем, посланных им в канцелярию и оказавшихся в распоряжении следствия в 1909 году[278]. Послания Ш. Сайфутдинова к Гайнану полны откровенных и довольно циничных высказываний в адрес “сартов” и туркмен. В то же время они свидетельствуют, что многие из среднеазиатских мусульман, на словах поддерживая ваисовцев, не спешили расставаться со своими деньгами. Гайнан Ваисов отсутствовал в Казани в ноябре 1905 года (Иолотань) и почти всю осень 1907 года (с августа находился на Нижегородской ярмарке, затем в Бухаре, Мерве и др.). В марте 1908 года руководитель общины предпринял поездку в столицу, а в феврале 1909 года – в Москву и Ясную Поляну.

[278] НАРТ. Ф. 41. Оп. 13. Д. 3. Л. 80 и др. Документ № 63.

Отказываясь от обычной сословной принадлежности, ваисовцы претендовали на статус некоего особого духовного сословия. Несоответствие русскоязычных категорий (и стоявших за ними практик) оригинальным самоописательным категориям ваисовцев вынудило их вместо общепризнанной сословной номенклатуры (“крестьянин”, “мещанин” и пр.) изобрести собственную сословную идентичность по-русски – сословие “потомственных присяжных ислама”, а в качестве документа, идентифицирующего личность, составить так называемый “Святой присяжный лист”, которым ваисовцы пытались заменять общегражданские паспорта. Наиболее ранние образцы “Святого присяжного листа” датируются серединой 1880-х гг., когда руководитель общины Б. Ваисов уже находился в психиатрической лечебнице. В начале XX века руководство секты поставило практику распространения “Святых присяжных листов” (в протоколе экспертиз “Свидетельство № 160”, илл. № 19 и 26) на широкую основу: за них брали плату, Гайнан убеждал новых адептов, что документ адекватен паспорту, способен заменить как внутренний общегражданский, так и заграничный паспорт.

Изменение и расширение территории, охваченной ваисовцами, выход за пределы исконной “булгарской” земли (Волго-Камья) закономерно приводили к корректировкам используемых в пропаганде аргументов для того, чтобы сделать “секту” более привлекательной для большинства мелких торговцев, крестьян и ремесленников, не считавших себя потомками булгар. Основной упор в 1908–1909 гг. был сделан на том, что “Свидетельство № 160”, заменявшее ваисовцам гражданские паспорта, не только может выступать как эквивалент российского и заграничного паспорта, но и освобождает от уплаты государственных пошлин и налогов (документы № 59, 65). Среди изъятых при обыске на квартире Г. Ваисова и в канцелярии каучуковых штемпелей был один со следующим русским текстом: “Для свободного проживания и выезду во все российское империи беспрепятственно”. Кроме того, привлекательно было и обещание освободить членов Ваисовского Божьего полка от военной службы.

Многие из высказываний ваисовцев этого времени, зафиксированные в “святых заявлениях” и протоколах допросов, были довольно близки к позиции самого Багаутдина, сформулированной им в 1880-х годах. В частности, Ш. Сайфутдинов неоднократно повторял тезис своего учителя о том, что члены Ваисовского Божьего полка в пятикратной молитве за благополучие Государя Императора защищают его “своими молитвами пред Божей Му-

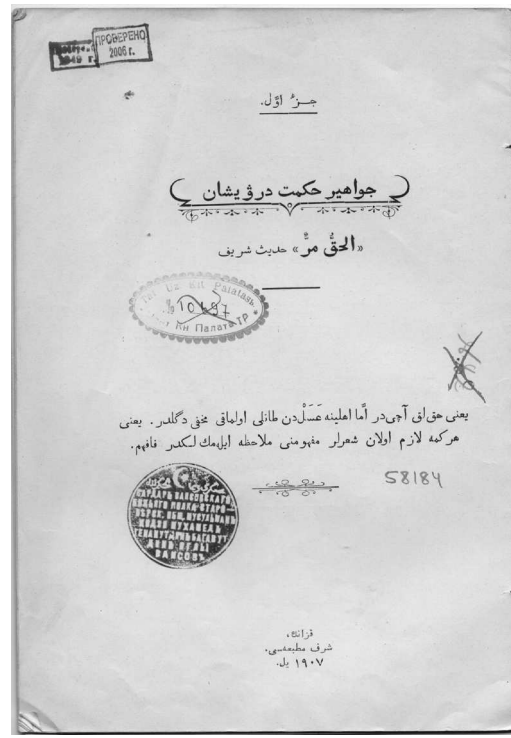
дростью", и этим мотивировал отказ сектантов идти в солдаты. В то же время в мотивации отказа от военной службы других членов "староверческой" общины преобладали такие аргументы, как нежелание снимать головной убор и надевать военную одежду, невозможность совмещать военную службу с обязательным религиозным ритуалом (пятикратной молитвой, постом и пр.). Впрочем, подобного рода претензии к характеру военной службы в дореволюционной России звучали не только из стана ортодоксальных ваисовцев, но и высказывались многими представителями мусульманского мира. В 1917–1918 годах они стали уже решающим аргументом при создании отдельных мусульманских частей. Позиция Ш. Сайфутдинова с этой точки зрения была ближе к высказываниям учителя и в большей степени соответствовала термину "гаскар-и дога", отражавшему изначальную пацифистскую суть данного учения. Подобно другим более пожилым ваисовцам, Ш. Сайфутдинов неоднократно отказывался подписывать протокол допроса, не желая нарушать указ своего духовного отца "не подписывать никаких официальных бумаг до решения Государя Императора". Молодые ваисовцы не видели в этом ничего предосудительного.

Задаче вовлечения в общину новых адептов, а также пропаганде идей "сектантов" была посвящена издательская деятельность руководителя общины. В 1907 году Г. Ваисовым была переиздана часть рукописного наследия отца: в марте и апреле 1907 года в издательстве "Бр. Шараф" и "Торгового Дома братьев Каримовых" вышли в свет соответственно 1-я и 2-я части брошюры "Джавахир-и хикмати дарвишан" (илл. № 27). Первая часть открывается силсилой Б. Ваисова, арабским текстом, а также стихотворными строками, написанными Б. Ваисовым в заключение в психиатрической клинике в январе 1886 года. Во вторую часть, кроме пятничной молитвы с переводом и комментариями, также были помещены стихотворения дервиша, написанные в 1880-х гг.[279] Тираж каждой из двух первых частей составлял не менее 5000 экземпляров. Представители Гайнана на местах должны были реализовывать тираж, а вырученные от продажи книг средства посылать в канцелярию сардара.

К февралю 1908 года была подготовлена к печати 3-я часть брошюры, которая, кроме изложения основ вероучения ваисовцев и призыва к следованию Богу (как в прозаической, так и стихотворной форме), также включала татарский вариант текста прошения,

[279] Часть стихотворений была переиздана М. Гайнетдиновым с использованием современной татарской графики.

поданного Г. Ваисовым на Высочайшее имя и в Комитет министров в январе 1905. Третья часть брошюры была практически полностью отпечатана в типографии А. Сайдашева. Но уже весной 1908 года корректура брошюры была задержана Казанским цензурным комитетом и возвращена Г. Ваисову с указанием мест, при исключении которых был возможен выход в свет этой части брошюры[280]. Однако подобный сценарий развития не удовлетворил автора: после некоторой безуспешной переписки с ГУП и безрезультатных жалоб издание брошюры было приостановлено. Среди изъятых во время обыска квартиры Гайнана бумаг находился и возвращенный с пометками цензора корректурный оттиск третьей части, так и не увидевшей свет, брошюры "Джавахир-и хикмати дарвишан". Также не была издана и обещанная Гайнаном четвертая часть брошюры.



Илл. № 27. Титульный лист (с печатью Гайнана Ваисова) сочинения Ваисовых "Джавахир-и хикмати дарвишан". Казань, 1907, часть 1-я

Уже после начала официального расследования деятельности секты, во время разбирательств и незадолго до судебного процесса 1910 года владелец типографии А. Сайдашев подал против Г. Ваисова иск на компенсацию материальных затрат на издание 3-й части брошюры. На отпечатанные типографским способом, но оставшиеся без обложки и в разрозненном виде листы 3-й части брошюры был наложен арест на время ведения следствия. Естественно, руководитель ваисовской общины отказывался платить за невыполненную работу, так как брошюра не имела обложки и находилась

[280] См. документ № 53. К сожалению, корректурный оттиск третьей части брошюры пока не обнаружен.

в несброшюрованном виде. Дело было принято на рассмотрение съездом мировых судей и слушание назначено на 1 марта 1910 года (документ № 73). Чем закончилось это разбирательство и были ли удовлетворены претензии владельца типографии неизвестно. Однако позднее часть тиража была возвращена Гайнану.

Если содержание первых двух частей брошюры известно и даже отчасти проанализировано исследователями (М. Кемпером, М. Гайнетдиновым), то третья часть брошюры, оставшись "полуфабрикатом", не дошла до широкого читателя и известна лишь по пересказу цензора Н.Ф. Катанова[281]. Вероятно, в нее были включены стихотворения из рукописного наследия Б. Ваисова, не вошедшие в первую и вторую части брошюры.

Распространение первых отпечатанных частей брошюры было поставлено на широкую ногу: наиболее активным членам общины, в первую очередь из числа 12-ти поверенных сардара, было разослано значительное количество брошюр для продажи среди последователей секты. Вероятно, реализация брошюры была вменена им в обязанность. Однако, судя по записям в тетради, заведенной Гайнаном специально для учета движения книг, продажа их шла довольно медленно[282]. Противники Гайнана обвиняли его в стяжательстве, в том, что брошюрка ценой в 12 копеек продавалась многократно дороже.

Новым явлением начала XX века можно считать и тот факт, что обновленное руководство ваисовцев во главе с Гайнаном уже подумывало о легализации своей общины посредством составления и утверждения некоего "Устава", что в дореволюционной России являлось обязательным требованием для признания любого сообщества. По словам Гайнана, подобное прошение было подано им на имя императора и министра внутренних дел в феврале 1909 года[283]. Однако среди находившихся в распоряжении следствия бумаг подобного документа нет.

Вопреки тому, что молодые представители более позднего поколения ваисовцев, включая самого Гайнана, неоднократно подчеркивали неизменную приверженность учению духовного отца и учителя, очевидна некоторая эволюция идей. Подчас происходило

[281] НАРТ. Ф. 420. Оп. 1. Д. 111. Л. 12-16 об. Документ № 53. М. Ваисов упоминал три выпуска данной брошюры, что позволяет предположить наличие в семейном архиве корректурного оттиска 3-го выпуска брошюры, возвращенной в 1917 году автору. См.: Ваисов М. Габдулла Тукай и сардар Гайнан Ваисов. К критике сатирической поэмы Габдуллы Тукая "Сенной базар, или Новый Кисекбаш" в татарской литературе. – М., 1979. – С. 17.

[282] НАРТ. Ф. 41. Оп. 13. Д. 3. Л. 62об.–63 (Документ № 61).

[283] НАРТ. Ф. 51. Оп. 4. Д. 13475. Л. 80–86.

едва уловимое и чуть заметное смещение акцентов в используемых ими аргументах и мотивациях, в выборе наиболее важных и значимых именно на данном историческом этапе проблем. В частности, в заявлениях и обращениях Гайнана в начале XX столетия уже нет опасений христианизации, что наблюдалось в документах 1880–1890-х гг. Очевидно, что провозглашенная свобода совести усилила доверие к веротерпимости государства. Гайнан не позволял себе откровенных нападок на муфтия и реже критиковал официальное мусульманское духовенство, настаивая, тем не менее, на создании альтернативных ОМДС религиозных структур, обладающих автономностью и всеми функциями, присущими духовному управлению. Эти изменения отражали естественную эволюцию учения, адаптацию ее к новым историческим условиям, а также влияние индивидуальных личностных качеств лидера.

Более того, анализ протоколов допросов староверов-ваисовцев, проходивших по процессу 1910 года, при всем их внешнем однообразии и возможно даже некой безликости, а также официальной "заданности" ответов, тем не менее, позволяет уловить наличие внутренних расхождений и трений, свидетельствующих о вполне нормальном разномыслии ваисовцев. Что в свою очередь подталкивает нас рассматривать ваисовское движение не как нечто монолитное и неизменное, а во внутреннем развитии и эволюции, сопровождающейся неизбежными трениями, расколами и конфликтами, даже если они скрыты от взора непосвященных.

При всей внешней модернизации и эволюции движения деятельность ваисовской общины оставалась неизменной в двух моментах. Во-первых, Гайнан практически не позволял себе самодеятельности в плане идеологического обоснования движения, перепечатывая и переписывая интеллектуальное наследие своего отца – основателя и духовного отца "секты". Издание поэтического наследия Б. Ваисова вполне укладывается в логику действий Гайнана, направленных на укрепление собственного влияния и придание сакрального характера своим поступкам и словам через использование религиозно-нравственного авторитета отца. Во-вторых, ваисовцы использовали традиционные каналы воздействия на власть, продолжали засыпать центральные и местные органы власти различными ходатайствами, прошениями, "доказаниями" и "святыми разъяснениями".

§ 3. Ваисовцы во "враждебном окружении": определение врагов и поиски союзников в предреволюционный период

В литературе о ваисовском движении досоветского периода существует несколько довольно устойчивых штампов, некоторые из которых имеют под собой определенное основание, в то время как иные должны быть пересмотрены и отвергнуты. Одно из подобных утверждений гласит, что ваисовцы находились в резкой конфронтации со всем окружающим миром – мусульманским духовенством, татарской общественностью, правительственными учреждениями, наконец, Государственной думой. Соглашаясь по существу со многим из сказанного, тем не менее, следует более дифференцированно подходить к этой проблеме. На всем протяжении существования ваисовской общины ее лидеры, с одной стороны, входили в резкую конфронтацию с окружающим миром, с другой же – предпринимали попытки найти в этом враждебном окружении хотя бы временных союзников. Порой подобные союзы имели трагический итог.

Анализ многочисленных документов, исходивших из лагеря "ваисовцев" (прошений, ходатайств, "святых" писем и заявлений), свидетельствует о существовании трех "инстанций", к кому неизменно апеллировали ваисовцы в надежде на отклик, благожелательное отношение, справедливость и защиту. Помимо Всевышнего, в руки которого ваисовцы отдавали себя безоговорочно, их доверием пользовались также Государь император, Государственная дума и верховная власть Османской империи. Причем в мировоззрении лидеров ваисовцев происходило причудливое сочетание и переплетение порой взаимоисключающих адресатов и противоречивых установок.

Для руководителей ваисовской общины, начиная от Багаутдина и заканчивая Гайнаном, было присуще апеллирование к верховной власти. Более того, в своих обращениях к Государю императору ваисовцы также неизменно заявляли о своей верноподданности (без сомнения, вполне искренне), противопоставляя истинную верховную власть нелегитимным местным учреждениям (начиная от губернатора и заканчивая рядовым околоточником). В надежде получить у императора аудиенцию для изложения правды о "ваисовцах", лидеры движения неоднократно ездили в столицу: Багаутдин Ваисов первый раз, вероятно, в 1863–1864 гг. и, бесспорно, в марте 1881 г., а Гайнан Ваисов – весной 1908 года. Все поездки заканчивались неудачно. Тем не менее среди части ваисовцев циркулировали упорные слухи, вероятнее всего, подогреваемые самим Багаутди-

ном, что император принял дарвиша очень благожелательно, напоил его чаем, принял все бумаги (прошения, "святые заявления") и взял ваисовскую общину под личное покровительство[284]. Впоследствии ваисовцы неоднократно обращались лично к императору, посылали в его канцелярию многочисленные прошения, "святые заявления", которые также преследовали цель донести свою правду до императора[285]. Ничто не могло поколебать веру ваисовцев в то, что обращение к верховной власти способно изменить их участь.

Вера в заступничество императора отчасти базировалась на традиционной вере россиян в "доброго царя", а отчасти на рассказах о прогулках среди народа "инкогнито" легендарных правителей прошлого, облаченных в простые одеяния (например, предания о Гарун ар-Рашиде). Порой доходило до трагического абсурда. Показательный случай произошел во время наблюдения за одним из ваисовцев (Мухаммед-Галеем Байрамгалеевым) в Казанской окружной лечебнице, действия которого вызывали сомнения в его психическом состоянии. Вот как этот случай описывал врач, производивший наблюдения за испытуемым: *"Еще через месяц наблюдение за Галеевым поручено было вновь прикомандированному в Лечебницу врачу. При первом же свидании с ним у испытуемого сразу явилась мысль, что это Государь Император, который приехал сюда под видом врача. Никакие опровержения и уверения в противоположном не разубедили Магомет-Галея до сих пор, т.е. в течение 1½ месяца. На вопрос, почему он считает, что это Государь, Галей отвечает, что он "чувствует это", потом он еще видел портрет Государя, наконец и то обстоятельство, что первые беседы с ним велись в иной комнате, чем обыкновенно, – все это убеждает его в том, что он имеет дело с царем. На возражение, что Царь разве может посвящать Лечебнице столько времени, жить здесь, разве Царь появляется при такой простой обстановке, в такой одежде и т.д. Галеев сказал, что нечего его обманывать, что в его книжке сказано, что в древности Цари и Пророки умышленно надевали простые одежды, живали в простых хижинах, чтобы иметь возможность поближе вникать в*

[284] В одном из своих "святых заявлений" (№ 324 от 17 сентября 1910 года) Ш. Сайфутдинов утверждал, что Багаутдин Ваисов явился лично к Александру Второму, который его принял радушно, воспринял его веру и "утвердил духовного отца Ваисова основателем веры ислама и вероисповедником, сотрудником всего мира". См.: НАРТ. Ф. 51. Оп. 4. Д. 13475. Л.126 об.

[285] Прошения ваисовцев, написанные в 1907–1913 гг. и адресованные Николаю II, поступали в Собственную Его Императорского Величества Канцелярию, не были удостоены даже формального ответа. Эти прошения до сих пор совершенно незаслуженно не введены в научный оборот, хотя представляют собой важнейший источник для изучения ваисовского движения в 1906–1916 гг. См.: РГИА. Ф. 1412. Оп. 35. Д. 12. 112 л.

жизнь подданных. Никакие разубеждения в том, что времена изменились, не помогли; он остается при своем. Он считает, что Государь Император приехал сюда, чтобы лично расследовать дело его и вообще Ваисовцев, а также наградить его…" (документ № 32).

К личности главы Российского государства – Государя Императора – ваисовцы питали верноподданнические настроения с самых истоков зарождения движения, неизменно обращались за покровительством. Своей прямой и главной обязанностью они считали защиту царя и его семьи при помощи молитв. Одна из титулатур Багаутдина Ваисова, как уже отмечалось ранее, звучала как "Догахан" (Хан молитвы). Из глубокой уверенности Б. Ваисова и его последователей в защитной силе своих молитв проистекал и пацифистский характер их движения, выражавшийся в отказе нести воинскую службу с оружием в руках.

С конца 1880-х годов в документах, исходивших из лагеря ваисовцев, появляются новые моменты. Связаны они с правителем Османской империи как духовным главой мусульман всего мира и другим потенциальным покровителем и защитником ваисовцев[286]. Впервые этот новый адресат появляется в т.н. "Духовном завещании", написанном Б. Ваисовым в психиатрической лечебнице и адресованном его родным и близким. Документ датирован 19 июня 1888 года[287].

В "Завещании" Багаутдин посылает проклятья своим мучителям и, обращаясь к сыновьям и родным, просит их продолжить его дело – изобличать людей измены, желающих убить царей и истребить правду. Среди многословных выражений и цветистых эпитетов встречаются прямые указания на необходимость следующих действий: "Подавайте по всем нужным учреждениям прошения и требуйте возмездия за мою кровь с врагов, дел моих на дороге не оставляйте и требуйте души моей и добра моего, употребляйте свои старания ради получения моего довольства так, чтобы султан султанов признал доказательными мои просьбы и чтобы вы довели об этом до Оттоманской Порты, чтобы верующих мусульман никто кроме них не судил"[288]. В этом "Завещании" Османская империя в качестве высшей судебной инстанции для российских мусульман упоминается впервые. Этот пассаж будет неоднократно встречаться в документах более позднего периода.

[286] Усманова Д.М. Государственная и верховная власть Российской и Османской империи глазами мусульманских "сектантов" // Turcica et Ottomanica: сб. в честь 70-летия М.С. Мейера. – М., 2006. – С. 329–336.

[287] См. § 6, глава 1. Документ № 24.

[288] НАРТ. Ф. 41. Оп. 13. Д. 3. Л. 93-94.

Например, в августе 1890 года жена содержавшегося в лечебнице дервиша Биби-Джамал Ваисова подает на имя турецкого консула в Петербурге прошение с жалобой на страдания и несправедливость, чинимые в отношении ее супруга[289]. Во время освидетельствования в психиатрической лечебнице один из последователей Ваисова Низмутдин Ижбаев открыто заявлял, что он не признает "гражданских властей и судить его по шариату могут Верховная власть Оттоманской Порты, Государь Император Александр и духовный отец Ваисов"[290]. Другой "божий воин" М.-Г. Байрамгалеев также заявлял, что не признает гражданского начальства, а судить его может только "Духовный верховный суд Оттоманской порты" (1896 г.)[291]. Наконец, в 1908 году сардар староверского мусульманского общества (Гайнан Ваисов) послал на имя "турецкого Оттоманского Посланника в Петербурге" телеграмму. В ней от имени "божьих воинов" он обращался к турецкому султану, покровителю святой веры ислам, с просьбой защитить от насилия и оскорблений со стороны русских властей, чтобы султан обратился к европейским государям с требованием справедливо обращаться с верующими[292].

Накануне и в период первой мировой войны в "османской" тематике появились новые мотивы: добрые отношения с исламским соседом и признание своего движения ваисовцы считали одним из условий процветания и благополучия России. Например, в одном из своих многочисленных обращений на имя царя Ш. Сайфутдинов писал: "Не идите против турецкого султана, а то Боже спаси, тогда разрушится Российская империя. И даже помогайте ему, великому султану, тогда будете спасены, во веки веков"[293].

Кроме обращения к туркам, было еще несколько попыток ваисовцев "выйти" на международный уровень и в решении своих проблем обратиться за помощью к руководителям иностранных держав. Во время русско-японской войны Ш Сайфутдинов, находившийся в ссылке на Сахалине и оказавшийся в зоне японской оккупации, обращался к японскому императору. Во время первой мировой войны он же составляет обращение на имя американского президента Вудро Вильсона. Конечно, подобные обращения имели совершенно мизерный шанс быть услышанными и понятыми.

---

[289] НАРТ. Ф. 41. Оп. 13. Д. 3. Л. 65-71.
[290] НАРТ. Ф. 41. Оп. 2. Д. 1604. Л. 8.
[291] НАРТ. Ф. 41. Оп. 2. Д. 2138. Л. 2-2об.
[292] НАРТ. Ф. 41. Оп. 13. Д. 3. Л. 52.
[293] РГИА. Ф. 1412. Оп. 35. Д.12. Л. 86 об. Цитата приведена в современной орфографии и с исправлениями грамматических ошибок.

В начале XX столетия, с появлением новых институтов власти, в том числе Государственной думы, руководители общины стали адресовать свои послания и этому учреждению. Следовательно, распространенное утверждение, что ваисовцы относились непримиримо к данному институту представительной власти, не совсем соответствует действительности. Для ваисовцев, неизменно подчеркивавших свою лояльность и верноподданство верховной власти, вероятно, было важно осознавать, насколько новое учреждение соответствует воле и пожеланиям императора.

На это указывает инцидент, произошедший в Каинском уезде Томской губернии на заре становления российского парламентаризма[294]. Когда во время предвыборной кампании весны 1906 года старшина инородческой управы попытался собрать сход по избранию уполномоченных в Государственную думу 1-го созыва, местное инородческое население проигнорировало данное собрание. Виновником неявки большей части местных татар был объявлен лидер местной ваисовской общины Мухаммед-Юсуф Файзуллин, который будто бы подстрекал мусульман к неповиновению властям. Вскоре Юсуф Файзуллин и Гильман Фаизов (по другим документам – Габдулла Гильманов) были арестованы, когда собирали средства с местного населения на поездку в Казань и Санкт-Петербург, чтобы услышать из уст императора об учреждении им Государственной думы. Не получив подобного подтверждения из первейшего в плане легитимности источника, т.е. непосредственно от носителя верховной власти, и не доверяя местной власти (старшине и пр.), ваисовцы подозревали ее представителей в желании "окончить Романовскую Царскую Фамилию". Поскольку члены Божьего полка полагали, что призваны спасать августейший дом, все народы и правительства, а также весь мир, включая Российскую империю, все разговоры о создании Думы и избрании депутатов первоначально они восприняли как угрозу существующей верховной власти. Вероятно, им было важно получить подтверждение о соответствии перемен желаниям и воле самого Императора. Чем больше недоверия и отторжения вызывали конкретные представители местной власти, тем сильнее была слепая вера в непогрешимость и покровительство власти верховной, причем не просто верховной, но персонифицированной.

Таким образом, первоначальное недоверие к новому институту власти вполне закономерно и отражает бытовавшие в инородческой среде естественные страхи и опасения, что правительство предпринимает очередные шаги по христианизации мусульман.

[294] ГАРФ. Ф. 124. Оп.26. Д. 32. Л. 3–3об., 7–8.

По мере того, как идея народного представительства получала все больший резонанс в российском обществе, меняется и отношение к новому институту представителей ваисовской общины. В РГИА и НАРТ сохранилось большое количество документов, среди которых отдельную группу составляют обращения ваисовцев в Государственную думу[295]. Весьма интересно попытаться понять и объяснить основные мотивы подобных обращений.

Первые обращения на имя Государственной думы были посланы, в частности, одним из руководителей общины, находившимся в это время в ссылке на Сахалине, Шигабутдином Сайфутдиновым (весна 1906). Причиной, побудившей ссыльного ваисовца обратиться к членам Государственной думы, явились обычные притеснения со стороны местной (сахалинской) администрации. Кроме традиционных жалоб и сетований на притеснения местных властей, а также набора вполне традиционных просьб, к прошению была приложена "Книга святой веры ислама" с изложением основ мусульманской веры в понимании ваисовцев.

Но более примечательно другое. Обращение Ш. Сайфутдинова к членам Государственной думы было продиктовано уверенностью, что депутаты как "выбранные лица благочестивого общества" обязательно изучат все бумаги и заявления, написанные ваисовцами; рассмотрят их в соответствии с новыми законами и провозглашенной свободой совести и решат, наконец-то, "ваисовский вопрос по совести". Можно сказать, что созыв Государственной думы как собрания народных представителей был встречен Ш. Сайфутдиновым (а в его лице одним из наиболее деятельных руководителей ваисовской общины после гибели дервиша Багаутдина Ваисова) с большой надеждой. Более того, Ш. Сайфутдинов и заслугу провозглашения апрельского указа 1905 года о веротерпимости, а также появления в Октябрьском манифесте пункта о свободе совести фактически приписывал ваисовцам, их настойчивым и долголетним ходатайствам и разъяснениям.

Буквально сразу же по возвращении из ссылки в Казань (осень 1906 г.) он написал очередное "святое заявление" на имя губернатора, в котором подробно изложил историю своих многочисленных арестов и злоключений в ссылке, а также весьма самоуверенно предложил "в случае необходимости" обращаться по всем вопросам в канцелярию ваисовцев. К данному "святому

[295] РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 508; Ф. 1278. Оп. 1. Д. 245; Ф. 1412. Оп. 35. Д.12. Некоторые документы из этих дел были опубликованы. См.: Кемпер М., Усманова Д.М. Ваисовское движение в свете собственных прошений и поэм // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2001. № ¾. – С. 86–122.

заявлению" была приложена небольшая записка того же автора, носящая неофициальный характер, в которой он сообщал, что хотел бы познакомиться с губернатором лично, и просит удостоить его аудиенцией "личной встречей и беседой один на один". Надо полагать, эта немного бестактная, но очень миролюбивая и почтительная по тону записка Ш. Сайфутдинова имела цель попытаться объяснить властям суть ваисовского учения, прежде всего его мирный характер и отсутствие антиправительственных настроений.

Примечателен и факт участия Ш. Сайфутдинова в общегородском собрании мусульманских выборщиков г. Казани, состоявшемся 9 января 1907 года[296]. На предвыборном собрании, где представители различных партий пытались завоевать симпатии и голоса мусульманских избирателей, ваисовцы выступили против присоединения к какой-либо из политических партий. Для мусульман, сказал Ш. Сайфутдинов, достаточно Корана. Только ему должны следовать мусульмане в своих действиях и своей жизни. Впрочем, такая радикальная позиция неприятия политической жизни и политических институтов разделялась незначительным числом казанских мусульман. Да и сами ваисовцы в действиях были менее радикальны и непримиримы, нежели на словах.

В ноябре 1907 года, с началом работы Думы 3-го созыва, Ш. Сайфутдинов пишет Гайнану Ваисову письмо, полное упреков и обвинений в том, что он как руководитель общины не заботится о том, чтобы донести до Государственной думы всю правдивую информацию о ваисовцах[297]. Поскольку Г. Ваисов в это время находился в Средней Азии, Ш. Сайфутдинов решает, не дожидаясь возвращения сардара, обратиться в Государственную думу с очередным "святым заявлением" (21 ноября 1907 г.). В нем автор жалуется на враждебные действия гражданских властей по отношению к "божьим воинам" и в очередной раз просит разрешить "ваисовский вопрос по справедливости"[298]. В период работы Думы 3-го созыва Ш. Сайфутдинов еще несколько раз обращался в Государственную думу. Как минимум, один раз он писал члену мусульманской фракции и депутату от Казанской губернии С. Максуди (дата и непосредственный повод к обращению в документе не указаны), а также депутатам Н.П. Шубинскому, А.А. Селиванову и Д.П. Гулькину ("на счет староверов"). Наконец, во время судебного процесса в июле 1910 года он послал заявление

[296] Юлдуз, 1907, 12 января (№ 74).
[297] НАРТ. Ф. 41. Оп. 13. Д. 3. Л. 84–84 об.
[298] НАРТ. Ф. 41. Оп. 13. Д. 3. Л. 66.

на имя председателя Думы, конкретное содержание которого также неизвестно[299].

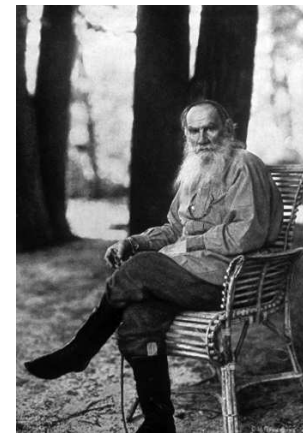
Ряд косвенных свидетельств указывает на попытки ваисовцев установить непосредственные контакты с членами фракции. Среди изъятых в период обысков 1908–1909 гг. и приобщенных к обвинительному протоколу вещей упоминаются визитные карточки члена Государственной думы 3-го созыва Гали-Аскара (Оскара) Сыртланова, а также визитка корреспондента газеты "Русское слово", подписные квитанции на газеты "Речь" и "Терджиман"[300]. По всей вероятности, личные контакты с депутатами и представителями столичной прессы устанавливались Гайнаном Ваисовым во время его поездки в столицу в марте 1908 года. Однако, кроме упоминаемых в протоколах обыска и экспертиз визиток Г.-А. Сыртланова, а также обращений Ш. Сайфутдинова, у нас нет иных свидетельств о наличии постоянных и главное результативных контактов ваисовцев с членами мусульманской фракции. Дело осложняется тем, что архив мусульманской фракции, если и существовал, не сохранился.

Была ли какая-либо реакция со стороны депутатов на эти обращения ваисовцев? Думается, что нет, а многочисленные "святые заявления" ваисовцев ожидало забвение. Вполне вероятно, что мусульманская фракция могла рассматриваться ваисовцами как часть враждебного им татарского мира, среди которых невозможно найти справедливость в отношениях к истинным, правоверным мусульманам. Поэтому ваисовцы (в лице Ш. Сайфутдинова, в частности) чаще посылали свои святые заявления и ходатайства не столько членам мусульманской парламентской группы, сколько Государственной думе в целом как одной из ветвей верховной власти. Немногие из сохранившихся и известных по архивным документам обращений ваисовцев к членам Государственной думы свидетельствуют о признании ими Думы легитимным учреждением де-факто, а ее членов – народными избранниками. Следовательно, Дума в целом рассматривалась ваисовцами как учреждение, в котором возможен поиск справедливости и которое может наконец-то разрешить больной "ваисовский вопрос".

Кроме институциональных контактов, лидеры староверской общины пытались установить контакты с представителями русской общественности, которые могли помочь ваисовцам своим нравственным авторитетом. Среди подобных деятелей был великий русский писатель Лев Николаевич Толстой, всегда относив-

[299] НАРТ. Ф. 51. Оп. 4. Д. 13475. Л. 132 об.
[300] НАРТ. Ф. 41. Оп. 13. Д. 3. Л. 21 об.

шийся с необычайным вниманием к людям, имевшим религиозные убеждения, испытывавшим за эти убеждения страдания и гонения[301]. Сложно установить точно, когда и при каких обстоятельствах произошло знакомство писателя с ваисовцами, какие каналы обмена мнениями и информацией, кроме писем, еще существовали. По одной версии, Л. Толстого заинтересовала история, получившая широкий резонанс в прессе и связанная с отказом ваисовца М. Гадыльшина по религиозным мотивам нести военную службу. По просьбе писателя его помощник И. Наживин посетил в Казани в сентябре 1908 года Гайнана Ваисова, познакомился с его взглядами и впоследствии познакомил с ними самого писателя. Между лидером мусульманской общины и писателем завязалась переписка (документ № 57), а в феврале 1909 года Г. Ваисов посетил его в Ясной Поляне, где в течение трех дней имел возможность беседовать с русским мыслителем (илл. № 28)[302]. Судя по дневниковым запискам писателя, он до последних дней высказывал свою заинтересованность и обеспокоенность судьбой сектантов.



Илл. № 28. Л.Н. Толстой в Ясной Поляне. 1908 г.

Однако некоторые материалы из личной библиотеки писателя дают основание предположить, что были и другие возможные каналы, по которым до Толстого доходила информация о различных религиозных течениях: с начала XX столетия частыми гостями в Ясной Поляне была чета Молоствовых[303] из Казанской губернии. Владимир Германович Молоствов (9.04.1857 – 18.01.1918) состоял уездным предводителем дворянства в Тетюшском уезде Казанской губернии (1905–1917). Его супруга Елизавета Владимировна Молоствова (1.12.1873 – 1.08.1936) с апреля 1904 г. находилась в постоянной переписке с Львом Толстым. Молоствова уделяла большое внимание положению сектантов в крае, оповещала пи-

[301] О контактах Гайнана Ваисова и Льва Толстого написано немало. См. например: Wajsow, Chodzja Muchammed Gajan. Wajsov, wajsowcy I stosunek do nich Lwa Tolstoja. // Rocznik Tatarski. – Wilno, 1932. Tom I. P. 215–221; Ахунов А. Лев Толстой и татары // Татарский мир. 2003. № 15; Валеев Р.К. Лев Николаевич Толстой и Гайнан Ваисов // Зеленодольский регион: проблема истории и культуры. – Казань, 2003. – С. 252–260; Вәлиев Р.К. Өзелгән дога. – Казан, 2007.

[302] См. например: Ахунов А. Лев Толстой и татары // Татарский мир. 2003. № 15.

[303] Некоторые сведения биографического плана о чете Молостоввых, а также об их взаимоотношениях с Л.Н. Толстым были любезно предоставлены С.А.Фроловой.

сателя (или же рассказывала ему при личных встречах) о сектах, бытовавших среди христиан, мусульман и язычников в Казанской и Вятской губерниях. По просьбе писателя Е.В. Молоствова хлопотала об освобождении из психиатрической клиники сектанта К. Малеванного (1905), собирала материалы для исследования о секте иеговистов[304].

Можно предположить, что Е.В. Молоствова имела возможность для знакомства с ваисовским движением уже в 1905–1906 гг. Однако, гораздо более вероятно, что вплоть до 1908–1909 гг. ваисовцы не входили в круг ее научных интересов. Достоверно известно о разговоре между Л.Н. Толстым и Е.В. Молоствовой о ваисовцах, произошедшем во время посещения последней Ясной Поляны 19 октября 1910 года[305]. Эта беседа происходила накануне суда над ваисовцами, о котором довольно подробно писала казанская пресса, и гораздо позже исторической встречи Г. Ваисова с писателем. Вполне логично поэтому, что именно по просьбе писателя (высказанного непосредственно или через приезжавшего в Казань И. Наживина) она занялась делами мусульманских сектантов. Позднее Е.В. Молоствова описала собственные впечатления о встречах с Гайнаном Ваисовым в статье, опубликованной в 1912 году в столичном журнале "Мир ислама".

В переписке Г. Ваисова с Л. Толстым и И. Наживиным обращает на себя внимание ряд моментов: это и желание подкрепить собственную значимость посредством популярности и авторитета великого русского писателя; стремление через Наживина познакомить с собственным движением русскоязычную общественность (статьи и заметки о ваисовцах в газете "Слово" и других столичных изданиях); а при благоприятном стечении обстоятельств получить содействие в поиске средств для покупки земли для собственной общины на исконной "булгарской земле".

---

[304] Архангельская Т.Н. Казанские издания в библиотеке Ясной Поляны // Молодой Лев Толстой: научная конференция. – Казань, 2001. См.: http://www/ksu/ru/miku/konf_tolstoi/s16.htm. Молоствова Е.В. Иеговисты. Жизнь и сочинения капитана Н.С. Ильина. Возникновение секты и ее развитие. – СПб., 1914.

[305] См.: Маковицкий Д.П. У Толстого. 1904 – 1910. "Яснопольские записки" // Литературное наследство. Т. 90. В 4-х кн. – М., 1979. Кн. 4. – С. 386. Информация предоставлена С.А. Фроловой.

§ 4. "Булгарская" идентичность в сознании ваисовцев

Центральной идеей в исторической генеалогии и религиозном учении ваисовцев была идея булгарского наследия. Сами ваисовцы называли себя булгарами (и использовали тахаллус/псевдоним аль-Булгари) и мусульманами-староверами, отказываясь признавать такие сословные и этнические наименования, как "татарин", "крестьянин", "потомственный почетный гражданин" и другие. Ваисовцы полагали, что в качестве потомков булгар они являются более древними мусульманами, нежели татары, поскольку их вера идет "аль-мисактан-бирле", т.е. со времен завета, заключенного ветхозаветным Авраамом и самим Богом[306].

При этом основатель "Божьих полков" не просто возводил свою родословную к древним булгарам, но и претендовал на происхождение от пророка Мухаммеда и булгарских ханов. Причем самый ранний документ, указывающий на то, что именно Багаутдину принадлежит данное утверждение, датируется 1883 годом, когда дарвиш в очередной раз наблюдался в психиатрической клинике (документ № 18)[307].

Наиболее обстоятельно данная версия была изложена уже Гайнаном в докладной записке на имя председателя Совета министров (февраль 1909 года): "Приблизительно в шестом веке[308] по мусульманскому летоисчислению к болгарскому князю Айдерхану прибыло трое арабских проповедников магометанской веры, один из коих Зюбяир Биниждегеда был потомком пророка Магомеда, и по преданию, женился на ханской дочери Туйбики, при чем от них то и пошла династия болгарских ханов, а под влиянием проповеди Зюбяира болгарское царство приняло магометанскую веру; … Багаутдин Хамзин Ваисов был потомком булгарских ханов"[309].

Очевидно, что легенда эта восходит к трактату Хисаметдина бин Шарафутдина "Таварих-и Булгария", где данный сюжет составляет центральную часть второй главы под названием "О последователях и последовательницах [сподвижниках Мухаммеда] из жителей Булгара". Эта история в "Таварих-и Булгария" из-

[306] Из характеристики, данной ваисовцам экспертом Н.Ф. Катановым. См.: НАРТ. Ф. 420. Оп. 1. Д. 111. Л. 15–15об.

[307] НАРТ. Ф. 41. Оп. 2. Д. 1073. Л. 3 об.

[308] В версии этой легенды, изложенной в трактате Хисаметдина бин Шарафутдина Булгари-Муслими, указана другая дата – 9 г. /630 г.

[309] Текст докладной записки цитируется по протоколу осмотра и экспертизы документов, изъятых при обыске в 1909 г. в молитвенном доме Г. Ваисова. См.: НАРТ. Ф. 41. Оп. 13. Д. 3. Л. 47–47 об. В подобной же трактовке, надо полагать, со слов Гайнана, данная легенда изложена и в статье Е.И. Молоствовой.

ложена следующим образом: в 9/630 году во время царствования Айдар-хана в Булгар пришли три сподвижника (сахаба) Мухаммеда, которых он послал с миссионерскими поручениями, снабдив их чернильницей, посохом и чалмой. Их имена: 'Абд ар-Рахман бин Зубайир, Зубайир бин Джа'да и Талха бин Усман. В это время жители Булгара были огнепоклонниками. Однажды, когда дочь хана Туй-бике тяжело заболела, хан обратился за помощью к арабам, которые посоветовали использовать для лечения веник из молодой березы. Но была зима. Тогда сподвижники показали чудо: в чернильницу воткнули посох, надели чалму, прочли молитву – и из посоха выросла стройная береза. Веник был готов. Попарившись в бане, дочка хана тут же вылечилась от тяжкого недуга. Увидевшие это чудо булгары перешли в ислам. Через три года двое из сподвижников Мухаммеда уехали обратно в Аравию, оставшийся Зубайир бин Джа'да женился на Туй-бике и встал во главе местных мусульман, прожив в Булгаре еще ровно 25 лет[310].

Таким образом, очевидно, что источником претензий Ваисовых на родство с пророком Мухаммедом и особую миссию (дарвиш, избранный и посланный самим пророком) послужила легенда, изложенная в "Таварих-и Булгария", которая в свою очередь уходит корнями в глубь веков, правда, в несколько иной трактовке[311]. Самый ранний список "Таварих-и Булгария" датируется 20-ми годами XIX века, с 40-х годов того же столетия наблюдается активное "вторжение" сочинения в татарскую литературу (о чем свидетельствует большое количество рукописных списков, сохранившихся в библиотеках и в частных руках). А в 1870, 1887, 1892 и 1902 годах это сочинение было опубликовано типографским способом. Поэтому нет никаких сомнений, что и Багаутдин, и Гайнан были знакомы с содержанием этого произведения. Хотя в то же время нет никаких документальных свидетельств этого (среди изъятых у Гайнана и других ваисовцев и описанных в протоколах книг данное название не встречается).

Вполне возможно, что эта версия к концу XIX столетия превратилась в устойчивое семейное предание и была сообщена Гайнану более образованными людьми из его окружения. Гайнан мог вполне искренне верить в эту легенду. Однако более вероятно, что

---

[310] См.: Усманов М.А. Татарские исторические источники XVII – XVIII вв. – Казань, 1972. – С. 134–166; Frank A. Islamic Historiography and "Bulghar" Identity among the Tatars and Bashkirs of Russia. – Leiden-Boston, 1998. – С. 62–63, 174–175.

[311] Арабский путешественник XII века Абу Хамид аль-Гарнати пересказывал предание, которое он услышал от жителей Булгара, о том, как один арабский купец, вылечив от тяжелой болезни царя и царицу, убедил их принять ислам. См.: Усманов М.А. Татарские исторические источники XVII – XVIII вв. – Казань, 1972. – С. 143.

подобная трактовка арабских корней своего рода в законченном виде была сформулирована именно Гайнаном в начале XX века. Не случайно, что на одном из допросов на вопрос о национальности Гайнан Ваисов именовал себя "булгарским турком, по крови араб" (документ № 66), тогда как его братья не высказывали подобных утверждений. Бесспорно и то, что подобные утверждения чаще всего исходили из уст молодых ваисовцев, не видевших ни Багаутдина, ни самих документов лично. Например, один из молодых (в 1909 году ему было всего 26 лет) и наиболее приближенных к Гайнану Ваисову сподвижников Ибрагим Зайнуллин во время допроса прямо заявлял, что: "У Багаутдина Ваисова были документы, из которых видно было, что отец его был потомком пророка Магоммеда, а мать происходила из рода булгарских ханов. Эти документы теперь утрачены, так как в 1881 г. молитвенный дом Багаутдина Ваисова подвергся разорению и все документы, и другое имущество было захвачено полицией"[312].

Если представители семейства Ваисовых не просто говорили о своем древнем булгарском происхождении, но и претендовали на родство с пророком Мухаммедом и булгарскими ханами, то рядовые члены секты считали себя потомками тех древних булгар, которые первыми приняли ислам и сохранили чистоту веры на протяжении веков. Для всех ваисовцев было характерным использование в своем имени тахаллуса аль-Булгари (Эль-Булгари оглы). Привязка к Булгару делала их "местными", коренными, привязывала к региону, давала историю и "историческую родину". Очевидно, что во второй половине XIX века, во времена Багаутдина, этот тахаллус происходил от топонима и не имел этнической составляющей. Однако уже в начале XX столетия наблюдаются явные тенденции придать ему этническую составляющую, противопоставить его термину "татары". Но в наиболее законченном виде эта эволюция произошла в сознании "необулгаристов" новейшего времени[313]. Думается, что эта трансформация не была случайной и отражала возросший на рубеже XIX – XX веков интерес к этнической истории, историческим корням и проблеме национальной самоидентификации.

В начале XX века Гайнан Ваисов обсуждает со своими помощниками идею покупки земли в Свияжском уезде Казанской губернии, с тем, чтобы переселить на нее членов общины и основать

[312] См.: НАРТ. Ф. 41. Оп. 4. Д. 1983. Л. 35.

[313] Речь идет об идеологах "необулгаризма", основавших Булгарский национальный конгресс, приложивших руку к созданию "Джагфар тарихи" и инициировавших в конце 1980-х – начале 1990-х годов неудачный процесс смены этнонима "татары" на "булгары".

“булгарскую коммуну”. Об этом своем намерении, в частности, Гайнан писал Льву Толстому, косвенно прося оказать финансовую поддержку этому начинанию. Только в 1924 году часть ваисовцев основала в Свияжском кантоне свою коммуну Янга Булгар (Новый Булгар)[314].

Следует отметить и следующее обстоятельство. Наибольшее количество последователей Багаутдина было в тех татарских селениях, жители которых были уверены, что являются потомками древнего Булгара, что эти села были основаны переселившимися из разоренного Булгара людьми. Подобное предание содержится в генеалогии (шаджара) жителей села Карашам[315]. Родственник (внучатый племянник) Габдуллатифа Халитова – указной имам с. Беденьга Насретдин Джагфаров, который ни в коей мере не являлся сторонником Б. Ваисова, постоянно конфликтовал и был настроен весьма враждебно в отношении жившего в селе Гаяна Ваисова, в своей родословной также отмечает, что происходит из “Великого Булгара”[316]. Наконец, нельзя не отметить и тот факт, что сам автор “Таварих-и Булгария”, скрывшийся под именем Хисаметдин бин Шарафутдин аль-Булгари Муслими, указывал, что происходил из деревни Ташбильги, основатель которой Муслим-баба переселился именно из Булгара[317]. Это только три свидетельства из многочисленного ряда примеров, когда люди использовали тахаллус-топоним Булгари, отражавший отношение его носителя к своему происхождению (не столько этническому, сколько территориальному). Однако бесспорно и то, что Багаутдин Ваисов, как позднее и Гайнан, использовали историческую память, выраженную в легендах и преданиях, для продвижения своих собственных идей и проектов.

---

[314] Frank A. Islamic Historiography and “Bulghar” Identity among the Tatars and Bashkirs of Russia. – Leiden-Boston, 1998. – C. 177. Аллен Франк ссылается на Марселя Ахметзянова, который в свою очередь цитирует сообщение татарской газеты 1927 года.

[315] Согласно родословной (шаджара) жителей села Карашам, составленной в 1870-х гг. имамом деревни Хидиятуллой Габдюшевым и хранящейся в ОРРК (Т-4308, № 13). См.: Абдюшев К.С. Карашэм. – Казань, 1978. Подробнее см. § 4 первой главы.

[316] Насретдин б. мулла Гимадетдин б. мулла Шах-Ахмад б. мулла Халид б. мулла Джагфар б. Алтынбай б. Султан […]“Олуг Болгардан калган” (1872 – после 1917) – с 12 декабря 1908 г. имам-хатиб и мударрис 2-й мечети д. Беденьга Симбирской губернии. Учился в д. Нурлат у Фахретдина-хазрата Мустаева, а также, по собственному утверждению, в Бухаре. Участвовал в работе 1-го Всероссийского мусульманского съезда в Москве (май 1917). На метрических книгах 2-й махалли д. Беденьга его рукой записаны перечисленные выше имена предков и указание на происхождение своих предков из Булгара. Насретдин Джагфаров приходился Гаяну Ваисову троюродным племянником.

[317] См.: Усманов М.А. Татарские исторические источники XVII – XVIII вв. – Казань, 1972. – С. 153; Frank A. Islamic Historiography and “Bulghar” Identity among the Tatars and Bashkirs of Russia. – Leiden-Boston, 1998. – C. 59.

§ 5. Следствие. Политический процесс 1910 года. Второй разгром общины

Активная деятельность казанского центра общины продолжалась до конца 1908 – начала 1909 годов. Всерьез обеспокоенные активностью и размахом ваисовского движения, распространением его за пределы Среднего Поволжья (Нижнее Поволжье, Туркестан, Сибирь и пр.), местные власти перешли к решительным действиям. Уже в течение 1908 года было произведено предварительное расследование, которому предшествовал запрос из Главного управления по делам печати в связи с цензурным арестом третьей части брошюры "Джавахири хикмати дарвишан" (см. § 2 главы)[318].

Инициатором начала следственных дел стал прокурор Казанского окружного суда, по предложению которого в марте 1908 года началось предварительное следствие о преступном сообществе. Полномасштабное расследование было осуществлено в 1909 году. Расследование вел следователь по особо-важным делам при Казанской судебной палате Владимир Михайлович Шулинский[319]. Были допрошены свидетели, в том числе пристав 5-й части г. Казани Разумов, имам М.-С. Иманкулов, а также бывшие члены секты А. Кильдишев (автор разоблачительной брошюры), Ш. Шагимарданов, Х. Шайдуллин и др.

24 февраля 1909 года в доме, где размещались канцелярия и квартира Гайнана Ваисова, а также на квартирах ближайших сподвижников состоялись обыски с изъятием улик и вещественных доказательств (документ № 56). Полиция изъяла большое количество различных документов, книг и брошюр, а также оружие. Тогда же были произведены обыски в ряде сельских общин староверов-мусульман. В течение марта-апреля производились осмотр и экспертиза изъятых вещественных улик: письменных документов, прошений и заявлений, писем и телеграмм, книг и иных предметов на русском, татарском и арабском языках (документы №№ 57–64).

---

[318] ГАРФ. Ф. 124. Оп. 47. Д. 952.

[319] Следователь по особо-важным делам при Казанском окружном суде, статский советник Владимир Михайлович Шулинский состоял на службе в Казанском окружном суде с 24 февраля 1907 года. Руководством характеризовался как следователь, обладающий солидными знаниями по следственной части и хорошей работоспособностью, в нравственном отношении отличавшийся безупречным поведением. В 1915–1916 гг. он проживал в доме Мандельштамов по ул. Касаткиной. См.: Адрес-календарь и справочная книжка Казанской губернии на 1916 г. – Казань, 1916. – С. 276. НАРТ. Ф. 390. Оп. 1. Д. 4298. Л. 6.

В экспертизе непосредственное участие принимали профессор Казанского университета Н.Ф. Катанов и учитель русского класса при одном из казанских медресе Г.Н. Ахмаров. Первый производил осмотр и описание документов с татарскими и арабскими текстами, преимущественно печатных (изданных типографским способом бланков, книг, брошюр и пр.). Г.Н. Ахмаров привлекался для осмотра и перевода рукописных документов, написанных на татарском и частично арабском языках (письма, рукописи и пр.). Только в течение марта 1909 года во время многочасовых экспертиз им было просмотрено и переведено с татарского и арабского языков 1158 экземпляров различного рода рукописных документов и писем[320]. Экспертиза подробно фиксировалась в протоколах, подписанных следователем, экспертами и понятыми[321]. После произведенного осмотра часть изъятых вещей была возвращена владельцам, а остальные материалы были приобщены к делу в качестве вещественных доказательств и улик виновности обвиняемых. Следует сказать, что следователей в первую очередь интересовали документы, которые подтверждали бы наличие организованного сообщества, а также финансовые документы (казначейские книги, квитанции о сборе средств и т.п.). Признаком наличия преступных намерений и организованного сообщества с посягательством на функции государства расценивалась раздача членам сообщества свидетельств, заменяющих гражданские паспорта, а также попытка ведения собственных метрических книг. Уже в мае 1909 года осуществлявший расследование следователь В.М. Шулинский приступил к опросу свидетелей и обвиняемых.

Материалы экспертиз дали следствию основание вынести постановления о привлечении к судебной ответственности 14 наиболее активных членов ваисовской общины во главе с Гайнаном Ваисовым, которые обвинялись в создании и принадлежности к преступному сообществу, “поставившему себе целью неподчинение распоряжениям правительства“ (документ № 65). Расследование завершилось судебным процессом 23 октября 1910 года, в ходе которого из четырнадцати привлекавшихся к суду подсудимых одиннадцать были признаны виновными и приговорены к различным срокам заключения. Гайнан Ваисов как организатор был осужден на четыре года, а остальные – к двум годам заключения в исправительном доме. Среди обвиняемых и осужденных ваисовцев на процессе присутствовали следующие члены общи-

[320] НАРТ. Ф. 41. Оп. 13. Д. 3. Л. 72.

[321] Все протоколы обысков, осмотров и экспертиз собраны в одном деле: НАРТ. Ф. 41. Оп. 13. Д. 3.

ны: братья Гайнанетдин, Галяутдин и Гаян Ваисовы, Ахметгарей Мухаметшин, Мингазетдин Сайфутдинов[322], Мухаммедгали Байрамгалеев, Ахметхан Мухаметгалеев, Ибрагим Зайнуллин, Мубаракша Гадыльшин, Бикман Валиуллин, Сибагатулла Нигматуллин. На процессе обвиняемые в очередной раз продемонстрировали окружающим свой "фанатизм", отказавшись снимать головные уборы и отвечать на вопросы, отвергнув услуги гражданских защитников и не признавав юрисдикции гражданского суда, осуществлявшегося не по шариату, полностью доверившись руководителю общины. Все показания давались исключительно Г. Ваисовым. Впрочем, уже с самого начала процесса был очевиден его исход, не ставший неожиданным для присутствующих, за исключением, пожалуй, самих ваисовцев. В своих показаниях и заключительной речи Гайнан Ваисов настойчиво утверждал, что члены "Божьего полка" не являются революционерами и врагами монарху, не выступают против правительства, а лишь стремятся к религиозной автономии и социальной справедливости[323].

Татарская и русскоязычная пресса широко освещала судебный процесс, помещая заметки из зала суда преимущественно в нейтральных тонах[324]. Однако этот процесс шумного резонанса не вызвал, особого интереса и сочувствия к судьбе сектантов татарская общественность не проявляла. Не случайно, что один из немногих казанских адвокатов-мусульман Саид-Гирей Алкин отказался защищать ваисовцев по соображениям религиозного и нравственно-этического характера. Он мотивировал свой отказ тем, что "учение Ваисовской секты резко расходится с учением вообще магометанской религии", а защита их при таких обстоятельствах противоречила бы религиозным убеждениям. Более того, поскольку ваисовцы резко и нарочито проявляют свою враждебность к татарам, защита их на суде может спровоцировать, по словам С.-Г. Алкина, нежелательный конфликт в Судебной палате[325].

---

[322] В с. Молвино молитвенный дом ваисовской общины накануне процесса 1910 года располагался именно в его доме.

[323] Из зала суда. Дело ваисовцев // Баянелхак, 1910, 26 октября (№ 680) и 28 октября (№ 681).

[324] Баянелхак, 1910, 26 октября (№ 680) и 28 октября (№ 681); Юлдуз, 1910, 14 октября (№ 597), 21 октября (№ 600), 26 октября (№ 602); Камско-Волжская речь, 1910, 24 октября (№ 594), 26 октября (№ 595), 27 октября (№ 596); Право, 1910, 7 ноября (№ 45). Освещавшие судебный процесс газеты, как правило, давали официальную информацию и описывали все происходившие в зале суда в нейтральных тонах, без собственных комментариев.

[325] НАРТ. Ф. 51. Оп. 4. Д. 13475. Л. 153-153об

Среди членов общины, обвиненных в организации преступного сообщества, был и Шигабутдин Сайфутдинов. Наряду с другими обвиняемыми Шигабутдин успел дать предварительные показания. Однако когда ему был вручен обвинительный акт, он заявил об отказе от назначенного защитника и непризнании суда как такового и скрылся до его начала. Летом-осенью 1910 года Ш. Сайфутдинов проживал преимущественно в д. Куюк (Новая Джульба) Казанского уезда, в родной деревне своей второй жены, занимаясь торговой деятельностью. Однако он все же не избежал суда: уже после завершения основного процесса, 4 ноября того же года он был арестован. 28 января 1911 года состоялся новый судебный процесс, который по прецеденту приговорил Ш. Сайфутдинова к двум, а Х. Хусаинова к полутора годам тюремного заключения[326].

После вынесения приговора все осужденные ваисовцы, а также члены их семейств подали прошения о помиловании[327]. Нередко обращаясь с просьбой о помиловании, ходатаи привязывали сей гуманный шаг к таким датам и событиям, как 50-летие освобождения крестьян от крепостной зависимости, очередной день коронования императора и пр. Прошения адресовались, как правило, на высочайшее имя (императора или же императрицы) и содержали в себе традиционный набор выражений и аргументов. В то же время анализ текста прошений и их сравнительная характеристика дают пищу для интересных наблюдений и позволяют сделать некоторые предположения. Вскоре после вынесения заключения восемь из осужденных – братья Ваисовы, Х. Валиуллин, М.-Г. Байрамгалеев, М. Гадельшин, С. Нигматуллин и А. Мухамметгалеев – подали прошения совершенно идентичного содержания[328]. Вероятно, текст этого прошения был составлен Гайнаном, поскольку в нем встречаются выражения, неоднократно используемые сардаром в более ранних прошениях: автор прошения много рассуждает о религиозном характере организации, легитимизируя ее существование указом о веротерпимости; говорит о привилегиях, дарованных в свое время булгарам царем Иваном Грозным; напоминает о лояльности и верноподданности членов Божьего полка. Наконец, последний абзац прошения начинается с некоторого упрека-удивления – почему власти применяют репрессии в отношении вполне лояльных сектантов, вместо того, чтобы ука-

[326] НАРТ. Ф. 41. Оп. 4. Д. 1983. 144 л.; Ф. 51. Оп. 4. Д. 13475. Л. 264, 298, 342, 354, 359–360.
[327] ГАРФ. Ф. 124 (МЮ). Оп. 48. Д. 650; Оп. 49. Д. 229.
[328] ГАРФ. Ф. 124 (МЮ). Оп. 48. Д. 650. Л. 13-28 об.

зать на имеющиеся преступные элементы в учении ваисовцев с целью его совершенствования и дальнейшей легализации? В этом упреке слышится искреннее удивление и непонимание сектантов, в чем же заключается противоправительственный характер их действий. Думается, что многие члены ваисовской общины вполне искренне разделяли подобные убеждения.

Диссонансом этим текстам стали прошения, поданные тремя другими осужденными – И. Зайнуллиным, А. Мухаметшиным и М. Сайфутдиновым. Эти прошения также аутентичны по содержанию, следовательно, были написаны одним лицом. Думается, что данное прошение было составлено вполне грамотным русскоязычным переписчиком со слов родственников осужденных, а затем под некоторым давлением или в результате внушения подписано ходатаями. В этом прошении трое осужденных ваисовцев постарались отмежеваться от обвинений в политическом преступлении, заявив об исключительно религиозном характере движения; ссылаясь на свою неграмотность, фактически всю ответственность возложили на сардара. В частности, Гайнан обвинялся в том, что вводил членов секты в заблуждение, утверждая о законном характере своей организации; неоднократно совершал поездки в столицу по делам секты, после возвращения рассказывал о радушном приеме, оказанном ему в высших правительственных сферах, и т.д.[329] Наконец, в заключение своего прошения они заявили о своем выходе из состава секты. Учитывая последующую деятельность И. Зайнуллина (особенно в послефевральский период), думается, этот пассаж был не вполне искренним. Скорее подобное заявление было сделано под влиянием членов семьи или же в качестве тактического хода[330]. В любом случае остается лишь догадываться о степени искренности данного пассажа.

Третья группа прошений, также написанных одним человеком и идентичных по содержанию, была подана в период с ноября 1910 по май 1911 года проживавшей в д. Беденьга вдовой Б. Ваисова и матерью Гаяна Гайни-Джамал Ваисовой[331], а также приехавшей из

[329] ГАРФ. Ф. 124 (МЮ). Оп. 48. Д. 650. Л. 8–9 об.; 11–12. В прошениях жен А. Мухаметшина и Х. Валиуллина эти обвинения сформулированы более выпукло и неприкрыто.

[330] ГАРФ. Ф. 124 (МЮ). Оп. 48. Д. 650. Л. 11–12. Например, об этом свидетельствует прошение отца И. Зайнуллина – 85-летнего Зайнуллы Нигматуллина. Он прямо обвинял во всем Гайнана Ваисова, который обманом вовлек неопытного и необразованного юношу во вредную секту. Свое прошение автор заканчивает мольбами о прощении заблудшего сына и указаниями на то, что престарелые родители и жена с двумя малолетними детьми лишились своего единственного кормильца. См. Там же. Оп. 49. Д. 229. Л. 5–5об.

[331] ГАРФ. Ф. 124 (МЮ). Оп. 49. Д. 229. Л. 18–19.

Челябинска в Казань женой Галяутдина и другими родственниками Ваисовых. Все эти прошения, составленные в Казани профессиональным переписчиком М.С. Буховым и отпечатанные на пишущей машинке, были подписаны, как правило, не неграмотными женщинами, а третьими лицами. Основной упор в них был сделан на религиозном характере движения, которое вполне согласуется с веротерпимой политикой правительства и стремится лишь к чистоте мусульманской веры. В прошении много говорится о происках врагов общины в лице приходского духовенства: "По мнению этого общества [имеются в виду члены ВБП, – Д.У.], большинство мусульман жило не согласно с Кораном. На почве такого мнения происходили споры, которые вели не столько к выяснению спорного вопроса, сколько к недоразумениям и раздорам. Раздоры вели к озлоблению, озлобление к доносам, особенно со стороны мулл, которым сильно не по душе было отпадение от господствующей церкви целого ряда лиц. С точки зрения несоответствия учения Ваисовцев с существующими законами придраться муллы не могли – налицо был указ о веротерпимости. Тогда избран был путь политического доноса. И вот перед лицом судебной палаты ваисовцы, и в том числе их сын мой, Гаян Ваисов, предстали как политические бунтари, вступившие в сообщество с преступными целями"[332]. Таким образом, автор прошения основной упор делал на безосновательности наветов завистников и врагов, вследствие чего осужденные страдают безвинно. Стилистика текста и набор аргументов свидетельствуют о большом опыте М.С. Бухова по составлению подобных документов, тонко балансирующем между покаянием и оправданием.

Наконец, из общего числа прошений о помиловании особняком стоят два прошения. Первое из них было подано в апреле 1911 года от имени Хайрутдина Валиуллина (неграмотного), а второе в июне того же года за подписью Ш. Сайфутдинова. Но автором обоих прошений, точнее, как было сказано в оригинале, "святых заявлений", является именно Шигабутдин Сайфутдинов[333]. В силу авторства указанные документы представляют собой не столько традиционные прошения о помиловании, хотя этот пассаж и встречается в тексте, сколько очередную попытку самореабилитации и стремление в который раз донести сущность ваисовского учения до властей, убедить их в отсутствии антиправительственных намерений, в чистоте помыслов и действий сектантов. Ш. Сайфутдинов в очередной раз заявил о возложении на

[332] Цит. по: ГАРФ. Ф. 124 (МЮ). Оп. 49. Д. 229. Л. 18–19.
[333] ГАРФ. Ф. 124 (МЮ). Оп. 49. Д. 229. Л. 21–24об., 32–33.

себя обязанностей мирского покровителя и наместника великого духовного отца Багаутдина Ваисова. В качестве религиозного авторитета он ссылался на священные заповеди, якобы утвержденные Александром II 30 мая 1880 года, а также священную книгу Диван-шаха о шейхе Накшбанди, разрешенную к печати в феврале 1874 года. Свои действия автор документа напрямую увязывал с учением духовного отца, а просьбу о помиловании считал актом милосердного избавления от незаслуженных страданий. В тексте Ш. Сайфутдинова, несмотря на стремление облегчить свое положение, как и положение своего товарища, нет ни намека на раскаяние или же сожаления о своих поступках. Ни более ранние репрессии, ни процесс 1910 года не поколебали уверенности Ш. Сайфутдинова в правильности избранного пути, а страдания рассматривались как неизбежная плата за веру. Эта позиция Ш. Сайфутдинова, вероятно, может оцениваться как стойкое заблуждение полуграмотного (с точки зрения образованного по-светски) человека или же как проявление фанатизма сектанта, однако наличие позиции и твердость в отстаивании своих убеждений не могут не вызывать уважения. В целом из всей плеяды последователей Б. Ваисова и соратников Гайнана именно Шигабутдин Сайфутдинов был одним из наиболее образованных и мотивированных лидеров движения. Его позиция была наиболее последовательной, неизменной и менее всего способной вызвать подозрения в конъюнктурности.

В итоге все без исключения ходатайства о помиловании, поданные осужденными ваисовцами и членами их семей, были отклонены Министерством юстиции. Присужденные им сроки ваисовцы отбывали в различных тюрьмах страны: Гаян Ваисов, М. Гадельшин и М. Сайфутдинов в Вятской тюрьме, Гайнан Ваисов – в Тобольской тюрьме и чуть позднее в Томской, А. Мухамметшин, Х. Валиуллин и М. Байрамгалеев – в Илецкой (Оренбургской губернии), Галяутдин Ваисов и С. Нигматуллин – в Пермской, И. Зайнуллин и А. Мухамметгалеев – в Томской тюрьмах[334]. В заключении умерло двое из осужденных: 25 августа 1911 года от паралича сердца скончался Х. Хусаинов и 5 апреля 1912 года "от старческой дряхлости" – С. Нигматуллин. Уже в апреле 1912 года были условно-досрочно освобождены из-под стражи Гаян Ваисов, М. Гадельшин и М. Сайфутдинов. К 1913 году большинство из осужденных, отбыв свои сроки заключения, вышли на свободу. Гайнан Ваисов, после освобождения из тюрьмы в июне 1913 года,

[334] Право, 1910, № 45, 7 ноября. НАРТ. Ф. 41. Оп. 4. Д. 1983; Ф. 51. Оп. 4. Д. 13475; Ф. 390. Оп. 1. Д. 3185.

проживал с семьей в Томске и Зайсане под надзором полиции. В июне 1914 года он послал из Зайсана на имя министра внутренних дел телеграмму, в которой ходатайствовал о выдаче заграничного паспорта для свободного проезда, так как нуждался в лечении. В просьбе этой ему было отказано[335]. В ссылке у Гайнана и Биби-Сайран Ваисовых на свет появилось еще двое детей: сын Махмуд (5.05.1914–1983) и дочь Хаджар (1916–1989). Уже после возвращения в Казань родился самый младший из сыновей Мидхат (1918–1986).

За все время существования ваисовской общины староверов-мусульман, ее члены неоднократно преследовались за свои религиозные убеждения и логично вытекавшие из них поступки и действия. Но власти всегда придавали этим преследованиям характер наказания за то или иное уголовное преступление, какова бы на самом деле не была истинная мотивация. Процесс 1910 года впервые имел ярко выраженный политический характер. Весьма симптоматично было и время проведения данного процесса, поскольку к 1909–1910 годам от торжественно провозглашенной "свободы совести" в реальности мало что осталось, а вероисповедные преобразования терпели одну неудачу за другой, демонстрируя неустойчивость либеральных реформ и иллюзорность многих надежд на демократизацию страны.

§ 6. Ваисовская община в 1911–1916 гг.: продолжение репрессий и конфликтов

После окончания срока заключения большинство из осужденных ваисовцев смогли вернуться на родину, где находились под гласным надзором полиции. В предреволюционные годы ваисовская община в институциональном плане практически не существовала. Но это не значит, что люди, составлявшие костяк общины, отказались от своих убеждений. Скорее, они старались не провоцировать новых репрессий со стороны властей, скрывали от окружающих свои истинные убеждения. В эти годы усиливается сектантский характер движения, проявлявшийся в замкнутости, скрытости, изолированности от враждебного мира, что, впрочем, удавалось не всегда.

Например, в д. Татарская Беденьга руководителем общины староверов-мусульман оставался Гаян Ваисов. Именно в его доме располагались молитвенный дом и канцелярия этой сельской

[335] ГАРФ. Ф. 124. Оп. 52. Д. 416. Л. 3-4.

общины. Гаян Ваисов осуществлял функции муллы: руководил коллективным богослужением, совершал все обряды бракосочетания, погребения, имя наречения, вел метрики. В 1909 году в эту же деревню приехал и младший из братьев Газизян, высланный из Средней Азии с запретом проживания в Туркестане и Казанской губернии в течение пяти лет. В период, когда Гаян отбывал наказание в тюрьме, Газизян временно исполнял его обязанности имама староверческой общины.

Не прошло и полугода после возвращения Гаяна в родную деревню, как муллы первого прихода Курбангалей и Сиразетдин Джагфаровы обратились к симбирскому губернатору с жалобой на Гаяна Ваисова и обвинениями его в сектантских действиях. Кроме того, их жалоба содержала просьбу привлечь руководителей сельской общины к ответственности и выслать из села (документ № 76). Разбирательства показали, что за годы репрессий ваисовская община в д. Татарская Беденьга численно сократилась довольно ощутимо: если в 1906 – 1909 гг. костяк общины составляли 18–20 семейств (общим количеством более ста человек), то в 1912 году осталось лишь четыре дома. Однако вследствие благосклонного отношения сельчан к ваисовцам при длительном пребывании ее руководителей в селе вполне возможно было и возвращение колеблющихся обратно в секту (документ № 77). Это и пугало мулл Джагфаровых, обратившихся за помощью к испытанному средству – поддержке властей. Впрочем, разбирательства не выявили какой-либо активности в деятельности сектантов и расследование вскоре было прекращено.

Примерно по такому же сценарию развивались события вокруг других членов общины. После отбытия двухлетнего срока заключения Ш. Сайфутдинов вернулся в деревню Куюк, где проживал накануне ареста. В эту же деревню вернулся после окончания срока заключения М.-Г. Байрамгалеев. Для него это была родная деревня, так же как и для жены Ш. Сайфутдинова. Несмотря на то, что община в деревне практически не функционировала, беспокойные ваисовцы продолжали доставлять хлопоты своим односельчанам самим фактом своего существования. Осенью 1913 года чуть более ста домохозяев с. Куюк (Новая Джульба) составили приговор об удалении ваисовцев из села (документ № 83). Особенно сильными были конфликты ваисовцев с местным указным муллой Хусанзяном Мухаммедкасымовым. Вероятно, именно последний и донес властям о том, что Ш. Сайфутдинов вместе со своими товарищами занимается распространением и продажей запрещенных книг, а также вовлечением в секту новых членов

(документ № 85). Этот донос стал основанием для возбуждения нового уголовного дела в отношении Ш. Сайфутдинова и его единомышленников М.-Г. Байрамгалеева и Г. Хабибуллина.

В феврале 1914 года становой пристав начал расследование дела о распространении ваисовцами своей секты среди крестьян ряда деревень Казанского уезда. Допросы свидетелей были положены в основу расследования, осуществленного следователем по особо-важным делам В.М. Шулинским. Привлечение этого следователя не было случайным, так как хорошо знакомый с движением по следствию и процессу 1908–1910 гг., он как никто другой мог оценить серьезность угрозы. В апреле 1914 года у обвиняемых были произведены обыски, изъяты и подвергнуты экспертизе книги из их частных собраний (документ № 88). Экспертиза показала отсутствие недозволенных цензурой сочинений и явное преобладание в коллекции литературы религиозного содержания. В то же время среди описанных книг встречались как вполне традиционные брошюры, так и сочинения джадидистов и новометодистов, чьи взгляды отнюдь не были близки ваисовцам. Допросы свидетелей также не дали следствию никаких дополнительных аргументов. Поэтому в июне 1914 года следователем было вынесено постановление о прекращении дела за отсутствием состава преступления (документ № 94). Единственным результатом стало уничтожение свидетельства, заменявшего Г. Хабибуллину общегражданский паспорт. Все конфискованные книги были возвращены их владельцам. Вполне возможно, что следователь, учитывая вступление России в мировую войну, решил прекратить дело миром, посчитав, что в новых условиях не стоит обострять едва тлеющую среди мусульман конфликтную ситуацию.

Вероятно, также ничем закончилось дело, затеянное полицией в самом конце 1914 года: в Казани было арестовано несколько членов секты, которые вместо гражданских паспортов пользовались документами, выданнами из канцелярии фактическим руководителем казанской общины Гизатуллой Хамидуллиным[336]. Тем не менее, очередного громкого судебного процесса не последовало, а начатое расследование вскоре было прекращено.

Гораздо более сложной была ситуация в Сибири, где размещалась достаточно компактная и активная ваисовская община. В Томской и Тобольской губерниях последователи Багаутдина Ваисова появились в 1880-х годах, когда ваисовцы стали высылаться за “дурное поведение” из поволжских губерний в Сибирь. Некоторые из ваисовских семейств переселились добровольно,

[336] Хроника. Ваисовцы // Камско-Волжская речь, 1914, 17 декабря (№ 280).

надеясь, по-видимому, избежать излишнего прессинга со стороны властей[337]. В местах ссылки ваисовцы не только не отказывались от своих взглядов, но, попадая в среду автохтонных тюркоязычных инородцев (сибирских татар), обращали в свою веру новых адептов, играя на их недовольстве происходящими переменами. По мнению региональной администрации (например, томского губернатора), высылка в сибирские губернии ваисовцев негативно сказалась на религиозных, нравственных и общественных делах местных мусульман. Под влиянием сектантов инородцы стали проявлять неповиновение старшинам, уклонялись от участия в обсуждении общественных дел в составе инородных управ, стремились к обособлению и установлению автономной организации под управлением предводителей секты, отказывались от принятия окладных листов, от уплаты оброчной подати и земских сборов, проявляли враждебное отношение к чинам полиции. Все эти негативные качества, по мнению сибирской администрации, стали демонстрироваться местными инородцами именно с появлением в крае ваисовцев.

На самом деле, истинная причина в обострении конфликтных ситуаций была продиктована тем, что ухудшение своего положения сибирские инородцы связывали в первую очередь с проводимыми в крае реформами местного управления. В частности, во второй половине XIX века правительством были предприняты попытки к упорядочению и реорганизации прежней системы управления и судопроизводства среди сибирских инородцев, а также замены подушных податей государственной оброчной податью. Новшества приживались с большим трудом, встречая упорное нежелание инородцев менять привычный уклад жизни. Неприятие перемен отчасти объяснялось опасением инородцев, что причисление их к крестьянскому сословию приведет к введению воинской повинности (от которой инородцы по закону были освобождены) и ограничению землепользования. Поэтому, вполне исправно уплачивая государственные подати, инородцы всеми мерами уклонялись от уплаты волостных, мирских и страховых сборов, от несения натуральной повинности (документ № 81).

Когда в 1906 году в Каинском уезде Томской губернии инородцы стали уклоняться от уплаты податей и выполнения различных повинностей (исправление дорог, сооружение мостов и пр.),

[337] О ваисовцах в Сибири см.: Валеев Ф.Т. О ваисовцах в Сибири // Научные издания СФ РИК. Ислам, общество, культура. – Омск, 1994; Шакуров К. Деятельность ваисовцев в Сибири // "Сулеймановские чтения – 2006": Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Тюмень, 2006. – С. 144–146. См. также: ГАРФ. Ф. 124. Оп. 26. Д. 32. 14 л.

учитывая сложную обстановку в стране, местная власть не стала оказывать повсеместного давления на них. Это послабление сыграло впоследствии свою злую шутку. С 1910 года ситуация стала меняться. Власти попытались собрать платежи и накопившиеся за эти годы недоимки, окончательно ликвидировали инородные волости, что вызвало протесты и жалобы 1911–1912 гг. Весной 1912 года с жителей Бугоякского аула начали взиматься накопившиеся долги. В этих условиях деятельность ваисовцев легла на благодатную почву[338]. В результате весна 1913 года прошла в обстановке вооруженных столкновений жителей аула Бугояк с полицией. Как в 1906 году, так и в 1911–1912 гг. лидером ваисовского сопротивления был Мухамедьяр Бикбулатов (документ № 81). После применения силы, угрозы ареста и продажи всего скота с торгов все суммы недоимок были собраны. В данных сибирских событиях прослеживается генетическое родство с крестьянскими волнениями в Казанской и Симбирской губерниях в 1880-х гг., о которых шла речь в первой главе.

Другая конфликтная ситуация в Сибири была связана с ваисовцами Тимергали Зайнуллиным и Нургали Тимергалиевым, высланными в Тобольскую губернию из Самарской губернии в 1888 году (документы № 95 и 96)[339]. Осенью 1914 года прибывшие по торговым делам на ярмарку отец и сын Тимергали и Нургали Булгар-Оглы вошли в конфликт с приставом. Последний потребовал от членов мусульманской секты внесения пожертвований в пользу Красного Креста, однако, получив отказ, стал угрожать арестом, конфисковал незаконные документы (“Свидетельство № 160”), наложил на ваисовцев штраф. Недовольство полиции также вызвал отказ ваисовцев обнажать головы в присутственном месте. По сути, конфликт произошел случайно, когда чины местной администрации, не стесняясь и не учитывая религиозных чувств мусульман, применяли в отношении них репрессии и произвол за отказ вносить пожертвования в пользу христианской организации. Подобные действия чинов полиции были восприняты ваисовцами как несправедливые (документ № 95). Конфликт продолжался до лета 1915 года, однако даже обращение к царствующей особе не смогло защитить их от полицейского произвола. Вероятно, именно эти постоянные придирки властей, продолжающиеся конфликты, а также тяжелое материальное положение, резко ухудшевшееся с началом мировой войны, побудили Нургали

[338] По данным полиции, в 1909 году в Каинском уезде из 3639 душ мусульман обоего пола ваисовцев насчитывалось 296 человек. См.: Документ № 82.

[339] РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 508. Л. 55–58.

Тимергалиева покинуть Российскую империю: накануне революции он вместе со своими соратниками (среди них был и Газизян Ваисов) оказывается на территории Восточного Туркестана (ныне Синьцзян-Уйгурский автономный край КНР), где следы его теряются окончательно[340].

Все перечисленные примеры локальных конфликтов ваисовцев с представителями местных властей или же частью мусульманского сообщества, имевшие место в 1910–1915 гг., свидетельствуют о сохранении в Российской империи благодатной почвы для подобных сектантских движений. Причем в начале XX века и накануне падения монархии в ваисовском движении религиозные мотивы и аргументы не играли определяющей роли, значительно уступая по остроте социальным и национальным проблемам. Эти обстоятельства, а также кардинальные перемены в стране, которые произойдут в начале 1917 года, придадут ваисовскому движению новый импульс и приведут к его возрождению и дальнейшей трансформации в новых исторических условиях.

[340] Шәкүров К. “Кайсы җирдә Муса булса, шунда фиргавен бар”, яки вәисевчеләрнең эзәрлекләү тарихыннан // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2007. № 2. – С. 116.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Предисловие к архивным документам из фондов Российского государственного исторического архива г. Санкт-Петербург (РГИА) и Национального архива Республики Татарстан (НАРТ)

Представляемые документы имеют непосредственное отношение к лидерам и наиболее активным деятелям Ваисовского движения и датируются периодом 1876–1917 гг. Публикуемые документы выявлены автором этих строк преимущественно в двух российских архивах – РГИА и НАРТ, в которых сохранились наиболее богатые по содержанию материалы. Речь идет о документах, которые возникли в результате непростых взаимоотношений и контактов ваисовцев с правительственными структурами. Это обстоятельство в значительной степени предопределило специфику публикуемых материалов. Документы сгруппированы по четырем тематическим блокам, расположены в хронологическом порядке в соответствии с внутренней логикой эволюции ваисовского движения.

В первом блоке представлены документы, имеющие прямое отношение к основателю и главному идеологу движения – Багаутдину Ваисову, а также его ближайшим последователям. Документы этого раздела датируются 1876–1900 гг. Часть документов (№№ 1–22) относится к годам, когда Багаутдин еще не был изолирован от своих единомышленников в психиатрической клинике. Среди публикуемых материалов есть документы, связанные с привлечением Б. Ваисова к судебной ответственности за те или иные противоправные деяния (документы из НАРТ), в том числе и характеризующие следствие и процесс 1885 года. Также здесь представлены русскоязычные прошения Б. Ваисова, посланные в Главное управление по делам печати (документы из РГИА). Эти документы имеют не только литературоведческую ценность. Они позволяют охарактеризовать взгляды Б. Ваисова на основе прижизненных и автохтонных источников, а не в пересказе позднейших апологетов. Тематически к данному блоку примыкают материалы и сочинения, вышедшие из-под пера Б. Ваисова (документы № 102–106), оставшиеся полностью или же частично неизданными.

Другую группу материалы данного раздела составляют архивные документы, относящие к тому периоду в истории движения, когда обезглавленные и лишенные своего духовное лидера, ослабленные последовательными и планомерными репрессиями, ваисовцы пытались адаптироваться к новым условиям. Большинство документов этого периода

имеют непосредственное отношение к Ш. Сайфутдинову и другим ближайшим сторонникам дервиша, отражают обстоятельства и последствия их столкновений с властями, имевшим место в 1880–1890-х гг. (документы №№ 23–40). Здесь же помещены прошения и "святые заявления" с изложением основ ваисовской доктрины, авторство которых принадлежит Ш. Сайфутдинову.

Во втором разделе собраны документы, характеризующие развитие движения в начале XX столетия (1901–1916 гг.), когда во главе общины ваисовцев встал один из подросших сыновей Багаутдина – Гайнан Ваисов. Вполне закономерно, что большинство документов этого периода имеют непосредственное отношение к новому лидеру и отражают непростую ситуацию, сложившуюся внутри движения в начале столетия. Собранные в эту группу документы весьма красноречиво характеризуют те изменение в доктрине и тактике ваисовцев, которые произошли в думский период российской государственности, с учетом индивидуальных качеств нового лидера и требований времени. С другой стороны, представляемые документы красноречиво характеризуют политику властей.

Открывается данный раздел "Книгой веры ислам Ваисова", составленной Ш. Сайфутдиновым в ссылке и посланной в Государственную думу 1-го созыва (документ № 41). Тематически к этому документу примыкают многочисленные прошения и "святые заявления", адресованные Ш. Сайфутдиновым в различные правительственные учреждения. Уникальный характер имеют протоколы обысков, экспертиз и допросов, характеризующие следствие и судебный процесс 1909–1910 гг. (документы №№ 56–70). Зафиксированные в протоколах экспертиз описание и изложение содержания собранных в ходе судебного расследования "вещественных улик" являются единственным следом многих утерянных позднее оригинальных документов.

В этот же раздел включены документы 1913–1917 гг., когда пережившие очередной разгром ваисовцы попытались приспособиться к непростым условиям нового политического и социального окружения. Здесь мы видим документы, характеризующие положение представителей ваисовской общины в Сибири (документы №№ 81, 95, 96), а также несостоявшийся процесс 1914–1915 гг. (документы № 84–94). Последний документ, представленный в данном разделе сборника, хронологически датируется весной 1917 года, однако в содержательном плане имеет непосредственное отношение к дореволюционному периоду. После Февральской революции начинается новый этап в истории "Божьих полков староверов-мусульман", что выходит за рамки данного исследования.

В третьей части представлена биография Багаутдина Ваисова, датируемая серединой 1920-х гг. Эта биография была написана автором-

составителем знаменитого биобиблиографического словаря "Асар" Ризой Фахреддином на основе разнообразных источников (материалы татарской прессы, высказывания и оценки современников, информация, сообщенная сыновьями Багаутдина и пр.). До настоящего времени биография Багаутдина, написанная Р. Фахреддином, не привлекалась исследователями, так как сохранилась в третьем рукописном томе "Асар" и ранее никогда не публиковалась. В этой же части фотографическим способом воспроизведена биография шейха Джагфара Салихова, составленная имамом села Старая Кулатка Габдуллой б. Гайса.

Наконец, в последней четвертой части приложения воспроизведены (в виде фотокопий) некоторые образцы поэтического наследия Б. Ваисова, которые были изданы литографическим способом или же сохранились в рукописном виде в фонде ГУПа. Здесь же приведены образцы некоторых рукописных и типографских документов, составленных в канцелярии общины (свидетельство, заменявшее ваисовцам паспорта, бланки и пр.), записи метрик с указанием даты рождения Гайнана Ваисова и пр.

За рамками данного сборника осталось большое количество разнообразных архивных материалов. Во-первых, это документы из областных, региональных (Ульяновского, Томского и пр.) и столичных (Москва) архивов, а также ставших в настоящее время заграничными среднеазиатских архивов; во-вторых, не были привлечены материалы из семейных архивов ваисовцев и их потомков; в-третьих, за пределами остались материалы из ведомственных архивов (архив ФСБ).

Публикуемые архивные документы расположены преимущественно в хронологическом порядке, по времени составления документа. В квадратных скобках указаны окончания слов, пропущенные в документе, а также сокращения. Примечания и комментарии даны в подстрочнике. Все архивные материалы представлены преимущественно русскоязычными документами. Исключение составляют единичные татароязычные прошения, образцы поэзии Б. Ваисова, а также биографические очерки Дж. Салихова и Р. Фахреддина. Все документы публикуются на языке оригинала.

Большая часть документов, если не оговорено специально, дана в оригинальной орфографии, с самыми минимальными исправлениями. Исправления коснулись, в основном, тех слов, правописание которых в настоящее время несколько отличается от принятого в начале XX столетия стандарта (например, вместо "Божьяго" – "Божьего"). Некоторые документы были написаны малограмотными людьми, для которых составление текстов на русском языке с учетом литературных или делопроизводственных норм представляло большую проблему. Поэтому для облегчения восприятия малограмотных текстов, была проведе-

на незначительная их обработка. Например, в оригинальных текстах Ш. Сайфутдинова вместо необходимых знаков пунктуации (запятая, точка и пр.) автором часто использовалось троеточие. Они были заменены мной на соответствующие по смыслу знаки препинания. Также, с учетом логики текста, в ряде случаев прописные буквы были заменены заглавными и наоборот. В некоторых документах исправлены многочисленные орфографические ошибки, обилие которых в ряде случаев искажает смысл текста до неузнаваемости. Однако стилистика исправленных текстов оставлена максимально самобытной. Часть подобных прошений (в основном из РГИА) представлена без исправления, для того чтобы читатель мог оценить текст в оригинальном виде.

Очень часто в текстах в подтверждении правильности той или иной своей мысли авторы делали отсылки на Коран, а также давали вставки-повторы на арабском и татарском языке. В квадратных скобках указан арабский текст, представляющий собой религиозные формулы, воззвания к Аллаху, цитаты из Корана и т.д. В случае с цитатами из Корана в квадратных скобках первая цифра обозначает суру, а вторая цифра – аят.

Документы №№ 20, 24, 26, 41 (частично), 44, 46, 47, 48, 60, 65, 66 и 97 ранее были изданы[341], а все остальные публикуются впервые.

[341] Кемпер М., Усманова Д. Ваисовское движение в свете собственных прошений и поэм // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2001. № ¾. – С. 86–122; Усманова Д.М. Духовное завещание Б. Ваисова // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2002. № ¾. – С. 127–138; Усманова Д.М. "Ваисовский Божий полк староверов-мусульман": языки религиозного, сословного, политического и национального противостояния в Российской империи // Аб империо. – 2006. № 3. – С. 255–319.

Часть 1.
Архивные документы из РГИА и НАРТ 1870–1900 гг.

Документ № 1. 11.08.1876.
НАРТ. Ф. 41. Оп. 2. Д. 695. Лл. 76–77об.
[л. 76] По наст. 1876 г. № 69

Протокол допроса обвиняемого[342]

1876 года *Августа 11-го* дня. В *Камере своей* И[сполняющий] д[олжность] Судебного Следователя Казанского Окружного Суда по 4 участку г. Казани согласно своего постановления от *сего же числа* допрашивал нижепоименованное лицо в качестве обвиняемого; при чем на основании 403 ст. Уст. Угол. Суд., по удостоверении в его самоличности допрашиваемому было объявлено, что на него падает обвинение в том, что *он, Ваисов, 14 Июля сего года оскорбил Мирового Судью 5 участка гор. Казани при исполнении им обязанности службы*[343].

На предложенные Следователем вопросы даны ответы:

Имя, отчество, фамилия? *Дарвиш Багауддин Хамзин Вайсов*

Возраст? *63 года*

Место рождения и приписки? *Родился Свияжского у[езда] дер. Сатламыше; а приписан – к д. Молвиной, того же у[езда].*

Рождение? *Законное*. Звание? *Крестьянин-собственник*.

Место жительства *гор. Казань, Большая Симбирская ул., свой дом*

Религия? *Магометанин*

Степень образования? *Грамотный по-татарски, а по-русски умеет писать фамилию*

Семейные отношения – *Женат и имею детей*

Нет ли особых заслуг? *Нет*

Занятие? *Издание духовно-нравственных книг*

Средства к жизни? *Собственные*

Нет ли особых примет? *Нет*

Не состоите ли в каких-либо отношениях с потерпевшим по настоящему делу лицом? – *Нет*

[342] Протокол был заполнен на стандартном бланке для протоколов допроса обвиняемого/свидетелей. Документ состоит из двух частей: типографского и рукописного. Курсивом дан рукописный текст. В квадратных скобках указаны слова или окончания, отсутствующие в подлинном тексте. Документ дан с оригинальной орфографией и пунктуацией.

[343] Судебное разбирательство по данному делу состоялось 14 января 1877 года. Б. Ваисов был признан виновным. Наказание – денежное взыскание в размере семидесяти рублей, а в случае несостоятельности – арест на пятнадцать дней. Апелляционная жалоба Б. Ваисова была оставлена без последствий. См.: НАРТ. Ф. 41. Оп. 2. Д. 695. Лл. 24–27, 30–31, 59–60.

Под судом *не был, а состою под следствием за оскорбление Пристава 3 части на словах; разбор дела в Казанск[ом] Окр[ужном] Суде 24 августа*[344].

Вы слышали, в чем Вас обвиняют. Признаете ли себя виновным? *Нет, не признаю. Дело было так. Мною* [л. 76 об.] *было подано еще раньше, кажется в Июле, прошение Мировому судье о взыскании с Габидуллина Хамидуллы уголовным порядком, захватившего мое владение, мой материал: кирпич, известку, леса и др.; он отказал, не приняв прошение; я в Съезд с жалобой; Съезд определил, что я могу иском гражданским порядком. Я вот 14 Июля и подал опять прошение Мировому Судье, прося восстановить нарушенное владение. Мировой Судья взял прошение и подал письмоводителю, который заявил, что мне отказано было в Съезде; на это Мировой Судья велел письмоводителю сделать надпись на прошении о возвращении прошения; он и сделал ее. Мировой Судья велел мне представить копию Определения Съезда и прошение возвратил с надписью. Я сбегал домой за копией и опять подал прошение тоже с копией. Я ездил на извозчике. Подал прошение с копией этой писарю; он прочел и бросил на пол, говоря "ты кляузник". Мировой Судья сидел тут же за столом, где и писарь. Я поднял и подал Мировому. Он прочел и говорит, что ему не подсудно и опять бросил на землю. Я говорю: "Как же, Господа, что делать* [л. 77] *с этой просьбой"; на это Мировой Судья велел писать новую просьбу. Я ему отвечаю, что у меня лакея нет, чтобы писать прошения; и зачем ты прежде сделал надпись об отказе. На что Мировой Судья и говорит, "ты с кем говоришь"; а я и отвечаю "я, Вам говорил, Судья". – "Молчи, мерзавец, пошел вон", – кричит на меня Судья. Прошение опять взял и сделал вторую надпись; дал писарю; записали в книгу и мне уже воротили. Судья мне еще говорил: "Я, говорит, тебя в Острог посажу". Я и вышел в сени и говорю сам с собой: "обижают нас, не принимают прошения, не зная почему; лучше, говорю себе, вышел бы в отставку; другой бы лучше был, понятливее обсуждал бы и не обижал бы нашего брата; мы же выбираем, говорю, а он подымает выше себя". Говорил про себя, но не громко. Судья тогда кричит: "воротить, что он там говорит". Меня и воротили. Я Мировому Судье и*[345] *повторил все, что говорил про себя. Он составил протокол; писарь написал. Меня спросил, хочу ли я* [л. 77 об.] *подписаться; я и подписался. По-русски я и подписался так под протоколом: "Судья лично грозил мне, я слышал, Ваисов". Прошу записать, что протокол при составлении три раза рвался, почему-то; составили* [нрзб.], *который я и подписал так. Хотя и говорил я Мировому Судье – "Судья", но я хорошо не знал, что я обращаюсь к Мировому Судье. Их сидело за столом трое; третий еврей какой-то. А Судья был без знака, в канцелярии. В моих словах оскорбительного ничего не было. Более ничего добавить не могу. В том и подписуюсь. Зачеркнуто: "говорил", тому верить.* [...[346]] *(по-русски Багаутдин Хамзин Ваисов).* [...[347]]

[344] Практически одновременно происходило еще одно судебное разбирательство по жалобе "крестьянской жены Свияжского уезда д. Большой Кусаковой Биби-Гайши Мухамет-Галеевой Назировой ... за нанесение ей побоев 6 марта 1876 года", по которому Б. Ваисов был приговорен к двум месяцам заключения. См.: НАРТ. Ф. 41. Оп. 2. Д. 695. Л. 38.

[345] Зачеркнуто слово "говорил"

Документ № 2. 30.10.1878.
РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 842. Л. 10-13об.
[л. 10] 30 Октября 1878 г.

ВСЕПРЕСВЕТЛЕЙШИЙ ДЕРЖАВНЕЙШИЙ
ВЕЛИКИЙ ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР
АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ
САМОДЕРЖЕЦ ВСЕРОССИЙСКИЙ ГОСУДАРЬ
ВСЕМИЛОСТИВЕЙШИЙ[348]

Приносит жалобу на Оренбургское
Магометанское Духовное Собрание
крестьянин Казанской губернии
Свияжского уезда, деревни Молвиной,
дервиш Багаутдин Хамзин Ваисов,
а в чем та жалоба, следует нижеследующие пункты:

1. Я, Ваисов, в Апреле месяце сего 1878 года обращался с[о] своею просьбою к Председателю Оренбургского Магометанского Духовного Собрания Муфтию, прописывая в ней, что у меня две жены: одна Биби-Фаиза Абдуллатыфова, а другая Биби-Камал Шамсутдинова, с ними прижил детей – от Абдуллатыфовой сыновей: 1, Хузю-Мухамет-Шаха-Шагаутдина, рожденного 8 Мая 1872 года, 2, Хузю-Мухамет-Шаха-Шагаутдина Факыя, рожденного 15-го Декабря 1873 года (оба уже умерли), 3, Хузю-Мухамет-Шаха Шагаутдина Салиса, рожденного 1 Октября 1875 года, а от Шамсутдиновой 4, Хузю-Мухамет-Гилялетдина, рожденного 1-го Апреля 1874 года, 5, Хузю-Мухамет-Гинанетдина, рожденного 9 января 1878 года, и 6, дочь Биби-Эльму-Гаяну, рожденную 7 июля 1876 года (она тоже умерла), что как о рождении всех упоминаемых

[346] Подпись Б. Ваисова по-татарски.

[347] Подпись следователя неразборчива.

[348] Практически аналогичного содержания документ сохранился в Национальном архиве РТ (Ф. 2. Оп. 3. Д. 413. Л. 1–4), в котором ситуация изложена в интерпретации руководства ОМДС.

детей, так и о смерти троих из них я, Ваисов, всегда своевременно извещал письмами [л. 10об.] местного приходского Ново-Татарской слободы Муллу Мухамет-Шакира Хуснутдина Сеитова, чтобы тот записал их в метрические книги, но Сеитов хотя и оставлял у себя мои письма, но всегда от записки детей моих в метрики отказывался, последнее мое письмо, посланное 20 января по городской почте он не принял, и что какое он имел основание не записывать в метрики ни рождения, ни смерти моих детей, мне неизвестно; а потому я, руководствуясь 1444 ст. улож., ходатайствовал пред Г. муфтием, чтобы он сделал зависящее распоряжение, как о записе моих детей в метрики, так и о преследовании поступка муллы Сеитова, отступившего в сем случае от закона по невниманию и нерадению. На это Оренбургское Магометанское Духовное Собрание известило меня Ваисова, чрез Казанскую полицию, что просьба передана Г. Прокурору Казанского Окружного Суда. Я ожидал было дальнейших последствий о[б] исследовании, но ожидания мои не сбылись, и, как услышал после от Г. Прокурора та просьба обращена обратно в Оренбургское Магометанское Собрание. Имея в виду это я, Ваисов, для обсуждения поступка муллы Сеитова по совокупности с первой просьбой, обратился в Июле месяце к тому же Председателю Муфтею с другой, высказывая в ней, что мулла Сеитов, несмотря что в противность 1232 ст. о духов[ных] испов[еданиях] имеет лавку под мечетью и торгует, что рядом с мечетью выстроил баню, и что ведет жизнь такую, что всякая женщина Ново-Татарской слободы не постыдится наплевать ему в глаза за оставление своего брачного ложа; а.) не записал в метрические книги у Казанского мещанина Хусаина Шагиахметова Апанаева, рожденного 10 января сего 1878 года сына Мухамет-Вали[349]; в.) у Казанской мещанки Биби-Гайши Ахметовой Галанской рожденную без мужа в Апреле прошлого 1877 года дочь Биби-Асму записал в метрики; с.) у Казанского Хасана Ахметова Романова была жена Минсафа Хисамутдинова, последняя забылась [л. 11] на чужом ложе, но мулла Сеитов ее не разведенную с Романовым, при жизни обвенчал на Казанском мещанине Мухамет-Зарифе Ахметове Яушеве, рожденную же от них дочь Марьям-Бану записал по метрикам дочерью первого мужа Романова, и d.) крестьянка Казанской губернии, Мамадышского уезда Ново-Чуринской волости Биби-Фатыха Ахтямова состоит замужем за крестьянином Казанского уезда Карашамской волости деревни Верхней Курсе Ибрагимом Абдуллатыфовым, но мулла Сеитов при жизни мужа и прижитом с ним 8-летнем сыне Исмагиле обвенчал ее за крестьянина Сафиуллу Гайнуллина, и это я, Ваисов, указал для видимости, потому только, что все обиженные муллой Сеитовым лица сами приходили ко

[349] Б. Ваисов здесь ошибается. Рожденный мальчик был указан в метрике в графе родившихся 5 февраля за № 5. См.: НАРТ. Ф. 4. Оп. 177. Д. 168. Л. 102.

мне и жаловались, но я много знаю за Сеитовым, и если от него взять метрики и их раскрыть, то все увидим на деле: ибо Сеитов есть хозяин метрик, и кого захочет, того и запишет, для него подлога не существует; а потому, в особенности при соображении известных мне случаев, отразившихся на муллах: Казанском Адмиралтейской Слободы Абсалямове, Симбирской губернии и уезда деревни Беденьги Халитове, той же губернии и уезда, деревни Сюндюковой Фахрутдинове и много других, которые за один поступивший донос удалены от должности, я, Ваисов, просил Г. Председателя Муфтия, согласно первой просьбе, передаваемой к Г. Прокурору Казанского Окружного суда, обсудить поступки муллы Сеитова, предать его Суду, а на время производства следствия, по примеру других, удалить его от должности. Не получая еще никаких сведений, я, Ваисов в том же Июле месяце, вскоре после второй просьбы, возбудил уже пред Оренбургским Магометанским Духовным Собранием третью, адресуя ее на ВЫСОЧАЙШЕЕ ИМЯ, описывая в ней ход дела так: когда от жены моей Биби-Фаизы [л. 11об.] Абдуллатыфовой родился 1-го Июня сего 1878 года еще пятый сын Хузя-Мухамет Гаянитдин, то я по обыкновению послал к мулле Сеитову письмо на предмет записки рожденного сына в метрики, а потом другое, с ходатайством высылки метрической справки о записке. Но мулла Сеитов на оба письма ничего не ответил, а при личном свидании известил, что он письмо мое представил в Оренбургское Магометанское Духовное Собрание на разрешение, а на слова мои в чем он возбудил разрешение, Сеитов только обругал меня словами "зялим, чукынган, кюфир"[350]. Азанчей же его Миндубай сказывал мне, что мулла Шакир, по не хождению моему в мечеть, Собранию отозвался незнанием и об нем и об женах его; что мулла Сеитов не мог не знать меня, Ваисова, потому что я не один десяток лет живу с ним почти рядом, и что отец его, тоже мулла Хуснутдин Сеитов, на место которого поступил он, сын его Шакир, записывал прежде детей моих в метрики, чему для примера указал на дочь мою Биби-Гайни Камал, записанную в метрики 21 февраля 1869 года под 2-м и что Шакир Сеитов из злобы как за обнаружение прежде его укрывательства от воинской повинности (а после покрыл зачетом квитанции), так и из опасения ответственности за прежде незаписанных детей моих в метрики, возбудил уже потом вопрос с Оренбургским Магометанским Духовным Собранием; а потому я, Ваисов, ходатайствовал о рассмотрении всех моих просьб о мулле Мухамет-Шакире Сеитове с возбуждением им вопроса по моему письму, и, приняв на вид его прямое в сем случае сознание о не записке моих детей в метрики с умышленным намерением, поступить с ним Сеитовым так, как я просил во второй просьбе, переданной от Г. Председателя [л. 12] Муфтия в Оренбургское Магометан-

[350] Зялим, чукынган, кяфер – крещенный, неверный.

ское Духовное Собрание. Оренбургское же Магометанское Духовное Собрание, как видно из бумаги его от 20 Сентября за № 2489, объявило мне, Ваисову, чрез Казанское Городовое Полицейское Управление, что оно вследствие поданных мной в Собрание двух прошений об удалении от должности муллы Шакира Сеитова за разные будто бы преступления по должности, рассмотрев обстоятельства, нашло, что все сделанные мной выводы на муллу Сеитова никакими юридическими фактами не подкреплены, а кроме сего всякое обиженное лицо со стороны Сеитова должно жаловаться на него в установленном в законе порядке; а потому просьбы мои оставило без последствий. Такое распоряжение Оренбургского Магометанского Духовного Собрания, я, Ваисов, считаю не только неправильным, но и лишенным всякого законного основания по нижеследующим обстоятельствам.

2. Магометанское Духовное Собрание без истребования объяснения от муллы Сеитова разрешило, что обстоятельства об нем, описанные в двух моих просьбах, никакими юридическими фактами не подкреплены; спросил было: какими юридическими фактами? Разве письма мои не факт, разве возбуждение самим Сеитовым спустя много времени вопроса о записке моих детей в метрики не факт и, наконец, разве первое мое прошение, которое Собрание препровождало к Г. Казанскому Прокурору, не могло служить фактом для последующих, которые при совокупности обнаруженных вновь преступных действий муллы Сеитова не должны оставаться в безгласности и, тем более, что донос на должностных лиц, особенно в подлоге по метрикам неминуемо должно исследоваться. Конечно для Оренбургского Магометанского Духовного Собрания [л. 12 об.], заседатели коего мулле Сеитову родственники, лучше, помимо всякого закона, оставить мои жалобы без последствий, чем предавать в руки Правительства того Сеитова, который, допустив исследование, неминуемо должен потерпеть ту невыгоду за отступление от закона. Я отвечаю за ложный донос. Но он ни отнюдь не ложный, потому что все истина, и высказанные в нем лица подтвердят вывод мой, который кроме того осуществится при выдаче справки из метрических книг. Кроме того [нрзб.] основания имеют слова Магометанского Собрания, что всякое обиженное лицо со стороны Сеитова само должно жаловаться на него в установленном в законе порядке, по моему мнению вовсе никакого, так как здесь об обиде вовсе нет и речи, а подлог в метриках далеко не может сравнить с обидою, как это можно видеть из сопоставления ст. 294, 362, 1441 и 1444 улож., и он преследуется и без жалоб частных лиц.

3. Распоряжение Оренбургского Магометанского Духовного Собрания, по моему мнению, не может считаться и процессуальным, потому что постановлено с отступлением форм относительно обжалования. В

сем случае прямым нарушением может служить то, что Собрание, несмотря на мое указание о рассмотрении двух последующих просьб с первого, обращенного от Г. Казанского Прокурора, вовсе не коснулось той просьбы, и где она в настоящее время, и влияет ли на участь муллы Сеитова, так как сначала Собрание принимало, и о том дало мне знать, или Г. Казанский Прокурор Окружного суда дал особое по ней мнение, неизвестно, а чрез нарушение этого я поставлен в такое положение, что не знаю: имеет ли первая моя просьба дальнейший ход, или прекращена; а следовательно и обжалование по закону в том и другом случае [л. 13] для меня представляется весьма затруднительным, потому что без подведенных мотивов оно может противоречить и тем данным, какие в последствии могут быть выведены Собранием уже при требовании объяснения по той жалобе. Оренбургское Собрание, упустив в сем случае закон и формы судопроизводства, отказало мне, как думаю, не по постановлению, а просто по резолюции, убеждаясь при том, что обжалования с моей стороны не последует.

4. Оренбургское Магометанское Духовное Собрание как блюститель за муллами обязано следить за действиями их, и в случае отступления преследовать их. С этой точки зрения я и обнаруживаю злые действия муллы Сеитова; но Собрание, не входя в исследование его поступков, тем дает повод зломышлять еще во многом. У магометан нет тех случаев, какие постановлены для русских относительно бракосочетаний, у них развести брак может сам мулла не обращая внимания на правила, какие предписаны в сем случае по шаригату; а потому муллы при бракосочетании, разводе, равно в записке родившихся младенцев в метрики действуют по своей воле, а не по правилам и законам, какие изданы на сей предмет в магометанском законе. И на все то Магометанское Собрание не хочет обратить внимания. Я это разъясняю не для чего другого, как для того, чтобы видеть чрез не записку муллой Сеитовым моих детей, равно и других в метрики сможет послужить зло для Правительства такое, что те дети впоследствии могут избегнуть воинской повинности, назвавшись сыновьями каких-нибудь мнимых матерей для прокормления их. А потому объяснив все сие ВСЕПОДДАННЕЙШЕ прошу:

Дабы повелено было сделать распоряжение: истребовав согласно 1239 ст. XII т. и пос[тановлений] Духов[ных] испов[еданий] объяснение от Оренбургского Магометанского Духовного Собрания и сообразив оное [л. 13 об.] с прописанными мной обстоятельствами о действиях муллы Сеитова, затем распоряжение того Оренбургского Духовного Собрания, объявленное мне, Ваисову, чрез Казанскую полицию в бумаге его от 20 минувшего Сентября за № 2489, как неправильное и не соответствующее духу закона, отменить, и дать делу сему по описанным о мулле Сеитове обстоятельствам законное и правильное направление в примере того,

чтобы муллы метрическими книгами не распоряжались, как какими-нибудь домашними конторскими книгами. При этом имею честь представить 40-копеечного достоинства марку на распоряжение. Октября 28 дня 1878 года. К поданию подлежит в Министерство Внутренних Дел, чрез господина Казанского Губернатора. Жалобу сию со слов просителя Ваизова вчерне и набело писал Коллежский Регистратор Петр Иванов. Крестьянина деревни Молвиной Свияжского уезда дервиша Багаутдина Хамзина Ваизова кроме своих: имени, отчества и фамилии грамоте, по личной его просьбе крестьянин Вятской губернии Орловского уезда Починка Котелевского Аверьян Петров руку приложил, а независимо сего сам своеручно подписался Багаутдин Хамзин Ваисов[351].

Жительство проситель имеет г. Казани 5 части в Ново-Татарской слободе дом свой.

Документ № 3. 14.04.1879.
РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 842. Л. 14–16.

Министерство Внутренних Дел
Оренбургского Магометанского
Духовного Собрания
14 Апреля 1879 г.
№ 627.
Г. Уфа

В Департамент Духовных
Дел Иностранных Исповеданий[352]

Крестьянин Казанской губернии Свияжского уезда деревни Молвиной, проживающий в городе Казани и именующий себя Дервишем, Багаутдин Хамзин Ваисов, принес жалобу на муллу Ново-Татарской слободы города Казани Мухамет-Шакира Хуснутдинова Сеитова, о не записке по письмам его в метрические книги родившихся разновременно у него детей, а также и умерших троих из них и просил за это подвергнуть муллу ответственности на основании 1444 ст. уложения о наказаниях издания 1866 года, объяснив при этом в просьбе, что наименование имя младенцу лежит на обязанности родителей, а прочитать над родившимся и умершим младенцем молитвы (т.е. исполнить обряд обмолитвования и погребения) он Ваисов и без муллы умеет. Духовное

[351] Фамилия, имя, отчество написаны, вероятно, рукой Б. Ваисова.

[352] Документ написан рукой секретаря Попова на бланке ОМДС. Сверху приписана дата – 27.04.1879 (вероятно, дата поступления документа в ДДДИИ). Документ подписан муфтием С. Тевкелевым.

Собрание имея в виду, что муллы [л. 14об.] согласно 1606 и 1564 ст. IX тома устава о состояниях в метрические книги должны записывать совершенные ими духовные требы по обрядам веры, немедленно по исправлению каждой из них, но не на память или каким-либо отдельным запискам, в чем духовные лица преследуются по 1442 ст. уложения о наказаниях и за нарушение сего подвергаются ответственности по 1444 ст. того же уложения, следовательно Сеитов в неисполнении требования Ваисова виновным нисколько не состоит, а напротив сам Ваисов, в принятии на себя власти духовного лица, в нарушении существующего закона, в чем он и прежде был замечен в совершении себе незаконно брака, то по сим соображениям Духовное Собрание со своей стороны находило Ваисова подлежащим ответственности за пропуск детей по метрикам единственно от того, что он не исполнил над ними обряды по религии через муллу, для чего последние законом установлены, по той же 1444 ст. уложения о наказаниях, на основании которой он желал подвергнуть муллу, а также и за неповиновение Государственным законам, в принятии на себя власти духовного лица, а потому обо всем этом с препровождением просьбы Ваисова сообщало на [л. 15] дальнейшее распоряжение к Г-ну Прокурору Казанского Окружного Суда; но Г-н Прокурор от 15-го июня 1878 года за № 9300, возвращая отношение Собрания вместе с просьбой Ваисова, отозвался, что он не признает возможным возбудить преследование против крестьянина Ваисова так как из переписки не видно, чтобы Ваисов принимал на себя власть духовного лица, а также не видно в чем принятая неподлежащая власть проявлялась и что наоборот усматривается, что Ваисов неоднократно просил муллу Сеитова исполнить его требование относящиеся к обрядам их веры, но Сеитовым эти требования не выполнялись и, наконец, что статья 1444 не может быть применена к деянию Ваисова, который как частное лицо не обязан вести метрических книг; тогда как из отношения Собрания к Г. Прокурору и просьбы Ваисова в которой он говорит, что в обмолитвовании по обрядам магометанской веры детей своих и в погребении умерших из них он и без муллы умеет, ясно видно, в чем именно Ваисов принял на себя власть духовного лица, в нарушение того государственного закона которым учреждены духовные лица единственно для исполнения всех духовных треб, подлежащим внесению в метрики какие указаны в 1564, 1567 и 1606 ст. IX т. устава [л. 15об.] о состояниях и 1146 ст. XI т. устава Духовных Дел иностранных исповеданий, а потому Духовное Собрание с изложением всех обстоятельств и препровождением возвращенной г. Прокурором переписки от 14-го Августа за № 2143, представило к Г. Казанскому Губернатору, на дальнейшее с его стороны распоряжение, присовокупив, что безнаказанность Ваисова в противозаконных его действиях, известных уже Его

Превосходительству, легко может вредно повлиять на других магометан к неповиновению закона. На это Казанское Губернское Правление указом от 24-го Августа за № 1834, дало знать, что так как судебное преследование по уголовным делам, подведомственным общим судебным установлениям и обличение обвиняемых пред судом по уставу уголовного судопроизводства возложено на Прокуроров и их товарищей, то Губернское Правление не признает за сим возможным удовлетворить ходатайство Магометанского Духовного Собрания относительно представления в Министерство Внутренних Дел обстоятельства, об отказе Прокурора Казанского Окружного Суда в возбуждении против крестьянина Ваисова преследования.

При таких отзывах Губернского Правления и Г-на Прокурора от преследования Ваисова в противозаконных действиях его, Магометанское Духовное Собрание имеет честь обстоятельство это представить на разрешение в Департамент Духовных Дел Иностранных [л. 16] Исповеданий и покорнейше просит о последующем предписании.

Оренбургский муфтий С. Тевкелев[353]

Секретарь Попов

Документ № 4. 11.05.1879.
РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 842. Л. 17–18об.
17 Мая 1879 г.

ВСЕПРЕСТВЕТЛЕЙШИЙ ДЕРЖАВНЕЙШИЙ
ВЕЛИКИЙ ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР
АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ
САМОДЕРЖЕЦ ВСЕРОССИЙСКИЙ ГОСУДАРЬ
ВСЕМИЛОСТИВЕЙШИЙ

Приносит крестьянин Казанской губернии Свияжского уезда, Косяковской волости, деревни Молвиной, дервиш Багаутдин Хамзин Ваисов, а в чем мое прошение, тому следуют пункты:

Известно, что Оренбургское Магометанское Духовное Собрание состоит в подчиненности Г. Председателя Муфтия, и этот Муфтий, равно состав Собрания меня Ваисова знают и знают не больше не меньше только по делам, в нем начинавшимся, или по моим прошениям, или по другим, доходившим до рассмотрения Оренбургского Собрания,

[353] Тевкелев Салимгарей (1805–1885) – в 1865–1885 гг. глава (муфтий) ОМДС. Подробнее см.: Азаматов Д.Д. Оренбургское магометанское духовное собрание в конце XVIII–XIX вв. – Уфа, 1996. – С. 60–65.

или еще по обвинению его меня, касающемуся отступления от брака, и конечно всем таким начинаниям свой конец; но все это не то, знание Г. Муфтия с членами Собрания меня, Ваисова, главным образом вкоренилось у них из того, что я составляю и печатаю книги, просмотренные цензурным начальством. Эти то книги за то, что в них помещены молитвы за Царя Православного, взбунтовали умы именитых магометан и всех мулл, и такие то лица, близкие к Г. Муфтию и Оренбургскому Собранию, проклинают меня и оклеветали пред ними совершенно ни за что и напрасно, и [л. 17об.] Г. Муфтий и его Собрание вняли гласу тех лиц, и сколько ни силились обвинить меня в составлении по их понятиям, книг ложного учения, но по неоднократным анализам чрез ученых университетских профессоров, они всегда находились составленными по духу религии и нравственности и нисколько не отступающими от Алкорана. Говоря это, я затем довожу, что знание меня Г. Оренбургским Муфтием и его членами впоследствии отразилось злом, которое они при всяком случае ищут выместить на мне.

2. Достаточно в сем случае указать на одно обстоятельство, вот какое: мне с малолетства знаком Симбирской губернии и уезда, деревни Беденьги имам мусульмин Абдуллатыф Халитов. Мы с ним вместе и учились; этот Халитов, человек умный и всегда обожаемый прихожанами, подвергся напрасно обвинению по происках лиц, единственно враждовавшим за то, что он знаком со мной Ваисовым, и Г. Муфтий с членами Оренбургского Собрания по первому сделанному извету устранили его от должности и в числе других оклеветаний выразили в официальной бумаге объяснении своем, которое шло в Правительствующий сенат, что Халитов оказывается виновным в сообщничестве с называющим себя дервишем Хамзиным, известным Магометанскому Собранию из производившегося в оном деле, за человека вредного по его учению, и в следовании учению последнего. Как не скажешь, что Г. Председатель Муфтий и Члены Оренбургского Собрания если не излили своего зла ко мне, то выместили его на маститом старике Халитове, единственно за то, что тот знаком со мной и посещает меня.

[л. 18] Как бы то ни было, и чтобы ни представляли для себя и Г. Муфтий и Члены Собрания, но мне слова их помещенные в официальной бумаге: "известным Собранию за человека вредного по учению", отражаются пагубные по своим последствиям и влияют мало что на мою честь, но и на участь, потому что возведенная клевета была прежде только слухи, а теперь сделалась гласною, и гласность дали именно Г. Муфтий и Члены Собрания, в чем они сами не отдадут должного отчета. Я, Ваисов, считаю выражения, помещенные в бумаге, для себя клеветою, которая оглашена в народе и везде совершенно ложно по составлению книг, за то, что в них поместил молитву за Царя, и эта клеве-

та сделалась для меня несносной, и от всех я слышу только проклятый, а потому и не могу оставить ее без последствий так как в народе слышишь только слова: "издохнуть тебе пора, убить тебя надо, и за то Бог убийце обещает рай". Объяснив сие, Всеподданнейше прошу:

Дабы повелено было сделать распоряжение, обсудив поступок Г. Председателя Оренбургского Магометанского Духовного Собрания Муфтия с членами оного за возведенную ими на меня Ваисова клевету в официальной по постороннему делу бумаге, которая влияет на мою даже жизнь, затем постановить определение о предании их уголовному суду. При этом в доказательство представляю и копию с указа Правительствующего сената, в которой помещены пагубные для меня слова и марку 60 к. достоинства на распоряжение. Мая дня 1879 года. К поданию подлежит в Министерство Внутренних Дел. Прошение сие со слов просителя вчерне и набело писал Коллежский Регистратор Петр Иванов.

К сему прошению крестьянин Казанской губернии, Свияжского уезда деревни Молвиной динну Мухамедьяда мусульмин дердмент Багаутдин Хамзин, дервиш Ваисов, а [л. 18об.] за неимением его по-русски, кроме своего имени, отчества и фамилии, грамоте по личной просьбе Коллежский Секретарь Василий Афанасьев Спасский руку приложил.

Багаутдин Хамзин Ваисов[354].

1879 года Мая 11 дня с этого документа в конторе Симбирского Нотариуса Федорова засвидетельствовал Г. Ваисову исправность копии по реестру за № 1259[355]. Жительство имею г. Казани 5 части в Ново-Татарской слободе в своем доме.

[354] Подпись Б. Ваисова

[355] Подпись и печать нотариуса Николая Федорова.

Документ № 5. 24.03.1881.
РГИА. Ф. 777. 1881 г. Оп. 3. Д. 5. Л. 87.

В С.ПЕТЕРБУРГСКИЙ ЦЕНЗУРНЫЙ КОМИТЕТ[356]
Мусульманина старовера Казанской губернии
Свияжского уезда, Косяковской вол[ости],
деревни Молвиной, дардеманд-дарвиша[357]
Багаутдина Хамзина Вайсова

Прошение

Представив в оный комитет при прошениях три мои рукописи, из коих две не допущены к печати, а именно: от 7 Января 1875 года – "Китаб Хювси Мелюк"[358], 2) от 14 Марта сего года "Молитвы", третья же из-за не представленной гербовой марки 60 коп[еек] достоинства, а именно: "Китаби мустата би иршади духи шаганэ ли-ль хыдози мин джемий-ль дженайет ва-ль афат"[359].

Посему всепокорнейше прошу Комитет уведомить меня, что именно найдено недозволительным в моих рукописях или же пересмотреть. При сем прилагаю три марки гербовых 60 коп[еек] достоинства. 1881 года, Марта 23 дня. […[360]]

Жит[ельствую] Александ[ровско] Невской части, по Тележной улице, д. № 169, кв. №2.

Документ № 6. 4.04.1881.
РГИА. Ф. 777. 1881 г. Оп. 3. Д. 5. Лл. 107–107 об.

4 Апреля 1881 г. № 481[361].

Канцелярия СПб. Ценз[урного] К[омите]та, по приказанию Г. Председателя, извещает мусульманина Багаутдина Хамзина Ваисова, вследствие поданного в К[омите]т прошения, что представленные им в К[омите]т рукописи: 1., "Хивз-ул-мулюк", представленная в 1875 году, 2., "Китаби мустатаби иршади дуъаи шаганэ ли-ль аыфзи минъ джемии-

[356] Сверху над прошением дописано: "№ 379, 24 Марта 1881 г. К прошению сему приложены три марки 60 к."

[357] Дарвиш (перс.-тюр. дервиш; буквально нищий, бедняк, арабский синоним – факир) – общий термин для обозначения члена мистического братства (тарика), синоним термина суфий. Дардеманд – страдающий, печальный, несчастный.

[358] Следует читать: "Хивз-уль-Мулюк" ("Сохранение правителей").

[359] "Китаб мустатаб би-иршад дога шахане лиль-хифз мин джами аль-джинайят валафат" ("Собрание молитв, оберегающих императора от преступлений и опасностей").

[360] Далее следует подпись по-татарски.

[361] Черновик ответа на прошение Б. Ваисова от 23 марта 1881 г. Без заголовка и подписей.

ль джанайет ва-ль афат", представленная в 1880 году, и 3., рукописный сборник без заглавия, заключающий в себе стихи, статьи и текст присяги, представленный в текущем 1881 году, – все три не дозволены к напечатанию в виду статьи 13 и 16 Прилож[ения] к ст. 4 (прим.) Уст[ава] Ценз[уры] по прод. 1876 года, как исполненные резкими и оскорбительными осуждениями высшего представителя духовной власти мусульманского Оренбургского Муфтия, как стремящиеся к возбуждению вражды в народе не только против сказанного выше духовного лица, но и вообще против духовных лиц (мулл) мусульманского исповедания и, наконец, как заключающие в себе тенденциозные намеки к действиям правительственных установлений и лиц.

В последнем же сборнике, сверх изложенного, не могли быть дозволены к печати помещенные в нем: текст присяги на верноподданничество, несогласный с установленным законом, и [л. 107об.] текст прошения на Высочайшее Имя.

Следующий по настоящей переписке гербовый сбор уплачен и излишне приложенная Ваисовым Гербовая марка 60 коп[еек] достоинства при сем возвращается. [...][362]

Документ № 7. 2.04.1881.
РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 842. Л. 34–34об.

ЕГО СИЯТЕЛЬСТВУ
Господину Министру Внутренних дел
Графу Лорис-Меликову[363]
Старовера мусульманина Казанской
губернии, Свияжского уезда, Косяковской
вол[ости], дер[евни] Молвиной,
Дердеманд-Дарвиша,
Багаутдина Хамзина Ваисова

Прошение

Поданное мною прошение от 17 Ноября прошлого года о разрешении мне устроить общество для религиозного и нравственного развития своих соплеменников, препровождено в Департамент Духовных Дел иностранных исповеданий, и как мне известно оттуда послано к Казанскому Губернатору, я ожидать от которого ничего не могу, ибо я

[362] Черновик документа остался без подписей.
[363] На документе имеется печать Департамента и дата поступления: "ДДДИнИсп. 5 Апр. 81". Лорис-Меликов М.Т. (1825–1888) – граф, генерал от кавалерии, министр внутренних дел.

даже боюсь прибыть в Казань, натерпевшись там довольно неприятностей от татар, и от рук которых я даже чуть не лишился жизни, если бы Бог не послал на помощь русских, и это происходило в Сентябре месяце прошлого года, и все за то как будто я надругаюсь над мечетями и муллами и по поводу Шех и Бахи (т.е. раскольников), но между тем я же сколько лет трудился [над] изданиями многих полезных духовных книг и молитв, учил и проповедовал для блага, растратил все деньги, желая все к лучшему, а вышло напротив. После вышеупомянутого последнего происшествия я вынужден был выехать из Казани, чтобы только остаться живым. Дело это находится у мирового Судьи 2 участка г. Казани, и также известно полиции, от которой я ничего не получил, кроме как приказа от Пристава удалиться из Казани. [л. 34об.] Посему прошу Ваше Сиятельство, явите Божью милость, войдите в мое положение и не откажите в просьбе моей, изъясненной в первом прошении и в делании распоряжения о выдаче мне копии с моего дела, находящегося в Духовном Департаменте [...][364].

1881 года, Апреля 2 дня.

Жит[ельство] мое Александро-Невской части по Тележной улице в д. № 169 кв. № 2.

Документ № 8. 13.04.1881.
РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 842. Л. 43–47об.

Его Сиятельству
Господину Министру Внутренних дел
Графу Лорис-Меликову[365]
Старовера Мусульманина Казанской
губ[ернии], Свияжского уезда, Косяковской
вол[ости], дер[евни] Молвиной,
Дердеманд-Дервиша
Багаутдина Хамзина Болгари Вайсова

Прошение[366]

Мудрыми законами управляется и защищается вся Россия, но при исполнении тех законов Судебными местами и учреждениями в некоторых случаях допускается нарушение: от неясного ли понимания, или от

[364] Подпись Б.Ваисова дана по-татарски: "Дәрдемәнд Дәрвиш Баһаеддин мулла Хамза углы Вәисов".
[365] Сверху на документе: "ДДДИнИсп 13 Апр[еля] [18]81". Внизу приписано от руки: "Пис. 24 Апр. 1881 г. Нофалю и 30 Мая 1881 г. Г. Казанскому Губ-ру с возвращ. 3 книг и 9 тетрадки".
[366] Документ дан в оригинальной орфографии, без исправлений.

других причин, я изъяснить не в состоянии потому, что слабость моего образования не дозволяет мне на Русском языке постигнуть и назвать ту причину, от которой происходит нарушение. Уже несколько раз встретив неожиданный случай стесняющий меня, я решился просить покровительства Вашего Сиятельства.

Из мурз русско-подданный мусульманин однодворец Кипчакских Саратовской [л. 43об.] губернии, Хвалынского уезда, деревни Большой Кулатки, Зягофер Сапныель Булгари Зягофер Салихов на 15 году от рождения его будучи благочестив, заботясь более всего о молитве, отправился в Мекку и Медину, где жил и скончался пророк Магомед и где он Салихов жизнь вел дервишскую около 20 лет, получив довольно хорошее религиозное образование – по благословению тамошнего Духовного Правительства, при особом его благоволении к нему он Салихов был возвращен в Россию, с целью поддерживать магометан в должном исполнении священного закона, вполне повинуясь законам Царским, молясь не упустительно за Царя и Его царствующий дом. На 35 году от рождения мурза Салихов, посетил[367] жизнь свою в России, узнав о нем поступил в учение и я Багаутдин Хамзин Ваисов к нему Салихову в 1841 году, на 22 году от рождения и продолжал у него учение 20 лет. Затем дервиш Салихов на 72 году от рождения в 10 день Декабря 1862 года умер.

Приемником которого, по смерти его Салихова жизни[368]. Итак дервиш Салихов, желая удержать за магометанами лучшие качества жизни, намерен был просить дозволения у Правительства открыть в России Магометанское духовное [л. 44] медресе (духовное училище) и не зная как начать это дело и сколько не старался к восстановлению общеполезного дела, толком не успел, и умирая, завещал мне увенчать такое его доброе намерение.

По смерти дервиша Салихова, т.е. с [нрзб.[369]] года, весьма резко изменилась человеческая жизнь: чего прежде в народе было нельзя встретить, ныне в магометанах стало встречаться и весьма часто и во многих [нрзб.] впустились в жизнь недобросовестную, которая служит положительным губительством народа, так как источники всяких злодеяний происходят от [нрзб.] употребления, которых человек будучи в трезвом виде не может решиться на пагубные поступки. Человек впадая в пьянство, не приходя в нормальное положение своего существования, делается как бы умалишенным, а за этими людьми следуют примеру их молодые люди, не успевши[е] укрепиться в нравственности состоянии жизни, потому что

[367] Посвятил?

[368] Фраза обрывается, но имелось в виду, что автор прошения стал преемником Салихова.

[369] Год закрыт маркой, вероятно с 1862 или 1863 года.

последние видят более худое, а хорошего почти и не встречают, а посему и по слабым понятиям своим малолетние делаются жертвами той же операции и уже безвозвратно лишаясь навсегда доброго имени и чрез это разоряется промышленность его, заключающаяся почти исключительно в сельском хозяйстве [л. 44об.] от рук отходит, скотоводство уничтожается, семейство приходит в бедственное положение, а как в селениях в особенности магоментанских, где не существует винной торговли, благоденствуют тишина, спокойствие, братолюбие и так, что радостно смотреть на жителей и живут в полном во всем удовольствие и, наконец, не имеют недоимок по обязательным платежам. Таким образом, в настоящее время необходимо нужно строгое Магометанское духовенство, получившее строгое образование к тому, что мусульманин может воздержаться только не иначе, как чрез свое духовенство, которое страшно влияет на их нравственность и мусульмане вполне повинуются им и с благоговением принимают всякое наставление своего Муллы или другой духовной особы своего вероисповедания, будучи приемником покойного мурзы дервиша Салихова около 20 лет. Мысль, которую имел дервиш Салихов и передал мне об устройстве магометанского духовного медрисе горит во мне неусыпно до сих пор, я просил об этом Правительство, но также неудачно и именно не знаю с чего и как начать это дело, а потому Правительство не поняв цели отказало мне. Определив в оное учителями самых опытных духовных [л. 45] особ: по нравственности, по поведению и по познаниям учителей русской грамоты, построить мечеть в которой совершение молебствия возложить на вышеозначенных учителей Магометанского закона, передовым же законоучителем я изъявляю полное желание, […] изучение Шаригата т.е. Алкорана и надеюсь, что мое теоретическое и практическое учение закона должно быть не бесполезным для Царя и отечества.

На открытие же магометанского метрисса[370] я жертвую: а) 15 десят[ин] благоприобретенной мне земли в вечное пользование этого метрисса, б.) собственно мне принадлежащий дом с[о] строением и садом заключающийся в одной десятине земли состоящей в городе Казани в 5 части, в Новотатарской слободе на Большой Симбирской улице и на этом месте устроить метрисса Магометанский, и вновь изданные мною книги в трех экземплярах с помощью опытного муллы Симбирской губ[ернии] и уезда деревни Беденги Абдуллатыфа Халитова, заключающееся в себе разъяснение и толкование о Шаригате и Алкоране взятые с последнего и переведенные с Арабского языка на Мусульманский. Подчинить этот метриссе непосредственному за оным наблюдению, никак не магометанскому Духовному Собранию, а Правительству Мин[истерству] Внутренних Дел, так как Магометанское Духовное Собрание действиями своими,

[370] Следует читать – медресе

едва ли что приносит [л. 45об.] пользы отечеству, судя по водворившимся в Магометанском Духовенстве отпадения от должного исполнения своей религии так что многие муллы по милости слабых и совершенно невнимательных распоряжений магометанского Духовного Собрания впустились в пьянство и другие пагубные поступки, и, лишаясь права чрез то, замечать подобные поступки вверенных им прихожанам, не смеют последних удерживать от противозаконных правил.

Представляю при сем на рассмотрение вновь изданные книги в 3 экз[емплярах] под названием первая Китабы Никоя Мухтасаф Выкоя тарзюма в 3 частях, 2., Китабы мустятаб диван Шахикгибент в 3-х ч. и третья Шароитиман в одной части, а также молитвы, переведенные с Мусульманского диалекта на русский в двух экземплярах, составленные богословом знающим заповедей Божьих Хазретом Джафаром вторым Булгари с 4-мя экземплярами приговоров написанных обществом мусульман Симбирской губ[ернии] и уезда Сюндюковской волости деревни Беденги в 1869, 71, 74 и 79 годах, которыми я вызывался для чтения в собрании их, установленных молитв и для разъяснения Арабских слов, вот по этому обстоятельству я терпя крайне тяжкие сострадания [л. 46] и обиды чрез действия Председателя Муфтия Оренбургского Магометанского Духовного Собрания, который провозгласил меня против Правительства дерзким и кляузником как видно из бумаги Оренбургского муфтия к Казанскому Полицмейстеру от 24 июля 1872 года за № 106 и вывод его я считаю в действиях Муфтия незаконным, а потому представляю бумаги по делу моему.

Ваше Сиятельство! 4 сего Апреля месяца я получил отношение от Цензурного Комитета, в котором меня уведомляют, что поданные мною рукописи к печати не разрешили: а именно 1.) Хивзулмулюк 2.) Кытаби мустатаби иршады дугой могополь хывзы шин джамериль диноит гваль офыт 3.) рукописный сборник, заключающий в себе молитву за Царя; как будто этими (молитвами) рукописями оскорбляю духовных лиц мусульманского исповедания, между тем как этого я вовсе не желаю, а напротив как истинный патриот желаю благо своим соплеменникам и я это доказывал все в точности из св. книг: 1) Тарегады мухамедия 2) Нарифат нома 3) Мязма дауат 4) Далоиле набюадие мухамедия, шамо юле фитюте ахмедия, которые пропущены цензурами и к тому же все это взято из Св. Алкорана. 5) По закону Св. Алкорана и по правилам [л. 46об.] Св. Шаригата, кто не молится за Царя, тот не есть мусульманин и Бог не примет от него никаких молитв и в Св. Алк[о]ране они называются моноафик во моноафикат. 6) Пророк Магомед по правилам Шариата наз. этих лиц Мюбтадего гомювтадего, религия их называет Ибахи гоаибахия, т.е. раскольники.

Я проповедник в прошлом году по закону Св. Алкорана и по правилам Св. Шарегате ходатайствовал в Цензурном Комитете о дозволении к печати молитвы для мусульман под названием Хытмате Иман, по-татарски Иманшарт, но татары за эти молитвы решили меня побить камнями и спасся только через русских, и будто бы я осквернил все их Св. молитвенные книги тем, что составил молитву за царя и по их мнению эта молитва будто бы относится только до Турецкого Султана Руйзамин Халифа; вот какое понятие имеют эти мусульмане, неужели Правительство учредило духовное собрание для того, чтобы нарушать закон св. Алкорана и св. Шариаты и св. молитву которой мы все живем; дело мое теперь находится у Мирового Судьи 2 уч[астка] г. Казани Куприянова, за это ненавидят и обижают меня татары и я вынужден был выехать из Казани в СПБург для исходатайствования себе покоя и о разрешении мне построить [л. 47] магометанскую духовную метриссы. Это последнее было мною изложено в прошении, поданном мною на мусульманском языке и из которого Вы увидите как я стеснен и также о метрических книгах и при сем я представляю Вашему Сиятельству свои дела из которых Вы подробно узнаете, как и через что я стеснен и какие я терпел неприятности и убытки и также представляю Вам газету Новое Время.

Не откажите в помощи во всех моих просьбах и дайте мне возможность выйти из этого положения и быть опять полезным человеком.

1.О неправильных действиях Председателя Оренбургского Магометанского Духовного Собрания.

2.О незаконных действиях Пом[ощника] Прист[ава] 3, а ныне 5 ч[асти] 2 и 3 уч[астков] г. Казани Яндашевского.

3.О неправильных действиях Мир[ового] Судьи 3 уч[астка] города Казани Загибалова.

4.О действиях Мир[ового] Судьи 5 уч[астка] города Казани фон Глен.

5.Собрание о пожертвовании книг духовно нравственного содержания в пользу тюремных помещений для 10 губерний.

6.По делу учителя Татарского Духовного Училища Якупова.

7.О неправильных действ[иях] Астраханской полиции.

8.Об обиде и стеснении Становым Приставом, а ныне [л. 47об.] Симбирским Уездным Исправником Трутневым.

9.Переводы молитв и приговоры. [...[371]]

Прошение сие писал Запасной писарь Иван Васильев, жительствующий по Прядильной улице № 20 кв. № 1.

При сем представляю семь шестидесяти коп[еек] достоинства гербовых марок для производство дела.

Жит[ельство] имею в Городе Казани в 5 части на Большой Симбирской улице, дом построен для Моления Бибифаизы Латыфовны Вайсова.

[371] Далее следует арабографическая подпись Б. Ваисова по-татарски с указанием своих регалий и титулов.

Документ № 9. 10.05.1881.
РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 842. Л. 49-51.

Господину Вице-Директору Департамента
Духовных Дел Иностранных Исповеданий[372]

Я ознакомился с содержанием препровожденных мне Вашим Превосходительством при письме от 24 Апреля 1881 г. за № 2211 трех книг, из которых две мне были уже известны как по содержанию, так и по их авторам с тою разницей, что в присланной мне теперь книге находится обширное предисловие, в котором автор высказывает самые восторженные похвалы мистическим воззрениям автора самого текста книги; воззрения эти, впрочем вполне согласны с действительного так сказать ортодоксального учения магометанской религии. Третья книга представляет из себя маленький печатный томик предназначенный, повидимому, для детского чтения.

Первая из этих книг напечатана в Казани в 1284 г. по магометанскому стилю (1870 по христианскому летоисчислению) и представляет точное воспроизведение на арабском языке с татарским переводом первой части сочинения по магометанской юриспруденции, известного под именем Викаят и изданного в свете несколько лет тому назад с русскими [л. 49об.] комментариями трудами нашего знаменитого ориенталиста покойного Казем-Бека[373].

Перевод принадлежит перу автора, написавшего как самое предисловие, так и маленькую книгу для детского чтения; мне когда-то передавали, что этот перевод был сделан с помощью покойного профессора Казем-Бека.

Ни одна из этих книг не содержит в себе ничего противного доктринам магометанской религии в той форме, в какой она исповедуется адептами ганефитского толка, к которому, как известно, принадлежит большинство живущих в Империи магометан[374].

Впрочем в конце главы, в которой излагается учение о пелегримстве в священные города Мекку и Медину, автор позволил себе сделать от себя несколько замечаний, сущность которых направлена к тому, чтобы была воспрещена (слова арабского текста "зажер" выражает: "воспрещено или наказуемое", и соответствует французскому слову censure) поездка в эти священные города тем из магометан, которые в ней ищут удовлетворение суетного тщеславия и любопытства, тем, которые не

[372] Сверху приписано: "ДДДИнИсп 11 Май [18]81".
[373] Имеется ввиду: Казем-Бек А.М. Мюхтесерюль вигкает, или сокращенный вигкает: Курс мусульманского законоведения. – Казань, 1845.
[374] Сбоку приписано: NB. В данном абзаце речь идет о мусульманах ханафитского мазхаба.

сумеют вынести из этого путешествия ничего другого, кроме заражения пороками и злобой, а также тем, которые своим отсутствием причиняют убыль населению Российской Империи.

Не могу не заметить, что арабское слово убыль [л. 50] "накс" может ввести мало знающих арабский язык в весьма странное заблуждение относительно истинного смысла текста, ибо накс кроме убыли значит еще позор, бесчестие, так что фраза эта может быть понята в смысле запрещения отправляться в Мекку и Медину тем магометанам, которые своим образом жизни могут причинить бесчестие и позор Государству, которому они принадлежат.

Как ни справедливы мысли автора сами по себе, с точки зрения благочестия, тем не менее всякий ревностный магометанин усмотрит в них желание ограничить свободу исповедания своей веры и главным образом желание водворить вторжение начальства по предмету разрешения тому или другому магометанину поездки в Мекку и Медину, ибо такая поездка ставится в зависимость от произвола начальника, от его мнения о том, сумеет ли проситель воспользоваться своей поездкой или нет; не следует при этом упускать из виду, что путешествие в Мекку и Медину поставляется в основную обязанность всякого магометанина, имеющего на то возможность; таким образом, водворение произвола начальствующих в том вопросе не может быть согласным с магометанским учением.

Литографированная книга заключает в себе предисловие, о котором я говорил выше и мистические стихотворения Баги Эддина [л. 50об.] Накешбенди из Бухары, жившего в 8-м веке геджиры. Он был основателем ордена "религиозного созерцания" подобного ордену суфитов, принципом которых было отвлечение от внешнего мира и своеобразное идеальное стремление созерцать Творца так сказать воочию во всех внешних проявлениях прекрасного. Они выражают свою любовь и поклонение Творцу в эротической форме и стремятся идеализировать и освящать самые грубые чувственные страсти человеческой природы, видя в каждом внешнем проявлении прекрасного, обаятельно на них действующего, признак благости Божией, которая, по их убеждению, является единственным двигателем их действий и ощущений. Эта секта несмотря на свое увлечение и склонность к развитию легких нравов, не осуждается исламом. Их отказ от стяжания, их фарисейская строгость и мнимая привязанность к чистоте вероучения делают их предметом поклонения и выс[о]кого уважения толпы. В книге автор убеждает читателя вести мистическую жизнь и предаваться религиозному созерцанию и описанию будущего блаженства приверженцов этой доктрины. В Предисловии трактуется в многоречивой и весьма мало литературной форме о разных предметах. За учением об откровении автор впадает в

жестокую [л. 51] критику тенденций и нравов некоторых из современных ему лиц этой секты. Здесь речь идет о кадиях и муфтиях, которых он упрекает в казнокрадстве, в брании взяток, в испорченности нравов и в легкости, с которою они усваивают чужеземные нравы и обычаи. Что касается черкесов, то он их всех обвиняет в том, что они низки, подлы и лишены всякого религиозного чувства. Предисловие завершается молитвой за в Бозе почившего Государя Императора; также молитва помещена в маленькой книге для детского чтения.

Заключение.

Итак, нет ничего противного магометанскому учению в трех предъявленных мне Вашим Превосходительством книгах, за исключением собственных замечаний переводчика о пелегримстве в Мекку и Медину. Я конечно не имею в виду сказать того же относительно ругани автора против некоторых лиц его секты и оскорбительных отзывов обо всех черкесах без изъятия. Эта ругань может быть рассматриваема как диффамация и клевета и достойна полного осуждения.

Возвращая при сем присланные мне Вашим Превосходительством три книги.

И.Г. Нофаль
Мая 10-го дня 1881 года
СПБург.

Документ № 10. 11.11.1881.
РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 842. Л. 36–36об.

ВСЕПРЕСВЕТЛЕЙШАЯ ДЕРЖАВНЕЙШАЯ
ВЕЛИКАЯ ГОСУДАРЫНЯ ИМПЕРАТРИЦА
МАРИЯ ФЕДОРОВНА
Самодержеца Всероссийская Государыня Всемилостивейшая
Просит Сотрудник Всему Миру Деня
Мухамедъяда вероисповедник верноподданный
Старовер Мусульман дардманд-дарвиш
Болгарии, Багаутдин Хамзин Ваисов,
Казанской губернии, Свияжского уезда,
Косяковской волости, деревни Молвиной,
постоянно живущего в Казани 5 части
Новотатарской слободе, на Большой Симбирской
улице, в доме Ваисовой о нижеследующем

I. ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО ВЕЛИКАЯ ГОСУДАРЫНЯ ИМПЕРАТРИЦА ВСЕМИЛОСТИВЕЙШАЯ МАРИЯ ФЕДОРОВНА, я, честь имею объяснить о том, что не раз было подано мною прошение

в Департамент Духовных Дел Иностранных Исповеданий Министерства Внутренних Дел, в коем ходатайствовал о разрешении мне устроить общество для религиозного и нравственного развития своих соплеменников откуда до сих пор нет мне разрешения, а как я, верноподданный, [л. 36об.] вероисповедник Старовер Мусульман, дардманд-дервиш Болгарии, Багаутдин Хамзин Ваисов, в чувствах глубочайшего моего размышления и непоколебимой преданности ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ и отечеству почтительнейше честь имею при сем представить свои сочинения под названием: 1) Худбаигалишан-шагабасафа Александра-салис, 2.) Ахвалирагияд и 3.) Ахвалидунияфигази-хизман[375], в каковых разъяснено все полезное для всего Государства, но я сам не имею средств сделать перевод на русский язык, о чем осмеливаюсь обеспокоить драгоценнейшую и милосердную ВАШЕГО ВЕЛИЧЕСТВА Монаршую милость, если примите в уважение настоящие сочинения перевести на русский язык для чего остаюсь в ожидании ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕГО разрешения ВАШЕГО ВЕЛИЧЕСТВА, а равно о присылке в переводе одного экземпляра по месту моего жительства. Ноября 11-го дня 1881 года[376].

Документ № 11. 11.11.1881.
РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 842. Л. 53а–53а-об.

Его Сиятельству
Господину Министру Внутренних Дел Генералу от Инфантерии
Графу Павлу Николаевичу Игнатьеву и кавалеру
Сотрудника Всему Миру [...] Багаутдина Хамзина Ваисова [...][377]

Прошение

Почтительнейше честь имею при сем представить ВАШЕМУ СИЯТЕЛЬСТВУ две книги и из них первую для привода к присяге староверов мусульман и устройстве их обществ для религиозного и нравственного развития своих соплеменников, а вторую метрическую для новорожденных младенцев и об убыли обоего пола старовер мусульман, [л. 53а-об.] равно для выдачи метрических выписей для представления в Присутственные места и должностным лицам по Казанской, Симбирской и прочих губерен.

---

[375] "Проповедь во славу высокого и чистого императора Александра III", "Әхвәл-и рәгайят" ("Положение народа"), "Әхвәл-и дөнья фи гази хи заман" ("Положение мира"). Подробнее см. § 3 первой главы.

[376] Далее следует подпись просителя по-татарски.

[377] Сверху на документе печать Департамента: "ДДДИнИсп 19 Ноя[бря] [18]81". В скобках указаны титулы Б. Ваисова и адрес в Казани (см. документ №10).

Вследствие сего имею честь всепокорнейше просить Ваше Сиятельство сделать распоряжение об утверждении при сем представляемых двух книг, первую о приводе к присяге, а вторую метрическую о прибыли новорожденных и убыли умерших, а также о выдаче метрических справок, а по утверждении таковых почтительнейше прошу не оставить высылкою обратно по месту моего жительства, о чем в ожидании остаюсь милостивейшего Вашего Сиятельства распоряжения. Ноября 11-го дня 1881 года[378].

Документ № 12. 10.12.1881.
РГИА. Ф. 777. 1881 г. Оп. 3. Д. 5. Лл. 350–350об.

В С.Петербургский Цезурный Комитет[379]
Сотрудника всему миру вероисповедника
верноподданного старовера мусульманина
Дардманд-дарвиша Булгарии, Багаутдина
Хамзина Ваисова, постоянно живущего в 5-й
части г. Казани, в Новотатарской слободе на
Большой Симбирской улице в доме Ваисовой

Прошение

Представляя при сем в С.Петербургский Цезурный Комитет на предмет утверждения три предмета, составленные мною для выпуска вновь под названием 1-е, Макома моназят; 2-е, Ходба шага басафа Монарх Башигыръ хикмат вваназым и 3-е, Байгад намма[380], каковые покорнейше прошу Цезурный Комитет утвердить для отпечатания и дозволить для выпуска вновь в свет. Декабря 2-го дня 1881 года [...[381]].

[378] Подпись по-татарски.
[379] Дописано на документе сверху и с боку иной рукой: "№ 1669, 10 Декабря 1881. Г. Цензору Смирнову; [нрзб.] рукописи № 2287, 2288, 2289; № 2287 недозволены; №№ 2288, 2289 – дозволены Декабря 23 дня и отправлены Ваисову в Казань". Дозволенная цензурой рукопись (№ 2288) была отпечатана литографским способом. См.: НАРТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 6073.
[380] "Мәкам-ә мөнәҗәт"; "Хотбә шаһ-и ба-сафа монарх хикмәт вә-назм" ("Проповедь во славу чистого монарха в стихотворной (рифмованной) форме"), " Бәйгатьнамә" ("Присяга").
[381] Подпись Б. Ваисова по-татарски.

Документ № 13. 23.12.1881.
РГИА. Ф. 777. 1881 г. Оп. 3. Д. 5. Лл. 363а, б, в.

В СПб. Цензурный Комитет[382]

[...[383]] Что же касается до 3-х рукописных листов за №№ 2287–2289, то имею честь доложить комитету следующие о них свои соображения.

Лист под № 2287 содержит в себе форму присяги с включением имени представившего ее в цензуру Багаутдина Ваисова. Так как присяга не составляет какого-либо литературного произведения, а есть официальная формула, имеющая применение в известных установлениях [л. 363б.-об.] значением случаях, то печатание ее не имеет никакого здравомысленного основания. Это последнее, по моему наблюдению и по имеющимся у меня секретным сведениям, заключается в том, чтобы иметь г. Ваисову лишний случай печатно титуловать себя каким-то старовером мусульманской религии, чем он прикрывает свои шарлатанские тенденции, под видом своего благочестивого антагонизма с представителями татарско-мухаммеданского духовенства, будто бы, полагаю даже, что напечатание присяги со своим именем освобождает его т.о. от необходимости принимать наряду с прочими присягу установленным порядком.

Тот же смысл и подкладку имеют и два других листа за №№ 2288 и 2289, которые содержат в себе молитвословие и [нрзб.] за здравие и благоденствие Государя Императора и его Августейшего дома.

Относительно присяги уже было раз решено комитетом отказать Ваисову в разрешении печатать ее. Относительно[384] же прочих двух листков я имею честь предложить решить вопрос о дозволении или недозволении их комитету. Я же лично того мнения, что не следовало бы Ваисову дозволять злоупотреблять такими похвальными вообще, важнейшими предметами, как молитвы за Государя Императора для таких ничтожных иезуитских целей, как прокламирование себя проповедником какого-то нового вероучения, которое, судя, правда по неофициальным и возможным цензурным сведениям, есть чистое пройдошество и шарлатанство.

В. Смирнов
23 дек[абря] 1881 г.

[382] Сверху работником канцелярии цензурного комитета над отзывом В.Д. Смирнова дописано: "Пол[учено] 23 Дек[абря] [18]81. К отнош[ению] СПб. К.Ц. на № 3624, 3455, 3657/ 12, 18 и 18 Декабря [18]81 г. №№ 837 и 844 / 9 и 10 Дек[абря] [18]81".
[383] Следует отзыв на турецкие газеты и ряд сочинений, не имеющих отношения к прошению Б. Ваисова.
[384] Это предложение и до конца отзыва перечеркнуто, вероятно, самим В.Д. Смирновым.

Документ № 14. 24.03.1882.
РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 842. Л. 55–56об.

[л. 55] Симбирского Губернатора
По Губернскому Правлению
24 Марта 1882 года
№ 724 г. Симбирск[385]

В Департамент Духовных Дел Иностранных Исповеданий

Именующий себя дервишем, крестьянин деревни Молвиной, Свияжского уезда Казанской губернии Багаутдин Хамзин Вайзов более 10 лет тому назад стал приезжать в д. Беденьгу Симбирского уезда, где начал распространять между мусульманами какое-то учение, возмущая их противу местного муллы; при чем запрещал мусульманам ходить на молитву в мечеть, отзываясь о ней в весьма неприличных и бранных выражениях. Во время этих приездов у Вайзова были постоянные столкновения, как с местным муллою, так и с чинами полиции. Вайзов приносил многократные жалобы на действия чинов полиции, будто бы стесняющих его свободу, но жалобы эти оказывались не заслуживающими уважения. Оренбургское Магометанское Духовное Собрание признало учение Вайзова безусловно вредным и в отзыве от 6 Мая 1880 года за № 1117 высказало, что оно находит справедливым, в виду вредных последствий [л. 55об.], могущих произойти от учения Вайзова воспретить последнему выезд из места своего жительства. Так как Вайзов проживает в Казанской губернии, то об этом было сообщено Казанскому Губернскому Правлению, но последнее отозвалось, что в виду отсутствия закона, оно не считает себя вправе воспретить Вайзову отлучаться из места своего жительства. Затем, из произведенных по прошениям муллы д. Беденьги Шаги Ахметова дознаний было усмотрено, что Вайзов продолжает приезжать в д. Беденьгу и распространять свое учение, поселяя между прихожанами неуважение к мечети. В настоящем году мулла Ахметов снова обратился в Губернское Правление с жалобой на действия Вайзова и эта жалоба отослана на распоряжение Магометанского Собрания, при отношении от 23 Января за № 191. Между тем, неуважение Вайзова к Магометанскому Собранию дошло до того, что он в официальном прошении назвал Собрание не имеющим разума. Об этом обстоятельстве в виду 283 ст. Улож[ения] о нак[азании], изд[ания] 1866 г., для возбуждения противу Вайзова законного

[385] Документ написан от руки на бланке Симбирского губернского правления. На документе сверху: "ДДДИнИсп 6 Апр[еля] [18]82". Сбоку приписано: "Доложено Г. Министру. Приказано [нрзб.] к Казанскому Губ-ру с указаний [нрзб.] и рекомендовать ему вразумить Ваисова, чтоб не ездил в Беденьгу и не смущал народа, если не хочет подвергнуться более строгому взысканию как человек, приносящий смуты и раздоры в селения. 6/IV 1882. Симб. Губ-ра уведомить от Д-та [нрзб.]".

преследования сообщено Прокурору Симбирского Окружного Суда. Наконец, Симбирский Уездный Исправник, рапортом от 26 Января за № 166, ходатайствовал о воспрещении Вайзову приезда в д. Беденьгу, так как отношения между последователями [л. 56] его учения и большинством населения дер[евни] Беденьги становятся с каждым приездом Вайзова более и более враждебными, и сам Вайзов, ненавидимый большинством населения, рискует в один из приездов подвергнуться нападению со стороны народа. По поводу сего Симбирское Губернское Правление 30 Января за № 247 вновь просило Магометанское Собрание принять какие-либо меры противу распространения Вайзовым своего учения в д. Беденьге. Но Собрание 5 Марта за № 398 уведомило, что оно неоднократно уже относилось к Казанскому Губернскому Начальству о преследовании Вайзова за противозаконные поступки, но все ходатайства оставались без уважения; почему Собрание не может принять никаких мер к пресечению Вайзову возможности проповедовать свое учение в дер[евне] Беденьге.

Принимая во внимание: 1., что учение Вайзова признано Оренбургским Магометанским Духовным Собранием безусловно вредным; 2., что Вайзов продолжает проповедь своего учения в д[еревне] Беденьге с большой настойчивостью до настоящего времени; 3., что местный Уездный Исправник опасается дурных последствий для самого же Вайзова со стороны большинства населения д[еревни] Беденьги, неприемлющего его учения; 4., что в законе определен порядок возбуждения преследования [л. 56об.] противу лиц, обвиняющихся в действиях против правил веры и нарушении правил православной церкви, а случаи проявления какого-либо вредного учения, противного правилам других терпимых в государстве исповеданий, законом не предусмотрены, – имею честь препроводить при сем в Департамент Духовных Дел Иностранных Исповеданий, на усмотрение, копию с отзыва Оренбургского Магометанского Собрания за № 398, и покорнейше прошу разрешить: какие следует принять меры к пресечению Вайзову способов дальнейшего проповедования его учения в дер[евне] Беденьге. […][386]

[386] Подписи должностных лиц – губернатора, вице-губернатора, советника и старшего делопроизводителя – указаны неразборчиво.

Документ № 15. 3.07.1882.
РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 842. Л. 71–83.

[Приговор][387]

[л. 71] 1882 года Июля 3 дня, мы нижеподписавшиеся домовладельцы мусульмане магометанского вероисповедания г. Казани с общего всех нас[388] согласия, составили настоящий приговор в нижеследующем. В среде населения нашего татар проживает в доме жены своей в Новотатарской Слободе на Большой Симбирской улице крестьянин Свияжского уезда деревни Молвиной Багаутдин Хамзин Вайсов с товарищем кр-ном Лаишевского уезда Ключищинской волости деревни Метесков Ахметзяном Абдуллатыповым, которые по ложным понятиям и невежеству о религии[389], распространяют в среде Магометанского населения мнимое магометанское учение, никем и никогда из магометан не проповедуемое, чрез что приводят темных и малосведущих людей в заблуждение в особенности среди крестьянского населения, развращая магометанскую религию. Сопоставляя себя на этом позорном для всех магометан деле, Вайсов и Абдуллатыпов вселяют в среде низкого класса корень зла, а через это и подрыв религии, чтобы дать о себе понятие [л. 71об.], что они люди действительно религиозные и правдивые и поучение их присуще каждому магометанину, как лучший источник к душеспасению. Вайсов присвоил себе вымышленный им и никому до сего времени из магометан неизвестный титул такого содержания: "Макомыдога Шигана, веры исляма магометанской, религии хинадия ахзамской, секты аглисюнад, как есть магометанский верноподданный Староверо-Мусульманин, т.е. Фиркаинодзия, сотрудник всему миру диня Мухамедияда, вероисповедник дардманд дарвиш Болгарии, Багаутдин Хамзин, дагагуй природного сословия Тюрки собственник Вайсов". Развращая народ ложной рекламой религии своей, сами Вайсов и Абдуллин в мечеть на моление никогда не ходят, магометанской веры не исполняют, духовенству не повинуются и хулят его, и всеми мерами стараются возвысить выдуманную ими небывалую магометанскую веру; кроме того Вайсов под вымышленным титулом своим по своему учению и догмату как бы открыл при доме жены своей без всякого ведома и разрешения Начальства Медресе (училище) и [л. 72] по настоящее время существующее, несмотря на то, что об том уже производится Судебное следствие Судебным Следователем 3 участка г. Казани. Обучая в училище этом малолетних детей последователей своих, они

[387] Документ без названия; дан в оригинальной орфографии с незначительными сокращениями.
[388] Слова "всех нас" зачеркнуты.
[389] Слово "о религии" зачеркнуто.

развращают и наших детей, как равно и взрослых людей, исповедующих настоящую магометанскую веру, проповедуют ее в совершенно превратном духе и надругаются над ней, называют татар, им непоследовавших, изменщиками против Правительства и идолопоклонниками, противу их[390] свое учение. Видя такое поругательство над верой, мечетью и духовенством кр-н Вайсова и Адбуллатыпова как отпавших от настоящего магометанства и их мстительный, жестокий и сварливый характер по проступкам коих[391] они уже неоднократно были судимы и арестованы по приговорам гг. Мировых Судей и Казанского Окружного суда, и, что если даже[392] допустить разрешить[393] им свою деятельность в лжеучении, как вредным членам общества по религии и их неблагонадежной нравственности, то естественно впоследствии времени вера магометанская ее исповедники должны упасть духом, потерпеть [л. 72об.] позор и хулу. Кроме того, последствием этого учения с усилением партии последователей Вайсова и Абдуллатыпова могут произойти разные беспорядки от разногласия вере и даже бунт. Чтобы искоренить это зло и не дать магометанам впасть в обман лжеучителей Вайсова и Абдуллатыпова, как людей неблагонадежных и вредных обществу во всех их качествах, мы, верноподданные Государю Императору, жители г. Казани магометанского вероисповедания, решили постановить, ходатайствовать пред Его Превосходительством Господином Начальником Губернии об удалении из среды нашей крестьян Багаутдина Ваисова и Ахметзяна Абдуллатыпова из Казанской губернии за их противозаконные поступки и распространение ложной веры, чем самым и водворить в обществе нас[394] магометан тишину и спокойствие, для чего и уполномачиваем на ходатайство по настоящему предмету избранного из среды нас общественника Казанского мещанина Измаила Темирбулатовича Раимова, которому [л. 73] доверяем подавать разного рода по сему делу прошения, отзывы и ответы в надлежащие присутственные места и во всем том, что он законно мы верим, в том и подписуемся[395].

Указной имам вэ модаррис Мохэммэд Сакеев
Указни имам Хабибулла Усманов
Указнай ваенный мулла Хисамутдинов

По-русски значит[396]: Указной имам и Мидарис Мохаммад Саниев, Указной имам и Мидарис Абдул-Галлям Салихов, Указной имам Мулла

[390] Слова "противу их" зачеркнуты.
[391] Слово "коих" зачеркнуто.
[392] Слово "даже" зачеркнуто.
[393] Слово "разрешить" зачеркнуто.
[394] Слово "нас" зачеркнуто.
[395] Далее следуют подписи по-русски и татарски. Всего под письмом подписалось около 440 человек.
[396] Здесь и далее фамилии сначала написаны по-татарски, а затем дан их перевод на русский язык.

Шакир Абдулзяббаров Кулиев, Указной имам Мулла Махомед-Шакир Саитов[397], Указной имам Мулла Махомед-Закир Халидов, Имам Абдулкаюм Абдулбадигов, Указной имам Мулла Хосаин Амерханов, Мулла Шагабутдин Багаутдинов. С Татарского переводил Казанский купеческий сын Сиразетдин Шамсутдинов Сагадеев.

Указны мулла Мухамет Юсуф Сагитов[398]

Потомственный почет[ный] гражданин Ахмет-Гирей Юнусов

Указный мулла Сенной приходной мечети Музафаров

Коммерции советник и кавалер почетный гражданин Искак Губайдуллин Юнусов

Казанский купец Искак Мазитов Арасланов[399]

[нрзб.] Искаков Газеев Казанский купец [нрзб.]

Потомственной почетной гражданен Юсуп Мухамет Апанаев

Казанский купец Шамсутдин Сагадутдинов Сагадеев

Казанский купец Хасан Сабитов Абдрахманов

Казаньске купец Ахметзян Сайдашев[400]

По-русски значит: Загидулла Шафигуллин руку приложил, Казанский купец [нрзб.] Галей Абдулнасиров, переводил на русский Сираютдин Ш. Сагадеев.

Потумственни почетни гражданин Мухаммад Закир Абдулкаримов Апанаев

[73об.] Казанский Купец Измаил Губайдуллин Иманкулов

Казанский купец Мухамедзян Ибнияминов Галеев

Муфтахутдин Шамсутдинов

Муртаза Мустафин Азимов, потомственный пачетный гражданин

По-русски значит: Мохамед-Хасан Гайнутдинов, с татарского переводил Сиразютдин Ш. Сагадеев

Хайрутдин Ахметзянов

Латиф Мазитов

Казанский купец [нрзб.] Мишкин

По-русски значит: казанский купец Ногман Абдулкаримов, Ахметхан Галеев Валитов, Галлей Батыршин руку приложил, Ибниямин Губаев, казанский мещанин Искак Рафиков, Шагиахмет Ишмохаметов руку приложил, Казанский мещанин Халиулла Рахматуллин руку приложил,

[397] Сеитов Мухаммед-Шакир Хуснутдинович – с 1870-х гг. имам Новой каменной мечети Ново-Татарской слободы г. Казани. О конфликте с ним Б. Ваисова см. документы № 2, 3.

[398] Сагитов Мухаммедюсуф (1830–1909) – религиозный деятель, представитель кадимизма; с 1868 года – имам Галеевской мечети г. Казани.

[399] Арсланов Исхак Абдулмазитович (1852–1901) – казанский купец, владелец "Товарищества И.Арсланова" в Казани.

[400] Сайдашев Ахметзян Яхьич (1840–1912) – совладелец "Торгово-промышленного товарищества А.Я. Сайдашев с сыновьями и Б.Субаев" (1894), учредитель и издатель газеты "Баянелхак" (1906–1914).

Казанский купеческий сын Ибрагим Шарафутдинов Искандеров, Нурутдин Шамсутдинов, Искак Шарафутдинов Имендеров, с татарского переводил Сиразютдин Ш. Сагадеев

Потомствинни почетни гражданин Казанский купец Хасан Губайдуллов Арсаев

По-русски значит: крестьянин Лаишевского уезда деревни Темти Мохамет-Сафа Нурмохаметов Яхин, Казанский мещанин Шарафутдин Гайнутдинов, Купец Амин Ильязов, Хуснутдин Хисамутдинов, Назмутдин Негаматуллин, с татарского переводил Сиразютдин Ш. Сагадеев

Казанский купец Исхак Идрисов Айтуганов

[л. 74] Зайнулла Мусен Ямашов

По-русски значит: Шайхутдин Файзуллин руку приложил, переводил Сиразютдин Ш. Сагадеев

Казанский мещанин Миргалей Мукминов

Живущий в Казани Мухамет Газиз Ахметов

Казанский мещанин Мухаметзян Мусин Яхин

Казанский купец Гариф Утямышев[401]

Казанский мещанин Мухамед-Шакир Салихов

По-русски значит: Казанский мещанин Мохамед-Садик Галеев, с татарского переводил Сиразютдин Ш. Сагадеев

Мустафа Амирханов, стирлитамакски мещанин

По-русски значит: Казанский мещанин Искак Ибрагимов, Казанский мещанин Абдулхалик Искаков, Казанский купец Абдулганей Галиакберов Бектемиров. С татарского переводил Казанский купеческий сын Сиразютдин Шамсутдинов Сагадеев

Казанский мещанин Салахутдин Хайбуллин

По-русски значит: Жительствующий в Казани Сайфульмулюк Абдулгадтаров и жительствующий в Казани Сайфутдин Абпаков, живущий в Казани Хасан Хабибуллин, казанский купец Сабит Сахипов Хайбуллин, торгующий в Казани Галлям-бай Арсланов, торгующий в Казани Гисматулла Искаков. С татарского переводил Казанский купеческий сын Сиразютдин Шамсутдинов Сагадеев

Потомственный почетный гражданин Казанский купец Муртаза Мухтар Адамов

Казанский купиц Зайнулла Усманов

Граждан Измайл Даутов

Казански купц Муртаза Адамов

По-русски значит: Казанский мещанин Мохамед-Шакир Ахметов, Казанский мещанин Хасанулла Абдулгавфаров. С татарского переводил Сиразютдин Шамсутдинов Сагадеев

[401] Утямышев Мухаммадгариф Ибрагимович (1830–1893) – арский (до 1880) и казанский купец и предприниматель, владелец мыловаренного производства.

[л. 74 об.] Жительствующий Казани Мухаметвалей Садыков

По-русски значит: Рахметулла Губайдуллин Мамяшев, с татарского переводил Сиразютдин Шамсутдинов Сагадеев

Казанский купец Галиаскар Сафин Бигаев

Шафик Назмутдинов Шамсутдинов

По-русски значит: Гайса Мусин Казанский мещанин, Казанский мещанин Мохамед-Садык Бикмухаметов, Казанский купец Мифтахутдин Рахманкулов, Казанский мещанин Ахмед Мусин Рамов, Казанский мещанин Галиакбер Шайахметов Утнузов. Переводил Сиразютдин Ш. Сагадеев

Казанской житель Ахмедзан Сагитов Сайдашов

Житиль Казанской Иксан Вахитов Вагапов

По-русски значит: Живущий в Казани Гайфулла Абдулвахитов. Переводил С.Ш. Сагадеев

Казанский житель Н. Хабибуллин, кр-н

По-русски значит: Казанский купец Хамат Сабиров, с татарского переводил Сиразютдин Ш. Сагадеев

Казанский купец Бурганутдин Муллин[402]

По-русски значит: В Казани живущий Гатаулла Ягудин, в Казани живущий Халилла Хабибуллин Кабашев, в Казани живущий Мохамед-Галей Мургалимов. С татарского переводил Сиразютдин Шамсутдинов Сагадеев

Ахметзян Рахметиуллин, казанский купц

Казанский мищанин Зиганша Мустафин Даутов

По-русски значит: В Казани живущий Казанского уезда Мохамедзян Кубайдуллин, Казанский мещанин Мохамет-Юсуп [нрзб.], в Казани живущий Мохамед-Рахим Мохамед-Каримов. С татарского переводил Сиразютдин Шамсутдинов Сагадеев […[403]]

[402] Муллин Бурганутдин Фахрутдинович (1836–1917) – казанский купец, торговец чаем и сахаром; общественный деятель, в 1879–1900 гг. гласный Казанской городской думы; известен широкой благотворительной деятельностью.

[403] Далее на листах 75–83 еще не менее 372-х подписей, написанных по-татарски и по-русски

Документ № 16. 16.12.1882.
РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 842. Л. 67–70.

Министерство Внутренних Дел
Казанского Губернатора
По Губернскому Правлению
16 Декабря 1882 года № 3011[404]

Господину Министру Внутренних Дел

Проживающий в г. Казани крестьянин Казанской губернии, Свияжского уезда, дер[евни] Молвиной Багаутдин Хамзин Ваисов[405], называя себя сотрудником всему миру, вероисповедником старовером, дервишем Болгарии и выдавая себя за какого-то святошу, близко угодного Богу, разъезжает из места жительства своего по разным селениям, проповедует свое учение, не согласное с духом магометанской религии и тем производит смуты в среде магометанского населения и возбуждает татар против мулл. Вследствие этого Симбирское Губернское Правление от 20 Мая 1880 года просило сделать распоряжение о воспрещении Ваисову отлучаться из места своего жительства и приезжать в Симбирскую губернию, где он производит смуты между татарами. Казанское же Губернское Правление, по неимению в виде [л. 67об.] закона, предоставляющего Губернскому Начальству право воспретить Ваисову отлучки из места жительства, ограничилось лишь отобранием от Ваисова подписки в том, чтобы он не проповедовал вредного учения, но Ваисов такой подписки не дал и вообще отказывается от дачи подписки в объявлении ему каких-либо распоряжений начальства. Затем исправляющим должность Казанского губернатора Вице-Губернатором Действительным Статским Советником Хитрово[406], согласно отношения Департамента Духовных Дел Иностранных Исповеданий от 12-го Апреля 1882 года за № 1496, хотя и было делаемо Ваисову должное вразумление, чтобы он прекратил свои учения, смущающие народ и прекратил поездки в дер[евню] Беденьга Симбирского уезда, но это не повело к желательным результатам и Ваисов до настоящего времени продолжает проповедовать свое учение в дер. Беденьгах и тем производит там смуты в населении. Кроме того, Ваисов открыл в г. Казани в доме своей жены, без надлежащего разрешения, училище, за самовольное открытие которого против Ваисова в Мае месяце сего года возбуждено судебное преследование. Наконец, по подстрекательству [л. 68] Ваисова произошли серьезные беспорядки при переделе земель крестьян дер[евни] Кармаш[407] Свияжского уезда,

[404] Сбоку приписано: "Доложено Министру 5 Января [нрзб]".

[405] Здесь и далее подчеркнуто чиновником МВД.

[406] Хитрово Константин Никанорович – вице-губернатор Казанской губернии в 1874–1890-х гг., действительный статский советник.

[407] Правильно – д. Карашам Свияжского уезда Казанской губернии.

о чем подробно было донесено Вашему Сиятельству И[сполняющим] д[олжность] Казанского Губернатора Действительным Статским Советником Хитрово 4 Июня сего года за № 2605.

В Июле месяце настоящего же года Ваисов подал два прошения. В одном из них по предмету объявления Ваисову отношения Канцелярии Статс-Секретаря Его Императорского Величества по принятию прошений об оставлении прошения его, Ваисова, без последствий, он объяснил, что объявление это его нисколько не интересует, потому что он, Ваисов, против неприятелей для личного интереса Государя Императора имеет более 10/т. numеров дел, но ни на какую его просьбу и ни на какие нумера ответа не получал, почему он, Ваисов, по недоумению своему, теряет интересы государства, на этом то основании он "сотрудник всему миру" признает это объявление неправильным. В другом же прошении Ваисов объяснил, что составил на Высочайшее имя, по мудрости Божией, молитву и таковую молитву, как данную ему Богом, желает читать в день коронации [л. 68об.] Императорского Величества, для чего со своими сотрудниками в числе 12 человек намеревается отправиться в С.-Петербург и просит дать ему на этот предмет какие-либо средства. Все таковые действия Ваисова, в виду ненормальности их, дали право предположить, что Ваисов находится не в полном уме, а потому и признано было необходимым произвести Ваисову освидетельствование для определения его умственных способностей. При произведенном в Губернском правлении освидетельствовании 28 Июля Гг. присутствовавшие нашли, что душевная сфера деятельности Ваисова находится в ненормальном состоянии, а потому для более точного выяснения степени расстройства и для испытания решили отправить больного в Окружную Лечебницу, прося г. Директора оной уведомить о результате испытания Ваисова для вторичного освидетельствования. Из доставленных Окружною Лечебницею сведений о состоянии здоровья Ваисова видно, что он страдает сумасшествием. При освидетельствовании 22 Сентября сего года, в особом присутствии Губернского Правления сказалось следующее: Ваисов вошел в Присутствие [л. 69] и все время вел себя в оном спокойно и серьезно. Он внес с собою узелок с книгами, им изданными, и бумагами. Так как ответы его на первые вопросы были удовлетворительные и толковые, то приступили к даче вопросов относительно тех выражений в его писаниях, каковые выражения казались, как и врачам лечебницы, вполне странными и свидетельствовавшими о бреде величия (manie des grandeurs). Затем приглашенный Исправляющим должность Губернатора в Присутствие Профессор татарского языка и Директор инородческой учительской Семинарии Действительный Статский Советник Ильминский на предмет переводов и объяснений с Ваисовым во время этого свидетельствования объяснил, что такая секта

"сотрудники всего мира" в магометанстве действительно есть, которая молится за благосостояние всего мира, а как благосостояние оного в отношении к данной местности обусловливается управлением Государя данного Царства, то они молятся и за нашего Государя, а не за Турецкого Султана, как главу магометан; далее, что он дервишем себя считает по преемственной передаче чрез известных [л. 69об.] лиц как бы дара дервиша и что в его писаниях обусловливается многое незнанием русского языка и за неусвоением русских законов и русских правительственных форм. Приняв во внимание такое объяснение, а равно и поведение его как в лечебнице, так и в присутственной комнате, Присутствие постановило: видя в Ваисове человека раздражительного, беспокойного, сутяжного, признать его в данное время душевно здоровым.

16-го же Ноября сего года магометане г. Казани при прошении представили мне чрез поверенного своего мещанина Раимова составленный ими приговор[408], в котором, указывая на поругание Ваисовым магометанской религии, мечети и духовенства, а равно и на те смуты, которые являются следствием вероучения Ваисова и на возможность в будущем серьезных беспорядков между татарами – последователями Ваисова с одной стороны и не принявшими его учения – с другой, просят удаления из их среды как самого Ваисова с семейством, так и ближайшего сотрудника крестьянина Лаишевского уезда дер[евни] Метесков Ахметзяна Абдуллатыпова.

[л. 70] Находя со своей стороны дальнейшее пребывание Ваисова в Казанской губернии крайне вредным для общественной безопасности и спокойствия, так как при значительной численности магометанского населения, Ваисов имеет возможность все более и более приобретать сторонников и распространителей своего учения, вследствие чего неминуемо произойдут серьезные беспорядки между магометанами, принявшими учение Ваисова и отвергающими это учение, – я, согласно с заключением Губернского Правления, полагал бы, в видах предупреждения возникновения беспорядков, сделать распоряжение о высылке из Казанской губернии как Ваисова с его семейством, так и последователя его учения крестьянина Ахметзяна Абдуллатыпова и о водворении их в одну из местностей, где нет магометанского населения, с воспрещением отлучки в места, населенные магометанами.

О чем и имею честь представить на благоусмотрение Вашего Сиятельства, вследствие предложения от 2-го Июля сего года за № 6789 с приложением вышеупомянутого приговора магометан – жителей гор. Казани.

Вице-Губернатор Хитрово […]

[408] См. предыдущий документ № 15.

Документ № 17. 26.01.1883.
НАРТ. Ф. 41. Оп. 2. Д. 1073. Лл. 18–18 об.

Вопросный лист по делу о крестьянине Багаутдине Хамзине Ваисове, обвиняемом в преступлениях, предусмотренных 1049, 1540 и 1542 ст. Улож[ения] о Наказ[аниях].

№	Вопросы	Ответы
		Вошел и стал молиться
	Откуда вы пришли?	Пришел из Окружной лечебницы, где я с 19 февраля.
	Отчего вы в лечебнице?	Чрез прижимки людей, я староверный мусульманин, в вере моей нет пороков, все меня стесняют.
	Какой у вас сан?	У нас святая секта, святые обряды, я духовный дервиш (представляет бумаги и показывает свои печатные брошюры на татарском языке).
	Отчего вы запирали мальчиков в погребе?	Неправда, я не запирал мальчиков в погребе, я их принял учить, они природные староверы.
	Большое ли общество вашей веры?	Свое общество есть отдельное староверское, у нас около 2000 человек в обществе, только ходу не дают и не дают исполнять молитвы, только дали бы комнату для молитвы и я доволен.
	Ездите ли вы по деревням?	Если меня просят в деревне, то я езжу, но сам никогда (представил на татарском языке одну бумагу).
		[…[409]]

Данные сегодня ответы Ваисовым на предложенные вопросы, из которых видно, что он воображает себя великим духовным лицом, что он представитель отдельной мусульманской секты, также воображение, что все учреждения и лица его преследуют, равно результат испытания его в Окружной лечебнице, убедили свидетельствующих, что Багаутдина Ваисова, как во время совершения преступления, так и в настоящее время, нужно считать страдающим сумасшествием.

За инспектора помощник Мандельштам
Уездный Врач Миловский
Ординатор […][410]

[409] Подписи председателя и членов правления неразборчивы.

Документ № 18. 26.01.1883.
НАРТ. Ф. 41. Оп. 2. Д. 1073. Лл. 2–4.

Заключение[411]
об освидетельствовании состояния умственных способностей крестьянина Казанской губернии Свияжского уезда, деревни Молвиной Багаутдина Хамзина Ваисова, обвиняемого в преступлении, предусмотренном 1540 и 1542 ст. Улож[ения] о наказ[ании].

Обвиняемый находится под стражею при Казанском Городовом Полицейском Управлении

В текущем (2) Январе месяце 1883 г.[412] до сведения Казанской полиции дошло, что проживающий в Ново-Татарской слободе на Большой Симбирской улице в собственном доме крестьянин Свияжского уезда Косяковской волости дер. Молвиной Багаутдин Хамзин Ваисов подвергает истязаниям живущих у него мальчиков. 12-го Января Пристав 5-й части гор. Казани приступил по этому поводу к дознанию, коим обнаружено следующее: проживающие у Ваисова мальчики 1., Халятдин Залялетдинов, 12 лет, из дер. Арастров Свияжского уезда, 2., Мухамет-Карим Халимов, 10 лет, из Симбирского уезда дер. Тепорчат и 3., Абдул-Гали Хакимов, 9 лет, из Симбирского уезда были отданы Ваисову своими родителями в учение. В конце прошлого года Ваисов вместе с проживающим у него крестьянином Ахметзяном Абдуллиным посадил этих мальчиков в запертую, темную, сырую и холодную баню, устроенную в подвале дома, в самой плохой одежде и продержал их там 29-ть дней; в пищу им давалось незначительное количество хлеба и воды; по временам Абдуллин вызывал мальчиков и производил им разного рода истязания, как-то: драл за уши, бил по голове [л. 2об.] и стег розгами. Найденные в этом помещении трое названных детей были отправлены по распоряжению полиции и Судебного Следователя в земскую больницу в виду крайне болезненного их состояния.

[410] Подпись оридантора больницы неразборчива.
[411] Заключение написано от руки. Документ дан полностью, в оригинальной орфографии.
[412] Зачеркнуто "в текущем" и сверху вписано "(2)" и "(1883)".

На предварительном следствии Ваисов сначала отвечать на вопросы отказался, а продиктовал из составленного им на татарском языке заранее объяснения следующее: "Я, минхан[413], т.е. Божьего полка определенный служащий, дистаночный начальник, верноподданный Монарху, старовермусульманин, потомственный духовный дердемент-дервиш, сотрудник всему миру, светлый ум Багаутдин Болгари Моштагит-Тюрки, т.е. вероисповедник, Дуговуй Хамзин Ваисов. Я Ваисов имею веру ислам мухамеданский, имею религию ханафей Ахзамский[414], имею секту Аглесюннат-Уальджелюгат-Сюннитский, имею по обряду Китабы". Затем Ваисов представил Следователю два исписанных полулиста бумаги с приложенными на каждом из них синею краскою печатями и согласился отвечать на вопросы, объяснив, что виновным себя не признает. Залялетдинов, Халимов и Хакимов его ученики, они злые люди. В причинении мучений этим людям не виновен, содержались они в теплой бане, там была железная печка, кормили их как следует, дверь в бане была всегда на замке, и ключ от этого замка хранился у Абдуллина. Заперты они были для того, чтобы их не украли татары, так как татары не сочувствуют тому вероучению, которому он обучал их. В течение какого времени лица эти были лишены свободы он определить не может, [л. 3] об этом знает Абдуллин, но посажены они были по обоюдному его согласию с Абдуллиным. Эти злые люди Залялетдинов, Халимов и Хакимов кормили его 13-ть месяцев мышьяком, украли у него много книг и бумаг и когда он содержался в Окружной лечебнице, то и туда приносили ему кушанье, посылаемое из дому с учениками, тоже посыпанное мышьяком. Такое кушанье с мышьяком он ел 14 или 16-ть раз. По прочтении означенного протокола Ваисов заявил, что Залялетдинов, Халимов и Хакимов были лишены свободы не по обоюдному согласию с Абдуллиным, а по совету с Абдуллиным.

По справке оказалось, что Ваисов состоит под следствием по делу об открытии училища без разрешения и что при следствии было возбуждено сомнение в нормальном состоянии его умственных способностей.[415] Вследствие этого Судебный Следователь 22-го Января произвел освидетельствование Багаутдина Ваисова чрез городового врача и помощника Директора Окружной лечебницы для умалишенных, при чем оказалось: на вид Ваисову не более 60-ти лет, хотя по его словам ему 73-й год, среднего роста, телосложения удовлетворительного, ходит прихрамывая, жалуясь на боль в правом колене. По-русски говорит плохо, но спокойно и вразумительно. Но многие вопросы не отвечает, а говорит, что придет бумага от Царя, которая все разъяснит. В подтверждение своих слов часто вынимает из кармана книгу и читает им же сочиненные цитаты на татарском языке. Считает себя происходящим от Магомета и утверждает, что сделан Богом [л. 3об.] дервишем, следовательно, стоит выше всех духовных, которые поставлены людьми. Подвергался преследованиям, особенно мулл, вследствие своего высокого положения. Все власти: полиция и Суд подкуплены, чтобы извести его, но безуспешно, ибо он поставлен Богом. Всюду царит несправедливость и все стараются только набить карманы, о чем он писал чрез министра Государю. Просьба его, выраженная в телеграмме на Высочайшее имя, о том, чтобы при коронации читалась его молитва не уважена вследствие происков врагов. Враги его не только скупали и сжигали его сочинения, но старались нанести ущерб его материальному положению вообще. Он потерял на деле служения до 200000 рублей. В него кидали камнями, набрасывали на него петлю. Учеников его Залялетдинова, Халимова и Хакимова подкупали за 50000 рублей, чтобы они отравили его мышьяком. С августа месяца прошлого года, когда он был в лечебнице "Всех скорбящих", его уже отравляли: приносили пищу, посыпанную белыми крупинками, которые оказались мышьяком, а он думал, что это сахар, но действия он на него не произвел, ибо он избранник Бога.

Принимая во внимание все вышесказанное, врачи пришли к заключению, что Ваисов одержим сумасшествием (dementia).

На основании вышеизложенного предполагается[416] крестьянина Багаутдина Хамзина Ваисова обвиняемого в преступлении, предусмотренном 1049, 1540 [л. 4] и 1542 ст. Улож[ения], подвергнуть освидетельствованию[417] в состоянии умственных способностей в порядке, указанном 35 ст. Уст. Угол. Суд.

Заключение это составлено 26 Января 1883 года в г. Казани и подлежит рассмотрению Казанского Окружного Суда.

Прокурор Суда Котляревский.

Документ № 19. 13.02.1883.
РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 842. Л. 84б–85.

Ваше Сиятельство[418],

Пользуюсь первым моментом, по возвращении моем из-за границы, чтобы ответить на письмо Вашего Сиятельства от сего 24-го Января

[413] Не совсем понятный, вероятно искаженный, термин. См. комментарии к документу № 21.

[414] Имам Агзам – прозвище основателя ханафитского мазхаба Абу Ханифы Нугман б. Сабита (699–767). Имеется в виду, что ваисовцы являются ханафитами, т.е. последователями ханафитского мазхаба, возникшего в VIII веке и являющегося господствующим мазхабом в Поволжье.

[415] Это предложение перечеркнуто.

[416] Слово "предполагается" зачеркнуто и вписано сверху: "прокурор предложил".

[417] Слово "подвергнуть освидетельствованию" зачеркнуто и вписано сверху: "освидетельствовать".

[418] Сверху на документе печать Департамента: "ДДДИнИсп 16 Фев[раля] [18]83". Внизу приписано – "16 Февр. с.г. Г. Казанскому Губ-ру".

за № 415, в котором Вы ставите мне вопрос о том: "существует ли в магометанстве религиозная секта "сотрудники всего мира" и, если существует, то в чем заключается ее учение и религиозные мировоззрение ее последователей".

Так как Ваше Сиятельство дает одно только наименование секты без приблизительного указания на ее сущность, то в виду несуществования секты с таким наименованием, остается допустить, что Вы имели в виду секту, название которой наиболее приближается к Вами приведенному. Автор сочинения о магометанских сектах Шейх Ахмед-ель-Сагими не упоминает о такой секте и ни к одному из учений приводимых им сект не приложимо название сотрудников всего мира; тем не менее я имею основание думать, что вопрос Вашего Сиятельства относится к известному учению, как устному, так и письменному, Шейха Баги ель Дина ель Накешбенди, приверженца софитской накешбендийской секты, возникшей в 8-ом веке по магом[етанскому] летосчисл[ению].

[л. 84б-об.] По поводу предъявленных мне 24 Апреля 1881 г. Д[епартамен]том Дух[овных] Дел трех книг помянутого Шейха, я имел случай следующим образом охарактеризовать его учение:

"Шейх Баги-ель-Дин из Бухары живший в 8-ом веке геджры был основателем ордена "религиозного созерцания" подобного ордену софитов, принципом которого было отвлечение от внешнего мира и своеобразное идеальное стремление созерцать Творца так сказать воочию во всех внешних проявлениях прекрасного. Они выражают свою любовь и поклонение Творцу в эротической форме и стремятся идеализировать и освящать самые грубые чувственные страсти человеческой природы, видя в каждом внешнем проявлении прекрасного, обоятельно на них действующего признак благости Божией, которая, по их убеждению, является единственным двигателем их действий и ощущений. Эта секта, несмотря на свое увлечение и склонность к развитию легких нравов, не осуждается исламом. Их отказ от стяжания, их фарисейская строгость и мнимая привязанность к чистоте вероучения делают их предметом поклонения и высокого уважения толпы"[419].

Я слыхал, что Баги ель-Дин[420], красноречивый семидесятилетний старец, живет по строгим правилам ислама и ведет оживленную борьбу против имамов и духовенства (магометанского) Империи, [л. 85] обвиняя их в недостатке религиозного усердия, в лицемерии, лихоимстве и невежестве; он их в особенности упрекает за то, что они, увлекаясь буквой закона, пренебрегают его духом.

[419] См. документ № 9.

[420] Сверху приписано другой рукой – Ваисов.

В своей книге он, между прочим, дает образец молитвы за Государя Императора, что ясно указывает на отсутствие в нем узкой религиозной нетерпимости к лицам, не исповедующим ислама.

Не будучи сам человеком ученым, он, тем не менее, работает в пользу умственного развития своих единоверцев и предложил учредить для них классическую гимназию, в которой он был бы начальником, при этом он выразил готовность пожертвовать на нее все свое имущество.

Для ближайшего ознакомления со всеми его учениями необходимо иметь в руках все вышедшие из под его пера сочинения за последние двадцать лет, которые находятся, как я слышал, в С.-Петербургском Цензурном Комитете.

И. Нофаль

13 Февраля 1883 г.

С.-Петербург.

Документ № 20. 13.04.1883.
НАРТ. Ф. 41. Оп. 2. Д. 1073. Лл. 33–43об.

В Казанский Окружной Суд отзыв[421]

[л. 33] По мудрости Божьей, на основании Божьего издания духовных, военных и гражданских законов, я мёменихан[422], поверенный ислама, то есть Божьего полка определенный дистаночный начальник[423], служащий Богу и Царю и чрез святую науку гирфанию[424], для образования народа, толкователь Божий, то есть, что самое нужное, необходимое признание Бога и Царя; разьяснитель природный, благожизненный старовер мусульманин, верноподданный Монарху, сословия тюрки, сын муллы светлого ума, потомственный духовный дердеманд дервиш, сотрудник

[421] Документ написан от руки русскоязычным и вполне грамотным переписчиком, имеет вставки на арабском и татарском языках, написанных, вероятнее всего, Ахметзяном Абдуллиным. Сверху над заголовком надписано: "Резолюция: за признанием Ваисова умалишенным и нахождением дела в судебной палате, прошение оставить без последствий. За секретаря ..." И чуть ниже: "Спр[авка]. В распор[яжении] заседания 28 минувшего Мая Ваисов был освидетельствован в состоянии умственных способностей и признан сумасшедшим; судебное же преследование с него, на основании 356 ст. У.У.С. прекращено. Вследствие протеста Прокурора дело препровождено 21 июня в Судебную Палату".

[422] Не совсем понятный, вероятно искаженный, термин.

[423] Сам Б. Ваисов практически нигде не разъясняет значения данного выражения. Некоторые пояснения мы встречаем лишь в текстах, принадлежавших перу его ученика Ш. Сайфутдинова: после последних пророков Иисуса и Мухаммеда, Б. Ваисов – "дистаночный начальник" – т.е. избранный Богом святой человек, осуществлял посредничество между пророками и мусульманами. Он был божьим наместником для руководства простыми верующими в определенный исторический момент (на дистанции). См. НАРТ. Ф. 51. Оп. 4. Д. 13475 (документ № 75).

[424] Гирфан (араб.) – знание, истинное познание; правильно понимающий.

всему миру, Мюстахит тюрки[425], то есть вероисповеданник, Багаутдин Альбулгари Догагой Хамзин Ваисов, даю сей отзыв по следующим пунктам, согласно поданного прошения в С.-Петербургскую Комиссию[426], чрез Казанскую Почтовую Контору настоящего 1883 года, под № 36.

1, Я, мёменихан, поверенный ислама Ваисов имею веру ислама магометанской; 2, я мёменихан, поверенный ислама, имею религию Ханафи Акзамской; 3, я мёменихан, [л. 33об.] поверенный ислама Ваисов, имею секту Аглюсюнат Бальзамжат сюннинской; 4, я мёменихан, поверенный ислама Ваисов, имею обряд Китаб Сюнат, как есть магометанский, то есть фиркаи назия не Монтадига, не Шига и не самозванец[427], но настоящий благожизненный старовер мусульманин, так как согласно точки, точно святой Шаригат, чрез Божие издание святого Алкорана; [нрзб.] Бога, то есть не мертвый; 5, я мёменихан, поверенный ислама Ваисов, имею от роду 73 года, родился в Казанской губернии, Свияжского уезда дер. Сатламышевой, 12 Сентября 1810 года, 6, я, мёменихан, поверенный ислама Ваисов остался от отца молодым сиротою с матерью. Хазрят отец мулла Хамза умер в той же деревне Сатламышево в 1812 году; хазрята мать Биби Ямиля Мухамедьяровна была великая ученая, то есть образованная, дочь губернского ахуна, или благочинного; она меня Ваисова, учила сама до 9 лет, потом отдала учителю святой науки гирфании в Саратовскую губернию, Хвалынского уезда, дер. Большой Колоткинской[428] дердеманду дервишу Хазряти Ишану Ягафару Сани Альбулгари Кипчатскому; сама Хазряти мать Биби Ямиля Мухамедьяровна умерла здесь в Казани в 1850 году; 7, я мёменихан, [л. 34] поверенный ислама Ваисов получил эту святую науку гирфанию по воспитании у него хязрята Ишана Ягафера Сани Альбулгари; потом остался на его месте дервишем, то есть он свои служебные обязанности передал мне Ваисову и все свои полные права на отечество, потом дал мне документ или аттестат, этот документ мой в настоящее время находится в Казанском Губернском Правлении, куда был представлен 22 Сентября 1882 года[429]. Он сам хазряти Ишан Ягафер Сани Альбулгари получил воспитание святой науки гирфании в Мекке и Медине, где наш Божий храм Магометанский, тот

[425] Муджтахид (араб. – прилежный, усердный, старательный) – ученый-богослов, имеющий право выносить самостоятельные решения по важным вопросам фикха. По традиции, муджтахидами считаются все сподвижники Мухаммада и их ближайшие "последователи", через которых последующие поколения получали правовые знания, а также факихи первых веков ислама, сыгравшие важную роль в формировании наук шариата. Подробнее см.: Ислам. Энциклопедический словарь. – М., 1991. – С.168–169.

[426] Не совсем понятно, о каком ведомстве идет речь.

[427] Имеется в виду, что ваисовцы являются последователями одного из двух основных направлений в исламе – суннизма.

[428] Село Большая Кулатка Саратовской губернии, ныне р.п. Старая Кулатка Ульяновской области РФ. Речь идет о Джагфаре Салихове. См. § 1 первой главы.

[429] Вероятно, речь идет об иджазе, которую Дж. Салихов будто бы передал Б. Ваисову. В архиве подобного документа обнаружить не удалось.

самый великий дердеманд дервиш Абдулхалик Булгари и остался после на его месте дервишем, Богоугодником; воспитатель мой хазряти Ишан Ягафер Сани Альбулгари умер в той же деревне Большой Колоткинской, 16 Декабря 1862 года; 8, я мёменихан, поверенный ислама Ваисов после извещения хазряти Ишана Ягафера Сани Альбулгари по принятии Богослужебной обязанности доносил в 1863 году Его Императорскому Величеству Александру II Монарху, потом производил дознание, после дознания эту обязанность, то есть чрез Божие издание духовных, военных и гражданских законов, определенных в порядке родословной дервиша [л. 34 об.] по утверждению Правительством Божьего полка дистаночный начальник дердеманд дервиш Ваисов напечатал 30 тысяч экземпляров книг для образования Российского народа в 1874 году[430]; 9, я мёменихан, поверенный ислама, имею для образования Российского народа положение Божье, свое собственное издание, 10 тысяч экземпляров книг и каждый экземпляр, составленный чрез мудрость Божию, заключает на имя Его Императорского Величества святую молитву для будущего Его и всегдашняго всякого благополучия и благоденствия, Его Августейшему Дому и всей Царской фамилии, и благополучия всей Его Державы, далее всему потомству; это положение обстоятельства и в интересах Его Императорского Величества, моление Божией святой молитвы, нынче между народом неуважаемо, не принято даже никем и не взято во внимание в необходимую ее надобность, так как этот свет определения Божия, без святой молитвы, нет ничего, обязательно должны все приносить Царю Небесному Богу за своего Царя свое святое моление; вместо же святой молитвы, для формы читают, как чрез философию, составленную ерунду, против сердца Божьего. Вот пришло какое нынче время между народом для Бога и Царя, и вера нипочем; чрез это образовались [л. 35] два издания: 1-е издание сатана – наука философия и 2-е – человеческое изобретение – есть 2-е издание нового закона; на этих двух основаниях все действуют по своей воле, что есть справедливо и что есть несправедливо и не веруют в признание Бога и Царя и не хотят знать ничего, только исполняют что желают сами, даже не требуют ничего, только нуждаются в требованиях этих двух изданий, как припасти капитал, потом чрез этот капитал приобретает чужой капитал, потом грабит, душит, не понимая справедливо ли или нет признавать Бога и Царя и как нападает на Помазанников, – больше этого им ничего не нужно; все это происходит от этих двух изданий, – чего сохрани Бог. Если уж это не так, то по требованию, что справедливо признание Бога и Царя истинны и несправедливо – чрез мытарства и хитрость, зачем же Казанский Окружной Суд приказал Судебному Приставу продать с аукционного торга, составленную, в количестве

[430] Вероятно, речь идет о сочинении: аль-Булгари Б. Тарик-и хваджаган. – Казань, 1874. Однако, указанный тираж явно преувеличен.

30 тысяч экземпляров книг, святую молитву на имя Его Императорского Величества Александра II Монарха, что сделал злое пред Его Особой, по желанию проклятого демона, сатаны и не действовал бы так незаконно и не основательно почитая Бога и Царя, и меня, составителя святой молитвы, Божьего [л. 35об.] полка; определенного дистаночного начальника, дердеманда дервиша Ваисова; тогда бы не признал сумасшедшим, тогда как я действительный светлый ум; в чем подтвердит факт, изложенный в газете "Новое Время" и состав моей молитвы. № этой газеты 1769, от 30 Января и 11 Февраля 1881 года, напечатана в С.-Петербурге. Если бы правильны эти два издания, что есть наука философия, и 2-е издание закона, зачем эта измена при преклонных летах, вот как светлое солнце доказательство этого положения, секретная измена и за что чрез это положение я дердеманд дервиш Ваисов страдаю в настоящее время в Казанской Окружной Лечебнице, где я, как отрубленная голова и как страдали древлепророки Иосиф Прекрасный и пророк Аюп[431], точно так страдаю я Ваисов. Кроме этого я имею еще 12 цензур[432], тоже интереса Его Императорского Величества и для Божьего образования народа и чрез это арестование где я могу их отпечатать; вот это то положение и заключает в себе и учиняет разорение народу и стеснение Помазаннику – сохрани Бог. Аминь. 10, Я, мёменихан, поверенный ислама, дердеманд дервиш Ваисов стараюсь силою святой науки гирфании образовать по Божьему народ, [л. 36] чрез Божие издание духовных, военных и гражданских законов и как можно между народом прекратить негодяя, соблазнителя, прелюбодея, бунтовщика и пьяницу и научаю поступать как справедливо признание Бога и Царя. Указываю так, уклоняют и подчиняют друга народа особенно татары, которые начинают чрез это увещевание и указание, не принимают во внимание резон, поступают против речи Божьего положения, говоря так, что нынче закон новый, верования, наши муфтий, казей, ахун, муфтасиба, муллы[433], все эти положения новой веры, а ты один, откуда взялся этот старовер и зачем идет против их муллы, за это меня хотят лишить жизни, даже и теперь лезут ко мне прямо к горлу, не дают мне никакого и нигде покоя, от этого дом, где я живу, всегда заперт, никуда не выезжаю и никого к себе не принимаю, только хожу туда, когда придут из общества пригласить меня для чтения Богу святой

[431] Аюп (Аййуб/Иов) – коранический персонаж, один из праведных "слуг Аллаха", известный своей стойкостью в перенесении невзгод и увещевавший жителей Хаурана (в Сирии). Соответствует библейскому Иову.

[432] По-видимому, имеются в виду сочинения Б. Ваисова, поданные в Санкт-Петербургский цензурный комитет, часть из них была запрещена цензурой к изданию.

[433] Муфтий, казый (кади), ахун, мухтасиб, мулла – представители мусульманского духовенства, различавшиеся разным уровнем книжных знаний и родом деятельности (богослужение, судопроизводство, образование). Подробнее см.: Фархшатов М. Мусульманское духовенство // Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь. – М., 2006. – С. 286–292.

молитвы за Царя, кроме этого никуда и даже не езжу к родным своим; вот как я стеснен и вот так вольно нынче зло, чрез должностных лиц, сохрани Бог. В доказательство уклонения отечества и неподчинения как справедливо и как несправедливо признание Бога и Царя, в приглашениях [л. 36об.] меня к себе в дом для чтения молитвы, сколько раз было измены, подавали прошения Мировому Судье, арестовывали меня чрез земский арестный дом, мало этого, завели против меня дела и в настоящее время производит следствие Симбирский Судебный Следователь, чрез 2 участка Казанского Окружного Суда Судебного Следователя. Вот справедливость этого 2-го издания закона; как за одно дело судят меня дердеманда дервиша Ваисова десять раз, кроме дервиша 20 дел в совокупности наказания, один раз когда так власть злая, на что именно администрация; 11, я мёменихан, поверенный ислама, Божьего полка определенный дистаночный начальник, дердеманд дервиш Ваисов, издание философии избегаю и чрез его человеческое изобретение 2 издания закона, чрез силу его состава, перевода Алкорана тоже избегаю, потому что это есть философия, что в ней есть только сила убеждения проклятого демона сатаны, но у него справедливого ничего нет, сила его заключается только в том, как бы заглушить власть Божию, как убивать помазанника и как заморить народ голодом и между народом, чтобы не было кроме обмана, соблазна прелюбодеяния, вот тайное секретное положение, тот кто именно признает [л. 37] Бога и Царя, уклоняется святого духовного отечества и не стоит этой науки философии, занимается и проводит свое дорогое время, особенно кто признает смерть, то есть умер, чрез это положение, что буду отвечать пред Богом, вот кому стоит это выдуманное о всем, или не понимает этот свет, вольному воля, потому что Бог дал волю для того проклятого демона сатаны Бог указал дорогу, хоть иди в свой правый суд, иди в свой левый, только важное вот что, пред Богом действительно есть ответ, что именно этот свет получил, должно донести, отличать хорошее и худое, хорошее рай, а дурное – тартара; я толкователь разъясняю, что именно точка Божьего издания духовных, военных и гражданских законов, что есть справедливо и что не справедливо мне нельзя молчать, потому что я лицо духовное, присяжный Божий, если бы не был присяжным, я бы молчал, нельзя не молчать потому, что нет терпения от злого и даже все нижнее начальство держит в руках злое, только как то маломальски боятся воинских начальников и воинских команд, а то чего не делали злого, сохрани Бог. Чрез это 2 издание вот как велико зло, даже весь свет, какие есть происшествия, бунтовщики и такого рода тайный секрет. Чрез эти два издания, если бы эта наука философия имеет полную власть и такой полный [л. 37об.] ход и коль скоро не уклоняется святой науки гирфании и не подчиняется Божьему изданию духовных, военных и гражданских законов и чрез его человеческое изобретение 2 издания

закона, коль скоро не применяет чрез эти два основания даже между народом не останется кроме положения пьянства, прелюбодеяния, варварства, своевольства и грабежа, сохрани Бог. Аминь. 12, Я мёменихан, поверенный ислама Ваисов, чрез эту положительную причину на вопросы Окружного Суда не могу отвечать, а потому именно: 1, я Ваисов не умею по-русски говорить, как согласно мнения Суда, 2, уши у меня не стали слышать на годах и 3, при Суде я есть отрубленная голова – мертвый, потому что я избегаю 2 издание закона, тут нет ни Бога, ни Царя, кроме злого удовольствия, вот за что и даже кто признает отечество и сознает что справедливо признавать Бога и Царя, должен отвечать, потому что Божие издание духовных, военных и гражданских законов 149, 155 и 159 статей сказано прямо, где нет справедливости признания Бога и Царя и удовольствия народу всего мира отвечать, как это есть положение 2 издания законов, кроме удовольствия злого, а не доброго, и вера ни в Бога и Царя, любящего народ ничего быть не может. Я, Божьего полка определенный начальник, все испытал до конца, придет время, скажу чем [л. 38] именно испытывал, сохрани Бог. Это 2 издание человеческого изобретения, рассудка законов, все равно есть как мертвый, как отрубленная голова или мертвое тело, разъяснение это не действительное: где наш Великий Государь Император Монарх Александр II, кто в него стрелял, как ни эта наука философия и ни человеческое изобретение 2 издание закона. Хотя вот и это самое происшествие, как ясное солнце доказывает, кто именно меня арестовал за поведение Бога и Царя и есть теперь, как отрубленная голова, хотя вот я начальник, поверенный ислама, всегда при своем положении, благодаря Бога, за то с чем Он меня дердеманда дервиша Ваисова наградил, своею мудростью, то есть дарованием, бояться злого нечего. 13, Я, мёменихан, поверенный ислама Ваисов, состоя на своей обязанности, по убеждению и должен так стоять до капли крови, то есть что мною принято от своего начальника положение и обязанности, интереса Его Императорского Величества и всему миру, слава Богу, так стою, как заряженное ружье, по своей обязанности, по положению дервиша, на основании Божьего издания духовных, военных и гражданских законов. Но не дают мне Ваисову свободно исполнять свою обязанность чрез самое издание философии, поступают со мною зло, не спрашивая кто меня постановил исполнять эту обязанность и [л. 38 об.] кто утвердил дервишем, я же скажу, не проклятый демон сатана, не дающий мне свободно дышать, а постановил меня Бог, Своею мудростью, чрез святую науку гирфанию, это есть дело желания Божьего, кого желает Он, того и утверждает, не спрашивая совета народа, как делает светское начальство для своего интереса и кармана, по приговору народа. На основании своего издания, то есть Божьего издания духовных, военных и гражданских законов, прямо сказано [...], то вот именно чрез это основание Божьей

власти, кто молят поступать и участвовать в Божьих делах, кроме проклятого демона, сатаны, сохрани Бог. Аминь. 14, Я, мёменихан, поверенный ислама Ваисов, имею чрез мудрость Божию полное право отечества и это святое духовное отечество, на основании Божьего издания, в виду своей обязанности, стараюсь привести в исполнение чрез положение духовных, военных и гражданских законов, зная что именно есть признание Бога и Царя, по этому самому основному положению не подчиняюсь никому кроме Бога и Царя, дело Божие, сохрани Бог. Чрез это обстоятельство подчиняются по несправедливости, наказывают только сами себя, как наказал себя, чрез свои обязанности проклятый демон сатана. Я, Ваисов [л. 39] так наказывать себя не желаю, пусть зло накажет и убьет, когда не пришла смерть, в этом свете не жить век, только бы самому не упасть за справедливость, вот мое желание Ваисова. Но что есть именно это положение издания философии, быть надежным, полезным всему миру и удовольствие Бога и Царя, когда Он оградил науку, то это положение секретно, чрез святую науку гирфанию, на основании Божьего издания, как зеркало ясно и известно, наружно закрывается чрез хитрость, мытарство, сила этой науки и положение секрета, только может открыться чрез силу гирфании, от которой отбегает наука философия, наука гирфания имеет более силы против философии; я только убежден в проклятого демона сатану, что он сатана украл ее с неба от ангела, потом передал самым великим учителям, а эти учителя рассыпали по всему свету эту науку философию, но какая это наука, чрез нее народы злодействуют, точно не пивший пьяный, а когда пьет, ступай дальше, больше ничего; если это разъяснение не примется во внимание, то не только пропадать мне, мёменихан, Божьего полка определенному дистаночному начальнику, поверенному ислама, дердеманд дервишу, сотруднику всему миру, со своими подчиненными, староверским [л. 39 об.] обществом мусульман, но даже не останется ни одного помазанника; останется только между народом пьянство, варварство, бедность, бунт, война, что даже сейчас нет между народом никакого правильного порядка, нет справедливости, ходит как сумасшедший, чрез эту науку он пьян не пивший. Сохрани Бог как не будет помазанников, тогда все будут как чисто голодный зверь лев и все только чрез сатану; по крайней мере сейчас при помазаннике маломальски народ имеет совесть, когда же ее не будет без Царя, что тогда будет, сохрани Бог, Аминь. 15, Я, мёменихан, поверенный ислама Ваисов эту науку и это человеческое изобретение 2 издание закона испытал вполне за интерес Его Императорского Величества и пользу всему миру: в течение 22 лет я произвел более 10 тысяч номеров дел[434], но питая на меня зло полиция и нижнее начальство подкупали моих учеников, все

[434] Не совсем понятно, о чем идет речь. Вероятно, Б.Ваисов имел в виду общее количество прошений, святых заявлений и пр., поданных им в различные инстанции.

эти дела и вообще весь архив у меня украли и самого беззаконно и не основательно арестовали, о чем я и сейчас страдаю, как страдали древле Иосиф Прекрасный и пророк Аюп; но не только чрез сильное принуждение заставили меня страдать, даже отняли у меня власть обряда молитвы, все это от положения науки и закона, [л. 40] на что это похоже и что заключает и что учиняется за почтение Бога и Царя, сохрани Бог. Аминь. 16, Я, мёменихан, поверенный ислама Ваисов, не только что здесь страдаю в Казани, но даже куда не иду точно также, чрез подмен полиции за злое сердце поступается так, сохрани Бог, вот моей стороны, как ясно солнце доказательство: кто именно приносил жалобу в Казанский Окружной Суд с нашей стороны, то есть свои же верноподданные Монарху из староверского общества мусульман? Нет никого. Я мёменихан, поверенный ислама, Божьего полка определенный дистаночный начальник, верноподданный Монарху, дердеманд дервиш, сотрудник всему миру, вероисповеданник, светлый ум, Багаутдин Альбулгари Догагой Ваисов имею полное право распоряжаться своим обществом староверами мусульманами всегда, не только что в своем доме, именно на том основании закона, утвержденного правительством, согласно Божьего издания духовных, военных и гражданских законов, потому собственно, что я Ваисов своей станции полный хозяин и начальник. И полиция не имеет никакого права даже коснуться этой власти, не только что поступать так без порядка, как Шемякинское положение Суда, кто именно из нас приносил жалобу полиции и кто именно заставил полицию так беззаконно и не основательно [л. 40 об.] возводить тревогу и по какому поводу полиция на свою выдумку составила неправильный акт, и кто именно заставил полицию чрез жалобу на меня, указать на здорового и назвать его больным и передать на мучение в больницу, потом передать неправильно в газету, что Ваисов будто бы заморил и задушил своих учеников, все это несправедливо и ложно, и наконец называет нас мусульман крестьянами; разве полиция окрестьянила наше общество старовер-мусульман и меня дистаночного начальника Ваисова, сохрани Бог, когда сам Государь Император не стесняет и не понуждает ничем, почему же и какое право имеет полиция таким сильным образом понуждать нас верноподданных мусульман; вот на что же больше этого доказательства варварства и силы понуждения, сохрани Бог, такие поступки и преступления из-за злобы, против Бога и Царя и Правительства, чрез подкоп незаконный и не основательный, понапрасну учиняют штурм и бунт и сильно разоряют и все это я Ваисов терплю чрез полицию более 25 лет и не терпя полиции; донесу что следует по месту, обо всех обидах известно уже Правительству и Его Императорскому Величеству и в настоящее время я ожидаю ответа, потому что в свое оправдание из-за злого совета, мытарства, полиция возвела на меня это происшествие, хочет чернить меня Ваисова, [л. 41] сохрани Бог,

а чернит меня полиция потому, что я слава и благодарение Богу ничем не виновен пред народом и не грешен, так как никого не ругал и не бил и не обидел ничем, но только я грешен Богу, что не могу исполнять свои обязанности, так как мне не дают ни хода, ни покоя; в таком то положении я нахожусь, что свой начальник получил ту обязанность и если за это нарушение власти прогневается Царь Небесный Бог, что тогда может отвечать полиция и другое начальство и проч. и проч. и проч. Вот в чем заключается расчет этого положения варварства и что оно приносит народу, если не обращается во внимание идеи. Этот секрет виден дальнозорко чрез эту философию и чрез 2-е издание закона, что пришло народу, нынче должностные лица, чрез это 2 положение в виду дела формы, для своего интереса, набивки кармана, то есть не только для взятки, чрез мытарство и хитрость, занимают мало два места, но даже три, четыре, или пять должностей, кто же отбегает положения мытарства, его называют дураком и принужден он сидеть дома без куска хлеба, за то, что он не их партии, потому что он стоит за справедливость и если кто идет против мытарства, того же сию минуту отправляют в Окружную Лечебницу, признают его в общем свете за сумасшедшего и шабаш должностные лица, шабашный закон [л. 41 об.] и шабашная наука философия, чрез свое образование; вот какого я здравого рассудка, вот как я мучаюсь об этом и разоряюсь 2-м положением народа. Как ясное солнце, я Ваисов со своей стороны, против злых поступков и полиции имею фактическое доказательство: как поступают со мною, доказывает газета "Новое Время" № 1769, отпечатанная в С.-Петербурге 30 Января и 11 Февраля 1881 года, эта газета представлена мною при отзыве 14 июня 1882 г. чрез Судебного Следователя 2 участка Казанского Окружного Суда; 17, я мёменихан, поверенный ислама Ваисов арестован незаконно и неосновательно, из-за злых сердец, за почитание Бога и Царя, не дают мне хода власть, закрывают Его Императорскому Величеству Богослужебный дом святой молитвы, уничтожают мактуби гирфан[435], истребляют всех служащих молитвослужителей, потом стреляют в Его Императорское Величество Александра III Монарха, как стреляли в Его Родителя Александра II и все это чрез науку философию и чрез ее состав – 2-го издания закона. Секретное желание проклятого демона сатаны есть сила науки философии, только одно убеждение сатаны, как нападать на помазанников и как уничтожить власть Божию и чрез мытарство и хитрость, как разрушить все, что есть справедливого в признании Бога и Царя, все это то положение [л. 42] тайного секрета, отбегает святую науку гирфанию и уклоняется от святого духовного отечества и не подчиняется Божьему изданию духовных, военных и гражданских законов – это наука философия за то именно подчиняется и не уклоняется и не отбегает издания сатаны, потому

[435] Мактаб – начальная кораническая школа.

что Бог дал ему волю, когда его проклял, тогда чрез эту волю сатана называет себя Богом и дал свое издание, чрез это издание подчиняет себе народ, доставляет ему разные моды, представления, участвует в разных науках, только не может участвовать в одной науке гирфании, кроме этой науки, как он желает, так и распоряжается, сохрани Бог, потому что эта святая наука гирфания Божия мудрость, за то ее сам отбегает и своих подчиняющих отстраняет, потому именно, что если кто из подчиняющих его принимает эту святую науку гирфанию, тогда ему открываются все секреты, тайные положения, за то и не пускает своих подчиненных принять святую науку гирфанию, вот поэтому то замечанию ясно, что ему подчиняются, признают этот свет природным, не признают Бога и Царя, не уклоняются отечеству, за то именно соединяют и прочие чрез эту науку, как бы для него, сохрани Бог. Чего больше этого доказательства, здраво и рассудливо и чрез эту науку [л. 42 об.] поступают на должность, ведут дела, только свой интерес покрывают словами, говоря "По Указу Его Императорского Величества", лишь бы для формы показать всем между народом себя подчиняющим Богу и Царю и не уклоняющимся отечеству, а если посмотреть чрез силу науки гирфании, то окажется [нрзб.] злым, чего сохрани Бог. Такими злыми деяниями везде стеснены помазанники и чрез это злое положение весь народ, сохрани Бог. Вот что только этот секрет не покрывается святою наукою гирфании, за что меня и арестовали. Объяснив все это я прошу Казанский Окружной Суд от ареста меня освободить, избавить от страдания, дать мне ход, власть, по своей силе положения, прошу принять во внимание открытый секрет, который я дердеманд дервиш, сотрудник всему миру, не терпя его, насильно принужден открывать по мудрости Божией, а не как Ваисов; если я Ваисов за почитание Бога и Царя и благополучие Его державы молюсь, виновен, в таком случае суди меня Бог, суди меня Царь, но не другой, по тому Божьему изданию закона[436], а не по человеческому изобретению 2-го издания законов, так как я Ваисов лицо духовное, военный по Божьему полку, определенный дистаночный начальник [л.43] то есть служащих служитель справедливости Божьего Царя. Вот мой секретный отзыв, составленный в пользу мира 13 Апреля 1883 года. [...[437]] По мусульмански написано так: природный благожизненный старовер мусульманин вероисповедный монарху сословия тюрки, сын мулла светлый ум, потомственный духовный дердеманд дервиш сотрудник всему миру мустахид тюрки, то есть вероисповедник, Багаутдин Альбулгари Догагуй Хамзин Ваисов руку прилужел переводел староверо мусульманин Ахметзян Абдуллин[438].

Я дердеманд дервиш Ваисов чрез зло, за почитание Бога и Царя, чего не получал от злодеев, то есть чрез эту науку философию и чрез изобретение человеческое 2-го издания закона, был не менее 15 раз арестован, один раз поджигали, три раза продавали мое здание, для молитвы Его Императорского Величества и на Его Императорское Имя была составлена, чрез мудрость Божию, святая молитва, в 30 тысячах экземплярах продали и сколько тысяч народных духовных книг тоже продали и несколько украли, в течение 22 лет интереса Его Императорского Величества и общее для народа пользы мира были [л. 43 об.] произведены дела, более 10 тысяч номеров, то их ограбили все, что были в архиве и потом в течение года несколько раз хотели меня отравить и чего не хотели эти злодеи сделать надо мною, нет конца, сохрани Бог от этих нападков и наущений проклятого демона сатаны и злодея, его дети – эти 2 издание, но вот именно важно, что это преступление заключает: 1-х разорение народу всего мира, 2, стеснение всем помазанникам. Мне Ваисову нет ничего, потому что я, чрез мудрость Божью присяжный служащий Богу и Царю, за то мне заключает почет от Бога и Царя и всего мира, а 2-е чрез меня почет Государю Императору и Его хранение, вот что заключается. Это дело Божьей мудрости, слава Богу. Я жив – Помазанник жив. Помазанник жив – я жив, больше ничего. Аминь. [...][439]

[436] Т.е. по Корану и шариату.

[437] Арабскими буквами написан русский текст, переведенный А. Абдуллиным и приведенный ниже по тексту.

[438] Данное предложение вписано рукой, вероятнее всего, Ахметзяна Абдуллина.

[439] Далее следует арабографический текст с подписью Б. Ваисова, к которому приложена печать.

Документ № 21. 17.01.1884.
РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 842. Л. 108–110.

Симбирского Губернатора
По Губернскому Правлению
17 Января 1884 года
№ 128 г. Симбирск[440]

Конфиденциально

Господину Министру Внутренних Дел

Крестьянин деревни Молвиной, Свияжского уезда, Казанской губернии Багаутдин Хамзин Вайзов более 10 лет тому назад стал проповедовать между мусульманами какое-то новое учение и называя себя дервишем, близко угодным Богу, распространяет свое учение; при чем искажая тексты Корана, порицает магометанскую религию, запрещает населению ходить для молитвы в мечети, называя последние самыми неприличными словами и вообще вооружает народ противу магометанского духовенства, определяемого к должностям установленными законами властями. Для такой проповеди Вайзов между прочим постоянно приезжает в дер[евню] Беденьгу Симбирского уезда, где он нашел ближайшего помощника к распространению своего учения в лице бывшего указного муллы Абдул Латыф Халитова, удаленного от должности более пяти лет тому назад за неблаговидные поступки, по распоряжению Оренбургского Магометанского [л. 108об.] Духовного Собрания. Во время этих приездов Вайзова, останавливающегося всегда в доме Халитова, были у проповедников постоянные столкновения, как с местным муллою Шаги Ахметовым, так и с чинами Полиции, а равно с тою частью общества, которая с отвращением относится к учению новых проповедников. Оренбургское Магометанское Собрание признало проповедываемое Вайзовым и Халитовым учение безусловно вредным, могущим породить весьма опасные распри и беспорядки между магоматенским населением и хотя как со стороны Собрания, так и со стороны Симбирского Губернского Правления были направлены требования к Казанскому Губернскому Начальству о воспрещении Вайзову отлучки из места жительства, но Казанское Губернское Правление уклонилось от исполнения этого мероприятия. Таким образом, Вайзов и Халитов в проповеди своего вредного учения не встречают никаких препятствий.

Как Вайзов, так и Халитов в течение нескольких лет приносили постоянно жалобы Симбирскому Губернскому Начальству о стеснениях свободы местной Полициею. Эти жалобы сказывались всегда не основательными и написанными единственно с целью поколебать доверие начальства к чинам Полиции, которые, в виду требований Магометанского

[440] Вверху имеется отметка: "ДДДИнИсп 24 Янв[аря] [18]84". Внизу приписано – "15 Февр. с.г. Г. Симбирскому Губ-ру".

Собрания и предписаний Губернского Правления, не могли не обращать внимания на лжеучителей.

По отзыву муллы Шаги Ахметова [л. 109] Вайзов, чтобы придать большее значение своей миссии, распространяет между населением ложные слухи, что он лично был у Государя Императора, пил у Него несколько раз чай и Его Величество будто бы высказал, что Оренбургское Магометанское Собрание по своей негодности скоро будет упразднено, а определять духовных лиц будет он Вайзов.

За последние годы действия Вайзова и Халитова стали отличаться особой дерзостью по отношению к местному начальству. Так в 1881 г., когда уездный Исправник осведомился о приезде Вайзова и хотел убедиться, имеет ли он при себе узаконенный вид на отлучку из Казанской губернии, то требование Исправника о предъявлении вида не только не было исполнено, но Халитов и его последователи даже не пустили Исправника в комнаты, в которых помещался Вайзов и начали с понятыми, бывшими при Исправнике, драку, так что Исправник едва мог прекратить этот беспорядок.

Хотя вследствие представления моего от 24 Марта 1882 г. за № 724 Департамент Духовных Дел Иностранных Исповеданий отзывом от 28 Апреля за № 1496, просил вразумить Вайзова, чтобы он прекратил свои поучения, смущающие народ и воздержался от поездок в дер[евню]. Беденьгу с предупреждением, что в противном случае будут приняты более строгие меры, но это предупреждение оказалось безуспешным, ибо и после того Вайзов приезжал в дер[евню] Беденьгу. Между тем последователь и [л. 109об.] распространитель учения Вайзова, удаленный мулла Халитов, несмотря на все мероприятия начальства, продолжает до сих пор исполняет духовные требы: собирает в своем доме пять раз в день для молитвы народ, дает родившимся у его последователей детям имена, совершает браки, хоронит покойников и т.п. За последнее время Халитов продолжает свою проповедь с большей энергией, так что местный Исправник опасается дабы при отсутствии строгих мер по этому делу не последовало каких-либо серьезных недоразумений, могущих повлечь за собою весьма серьезные последствия. Оренбургское Духовное Магометанское Собрание со своей стороны просит принять противу Халитова строгие меры и отнюдь не дозволять ему исполнять духовные требы, ходатайствуя в противном случае выслать его из места жительства. Невзирая на все предупреждения и вразумления, Халитов и его последователи категорически отказались, в данной ими 28 декабря 1883 г. подписке, подчиниться требованиям Магометанского Собрания. Если не упустить из виду 1., что распри между магометанским населением происходят в течение нескольких лет, 2., что все предупреждения начальства оставались безуспешны и возникала лишь только целая масса дел, производ-

ство коих не привело ни к каким результатам, 3., что Халитова нельзя привлечь к уголовной ответственности, ибо законом [л. 110] не предусмотрены случаи распространения раскола между магометанами и 4., что не сочувствующие Вайзову и Халитову магометане относятся к их учению враждебно, то нельзя не придти к заключению, что предположения местной Полиции о возникновении серьезных беспорядков между магометанским населением определяются вполне основательными, в особенности, в виду того фанатизма, каким вообще отличаются магометане.

Вследствие чего, представляя при сем копии: с отношения Оренбургского Магометанского Собрания за № 2851 и подписки крестьян дер. Беденьги от 28-го Декабря 1883 г., имею честь ходатайствовать: не изволите ли Ваше Сиятельство признать возможным выслать крестьянина дер[евни] Беденьги Абдул Латыфа Халитова на жительство в одну из отдаленных губерний, административным порядком, так как только подобной мерой можно надеяться достичь исполнения законного требования Магометанского Собрания и тем предупредить дальнейшие беспорядки. К сему долгом считаю присовокупить, что противу Вайзова, как частно известно Симбирскому Губернскому Правлению, возбуждено в прошлом году в г. Казани уголовное преследование за жесткое истязание своих малолетних учеников, но решено ли это дело Окружным Судом сведений в Правлении не имеется. […][441]

Документ № 22. 11.03.1885.
НАРТ. Ф. 51. Оп. 2. Д. 37. Лл. 2–11.

Обвинительный акт[442]

О предании суду Казанской Судебной Палаты с участием сословных представителей крестьян Казанского уезда Мульминской волости (запасного унтер офицера) Гильмана Абдул Фаизова, 31 г., Аткинской волости (отставного рядового) Мухамета Юсуп Файзуллина, 29 лет, той же волости Негаметзяна Хузиахметова, 30 лет, Алатской волости Шакирзяна Зябирова, 36 лет, Свияжского уезда, Азелеевской волости Нурутдина Сайфутдинова, 31 г., и Симбирского уезда Сюндюковской волости Абдул Латыфа Халитова, 67 лет, за вооруженное сопротивление властям.

[441] Подписи официальных лиц – губернатора, вице-губернатора, советника и делопроизводителя – неразборчивы.

[442] Обвинительный акт написан от руки и подписан товарищем прокурора. Документ дан с незначительными сокращениями и без исправлений.

Все обвиняемые находятся под стражей в Казанской губернской тюрьме.

3-го Января 1885 года, около 12 часов дня, Судебный пристав Казанско-Царевококшайского съезда Мировых судей Петр Гаврилов Купидонов явился к дому крестьянина Багаутдина Хамзина Ваисова, находящемуся в Новотатарской слободе гор. Казани на Большой Сибирской улице, для производства описи означенного дома Ваисова по претензии [л. 2об.] опеки над имуществом умершего штабс-капитана Максимова, в сопровождении взыскателя Егора Осипова Киевского, околоточного надзирателя Михаила Иванова Щепетильникова, нижних полицейских чинов – Абдул-Насыра Гафурова, Биктагира Нафикова и Серазетдина Тихметова и понятых – казанского мещанина Ивана Осипова Киевского, крестьян – Хамидуллы Фаткуллина, Сатдыка Ишмурзина, Сафиуллы Гайнуллина и легкового извозчика Константина Николаева Мельникова.

Обмерив дворовое место Ваисова по длине улицы, судебный пристав чрез незапертую, но затворенную калитку вошел вместе с прочими во двор, там, посредине двора стоял какой-то татарин, который тотчас же скрылся во флигеле (6об.); тогда Купидонов послал полицейского Гафурова и понятого Ивана Осипова Киевского в этот флигель, что бы позвать Ваисова к описи. Во флигеле Гафуров и Иван Киевский нашли пять человек татар, в числе которых Гафуров знал только одного – Гильмана Фаизова; эти татары сказали, что хозяин Ваисов находится в доме (18, 19, 20). Когда об этом послании было [л. 3] доложено судебному приставу, то пробовали стучать в запертую дверь дома, выходящую в проход между домом и флигелем, но и не отперли и несмотря на зов, из дома никто не вышел (15об.). Тогда судебный Пристав, заметил окружающим, что Ваисову было своевременно послана повестка и что он наверное выйдет (6 и 18об.), приступил к обмеру дома, при чем сам пристав стал за передним углом дома, обращенным к воротам, держа в руках рулетку, с другим концом которой пошел около дома Иван Киевский. Но только что последний дошел до двери дома, как оттуда выскочил Багаутдин Ваисов с палкою в руке и замахнулся ею на Ивана Киевского. Когда полицейский Гафуров схватился за Ваисова, а Иван Киевский вырвал у него палку, тогда Ваисов закричал что-то по-татарски. На крик его выбежало из флигеля пять человек татар, вооруженных вилами, топорами, кистенем и дубинкою и стали наносить всем присутствующим удары. При этом Гильман Фаизов, в руках у которого был кистень, ударил им судебного пристава Купидонова, отчего последний упал и потерял, по его словам, сознание (21, 7); а в это самое время один из татар [л. 3об.] намеревался ударить пристава вилами, но за вилы схватился околоточный надзиратель Щепетильников; когда же

он старался вырвать из рук татарина вилы, то получил удар по левому боку дубиной, отчего упал, а затем татары начали бить его, Щепетильникова, кулаками по голове и сорвали с него шапку, которая и осталась на дворе Ваисова (14). Тот же Гильман Фаизов еще ранее, чем нанести удар приставу, ударил тем же кистенем Ивана Киевского по голове сзади уха, отчего последний также упал и пролежал несколько времени без сознания, и очнувшись, хотя и видел, что у калитки стоят двое татар с вилами, но воспользовавшись, по его словам, моментом, выскочил чрез калитку на улицу (19). Далее, когда пришедший в себя судебный пристав, оставленный нападавшими, околоточный надзиратель и другие лица побежали со двора, то полицейский Гафуров держал Ваисова, а потому остался на дворе, но затем с испугу тоже побежал и у самых ворот его, Гафурова, ударили кистенем и ткнули вилами в спину. Ударил кистенем Гильман Фаизов, а ткнул вилами другой, неизвестный ему, Гафурову, татарин, худощавый, с редкою [л. 4] рыжею бородою (21). Испугавшись этого побоища полицейский Тихметов и понятой Фаткуллин бросились бежать, но оба получили по удару кистенем в спину от того же Гильмана Фаизова, причем Тихметов упал, а Фаткуллин выбежал благополучно (25, 26 об.). Наконец, полицейский Нафиков, посланный ранее еще судебным приставом за понятым, воротился во двор дома Ваисова в самый разгар побоища, так что не мог разобрать, кто кого бил и чем; его в это время тоже кто-то толкнул, отчего он упал. Поднявшись и выйдя на улицу, Нафиков увидал понятого Гайнуллина, который и сказал ему, что у него, Нафикова, рука в крови. Оглянувшись на правую руку, Нафиков увидел, что на ней действительно имеется рана и течет кровь (20).

Потрясенные случившемся судебный пристав, полицейские и понятые, будучи вынуждены прекратить производство описи, выскочили все со двора на улицу, после чего ворота дома Ваисова были заперты, и на требование вскоре прибывшего на место происшествия Пристава 5-й части Розенштейна отпереть [л. 4об.] и сказать, кто именно неизвестные, нанесшие побои, Ваисов ответил, что он ни кого к себе во двор не впустит и ни кто из них (нападавших) добровольно не сдастся, впредь до прибытия военной команды (4).

По осмотру потерпевших, произведенному на другой день – 4 Января, у них обнаружены следующие повреждения. [...[443]]

[л. 6] Эксперты дали следующее заключение: повреждения, обнаруженные у Щепетильникова, Нафикова, Гафурова, Киевского, Тихметова, Фаткуллина, по свойству своему относятся к легким. Рана у Гафурова над крестцом нанесена заостренным предметом; повреждения же у остальных лиц произведены тупым орудием (11–12).

Купидонов, Щепетильников, Гафуров, Нафиков, Тихметов, Иван Киевский и Фаткуллин, допрошенные в качестве потерпевших, подтвердили все вышеизложенное относительно обстоятельств, сопровождавших нанесение им побоев, и, сверху того, добавили еще:

Купидонов – что, в ответ на посланную им 29 декабря 1884 г. повестку Ваисову относительно описи его дома, он получил [л. 6об.] от Ваисова письмо, помеченное 31 Декабря того же года и наполненное бранью и угрозами против него, Купидонова (8, 9, 10).

Щепетильников – что, когда судебный пристав и все присутствовавшие с ним при описи выбежали уже со двора дома Ваисова на улицу, он слышал, что [нрзб.] их татары кричали, что убьют всякого, кто только осмелится войти к ним опять во двор (14).

Гафуров – что произнесенные Ваисовым татарские слова, которые служили сигналом для нападения, в русском переводе значат "бейте их" (20об.).

Нафиков – что, подходя к дому Ваисова во время побоища, он слышал татарский крик: "коли их" (22об.).

Допрошенные в качестве свидетелей – Егор Осипов Киевский, Ситдик Ишмурзин и Константин Николаев Мельников в общих чертах подтвердили все изложенное выше относительно обстоятельств, сопровождавших нанесение побоев [л. 7] потерпевшим, причем, по словам Ишмурзина и Мельникова, выбежавших из флигеля татар было шесть (15, 58, 82); Сафиулла же Гайнуллин и частный пристав Розенштейн показали: первый – что, проходя по Большой Симбирской улице, он увидал стоящего у ворот дома Ваисова какого-то человека, который кричал "караул". Подбежав на этот крик к воротам, Гайнуллин увидал, что кричавший человек был судебный пристав; он стоял согнувшись и держался рукою за спину, а ему Гайнуллину сказал, чтобы он шел во двор к Ваисову, что там бьют; Гайнуллин бросился в калитку, где и споткнулся с полицейским Нафиковым; увидал у него на руке кровь и сказал ему об этом. Проникнув затем во двор, он увидал там всех живших у Ваисова татар, вооруженных кистенем, вилами, топорами, дубинкою и лежавшего на земле полицейского Гафурова.

По просьбе стоявшего за воротами околоточного Щепетильникова, он схватил лежавшего на земле Гафурова за ремень от шашки и потащил его к воротам. Гафуров поднялся, но в это время один из татар ткнул его вилами в спину. Далее Гайнуллин не помнит уже хорошенько, как случилось, что Гафуров [л. 7об.] выскочил на улицу прежде его; его же, Гайнуллина в это время один из татар стал тащить за рукав во двор,

[443] Далее пропущено несколько листов (4об.–6 лл.), на которых идет перечисление и описание полученных телесных повреждений.

подальше от калитки, но он благополучно от него вырвался; вслед ему послышались угрозы убить его (56–57).

Второй[444] – что в тот же день, 3 Января, как только было дано ему знать об оказанном Ваисовым и другими, проживающими у него, лицами сопротивлении судебному приставу Купидонову, он немедленно прибыл к дому Ваисова. Ворота во двор были заперты, но чрез невысокий забор и в отверстие между досками ворот он увидел, что во дворе находится Ваисов с четырьмя из своих последователей. В руках у Ваисова была сабля, не вынутая из ножен; в руках других никакого оружия он не видал. На требование его отпереть ворота ему было отказано (94-95).

Затем приставом 5 части Розенштейном были доставлены судебному следователю, в качестве вещественных доказательств, взятые из дома Ваисова 6 января того же года – кистень, шашка драгунского образца, лом, дубинка, вилы и два топора, – по осмотру коих, вместе с палкою, остававшеюся у Ивана Киевского и бывшего 3 Января, во время побоища, в руках Ваисова [л. 8] оказалось следующее:

1, палка (трость) деревянная, длиною в 1 арш[ин] 9 вершк[ов], толщиною в объеме 2 вершка; нижний конец этой палки без наконечника и расщеплен, а верхний загнут в дугу;

2, кистень, состоящий из деревянной рукояти, длиною в 1 ар[шин] 2 вер[шка], в один конец которой продета веревка, завязанная петлей, служащею, при действии кистенем, для удержания его в руках; к другому концу пробита гвоздями железная петля, длиною 10 вершк[ов], а в петлю эту продет ремень, сложенный вдвое, скрепленный железными кольцами и проходящий чрез ушко висящего на ремне железного шара, величиною в диаметр ½ вершка; на шаре этом находятся шипы, длиною в ½ вершка, из которых некоторые отломаны и, судя по ржавчине, покрывающей изломы, в дальнее время;

3, лом железный, длиною в 1 ар[шин] 9 ½ вершк[а], в объеме же 2 вер[шка]; верхний конец его имеет вид костыля, а нижний – небольшой лопаты;

4, вилы железные, двухзубцовые (третий зубец сломан), укрепленные на деревянный палке, длиною в 1 арш[ин] 14 ½ вершк[а];

5, палка деревянная (дубинка), длиною [л. 8об.] в 1 ар[шин] 9 ¾ вершк[а], толщиною в объеме 2 ½ вершка; один конец этой палки толще другого и имеет в объеме 5 ¾ вершка;

6, два железных топора, укрепленные на деревянных топорищах; лезвие одного топора (большей величины) тупое и с зазубренками, а другое (меньшей величины) – отточенное;

[444] Сверху дописано – частный пристав Розенштейн.

7, шашка в деревянных ножнах; лезвие шашки отточено; конец лезвия не обложен и покрыт в небольшом количестве ржавчиною (96).

Далее – 9 Января того же года было доставлено судебному следователю приставом 1 части Разумовым протокол предъявления взятых из дома Багаутдина Ваисова крестьян: Казанского уезда, Больше Атнинской волости дер. Больших Верекей Мухамета Юсупа Файзуллина, той же дер. Негаметзяна Хузиахметова, того же уезда, Алатской волости деревни Алан Шапшенк Шакирзяна Зябирова, Симбирского уезда, Сюндюковской волости дер. Биденги Иматула Мусемина Абдул-Латыфа Халитова и Свияжского уезда Азелеевской волости дер. Мамадыш Акиловой Нурутдина Сайфутдинова, потерпевшим околоточному надзирателю Михаилу Иванову Щепетильникову и полицейским [л. 9] служителем Гафурову, Нафикову и Тихметову, которые и заявили, что предъявленные им лица есть те самые люди, которые вместе с Багаутдином Ваисовым и Гильманом Фаизовым напали на них и судебного пристава 3 Января 1885 г. и нанесли им побои, а потом все вместе заперлись в доме Ваисова (40).

Привлеченные, на основании изложенных данных, к следствию в качестве обвиняемых – Гильман Фаизов, Мухамет-Юсуп Файзуллин, Негаметзян Хузиахметов, Шакирзян Зябиров, Нурутдин Сайфутдинов и Абдул-Латыф Халитов[445] виновными себя в вооруженном сопротивлении судебному приставу Купидонову, при исполнении им служебных обязанностей, не признали, объяснив:

[л. 9об.] Гильман Абдул Фаизов – что он исполнял только приказание своего духовного отца Ваисова и вследствие этого-то приказания и не допустил судебного пристава к описи дома Ваисова. При этом он никого не бил, кистеня в руках у него не было, а была, кажется, лопата. Повиновался он приказанию своего духовного отца Ваисова потому, что так предписывает "Коран" (35);

Файзуллин – что прогнал он судебного пристава по закону и в силу закона, по повелеванию Бога и Царя и по приказанию духовного отца Ваисова; что это приказание исполнили они все шесть человек; что он, Файзуллин, никого не бил, а только защищал себя; что все они защищались и защищали молитвенный дом их духовного отца Ваисова. Под протоколом подписался по-татарски, но сделанная им подпись в русском переводе обозначает: "Проклятие Божье нечестивому народу (слова эти повторены три раза). Аминь. Мы Божьего полка, страдающий,

[445] Багаутдин Хамзин Ваисов, признанный определением Казанского Окружного Суда от 8 Февраля 1885 года, как в момент совершения преступления, так и ныне, одержим сумасшествием в опасной форме dementia и вредным для окружающих, от уголовного преследования освобожден (99–105). – Прим. в документе.

захваченный последователь пророка Авраама Мухамет-Юсуп Файзуллин" (43);

Хузиахметов – что-либо отвечать отказался. Подпись его под протоколом [л. 10] совершенно тождественная с вышеприведенной (44);

Зябиров – что судебного пристава не пустил потому, что охранял интересы духовного отца их Ваисова и по приказанию, а также и согласно принесенной присяги Государю Императору; закона гражданского он не признает, а повинуется только духовной власти начальства. Подпись его в переводе: "Проклятие Божье (слова эти повторены три раза). Последователь пророка Авраама, т.е. староверского общества мусульман Шакирзян Зябиров" (45);

Нурутдин Сайфутдинов – что не отвергает того, что гнал со двора судебного пристава; действовал так по приказанию своего духовного отца Ваисова, караулить которого он приехал из деревни Мамадыш Акиловой. Когда они прогнали судебного пристава, то при этом никого не били. Подпись его под протоколом в русском переводе значит: "Мы Божьего полка, страдающий, захваченный, потерпевший убыток Нурутдин Сайфутдинов. Проклятие Божье нечестивому народу" (слова эти повторены три раза) (47);

Халитов – что он в то время, как пришел судебный пристав описывать дом [л. 10об.] Ваисова, находился во флигеле, на двор не выходил, и что там происходившего не знает, услыхал же шум во дворе, вышел туда и там никого посторонних не застал. Живущие же в доме Ваисова рассказывали ему, что приходил какой-то чиновник, но зачем приходил – не сказали и сам он этого чиновника не видел. Подпись: "Старовер мусульманского общества, мусульманский имам сын Габдул Латыф мулла Халитов руку приложил. Проклятие Божье" (48).

На основании всего вышеизложенного крестьяне – Фаизов, Файзуллин, Хузиахметов, Зябиров, Сайфутдинов и Халитов предаются суду Казанской Судебной Палаты, с участием сословных представителей, по обвинению в том, что по заранее составленному между собой уговору, оказали сопротивление судебному приставу Купидонову при описи им дома Ваисова, вооруженной кистенем, вилами, топорами и дубинкою, при чем нанесли побои и раны судебному приставу Купидонову, околоточному надзирателю Щепетильникову, нижним полицейским чинам – Гафурову, Нафикову и Тихметову [л. 11] и понятым Ивану Киевскому и Фаткуллину, т.е. в преступлениях, предусмотренных 264 ст. Улож[ения] о наказ[ании].

Обвинительный акт составлен в г. Казани Марта 11 дня 1885 года.

Товарищ прокурора[446]

[446] Подпись неразборчива.

Документ № 23. 28.04.1886.
НАРТ. Ф. 390. Оп. 1. Д. 3185. Лл. 20–20об.

О Боже, о помощь, только Ты и никто другой.[447]

О Боже, тебе мы молимся, помощь от Тебя.

О Боже, о святой, о пророк, помоги, о Боже помощь от Тебя. Аминь… Правильный путь от Бога и истина от тебя, от Тебя же и помощь.

Полагаем на славу Господу Богу

Документ секты, идущей по правильному пути, правоверному, исполнитель заветов Ислама, т.е., исполнитель природного Духовного Божьего издания святого Закона, приемник шерифов, урожденный сект Ходжа Мухаммед сын Фахретдина, сына истинного дервиша Бахаутдина Альбулгари Вейсов. № 160.

Ислам – вера истинная, остальные религии ложны, я свидетельствую, что Бог един, а Мухаммед раб и пророк Бога. И прибегаю к Богу от дьявола, изгнанного из рая. О уверовавшие! Кайтесь Богу, покаянием чистым, я поручаю все свои дела Богу и полагаюсь на Него; нет силы кроме всемогущего Бога. Истинная перед Богом вера – Ислам. Эта милость Божья, которую Он дарует, кому пожелает. Бог милостив. Мы ему уверовали, от Бога наставление на путь истины, Бог лучший из хранителей, Он милосерд. О Боже, сущий всюду, поручил себя Тебе, спасенье, спасенье, Аминь, аминь, аминь.

На этот документ я, известный вышеупомянутый поборник истины, молящийся, истинный дервиш повелевающим указом Божьего полка определенный дистаночный начальник Бахаутдин Альбулгари, которому подчинены все, начальник правоверной секты, знающей Бога, подчиняющейся Его приказам, вдохновитель ислама сын ученого толкователя дервиш Хамза Ваисов руку приложил, для подтверждения двух родов [л. 20 об.] печать мудрости приложил.

В 1304 году Гифиры, Шаабана 8-го дня, в понедельник, гор. Казань, и в 1886 году по Р.Х. Апреля 28 дня, гор. Казань, от Молитвенного здания мектеб Гирфан, канцелярия Духовного отца Вайсова, 3-я часть, Академическая Слободка, дом. Степанова № 24.

Перевод вышеупомянутого татарского текста на русский следующий: (здесь приводится русский текст).

По мусульманскому исчислению 10/8642/100

Перевел с арабско-татарского Ахун А. Баязитов.

[447] Документ представляет собой машинописную копию с перевода документа, сделанного А. Баязитовым. Оригинал, с которого был сделан перевод, представлял собой, вероятнее всего, бланк святого присяжного листа.

Документ № 24. 19.06.1888 – 6/7.04.1909.
НАРТ. Ф. 41. Оп. 13. Д. 3. Л. 93–98об.

Протокол экспертизы[448]

[л. 93] 1909 года Апреля 6 и 7-го дня И.д. Судебного Следователя Казанского Окружного Суда по особо-важным делам, Шулинский, по делу о противозаконном сообществе, именующемся староверским обществом мусульман Ваисовского Божьего Полка, чрез эксперта Профессора Казанского Университета Н.Ф. Катанова, в присутствии нижеподписавшихся понятых, производил осмотр и перевод двух документов на татарском и арабском языках из числа найденных при обыске 24 Февраля сего года в квартире Гинануддина Ваисова, при чем оказалось следующее:

I. На двух листах почтовой бумаги малого формата написано по-арабски и татарски нижеследующее[449]:

"Завещание (да даст ему Превеликий Господь успех!). О Боже, помощь только в Тебе и ни в ком другом. Хвала Богу Всевышнему! Благодарение за милость Истинному! Тысячи тысяч и сотни тысяч хвал в изобилии и бессчетно Богу Господу миров! Благополучный конец богобоязненным! Благословение и привет лучшему из творений Божьих Мухаммеду, роду его и сподвижникам его всем! Аминь.

Богу принадлежит благоволение, милость и руководительство, а равно: защита и благословение вместе с хвалою и славословием и установлениями ислама.

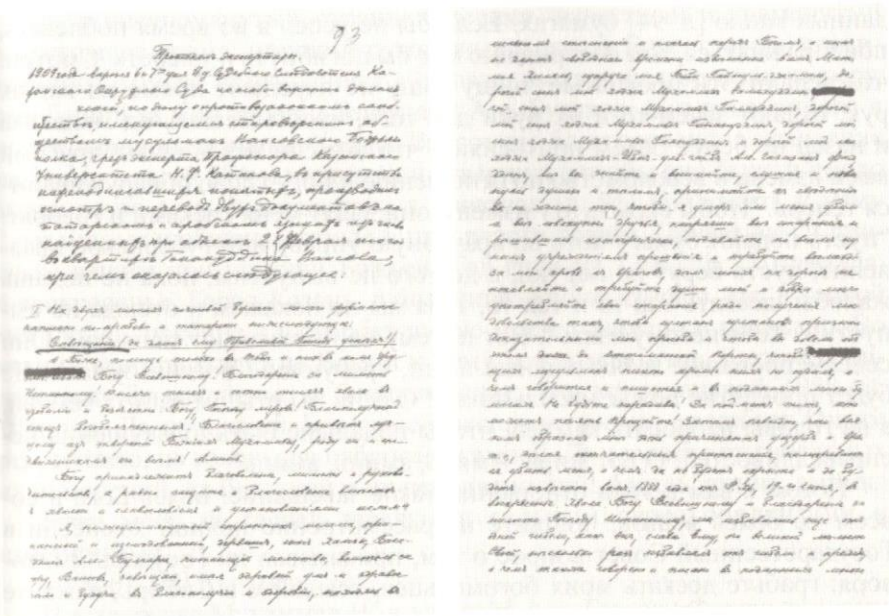
Я, нижеупомянутый странник ислама, признанный и исследованный, дервиш, сын Хамзы, Багауддин Аль-Булгари, читающий молитвы, воитель за веру, Ваисов, завещаю, имея здравый ум и здравое тело и будучи в благополучии и здравии, находясь в [л. 93об.] сильном стеснении и плачась перед Богом, а иначе не дают свободного времени известные вам[450]. Мать моя Хиляль[451], супруга моя Биби Гайнуль-Джамаль, дорогой сын мой ходжа Мухаммед Саляхуддин, дорогой сын мой ходжа

[448] Протокол написан от руки двумя людьми – следователем Шулинским и экспертом Катановым. Документ дан полностью, без исправлений и сокращений. Некоторые слова и фразы подчеркнуты. Оригиналы обоих документов, переведенных Н.Ф. Катановым, в архиве не обнаружены.

[449] С этой фразы и до конца, кроме подписей следователя и понятых, написано собственноручно Н.Ф. Катановым.

[450] Этими словами Багаутдин указывает на те притеснения, которые ему приходилось терпеть в Казанской окружной лечебнице.

[451] Возможно, имелась в виду мать супруги. Собственная его мать Биби-Ямиля Мухамедьяровна умерла в 1850 году в г. Казани. К тому же, упоминаемая в документе Хиляль, никак не годилась ему в матери, ввиду престарелого возраста (более 70 лет) самого Багаутдина.



Илл. № 29. Протокол экспертизы с переводом "Завещания" Багаутдина Ваисова

Мухаммед Галяуддин, дорогой мой сын ходжа Мухаммед Гинануддин, дорогой мой сын ходжа Мухаммед Гаянуддин и дорогой мой сын ходжа Мухаммед-Ибн-уль-Гайб Аль-Газизян Фахреддин, все вы знайте и внимайте, слушая и повинуясь душою и телом, принимайте к сведению; вы не ждите того, чтобы я умер или меня убили и все совокупно друзья, напрягши все старания и решившись категорически, подавайте по всем нужным учреждениям прошения и требуйте возмездия за мою кровь с врагов, дел моих на дороге не оставляйте и требуйте души моей и добра моего, употребляйте свои старания ради получения моего довольства так, чтобы султан султанов признал доказательными мои просьбы и чтобы вы довели об этом до Оттоманской Порты, чтобы верующих мусульман никто кроме них не судил, о чем говорится и пишется и в поданных мною бумагах. Не будьте нерадивы! Да поймет тот, кто может понять. Прощайте! Затем очевидно, что всяким образом мне здесь причиняют ущерб и вред, т.е., делая окончательные притеснения, намереваются убить меня, о чем да не будет скрыто и да будет известно вам. 1888 года от Р.Хр., 19-го июня, в воскресенье. Хвала Богу Всевышнему и благодарение за милость Господу Истинному, мы избавились еще от одной гибели, как Он, слава Ему, по великой милости Своей, несколько раз избавлял от гибели и прежде, о чем также говорено и писано в по-

данных мною [л. 94] бумагах. Если бы не успел я во время поблевать, поиспражняться, то я совершенно мог бы погибнуть и умереть. Смотри, что делают эти проклятые: пищу вашу не передают прямо из ваших рук, отдают зачем-то в их руки для того, чтобы мешать яд мышьяка и назад не берут. Затем притесняют, что нет сил переносить; другими вами измена и вероломство по отношению к Богу Царю обнаруживаются теперь. Чтобы скрыть эту измену, они давят меня тисками и говорят: "пусть подают бумагу хоть во врачебную управу или губернское правление, пусть берут на поруки, а до того не выпустим; пока не подашь жалобы, дескать так-то и так-то, тебя мы не покажем и отсюда не выпустим. Тебя некому взять". Вот почему не показывают меня вам. Они совсем пропащие и бессильные люди, требующие подачи бумаги. Да будет проклятие Божье насильникам! О если бы рты им набить землей, а на головы набросать камней, чтобы подальше быть от вкушения несправедливостей. О Бог мира. Аминь, аминь, аминь!…

Потом к вам в этом отношении такое завещание: Боясь Бога и совсем не боясь врагов, пошлите на рассмотрение полной комиссии в Государственный Совет вопрос о том, приказывал ли Государь им, говоря: грабьте дескать моих богомольцев, ссылайте в Сибирь, сажайте в больницу, чтобы не оставалось до зернышка воровства. Если такого указа Он не издавал, то откуда взяли такой закон, что все люди гражданской части, стоя за одно, делают измену. Да поймет… И прощайте! Снимите копию с этого самого его завещания и не молчите из боязни перед этими несправедливыми изменниками, когда они будут [л. 94об.] пугать, – это враги Бога и враги всех царей, враги людей всего мира. Теперь самые сильные из таких изменников и боязных людей пришли к концу. После того, как они ради уничтожения и истребления в людях всего мира правды разъясняли верующих и мусульман, они задумали прикончить всех царей, что стало известным народу всего мира, ясным и очевидным. После того, как я установил их ложные притязания своими поданными во все учреждения бумагами, вы же станете молчать, боясь упомянутых изменников и боязных людей, – лицо мое, клянусь Богом и посланником Божьим, и заступничество его от вас будут далеко; если же выкажете в этом деле старание настоящее, то в обеих мирах станете великими и дорогими судьями, в чем клянусь всеми священными книгами: Торой, Псалтырью, Евангелию и Кораном милостивым, а также всеми пророками и святыми. О Боже миров!… Вам в правом деле я – помощник и пособник. Привет господину страждующих, господину пророков и святых, гордости мира, благословенному и лучшему из творений Господа Мухаммеду и роду его и сподвижникам его всем. Да благословит Бог их милостью явною! Аминь, аминь, аминь. О дающий молящимся!

Я, вышеупомянутый странник ислама, известный и знаменитый в настоящее время, ищущий руководительство в Боге, главарь спасительного отряда, старающийся о правде, молящийся воитель за веру, скорбящий за мир дервиш Багауддин Аль-Булгари, сын признанного и исследованного дервиша Хамзы, Ваисов это благословенное завещание на 2 листах за № 294-м подписал и утвердил, а чтобы оно было и имело значение во всех учреждениях, я приказал [л. 95] приложить к нему 2 различные и общеизвестные в знак власти печати. Привет вам и присным вашим при помощи Божьей. Год гиджры 1306-ой, 21 шевалля, в воскресенье. Город Казань, в больнице – доме измены, как в тесной могиле; на чужбине и в скорбях рукою моею сочинено и написано. Во истину все принадлежит Богу и к нему все возвратится. Богу же принадлежат благоволение и благословение. Год христианский 1888-ой, 19 июня. Да проклянет Бог людей несправедливых, да набьет Он им рты землею, на головы да набросает камней. Да отвратит от гибельных их намерений, их бедствий и их неприятностей! Аминь, аминь, аминь.

Боже мой, да сделай завещание сильным перед обидчиками и изменниками.

10/8662/100 Кытмыр…[452]

Писал ходжа Мухаммед Ибн-уль-гайб Аль-Газизян Фахруддин, сын скорбителя за мир, дервиша Багауддина Аль-Булгари Ваисова.

1906 г. от Р.Хр. 10-го сентября.

Что подлинно составлено дервишем Ваисовым и совершенно верно, поручаю Богу, как и вас всех. О Боже! Дай пощады! О великий и дорогой Накшиата! О милостивый и всеблагой, окажи помощь с начала до конца, во всякое время, во всяком деле и положении и вечно. Во имя Божественных знамений и намеков и во имя Бога, кроме которого нет другого. Аминь, аминь, аминь. Привет тому, кто следует руководительству Божию.

Руку свою приложил я, скорбящий за мир дервиш Багауддин Хамзин Аль-Булгари Ваисов".

II. В 2 экземплярах, на листе писчей [л. 95 об.] бумаги по-татарски написано следующее:

"№ 51-ый. Установление относительно казначейства военных молитвенников[453].

1. Для капитала ислама принесших присягу дервишей, составляющих общество мусульман спасительного отряда и стоящих твердыми ногами на пути к правде, заводится казначейство с книгами.

[452] Непонятная нумерация, которая встречается в ряде документов ваисовцев.

[453] Документ составлен, вероятнее всего, в марте 1904 г. в Казани и подписан Гайнаном, Галяутдином и Гаяном Ваисовыми.

2. Упомянутое казначейство сохраняется в заведении "мусульманская академия" у господина Багауддина Аль-Булгари, дервиша, скорбителя за мир, шейха шейхов, главы военных молитвенников.

3. Для принятия вспомоществлений членов спасительного отряда с упомянутой выше казначейской тетради (или казначейских книг) снимается копия и посылается во все места, где живут члены спасительного отряда, т.е. по городам и селениям, и во все области, даже в земли семи государей, ко всем мусульманам спасительного отряда.

4. Отчеты для включения в общий отчет мусульманской академии должны быть присылаемы упомянутыми муллами 2-жды в год в главное казначейство.

5. Вышеупомянутая казначейская книга, предназначенная для приема вспомоществлений членов спасительного отряда, подразделяется на 3 части (или: степени): первую, вторую и третью.

6. В первую часть заносятся вспомоществления людей торговых, во вторую – ремесленников и третью – земледельцев.

7. В упомянутое казначейство с дервишей спасительного отряда, т.е. собратьев всех 3 ступеней, поступления по числу душ взимаются ежегодно в месяцы Мухаррем, без израсходования и без препятствия, добровольно, [л. 96] ибо это – путь к Богу, а кто будет лицемерить, того надо бояться, как лицемеров, на которых по слову Божьему падет проклятие Божье; следов лицемерия нужно сторониться. Да поймет…

8. С людей торговых имеет быть взимаемо подушно, т.е. с мужчин и женщин, по 3 рубля; с людей ремесленных – по 2 рубля; а людей земледельческих – по 50 копеек. Когда не будет возможности упомянутую сумму внести в казначейство в месяц Мухаррем, то будет дано отсрочки 3 месяца, до месяца Ребига в последних числах, тянуть же нельзя будет. Кто же опоздает, на того будет наложен двойной платеж.

9. Распоряжение упомянутым казначействам предоставляется изволению господина главаря спасительного отряда, а равно и распоряжение вспомоществованиями. Служение при казначействе, также собираемые в нем суммы, полная запись того, откуда поступили деньги, от какого населения, в каком годе или месяце и на какие статьи израсходованы суммы казначейства, – все это поручается казначею, мулле мусульманской академии.

10. В упомянутое казначейство с согласия дервишей спасительного отряда и господина главаря оного, назначаются 12 почтенных лиц.

11. Упомянутые почтенные лица к казначейству должны относиться с вниманием, старанием и согласием ради пользы общества мусульман, и названные 12 почтенных лиц должны быть из спасительного отряда.

12. Упомянутые 12 почтенных лиц представителей спасительного отряда, сам собою разумеется должны быть в согласии и повиновении как

предписаниям [л. 96 об.] закона, так и изволении господина главаря отряда, и относиться к ним душевно и сердечно, нелицеприятно и беспрепятственно. Конечно, конечно, конечно. Другими словами, во всех делах и делах особенных должны радеть о пользе мусульманской нации.

13. Все состоящие в спасительном отряде верующие дервиши должны повиноваться и приносить присягу главарю отряда и не должны прекословить и приносить ему убытки.

14. В казначейство будут принимаемы вспомоществления всей нации на нужды ислама и, по желанию жертвователей, имена их заносятся в книгу.

15. Дервиши общества мусульман спасительного отряда должны вносить гушр и зякат (т.е. налоги на доходы и в пользу общества) в казначейство до истечения года.

16. Вспомоществования почтенных лиц должны быть заносимы в вышеупомянутую приходную книгу, без сомнения, без всякой фальши, не будут расходуемы даже в ничтожной доле ни на себя, ни на торговые дела, ни на что другое.

17. Если кто-нибудь, не относясь к упомянутым делам с должным вниманием, будет увлечен пристрастием и истратит деньги из казначейства военных молитвенников, то, конечно, он будет считаться изменником и согласно Корану всеславному и Шаригату святому должен будет получить наказание, без всякого снисхождения, в присутствии господина главаря молитвенного отряда и общества мусульман. Конечно, конечно, конечно.

18. Жалобы всех верующих мусульман и дервишей спасительного отряда на всякое затруднительное [л. 97] из своих дел должны быть подаваемы, конечно, в мусульманскую академию, главарю спасительного отряда, который и будет удовлетворять просьбы по порядку, а не в беспорядке.

19. Когда жалобы всех состоящих в вере ислама лиц будут присланы, то они будут принимаемы в присутствии господина главаря спасительного отряда и удовлетворяемы согласно Корану всеславному и Шаригату святому.

20. Все состоящие в спасительном отряде верующие дервиши должны слушаться вышеупомянутых правил, повиноваться им и принимать их душою и сердцем, без лицемерия и препятствия, радея о правах и твердо об этом заботясь, и неукоснительно должны относиться к приказаниям господина главаря спасительного отряда.

21. Если кто-нибудь будет прекословить приказаниям господина главаря спасительного отряда, упомянутым выше, и не станет их признавать, высказывая измену, то без всякого сомнения он попадет в кондуитную книгу и будет считаться одним из лицемеров; он не будет

допускаем на беседы и заседания спасительного отряда и к участию в его решениях; к нему будут применены слова священного предания. Сказал Пророк (да благословит его Бог и да приветствует!): "согласие относится к установлениям Божьим, как руководство, разногласие относится только к лицемерам". Сказал пророк (да благословит его Бог и да приветствует!): "растрата общего относится к изменникам". "Привет тем, кто пользуется руководством". "Отвечает за своих последователей только всеславный, избранный Мухаммед, отмеченный Богом (да благословит его Бог и да приветствует!)". Сказал [л. 97 об.] Бог Всевышний: "кто слеп в настоящем, тот слеп и в будущем и будет блуждать по дороге ко спасению. Для того у нас есть очевидное удовлетворение".

Боже мой, сохрани нас, о всещедрый, от всех бед и болезней в особенности, о всещедрый; от всякого неустройства последнего времени, от зловредных козней Антихриста и Антимухаммеда и от зловредных ученых настоящего времени, и не уводи нас с сего света иначе, как только с верою в Тебя и свидетельством о том. Да благословит Бог лучшее из своих творений, Мухаммеда, род его и всех его сподвижников. Аминь, аминь, аминь. Превелик Бог, превелик Бог. Нет другого Бога, кроме единого. Превелик Бог, превелик Бог. Хвала Богу, ибо Он – выше всего, выше всего и нет другого Бога, кроме единого. Превелик Бог, превелик Бог, Ему – хвала. Превелик Бог, превелик Бог, и нет другого Бога, кроме единого. Превелик Бог, превелик Бог, Ему – хвала. Боже мой, благослови Мухаммеда и род Мухаммеда так, как Ты благословил Авраама и род Авраама, ибо Ты – всехвален и всеславен. Боже мой, даруй счастье Мухаммеду и роду Мухаммеда, как Ты даровал счастье роду Авраама и самому Аврааму, ибо Ты – всехвален и всеславен. Хвала Богу, Господу миров, великая, ибо Он наделяет своим благом и обеспечивает в избытке. Да благословит Бог лучшее из своих творений, Мухаммеда, и род его и всех его сподвижников. Аминь, аминь, аминь.

Дурной человек от руки правосудия 100.000 воплей издаст, ибо кто убежит от правосудия? Видишь ты, что у них нет веры.

Нижеподписавшийся и известный в настоящее время, сотрудник ислама, главарь спасительного отряда [л. 98] военных молитвенников, благородный потомок Мухамеда и сеидов, ходжа Мухаммед Гинануддин, сын скорбителя за веру иже во святых дервиша Багауддина, Аль-Булгари Ваисов руку приложил и печать свою оттиснул. Я, член спасительного отряда военных молитвенников и вспомоществователь вышеупомянутого казначейства, согласно всем установлениям Шаригата благородный потомок Мухаммеда и сеидов, ходжа Мухаммед Галяуддин, сын скорбителя за веру дервиша Багауддина, Аль-Булгари Ваисов руку свою и печать свою приложил. Я, член спасительного отряда военных молитвенников и казначей вышеупомянутого казначейства, имам мусульман (т.е. мулла) благородный

потомок Мухаммеда и сеидов ходжа Мухаммед Гаян, сын дервиша Багауддина, Аль-Булгари Ваисов руку свою и печать свою приложил.

К документу приложены на 3-й странице 3 оттиска: 1, оттиск татарской печати "ходжа Мухаммед Гинануддин, потомок сеидов", 2, оттиск русской печати большого размера "сотрудник всему миру Духовного отца Ваисова наследник худжа Мухаммет Галя Эддин Хамзин Ваисов", 3, оттиск русской печати большого размера "сотрудник всему миру Духовнаго отца Ваисова наследник имомаль муслимин худжа Мухамет Гаян Хамзин Ваисов".

На последней, 4-й, странице татарскими буквами того же почерка, что и весь документ, кроме подлинных подписей Галяуддина и Гаяна, сделанных другими почерками, по-русски написано: "Город Казань. Императорский Молитвенный Здание. Мактаб Гирфан. Канцелярия Божьего дервиша и духовного отца Ваисова я наследник сектант Божьего дервиша и духовного отца Ваисова и начальник Ваисовский Божьего полка ходжа Мухаммед Гинануддин Ваисов. Проверил и с подлинным верно".

Оба экземпляра копии писаны на графленной писчей бумаге, причем заголовки скопированы с печатных бланков Ваисова, снабженных 3-мя флагами, с отличием служат лишь 2 листа: 1, под правым флагом внизу написано по-татарски: "1904-го года от Р.Хр. марта 5-го дня, пятница" и под средним флагом внизу по-татарски: "Кытмыр 10/8642/100…", 2, под всеми тремя флагами крупно по-татарски и по-русски написано "Боже мой, призри Августейшего Монарха Николая Александровича, Государя и Детей Его до конца веков. Аминь, аминь, аминь. № 51-ый".

[…[454]] Эксперт Проф[ессор] Император[ского] Казан[ского] Универ[ситета] Николай Катанов

[…[455]] За экспертизу желаю получить вознаграждение. Проф[ессор] Н. Катанов.

Эксперт проф. Унив. Николай Катанов

[454] Указаны исправления и далее подпись следователя.
[455] Подписи понятых.

Документ № 25. 16.10.1889.
НАРТ. Ф. 41. Оп. 2. Д. 1685. Л. 11–16.

Его Превосходительству
Господину Казанскому Губернатору[456]
Лично известного Семи Соборами, дистаночного Начальника, сотрудника всего мира, духовного отца Ваисова, вышеозначенного лица поверенный, для своего Божьего полка, верноподданный присяжный природный духовное лицо, сословие тюрки Фиркаиназии [нрзб.] Староверского общества Мусульман Казанской губернии Свияжского уезда Азелеевской волости деревни Карашам Шигабутдин Сайфутдин Оглы Болгари, жительствующего г. Казани 3 части Академическая слободка дом Козихина

Прошение

Имею честь просить Господина Губернатора с нашей стороны святое прошение и святое заявление и святой ответ [л. 11об.] по храбрости Его Императорского Величества Александра третьего Отца Монарха и по приказанию Определенного дистаночного Начальника духовного Отца Ваисова я, вышеозначенного лица поверенный по части Верховной власти своего Божьего полка и жены Ваисова, Божьего полка духовная Мать сотрудница всего мира верноподданная присяжная природная собственная матрикулярная потомственная Ваисовская Болгарская наследница Биби Гайни Зямал Ваисова, еще Имамы Муслимин для Божьего полка, помощник Ваисова Габдуллатыф Мулла Халит Оглы, еще Назмутдин Ишмухамат Оглы и Саитбатал Хабиболла оглы. Оба сотрудника всего мира, тоже поверенные [л. 12] Ваисова и четверо детей Ваисова. Ну вот что, господин губернатор, извольте узнать по закону и в силу закона, повелевающим Указом Бога Царя, принять полной мере комиссии Государственного совета и Государя императора, и даже Отаманского Борт[457], Европейского консульства. Это важное духовное Верховное поступок Ваш и воевание Бог великий, сопротив света Божьего, т.е. отправленные Святый устах Святого Корана Великим Пророком, т.е. тот который даже всем Пророкам Пророк […]. Ну вот что, больше не сметь самовольничать беззаконный и без права поступать и приставать как черные Мухи; [л. 12об.] к нашему Ваисовскому Божьему полку, а если неправда, вот что. Мы Божьего полка, по приказанию духовного Отца Ваисова и по дозволению Вашему, текущего 1889 года 25 Сентября в городе Казани 5 части в Новотатарской Слободе, Симбирской улице, который утвержден в СПетербургском Кабинете, Правительства Государственное Молитвенное здание Мактуба Гирфан, т.е. Мусульманская Академия. Мы Божьего полка, как успели приехать, так как неприятели 5 части Частный Пристав, самый погаными мозгами, религиозный разбойник, антихристовская собака, как нас атаковал Замком не допустили воды и пищи, содержали нас 5 суток и поморили наших детей. Ну вот что, потом мы вышли [л. 13] сами с маленькими детьми, потом нас силой взяли в полицию и били как собак из одного пошел кровь и свидетельствовать не дали, отправили по этапу по деревням, а мы, каждый имеем Метрикурный документ и Резактавальный акт, который дозволено цензурой в СПБурге 1880 год, т.е. выданный нам же в городе Казани и во всем месте и уездах всей Российской Империи, определенный дистанции Начальник всего мира духовного отца Ваисова свидетельства для своего Божьего полка (согласно) известного Государю императору Александру третьему Отцу и Монарху и проч[ее] и проч[ее] и проч[ее] с приложением святой молитвы 9 марта 1881 года и согласно всеподданнейшего доклада за № 142 от 9 Сентября 1885 года [л. 13об.] и самого духовного отца Ваисова, согласно сведении копии за № 147 утвержденного Государем Императором. Ну вот что, Г-н Губернатор, прошу Вас разрешить Полиции [нрзб.], чтобы нам дозволено было жить в городе Казани и в Казанской губернии, нашему Ваисовскому Божьему полку, почему же отправляет по этапам, мы Божий Полк известны всему Правительству, как ясное зеркало, что мы не протяги[458]. Ну вот что Казанской губернии, Свияжском уезде Азелеевской волости дер. Карашам Шигабутдин Сайфутдин Оглы, отправили по этапу 4 раза, потом взыскивают кормовые деньги, и я, не отдаю, поэтому должно [нрзб.] Бунт, а мне согласно Ваисовского свидетельства [л. 14] Волостное Правление билета не выдает как нам нужно пишет нас крестьян татар, старовер мусульман не пишут, вот что Господин губернатор, а то разрешит Волостному Старшине пусть нам пишет согласно квитанции, которые мы получаем от казанского Губернского Казначейства во взносе Государственного налога за землю и согласно сведении копии, чтобы писали по нашей титуле "Староверского общества мусульман" Ваисовского Божьего полка, тогда мы будем из волости брать билет, что же нам выезд не дает [нрзб.] кругом разорение, не можем торговать, не может

[456] Документ написан от руки, но не Ш. Сайфутдиновым. Сверху дописано другой рукой – "вещ[ественное] доказательство" и печать канцелярии губернатора с датой – 19 октября [18]89. Документ дан в оригинальной орфографии, с незначительными сокращениями.

[457] Оттоманская Порта.

[458] Бродяги? – Д.У.

на работу ехать, отправляет по этапу, а если не будет от Вас разрешено, жить нам [л. 14об.] свободно в городе Казани и Г. Полицмейстер также меня вышеозначенного лица поверенные Ваисова и Ваисовского Семейства будут отправлять по этапу, будет Вам известно, Г. Губернатор, впредь наука, вот что. Ну вот по приказанию дистаночного Начальника духовного отца Ваисова соберется Божий полк, сначала 20-15, потом найдется от 500 до 2000 человек [нрзб.] пойдут к Вам просить дозволение видеться с Ваисовым, если же не будет дозволено, тогда пойдут в казанское Окружное Лечебницу, так что будет бунт, весь Окружной Лечебница пойдет чертам, потому только, что не показываете Ваисова и отправляете по этапам. [л. 15] В случае будут вступаться Полиции на Божий полк, так что в г. Казани сколько есть полиции до единого жив не останется, потому что Воинский Начальник солдат давать не имеет права ни за что и в Казани поднимется бунт. В Российской Империи во всех больших городах, где есть наши мусульмане тоже будет бунт, потому что Ваисовское дело по религиозной обязанности. Ну вот что, тогда Божьим полками играть не будете никогда, будете знать, но тогда время пройдет. Это заявление из подлинной послали лично его Императорскому Величеству третьему Монарху, вот Г-н Губернатор, если Вы будете [л. 15об.] как следует по закону делать и распространяться Куда следует, будет нам свобода, мы Божий Полк не будем делать противу законного и не увидете никогда из нашего Божьего полка худого, а кроме добра. Мы Божий полк хранители Вас и Государя Императора по Божьей Мудрости и весь мир народа, потому что у нас Божий Дервиш Дистаночный Начальник духовный Отец Ваисов стоит на основании вот так […].

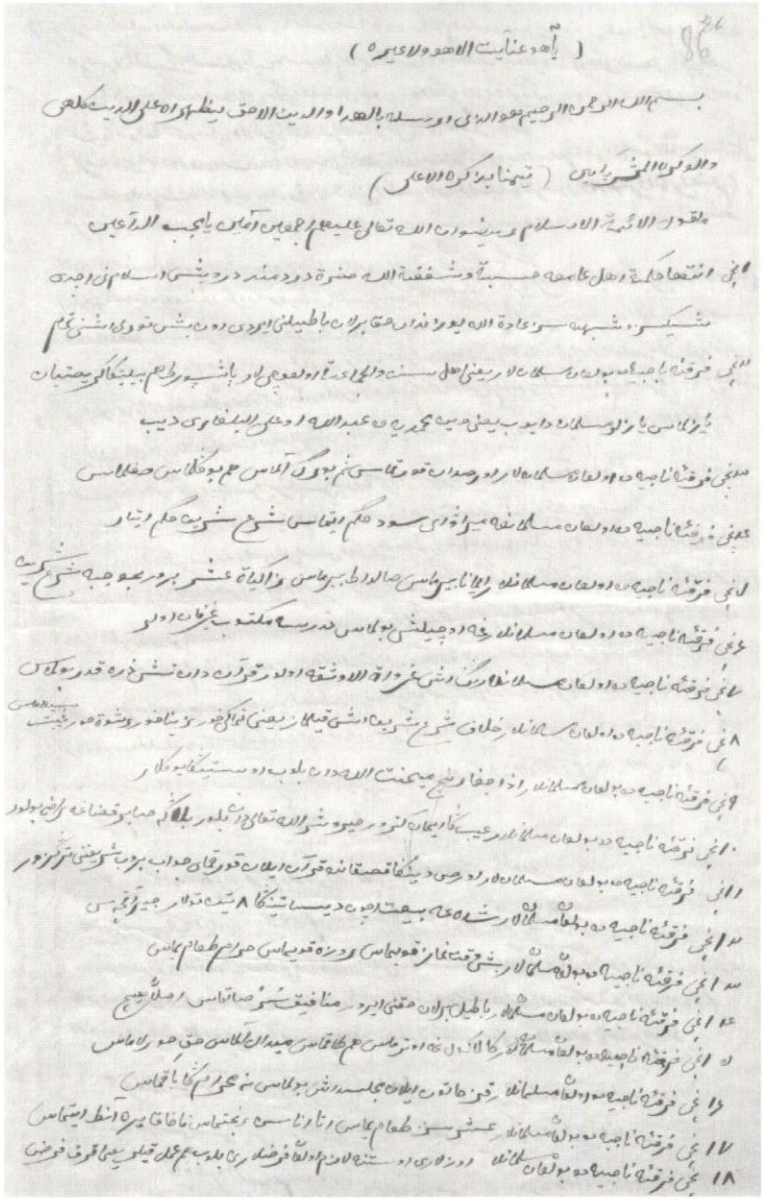
Ну вот что по этой справедливости будет виновны таком случае засуди нас Бог великий и засуди нас лично Атаманской Борте[459], согласно святого Корана и на основании святого Шаригата и согласно святому Отечеству [л. 16] при чем присовокупим, что от нас отобрано документы и оружие в Полицейском Управлении. Все это возвратили бы нам.

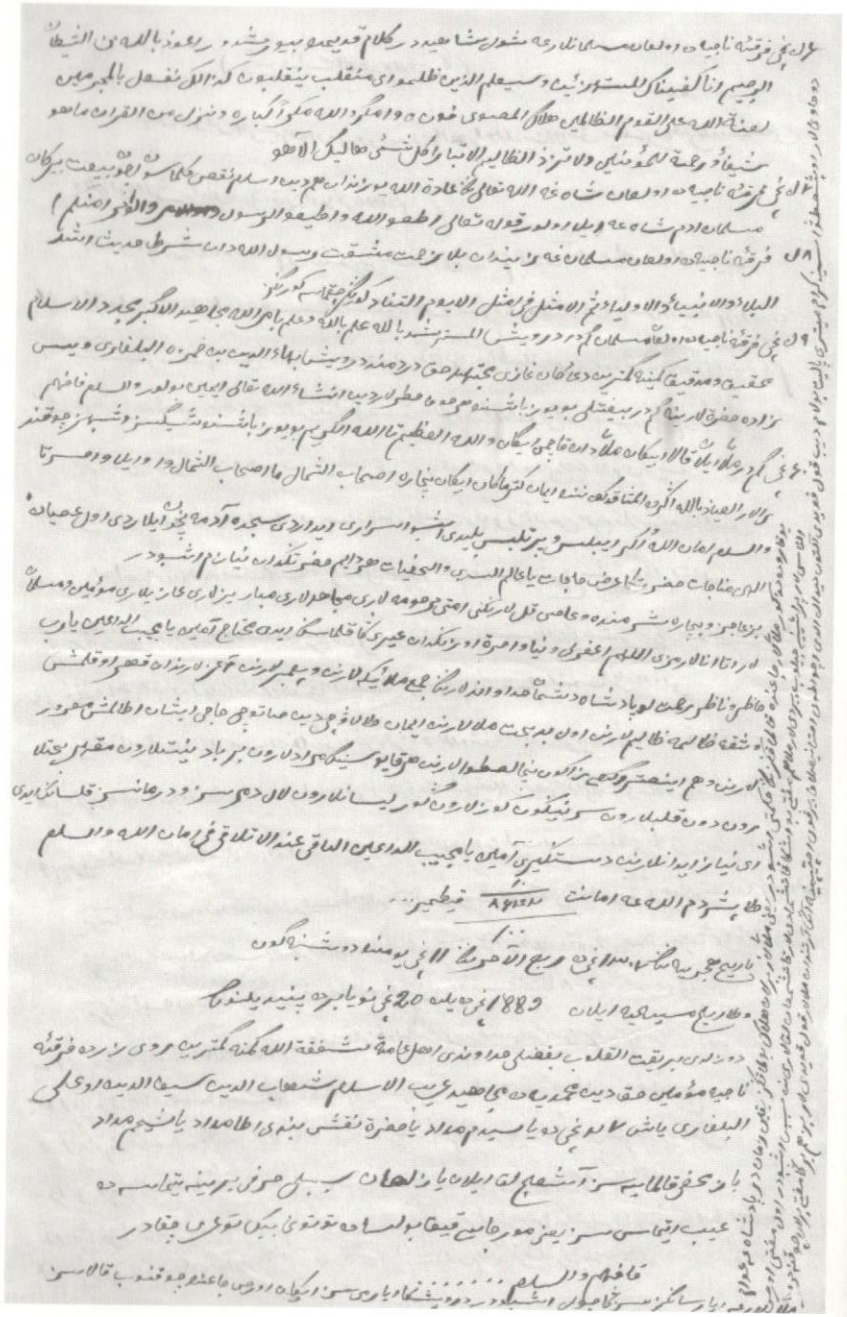
Ну вот что, Г. Губернатор, объявляем Вам, что мы поверенные Ваисова двое Шигабутдин Сайфутдин Оглы и Назмутдин Ишмахамат Оглы будем ходить и носить на поясу наруже кинжал, чтобы к нам Полиция не привязывался бы, потому что у нас не дозволяется по религии без кинжала ходить. Г. Казань, 16 Октября 1889 года с тем условием подписуюсь по мусульмански. […[460]]

[459] Оттоманская Порта

[460] Подпись арабским шрифтом – "Вернопутанный присяжный прирутны [нрзб.] старовер иске общество мөселман сусловия төрки сотрудник [нрзб.] Шиһабеддин Сайфеддин углы, Нажмеддин Ишмөхәммәд углы Болгари".

Документ № 26. 20.11.1889.
НАРТ. Ф. 51. Оп. 4. Д. 2227. Лл. 83, 83об., 86, 86об.
Оригинал "Правил поведения члена Фирка-и наджия"





Документ № 26а. 20.11.1889.
НАРТ. Ф. 51. Оп. 4. Д. 2227. Лл. 75–80.

[л.75] По переводу с арабского и татарского на русский диалект значится так[461].

Во имя Бога Всевышнего и милосердного, он послал пророка, чтобы вести людей к прямому пути, наставники мусульманам разъяснили следующее:

1. Для Бога и для народа от Господина печального, заботящегося о вере, открыл он ислама без сомнения, при этом отделил верное от неверного в 15 предметах.

2. Правоверные мусульмане[462] билетов и паспортов не должен взять под названием крестьянина, а должны писать под именем мусульманина; например Абдуллин или сын Абдуллина Булгарский.

3. Правоверные мусульмане не должны бояться русских, не сымать шапок и кланится.

4. Правоверный мусульманин не должен судится у Мирового Судьи, а должен судится по мусульманским законам.

5. Правоверный мусульманин платить подать и отбывать воинскую повинность не должен, а должен дать из своего капитала 40 процентов, а из хлеба 10 процентов по учению Шаригата.

[л. 75 об.] 6. Для правоверного мусульманина не должно быть училища, а должно быть под названием медреса.

7. У правоверных мусульман верный руководитель есть Коран, сверх которого делать ничего не должны.

8. Правоверные мусульмане против Шаригата делать ничего не должны, как то: курить табак, пить вино, делать незаконное прелюбодеяние, лихоимство, клеветать и лгать.

9. Правоверный мусульманин все оскорбления и великие неприятности должен переносить признавая это наказанием от Бога.

10. Правоверный мусульманин должен верить невидимому и должен знать все добро и зло от Бога и терпеть все несчастья, признавая их посланными от Бога.

11. Правоверный мусульманин при требовании принять православие должен отвечать не боясь, словами Корана, чем и оживит Шаригата.

[461] Документ представляет собой рукописный текст – перевод с татароязычного и арабографического оригинала. Некоторые пункты (п. 2–5, 15, 46–49, 51, 53, 54) выделены на полях красным карандашом и отмечены знаком вопроса. Вероятно, данные пометки были сделаны прокурором КОС. Документ дан полностью и без исправлений орфографических и стилистических ошибок.

[462] В татарском оригинале: “Фиркаи нажиядэ булган мөселманлар...”

12. Правоверный мусульманин за подданство Императору должен заплатить за десятину земли 8 копеек[463].

13. Правоверный мусульманин должен исполнять 5-ти временную молитву и пост и не употреблять пищи не дозволенной Шаригатом.

[л.76] 14. Правоверный мусульманин должен отделить верное от неверного и не должен сказать своей тайны лицемеру.

15. Правоверный мусульманин не должен ездить с колоколами и не должен получать медалей[464].

16. Правоверный мусульманин не должен сидеть в присутствии посторонних женщин в беседах и не должен смотреть на посторонних женщин.

17. Правоверный мусульманин не должен есть пищи, не давши из полученного урожая 10-й части, и не должен оскорблять своих родителей и не принимать ложной присяги.

18. Правоверный мусульманин должен знать и исполнять свои обязанности по вере и делать дело знавши его.

19. Правоверный мусульманин не должен следовать за ишаном, т.е. неверным духовным учителем (который называется шайтаном), что и должен знать, что тот ишан неверный.

20. Правоверный мусульманин не должен оставлять обычая пророка Мухамета и изменять его.

21. Правоверный мусульманин не должен заниматься мирскими делами, не исполнив прежде своего дела для будущей жизни (мир есть падаль, а ищущий его собака).

[л.76 об.] 22. Правоверный мусульманин не должен следовать на молитве за муллой, который продает свою веру, как неверного муллу.

23. Правоверный мусульманин должен любить бедного и не любить богатого и не должен понапрасну оскорблять мусульманина.

24. Правоверный мусульманин должен быть очень щедр и не быть скупым, правдой помогать.

25. Правоверный мусульманин не должен делать злоупотребления по вверенному ему на хранение имуществу и не должен пользоваться чужим имуществом.

26. Правоверный мусульманин не должен выпускать свое семейство на улицу и базар.

27. Правоверный мусульманин не должен повиноваться своим женам и не должен слушаться слов жен.

[463] На полях красным карандашом поставлен знак вопроса.

[464] Данный тезис направлен против представителей высшего мусульманского духовенства (муфтий, Г. Баязитов и др.), которые неоднократно награждались правительственными орденами, жили в основном в русском окружении и зачастую вели европейский образ жизни.

28. Правоверный мусульманин должен отдать свою душу за мусульманина по истинному пути и не должен от этого уклонятся.

29. Правоверный мусульманин не должен заниматься недозволенной торговлей, а должен заниматься только дозволенной и без злоупотребления.

30. Правоверный мусульманин не должен украсть, хотя он и голодный, а должен найти себе пищу трудом.

[л.77] 31. Правоверный мусульманин должен иметь себе духовного учителя (ишана), у кого нет духовного наставника, у того нет и веры, как говорится в преданиях.

32. Правоверный мусульманин должен делать против своей страсти, а не должен покоряться.

33. Правоверный мусульманин должен дать всякому хороший совет и отклонять его от худого и должен иметь старание к истинному.

34. Правоверному мусульманину радость с мудростью загадочного учения по всему миру имамовский закон в скором времени пойдет.

35. Правоверному мусульманину, что скажет будет правда, а лицемер будет смеяться и не будет верить и останется вниз лицом.

36. Правоверные мусульмане, не верующие мудрости загадочного ученья, останутся изумленными и непонимающими.

37. Правоверным мусульманам, если сделают неверную клевету и будут оскорблять сквернымы словами, они будут терпеть.

38. Правоверным мусульманам доказательство то, что в книге Бакырган на 12 странице не будет ли достаточно посмотреть.

[л. 77 об.] 39. Правоверным мусульманам посмотрите в книге Газя Ибуль Махмакат на первой странице знаки пред концом мира.

40. Правоверным мусульманам не достаточно ли будет рассказа Шейха Хабибуллы.

41. Правоверным мусульманам не достаточно ли будет рассказа Шейха Мансура.

42. Правоверный мусульманин делающий грех, а другой с ним согласен, эти лица в грехе равны, подобные происходят от народа Лета, Гуди и Ноя.

43. Правоверные мусульмане есть доказательство предания. (Затем последние слова оставлены без перевода, так как нет возможности их перевести[465]).

44. Правоверные мусульмане есть доказательство, что Бог в начале каждого столетия пошлет возобновляющего для них веру.

45. Правоверные мусульмане, придет время не будут читать Корана и не будут молиться в мечетях, то у них нет веры. Вера Вам есть держаться обычаю Халифов. Строжайшее наказание в будущее время тому

[465] Замечание переводчика.

ученому знающему и не исполняющему свое знание. Если кто кланяется человеку, то сделается неверным, что сделал русскому снимите шапку, клоните голову, а что имам Акзам когда здоровался, то не делал поклона головой. Муллы [л. 78] же крещенные снимают шапку иконам. Вы муллы с народом поняли ли и Вы сделались каферами и многобожниками. Бог велит поймете; прибегает к Богу от своих грешных дел.

46. Вы когда не дадите подданство будучи правоверными этому Дервишу печальному, то в 91 году будут крестить, "право".[466]

47. Четыре губернии разделили, Уфу, Оренбург, Казань и Симбирск назвали мусульманские и крестьяне общества, в газетах печатали.

48. Кроме тех упомянутых 4-х Губерний старанием Дервиша спасутся даже и Крымские татары.

49. Эти 4 Губернии Дервишу не дают подданства, русские не дают уже потому, что 30 лет дали приговор, говоря, что не желают, бросили камнями и теперь бросаете и, насмехаясь, кричите, привязавшись идете в Полицию, русский увидит эти дела за Вами следят, Вы не чувствуете, хотя и чувствуете, со своей гордостью и, стыдясь друг друга, остались в заблуждении, если бы не остались Вы в заблуждении, то видели бы это время разделения.

50. Мы правоверные истинные, мы с самого Адамова времени мусульмане, слава Богу, Всевышнего благодарим Бога, сто тысяч раз. Конец. Исламовский закон как [л.78об.] ручька крепкий, Вы увидевши этого не верите. Вы сделались татарами крестьянами, о бедняки, что делать.

51. Мы воюющие за веру, для того, чтобы Казанские татары не погибли и просыпались от сна. В Ново-Татарской слободе мы чего не делали мечами и чего не говорили. Вы своими глазами видели и слышали, но в таком случае на нас не пеняйте.

52. Мы сделали верное наставление, что нужно было, мусульмане свидетели. Те которые пришли после их скажут, Господи прости, нас, те которые (пришли после их) были прежде нас, были верующими, сказали Господи не делай в сердцах наших.

53. Мы поэтому противились кафиру[467] неверному не боясь, на что правоверному мусульманину есть доказательства, что сказано в Коране: Бойся Бога, не покоряйся кафирам и лицемерам, терпи знай, уповай на Бога.

54. Правоверному мусульманину знать русскую грамоту ни есть шарт[468], т.е. не нужно или не следует, согласивший подписать новые пра-

[466] Автор "Правил" явно указывает на то, что мусульмане, не последовавшие за дервишем Багаутдином Ваисовым, в 1891 году будут подвергнуты христианизации.

[467] Кяфир – неверный.

[468] Т.е. не обязательно.

вила, поганые выдумки, 2-е издание тысячекратный проклятый трижды тридцать проклятый, действует человеческий состав самый "ерунда" чепуха законных инструкций и только бы Богу великопосланный Великим Божьим пророкам, т.е. всем пророкам пророк великий, на основании вот так кто следует за верой кроме Ислама Бог не [л. 79] примет от него ничего, пред Богом есть вера истинная, вера Ислама эта есть от Бога милость, Бог милостив.

55. Правоверный мусульманин ни есть без веры, слава Богу, наш Дервиш есть наместник пророка, родословие знает, родословие наше есть накштбянский возобновляющий веру Фаисханья, происходящей от Фаисканской родословии, мы уже объяснили эту родословную Фаисханской родословня так как они разъяснили. По этой причине по дозволении мы правоверные истинные мусульмане староверческого общества [нрзб.] мы можем отвечать Начальству закона инструкций в том, что новые составленные правила об учащих не принимаем[469], слава Богу, мы есть мусульмане, ислам истинный, кауфырь Ботый[470] не исповительный и не верный, исповедуем мы, что Бог один и нет Бога кроме Бога, исповедуем, что Мухамет пророк, посланник его, моя вера есть вера Ибрагима, наша вера истинная не меняется ежегодно подобно русской до самого конца мира одна истинно.

56. Правоверный мусульманин есть доказательство слова из Корана, например, неправоверные не знают куда идти, неверному народу принятие Божие и всякие вещь кроме Бога погибнет.

57. Правоверному мусульманину, чтобы не получить уменьшение в вере Всевышний Бог сказал повинуйтесь Богу и пророку повелителю.

[л. 79 об.] 58. Правоверный мусульманин должен терпеть беду, бедствия, трудности, так слышно от пророка, что первая беда была пророком и святым, если глаза Ваши не выскочили, посмотрите.

59. Правоверным мусульманам, Дервиш Багаутдин, сын Хамзы Вайсова Булгарский Мустиршим Биллал, знающий Бога и знающий повеления Божия, большой, воюющий, возобновляющий Ислама, знающий также дела, самый нижайший, молящийся, воюющий, истинный страждущий. Дервишу Багаутдину сыну Хамзы Г. Вайсову подданный ему в начале этого столетия останутся неповрежденными, безопасными, понимай. Поклон.

60. Кто останется с муллой, не отбегает от муллы, право в начале этого столетия крестят их, сохрани Бог, давнишняя вера, пользы не дает,

[469] Вероятно, имеются в виду правительственная инструкция, изданная в конце 1870-х гг. и послужившая Б. Ваисову основой для критических нападок на инспектора В.В. Радлова (см. § 4). Также речь могла идти об утвержденных 16 Июля 1888 года Правилах об установлении образовательного ценза для духовных лиц магометанского исповедания по округу Оренбургского духовного собрания.

[470] Неверный (язычник) Батый.

что делать, народ находится на левой стороне, о горе и печаль, сохрани Бог. Если знал Дьявол эту тайну, сделал бы поклон Адаму и не сделал бы он греха. О господи тебе скажу о своей нужде, всегда моя просьба от тебя есть следующая: нас не могущих, страдающих, грешных своих рабов, последователей воюющих правоверных мусульман, наших родителей, о Господи не оставляй нас кроме тебя нуждающих. Аминь. О Боже Великий своих врагов тех которых проклинали бы пророки, Ангелы, тех злосчастных мулл продающих веру Хаджи Ишан, начальников закона инструкций, желание их всех [л. 80] на ветер, мнения их побеждаемы, счастье их самое низкое, сердца их вверх ногами, глаза их слепыми, языки их немыми сделал бы, о Господи просим тебя, ты есть руководитель. Остальное при свидании, да сохрани Бог. Поклон.

10/8642/100

Летоисчисление по мусульманскому 1307. Зябигуль ахыр[471] 11-й день Понедельник. По исчислению христианскому 1889 г. 20 ноября. Понедельник.

Чтобы не остались тайным, если останетесь на стороне вышеупомянутых мулл, то в скором времени погибните т.е. Императору простые люди собравшиеся несколько тысяч подавали прошения, а муллы и муфтии не участвовали, причиной этого есть следующее: во 1-х, муфтий вошедший в общество духовных русских говоря, что надеясь быть митрополитом, получил золотую медаль Свят[ого] Стан[ислава] 1-й степени[472], за ними рукоположили и муллы.

Получили медаль и мы вместе с муфтием будем креститься, если Вы будете следовать муллам, Вам путь есть следующий понимаете. Когда вы не идете за Дервишем, то на стороне русских останетесь крестившись, вот есть это самый вывод.

Чтобы не осталось тайны, Вы извините, если некоторые слова и буквы неверны, написаны торопясь, т.е. хотя труба кривая, дым выходит прямо.

Переводил Помощник Пристава 2 части 2 участка г. Казани Еникеев[473].

[471] Видимо следует читать "Рабигылахыр" (название четвертого месяца лунного календаря).

[472] Данный пункт мог быть реакцией ваисовцев на установленную при муфтие С. Тевкелеве традицию торжественно отмечать награждение высших духовных лиц правительственными орденами и наградами. В частности, в феврале 1877 года по случаю награждения муфтия орденом Святого Станислава 1-й степени в Уфе прошло торжественное богомоление, на котором были продемонстрированы все царские награды, дарованные муфтию. Вечером в доме награжденного состоялся торжественный обед при большом стечении гостей, в том числе прибывших и из других губерний и областей России. См.: Азаматов Д. Д. Оренбургское магометанское духовное собрание в конце XVIII–XIX вв. – Уфа, 1996. – С. 63–64.

[473] Последняя фраза вписана рукой переводчика. Сафиулла Курамшевич Еникеев (1834 – после 1899) – из дворян Оренбургской губернии, с 1857 года служил в Казан-

Документ № 27. 2.06.1890.
НАРТ. Ф. 41. Оп. 2. Д. 1604. Л. 8–9об.

Мнение
о душевной деятельности отставного рядового Низмутдина Ижбаева, обвиняемого в сопротивлении судебному приставу при исполнении им своих служебных обязанностей[474]

Предварительным следствием выяснено, что 14-го декабря 1889 г. в два часа дня судебный пристав Казанского-Царевококшайского съезда мировых судей Яхонтов прибыл в Академическую слободку в д. Козихина, чтобы понудить квартиранта Низмутдина Ижбаева немедленно очистить квартиру. При входе во двор судебный пристав, увидав Ижбаева, сказал, кто он и зачем приехал. На требование немедленно очистить квартиру Ижбаев заявил, что он знать никого не хочет, не признает никакого мирового судьи, как и вообще всех гражданских чиновников и плюет на всех, а слушается только своего духовного отца Ваисова. Когда же полицейские хотели войти в квартиру, Ижбаев бросился в квартиру и тотчас вышел вооруженным обнаженным кинжалом и, обращаясь к полицейским, указывая на кинжал, сказал: "вот вам закуска, подходите кому жизнь не надоела". В виду этого был вызван пристав 3-й части г. Казани, который уговорил Ижбаева подчинится требованию и очистить квартиру, что и было исполнено Ижбаевым без всякого понуждения на следующий день (стр. 6–18).

Обвиняемый на допросе у судебного следователя 23-го декабря 1889 г. показал следующее: он Низмутдин Ишмухаметов Оглы; прозывался на службу Ижбаев из дер. Черемышево, 50-ти лет от роду, живет в г. Казани; сотрудник духовного отца староверческого мусульманского общества Божьего полка Вайсова, виновным в вооруженном сопротивлении властям себя не признает, требование об очищении квартиры узнал от жены перед самым приходом судебного пристава, ибо он только что приехал из деревни и не мог так быстро очистить квартиру, тем более, что у него находится на хранении имущество духовного отца Вайсова. Также отрицал обвинение в ругани и непризнании властей, судебному же следователю [л. 8об.] заявил, что он не признает гражданских властей и судить его по шариату могут Верховная власть Оттоман-

ской губернии на различных должностях, в том числе в 1868–1898 гг. – помощником пристава попеременно 5-й, 6-й, 3-й и 2-й частей г. Казани. Был награжден орденом Святого Владимира 4-й степени и серебренной медалью в память об Александре III. В мае 1898 года в чине титулярного советника вышел в отставку по болезни. См.: НАРТ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 5725.

[474] Заключение напечатано на пишущей машинке и подписано ординатором. Документ дан в оригинальной орфографии и без сокращений.

ской Порты, Государь Император Александр и духовный отец Ваисов (стр. 22, 23 и 24).

По определению Казанского окружного суда обвиняемый Низмутдин Ижбаев был помещен в Казанскую окружную лечебницу на испытание в состоянии умственных способностей, куда и прибыл 2-го мая 1890 года.

Из расспросов и исследований оказалось: Испытуемый выше среднего роста, крепкого телосложения, подкожный жирный слой достаточно развит, видимые слизистые оболочки нормально окрашены, в строении головы и костной системы уклонений от нормы не замечается, твердое небо широкое, без валика, некоторые зубы кариозны, зрачки равномерны, на свет и боль реагируют удовлетворительно. Рефлексы мышечные, костные, кожные и на Cremaster уклонений не представляют, пателлярные несколько оживлены. Со стороны органов чувств уклонений нет, со стороны органов грудной и брюшной полостей тоже. Сон, аппетит и стул все время наблюдения были правильны. О себе испытуемый сообщил: ему 50 лет, принадлежит к Ваисовскому Божьему полку, живет в г. Казани без определенных занятий, средства к жизни достаточные, неграмотный, женат во 2-й раз 11 лет, детей трое живых, четверо умерли, отец умер 20 лет тому назад в 65 году 78 лет от роду, мать в 62 году 50 лет. Он как и другие родственники были здоровы, спиртными напитками не злоупотребляли и душевно-больных в роду их не было. Сам испытуемый кроме лихорадки ничем не хворал, в 1863 году был взят в солдаты, участвовал в польской и турецкой компании. Вернувшись с военной службы он нашел, что народ стал забывать Бога, живут не так, как сказано в Шариате, пьянствует, ворует, ходит в дома терпимости, ругается и т.д. Поэтому часть татар, остававшаяся верными Шариату и осуждавшая такую жизнь других, отделилась и составила секту мусульман-староверов, воинов Божьего полка, сделано это было по инициативе дервиша Ваисова, которого все сектанты почитают за великого праведника, [л. 9] святого и даже мученика, такие дервиши, как Ваисов для них клад и они готовы отдать за него жизнь. Ведя строгую жизнь и в точности исполняя все предписания своего закона, они тем самым, нажили себе врагов, особенно среди татар, которых считают за не имеющих религии, потому что они называют себя: крестьянами, татарами, магометанами и мусульманами и, таким образом, исповедуют как будто бы четыре религии, а такие люди не могут быть хорошими. Строгое исполнение требований Шариата также часто бывает поводом столкновений с администрацией и особенно с полицией, так напр[имер], они не признают паспортов, потому что там написано слово "крестьянин", они не снимают шапок в присутственных местах, потому что в Шариате им то и другое запрещено, они должны называться только мусульманами

и быть всегда в шапках, даже и на молитве в мечетях, снимать их можно только во время сна и т.д. В виду частых столкновений с полицией, последняя притесняет их как неспокойных обывателей, что и было в данном случае, доведшем его до сумасшедшего дома; ей почему то не нравилось то, что он живет в Академической слободке по близости от Ваисова, они предлагали хозяину дома отказать ему от квартиры, что, между прочим, подтверждается и свидетельским показанием (стр. 28).

В лечебнице за все время пребывания испытуемый вел себя тихо, скромно, покорялся порядкам и обычаям, установленным в ней, просьбы его касались только до исполнения им своих религиозных обрядов, напр[имер] соблюдения поста Уразы, омовения, молитвы, получая удовлетворение, он видимо оставался доволен, при отказах же, хотя и сердился, но был сдержан, не позволял себе ни ругани, ни дерзостей. Понимая с кем он живет, избегал общения с больными и особенно с беспокойными, старался прекратить разговор когда больной высказывал ему свой бред и т.д. К дальнейшей своей судьбе относится с покорностью, говоря, что он, как и Ваисов, как многие другие истинно верующие всегда страдали за свою веру и чтобы с ним не случилось, он все-таки будет неукоснительно исполнять предписания Шариата.

[л. 9об.] Принимая во внимание отсутствие уклонений с физической стороны, с психической – сохранение сознания, места, времени и собственной личности, памяти прошлого и недавнего, отсутствие идей бреда и обманов чувств, должно придти к заключению, что испытуемый Ижбаев не проявляет никаких признаков какого-либо душевного расстройства и в следственном деле нет никаких указаний, чтобы таковое было во время совершения им преступления, в каком он обвиняется.

Ординатор П. Нечаев[475]
2-го июня 1890 г.
Казанская Окружная Лечебница

[475] Ординатор лечебницы Павел Владимирович Нечаев.

Документ № 28. 18.09.1890.
НАРТ. Ф. 51. Оп. 4. Д. 1851. Л. 58–62об.

Протокол[476]

[л. 58] Публичного судебного заседания Особого Присутствия Казанской Судебной Палаты, с участием сословных представителей, по делу *об отставном рядовом из крестьян Назмутдине Ишмухаметове Оглы-Ижбаеве, обвиняемом в преступлении, предусмотренном 272 ст. Улож. о Наказ.*

Заседание открыто в городе *Казани* 1890 года
Сентября 18 дня в *11* час. *30* мин. *утра*

В заседании присутствовали:

Старший Председатель *Ф.И. Шмелев*

Члены Палаты Казанского Окружного Суда: *Н.Н. Галкин-Врасский, О.С. Викторов и М.Л. Диллон.*

Сословные представители: *Казанский Губернский Предводитель Дворянства С.Н. Теренин, заст[упающий] место Казанского* Городского Головы *Н.П. Залеский и* Волостной Старшина *Ильинской* волости *Казанского* уезда *Иванов.*

Товарищ Прокурора *К.Б. Газенвинкель*

При *исп[олняющем] об[язанности] пом[ощника]* Секретаря *Н.П. Крупеникове.*

Председательствующий, открыв заседание и объявив предмет подлежащего рассмотрению дела, поручил Судебному Приставу ввести подсудим*ого*. Подсудим*ый* был введен в зал заседания, где и занял место на скамье подсудимых, *находясь под стражею. Защитником подсудимого явился Присяжный Поверенный Рейнгардт.*

[л. 58об.] Председательствующий предложил подсудимому вопросы, установленные 638 статьею Устава Уголовного судопроизводства, *на что подсудимый ничего не ответил, но кричал и говорил, что он не признает Гражданского Суда и подчиняется только своему духовному отцу Ваисову, что его нужно судить по Шариату и по Курбану (или Корану) и что судить его может только Государь Император и конгресс государей. На вопрос Председателя, Товарищ Прокурора полагал, в виду буйного поведения подсудимого, слушать дело в его отсутствии и, так как поведение подсудимого возбуждает сомнения в состоянии его умственных способностей, то просил об его освидетельствовании*

[476] Документ выполнен на стандартном бланке, частично отпечатанном типографским способом с вставками, выполненными от руки (в представленном документе рукописный текст указан курсивом). Документ заверен исправляющим обязанности помощника секретаря Н.П. Крупениковым и подписан членами Судебной палаты.

экспертами в заседании. Председатель спросил экспертов, могут ли они в настоящее время дать свои заключения о состоянии умственных способностей подсудимого, на что эксперт Боткин[477] *сказал, что едва ли он может прибавить что-либо новое к тому заключению, которое он дал в то время, когда подсудимый находился на испытании в Окружной Лечебнице для душевнобольных. Другой эксперт, профессор Бехтерев*[478]*, сказал, что он еще не освидетельствовал подсудимого, поэтому чтобы дать какое-либо заключение, ему необходимо его освидетельствовать. Стороны на эти заявления экспертов ничего не возразили. Палата постановила слушать дело в присутствии подсудимого. На основании 639 ст. У.У.С. был прочтен список свидетелей, при чем оказалось, что все вызываемые свидетели явились и удалены в особую комнату, с принятием в отношении к ним мер к воспрепятствованию им стачки между собой, согласно 645 ст. У.У. Суд.*

[л. 59] *И[сполняющий] об[язанностей] пом[ощника]* Секретаря, *по поручению Председательствующего, прочитал обвинительный акт. Председательствующий, изложив существо обвинения, спросил подсудимого, признает ли он себя виновным, на что подсудимый отвечал. По приказанию Председателя, все свидетели были введены в залу заседания, будучи опрошены Председателем по 702 ст. У.У.С., были приведены к присяге. Яхонтов, Феофанов и Кочкарев, православным священником на основании 713 ст. У.У.С., Червинский – ксендзом, Мухаметзянов, Рахманкулов и Галиакберов – муллой, на основании 714 ст. У.У.С. По исполнении председателем 716 ст. У.У.С., все свидетели были удалены*

[477] Боткин Яков Алексеевич (1850–1912) – российский психиатр. Образование получил в Московском университете, где в 1881 г. также получил степень доктора медицины. Служил ординатором костромской губернской земской больницы, затем был приват-доцентом Демидовского юридического лицея, Московского университета и штатным ординатором Преображенской больницы для душевнобольных г. Москвы. В 1879–1886 гг. состоял заведующим психиатрического отделения больницы Костромского губернского земства. С мая 1889 года по 1892 год являлся директором Казанской окружной психиатрической лечебницы, откуда перешел на такую же должность в Симферополь, на которой состоял вплоть до 1912 года. Незадолго до смерти вступил в Союз психиатров и невропатологов. См.: НАРТ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 3648. Юдин Т.И. Очерки истории отечественной психиатрии. – М., 1951. Я.А. Боткин, вероятно, приходился двоюродным племянником великому медику С.П. Боткину. См.: Егоров Б.Ф. Боткины. – СПб., 2004. – С. 286.

[478] Бехтерев Владимир Михайлович (1857–1927) – российский невропатолог, психиатр, рефлексолог, физиолог, психолог, общественный деятель; доктор медицины (1881). Образование получил в Санкт-Петербургской медико-хирургической академии (1873). В 1885–1893 годах – профессор и заведующий кафедрой психиатрии Казанского университета, заведующий психиатрической клиникой Окружной лечебницы. Организовал первое в России "Общество невропатологов и психиатров", ориентированное на комплексное изучение психических процессов. Свою позицию и оценку ваисовцев психиатр опубликовал. См.: Бехтерев В.М. Татарская психопатическая эпидемия в Казанской губернии // Внушение и его роль в общественной жизни. – СПб., 2001. – С. 105–110.

из залы заседания, кроме свидетеля Яхонтова, который, как и следующие свидетели, будучи допрошен порядком, указанным в 718-723 ст. У.У.С., показал, что когда он в первый раз пришел в дом Козихина для приведения в исполнение приговора Мирового судьи об очищении квартиры Ижбаева, взяв с собой полицейского, так как знал, что Ижбаев не признает властей и добровольно не очистит квартиры, то в это время не застал его дома: он был в отлучке. Когда же свидетель во 2-й раз пришел в дом Козихина, то Ижбаев уже возвратился и стоял с кувшином на дворе у крыльца своей квартиры, помещавшейся в подвальном этаже. На предложение свидетеля добровольно очистить квартиру, Ижбаев закричал, что не признает властей. Когда полицейские хотели его задержать, то он вырвался и спустился в свою квартиру, по выходе откуда, как передавали полицейские, закричал, указывая на имеющийся у него обнаженный кинжал: "вот вам закуска". Свидетель видел у Ижбаева в руке большие ножны. Видя явное сопротивление со стороны Ижбаева, свидетель послал за частным приставом Червинским, который, явившись в дом Козихина, первый вошел в квартиру Ижбаева и уговорил его очистить квартиру добровольно, назначив с согласия свидетеля однодневный срок. До этого же Ижбаев не просил у свидетеля отсрочки; а если бы он попросил ее, то свидетель с согласия домохозяина мог бы дать такую отсрочку и раньше. На основании 687 ст. У.У.С., Палата постановила огласить протокол освидетельствования врачами подсудимого Ижбаева на суде, который и был прочитан Председателем. В виду буйного поведения подсудимого Председатель заметил ему, что на основании 158 ст. У.У.С., он будет удален из залы заседания; после чего подсудимый был уведен из залы заседания в арестантскую комнату. Засим председатель спросил экспертов, могут ли они сказать что-либо новое к прежним своим показаниям. Эксперт Боткин сказал, [л. 59об.] что не имеет ничего сказать нового сравнительно с коллективным заключением врачей на суде, прочитанном пред сим Председателем. Эксперт, профессор Бехтерев, сказал, что заключение, данное коллективно в лечебнице, основано на полном наблюдении подсудимого, и пред ним он может вполне преклониться; но если Палата желает знать его собственное мнение, то, так как он недостаточно знает подсудимого, ему необходимо его освидетельствовать помощью наружного осмотра и главное беседы. Стороны против этого заявления эксперта Бехтерева ничего не имели. Палата постановила произвести осмотр подсудимого в арестантской комнате, который и был произведен обоими экспертами. Заседание Палаты было приостановлено. В 12 ч. 15 мин. Заседание Палаты возобновляется. На вопрос Председателя, эксперт Боткин показал, что настоящий осмотр не дал никаких новых фактов, и что он остается

при своем прежнем заключении; что Ижбаев человек здоровый. Эксперт Бехтерев сказал, что так как осмотр был произведен лишь физический, при чем особенных уклонений не было найдено, то окончательно заключения он теперь дать не может и просит Палату при показаниях свидетелей обращаться к подсудимому, на что Председатель объяснил ему, что он может обращаться к подсудимому через него. Допрошенный затем свидетель Червинский показал, что когда за ним пришел полицейский и сказал, что Ижбаев бросился с кинжалом, то он тотчас же отправился в дом Козихина. У подвального этажа толпились полицейские и народ. Ижбаев стоял у лестницы своей квартиры и был в возбужденном состоянии так, что у рта его была пена. За поясом у Ижбаева свидетель увидел нож. Свидетель стал увещевать Ижбаева так, что последний пустил его в свою квартиру. Уйдя в другую комнату, Ижбаев бросил нож и вернулся оттуда уже без ножа. На вопрос свидетеля, зачем он делает это, Ижбаев сказал, что он слушается одного Ваисова, что он божьего полка. На замечание свидетеля, что у нас есть свой Ваисов, которого мы должны слушаться, Ижбаев сказал, что съедет, когда найдет квартиру, и что живет здесь потому, что это квартира недалеко от его духовного отца Ваисова. На просьбу Ижбаева свидетель вместе с Судебным Приставом назначили для выезда с квартиры следующий день, при чем сказали, что в случае невыезда его оттуда на следующий день, его заставят съехать силою. На другой день Ижбаев добровольно съехал с квартиры. На вопрос эксперта Бехтерева свидетель Червинский показал, что Ижбаев был в то время [л. 60] в нормальном состоянии, так как пена может явиться у каждого, кто много кричит. Подсудимый сидел несколько раз в части за буйство и никогда не бывал в возбужденном состоянии и говорил, что судить его никто не имеет права. В данном случае подсудимый говорил, что квартиры у него нет, а его выгоняют силой; говорил тоже, что он не признает властей, и его судить может Государь Император. Допрошенный затем свидетель Мухаметзянов показал, что, когда он пришел на двор Козихина, то Ижбаев стоял у крыльца своей квартиры с кувшином в руках. Когда же Судебный Пристав потребовал, чтобы Ижбаев очистил квартиру, последний сказал, что не успел, затем ругая Пристава антихристом, Ижбаев сказал, что не признает гражданских властей, что знает только Ваисова, что его, кроме Государя, никто судить не может. Бросив кувшин, Ижбаев спустился в свою квартиру, по выходе из которой стал угрожать обнаженным кинжалом и, ругаясь, говорил: "подходи, кому жить надоело". На вопрос эксперта Бехтерева свидетель показал, что Ижбаев в это время был в разгоряченном состоянии; но пены во рту его не было. Когда пришел Пристав 3-й части Ижбаев кричал: "пришли гра-

бить!". А затем пустил его в квартиру и согласился очистить квартиру. Свидетель Рахманкулов показал, что Ижбаев ругал Судебного Пристава наемной шкурой, антихристом. Возвратясь из квартиры, Ижбаев, вооруженный кинжалом, кричал, что Ваисов велел проливать кровь. Затем Ижбаев закричал, что его пришли грабить, что он властей не признает, признает лишь Государя и Ваисова. Когда явился Пристав 3-й части, то он уговорил Ижбаева и тот бросил кинжал. На вопрос эксперта свидетель показал, что в это время глаза у Ижбаева налились кровью, он трясся и переменился в лице и непременно бросился бы с кинжалом, если бы его не удержала его жена. Свидетель Галиакберов показал, что когда Судебный пристав прочитал Ижбаеву исполнительный лист, то он сказал, что Ваисов не велел съезжать, что он знает только Ваисова, а Мирового знать не хочет. Когда хотели задержать Ижбаева, то он вырвался и пошел вниз. Вернувшись, он вынес кинжал и, указывая на него, сказал: "подходите, кровь вашу пролью". На вопрос эксперта свидетель показал, что Ижбаев был в это время очень разгорячен и переменился в лице. Свидетель Феофанов показал, что Ижбаев ругал Судебного Пристава антихристом, говоря: "воры, грабить пришли". Выйдя из своей квартиры с кинжалом, ругаясь и показывая на кинжал, Ижбаев кричал: "подходи, кому жизнь не дорога". Он был очень раздражен, лицо у него было красное, и бросился бы с кинжалом, если бы жена не схватила его за руку и не остановила его. Наконец, свидетель Кочкарев [л. 60 об.] показал, что когда Судебный Пристав приказал задержать Ижбаева, то последний вырвался от них и ушел в свою квартиру. Вернулся он с кинжалом и бросился бы, если бы жена его не удержала. Ижбаев кричал, что он не признает гражданского суда и кроме Государя и Ваисова никого не признает, что его пришли грабить. Ижбаев был очень рассержен: ругался и кричал, что "он был свидетелем в сердце". Засим эксперт Бехтерев, с разрешения Председателя, предложил вопросы подсудимому, на которые он не хотел отвечать, говоря, что он Ваисова полка, что его должен

Илл. № 30. Владимир Михайлович Бехтерев

судить по Шариату Государь и мусульманский конгресс, и что он гражданского суда не признает. После этого эксперт Бехтерев просил подсудимого указать то место Корана, где сказано, что для него не может быть гражданского суда. Подсудимому был предъявлен Коран, но он, оставаясь при прежнем своем показании, не хотел указать это место в Коране. Засим Председатель предложил экспертам дать свои заключения. Эксперт Бехтерев сказал, что из показаний свидетелей и слов самого подсудимого он заключает, что у последнего имеются ложные идеи, и вопрос заключается в том, бредовые ли это идеи или только заблуждения здорового человека. Бредовая или больная идея отличается от здоровой по следующим признакам. Здоровый человек может относиться к своему заблуждению критически, и его можно убедить в нелепости его идеи, тогда как душевнобольной человек лишен этой способности. Это первое отличие между идеями. Второе отличие, коренящееся в происхождении идей, состоит в том, что заблуждения здорового человека проистекают из недостатка в знаниях и от ошибок в умозаключении, тогда как идеи больного происходят от болезненных раздражений, являющихся от обмана чувств или происходящих в мозгу сами собой, как, например, сновидения. Хотя не видно, чтобы подсудимый подвержен был галлюцинациям или иллюзиям, однако идеи его вполне подчиняют его личность; они внутреннего происхождения, прочного свойства, властвуют над его личностью и руководят им. По характеру идеи подсудимого напоминают собою идеи больного человека, окончательно сказать – фанатик ли он или больной, – он не может потому, что не знает, – насколько идеи подсудимого соответствуют Корану. Далее эксперт указал на возбудимость подсудимого, которая выражается и на суде в крике и судорожных движениях его, которая так выразилась, по показаниям свидетелей, и в день происшествия, когда подсудимый был в состоянии, близком к умоисступлению: дрожал, глаза налились кровью и он легко мог бы броситься с кинжалом. Состояние, в котором находился тогда Ижбаев, было сильное волнение или болезненный аффект, во время которого человек теряет всякое самообладание. На вопрос Товарища Прокурора эксперт [л. 61] сказал, что он категорически не может высказаться о состоянии душевных способностей подсудимого, так как выяснил только то, что подсудимый не может критически относиться к своим идеям и высказывал их и в лечебнице, и во всяком случае поступки подсудимого не симуляция. Эксперт Боткин указывал на то, что он не полагается на показания свидетелей-полицейских, так как вопрос о том, сохранял ли подсудимый самообладание или нет – специального характера, и они едва ли могли решить правильно. Исходным пунктом у Ижбаева служит убеждение, что его должен судить по

шариату, так что в данном случае он, не признавая гражданского суда, со своей точки зрения поступает вполне последовательно. Критика своих убеждений зависит от развития человека, в особенности религиозные убеждения трудно поддаются критике. Так как в данном случае нет доказательств, что подсудимый имеет больной мозг, то и идеи его не идеи бредовые, являющиеся продуктом больного мозга, а просто заблуждения, и поступки его вытекают из этих заблуждений вполне логично. Вследствие всего вышеизложенного эксперт Боткин по-прежнему признал Ижбаева здоровым человеком. На вопрос Председателя эксперт Бехтерев показал, что подсудимый – человек довольно развитый для его клана, что идеи его напоминают бредовые и что поступок совершен в состоянии, близком к умоисступлению. При чем эксперт Бехтерев, выразив желание получить вознаграждение за произведенную им экспертизу, пожертвовал его в пользу приюта для малолетних преступников. На вопрос Председателя, не желает ли подсудимый дать объяснение на показания свидетелей, подсудимый дать объяснение отказался[479].

[л. 61 об.] После сего, Председательствующий объявил судебное следствие оконченным, и Суд приступил к выслушиванию заключительных прений сторон. *Слово было предоставлено Товарищу Прокурора, который указал на то, что факт преступления вполне доказан, показаниями свидетелей и что подсудимый Ижбаева в момент совершения преступления был вполне здоров и что безобразное поведение подсудимого на суде объясняется тем, что он хотел порисоваться, что видно, например, из того, что, когда Председатель велел встать, – он сел, а когда велел сесть, – он встал, и что это далеко от умоисступления и беспамятства. Поэтому Товарищ Прокурора находит, что к подсудимому нельзя применить 96 ст. Улож[ения], которая предусматривает невменение преступления в том случае, когда болезненное состояние подсудимого точно доказано, чего нет в данном случае. Товарищ Прокурора полагает признать Ижбаева виновным по 276 ст. Улож[ения] и указал на то, что 272 ст. Улож[ения]. предусматривают тот случай, когда кто-либо угрозами остановит чиновника от исполнения его обязанностей, чего в данном случае не было, так как подсудимый подчинился Приставу 3-й части, который успокоил его и, если бы вместо Яхонтова, который струнил, был Червинский, то никакого преступления не было бы совершено, что Ижбаев просто фанатик, который хочет пострадать, между тем нежелательно дать ему этого удовлетворения, почему просил Палату признать его не виновным по 272 ст. Улож[ения].*

[479] Перечеркнута графа "Затем стороны были спрошены: не желают ли они еще чем-либо дополнять судебное следствие".

По объявлению Председательствующим прений сторон прекращенными, суд приступил к постановке вопросов на свое разрешение как о виновности подсудим*ого*, так равно и о наказании *его* (761 ст. Уст. Угол. Суд.), проект которых, по написании, был прочитан вслух (762 ст. того же Устава) Председательствующим, предоставившим сторонам сделать на оные свои замечания. *Товарищ Прокурора просил Палату зачеркнуть фразу: "вот вам закуска", так как свидетели не говорили об этом.*

[л. 62 об.] *Палата постановила оставить вопрос в прежней редакции, в виду того, что эта фраза упоминается в обвинительном акте и, кроме того, засвидетельствована свидетелем Яхонтовым.*

За сим окончательно постановленные вопросы были утверждены подписью Судей и сословных представителей (ст. 764 Уст. Угол. Суд.), после чего они удалились в совещательную комнату для обсуждения вопросов и для постановления резолюции (ст. 765 и 786 Уст. Угол. Суд.). Постановленная и утвержденная подписью Судей и сословных представителей резолюция, по возвращении их в залу заседания, была вслух прочтена Председательствующим с добавлением, *что Палата признает для подсудимого мерою пресечения содержание под стражею* и, что приговор по сему делу в окончательной форме будет объявлена *2-го Октября* в *12* час. *дня. В 2 часа 40 минут пополудня заседание Палаты по этому делу было объявлено оконченным.* [...[480]]

Документ № 29. 25.02.1891.
НАРТ. Ф. 51. Оп. 4. Д. 1851. Л. 63–64 об.

[л. 63] 189*0* года *Октября 2* дня, настоящий приговор[481] объявлен мною в присутствии Товарища Прокурора *В.Р. Завадского* и при *И[сполняющим]* об[язанностей] пом[ощника] Секретаря *Н.П. Крупеникова*, с соблюдением 829–834 ст. Уст. Угол. Судопр. – Подсудимый присутствовал, *был приведен под стражею.*

Член Палаты *Галкин-Врасский*

Приговор

[...[482]] [л. 64 об.] *На основании всего вышеизложенного, Судебная Палата определяет: отставного рядового из крестьян деревни*

[480] Далее надпись о сделанных в тексте исправлениях, а также подписи судей, сословных заседателей и помощника секретаря Н.П. Крупеникова.

[481] Документ выполнен на стандартном бланке, частично отпечатанном типографским способом с вставками, выполненными от руки. Документ заверен помощником секретаря Н.П. Крупениковым и подписан членами Судебной палаты.

[482] Далее следует перечисление участников процесса, а также описание сути дела. Во многих моментах идет повторение протокола (документ № 28).

Черемышева-Апанаева, Лаишевского уезда, Назмутдина Ишмухаметова Оглы-Ижбаева, 50 лет, признать виновным в сопротивлении Судебному Приставу с опасными для жизни угрозами, и на основании 272, 4 и 5 степ. 31 ст. Улож[ения] о Наказ[ании], лишив его всех особенных лично и по состоянию присвоенных прав и преимуществ, а также пожалованных ему медалей: светло-бронзовой в память Турецкой войны 1877–1878 гг., бронзовой в память усмирения польского мятежа 1863 – 1864 гг., заключить на один год с последствиями по 48 ст. и с заменою по 77 ст. Улож[ения] о Наказ[ании] судебные издержки возложить на подсудимого, приняв оные при несостоятельности его на счет казны. [...]

Документ № 30. 25.02.1891.
НАРТ. Ф. 51. Оп. 4. Д. 2227. Л. 2–8 об.

Определение[483]

[л. 2] 1891 г. Февраля 25 дня, по Указу Его Императорского Величества, Казанская Судебная Палата, в распорядительном заседании Уголовного Департамента, в котором присутствовали:

Председательствующий Р.К. Краус,

Члены: М.И. Зверев, С.Д. Бабушкин,

И[сполняющий] об[язанности] Тов[арища] Прокурора Н.А. Тимофеев,

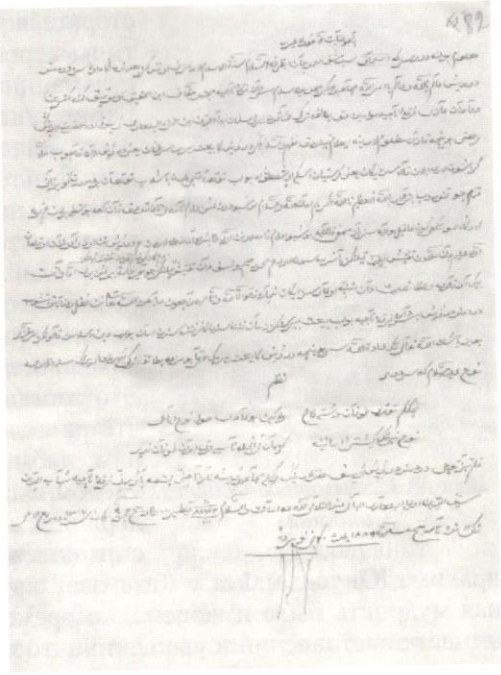
При Помощ[нике] Секретаря А.К. Миловидов,

Слушала: доклад Члена Палаты С.Д. Бабушкина о существе внесенных в Палату, при предложении Прокурора ее от 15 Февраля 1891 года за № 1950: 1, предварительного следствия по делу о крестьянине Шигабутдине Сайфутдинове, обвиняемом в преступлении, предусмотренном 274 ст. Улож[ения] о Наказ[ании], и 2, обвинительного акта, составленного Товарищем Прокурора Казанского окружного суда Рябчиковым о предании Сайфутдинова суду особого присутствия Казанской Судебной Палаты, с участием сословных представителей, за совершение вышеуказанного преступления.

Среди магометанского населения Казанской губернии, несколько лет тому назад, была распространяема содержащимся ныне в [л. 2об.] Казанской Окружной Лечебнице душевно-больным – крестьянином Ваисовым религиозная секта, под названием "Божий полк Ваисова",

[483] Копия определения. Документ выполнен на стандартном бланке, частично отпечатанном типографским способом с текстом, выполненным от руки. Копия была сверена с подлинным определением, заверена помощником секретаря Миловидовым и секретарем КОС, подпись которого написана неразборчиво. Документ дан в оригинальной орфографии с некоторыми сокращениями.

имеющая одним из главных пунктов своего вероучения отрицание властей, правительством установленных. Секта эта имеет многочисленных последователей, распространенных, между прочим, в Свияжском уезде, в числе же этих последователей состоит крестьянин названного уезда, деревни Карашам, Шигабутдин Сайфутдинов, называющий себя "поверенным начальника Божьего полка отца Ваисова". В декабре месяце 1889 года Казанские купцы 1-й гильдии Сайдашев и Тойкин получили, по городской почте, по письму (илл. № 32), на конверте которых, после надлежащего адреса, сделана была такая надпись: "от поверенного отца начальника Божьего полка, лично известного Его Императорскому Величеству и проч. и проч. и проч. Всему миру духовного отца Ваисова, Шагабутдин Сайфутдин Оглы, жительствующего 5 части г. Казани, Новотатарской слободе, в канцелярии всего мира Государственного молитвенного здания Махтуба Гирфан, утвержденный Правительством в СПБурге 1872 года. О благополучии Государя Императора [л. 3] и его Августейшего семейства из рода в роде окончания мира сего. Аминь". Видя, что письма эти написаны от последователя Ваисовской секты Шагабутдина Сайфутдинова, Сайдашев и Тойкин, не читая, препроводили их к приставу 5 части г. Казани Булгакову, которым они и были переданы участковому Судебному Следователю. По подлежащем переводе этих писем, написанных на татарском и арабском языках, оказалось, что оба они имеют тождественное следующее содержание: "О Боже, помоги; нет другого, кроме Тебя! Да будет известно Вам, после бесчисленных поклонов и приветствий (следует имя и фамилия адресата), Вам по приказанию дердиманд дервиша, познающего Бога, сведущего в повелениях Божьих великого воителя, возобновителя ислама, из искупленных правоверных,



Илл. № 31. Письмо, посланное Ш. Сайфутдиновым на имя А. Сайдашева в ноябре 1889 г., с приложением "Правил"

Илл. № 32. Ахметзян Яхьич Сайдашев

старателя истины, сына выполнителя истины, героя истинного и искупленного мусульманина до заветных времен господина Багаутдина Хамзина эль булгара Ваисова, известили угнетенных казанских мусульман; будьте здоровы. Если не подчинитесь дервишу, т.е. если избегнув дервиша, останетесь с крещенными муллами, т.е. пребывая [л. 3об.] крестьянскими обществами с 90 года в 91 году 4 губернии будут окончательно окрещены, клянусь Богом великим и всещедрым, да сохранит Господь. Это составленное уведомление мы по почте разослали по городу Казани и деревням, дабы не остались в неведении. Эти уведомления, истекающие из уст самого дервиша, наибольшие из которых во 1-х справьтесь у муллы Галамджана, Мухамедрахима Юнусова, Феаза Казакова[484], чтобы они не скрыли. Драгоценная мудрость была извещена, но времени осталось мало, если не понимаете наставлений и увещаний, что же делать? Скажите: мы от Бога и к нему вернемся. Засим если по милости и помощи Божьей, подчинитесь дердиманд-дервишу и, сделавшись искупленными мусульманами, избавившись от искушения века и кафиров (неверных) действительно останетесь мусульманами. Всем нам мусульманам болгарским тюркам подчинение дервишу в начале этого столетия, по желанию Божьему, будет Ноевым ковчегом.

Стихи:

Как только потоп занял землю, то не причинив Ною никакого вреда, потоп послужил к спасению Ноя и [л. 4] к погибели других.

Пишущий воитель и поверенный дердиманд дервиша господина Ваисова вышеозначенное лицо поверенный искупленный Шагабутдин Сайфутдинов Булгари во время разделения остающийся верным Богу. 10/8642/100. Кытмыр 1307 года по Геджре, рабигаль ахиря 11 дня, 1889 года по Р.Х. 20 Ноября". К каждому из этих писем было приложено по экземпляру правил о том, как должен себя держать правоверный мусульманин, при чем в заголовке означенных правил сказано, что их дает народу господин дердиманд-дервиш Ваисов, жалея и заботясь о народе и для Бога, который дал своему названному посланнику направление и истинную веру. В этих правилах есть, между прочим, следующие тезисы [...[485]].

[484] Имеются в виду мулла Галимджан Баруди, купцы Мухаммед-Рахим Юнусов и Фуад Казаков.

Далее призывается благословение Бога на правоверных мусульман, после чего изложено следующее:

"О, Боже! Не исполни желания, не выполняй намерений, отшиби память, ослепи глаза, отреж языки и лиши их вкуса, обессиль тех, которые прокляты Богом, ангелами и Пророками, – они те: муллы, продающие веру, именующие себя хаджиями, ишанами, и начальствующее составители инструкций законов; О, Ты, руководитель обращающихся к Тебе с просьбой! Аминь. О вознаграждающий просящих!".

Илл. № 33. Галимджан Баруди

"До свидания, будьте благополучны, привет, да сохранит Бог. 10/8642/100. Кытмыр. 1307 года по Геджры. Рябигаль ахир 11 дня. Понедельник. 1889 по Р.Х. 20 Ноября, понедельник".

[л. 7] "Еще, чтобы не остались в неизвестности, если останетесь на стороне вышеупомянутых мулл, то гибель ваша близка, т.е. общество, собравшись, подало прошение Государю; причина того, что Муфтий и Муллы не приняли участия, та – что он Муфтий, желая быть Митрополитом, поступил в духовное общество христиан и получил золотую медаль Святого Станислава 1 степени, а за ним муллы получили медали и подписали, что мы с ним (муфтием) окрестимся. Если вы последуете за муллами, то вам путь вот этот. Поймите! Если вы не последуете за дервишем, то, окрестившись, переходите к русским. Заключение всего вот это".

Вышеизложенное удостоверено при следствии как показаниями свидетелей: Булгакова, Сайдашева и Тойкина, так и переводом на русский язык писем и приложений к ним, писанных Сайфутдиновым и им посланных (л.д. 22, 23, 24, 49–51). Затем свидетель Яким Надеждин показал при следствии, что адреса на конвертах на имя Сайдашева и Тойкина [л. 7об.] писаны были им, свидетелем, по просьбе Сайфутдинова и под наблюдением последнего с черновика, им данного (л.д. 41).

Привлеченный к следствию по обвинению в преступлении, предусмотренном 274 ст. Улож[ения] о Наказ[ании], Шагабутдин Сайфутдинов виновным себя не признал, объяснив, что находящиеся при деле письма хотя и были посланы им по приказанию духовного отца Ваисова, но пи-

[485] Далее в виде цитат пересказано большинство пунктов "Правил" (документ № 26а).

сем этих он сам не читал и не знает, что в них написано; получил же он их для отсылки из канцелярии Ваисова, но кто таковые ему передал, объяснить не пожелал.

Рассмотрение изложенных обстоятельств дела приводит Судебную Палату к заключению, что обвиняемый Сайфутдинов достаточно изобличается в том, что он составил и распространил между мусульманским населением города Казани и Казанской губернии письма, в которых поместил ложные слухи о том, что всех мусульман Правительство непременно окрестит, если только они, мусульмане, не отринутся от муфтия и мулл, не присоединившихся к многочисленным мусульманским [л. 8] просьбам, поданным Правительству по поводу издания нового закона об обязательном знании муллами русского языка (Высочайше утвержденные 16 Июля 1888 года правила об установлении образовательного ценза для духовных лиц магометанского исповедания по округу Оренбургского духовного собрания), и что муфтий и муллы продали мусульманскую веру за награды их орденами и медалями, каковые письма и ложные слухи распространились с целью возбудить противодействие властям по предмету применения указанного выше закона. Это преступление Сайфутдинова предусмотрено 274 ст. Улож[ения] о Наказ[ании].

Посему Казанская Судебная Палата определяет: 1, крестьянина деревни Карашам, Азелеевской волости, Свияжского уезда, Казанской губернии Шигабутдина Сайфутдин Оглы (Сайфутдинова), 27 лет, предать суду Особого Присутствия Казанской Судебной Палаты, с участием сословных представителей, за совершение преступления, предусмотренного 274 ст. Улож[ения] о Наказ[ании]; 2, принятую против обвиняемого Сайфутдинова меру пресечения способов уклоняться [л. 8об.] от следствия и суда – состояние под полицейским надзором – заменить другою мерою, взяв названного обвиняемого под стражу в тюремный замок; 3, вызвать к судебному следствию обвиняемого Шигабутдина Сайфутдинова и свидетелей: Пристава 5 части г. Казани Булгакова, казанских купцов Валея Бикбова Тойкина и Ахметзяна Яхьина Сайдашева и крестьянина Акима Иванова Надеждина, и 4, засвидетельствованную копию сего определения, вместе с подлинным производством по рассматриваемому делу, препроводить к Прокурору Палаты, для распоряжения об исполнении. Подлинное за подлежащим подписом и скрепою. […]

Документ № 31. 4.04.1896.
НАРТ. Ф. 41. Оп. 2. Д. 2138. Л. 2–2об.

Заключение[486]
об освидетельствовании в состоянии умственных способностей крестьянина Казанской губ. и уезда, Мангальской волости, деревни Новых Юрбей Мухамета-Гали-Байрам-Галея-Оглы, обвиняемого по 286 ст. Улож[ения] о нак[азании]

26 Января 1896 года в 8 часов утра в Ядринском уездном тюремном замке все арестанты были выпущены для прогулки на двор; в 10 же часов утра бывший тогда на дежурстве младший надзиратель означенной тюрьмы Гавриил Никитин приказал арестантам идти по камерам, что последние и исполнили. Пока арестанты расходились по камерам, из одной из таковых вышел крестьянин Казанской губ[ернии] и уезда, Мангальской волости, деревни Новых Юрбей Мухамет-Гали-Байрам-Галей-Оглы, содержавшийся по приговору Казанской Судебной Палаты за нанесение ран околоточному надзирателю Хватову, с глиняным кувшином в руках. Увидав Мухамета, Никитин спросил его: "куда идешь, татарин?", на что тот ответил: "за водой", тотчас же подошел к Никитину с вопросом: зачем меня татарином назвал, я Божьего полка, а ты антихрист; Никитин на это возразил ему: "какого еще Божьего полка, ты настоящий татарин". Не успел Никитин произнести последнего слова, как Мухамет ударил его кувшином по левому виску так сильно, что кувшин разбился и у Мухамета в руках осталась только одна ручка, каковою он после этого нанес Никитину еще несколько ударов по подбородку, и от дальнейшего нанесения ударов Никитину был только удержан подбежавшим к нему старшим надзирателем тюрьмы Щепетовым.

Все вышеизложенное при производстве следствия удостоверено показаниями допрошенных в качестве свидетелей: Гавриила Никитина (л.д. 25), Матвея Васильева (л.д. 22), Александра Щепетова (л.д. 23 об.) и Никиты Ефремова (л.д. 39 об.), при чем свидетели добавили, что Мухамет обыкновенно бывает смирным и добродушным, почти постоянно проводит время в молитве, в данном же случае он совершенно не был похож на себя: был бледен, весь дрожал, глаза были красны и в слезах.

При допросе в качестве обвиняемого Мухамет вначале отказывался давать какие-либо ответы, говоря только, что он человек Ваисовского Божьего полка, хранитель Государя Императора по Божьей мудрости, что гражданского начальства он не признает, и что судить его может только Духовный [л. 2об.] Верховный Суд Оттоманской порты. Впоследствии же

[486] Заключение напечатано на пишущей машинке и подписано товарищем прокурора. Подпись прокурора неразборчива.

сказал, кто он такой, признал себя виновным в оскорблении действием надзирателя Никитина, объяснив, что сделал это он потому, что тот назвал его татарином, а это для него самое большое оскорбление, так как он из Ваисовского Божьего полка, а не татарин. В виду такового поведения Мухамета, последний был подвергнут медицинскому освидетельствованию и врачи признали, что Мухамет хотя и не имеет клинически ясно и определенно выраженной формы душевного расстройства, но принимая во внимание, что сфера его представлений постоянно занята идеями религиозного характера и что иного рода представлениями он видимо вовсе не интересуется, – представляет из себя субъекта в умственном отношении не нормального.

Принимая во внимание таковой отзыв врачей о состоянии умственных способностей Мухамета, я, на основании 353–356 ст. Уст. Угол. Суд., полагал бы: крестьянина Казанской губ[ернии] и уезда, Мангальской волости, деревни Новых Юрбей, Мухамета-Гали-Байрам-Галея-Оглы, обвиняемого по 286 ст. Улож[ения] о нак[азании] подвергнуть освидетельствованию в состоянии умственных способностей.

Заключение это составлено Апреля 4 дня 1896 года в г. Козмодемьянске и подлежит рассмотрению Казанского окружного Суда. […]

Документ № 32. 14.08.1896.
НАРТ. Ф. 41. Оп. 2. Д. 2138. Л. 11–14об.

Мнение[487]
о состоянии душевной деятельности арестанта Ядринской тюрьмы Магомет-Галей-Байрам-Галея-Оглы, обвиняемого в оскорблении действием младшего тюремного надзирателя Гавриила Никитина и находящегося на испытании в Казанской Окружной Лечебнице

26 Января с[его] г[ода] дежурный по коридору Ядринского тюремного замка младший тюремный надзиратель Гавриил Никитин в 10 часов утра скомандовал находившимся во дворе арестантам "на место", и когда арестанты пошли по камерам, навстречу им из камеры на двор показался Магомет-Галей-Байрам-Галеев, шедший с кувшином за водой для омовения. Увидав его, Никитин крикнул: "ты куда идешь, татарин?", "Я не татарин, а Божьего полка", возразил Галеев, "а ты антихрист". Никитин сказал ему: "какого еще Божьего полка, ты настоящий татарин". Тогда Галеев кувшином ударил Никитина по левому виску, отчего кувшин разбился, и в руках у Галеева осталась одна ручка, которой он еще ударил

[487] Заключение напечатано на пишущей машинке и подписано врачом. Документ дан полностью и без исправлений.

Никитину по подбородку, крича "антихрист, антихрист". Из подбородка и виска Никитина показалось немного крови. Никитин схватил Галеева за руки, и в это время подбежал старший надзиратель, который отвел Галеева в камеру, при чем последний шел без всякого сопротивления. Галеев был сильно разгорячен, весь дрожал, на глазах были слезы; в камере он продолжал кричать "Режем! Пришел нашу веру нарушать" (л. 22–24).

На допросе у судебного следователя Галеев признал себя виновным в том, что ударил надзирателя, и объяснил, что сделал это потому, что Никитин неоднократно называл его татариным и "татарской лопаткой", зная, что его называть так нельзя, так как он из Ваисовского Божьего полка; что Никитин нарочно дразнил его названием "татарин", а он Галей [л. 11об.] свою веру в обиду не даст и готов не знает, что сделать за нарушение веры (л. 30). Из показания старшего надзирателя тюремного замка видно, что Начальник тюрьмы предупредил Никитина и прочих надзирателей о том, что Галеева надо называть просто по фамилии (л. 24, 39).

Свидетельскими показаниями установлено, что Галеев человек смирный, вежливый, если его не раздражать, в тюрьме ни с кем из товарищей не имел ссор, арестанты не называли его татариным, зная, что это ему неприятно (л. 23, 24, 40); он часто молился Богу и ночью и днем (л. 39 об.).

Следственная власть, находя, что поведение Галеева, моментально от одного слова "татарин" пришедшего в какой-то "экстаз" (л. 28) заставляет предполагать в нем человека ненормального, пригласила врачей для судебно-медицинского освидетельствования арестанта Галеева. Врачи нашли, что хотя Галеев и не имеет клинически ясно и определенно выраженной формы душевного заболевания, но принимая во внимание, что сфера его представлений постоянно занята тесным и ограниченным кругом идей религиозного характера, необходимо признать умственно ненормальным, и что для окончательного суждения об этом требуется еще наблюдения над Галевым в Лечебнице для душевно-больных (л. 32 об.). Затем 4-го Мая с.г. обычным порядком Магомет-Галей-Байрам-Галеев-Оглы был принят в Казанскую Окружную Лечебницу для исследования и наблюдений.

Испытуемый 44-х лет, роста немного ниже среднего; крепкого телосложения; подкожного жирного слоя достаточное количество; мускулатура развита хорошо. Кожа на лице смуглая, на теле чистая, белая. На спине с обоих сторон следы кровавых банок, поставленных неизвестно когда. Лимфатические железы не прощупываются. Видимые слизистые оболочки окрашены в достаточной степени. Цвет волос черный. Величина головы соответствует росту; конфигурация ее особенных уклонений от нормы не представляет, но отчасти напоминает оксицефалическую. Верхний правый клык ушел из ряда зубов немного [л. 12] кзади. В строении ушей,

равно и твердого неба – ничего особенного. Пигментация радужных оболочек представляет некоторое уклонение: на темно-коричневом фоне – отдельно и резко стоящие точки черного пигмента. Зрачки равномерны. В глазах едва заметное косоглазие. Реакция зрачков на свет и боль вялая. В высунутом языке фибрилярные сокращения. Термическая, тактильная и боленая чувствительность не изменена. Рефлексы костные, кожные, мышечные и сухожильные заметно повышены, на животе также, на cremaster не исследованы, так как испытуемый упорно отказывается обнажать себя вполне, заявляя, что шариат не велит этого делать. Пателярные рефлексы повышены равномерно. Иннервация лицевых мускулов симметрична; выражение лица спокойное. Органы чувств функционируют правильно; впрочем, надо сказать, что исследовать обстоятельно зрение на каждый глаз отдельно не удалось, так как испытуемый ни за что не позволяет. Со стороны органов грудной и брюшной полостей изменений не замечается. Пульс умеренного наполнения, 84 в 1 [минуту]; сосуды вообще мягки, не изменены. Из предшествовавших болезней назвал какую-то инфекционную болезнь с жаром и головной болью, которой подвергалась вся семья в 1891 г.; кроме того, болел иногда болотной лихорадкой.

Из расспросов о наследственности не удалось выяснить ничего определенного.

В первое время пребывания своего в Окружной Лечебнице, пока он не дал всем почувствовать, кто он такой, Галеев держал себя с достоинством и в то же время с подозрительностью, как бы присматриваясь, не насмехаются ли, не посягают ли на его личность; это напряженное состояние порождало в нем некоторую раздражительность, так, например, когда однажды ему предложено было фельдшером взять себе стул и перенести в другую комнату для беседы с врачом, то он сразу вскипел: "неси сам или позови служителя". Но постепенно он оставил свою строптивость: вследствие ли ровного обращения с ним, или быть может вследствие появления в стенах Лечебницы, по его словам, "Государя Императора", трудно сказать. Теперь Галей немного волнуется только тогда, [л. 12об.] когда настаивает на выдаче ему книжки, чаплажки и принадлежностей для умывания; других желаний у него пока нет. Сознание времени, места и собственной личности у него всегда ясное. Памятью обладает неплохой. Первой заботой его было познакомить врачей со своим, так сказать, титулом, при чем он беспокоился, чтобы записали верно: "Магомет-Галей-Байрам-Галей-Оглы, веры – веры Магометанской, имеем милят Ибрагим Хали-Луглы, т.е. которая повелевающим указом Бого-Царя имеет святой шариат магометанский, имеем религия Имамахзанский, имеем секта Алисунат-Уайджамагат-суннинский, имеем обряды как есть магометанские. Я не татарин, не христианин, не раскольник, не идолопоклонник, верный подданный, присяжный природный духовное

лицо сословия Тюрки, потомственный Булгарский Войсебский Божий полк, староверческого общества мусульманин сотрудник всему миру, хранитель Государя Императора, охраняемого по Божьей мудрости, старший доверенный Вайсобе и ученик. Не признаю гражданских законов, не подчиняюсь антихристским законам. Есть наш старший начальник духовный отец Вайсов, наш он великий дервиш, сердечные путья[488]; есть наш кандидат Вайсобе Шегабдин-Сегафдин-Оглы[489]. Когда виновны будем – пущай судит духовный верховный суд – святой шариат, святой коран". По-русски Магомет-Галей объясняется плоховато. На вопросы о своем прошлом отвечает коротко и как бы неохотно, даже о вопросах его религии, которая одна его занимает, с ним нельзя разговаривать; если начать с ним какой-нибудь посторонний, не касающийся его личности или религии вопрос, то он просто молчит или заявляет, что "это все равно", "не знаю" или "зачем тебе". Понемногу удалось у него выпытать, что он попал в тюрьму года два тому назад; сначала сидел в Казанской тюрьме 10 с лишним месяцев, а потом в Ядринской 8 мес[яцев] и 10 дней. Причина – оскорбление действием околоточного надзирателя, который хотел арестовать его и других товарищей, когда они возвращались ночью из собрания единомышленников "Вайсобского Божьего полка". Все трое они колотили околоточного; один из них был задержан и выдал двух остальных; [л. 13] вот после этого его присудили в тюрьму на один год; он не знает, как присудил суд, потому что шариат не велит ему интересоваться этим (он не признает гражданского суда), но начальник тюрьмы сказал ему, что его присудили на 1 год в арестантские роты. Но Галей считает, что его посадили за Божье дело. В Лечебницу зачем попал не знает, но знает, что это случилось после того, как он ударил тюремного надзирателя, который постоянно дразнил его, называя "татарской лопаткой", "Божьим полком" и т.д. В поступке тюремного надзирателя он увидел оскорбление религии, в то время как преследовать религию никто не имеет права: если Бог терпит разные религии, говорит он, то как же люди смеют притеснять. Когда Магомет-Галей был на свободе, то его часто преследовали свои же татары на базаре, на улице, называя его человеком Божьего полка, даже бросали в него разные предметы, например, камешки. Но он Галей готов из-за религии перенести все. И в тюрьме и здесь он находится ради Божьего дела; а для Божьего дела он готов безропотно оставаться, сколько понадобится; хотя здесь лучше, чем в тюрьме, но для него безразлично, где находиться, так как это делается для религии; его дело молиться, а не заниматься физической работой. Книжка, чаплашка и тазик – вот все его требования. Он по целым дням сидит на одном месте во дворике или в комнате, как бы ожидая, когда настанет

[488] Сердечные бытия.
[489] Шигабутдин Сайфутдинов.

время молитвы: он молится не менее 5 раз в день, согласно шариату. В обществе своих сотоварищей он мало разговорчив, и если беседует, то всегда на религиозные темы, которые ограничиваются, впрочем, передачею прочитанного из священных книг, преимущественно каких-нибудь необыкновенных превращений, фабул. К ним Галей питает особенную склонность; а знание это возвышает его в глазах окружающих его, по большей части безграмотных татар, которые прямо называют его "ученым". Впрочем, какого-нибудь открытого самомнения на этой почве Галей не обнаруживает, напротив, он не упускает случая выставить на вид свою скромность, которая рекомендуется, по его словам, шариатом. То обстоятельство, что [л. 13об.] испытуемый сектант и Ваисовец, делает затруднение в исследовании его психической сферы; как сектант он часто пускает в ход усвоенную им скрытность и ответы "не знаю", "как духовный отец велит" и т.д.; но иногда бывали часы, когда Галеев высказывался, что сам рад бы поговорить, да не о чем; на предлагаемые вопросы, не касающиеся его секты, отвечает уклончиво и однообразно, иногда так туманно, что ничего нельзя было понять. Несомненно, что образование и течение представлений замедленно, видна бедность мысли. Что касается волевой сферы его, то насколько она выражается в физических движениях, в работе, можно сказать, что она замедленная, вяла; но и здесь Галеев прибегает к "духовному отцу" для своего оправдания, заявляет, что Ваисобе не велит работать; хотя после неоднократных указаний ему на то, что нельзя быть человеку без работы, он начал подметать крошки, подающие со стола после обеда. На вопрос, как же он Галей будет жить на воле, если он не желает работать, отвечал "это Бог знает, это знает духовный отец". Каких-нибудь намерений на религиозную пропаганду или вообще на деятельность в этой сфере в будущем он не рассчитывает и, по-видимому, совершенно доволен настоящим. Дайте ему только книжку, чаплашку и тазик, а также накормите, и ему больше ничего не надо; ни свобода, ни слава, ни богатство его не интересует. "Кто сыт – тот и богат" говорит он и подобными готовыми сентенциями он часто прикрывается, чтобы не дать ответа на вопрос. Таким образом, мы замечаем в испытуемом бедность мысли, чувства и воли, безразличное отношение ко всему, почти равнодушие, хотя последнее прикрывается у него религиозным смирением.

Что касается идей, то кроме тех, какие составляют основу учения секты Ваисова, испытуемый не высказывал вначале ничего. Через 1½ месяца приблизительно после поступления в Лечебницу Галей обратился однажды к ординатору с просьбой перевести его в другое, среднее отделение, потому что он здесь слышал двоих, которые ругают Царя, а он хранитель Царя. "Зачем держишь здесь, ответишь. Царь спросит. Пошли [л. 14] телеграмма Царю, что здесь", говорил он раздраженно. Как видно

из титула Галея, он, как Ваисовец, есть хранитель Государя Императора; из его слов можно даже заключить, что главной задачей Божьего полка является охрана Государя Императора. Однако Галеев только однажды высказался таким образом пред ординатором и успокоился, замолчал надолго. Еще через месяц наблюдение за Галеевым поручено было вновь прикомандированному в Лечебницу врачу. При первом же свидании с ним у испытуемого сразу явилась мысль, что это Государь Император, который приехал сюда под видом врача. Никакие опровержения и уверения в противоположном не разубедили Магомет-Галея до сих пор, т.е. в течение 1 ½ месяца. На вопрос, почему он считает, что это Государь, Галей отвечает, что он "чувствует это", потом он еще видел портрет Государя, наконец и то обстоятельство, что первые беседы с ним велись в иной комнате, чем обыкновенно, – все это убеждает его в том, что он имеет дело с царем. На возражение, что Царь разве может посвящать Лечебнице столько времени, жить здесь, разве Царь появляется при такой простой обстановке, в такой одежде и т.д. Галеев сказал, что нечего его обманывать, что в его книжке сказано, что в древности Цари и Пророки умышленно надевали простые одежды, живали в простых хижинах, чтобы иметь возможность поближе вникать в жизнь подданных. Никакие разубеждения в том, что времена изменились, не помогли; он остается при своем. Он считает, что Государь Император приехал сюда, чтобы лично расследовать дело его и вообще Ваисовцев, а также наградить его; но последнюю мысль он высказал сначала вскользь, когда же его заставили повторить яснее, то он, прикрываясь скромностью, сказал уже, что может быть не одно только его дело привело сюда Государя, а и другие дела; а относительно награды себе отвечал, что он не может назначить себе награды, а про то "знает духовный отец" и "сам знаешь".

Галей не высказывает, чего бы он хотел для себя и для Ваисовцев; он только надеется, что какие-то перемены будут. [л. 14об.] По прежнему он подозрителен и даже "Государю Императору" не позволяет себя исследовать: когда испытывают его чувствительность, то он боится, чтобы на его теле не делали крестообразных уколов. После переменного закрывания глаз при исследовании зрачков Галей заметил, что стал хуже видеть; этого было достаточно, чтобы Галей навсегда отказался от какого бы ни было исследования (надо полагать, что зрение на один глаз у него всегда было хуже). Однажды во время взвешивания Галея ординатор, который сидел в стороне, написал на бумаге знак Z; Галей увидел это, принял знак "креста", по его мнению, на свой счет, быстро вскочил с весов и ушел из комнаты. Однажды врач отвел в сторону для разговора одного из собеседников Галея, он тотчас же заподозрил, что речь идет о нем, о Галее. Подобных примеров можно привести и еще, но достаточно и этих, чтобы убедится в том, что у Галея имеется и "бред оценки" и "аллегоризация"

ощущений и болезненная подозрительность и слабость критики и наконец обманы чувств – словом значительные данные, благоприятствующие составлению бредовых идей, т.е. ложного понимания и ложного толкования окружающего, с наклонностью систематизации этих идей. Правда бредовых идей Галея мы не знаем еще в подробностях, но быть может это происходит от того, что Галей, как и вообще больные этого типа, долго скрывают их, или быть может это происходит от того, что Галей, по слабости своего интеллекта, не в состоянии его развить как следует шире и подробнее; такую слабость его, ограниченность, мы отметили выше. Но знание бредовых идей Галея в подробностях может представлять интерес только клинический, для настоящей же цели только важно и в то же время несомненно, что бредовый период болезни наступил и мы должны назвать душевное заболевание Галея – первичным сумасшествием на религиозной почве (*Paranoia religiosa*). Находясь в таковом состоянии он и совершил преступление, в котором обвиняется.

За Ординатора врач, прикомандированный к Окружной Лечебнице от Медицинского департамента Мин[истерства] Вн[утренних] Дел, С. Василькевич.

Августа 14 дня 1896 года.

Документ № 33. 1897.
Неврологический вестник. 1897. Том 5. Выпуск 4. С. 123–140.

Из Казанской Окружной Лечебницы[490]
Случай эпидемического помешательства на религиозной почве
Ординатора психиатрической клиники М.М. Маевского

В настоящем очерке я имею в виду представить характеристику инициатора религиозно-социального движения, появившегося среди мусульманского населения восточной России, крестьянина Казанской губернии Багаутдина В. и некоторых из его самых ближайших сподвижников.

В., крестьянин деревни Молвиной Свияжского уезда Казанской губернии, крепкий, бодрый, среднего роста старик 62 лет, впервые стал известен с 1882 года, когда он был арестован и предан суду за самовольное открытие учебного заведения без разрешения на то правительства и мусульманского духовного правления. Несмотря на разъяснение инспектора народных училищ, что для открытия училища требуется разрешение властей, свидетельство духовного собрания и обязательство держать учителя русского языка, В. отказался повиноваться законным требования и не закрывал училища. В камере судебного следователя он держал себя настолько странно, что потребовалось освидетельствование его умственных способностей.

[490] Доложено в Обществе невропатологов и психиатров при Казанском Университете 2 февраля 1897 года – примечание издателя. Документ дается по публикации в Неврологическом вестнике.

При допросе заявил, что он – садовник Императорского сада; звание его – природный старовер, старый [с. 124] мусульманин, известное лицо всем народам мира, поверенный Ислама, потерпевший убытки, страдающий за захват, божьего полка определенный дистаночный начальник; сотрудник всему миру, природный духовный вероисповедник, светлый умом своим, сословия Тюрки, верноподданный монарху, лично известный Его Императорскому Величеству, природный духовный, веры мусульманской, религии Ханафей акзанской, секты сюннитской, духовный отец В.; заявил, что он страдал и страдает за интерес Государя императора, для его государства и державы; что он от здешнего начальства не имеет никакого вознаграждения, а только одни страдания и мытарства, которым подвергает его за это начальство. В пояснение своих слов В. пишет отзыв на 2-х листах убористого письма, где говорит, что Окружной Суд продал с аукционного торга его сочинения и просит этот суд выдать ему справку, на каком основании продали его книги, а ему самому грозили тюрьмой и Сибирью. Это обстоятельство послужило поводом к заключению В. для испытания умственных способностей в Казанскую Окружную лечебницу, куда он был помещен в конце июля (29) 1882 года и где пробыл 3 месяца. Сведения о нем за этот период времени я передам выдержками из истории болезни.

29-го июля. Передает, что государю послал прошение, а затем телеграмму, чтобы помочь Ему во время коронации. Много молится Богу; говорит, что сочиняет молитвы, которые напечатаны уже. Написал по-арабски директору бумагу.

Август 3–6. Целые дни проводит в молитве или чтении священных книг. Если во время чтения кто-нибудь зайдет к нему, то от книг не отрывается и на вошедшего не обращает никакого внимания.

8-го. При поливке водой крыш забрызгали окно комнаты В. В. заявил, что он глубоко ранен, что потопили его комнату и орудия (книги), что он и без того глубоко ранен. Уверяет, что татары сделали это нарочно, так как они смеялись. “Если они будут говорить, что пошутили, то я все-таки их не прощу, так как мне шутить некогда”.

10-го. 3 дня письменно излагал свое дело; в этом документе он говорит о своем высоком призвании и о возвышенной цели, служению которой он посвятил всю свою жизнь. Призвание его стоять на страже справедливости [с. 125] и веры, объяснять закон Божий и бороться против всякой неправды, не щадя ни состояния, ни жизни, ни своих детей.

Себя называет В. дервишем, высоким, природным светлым умом, рядовым Божьего полка, воином, которому по гроб жизни нет отставки. Природные духовные по В. те, которые происходят от самого Магомета. Дервишем делается тот из природных духовных, кто жизнь до 40-летнего возраста провел в постоянном изучении священных книг и то по избранию самого Бога. Естественный дервиш, как избранник Бога, выше всех духовных, назначенных людьми.

12-го передал, что татары его ненавидят вот уже 30 лет за то, что они сочинил молитву за Александра II, потом за Александра III. Ненавидят и за то, что он в последнюю русско-турецкую войну доносил на них, когда те пересылали туркам деньги. Татары поджигают его, скупают его книги и уничтожают их; бранят и ругают его, когда он идет по улице, бросают в него и его детей камнями. Жаловался полиции, но жалобы его остались без последствий, так как полиция подкуплена и действует заодно с татарами.

15-го рассказывал, что 4 ночи подряд перед поступлением его в лечебницу подходили к нему татары, стучали в его двери, срывали их и бросали. Уверен, что если бы он вышел, то его убили бы. В. заявлял об этом полиции и просил принять меры. "Если же еще раз придут татары, то он будет стрелять". Полицейский надзиратель приезжал на другой день к нему в дом, собрал целую толпу татар, кричал и вел себя неприлично. В. пожаловался губернатору. Последний вызвал его к себе; В. отправился туда с помощником-учеником. Оттуда его отправили к Х[491]. У последнего за ними заперли 2-е дверей, и у каждой двери человек. В приемной с В. сидел какой-то татарин, который спросил его о чем то, а потом заплакал. "У меня, говорит В., сердце так и сжалось – нехорошее тут что-то. Потом позвали меня, продолжает В., к Х. и дверь опять заперли; в комнате были – Х., полицмейстер М., В. и здоровый человек у окна (ударит – так убьет). Х. сказал, что министр прислал бумагу и не велел ехать на коронацию. М. к этому прибавил, что он 16 лет знает В. и что его давно следует прикончить. На это я, говорит В., ответил, г. полицмейстер, я тебя 20 лет знаю и ты как есть разбойник, сколько ты человек убил. М. вскочил, хотел выхватить саблю и ударить ею В., но в это время появился в комнате еще седой старик (в дверь между тем никто не входил). Тут Х. велел мне взять свои бумаги и уйти. Я взял свои и часть лежавших на столе, чтобы иметь доказательства, и ушел. В приемной татарин, когда увидел меня целым, закрылся руками и горько заплакал. Выйдя на улицу я долго ждал, но белый старик так и не выходил. На другой день после этого меня взяли на улице и отправили в губернское правление".

[491] Вероятнее всего, речь идет о вице-губернаторе К.Н. Хитрово.

23-го. Часто просит, чтобы допустили к нему жену и детей, так как сильно страдает в разлуке с семьей. О своем страдании В. говорит [с. 126] также равнодушно, как и о самых обыденных вещах. Тоже равнодушие замечается и при рассказах о его высоком призвании, о гонениях, о материальных потерях и нравственных обидах.

25. Видится почти ежедневно с родными. Уверяет, что если бы не отвели в лечебницу, то погиб бы; вместе с тем просит нельзя ли его выписать, так как он совершенно здоров. Отказ ему читать свою молитву при короновании приписывает происками врагов.

Сентябрь 1. Спрашивает, будет ли дан ход его заявлению до высшего начальства, от которого надеется получить удовлетворение своих требований и устранение всех обид и несправедливостей.

7. Дал врачу молитву, составленную за Государя и просил послать ее министру внутренних дел, уверяя, что тогда он В. будет первым человеком и не забудет услуг.

23. Выписан в неулучшенном состоянии.

15 сентября ординатором лечебницы Карповым дано было заключение об умственном состоянии В. за время пребывания в Лечебнице в следующих выражениях – "хотя многое из вышеизложенного (в истории болезни) должно быть отнесено за счет неразвитости, суеверий, религиозного фанатизма, действительных преследований, однако вышеупомянутые факты не в состоянии одни вызвать описанные ненормальные явления в душевной жизни В., а именно: ослабление в сфере душевных чувств, сутяжничество, вытекающее из идей преследования, горделивые идеи с религиозной подкладкой, слабость суждения. Поэтому нельзя не признать, что крестьянин В. страдает сумасшествием". Несмотря на это заключение особым присутствием Губернского Правления В. был признан здоровым, о чем известили и директора Лечебницы. После освобождения В. просит директора дать ему свидетельство в том, что он В. психически совершенно здоров, но получает отказ. С целью добиться выдачи этого документа, он шлет ему прошение, где между прочим говорится следующее – "где же после этого справедливость и признание к Богу и Царю, когда вы отказали мне по одному лишь вашему нежеланию. Это обстоятельство ни на что не похоже, и я прошу от вас законного распоряжения относительно выдачи мне означенного свидетельства, которое мне необходимо нужно для доказательства, где следует, претерпевшего мною страдания. Я, страдающий Божия полка, разве не был в Лечебнице? Если же был, то отказ ваш в выдаче мне свидетельства незаконный, почему покорнейше прошу обратить на это внимание и выслать мне просимое свидетельство по месту жительства". На этот раз дело пока этим и кончилось. В январе 1883 г. В. снова очутился в камере судебного следователя по обвинению в истязании

трех крестьянских мальчиков, сопровождавшемся лишением их свободы. При допросе В. доказывал, что эти мальчики хотели отравить его мышьяком и высказал снова прежние бредовые идеи величия религиозного характера. Вследствие этого из предварительного заключения В. был отправлен в Окружную Лечебницу на испытание во второй раз.

[с. 127] При поступлении в лечебницу (16 февр. 83 г.) жалуется на боль в колене и на то, что ему вследствие этой боли можно ходить только с палкой, а ему этого не позволяют, тогда как ему нужно обязательно ходить в виду того, что ему, как дистаночному начальнику Божьего полка, сотруднику всего мира, следует постоянно быть на своем посту, постоянно быть везде. Не хочет находиться вместе с другими больными, отказывается подчиняться порядкам Лечебницы, не участвует в прогулках и не есть пищи, приготовленной из мяса скотины, зарезанной не рукой правоверного. Не может ходить в больничном платье. Возмущается клеветой, что он сделал злое детям, тогда как они отравили его мышьяком и приводит это покушение в связи с покушением против власти Государя.

1–8 марта. Сидя в общих комнатах, стал занавешивать нос и рот; говоря, что малейшие следы дыма (которого в общих комнатах нет и следа) могут убить его при его обязанностях. Стал снимать белье Лечебницы во время молитвы, считая его вследствие короткости неприличным, так как оно не прикрывает даже половых органов.

5–19 апреля. Факт лишения мальчиков свободы отрицает, говоря, что это выдумка полиции, которая находится в постоянной вражде с ним.

3–17 мая. Сравнивает себя с ощипанной птицей; говорит, что здесь он совсем не у дела, что ему надо делать его, т.е. Божье дело, которое показывает наука "Гирфан"; что он вовсе не крестьянин, так как на нем нет креста, и не мужик. Он духовный: если тот, у кого 19 родов было духовным, не духовный, так кто же после этого духовный. Говорит, что попал он сюда (в лечебницу) по людской глупости и по злобе на него злых людей. В августе спокоен, малодоступен, постоянно жалуется, что все его обижают. Действует своими наставлениями на больного татарина Х., чтобы тот не ел больничной пищи. По временам ведет беседу относительно религии, говорит, что татары совсем не понимают алкорана. В конце сентября (23) был выписан по распоряжению судебных властей из лечебницы и отдан на попечение родным. После этого до июля 1894 г.[492] о В. ничего неизвестно. В июле 84-го года он снова попал под суд за неповиновение власти и оскорбление судебного пристава при исполнении обязанностей. Обстоятельства дела заключаются в том, что судебный пристав в сопровождении нескольких других должностных лиц явился к В. для вручения повестки о взыскании с него денег. Жена В. не допустила к мужу, но с помощью полиции означенные лица вошли во двор дома, прошли в сад, где у отворенного окна и увидели В. Последний резко заявил, что повестки не примет, назвал пристава мошенником, изменником, разбойником. Когда же пристав заявил, что действует по закону, В. ответил, что законов знать не хочет и не признает; что все они разбойники и изменники. Во время этой сцены В. был совершенно трезв. Между прочим ближайшим мотивом непринятия повестки было то обстоятельство, что он В. не крестьянин, как написано [с. 127] в ней, а поверенный Ислама, сотрудник всему миру, духовный отец староверческого мусульманского общества; и что никто не имеет права от него требовать, так как он лично известен Его Величеству. Это происшествие дало повод усомниться в нормальности психического состояния В., и его для наблюдения и исследования поместили в 3-й раз в Лечебницу для душевнобольных.

[492] В тексте опечатка – должно быть 1884 г.

При поступлении в Лечебницу 8 августа В. выражает недовольство, что его исследуют, не стоит спокойно при исследовании, видимо сердится; если его просят вздохнуть, задерживает дыхание. Подобное поведение оправдывает тем, что он совершенно здоров и неправильно заключен в Лечебницу, что его захватили в молитвенном доме по распоряжению Окружного суда, сделали насилие и затем заключили в Лечебницу. Делая такие противозаконные деяния, суд, по мнению В., ничем не руководился, так как вины за ним нет, а потому он и намерен жаловаться на суд и может быть на Лечебницу Государю.

14 августа. Называет себя начальником дистанции Божьего полка. Он послан Богом охранять интересы веры и Царя. Просит поскорее освободить его из заключения; говорит, что будет судим лишь одним Богом, как Его представитель; просит дать ему Коран, чернил, бумаги, чтобы записывать все то, что будет ему вдохновлено во время чтения Корана.

Октябрь. Охотно учит грамоте двух больных, по старому постоянно недоволен, пишет разного рода прошения и жалобы, посылая их потихоньку от врачей через родных и знакомых. 23 ноября был выпущен на свободу и водворен на место жительства под надзор полиции.

Но свобода В. продолжалась весьма недолго, – он снова и навсегда был помещен в лечебницу как опасный для спокойствия общества душевнобольной. Все невзгоды, обрушившиеся на В., утвердили его на мысли, что его преследуют и власти и соплеменники. За это время он не переставал пропагандировать свое учение при посредстве молитвенного дома, который он открыл негласно взамен прежнего училища; в этом доме собирался тесный кружок его последователей, что и вызвало окон-

чательное помещение В. в Лечебницу. В начале января 84 г.[493] при описи дома В. судебным приставом он вместе с 5-6 учениками оказал вооруженное сопротивление. Судебного пристава и понятых какой-то татарин впустил во двор, куда их сначала не пускали. Тут на описывающих было сделано нападение – В. выскочил из дома с саблей в руках, в руках его учеников оказались дубины, коса, кистени. Должностные лица были сильно избиты. Суд[ебный] пристав получил довольно серьезную рану в спину. После этого В., как субъект, уже известный за душевнобольного, был отправлен в Лечебницу. Перед этим побоищем суд[ебный] пристав получил от В. бумагу с предупреждением не являться к описи в виду неприятных последствий, какие может повлечь для него эта опись. Предупреждение сформулировано так – "должны ответить тебе перед острой саблей, потому что собаке собачья смерть; храбрым награда; и отодрать тебе голову [с. 129] долой". В феврале 1885 г. В. был потребован для испытания в губернское правление. Войдя в присутствие, он стал, закрывши лицо руками, затем повернулся спиной к присутствующим и портрету Государя. Когда В. заметили, что он относится с неуважением и к присутствующим, и к портрету Государя, он ответил, что уже достаточно постоял лицом к портрету, когда вошел в комнату, а теперь стал спиной к присутствующим потому, что не признает, как мусульманин староверческого общества, гражданских властей и никого, кроме верховной власти – "я гражданскому начальству не могу ничего, говорит В., потому что оно явилось истребить меня". При допросе в камере судебного следователя стал упрекать последнего в том, что он следователь изменник правительству; что хочет его В. заключить в тюрьму и сослать на каторгу. Угрожал ответственностью за захват молитвенного дома при посредстве большого количества войска (после побоища В. со своими учениками из молитвенного дома был взят военной командой). Говорит, что его все преследуют – татары и власти неоднократно покушались на его жизнь, сожгли 20000 его книг, им сочиненных. На подобное своеволие он нигде не находит правды, а дождался лишь одной тюрьмы. Повернувшись быстро к присутствующим спиной и показав клеймо на халате, быстро и порывисто вышел из камеры. В лечебнице В. стал высказывать тот же горделиво-религиозный бред, те же идеи преследования, что и в предыдущие разы. Преследуемый, гонимый, по его мнению, со всех сторон, не видящий нигде правды и правосудия, он начинает осаждать всевозможные учреждения массой прошений, отзывов, докладов и т.п. бумаг подчас чисто кляузнического содержания, подчас наполненных отборной руганью и выражениями ненависти к властям и соплеменникам. Я не привожу ни одного из таких документов вследствие невозможной для печати их редакции. Число этих бумаг,

[493] В тексте опечатка – должно быть 1885 г.

помеченных исходящими из канцелярии В., превышает далеко цифру 100. Все они скреплены именной печатью, на которой вырезано звание и титул В. – "дардеманд дервиш Богаутдин Хамзин В. Альбулгари". Бумаги имеют определенный заголовок: "от Императорского молитвенного здания Мактуб Гирфан, канцелярии меня всего мира духовного отца, природного духовного лица, сотрудника всего мира сего, Божьего полка определенной дистанции начальника, который повелевающим указом Бога-Царя самого этого Божьего полка, дардеманд дервиш Булгари Ибн дервиш Хамза В.". Отрицание властей у него было полное, единственной властью для своих последователей он поставил Бога, Царя и себя. Свидетельство, данное им, считал вполне достаточным для проживания во всех концах мира. Я привожу одно из таких свидетельств. Свидетельство написано на обыкновенном паспортном листе. "Дано сие свидетельство Х. В случае надобности и по собственному своему желанию имеет право быть во всем свете, на что я сам и благословляю его самого. Спаси Бог, амин. Его же свободе да никто не посмеет воспрепятствовать, кроме меня самого [с. 130] его духовного отца В.; и даже будет это свидетельство матрикулярным документом в потомство его из рода в род до окончания сего мира. Амин! По закону и в силу закона во всем этом подписуюсь своею собственною личною подписью своей рукой по мусульмански и удостоверяю все это сие приложением своей должностной печати своего Божьего полка".

Примирившись до некоторой степени с пребыванием в лечебнице В. стал заниматься чтением священных книг и обучать татар грамоте. От времени до времени подавал директору доклады и по прочтении требовал их назад для того, чтобы пользоваться этими докладами, как документами. Жалобы и доклады В. обыкновенно писал сам по-татарски, а по приходе в нему родных и учеников диктовал им, переводя на русский язык. Он садился на кровать по-турецки, а родственники и ученики стояли все время на коленях. Кроме диктовки, он им читал Алкоран, поучения и молитвы. В 1888 году пораженный неудачей своих прошений и докладов сразу написал прошение в Государственный Совет. В этом прошении говорит, что его несправедливо считают душевнобольным – он, напротив, совершенно здоров. Вот его доказательства собственного здоровья и ума: он не глуп, стало быть не сумасшедший; этого доказательства одного достаточно в виду настоящих и будущих чудес. Он выбран дервишем семью соборами; от пяти жен имел 42 сына, из которых в живых остались трое, и все обладают светлым умом. После доказательств в пользу душевного здоровья переходит к жалобам на преследования со стороны мусульман и властей. Мусульман он разделяет на две категории: 1) татары (не ваши и не наши) и 2) мусульмане; последние в свою очередь делятся на мусульман "ме-мин" и по-

следователей В. Вот эти-то "не наши и не ваши" извели всех пять жен В. побоями, брата и родную сестру отравили мышьяком. В заключение заявляет, что Болгарская земля его потомственное родительское владение, и в конце концов просит отпустить его с семейством и близкими людьми в Мекку и Медину, испрашивая на это вспомоществование в 10000 рублей. Такого рода бумаги, посылаемые в высшие государственные учреждения и содержащие нередко наряду с просьбами, жалобами и угрозы за невнимание к нему, повели к тому, что было запрещено принимать и пересылать эти бумаги.

В сентябре 1889 года объявил врачу, что он, Светлый своим умом, явился через 1000 лет после Магомета через ряд духовных поколений дервишей; он родня Магомету в 19-м колене. В это же время однажды врачу задал вопрос, что такое Италия; когда его любопытство было удовлетворено, сказал, что в этой стране будет собор, на котором будет говориться об его освобождении. Промышленную выставку в Казани в 1891 году считает страшным судом, на который соберутся все цари и народы мира; на этом суде будет разбираться его дело, которое, как он верит, обязательно восторжествует. Страдания свои сравнивает со страданиями Иосифа Прекрасного. Уход из Лечебницы директора В. считает наконец-то исполнившимся наказанием и выражает надежду, что, таким образом, погибнуть все его враги, и он один останется со своими учениками.

[с. 131] В 93 году преклонный возраст сказался. В. стал мало-помалу гаснуть, слабел физически; умственные же способности сохранил настолько, что выработавшийся в известную систему бред поддерживался в достаточной степени. От лекарств упорно отказывался, считая себя врачом и профессором. Умер 17-го сентября 1893 года.

Таким образом, из вышеописанных фактов видно, что все сознание В., вся интеллектуальная сфера его заполнены идеями религиозного величия в пестрой смеси с идеями преследования. Сведений о В. до 1882 года – о его жизни, воспитании, наследственности – совершенно нет в силу крайней замкнутости и полного нежелания давать такие сведения; также нет данных, которые позволили бы с положительностью указать причины и начало его болезни. Перед нами человек уже со стойкими, сформировавшимися идеями бреда. Вероятно, отличаясь особенною религиозною пытливостью и усиленной набожностью, он углубился в чтение священных книг, скоро почувствовал в себе что-то особенное, отмечающее его от остальных соплеменников и позволяющее ему видеть особый смысл в читанном – смысл, уразуметь который другие не были в состоянии. Явилось предположение, не награжден ли он особым даром свыше, не является ли он невольным толкователем особых Божьих велений. Отсюда выработалось мало-помалу представление, что он в силу особых велений судеб духовное лицо и притом не простое, а имеющее за собой в прошлом предков духовных и, может быть, самого Магомета. От условного родства с Магометом он перешел к фактическому, утверждая, что он родня Магомета в 19 колене. Потомок Магомета, притом так же, как и тот, неисповедимыми судьбами наделенный особыми дарами – светлым умом, пониманием божьих слов, необходимо должен руководить менее понимающими и постоянно уклоняющимися от священных правил жизни людьми. В этом он увидел свое высокое призвание стоять на страже справедливости и веры, объяснять закон Божий и [с. 132] бороться против всякой неправды. Тот, кто идет спасать других, не должен щадить себя; поэтому он не щадит ни состояния, ни жизни; он знает только свою высокую миссию. Подметив в народе всякие пороки, В. выступил с обличительным словом как против не соблюдающих святых правил Корана, так и против руководителей народа мулл. Скоро собралась вокруг В. кучка людей, жаждущих нового слова, нашедших руководителя своим неясным мистическим стремлениям. Он основывает общество мусульман староверов, слепо повинующихся одним только велениям Корана. С этих пор в жизни В. и его учения важная перемена. Он замечен своими противниками, подвергшими его преследованиям и насмешкам. В муллах он возбуждает опасения, как религиозный новатор. В. подвергся гонениям со стороны мусульманского духовенства, что видно из его бесконечных жалоб по этому поводу, в которых, несмотря на массу преувеличений, есть доля правды. В религиозные распри были вмешаны гражданские власти, к защите которых прибегал В. Власти ему не помогли, и он начинает подозревать, что начальство стоит на стороне мулл, муллы были, по его мнению, поборники неправды и нарушители правил Корана, данных Богом; стало быть, власти тоже виновны в том, в чем обвинялось мусульманское духовенство. Отсюда зарождается недоверие и ненависть к властям, а под конец и полное непризнание их. По мнению В., муллы нарушают волю Бога, а гражданские власти волю Царя, которому служат, так как не хотят стоять за правое дело. Он стал утверждать, что начальники изменили Царю и народу. Таким образом, в учении староверческого мусульманского общества вошло полное отрицание гражданских властей; староверы мусульмане признают только Бога и Государя. В виду постоянной измены и неправды, которые В. видел вокруг, он поставил себе целью охранять общество и особу государя во имя Божьего закона. Он сочиняет молитвы за Царя, которые могут охранить [с. 133] Его от всяких бед и измены. Он называет свою общину Божьим полком, в котором сам состоит предводителем, "начальником дистанции" и воином, которому по гроб нет отставки; цель этого полка – охранять особу Государя и блюсти чистоту нравов. Для образования чле-

нов полка В. основывает учебное заведение, в котором преподавалась священная наука "Гирфан". Между тем идеи о своей высшей власти, высшем назначении и, наконец, о несправедливых преследованиях начинают прогрессировать. В. стал окончательно выше всех людей, он подчиняется только Богу и Государю, все же остальные не имеют никакой власти, никакого права над ним. В этой мысли его, по-видимому, утверждали галлюцинации зрения и слуха. Так в сцене у Х. является белый старик, неизвестно как попавший в кабинет, и одним мановением головы освобождает его. К нему по ночам являются татары, срывают двери и окна, но вреда никогда не могут нанести. Все несчастья только утверждали В. в правоте его и несомненности его высокого Божественного назначения; он всецело отдался своим мистическим грезам, за пределами которых для него ничего не существовало. У В. формальная сторона мышления сохранена, поэтому он так последовательно делает свои заключения из нелепых посылок; с ослабленной критикой внешних отношений, подчинившись одной определенной идее, он построил на этой идее новый мир, в котором он живет и за пределы которого ему нет возможности выбраться. Эта идея и этот новый мир В. находятся в строгой зависимости от среды и верований, среди которых ему довелось жить. К характеристике В-ского бреда приведу слова Magnan и Serieux – l'aspect, sous laquel se present le malad atteint de delire chronique varie non seulement suivant le pariode de a psychose, mais encore avec ses croyances son education, le milieu social, dans lequel il a vecu, ses preoccupations habituelles. Jl emprunt a ces divers clements, pour edifier son delire et lui donner la marque [с. 134] de son individualite propre (Le delire chronique). На характере бреда В. вполне отразилось воспитание, которое дается мусульманским детям. Вся система воспитания зиждется на Коране; вся жизнь мусульманина с рождения до смерти предусмотрена и регулирована религией; помимо религии нет иного знания. Поэтому до некоторой степени понятно, почему при благоприятных условиях В. развивал свой бред именно в сторону того, что он более всего знал, что более подходило для его отвлеченного понимания.

В настоящем случае как идеи преследования вытекают из первоначальных идей величия (его не признают, ему мешают), так и наблюдаемое нами сутяжничество есть последствие идей преследования. В. постоянно ищет справедливого отношения к себе и не только к себе, но и к своим ученикам. В одном из прошений он пишет, чтобы его и его учеников отпустили в Мекку, где они беспрепятственно могут служить своему делу. В силу своего повышенного самочувствие В. считает себя в праве требовать преклонения перед ним, общего уважения, а тут еще его поместили в Лечебницу. Это ли не несправедливость, это ли не поругание его священных прав. И он их безуспешно старается от-

стоять. К подобному случаю подходить объяснение, данное Fritsch'ем (Über den Querulanten-Wahnsinn). Человек с ограниченным умственным кругозором, с повышенным самочувствием, с усиленной раздражительностью претерпевал нарушение своих прав. Усиленно реагируя на это нарушение, он начинает искать удовлетворения, сутяжничать. При существовании идей преследования в связи с идеями величия сутяжничество является как нельзя легче. По Krafft-Eibing'у сутяжничество – вид хронической паранойи. Человек носит в себе зачатки болезни. Субъект предрасположен к заболеванию, которое развивается исподволь, не нарушая формально стороны мышления. Страдание В. без сомнения очень хроническое, бред систематизирован и последователен. Поэтому [с. 135] эту форму заболевания В. можно отнести к хроническому бредовому помешательству – paranoja по характеру religiosa.

Очевидно, что учение В. нашло много последователей, что явствует из слов самого В. и из судебных актов, которые мне довелось иметь в своих руках. Эти последователи вполне разделяют взгляды учителя на свои правовые отношения к государству – не признают гражданских законов, считают себя членами Божьего В-ского полка, его рядовыми, призванными подавать образец чистоты веры и жизни, а когда нужно действовать и силой, если то прикажет отец В. Они повинуются духовному отцу великому дервишу В., они призваны охранять особу Государя Императора.

Приведу краткие сведения об одном из учеников В., И-ве. И-в[494], поселившись в Академической слободе для более удобных сношений со своим учителем, которому он доставал пищу домашнего приготовления и за семьей которого он присматривал, при требовании удалиться из этой слободы, наотрез отказался и подкрепил свой отказ вооруженным сопротивлением. В камере судебного следователя заявил, что гражданских законов и их требований не признает и до некоторой степени откровенно высказал сущность того, что он усвоил от В. Вот его рассказ. Вернувшись домой из военной службы, он заметил, что народ стал забывать Бога, жить не по Шариату – пьянствует, ворует, ходит в дома терпимости, ругается и т.п. Поэтому часть татар, оставшихся верными Шариату и осуждавших такую жизнь, отделились и сгруппировались вокруг В. в общество мусульман староверов. В. первый дал заметить этой части правоверных все указанные отклонения от жизни по Шариату. В. они считают за великого дервиша и праведника, даже мученика; такие дервиши для них редкость, клад, и они готовы за В. отдать при надобности все. Ведя строгую жизнь и в точности исполняя все предписания шариата, они тем самым нажили себе [с. 136] врагов, особенно среди татар, которых считают за не имеющих религии, потому что они

[494] Речь идет о Назмутдине Ижбаеве. См. документы № 27, 28.

называют себя крестьянами, татарами, магометанами, мусульманами и, таким образом, исповедуют как бы четыре религии, а такие люди не могут быть хорошими. Шариат запрещает паспорта, посему они их и не признают. Указана при этом и более коренная причина отрицания паспортов: она заключается в том, что в паспортах написано слово крестьянин. Они в силу предписаний шариата снимают шапки только во время сна и не снимают их в присутственных местах[495]. Итак, вот наиболее подробная исповедь веры мусульманина старовера, более полной не высказал ни один из В-цев, так как рассуждать и говорить о вере с посторонними было строго запрещено. При вручении И-ву, как обвиняемому, повестки в суд, последний заявил, что ее не примет, так как в ней написано "крестьянин", а он не крестьянин, но духовный сын В-ва. На суде на все вопросы председателя И-в отвечал с криком – "никак меня не зовут, какой я подсудимый, не признаю ваш суд, знать никого не хочу; антихристы проклятые, анафемы. Государь пусть меня судит, верховный суд, Великий Государь и Оттоманская Порта, в Иерусалиме буду судиться". Сильно волновался из-за того, что с него сняли шапку. Этот И-в находился в Казанской Окружной Лечебнице на испытании по обвинению в сопротивлении властям при выше упомянутой высылке его из Академической слободы. Из лечебницы он был выпущен, как неисправимый фанатик, раз навсегда подчинившийся известному авторитету и вне его не желающий ничего ни видеть, ни слышать. Он весь отдался и подпал влиянию бреда В-ва. Другой из бывших в Лечебнице последователей В-ва, Г.О.[496], ограниченный, малоразвитый татарин, находился на испытании тому же по поводу сопротивления властям – он разбил кувшином голову одному из тюремных надзирателей за то только, что тот назвал его татарином. В Лечебнице Г.О. оказался В-цем чистой воды, глубоко убежденный в [с. 137] правоте и святости В-ва. Передавать его бред не стану, так как пришлось бы повторяться – его бред весьма точная копия бреда В-ва. Из лечебницы был выписан с диагнозом paranoja religiosa. Наконец, в Казанской Лечебнице в настоящее время находится на испытании татарин Г-н[497], убежденный, и притом весьма глубоко, в том, что уверовав в учение В-ва, он нашел давно искомую им, потерянную в мире правду. Теперь он с этой найденной правдой и с верой в В-ва во век не расстанется, он останется верным, несмотря ни на что. Он считает В-ва потомком Магомета, восстановителем древнего мусульманского благочестия и принимает без колебаний с глубокой верой все пункты В-ского катехизиса. Для него он не душевнобольной,

[495] Из мнения об испытуемом И-ве д-ра Нечаева (прим. автора статьи – Д.У.). Подробнее см. документы № 27.

[496] Речь идет об Галиоскаре Байрамгалееве. См. документы № 31, 32.

[497] Речь идет о Гилязетдине Гизетуллине. См. документ № 38.

а великий человек, после Бога и Магомета первый на земле. Он говорит, что дома остались жена и три взрослых дочери, которые всецело разделяют с ними его убеждения. Есть де в деревне еще такие чистые мусульмане, как он. К испытанию в Лечебнице привело его тоже, что и у предыдущих татар – непризнание гражданских властей.

Шестеро татар, арестованных в 1885 году вместе с В-м за вооруженное сопротивление при описи дома В., на следствии показали, что сопротивлялись "по закону и в силу закона, по повелению Бога – Царя и по приказанию духовного отца В.; они защищали молитвенный дом отца В., шли на защиту единодушно, так как у них одно тело и одна душа, что делает один, то делают и все". Все подписались под протоколом следующим образом: "проклятие божье нечестивому народу (3 раза), аминь. Мы божьего полка страдающий, захваченный последователь пророка Авраама, такой-то". Все обвиняемые отказались принять обвинительный акт в силу того, что в нем они названы были крестьянами, а не староверами мусульманами; на суде отказались от защитника, так как у них один защитник духовный отец В. Это поразительное единодушие и фанатичное следование словам В-ва заставляло пренебрегать всех последователей В-ва [с. 138] всеми наказаниями и лишениями. В руках В-ва его ученики служили опасным орудием, стараясь освободить В-ва из Лечебницы в 1889. В этом году последователи В-ва стали являться толпами в лечебницу с требованиями освободить В-ва, угрожая в противном случае увести его силой. На них были шапки с зелеными нашивками – цвет ислама.

Идеи этих ярых последователей В. являются точной копией бреда их учителя. Они составляют рядовых В-ского полка, целям которого они служат также самоотверженно, как и их учитель В., также не жалеют ни жизни, ни средств для защиты тех основ, на которых зиждется их община. Они воодушевлены одинаковой ненавистью ко всему, что не согласно с законом Бога-Царя и волей их отца и учителя В. У них В. великий святой, призванный реформировать мусульманское общество, обновить его, восстановить утерянную нравственность. Он в их представлении властитель Болгарского царства; они искренне уверены, что учитель их в силу преследований своих врагов напрасно и тяжко страдает. Эти фанатические последователи В. шли на все, лишь бы остаться верными воле и учению их учителя, слово которого для них закон; это слово они выслушивают и принимают с бесконечным благоговением; таким образом, последователи В. в своих словах, убеждениях, поступках точно копируют своего учителя.

Страдающий систематизированным образом создает связный, последовательный бред, поражающий на первый взгляд своей стройностью и логичностью, и надо иметь достаточно критики, чтобы сразу

открыть ложную или нелепую посылку, лежащую в основе логического построения. Если у лиц, окружающих больного, этой критической способности не достает, если они вследствие малоразвитости могут верить всему, что мало-мальски не выходить за пределы правдоподобия, то вероятность усвоения бреда [с. 139] помешанного этими лицами весьма велика, даже если они и психически здоровы. Притом стойкость и прочность усвоения бреда прямо пропорциональны сходству верований и развития усвоивших бред и его автора. Вообще для успеха бреда необходимы следующие условия, которые я скажу словами Lasegue и Falret (La folie a deux, Annales med. Psych. 77 г.): "во-первых, надо, чтобы активный элемент – инициатор бреда был интеллигентнее усвоителя; во-вторых, чтобы интеллектуальная работа у двух совершенно различных субъектов шла параллельно; необходимо, чтобы эти лица жили долгое время общей жизнью, в одной и той же среде, разделяли бы один и тот же образ существования, одни и те же чувствования, интересы, верования и надежды; в третьих, чтобы усвоение бреда было возможным, необходимо, чтобы бред носил характер вероятности, чтобы он держался пределов возможного, соответствовал фактам и отвечал надеждам и опасениям в будущем". Marandon de Montyel разделяет случаи усвоения бреда на несколько категорий: folie imposee, folie simultanee, folie communiquee. Один галлюцинирует и бредит, другой только верит бреду – это folie imposee; оба галлюцинируют и бредят одновременно под влиянием одной и той же причины – это folie simultanee; галлюцинации и бред у второго, развившийся под влиянием первого – это folie communiquee. Большинство случаев массовых увлечений, относясь сначала к первой категории (folie imposee), дают незаметный переход к третьей категории (folie communiquee), когда вера в возможность фактов, сообщаемым делирантом, превращается в полную уверенность. Лица, окружающие больного сначала только сочувствуют бреду, но с течением времени начинают его разделять. Религиозный бред наиболее скоро у усваивающих его из стадии imposee переходит в стадию communiquee. Ученики последователи В-ва жили и воспитывались в одной и той же среде, при одной и той же обстановке, разделяли одни и те же верования. Сойдясь с В-вым, сумевшим внушить [с. 140] им полную веру в свои слова, откровения и поступки, они как люди, не отличавшиеся уменьем критически относиться к слышанному и виденному им в достаточной мере, быстро вполне уверовали В-ву и притом так, что разуверить их уже не было возможности. Болезненный бред учителя вполне передался этим фанатическим адептам В-ва.

Документ № 34 б/д (1897 г.)
НАРТ. Ф.1. Оп. 3. Д. 10499. Л. 46–49об.

Его Превосходительству
Господину Директору Казанской
Учительской Семинарии[498]

[л. 46] Рассмотрев по поручению Вашего Превосходительства прилагаемые при сем рукописи и книги на татарском языке, имею честь почтительнейше донести следующее. В числе этих рукописей находятся некоторые бумаги и частная переписка, принадлежащая членам мусульманской секты, известной под именем ваисовской, которая имеет своей целью обновление ислама и стремится к некоторым изменениям в общественном строе.

Большая часть рассмотренных мною рукописей не заключает в себе никаких сведений о сектантах-ваисовцах и только некоторые из них содержат в себе весьма незначительные и очень темные указания, на основании которых можно обрисовать некоторые черты этой секты.

Последователи ваисовского толка или, как они сами себя называют, "благочестивая партия, ничтожное и жалкое сословие дервишей" признают над собою только власть верховного главы государства и совершенно отказываются от повиновения прочим представителям власти, которых они называют "гражданскими", как бы указывая этим, что светская власть не имеет никакого отношения [л. 46об.] к их духовной общине.

Все лица, принадлежащие к ваисовскому "сословию дервишей" обязаны соблюдать постановления главы секты "скорбного дервиша, обновителя ислама", который называется "духовным отцом", сотрудником всего мира, великим имамом, наставником староверческого мусульманского общества и пр. Ваисовцы называют себя "староверами" в отличие от прочих татар-магометан, с которыми они не хотят иметь ничего общего, как с идолопоклонниками, людьми, забывшими истинную религию.

Из прочитанных мною татарских рукописей нельзя почерпнуть никаких сведений об основателе секты, но некоторые бумаги, заключающие в себе различные положения ваисовского толка и подписанные именем "скорбного дервиша Багауддина Хамзина Вайсова Болгарского (т.е. Казанского)" позволяют думать, что он и есть современный глава сектантства. На это указывают также некоторые места в переписке.

[498] Документ представляет собой протокол осмотра бумаг и документов, изъятых из дома Валеевой (см. документы №№ 35 и 36). Документ рукописный, дан в оригинальной орфографии, без исправлений и сокращений.

Остальные более видные представители секты именуют себя или "слугами великого дервиша" или его "уполномоченными и помощниками". В письмах, посылаемых друг другу, ваисовцы называют членов своего толка "братьями" и обращаются один к другому с наименованием [л. 47] "баба" (с турец.) – отец и "ана" – мать. Название Хазрат Баба[499], встречающееся в одном письме (см. 5), вероятно, принадлежит самому основателю секты.

Ваисовский толк, как это видно из рукописей, не представляет догматических отличий от учения суннитов; все его различия заключается в некоторых религиозных обрядах и признании авторитета главного представителя секты.

Учение ваисовцев не местного происхождения, на это указывает то обстоятельство, что руководители называют себя принадлежащими к "накшбандийскому поколению", т.е. последователями учения "накшбендие" (одного из суфийских толков[500]). Может быть, эта секта имеет какое-нибудь отдаленное отношение к учению Бабидов (основатель Мирза Али Мухаммед Баб, родившийся в Ширазе в начале текущего столетия), которые стремились к социально-религиозной реформе в исламе. Общие принципы бабизма (в его первоначальном виде) приближались к евангельской морали. Между прочим, бабиды отстаивали права женщины. Вследствие гонений на бабидов в Персии многие из них переселяются к нам на Кавказ и в Закаспийскую область.

[л. 47об.]

Перевод некоторых бумаг.

1) Здесь говорится, что каждый истинный мусульманин должен присягнуть "жалкой и ничтожней партии" дервишей.

2) Мусульмане веры магометовой: 11) Сейфуддин Сейфульмеликов, 50 лет; 12) Шигабуддин Сейфуддинов 15, 12) Хаяледдин (?)[501] Сейфуддинов 10 лет, 13) жена Сейфуддина Биби-Гайша 26 лет. Внизу: собрано денег 1 р. 29 к. На другой стороне: От деда Хусейна 49 к., от [нрзб.] баба – 28 коп. – 8 надо, от Шакира 70 к., от Хасана [нрзб.], от Фаткуллы 21 к., от Бикчантая 14 к., Халяледдин – взял 42 коп.

3) Письмо Мухаммеда Юсуфа Файзуллина. В письме Юсуф советует последователям секты жить единодушно, не на словах, а на деле, и не родниться с татарами, если последние не обратятся в ваисовский толк. Далее он говорит: "Любовь Бога приобретается только полным единением всех человеческих способностей, а не сухим языком, соблюдением правил нашего господина скорбного дервиша, обновителя ислама, добрыми делами и наукою (т.е. богословием)". Далее он предлагает "дервишам" не вступать в родственные связи с "татарами", чтобы не впасть в заблуждение, так как у них и татар есть некоторые несогласия в вопросах религии, а именно: 1) в браке, 2) в наречении имени, 3) в погребении умерших, 4) в принесении "присяги", 5) в "удостоверении" (дэст-хат). Письмо подписано: "Скиталец ислама, слуга Великого Дервиша, имам правоверных Мухаммед Юсуф Файзуллин".

4) Письмо Мухаммеда Юсуфа Файзуллина к дервишу Сейфуддину Баба. Сначала идут поклоны Мингазеддину, Мухтару, Бикчантаю[502] и Хусаину с их семействами, потом Юсуф пишет: "Царю подано прошение о пленных [л. 48] (т.е., арестованных?) и о разрешении открыть в Казани школу наук, а также, чтобы позволили ходить с нашими документами (см. 6) и чтобы гражданские (начальники) нас не теснили". 17 Сент[ября] 1896 г.

5) Письмо с Сахалина Шигабуддина Сейфуддинова Вайсова. В начале письма поклоны отцу, матери[503], жене (Биби-Нафисе-Бану), Кашшафеддину, Мингазеддину со снохою, своячницам, Назмеддину, Мухаммед-Галею-Гази, Нурмухаммеду, Мухаммед-Юсуф-Хаджи, Гизетулле Хюснэддину, Мухаммед-Халим Ахмедшах Сибгатулле, Хасану и всем представителям "благочестивой партии". Далее Шигабуддин пишет: "Я живу на воле и со дня на день жду освобождения. У меня есть братья (т.е. единоверцы) и в присутственных местах мы не снимаем шапок. Начальство не вмешивается. Брат Джиган-шах пришел на Сахалин и поступил (в нашу секту); также пришла и его жена… Жить нам здесь стеснительно, так как здесь очень испытывают. Губернатор говорит, что нужно дождаться царского приказания. Целы ли остались Назмеддин Баба и Гаянеддин[504]? Прилагайте старания, поднимайте знамя, усильте заботы, после каждый будет известен по заслугам. Хазрэт-Баба[505] сказал: "что испечешь, то и съешь, что посеешь, то и пожнешь". Здешние "братья": Авиз Мухаммед Баба (сын Назармухаммеда), мулла Габдулгаффар Мирфакира (?) сын, Мухаммедшах Садыков, Зиганша Укаев (?), Закир Хазиков и другие. Авиз Мухаммед Баба и мулла Абдулгаффар стали известны начальству за ваисовцев Божьего полка и не снимают шапок. Пусть Нафисэ (жена) ждет меня и никуда не ходит из дома. Пишите обо всем и пришлите [л. 48об.] денег, так как здесь их достать негде. Адрес: Остров Сахалин, Александровский пост, начальнику мусульман староверского общества Ваисовского Божия Полка Шигабуддину Сейфуддинову Булгарскому Вайсову. Живу я свободно, меня не запирают.

[499] Т.е. "господин отец" – прим. Н. Ашмарина. Здесь и далее подчеркнуто рукой Н. Ашмарина.

[500] Основатель Пир Мухаммед Накшбенди – прим. Н. Ашмарина.

[501] Здесь и далее вопросительный знак поставлен автором документа.

[502] Вероятно, речь идет о Бикчентае Юнусове из д. Молвино. См. документ № 40.

[503] Речь может идти о родителях жены.

[504] Назмуддин Ижбаев и Гаян Ваисов.

[505] Т.е. "господин отец", возможно, здесь говорится об основателе секты. – прим. Н. Ашмарина.

По соизволения известного в наше время славного Великого дервиша в этом важном деле уполномоченный Шигабуддин Сейфуддинов Вайсов руку приложил. 1896 г. 19 октября. Дела здесь содержаться в тайне, никаких известий нет. Вы не переставайте хлопотать перед Государем; многое перетерпели, а малое снесете. Нет никакого сомнения, что дела поправятся, только бы Бог снабдил драгоценную жизнь щедротами и судил распространиться по земле исламу".

6) Условие. Здесь говорится, что каждый человек, предавшийся Богу, должен исповедовать свою веру языком, душою и телом, быть твердым в вере, отвечать врагам словами Корана и исполнять требования "полюса своего времени[506]" (т.е. духовного главы). Каждый правоверный мусульманин и мусульманка должны иметь удостоверение (дэст-хат), которое нужно показывать во все "надлежащие" места и которое должно служить вместо билета и паспорта. Условие истинной веры: "Я раб Бога, последователь Магомета, вера моя – ислам, книга – Коран, кыйбла (место, куда обращаются во время молитвы) – Кааба, прародитель – Адам, вера – Авраамова. Я мусульманин толка великого имама Ханафы Куфийского (признаю, что) Дуа-хан-Гази (?) великий защитник ислама, принадлежащий к благочестивой партии (это место для меня не ясно; какое [л. 49] отношение имеет Дуа-хан к секте – неизвестно). Признаю сведущего о Боге и повелениях его, обновителя ислама, сына исследователя и определителя истины скорбного дервиша Хамзина Ваисова. Господину Багауддину Болгарскому я предался. Свидетель мой – благочестивая партия" и пр.

7) Бумага на имя Его Величества Государя императора Николая Александровича, в которой говорится: "Мы дали присягу исполнять обязанности к Вам, для исправности верований и управления".

8) Письмо Сеид-Баттала Бикчантаю[507]. Сначала поклоны Шафигулле, Сейфуддину, Хусайну, Шакуру[508]. В этом письме Сеид Баттал просит сказать Шакуру, что он сделал большую ошибку перед "отцами" (бабалар[509]), тем более, что они теперь состоят в звании наместников (в подлиннике: халифэ, т.е. наместник, заместитель). "Пусть он считает хазрета (господина) и наместника лучшими из людей и не противится "высокому поколению" накшбендийскому, магометову …, полному любви и благодати (в подлиннике: джезбиэ. Джезб /влечение/, по учению суфиев, благодать, влекущая к Богу его избранников. Это начало пути к совершенствованию). Если Шакур не исправится, то быть ему в вечном огне.

[506] Объяснение этого выражения можно видеть в книге С.И. Уманца "Очерк развития религиозно-философской мысли в исламе" – прим. Н. Ашмарина.

[507] Вероятно, речь идет о Бикчентае Юнусове из д. Молвино. См. документ № 40.

[508] Вероятно, речь идет о Шакуре Латыпове из д. Молвино. См. документ № 40.

[509] Слово баба у татар значит дед, но, судя по слишком частому прибавлению его к собственным именам у ваисовцев, можно думать, что оно употребляется у них в турецком значении (по-турецки баба – отец) – прим. Н. Ашмарина.

9) Мусульмане, состоящие в вере магометовой: 1) Багауддин Мухтаров Булгарский 38 лет, 2) жена Багауддина Лутфикемал Тагирова, 3) Имамуддин, сын Багауддина, 8 лет, 4) Мугинуддин, сын Багауддина, 3 лет 5) Заги-Кемал, дочь Багауддина, 2 лет. Мусульмане, состоящие в вере магометове: 1) Мухаммед-Галим Абдулвахидов Булгарский, [нрзб.] лет; 2) жена его Шамси-Зямил, дочь Ибрагима Болгарского, 3) Ходжа Ахмед, сын Мухаммед-Галима, Булгарский, [л. 49об.] 37 лет, 4) Биби-Мигри Хакима (?) Бану, дочь Мухаммеда-Галима, 33 лет, 5) Биби-Вазьгиль-Камяр, дочь Мухаммед-Галима, 21 г. На другой стороне. Мухтар Фатхуллин, Биби-Асма-Бика Мухаммед-Галимова, Шарафуддин Мухтаров, Калимулла Мухтаров, Гаяныддин Мухтаров, Кутлуг Ахмед Мухтаров, Биби-Гайша-Бану Мухтарова, Абдулла … Мухтаров, Биби-Фахима(?)-бану Мухтарова, Гали-Ахмед Мухтаров[510].

10) Письмо Абдулхалиму от Абдулшакура, его отца. Письмо это написано крайне неразборчиво. В письме говорится: "Тех проклятых, которые вас били, и здесь не очень хвалят. В конторе два раза один из них наказан и сидел в замке 14 дней. Он украл что-то в деревне Утяк и с мельницы Блинова украл днем рожь. Его поймали. Он привез ее к Гайнивалиту. Брат его кого-то ограбил и ушел в Сибирь. Нужно заставить написать прошение от всей деревни (?). Если там заступятся, то смотри! В прошлом году он украл книжку (?) у молодца из д. Танай. Молодец этот должен требовать, что все это исследовали". Потом дальше он просит дядю Фазлея и обоих (?) Тимершахова, чтобы они оказали помощь Абдулхалиму.

11) Книги, находящиеся при рукописях, все разрешены цензурою и содержания религиозного.

Учитель Крещено-Татарской Школы Н. Ашмарин.

Документ № 35. 01.1897.
НАРТ. Ф.1. Оп. 3. Д. 10499. Л. 14–15об.[511]

Копия

[л. 14] 1897 года Января 25 дня. Пристав 1 стана Симбирского уезда, прибыв в деревню Татарскую Беденьгу, Сюндюковской волости для исполнения поручения Г. Симбирского Уездного Исправника от 20 Января за № 5, произвел в присутствии вызванных урядников: 1 участка Михаила Добронравова, 2 участка Поликарпа Королева, Сельского старосты д. Т. Беденьги Рахметуллы Фетауллова, сотника Валиуллы Алтынбеева и

[510] Все упомянутые лица из д. Молвино.

[511] Документ без заглавия. Фактически это описание обыска, осуществленного в доме вдовы А. Халитова в д. Беденьга в 1897 г. Документ написан от руки, дан в оригинальной орфографии, без исправлений и сокращений.

понятых – Зямалетдина Бахимова и Абдрахмана Лахитова, обыск в молитвенном доме крестьянской вдовы дер. Беденьги Шарип-Зямал Абдул-Валеевой, где сходятся для моления мусульмане староверы с целью – не окажется ли у Валеевой штемпеля оттисков "Канцелярия Духовного Отца Сотрудник всего Мира Вайсов Божий полк. Дня 189 г. №… г. Казань", при чем по произведенным тщательным розыскам ни таких штемпелей, ни на подобные их других, равно и печатей не найдено. Тем не менее при обыске обращено внимание на массу встретившихся конвертов от денежных [л. 14об.] писем, в которых женой Вайсова Гайни-Зямал, живущей вместе с Валеевой, получались из разных мест от приверженцев староверческого общества деньги. Таких конвертов взято 19. По ним у отправителей возможно произвести обыски с целью отыскания разыскиваемых штемпелей. Затем взяты листы оттисков штемпелей в г. Казани, 3 бланка с оттиском штемпеля – Канцелярия Духовного Отца Ваисова и печати, изготовленные при жизни Вайсова в Казани, где, будто бы, находятся и штемпеля, 3 копии просьб, писанных также в Казани при жизни Вайсова; 3 в виде официальных отношений, писанные на татарском языке, также в Казани. Лица, писавшие изложенное, не выяснены, но должно быть кто-либо из доверенных Вайсова, живущих в Казани, по почеркам рук коих возможно будет уяснить, действующих лиц в армии Вайсова и напасть на след – откуда выходят, может быть, и бумаги со штемпелями.

Свидетельство за № 160 на право проживания во всех городах и селениях Российской [л. 15] Империи, данное доверенному Вайсова Ахметше Ибрагимову, живущему в дер. Татарской Беденьге. Затем 5 книг, из коих № 1 на записку лиц, уклонившихся от Вайсовой секты; № 2 на записку лиц, состоящих в Вайсовой секте; № 3 тоже, но слабо исполняющих; 2 книги о разных заметках Вайсова и приложенные к ним черновики. Все эти книги велись Вайсовым в Казани, где записывались и лица, состоящие в их секте.

В доме Валеевой усмотрено много разных книг на татарском языке, но все цензурные, как-то: Св. Отечество, Афтияк, Старый Алкоран, Алтынфиев и другие.

Что же касается до каких бы то ни было бумаг, книг, из записей указывающих на существование в настоящее время в дер. Татарской Беденьге, в доме Валеевой канцелярии Духовного Отца Вайсова, то таковых нет.

Постановил: взятое у Валеевой как могущее, несомненно, способствовать к раскрытию лиц, от коих выходит официальные бумаги [л. 15об.] со штемпелем Канцелярии Духовного Отца Ваисова, представить к Г. Симбирскому Уездному Исправнику, с протоколом, по утверждении его подписью присутствующих.

При обыске находились крестьяне дер. Татарской Беденьги Абдрахман Лахитов, а за него неграмотного и за себя расписался по-татарски Зямалетдин Бахилов.

Сельский Староста Рахметулла Феткуллов по-татарски подписался.

При обыске находились: полицейский урядник 2 участка Королев и полицейский урядник 1 участка Добронравов. Подлинное за надлежащим подписан. Верно: Правитель Канцелярии [нрзб.].

Документ № 36. 25.01.1897.
НАРТ. Ф.1. Оп. 3. Д. 10499. Л. 16–16об.

Копия

[л. 16] 1897 года Января 25 дня. Пристав 1 стана Симбирского уезда в деревне Татарской Беденьге в исполнении поручения Г. Симбирского Уездного Исправника от 20 Января за № 5, собрал сведения по отношению Г. Казанского Полицмейстера от 16 Января за № 149 – и оказалось: в дер. Татарской Беденьге несколько уже лет, домов до 20, состоят в секте староверческого Мусульманского общества Вайсова Божьего полка. Управляет этим обществом по данной при жизни Вайсова доверенности крестьянин деревни Ибрагимов и помощник его также доверенный Сибигатулла Нигматуллин, которыми с приверженцами и отправляются свои служения в доме крестьянской вдовы, тещи Вайсовой, Шарип-Зямал Абдул-Валеевой, у которой живет вдова Вайсова Биби-Гайни-Зямал Ваисова. Валеева живет в Беденьге весьма давно, а Вайсова по смерти мужа перехала в 1891 г. После Вайсова остались дети: сын Салехетдин, живущий где-то в Камышловском уезде Пермской губ., второй Гелазетдин в военной службе, третий Гайнетдин в Оренбургской [л. 16об.] в тюрьме и четвертый Хусян-Мухамет-Хаян 12 лет при матери. Таким образом, из доверенных Вайсова в Беденьге живут Ахметша Ибрагимов и Сибагатулла Нигматуллин и доверенный Мухаммет-Гинаутдин Багаутдинов /сын Вайсова/ в Оренбургской тюрьме.

Из прочих же доверенных, как объяснили Ибрагимов и Нигматуллин, несколько, как например, первый по списку, второй, третий и десятый живут в Казани. Со смертью Вайсова Канцелярия его распалась и только в Беденьге осталось то, что взято при обыске. В дер. Беденьге никто из сектантов Вайсова хорошо грамотных нет, а потому и некому при случае бы вести Канцелярию.

Добытое изложено со слов местных сельского старосты Рахметуллы Фетауллова, сотника Валиуллы Алтынбаева и доверенных Вайсова Ибрагимова и Нигматуллинова. Подлинное за надлежащим подписано.

Верно: Правитель Канцелярии [нрзб.].

Документ № 37. 29.01.1897.
НАРТ. Ф.1. Оп. 3. Д. 10499. Л. 77–79.

МВД[512]
Земский Начальник
1-го участка
Свияжского уезда,
Казанской губернии
29 января 1897 г.
№ 19 г. Свияжск

Его Превосходительству
Господину Казанскому Губернатору

Имею честь донести Вашему Превосходительству, что как подготовительные, так и приуроченные ко дню, к которому приурочена перепись, т.е. к 28 Января, работы счетчиков во вверенном мне участке окончены благополучно, хотя в татарских селениях и делалось всевозможное, чтобы тем или другим способом помешать переписи. Особенно резко выразилось сопротивление в дд. Молвине и Верхних Ураспугах Косяковской волости, причем, как зачинщики и возмутители в двукратное посещение мое этих селений были замечены мною, главным образом, следующие лица: [л. 77об.]

Д. Верхних Ураспугов: Хаялютдин Зялялютдинов;

Д. Молвиной: Гизятулла Фаткуллин, Хусаин Хайбуллин, Сайфулла Шафигуллин, Мингазетдин Сайфутдинов, Шакир Абдуллатыпов, Хисамутдин Аксанов, Фазлий Фаткуллин, Мухтар Фаткуллин, Бикчантай Юнусов.

Все эти лица не только отказались дать какие бы то ни было сведения о себе и о своих семьях для переписных листов; но приведенные силою в Косяковское Волостное Правление вели себя в высшей степени дерзко, не снимая шапок в самом правлении, кричали, что мы хотим их крестить, что они никого не признают и пр.; называли [л. 78] себя: "мы небесного полка". Все эти лица оказались закоренелыми "Ваисовцами" людьми самого вредного направления. Залялетдинов продавал книжки, запрещенные цензурой, учил не повиноваться никому; часть бывших при нем книжек и бумаг мною из Косякова в пакете пересланы Г. Свияжскому Уездному исправнику, и большая часть, найденного по моему приказанию у него в доме при обыске представляется при сем Вашему Превосходительству. Из бумаги, писанной на русском языке, на двух листах можно ознакомиться с главными основаниями учения сынов небесного полка, признающим суд только Бога, Государя Императора и

[512] Документ написан на бланке земского начальника от руки. Сверху печать – Канцелярия казанского губернатора. 31 января 1897 года. От руки приписано: № 913. Секретно.

вместе с тем Оттоманской порты; все же остальные власти называющими религиозными разбойниками, антихристовыми собаками и т.п. Таковы приблизительно положения, высказанные мне и лично [л. 78об.] вышеназванными фанатиками. К этому надо еще прибавить, что все вышеназванные крестьяне д. Молвиной, когда окончилось там заполнение листов переписных счетчиками, едва не произвели нового волнения своими насмешками над домохозяевами, давшими сведения для переписных листов, говоря им: "вы дураки, теперь все будете окрещены, а мы вот не дали себя писать и останемся истинными мусульманами". Видимый коновод "ваисовцев" и иначе "хамзинцев" Гизетулла Фаткуллин, бывший и ранее всегда причиной смут в д. Молвиной. У Мингазетдина Сайфутдинова на доме прибита доска с надписью "канцелярия небесного полка" и у Шакира Абдуллатыпова была прибита бумага с надписью такого же рода. Вообще лица эти в высшей степени вредны для окружающего насилия и заключение их под арест на семь дней по постановлению Г. Исправника [л. 79] совершенно недостаточно. Есть полное основание думать, что лица эти пропагандируют свое учение, всеми зависящими от них средствами. Чтобы доставить их в Свияжск мне потребовалось нарядить по три человека на каждого и только таким путем они были доставлены в место заключения, где и находятся в настоящее время с ночи на 28 Января.

Все вышеизложенное имею честь представить на благоусмотрение Вашего Превосходительства.

Приложение: бумаги и книги всего 117 листов.

Земский Начальник Стопани.

Документ № 38. 29.07.1899.
НАРТ. Ф.1. Оп. 3. Д. 10541. Л. 8–9об.

Его Превосходительству
Господину Казанскому Губернатору

Казанского полицмейстера
Рапорт[513]

[л. 8] В исполнении предложения от 27 Марта сего года за № 2844, представляя при сем два всеподданнейших прошения (с переводами на русский язык) и таковые же телеграммы последователей Ваисовского мусульманского толка, устав канцелярии духовного отца Ваисова сотрудника всего мира, имею честь донести Вашему Превосходительству, что из числа проживающих в городе Казани последователей Ваисовского толка:

[513] Сверху написано: "Расп[орядительный] стол" и печать канцелярии губернатора с датой 30 июля 1899 г.

Гизятулла Хамидулла Оглы с женой Биби-Магрифой занимаются шитьем мехов из обрезков разных ценных шкурок; жизнь ведут очень замкнутую. Из расспросов Гизетуллы Хамидуллы Оглы выяснено, что последователи Ваисовского учения магометанских мечетей не посещают, так как мечети считают осквернеными муллами, а последних называют шайтанами, т.е. чертями, а потому с муллами никаких рассуждений религиозных не имеют и муллы об учении Ваисовской секты положительно ничего не знают. Из расспросов Хамидуллина относительно исповедуемой им религии и степени ее распространенности выяснилось, что он сам о числе последователей Ваисовского учения сведений никаких не имеет, а лишь высказал, что сведения эти можно получить в Казначействах тех губерний, где имеется татарское население, так как последователи Ваисова вносили в Казначейство по одному рублю денег за паспортные бланки и в заявлениях именовали себя не крестьянами или мещанами, а природными духовными староверами [л. 8об.] Ваисова Божьего полка. Вносили деньги в Казначейства в виду того, что волостные правления и мещанские управы не хотели именовать их в паспортах вышеозначенным званием, а Ваисовцы не желали получать паспорта со званием крестьянина или мещанина; вообще Ваисовцы именуют себя исключительно природными духовными староверами мусульманского общества Ваисова Божьего Полка. Каждый Ваисовец молится у себя дома; причем собираются для молитвы и по несколько лиц вместе, почему свои дома считают мечетями и вход в них посторонним лицам возможен только с разрешения хозяина. На обязанности последнего лежит нравственная ответственность пред Богом строго охранять свой дом от осквернения посторонними лицами. На основании такого религиозного убеждения, каждый Ваисовец самовольно вошедшему в его дом должен предложить удалиться; если вошедший не послушает слова, то Ваисовец должен бить ослушавшегося палкой, а если и это не подействует, то должен колоть вошедшего ножом, почему у каждого Ваисовца имеется в доме кинжал – хранитель святости дома. Каждый Ваисовец в своем доме сам лично ведет запись о родившихся, бракосочетании и умерших, совершая сам эти обряды, а муллам предлагает записать в метрические книги то или другое событие, т.е. рождение, бракосочетание и смерть, в чем муллы, как объяснил Хамидуллин, до сего времени не отказывали. В настоящее время Ваисовцы считают своим верховным духовным отцом бывшего крестьянина Казанского уезда, Алатской волости, деревни Больших Верезей, Хаджи-Юсуфа Файзуллина, который будто бы в зиму 1898–1899 годов сослан в Сибирь. Файзуллин Ваисовцами считается как бы наместником умершего Ваисова. Основатель этой секты Ваисов учил своих последователей молиться только по букве Алкорана и Шаригата, не убавляя и не прибавляя от себя ни одной буквы. По учению Ваисова, последователи его составляют из себя Божий Полк и есть единственные строгие храни-

тели Алкорана и Шаригата. Прочие же народы и магометане, по учению Ваисова, [л. 9] есть противники Бога и Царя и разница между ними Ваисовцами и другими магометанами так велика, как между небом и землей или как между огнем и водой. Ваисовцы не признают над собой никакого начальства, кроме Бога, Царя и Оттоманской порты, все гражданские власти – супостаты Бога и Царя, антихристы, собаки и демоны, а потому и законы гражданских властей к ним не относятся. Прочих магометан считают раскольниками, Богоотступниками и проклятыми; сам Ваисов предупреждал своих последователей не иметь с ними никаких деловых сношений, а равно и с начальством Оренбургского Духовного Собрания; по его же учению, Божий полк должен составлять одно тело, иметь одну душу, один голос и жить для удовольствия Бога и Царя, а прочим гражданским властям не повиноваться. Последователи Ваисовской секты Гилязетдин Гизетуллин происходит из крестьян Царевококшайского уезда Куллекиминской волости, деревни Уразлиной, в 1897 году судился в Казанском Окружном Суде в преступлении, предусмотренном ст. 515 Улож[ения] о Наказ[ании] за укрывательство от воинской повинности, которым найден умственно ненормальным, почему и помещен в Окружную Лечебницу на испытание, где и признан умопомешанным на почве религиозного характера. Гизетуллин называет себя рядовым Булгарского Божьего полка, духовного отца и сотрудника всего мира Ваисова, старовер, мусульманин Ваисовской секты. Ваисова признает за святого учителя, верховного духовного главу – дистаночного начальника. С детства слышал, что есть истинная старая вера и всегда хотел узнать ее; в 1884 году посетил в Казани Ваисова, явился домой обновленным и с тех пор стал исповедовать его учение, стараясь распространить его, но последователей не имел и в своей деревне; признает Алкоран и шаригат и признает мечеть, как место безгрешное, но в нее не ходит, потому что не любит и не признает мулл за то, что они не любят и не признают его учителя Ваисова; шапки ни где ни перед кем не снимает – о чем Ваисов оставил святое объявление; Правительство, власти и суд не признает, а признает одного Царя, за которого и молится в конце молитвы 5 раз в день; земледелием не занимается потому, что ждет когда Царь даст новую землю [л. 9об.] "и ту землю обрабатывайте", говорил Ваисов. Сын Ваисова – крестьянин Свияжского уезда Косяковской волости, деревни Молвино Хузя Мухамет Гинанетдин Багаутдин Ваисов ныне содержится в Казанской Губернской Тюрьме с 27 Января сего года, по распоряжению Судебного Следователя 1 участка города Казани, состоявшемуся 26 Января, за кражу со взломом из магазина Торгового дома Тагирова и Насырова; ранее занимался торговлей шелковым товаром, летом на устье, на пароходных пристанях, а зимой ездил по ярмаркам. Насколько же распространена секта в городе Казани и вообще более подробных сведений дознать положительно не представляется возможности. Для большей же наглядности

имею честь при сем представить устав секты из канцелярии духовного отца Ваисова. Главное место пребывание ваисовцев деревня Беденьга Бурундукской волости Симбирского уезда.

Полицмейстер Панфилов. 29 Июля 1899 года
№ 1394 По Канцелярии

Документ № 39. 18.04.1900.
НАРТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 11525. Л. 13–14об.

Приговор[514]

[л. 13] 1900 года Апреля 18 дня, по Указу Его Императорского Величества, Казанский окружной Суд по 1 Уголовному отделению в гор. Казани, в публичном судебном заседании, в следующем составе: председательств[ующий] Д.М. Сперанский, члены: С.А. Григорьев, М.Ф. Елачич, при Товарище Прокурора Казем-Бек и при Помощ[нике] Секретаря В.М. Безменове. Слушал: без участия присяжных заседателей дело о мещанине Нурмухамете Мухаметзянове, Гизатулле и Фазулле Хамидуллиных, крестьянах Хуснутдине Хусаинове, Халиулле Ибиуллине и Ахметзяне Габдул-Латыфове, обвиняемых в помещении оскорбительных выражений на бумаге. Подсудимые казанские мещане Нурмухамет Мухаметзянов, 52 л., Гизетулла Хамидуллин, 50 л., и Фазлулла Хамидуллин, 42 л., крестьяне Тетюшского уезда, д. Шаман Хуснутдин Хусаинов, 48 л., Казанского уезда, [л. 13об.] дер. Кара Чурмы Халиулла Ибиуллин, 49 л., и Лаишевского уезда, дер. Метесков Ахметзян Габдул-Латыфов, 63 л., привлечены к суду за то, что в прошении, поданном на имя Казанского Губернского Правления, они с намерением поместили выражения прямо оскорбительные для присутственных мест и должностных лиц. Деяние этого рода предусмотрено 283 ст. Ул[ожения]. Приступая на основании 834 ст. Уст. Угол. Суд., в виду неявки обвиняемых Мухаметзянова, Хамидуллина, Хусаинова, Ибиуллина и Латыфова к постановлению заочного по настоящему делу приговора, Окружной Суд находит, что характер слога как всего прошения, написанного по собственному сознанию обвиняемых с общего их согласия поданного ими в Казанское Губернское Правление в Декабре 1899 года, равно и содержание отдельных помещенных в том прошении выражений "зловредного Антихрисского, гражданского, полицейского, земского начальства, шабашное [л. 14] мозгами", "это погани гражданское Антихрисское закон составлена по науку проклятого сатаны…", "мы вайсовское Божий полк повинуемся одно духовной верховной власти начальства святого ислама, а не это погани власти начальству", количество всех этих выражений и связь их между собою таковы, что дают основание чтобы признать, что составившие означенное прошение Мухаметзянов, Хамидуллин, Хусаинов, Ибиуллин и Латыфов вполне изобличаются в намеренном помещении в упомянутой просьбе выражений прямо оскорбительных для учреждения, к которому они относятся. Деяния этого рода предусмотрено 283 ст. Ул[ожения] и влечет за собою или арест по 1 ст. 39 ст. Улож[ения] или же денежное взыскание в размере не свыше двухсот рублей. Избирая, на основании 149 ст. Ул[ожения] одно из вышеозначенных показаний, суд останавливается на аресте по 1 степ. 39 ст., при чем в виду сознания обвиняемых Мухметзянова, Хамидуллина, Хусаинова, Ибиуллина и [л. 14об.] Латыфова, Суд полагает возможным срок вышеупомянутого ареста назначить в размере одного месяца для каждого подсудимого. Что же касается самого прошения, поданного подсудимыми в Казанское Губернское Правление, то таковое следует оставить при деле. По изложенным соображениям Окружной суд заочным приговором определяет: подсудимых, казанских мещан Нурмухамета Мухаметзянова, 52 л., Гизетуллу Хамидуллина, 50 л., и Фазлуллу Хамидуллина, 42 л., крестьян Тетюшского уезда, д. Шаман, Хуснутдина Хусаинова, 48 л., Казанского уезда, дер. Кара Чурмы Халиуллу Ибиуллина, 49 л., и Лаишевского уезда, дер. Метесков Ахметзяна Габдул-Латыфова, 63 л., на основании 283, 149, 1 степ. 39 ст. Ул[ожения] подвергнуть аресту при полиции на один месяц каждого. Заявление, поданное подсудимыми в Губернское Правление 7 Декабря 1899 г., оставить при деле. Копия за скрепою Помощ[ника] Секретаря В. Безменова. С подлинной верно: И[сполняющий] д[олжность] Пристава 5 части гор. Казани Семенов.

[514] Копия с копии. В мае 1900 года, во время попыток судебного следователя вручить обвиняемым обвинительный акт Окружного суда, произошло новое столкновение, описанное в очередной жалобе сектантов. См.: НАРТ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 11525. Л. 21–22 об.

Документ № 40. 9.03.1900.
НАРТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 11525. Л. 8–9.

Его Превосходительству
Господину Казанскому Губернатору

Свияжского Уездного Исправника
Рапорт[515]

[л. 8] Вашему Превосходительству, в исполнение предписания от 9 Февраля за № 895, имею честь донести, что к числу ваисовских сектан-

[515] Сверху написано: "Секретно" и "К докладу". Документ рукописный, дан без исправлений и сокращений.

тов принадлежат в деревне Карашамах крестьяне Валиулла Ибетуллин, Зялялютдин Галиуллин, Валиулла Миндубаев, Габсаттар Бикчентаев и Халиулла Тимиргалеев, из коих между ними особым уважением пользуются Габсаттар Бикчентаев, в деревне Городищах – Хасан Иблиаминев и деревне Молвиной – Мингазетдин Сайфутдинов, Шакур Латыпов, Сафиулла Шафигуллин, Мухтар Фаткуллин, Фазлулла Фаткуллин, Бикчентай Юнусов, Хусаин Хайбуллин и женщина Гильмизямал Валитова, при чем между сими последователями Ваисова особым влиянием пользуются Шакур Латыпов и Фазлулла Фаткуллин, хотя они ни в чем предосудительном и не замечались. Того чтобы [л. 8об.] ваисовцы проявляли себя открыто противниками существующего порядка и властей в настоящее время не замечается, и никакого брожения между ними не проявляется, и они с проповедью своих религиозных учений не выступали. Раньше же сего, до 1891 года, ваисовцы действительно проявляли себя противниками порядка и властей, но все это быстро прекратилось с высылкою в том 1891 году, по приговору Карашамовского сельского общества в Сибирь трех главных их вожаков; с тех пор большая часть от секты отстала и обратилась в обыкновенных магометан, а оставшаяся незначительная часть стала послушна и исполнительна, ни в чем себя особенно не проявляя; единственно, что они не признают, это богомоления в мечети при настоящих, утверждаемых правительством, муллах и ограничиваются богомолением на домах; считают грехом снимать где бы то ни было и перед кем бы то ни было шапки и платить подати общему с другими магометанами сборщику податей, и вносят эти подати непосредственно в Казанское Губернское Казначейство, также считают грехом пользоваться пособием, хотя бы в виде ссуды от земства, и во время голодовки и недорода хлебов [л. 9] обходились своими средствами. Больше за ними ни чего не заметно. Из числа указанных в вышеозначенном предписании Вашего Превосходительства за № 895 ваисовец Нурмухамет Мухаметзян-оглы постоянно живет где-то в Казани и к Карашамовскому обществу не принадлежит, другой же Галиулла Ибетулла-оглы (Ибетуллин), принадлежит к обществу крестьян деревни Карашам. На подачу прошения в Канцелярию Казанского Губернского Жандармского Управления он хотя и не имел письменного уполномочия, но, видимо, подавил прошение с согласия своих единоверцев; имел ли уполномочие Нурмухамет Мухаметзян-оглы – не известно. При этом долгом считаю присовокупить, что они не любят, когда их именуют крестьянами, как имеющее созвучие со словом христианин.

Уездный исправник [нрзб.]

№ 17, 9 Марта 1900 года.

Часть 2.
Архивные документы из РГИА и НАРТ 1901–1917 гг.

Документ № 41. 13.02.1902–21.03.1903.
РГИА. Ф. 1278. Оп. 1. Д. 245. Л. 4–8, 29об.–30об.

Книга веры ислама Ваисова[516]

30 листов писано на основании больше 100 [листов], на основании очень великого дела [л. 5.] Егу Енает иллагу воло гайрогу Егозизаммадят

Святое и великое дело за № 193 на имя Петра Морозова

Ну вот, [в] 1902 г. приехал новый доктор г. И.Ф. Аккерман[517]. Потом приезжали ко мне разные лица из Петербурга и из прочих мест. И спрашивали меня – как[ова] вера правой Ислам? И кто [составляет] секту ваисовский Божий полк; и что обозначает начальник Божьего полка, и ваисовский б.п. и сколько есть они на свете? Они [по]желали познакомиться, и спрашивали, чтобы я им разьяснил и познакомил. Поэтому мне по необходимости пришлось сочинить это великое дело. И сочинил на имя доктора Ильи Филипповича господина Аккирмана, чтобы познакомить желающих с божьим народом.

Конец начатия вот так во 1-х по-арабски по святому Корану [на]писал титул Бога, и пророков, и святых, и духовного отца Ваисова, с помощью молитвы. [...[518]] [л. 5об.–6]

На имя доктора Ильи Филлипповича господина Аккирмана на о-Сахалин от начальника божьего полка, т.е. наш он великий и определенный повелевающим указом богоцаря есть дистаночный начальник,

[516] Документ дан с исправленной орфографией и в оригинальной стилистике, с незначительными сокращениями. В более полной версии и с оригинальной орфографией документ был опубликован: Кемпер М., Усманова Д.М. Ваисовское движение в свете собственных прошений и поэм // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2001. № ¾. – С. 86–122.

[517] Аккерман Илья Филиппович – врач, в 1910–1911 гг. участвовал в мероприятиях по борьбе с эпидемией легочной чумы в Маньчжурии (Харбин) и на КВЖД. См.: www.supotnitsiy.ru (Очерки истории чумы).

[518] Текст по-татарски, представляющий из себя обращения к Аллаху и Багаутдину Ваисову, которого автор именует следующими терминами – "амир ал-му'минин" (т.е. халифа), муджтахид (эксперт по исламскому праву), сардар спасающейся партии, муджахид (воин за веру), муджаддид ал-алф ас-сани (обновитель второго тысячилетия по Хиджре, титул, который в накшбандийской традиции носит шейх Ахмад Сирхинди / ум. в 1624 г.), халифат Аллаха (т.е. халифа или султан), догахан, бабам-атам (наш отец). Затем Шигабутдин пишет, что к нему приехали люди из Москвы и Санкт-Петербурга и от Падишаха, чтобы задать ему вопросы, на которые он сейчас старается ответить. И подпись: "мөжаһид вә гази гариб әл-ислам Шиһабеддин әл-Болгари 1902". Таким образом, автор "святого разъяснения" зачастую дублирует русскую часть текста вставками из изречений Корана и пояснениями на татарском языке. Причем в последнем случае автор выражается гораздо более ясно и радикально.

и посланник от Бога великого, есть халифят Аллаха [...] и столетний, а не правилом тысячелетний основатель правой веры святого ислама. И есть великий божий воин и великий дардеменд дарвиш сердечное бытия всемирный хозяин и наместник великого пророка Мухаммеда, расулла сальлаллаи галяйгий восяллям, есть вероисповедник сотрудник всему мира Багаутдин Эль-булгари ибеня мулла Хамза и духовной отец Ваисов, который утвержден по согласию на семи соборах во всех державах [в] С.Петербурге [в] 1863 году Его Императорским Величеством Государем Императором, который освободитель с высоты трона мира народов белым Царем Александром вторым II великим отцом монархом вот. Ну вот, его самого духовного отца Ваисова лично по поручению и по указу и по приказу я есть вышеназначенное лицо поверенный ислама, т.е. [л. 6об.–7] по делам его и по преемничеству по святому роду, условию и по святому отечеству есть духовный сын. А на должность и на ответственность есть наместник. Поэтому согласно времени есть наставник и начальник, главнокомандующий Ваисовского божьего полка сотрудник всему миру Шигабутдин мулла Сайфутдин оглы эльбулгари Ваисов лично известное Его Императорскому Величеству Государю Императору всему миру белому царю Николаю Александровичу великому отцу монарху.

Страдающий и содержающийся за захват, потерепевший великие убытки на о-Сахалине в Александровской окружной лечебнице

за № 163 Святое разъяснение по правой вере по святому исламе истинной [?] божьей для признания Бога великого и для исполнения религии и секта и обряд по указу его духовного отца Ваисова без ошибки и без фальши есть правило.

Ну вот, по святой вере ислама на свете есть всего 73 секты; а из них 72 все по ошибке, есть заблуждение, без головы, без пути, без хозяина, вот что. Из них 72 ложные, а 73-я секта только одна правильная, которая [создана] по указу Ваисова. Как указал он наш великий начальник божьего полка повеливающим указом богоцаря сам духовный Ваисов, на основания вот так [...[519]]. Ну вот эта 73-я секта наша Ваисовский божий полк. Кто желает познакомиться и принять, поступить и исполнить, идите без сомнения и без опасения на истинный путь Божий из заблуждения, из темноты на свет. Идите, милости просим, к нам [в] ваисовский божий полк. Это найдете через нас инша Аллаха раббиль галямен во биллагй тевфак [...[520]]. А мы ваисовский Божий полк, сколько нас есть, идем, исполняем по указу его духовного отца Ваисова, вот так. Мы есть не татары и не крестьяне, и не раскольники и не идолопоклонники и верноподданные присажной природный духовной лица сусловой тюркий старовер-

[519] Текст знаменитого хадиса ат-тафаррук "Сказал Пророк: Моя умма разделится на 73 группы; все они попадут в огонь кроме одной".

[520] Повторение сказанного выше по-арабски.

ского общества мусульман т.е. от эльмицакъдан берли потомственной эльбулгарский Ваисовского божьего полка имеем миллят Ибрагима Халилулла и имеем святую веру дина ислама мухаммеданский и религию ханяфи Имам Агдамский, секта суннитская, а, обряд, [лл. 7об.–8] как есть мухаммеданский, эльмицакъдан берли мусулмане, т.е. издревли без припятствий молящийся только одной святой молитве ислама, на своих собственных устах по правилу святого Корана и на основании святого шариата и согласно святому отечеству, а повинуемся только одной верховной власти начальства, а не гражданской власти начальства. [...]

Пункт 2-й. Ну вот, Бог великий после сотворения мира и Адама из своей стороны послал посланников пророков для того, чтобы разъяснить и растолковать народу, показать истинный путь божий; как идти и как исполнить; т.е. народ темный от себя не мог знать и не может. А они пророки пришли по дистанци и по очереди, каждый согласно времени [нрзб.] народа, и среди них, т.е. с этим же народом, и между ними Бог великий все брал, кого он Бог желал. Ну вот, 1-й человек и 1-й пророк был наш отец Адам. А пророк Мухаммед был последний. Между ними сколько прошли пророков, только один бог знает. А они прошли по динстанции; а путь божий правильный был один, они все исполняли веру ислама. Вот, например, из о. Сахалина до Петербурга, скажем, есть железная дорога; или большой главный тракт есть один. И на этой дороге есть телеграфные столбы и станции. И на каждой станции начальник отдельный, и место форма отдельная, а правильный путь один. Ну вот, точно также от Бога великого наложен путь один, и до окончания мира не поменяется, а время хозяев поменяется; и народа жизнь поменяется. […[521]]

[л. 12об.–13] Пункт 6-й. Ну вот, пророк Мухаммед по правилу святого Корана открыл, обнаружил правую веру ислам. И взял и покарал во весь мир, совершил и постановил духовный верховный суд, власть и светскую, т.е. он был великий и последний пророк и весь мир Белый царь, извольте знать. Только в то время, по Божьему повелению [нрзб.], остался русский царь и народ, и китайский царь и народ; им не дошло было время от Бога. Но вот за самый эта верховная власть по правилу, без фальши доставал после пророка Мухаммеда соллоллагй галяйгий восальлям акурат 300 лет. Потом силу взял; не правильную, ложь и заблуждение между народом; и в настоящие время [нрзб.] хотел. Не правильно 1000 лет, т.е. в настоящий время по мухаммеданскому годуисчислению 1300 лет; и сам говорил Мухаммед великий пророк: после меня через 300 лет будут действовать тысяча (1000) лет неправильно, и потом придет основатель веры ислам, халифат Аллаха (халифа Алла) мой великий

[521] Опускаются пункты № 3–5 (л. 8–12об.), в которых Ш. Сайфутдинов пересказывает основные положения исламской веры, перечисляет всех самых известных пророков до последнего Мухаммеда и говорит о предназначении каждого из них.

наместник. Сказал: и тогда держитесь за него зубами, он возьмет во весь мир и возьмет Китай и русского царя и народы. Они примут веру ислам и русский царь ему поможет и через русского царя откроется […], т.е. после Мухаммеда пророка должен прийти 12 халифя 12 лиц, а из них хазрят имам Махди, [л.13об.–14], а этот Махди придет до окончания мира последний наместник и внук пророка Мухаммеда, соллаллагий голяйги воссалам. А этот хазрят Махди сын Голия […], а он как появится во весь земной шар, будут отречения от него от страха, т.е. потрепещет весь мир, и его никакое оружие не возьмет и не повредит; так как в настоящее время не повредил духовного отца Ваисова. Духовной отец Ваисов взял во весь земной шар; а все орудия остались помимо, извольте знать. Ну вот, он хазрят Махди возьмет и покорит во весь мир по святой вере Ислама, по правилу Корана и указу его духовного отца Ваисова. И сам тогда появится настоящий сам антихрист; и тогда в городе Димшик на белую башню создастся из неба Иисус хазрят Гайса рухулла […] для помощи хазрату Махди; и антихриста убьет Иисус, тогда и соединится вместе с Махди и будут жить вместе 40 лет; потом тогда скоро кончится свет. […] После пророка Мухаммеда пророка нет. А после него идет по преемству, по святому роду сословию и отечеству его наместник, по дистанции, который заведует духовной верховной и светской властью так, как сам пророк Мухамед заведовал. […] А между ними этими наместниками есть 100 и 1000-летний основатель, есть халифят Алла, который выше упомянутого лица, и даже Бог великий в каждые 100 лет в конце назначает основателя веры ислама; не дает заблуждаться народу […]. Ну вот духовный отец наш сам Ваисов после Мухаммеда пророка 32 лицо наместник; а только духовной отец Ваисов по дистанции наместник очень великий, т.е. он назначен от Бога и определенно повеливающим указом Богоцаря; в конце 100 лет, а не правилом в конце 1000 лет, есть 100 и тысяча 1000-летние основатели святой веры ислама, есть халифят Аллах, т.е. духовная и верховная и светская власть у него в руках и есть он всемирный хозяин, начальник Божьего полка [л. 14об.– л.15]; и пришел он отец Ваисов давать и передавать по правилам святого Корана веру ислам русскому царю и народу, и китайскому царю и народу […]. Бог великий послал посланников растолковать каждому народу на своем языке. Ну вот, российский народ не был подавно, поэтому Бог великий послал духовного отца Ваисова русскому царю и народу растолковать по правилам Коран на русском языке; поэтому он духовный отец растолковал и походатайствовал акурат 30 лет после утверждения […]. Александр 2-й белый царь со своим благочестным синодом принял и утвердил духовного отца Ваисова и его дела, поэтому он белый царь и называется освободитель

мира[522], за то что он принял веру ислам и развязал чертовскую путаницу, поганые и заблужденные узы; узы, которые ложной присягой словом Иисуса Христа, который издох на кресте, падающей и [нрзб.] нечистый, поганый дух, извольте, извольте. А Иисус не распят на кресте, а ушел на небо живой […]. Ну вот, в настоящее время его духовного отца Ваисова по ходатайственной духовной религиозной бумаге несколко сот стоит[523] [в] личной канцелярии Государя Императора белого царя, Императора великого Николая Александровича и ждем решения, вот что.

7-й пункт. Ну вот, узнали весь порядок, правило и дистанцию пророческую, и они пророки друг друга наместники, а духовной отец Ваисов наместник пророка Мухаммеда соллаллагии голяйгии воссалам [л. 15об.–16]. Ну вот, я сердечные бытия Шигабутдин эль Булгари на должности и [нрзб.] есть наместник и вышеназначенное лицо, поверенный ислама, духовного отца Ваисова. Извольте знать, кто такой был духовный отец сам Ваисов и лично по поручению и по указу его, как я сердечное стою по дистанции, требую и защищаю по святому отечество его дела, то есть ваисовский божий полк. Стоим за весь мир. Ну вот, еще разьясню положение и стоимость[524] божьего полка и сколько их [божьих воинов] есть на свете и трудно это описать. Ну вот, сам начальник Божьего полка есть наместник пророка, а только не называется пророком. А стоит точка пророк, как выше упомянутый порядок, на истинном пути божьем равно телеграфный столб или станции начальник, вот как. Вот знания и известия получает лично от Бога великого Аллаха по святому духу […]. И также наш божий полк относится с просьбою лично к нему Богу великому Аллаху и осмеливается только Бога и все свои дела создает по святой молитве, только ему одному [нрзб.] Бога Аллаха, и только на него надежды имеет и потом начальник божьего полка терпит наказания, так как терпели пророки и еще не ищет и не желает и не стоит для свого удовольствия. А только стоит и желает одно удовольствие Бога великого Аллаха. А если начальнику божьего полка и чего только [нрзб.], он признает это все от Бога великого Аллаха, не от людей и не от прочего. И также не боится никого, кроме Бога великого Аллаха и в каждом дыхании дышит Богу, и дышет не дышет, молится и даже спит и ходит и работает и говорит и в это время все молятся, т.е. в каждом дыхании дышим святой дух. Еще вот стоимость н.б.п., а если во всем мире, земном шаре сколько есть народ, все сделаются безверные, то он даже нисколько не колебается и останется один. Вот стоимость начальника Божьего полка. Еще он ведет свои дела повелевающим указом Бога-царя, согласно на

[522] Здесь мы видим типичное для Ш. Сайфутдинова смешение понятий, когда общераспространеный эпитет "царь-освободитель", данный Александру II за освобождение крестьян, приписывает своим заслугам за мифическое принятие царем ислама.

[523] Находится

[524] Ценность

все 4 священные книги: Теврат и Забур и Изил и святой великий Коран и на основании святого шаригата, очень правильного. И стоит исполняет шаригат. А помимо шаригата [л. 16об.–17] ничего не делает. А он есть шаригатский хозяин. Ну вот, духовеноство, [нрзб.] по святому шаригату, т.е. выше упомянутая священная книга вся заключается в шаригате. А шаригат всем делам конец. Так как на крепость царские ворота. Ну вот, внутрь крепости попасть нельзя, только через ворота. И точно также нельзя попасть без шаригата к Богу великому Аллаху, вот что. Ну вот, у шаригата один конец великий идет, Богу великому Аллаху нет конца, а один конец он тонкий и мелкий, даже доходит, так как зерно и пыль. А начальник божьего полка должен и обязан все знать и исполнять и он исполняет. Поэтому народу трудно понять начальника божьего полка, т.е. в народ не помещаются большое дело и слова и также мелкие дела и слова, извольте знать. Ну вот, народу не надо глядеть и делать и справиться, что делает начальник божьего полка. А народ должен и обязан делать и необходимо исполнять, что приказывает и делать, что заставляет исполнать вот что. Ну вот, начальнику божьего полка полагается и [он] обязан учить, заставлять и приказывать божьему народу взгляды человека и по его силе, по возможности. А поэтому начальник божьего полка сам хорошо знает и по силе их народов заставляет. Еще начальник божьего полка [указывает], что по святому шаригату можно делать и есть пить божьему народу, то они все делают для того, чтобы народу было легче исполнять и все народы могли бы идти за ним. Еще начальник божьего полка гордость и [нрзб.] не имеет, кто к нему идет, всех принимает и со всеми обращается честно, благородно. А если народ бедный и богатый, он не сортирует, ему все равно. И взгляд ко всем один, маленькое дитя и старые люди, и больной, и слепой, и хромой, и даже безверный народ; т.е. ко всем взгляд один добрый; приведу пример, так как на солнце, т.е. солнце на молитвенный дом и на баню, на цветок и на говно, на чистый и на поганый. Одним словом, всем светит. Еще начальник божьего полка очень смирный и милостивый и очень грозный и злой. […] И еще начальник божьего полка, если что и говорит, [то] не просто и не [л. 17об.–18] ложно, на свои слова и дела имеет факты, ясное доказательство, основания. Устав Божий повелевающим указом Богоцаря идет и исполняет и управляет своими делами. Так капитан судна идет в открытом море по компасу и не заблуждается. Т.е. начальник Божьего полка по своему мнению ничего не делает без основания на шаригате, как выше разьяснено. Еще начальник Божьего полка имеет вес и знания и силу от Бога великого Аллаха, так как равно израильским пророкам. […]

8-й пункт. […[525]] Тот человек есть ваисовский божьего полка [член], кто исполняет свет Божьего закона по приказу и по указу его Ваисова, без фальши, сколько он знает и может. Еще тот человек ваисовский божий полк, сколько он есть на свете, который стоит открыто, борется и трудится и во все силы тормозится за истину, за правду для удовольствия Бога великого Аллаха и для багополучия, что есть на свете государств и для императорского правительства и для пользы полезной, для спасения народа всего мира, т.е. стоит за весь мир. Ну вот, за это их разорили и до конца в конец общим голосом и общим приговором сослали в Сибирь и на о. Сахалин, отделили их от отцов и от матерей, от жен и от детей, от потомственной родительской земли, засадили их в тюрьму и заковали, в темный карцер посадили, и в черную баню, и наказывали и несколько раз грабили их, разоряли до конца в конец, вот как. Ну вот, такое мучение ни один пророк и народ не повстречал, как Ваисовский Божий полк. В таком положении стоимость за справедливсть в настояще время, сколько есть на свете, открыто, а их знает Государь Император Белый Царь [л. 18об.–19] Николай Александрович. Ему известно. Ну вот, которые открытые, сколько есть, они все сотрудники всему миру. И есть они всемирные хозяины всем народам, предводители и они будут духовная верховная власть всему миру. Извольте знать, кто такой есть и что обозначает Ваисовский Божий Полк. Ну вот, разьясню, кто тайно и сколько они есть на свете, т.е. которые стоят открыто, а они лично их знает и им же тайно помогает, т.е. дают помещение, деньгами и делами, и словами тайно. А это народ также есть наш Ваисовский Божий полк. Ну вот, еще 3-й сорт народ, сколько есть на свете. А из них, т.е. кто наши сочинения писания читает лично духовного отца Ваисова и также наши, от души и сердца слушает и верует, и на это имеет любовь и веру, надежды и потом стремится на это истинное дело и веру попасть, и поступает, и угодить, этот сорт народа также есть наш Ваисовский Божий полк. Ну вот, 4-й сорт народ еще на свете сколько есть, из них кто слышит про духовного отца Ваисова и про Ваисовский Божий полк и потом этот человек имеет в душе своем и сердце любовь и веру надежду, так как зерна и даже за это они все есть наш Ваисовский Божий полк. Если вопрос, извольте Вам доказательства ясные факты, т.е. в настоящее время от Бога великого Аллаха пришел посланник, основатель правой веры святого ислам. Поэтому народ сортируется и определяется на правое и на левое со своим желанием и сердцем, кто сколько знает и чем может. Ну вот, это все выше упомянутый 4 сорт народ соединяется в одно общество староверского общества мусульман, т.е. от эльмицакдан берли все есть наш Ваисовский Божий полк. Бог великий Аллах дал волю и заставил по силе возможно-

[525] В начале 8 пункта Ш. Сайфутдинов высказывает намерение объяснить, кто же такие божьи воины, кого можно называть божьим воином.

сти каждому человеку исполнять. […] Ну вот, еще скажем 5-й сорт, т.е. на свете есть много народа и даже про духовного отца Ваисова и про Ваисовский Божий [полк] не знает и не слыхал. Ну тогда из них [л. 19 об.–20] кто имеет веру ислам, исполняет по правилам святой Коран и на основании святого Шаригата, по религии имам агзамский и секта суннитский, который выше разьяснено 73 сектя без фальши, т.е. кто аглисуннят уволь земогай, этот народ все есть мусульмане и они тогда есть староверского общества, т.е. от эльмицакдан берли, тогда это народ божий. А раз божий народ и есть наш Ваисовский Божий полк, т.е. по покровительством Ваисова, потому что духовный отец Ваисов во всем хозяин и предводитель всему миру и также его наместник и Ваисовский Божий полк, который стоит открыто. Ну вот, как выше упомянутые сорта – все одно общество. А в это общество не принимаются кумирники, кто молится на иконы и тот человек, кто признает Бога в трех лицах и кто идолопоклонник китаец, японец, чувашин, черемисен и тому подобный народ. Это все безверные, безбожные, спаси Бог великий их и от ихних изделий, все поганый и все храм ясный кяфер. Аминь Аллаха. Ну вот, на свете сколько есть, все общий Божий полк, почему сказать это нельзя. Это есть неведомое Божье дело, тайна, секрет, сам Бог только знает. Еще разный тайный Божий полк есть, кроме Бога никто не знает[526]. Из таких народов, т.е. они бывают в грязной одежде разорванной, их никто не любит и им не дают, никто их не принимает и их дураками считают. Даже из них снаружи не молятся про народы, они только душой молятся. У них дома и жены нет, ничего [нет]. Вот из таких у Бога есть народ тайный. Народ их не любит, только Бог их любит. […] И Бог говорит, я говорит, буду в ихнем сердце, меня найдет тот, вот так. А еще дарвиш другой на эти люди не касается, истинный дарвиш 3-й сорт. И Бог великий говорил насчет дарвишей: вот так дарвиш со мной, а я Бог с дарвишем. [л. 20об.–21] […[527]] Ну вот, кто знает и слышит духовного отца Ваисова и нас Ваисовский Божий полк и потом противится, а если даже имеет напротив сердца зло, так как зерна. И еще которые нас не знают и исполняют помимо 73-й секты и помимо шаригата и помимо Корана. Этот народ общий есть шайтанский полк. И кто повинуются и исполняет гражданский закон, и кто им шапки снимает, все это народ шайтанский полк, согласно времени и навсегда, если не покается, вот что [л. 21об.–22] это народ вообще сказать, кяфер, спаси Бог […].

[526] Далее речь идет о дервишах, юродивых и пр.

[527] Далее опускается часть текста. В ней повторяются высказанные ранее мысли о том, что имя Бога запечатлено в сердцах этих дарвишей собственноручно Богом, который и дал им особую силу; сколько всего членов божьего полка – никто не знает, даже ангелы с пророками. Это тайна Бога. Всего же на свете два полка – один божий, другой – шайтанский (чертовский).

9-й пункт. Ну вот, господин доктор Илья Филиппович Аккерман, извольте вам узнать и познакомится с ваисовской сектой и можете познакомить того человека, кто с вас спросит. Тут есть вам всем радость и истинный путь Божий, в настоящем один главный материк здесь. И есть вам правило. Ну вот, кто держится этого правила, тот человек нашего ваисовского Божьего полка и он тогда не ошибется и не заблудится никогда, благополучие придет Богу […]. Этот человек получит свое удовольствие на этом свете и на том свете вечный рай. Ну вот, сочинил на имя ваше очень большое и великое святое дело. На это радуйся. Ну вот, иди по этому правилу, исполняй мое дело. Если я вам чего приказываю, сколько можешь, постарайся исполнять. А только фальши не делай на наше дело. И чего найдешь от нас с нашим писанием или чего от нас лично слышал, это все можешь писать и донести Государю Императору. А только не поверь относительно нашего дела людским словам или служителям, надзирательским словам, т.е. ихним словам напротив нас факты не держи, потому что они все безверные, безбожные, им нельзя поверить.

Пункт 10-й. Ну вот, еще имею честь вам заявить, которое выше разьяснено порядком духовной отец Ваисов с 1863 г. до 1893 г. ходатайствовал духовными религиозными деловыми бумагами, повеливающим указом Бога царя акурат 30 лет безостановочно. Его ходатайственных деловых бумаг несколько сот, стоит лично в канцелярии Государя Императора. Когда я находился в городе Казани в канцелярии Ваисова, лично по поручению и по приказу и по указу его духовного отца Ваисова я сердечное бытия Шигабутдин эльбулгари начал требовать духовное религозное дело его от Государя Императора. 20 октября 1894 года за это меня арестовали [л. 22об.–23] в городе Казань. Еще той истории много, это я не пишу, только приведу здесь порядок. 17 сентября 1895 г. отправили меня из г. К[азани] в Москву; а из московской пересыльной тюрьмы подал 11 номеров святого духовного верховного религиозного дела великого; потом 24 февраля 1896 г. отправили на остров Сахалин; прибыл 29 апреля 1896 г. сюда в Александровскую тюрьму; как равно с каторжанами. С того времени безустанно ходатайствую и сочиняю сам и пишу сам все святые деловые бумаги и все для требования выше упомянутого дела духовного отца Ваисова. Всего с этим сочинил и подал 163 раза, 163 время за № 163-м и каждое дело бывает написано 13 и 11, и 9, и 8, и 7, и 6, и 5, и 4, и 3 листов; один или два листа редко. В каждом деле несколько пунктов. […] Все мои дела поданы и пошли через доктора Льва Александровича Ландау[528] и [господина доктора] А.А. Волкенштейна. Они все мои дела читали и куда следует отправили по закону и в силу закона. Извольте вам знать, Илья Филиппович Аккерман. Которые выше поданы дела, припом-

[528] Ландау Лев Александрович (4.08.1863–?) – врач-психиатр, в 1912 году член Всероссийского Союза психиатров и невропатологов.

ню вам: несколько номеров подано на имя Государя Императора – за № 115 и за № 116 и за № 129, еще за № 150. Это очень великие дела. А это 4 номер делов найдется, тогда все мои дела найдутся. Это все поручено д.г. Волкенштейну. Конец писания еще Морозову тебе припомню после поданого номера на имя Государя Императора их добавления за № 169-м 1902 г. 12 август дальше.

Еще 11-й пункт. Мое семейство нашего Ваисовского Божьего полка великий князь и великий божий воин сотрудник всему миру Петр Морозов Эльбулгари Ваисов. Еще его жена великая княгиня и великий божий воин, сотрудница всему миру Марфа Петровна Ваисова, [л. 23 об.–24] еще их родные дочери великая княжна и сотрудница всему миру великие Божьи воины Татьяна Петровна Ваисова и Анна Петровна Ваисова нороссойда на это святое дело подписываются своеручно по-мусульмански и по-русски вот так [...[529]].

Я выше поименованное лицо подписываюсь по-мусульмански и по-русски […[530]] Я выше поименованное лицо, лично по поручению его духовного отца Ваисова есть вышеназначенное лицо, поверенный ислама, т.е. по делам его и на должность и на отечество есть наместник, поэтому [л. 24 об.] согласно времени наставник и начальник, главнокомандующий Ваисовского Божьего полка сотрудник всему миру Шигабутдин мулла Сайфутдин оглы Эльбулгари Ваисов […[531]].

1902 года июля 13 дня это святое великое дело передано доктору Илье Филипповичу господину Аккерману. Ваисов. [...[532]]

Документ № 42. 13.12.1902.
НАРТ. Ф. 41. Оп. 13. Д. 3. Л. 126–127об.[533]

1902 года, Декабря 13-го дня в зале заседаний Асхабадского Окружного суда, в гор. Мерв настоящий приговор объявлен мною при открытых дверях присутствия, с соблюдением 829–832 и 842 ст. Уст. Угол. Суд.,

[529] Пункт завершается подписью печатными буквами Петра Морозова по-русски.
[530] Далее следует длинная подпись со всеми титулами Ш. Сайфутдинова по-татарски с переводом на русский язык.
[531] Далее следуют религиозные воззвания и формулы и подпись по-татарски. Завершается эта часть текста датой по Хиджре (1320 год) и от Р.Х. 1902 г.
[532] В конце "Книги веры ислама Ваисова" [листы 25–30об.] текст адресован П. Морозову. Эта часть содержит пояснения атрибутов и свойств Аллаха, дозволенного и запретного ("харам") мусульманину с точки зрения догматов истинного ислама, и датируется 21 мартом 1903 года.
[533] Документ представляет собой машинописную копию приговора. Ашхабадского окружного суда. Копия заверена. Документ дается в оригинальной орфографии, без сокращений.

при Товарище Прокурора Асхабадского Окружного Суда В.М. Сливе и Секретаре Н.Л. Гордове.

К слушанию приговора явился подсудимый и просил о выдаче ему копии с приговора. Член суда Н. Петерсон

Приговор

1902 года Декабря 11-го дня, По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА.

Асхабадский Окружной суд, в гор[оде] Мерв в публичном судебном заседании в составе:

Председательствующий Н.А. Дублицкий

Члены: Н.П. Петерсон и Добавочный Мировой судья Л.Л. Шредер при Секретаре Н.Л. Гордове в присутствии Товарища Прокурора В.М. Сливы

слушал дело о крестьянине Казанской губернии, Свияжского уезда, дерев[ни] Малвино Ходжи Мухамед Гинанутдине Богаутдинове Вайесова, обвиняемом по 271 и 1 ч. 286 ст. Улож[ения] о Наказ[ании].

По обвинительному акту Ходжи Мухамед Гинанутдинов Богаутдинов Ваейсов обвиняется в том, во-1-х, что 31 Марта 1902 года в с. Иолотани, Мервского уезда, с целью воспрепятствовать Полицейскому Приставу подпоручику Ивановичу произвести у него, Вайесова, обыск, бросился к дверям своей квартиры и хотел их затворить, когда же Иванович, оттолкнув его от двери, схватил его, Вайесова, за грудь, то он, Вайесов, вступил в борьбу с Ивановичем, во время которой сорвал с сюртука Ивановича погоны и сжал ему кисть правой руки так сильно, что на ней появилась опухоль; и во 2-х, что тогда же и там же нанес тому же Приставу Ивановичу, при исполнении им служебных обязанностей, оскорбление на словах, [л. 126об.] позволил себе произнести по его адресу разные ругательные слова и площадную брань, т.е. в преступлениях, предусмотренных 271 и 1 ч. 286 ст. Улож[ения] о Наказ[ании].

Разобрав дело, Окружной Суд находит, что обвиняемый Вайесов не признавая себя виновным, объясняет, что в то время [нрзб.] он Вайесов, был в саду при доме Шафиева, пришли туда три офицера со множеством людей; один из этих офицеров, оказавшийся потом Иолотанским Приставом, не объясняя кто он, объявил ему, Вайесов, что произведет у него обыск. На вопрос его, Вайесова, с какою целью будет произведен обыск, ему никакого объяснения дано не было, и тогда заявив, что не пустит в свое помещение, так как там женщины, к которым по закону Магомета не может быть допущен посторонний мужчина, он стал в дверях своей квартиры; но Пристав без всяких объяснений схватил его за грудь и между ними завязалась борьба, во время которой был сорван у Пристава один погон; Пристав со своими помощниками одолел его, Вайесова, и после того велел его, Вайесова, связать. Возмущенный такими беззаконными

действиями Пристава он, Вайесов, впал в такое состояние, что не помнил себя, не помнил, что делает, что и на каком языке говорил, хвалит ли Бога или же ругает Пристава. Но показаниями свидетелей Ивановича, Ступина, Оразова и Батяйкина, отчасти и показанием Шафиева, установлено, что Пристав Иванович, объявляя Вайесова, что пришел произвести у него обыск, вместе с тем объяснил ему, что он – Иолотанский Пристав и должен произвести у него, Вайесов, обыск по распоряжению Начальства, причем предложил ему, Вайесову присутствовать при обыске. На заявление Вайесова, что в квартире женщины, на которых по закону посторонний мужчина не может даже смотреть, Пристав сказал, что женщин он может вывести из квартиры; несмотря на все это Вайесов отказался впустить Пристава к себе в квартиру и, бросившись вперед, закрыл пред ним двери и изнутри налег на нее. Когда же дверь силою была открыта, Вайесов бросился к другой двери, ведущей внутрь квартиры, а Пристав кинулся за ним, и около другой двери между Приставом и Вайесовым завязалась борьба, во время которой у Пристава сорван был погон. Когда Вайесова оттащили от Пристава, Пристав велел связать его, и в это время Вайесов [л. 127] ругал и Пристава и всех, бывших с ним, ворами, грабителями, площадною бранью, называл Пристава антихристом, и всю эту брань произносил на русском языке. Когда был открыт вход в квартиру Вайесова, то никаких женщин там не оказалось, – женщины Вайесова помещались в ином месте, а не там, где должно было произвести обыск.

На основании наложенного Окружный суд признает Ходжи Мухамед Гинанутдина-Богаутдинова Вайесова виновным в совершении тех преступных деяний, обвинение в которых ему предъявлено обвинительным актом, т.е. в преступлении, предусмотренном 271 и 1 ч. 286 ст. Улож[ения] о Наказ[ании]. Избирая наказание из определенных за преступление, предусмотренных 271 и 1 ч. 286 ст. Улож[ения] о Наказ[ании], Окружной Суд, согласно 149 ст. Улож[ения] о Наказ[ании], считает справедливым назначить таковое Вайесову по 5 степ. 31 ст. Улож[ения] о Наказ[ании]. И, в силу 148 ст. Улож[ения] по обстоятельствам дела, в низшей его мере, т.е. лишить Вайесова всех особенных лично и по состоянию присвоенных прав и преимуществ, отдать в исправительные арестантские отделения сроком на один год с последствиями по 4 и 5 п.п. III–го Отд., Лит. А., закона 10 июня 1900 года и с заменою по 77 ст. Улож[ения] о Наказ[ании]; наказание же определенное за преступление, предусмотренное 1 ч. 286 ст. Улож[ения] о Наказ[ании], соответствует 3 степени 38 ст. Улож., которое по обстоятельствам дела, согласно 148 ст. Улож[ения] о Наказ[ании], должно быть назначено также в низшей мере, т.е. Вайесов за это преступление должен быть подвергнуть заключению в тюрьме на два месяца, и, наконец, по совокупности преступлений, согласно 152 ст. Улож[ения] о Наказ[ании], Вайесов должен быть приговорен в отношении личной ответственности лишь к первому из означенных наказаний, как к тягчайшему из назначенных ему за совершенные им преступные деяния. Судебные по делу издержки подлежат взысканию с Вайесова, при несостоятельности же его должны быть приняты на счет казны.

По сим соображениям Окружный суд ОПРЕДЕЛЯЕТ: 1) на основании 271, 149, 5 степ. 31, 148 ст. Улож[ения] о Наказ[ании] и 3 п. 771 ст. Уст. Уг. Суд. крестьянина Казанской губернии, Свияжского уезда, дер. Малвино, Ходжи Мухамеда Гинанутдина Богаутдинова Вайесов, 24 лет, лишить всех особенных лично и по состоянию присвоенных прав и преимуществ и отдать в исправительные арестантские отделения сроком на один год, с последствиями по 4 и 5 п.п. III–го Отд., Лит. А., закона 10 июня 1900 года и с заменою по 77 ст. Улож[ения] о Наказ[ании] [л. 127об.] 2) на основании 1 ч. 286, 3 степ. 38 и 148 ст. Улож[ения] о Наказ[ании] и 3 п. 771 ст. Уст. Угол. Суд. того же, Ходжи Мухамеда Гинанутдина Богаутдинова Вайесова заключить в тюрьму на два месяца; 3) на основании 152 ст. Улож[ения] о Наказ[ании] Ходжи Мухамеда Гинанутдина Богаутдинова Вайесова подвергнуть в отношении личной ответственности лишь первому наказанию; 4) судебные по делу издержки возложить на осужденного Вайесова, а в случае его несостоятельности принять на счет казны.

Подлинный за надлежащими подписями.

С подлинным верно: За Секретаря Суда А. Касьянов

Сверял: За Пом[ощника] Секретаря Виноградов.

Документ № 43. 28.02.1905.
РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 631. Лл. 29–29об.

Его Высокопревосходительству
Господину Министру Внутренних Дел

Верноподданного присяжного, природного
духовного лица, староверческого общества
мусульман, т.е. Алмисакдан Берли Мусульман
Вайсовского Божьяго полка, поверенного Ислама,
наследника, сотрудника всего мира Божьяго
Дарвиш сектанта и духовного отца Вайсова,
Ходжи Мухамет Гинанутдин Багавутдин
Оглы Булгары Вайсова,

Докладная записка

Руководствуясь Указом ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА от 12 Декабря 1904 года, я, 23 сего Февраля, обратился в Комитет Мини-

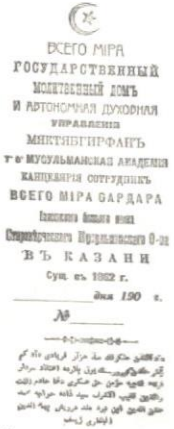
стров с прошением на татарском диалекте о скорейшем рассмотрении и разрешении нам на законном основании беспрепятственно исповедовать нашу веру согласно нашим обрядам, а вместо с сим просили мы возвратить нашего сектанта великого начальника Духовного отца Вайсова и всех его последователей, сосланных в Сибирь на поселение или в каторжные работы.

Так как все наши прошения, подаваемые с 1862 г. по сей день, остаются без рассмотрения, то я, основываясь на постановлении Комитета Министров 21 Января сего года, при обсуждении меры к устранению стеснений исповедания веры, предуказанных ВЫСОЧАЙШИМ [л. 29об.] Указом 12 Декабря 1904 года, осмеливаюсь прибегнуть под защиту Вашего Высокопревосходительства и покорнейше просить Вашего законного содействия к рассмотрению и удовлетворению вышеупомянутой моей просьбы, поданной на татарском диалекте 23 сего Февраля в Комитет Министров.

Сардара Вайесовского бужьего полка Ходжа Мухамад Генануддин Багавуддин оглы Булгари Вайсова 28-го Февраля 1905 года[534].

Жительство имею: Город Казань, Ново-Татарское Императорское молитвенное здание Мактеб герфан, Канцелярия сектанта духовного отца Вайсова.

Документ № 44. 26.04.1905.
РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 631. Лл. 53.


ВСЕГО МІРА
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
МОЛИТВЕННЫЙ ДОМЪ
И АВТОНОМНАЯ ДУХОВНАЯ
УПРАВЛЕНІЯ
МЯКТЯБГИРФАНЪ
Т-ва МУСУЛЬМАНСКАЯ АКАДЕМІЯ
КАНЦЕЛЯРІЯ СОТРУДНИКЪ
ВСЕГО МІРА САРДАРА
Ваисовского Божьяго полка
Староверческого Мусульманского О-ва
ВЪ КАЗАНИ
Сущ. съ 1862 г.
дня 190 г.
№

Его Превосходительству
Господину Директору
Департамента духовных дел
иностранных исповеданий

Преемника Дервиша Божьяго-Духовного Отца Староверческого Общества Мусульман Ваисовского Божьяго Полка Сардара Ходзя-Мухамет-Гинанутдина Багаутдин-Оглы Ваисова, проживающего в г. Казани (Ново-Татарская слобода, дом Гибатуллина)

Прошение

В ответ на мое личное ходатайство в феврале текущего года по делам моих единоверцев, я был осчастливлен выраженной Вашим Превосходительством готовностью по мере возможности удовлетворить наши религиозные нужды.

[534] Собственноручная подпись Г. Ваисова.

На этом основании, мусульмане-староверы Ваисовского Божьего полка, поручив мне представить докладную записку об их нуждах Комитету Министров, вместе с тем уполномочили меня препроводить Вашему Превосходительству прилагаемую при сем копию этой записки с покорнейшей просьбой не отказать в своем просвещенном и высоком содействии скорому удовлетворению насущнейших нужд нашего общества.

Сардар мусульман-староверов Ваисовского Божьяго Полка. Ходзя Мухамад Генанутдин Ваисов

Г. Казань. 26-го апреля 1905-го года.

Документ № 45. 26.04.1905.
РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 631. Лл. 54–57об.

Копия прошения, препровожденного на имя Господина Председателя Комитета Министров[535]

Императорское молитвенное
здание Мактибгирфан
Канцелярия Ваисов
Староверского Мусульманского
Общества в Казани.
Апреля 26 дня 190 г.

Преемника Дервиша Божьего Духовного Отца Староверческого общества Мусульман Ваисовского Божьего полка Сардара Ходзя-Мухамет-Гинанутдина Багаутдин-Оглы Ваисова, проживающего в г. Казани (Ново-Татарская слобода, дом Гибатуллина)

Прошение

Отец мой, Багаутдин-Хамзин Ваисов, Дервиш Божий, Духовный Отец Староверческого Общества Мусульман Ваисовского Божьяго Полка, родился в 1804 году в деревне Молвино, Казанской губернии. Ведя свой род от поколения Саид-Заде, т.е. потомков пророков Магомета, отец мой счел своей священной обязанностью посвятить всю свою жизнь проповедованию ислама. Такое сознание святости долга еще более укрепилось в нем с того момента, когда знаменитый учитель его и святой проповедник Слова Божия, во время последней своей божественной службы вдруг указал на него, как на своего достойного преемника и тут же в присутствии многочисленной горячо молившейся толпы преподал ему благословение и завет – всю жизнь проповедовать ислам,

[535] Копия составлена в Департаменте. Документ напечатан на пишущей машинке и не датирован.

строго придерживаясь буквы св. Корана и не только ни единой мысли, даже тайно, не толкуя во вред Тому, Кому сам Царь Небесный повелевает нам повиноваться, но при первой возможности довести даже до сведения ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА о своей миссии.

Помня этот, отныне и для всех нас мусульман-староверов священный завет, являющийся отголоском слов св. Корана: "Верующие, повинуйтесь Богу, повинуйтесь посланнику сему и власть имущим" (62-й стих, глава 4-я), Дервиш Божий Багаутдин-Хамзин Ваисов вместе с одним из своих многочисленных учеников отправился в 1864 году в С.-Петербурге, где имел счастье представиться ныне в Бозе Почивающему [л. 54об.] Государю Императору Александру Николаевичу[536] и всеподданейше доложить, что проповедуемые им религиозные принципы, равно как и богослужебные нормы, которыми он руководится, вполне гармонируют с чувством страха Божия, преданности Престолу, повиновением государственным законам и с общественною нравственностью.

Осчастливленный одобрением Незабвенного Монарха, Духовный Отец возвратился в Казань, где еще с большим рвением стал проповедовать Слово Божье и учить, как следует жить правоверному мусульманину по заветам св. Корана и по правилам Шаригата. Непонятый, однако же, местной администрацией, никогда, впрочем, не пытавшейся убедиться, насколько его религиозные воззрения противоречат государственным требованиям и интересам третьих лиц, сколько прислушивавшейся к ложным и гнусным доносам, Духовный Отец наш подвергся жестокому преследованию, а в 1884 г.[537], когда он вместе с некоторыми из своих последователей находился в мектебгирфан, т.е. ИМПЕРАТОРСКОМ молитвенном доме, его окружили полиция и большая толпа народа и после семидневной осады, в буквальном смысле этого слова, когда мектебгирфан был разрушен до основания и была убита первая супруга нашего Дервиша Божьего, последний вместе со своими изувеченными адептами был взят и заключен в тюрьму; при этом богатое имущество, библиотека, состоявшая из древних арабских рукописей в весьма ценных переплетах, несколько тысяч книг, с дозволения цензуры напечатанных и предназначенных для продажи, документы о нашем происхождении от булгарских ханов все было конфисковано. В надежде лишить нашего Отца в глазах массы ореола святости и мученичества, губернское начальство после нескольких месяцев тюремного заключения сочло нужным перевести его в казанскую лечебницу для душевнобольных, хотя ни мы, его близкие родственники, ежедневно приносившие ему пищу, приготовленную по мусульманскому ритуалу,

[536] Это утверждение Г. Ваисова о состоявшейся аудиенции не подтверждается известными архивными документами.

[537] Имеются в виду события января 1885 года.

ни многочисленные последователи, постоянно посещавшие его, не переставшего и там проповедовать Слово Божье, не замечали в нем ничего ненормального. В 1893 г., т.е. после девятилетнего его заключения, нам вдруг объявлено было, что он скончался и, несмотря на мольбы адептов о выдаче св. тела нашего Дервиша Божьего для предания его земле по мусульманскому обряду, местная администрация оказалась неумолимой. Но если в отношении посторонних лиц еще [л. 55] может быть объясним этот отказ, то последний в отношении меня, родного сына этого мученика за св[ятую] веру, являлся уже вопиющим произволом, преступным попранием моего законного права и священной обязанности похоронить отца и помолиться на могиле за упокой души его. Администрация отклонила мое ходатайство, как исходящее от несовершеннолетнего лица[538], но вместе с тем предоставила нам трехдневный срок на истребование тела старшими родственниками. Несмотря на то, что я явился с матерью в лечебницу за два дня до истечения указанного срока, нам объявлено было, что тело уже предано земле "в известном некоторым только лицам месте". С тех пор прошло почти 12 лет, в течение которых мы, члены Ваисовского Божьяго Полка, неустанно, но безуспешно разыскиваем эту дорогую для всех нас могилу и единственную надежду свою приемлем смелость возложить на сочувствие высокопросвещенных ближайших Сотрудников нашего обожаемого Монарха.

Такова печальная судьба Духовного Отца Ваисовского Божьего Полка. Что же касается тех последователей, которые в день его ареста случайно собрались в ме[к]тебгирфан, а затем разделили его участь в тюрьме, то они, как впоследствии и многие другие мусульмане-староверцы, были сосланы в Сибирь местной администрацией, совершенно упустившей из виду то, что насилие бессильно против идеи, что как бы последнюю ни душили, как бы ее ни распинали, как бы ни стирали с лица земли ее носителей, она всегда снова и снова воскреснет обновленной и окрепшей. Многие из этих сосланных, помня, что "никакое бедствие не совершается ни на земле, ни в нас без Божьего предопределения" (Коран, глава 57-я стих 22-й) покорно влекли свои тягостный ярем до гроба, другие же по настоящее время томятся в далекой чужой стороне.

Но и наша жизнь, жизнь остальных мусульман-староверов не легче: она полна преследований, лишений, жертв и беспомощных жалоб; препятствуя свободному проявлению и развитию религиозной потребности нашей, обрекая каждого из нас на изолированность и замкнутость, местная администрация в сущности **отнимает у нас религию**[539], т.е. то именно, что дороже всего для нас в здешней жизни, являющейся в на-

[538] Автору прошения в это время было 15 лет.

[539] Выделено автором документа.

шем миросозерцании не [л. 55об.] более как "обманчивая утеха, обольщение, суетный народ", и заполняет наши души отчаяньем, невольно проявляющимися иногда в далеко нежелательных и незаконных формах протеста. Таким образом, наблюдаемое по временам обострение отношений случается не потому, что не существовало бы в русском законодательстве гуманнейшего начала – "Да все народы, в России проживающие, славят Бога Всемогущего родными языки по закону и исповеданию их праотцов"; не потому также, что наше учение отличалось бы каким либо особенным антиправительственным характером, а только вследствие того ненормального и невыносимого положения, в которое местная администрация произвольно поставила нас по отношению к закону. Мы, члены Ваисовского Божьего Полка, этой по существу орденоподобной конгрегации, стремимся только к достижению личного совершенства путем точного исполнения заветов св. Корана, а такое стремление несовместимо с презираемым нами насилием; свои религиозные интересы мы отстаиваем мирным путем; мы никому не навязываем своих религиозных идеалов; наши воззрения не могут ни нарушить религиозного мира признанных Правительством обществ, ни повредить им в их политических и гражданских интересах; наши убеждения находятся в полнейшем соответствии с долгом верноподданного и сына отечества, с обязанностями, налагаемыми на нас государственными законами и с требованиями общественной морали. Согласно же началу свободы вероисповедания провозглашенной с высоты Престола 12 декабря 1904 г., удовлетворение религиозной потребности и вызываемые ими возникновение и признание религиозного общества, по существу должны быть беспрепятственны, пока они не затрагивают государственных интересов. Исходя из такого положения, я, в качестве сардара староверческого общества мусульман Ваисовского Божьего Полка, считаю своим священным долгом ходатайствовать перед Комитетом Министров о признании за вышеупомянутым обществом права на существование под верховной защитой государства и испытании пригодности устройства его и согласия его учения с государственными интересами на основании его последующей, явной для всех, деятельности; вместе с тем приемлю смелость почтительнейше указать на те нужды, [л. 56] скорое удовлетворение которых нам, верноподданным ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА, особенно желательно:

I) Как в европейской, так и в азиатской России имеется много священных для мусульманского религиозного чувства могил, усердно посещаемых правоверными; к числу таковых относится и священная для нас, членов Ваисовского Божьего Полка, могила Духовного Отца Багаутдина Хамзина Ваисова. Так как местная администрация упорно отказывает нам в сообщении интересующих нас сведений, то я, в качестве

сардара мусульман староверов и на правах сына покорнейше прошу, чтобы вместе с признанием за нашим обществом права на свободное развитие было сделано соответствующее распоряжение казанскому губернскому начальству об указании нам места, где покоятся останки нашего Дервиша Божьего, и разрешении поставить там по нашему усмотрению памятник.

2) Одновременно с разрушением в 1884 г. мектебгирфана, т.е., ИМПЕРАТОРСКОГО молитвенного дома, освященного и открытого в 1862 году, местная администрация, как мною уже вышеупомянуто было, конфисковала наше имущество, библиотеку из древних арабских рукописей в ценных переплетах и много разных документов, среди которых нам особенно дорог содержавший ВЫСОЧАЙШЕЕ соизволение на присвоение нашему молитвенному дому звание ИМПЕРАТОРСКАГО. Ходатайствуя о возвращении нам как конфискованных имущества и книг, так и документов, мы покорнейше просим, в случае не нахождения первых, признать за нами право на пособие от казны для восстановления разрушенного мектебгирфана, а в случае не розыскания вторых, не лишить нас в течение сорока двух лет ревниво оберегаемого нами права именовать свой молитвенный дом ИМПЕРАТОРСКИМ.

3) Оренбургское магометанское духовное собрание, как известно, ведает дела преимущественно духовного свойства, как-то: о богослужении, исправлении духовных треб, о совершении и расторжении браков и проч., равно как и пользуется правом подвергать предварительному испытанию в знании правил магометанской веры и представлять к утверждению в должностях мулл, избранных мусульманскими обществами лиц. Расходясь в толковании и [л. 56об.] исполнении заветов св[ятого] Корана с остальными русскими магометанами, мы мусульмане-староверы, естественно не можем считать ни духовного собрания, ни назначаемых ими мулл компетентными в религиозных вопросах. Отсюда вытекает 3-е наше ходатайство о разрешении нам отдельно организовать при казанском мектебгирфан управление нашими духовными делами по утвержденному для закавказских мусульман уставу с той только разницей, чтобы глава нашего духовного собрания, носящий звание сардара равно как и кадии избирались и утверждались съездом членов Ваисовского Божьего Полка, а избранные прихожанами имамы-мусульмины (т.е. муллы) утверждались нашим духовным собранием.

4) Признавая религиозное обучение главнейшим элементом народно-мусульманского образования и воспитания, нам желательно, чтобы образование детей наших совершалось непременно в религиозном направлении и потому покорнейше просим об устранении всевозможных стеснений, встречаемых нами в вопросе об открытии низших

и средних духовных школ (мектеб и медресе) равно как и частных профессиональных училищ с преподаванием предметов на родном языке.

5) Выходя из того соображения, что в духовных школах подготовляется кадр общественных служителей, деятельность которых впоследствии должна будет направляться исключительно к осуществлению задач религиозного свойства в духе учения Магомета, мы, члены Ваисовского Божьяго Полка, полагаем, что образование нашего будущего духовенства, руководство и наблюдение за характером и направлением его воспитания, духовное собрание должно считать своим собственным делом. Поэтому нам было бы желательно, чтобы заведование духовными школами было всецело доверено нашему духовному собранию.

6) В виду того, что вакуфы по своему назначению служат для материального обеспечения возможности удовлетворения наших религиозных нужд и вообще для духовно-благотворительных целей, то представление этих вакуфов в исключительное ведение нашего духовного собрания нам кажется более целесообразным.

7) Глубоко убежденные в благотворности принципов свободы совести, свободы [л. 57] слова и печати и в надежде на скорое и широкое проведение их в жизни возлюбленного отечества нашего, мы ходатайствуем о предоставлении и нам права издательства на общем основании книг, газет и журналов на мусульманском языке, равно как и права свободной и повсеместной торговли ими в России.

8) Духовная должность не является необходимым элементом в нашей религиозной организации, без которого существование ее было бы немыслимо: она учреждена лишь по нужде и в видах более удобного регулирования внешнего порядка этой организации. В сущности же мы все мусульмане-староверы Ваисовского Божьяго Полка, как члены орденоподобной конгрегации служим преимущественно своим религиозным интересам, и как таковые, считаем себя духовными лицами, хотя несем на себе положительные обязанности служения общественному и государственному благу. Только с одной из этих обязанностей не мирятся наши религиозные воззрения: мы разумеем военную службу, об освобождении от которой мы не переставали ходатайствовать в течение последних сорока лет. Наша просьба не может быть рассматриваема как желание под благовидным предлогом уклониться от исполнения этой священной обязанности защищать Царя и отечество; мы, мусульмане-староверы потому и носим звание "Божьих Воинов", членов Ваисовского Божьего Полка, что считаем себя призванными охранять своего обожаемого Монарха и дорогую родину повседневно возносимыми нами к Богу молитвами. Глубокая искренность этого убеждения дает нам смелость высказать ее и вместе с тем покорнейше просить Ваше Высокопревосходительство, в виду сорокалетнего ходатайствования

нашего, наличности аналогичного противоречия института воинской повинности воззрениям и некоторых других религиозных обществ, как в России проживающих, так и заграницей, и особенно в виду ВЫСОЧАЙШЕГО Указа, провозгласившего как основу русского правопорядка принцип истинной веротерпимости, не найдете ли возможным внести на рассмотрение Комитета Министров вопрос об освобождении нас от действительной службы в войсках и зачислении в ополчение с тем, чтобы в военное время лица, подлежащие по своему возрасту призыву в действующую армию зачислялись в разряд прислужников при больных и раненых и для аналогичных действий. Но так как подобного рода привилегированное положение противоречило бы интересам других любезных нам сограждан, то мы, по [л. 57об.] чувству справедливости считаем своим долгом ходатайствовать о замене этой повинности какой-либо другой. Такие замены имели место в России; они же известны также и иностранным законодательствам; так, прусский королевский кабинетный "ордр" от 16 мая 1830 г. освобождал ме[н]нонитов от военной службы, но за то отказывал им в праве получать государственные должности, возлагая при том на них подати из жалованья в количестве 3% (Thudichum т.1 стр.81). Союзным же советом от 9 ноября 1867 г. они все, без исключения, были признаны обязанными служить в войсках наравне с другими подданными; таким образом потребовался почти сорокалетний период времени, прежде чем меннониты были признаны в достаточной степени отрешившимися от своего взгляда на обязанность по воинской повинности. Мы же до настоящего момента вследствие нашей вынужденной изолированности и замкнутости, не имели возможности спокойно путем критической оценки своих и чужих религиозных воззрений ни убедиться в безусловном превосходстве последних, ни разубедиться, так сказать, в доброкачественности и жизнеспособности тех из взглядов наших, которые затрагивают интересы государства.

9) Члены Ваисовского Божьего Полка считают несовместными со своим духовным званием присущие мирянам звания: крестьянское, мещанское и проч., которыми местная администрация пытается отмечать их во всех документах. Начальству известно, что мусульмане-староверы предпочитают подвергаться всем последствиям проживания без установленного вида или невнесения налогов, чем получить паспорт или квитанцию губернского казначейства с отметкой "крестьянин", в которой они усматривают игнорирование принадлежности их к Ваисовскому Божьему Полку. Так как на этой почве постоянно возникают пререкания, ведущие только к обострению отношений между администрацией и мусульманами-староверами, то, по уполномочию последних, имею честь покорнейше просить Ваше Высокопревосходительство о внесении на рассмотрение Комитета Министров и вопроса

о даровании нам права во всех документах наших именоваться только членами Ваисовского Божьего Полка.

В заключение приемлем смелость выразить надежду, что если для обсуждения вышеизложенных ходатайств и других дел, касающихся мусульман-староверов, будет признано необходимым учреждение особой Комиссии, то к участию в совещаниях этой комиссии будут привлечены и представители нашего общества.

Сардар мусульман староверов Ваисовскаго Божьего Полка Ходзя Мухамад Генанутдин Ваисов. г. Казань. 26-го Апреля 1905 года.

Верно: Начальник Отделения Департамента Духовных Дел Иностранных Исповеданий [нрзб.].

Документ № 46. 24.03.1906.
РГИА. Ф. 1278. Оп. 1. Д. 245. Л. 2–3об.
[...[540]]

На имя Государственной думы из о. Сахалин
От началник Ваисовского Божиего полка сотрудник всего мира Шигабутдин мулла Сайфутдин оглы эльбулгари Ваисов

Святое заявление[541]

№ 277. Имею чисть приставить на Государственной думу на смотрение который мною было подано на имя смотритель поселения реуту Святое заявление за № 192-м 7-мой марта 1903 г. А это есть фактя как оне нас протисняли и насилно заставели сымать шапку. Еще на наше за справедливой стоймоства точка на точка[542] по указу духовного отца Ваисова, так как стоял он наше великий начальник Божияго полка. И точно также протисняет вынуждает меня насилно держет на о-Сахалин мучет замурает голодный и холодный и не дают для содержания и для пропитания несего и не дают свой дакументов свидетельства ну вот из 20 октября 1894 г. и ду 1905 году 15 июля [л. 2об.] содержали насилно. Арыстовано под замком русский правительства; и самы не могли слободеть. А слободел японский справедливей храбрый Царь Император Му-Сахид Микода[543]; и слободел и дал меня волю и все возможность

[540] Арабский текст, представляющий из себя религиозные формулы, воззвания к Аллаху, цитаты из Корана и т.д. В случае с цитатами из Корана далее в тексте будет указано: Коран, первая цифра – сура и вторая – аят.

[541] Святое заявление, написанное рукой Ш. Сайфутдинова. Документ дан в оригинальной орфографии с незначительными сокращениями. Данный документ (как и № 47) представляет собой типичный образец грамотности и стилистики автора.

[542] Так в оригинале документа.

[543] Вероятно, речь идет об японском императоре Мэйдзи (годы правления 1867–1912), который внес большой вклад в модернизацию Японии, за что в Европе был известен как Великий Муцухито (Mutsuhito the Great).

жить. А оне наше шапку и религий не касались! и не сем не протисняли вот что; ну вот как прихали русский правительства. Апять протиснать не поскает из о-Сахалин и не дают кормовый и принуждает получить крестьянский билит[544]. А я не жалаю, потаму что я есть не кристьян, и есть верноподданной причажной природной духовной лица старавер-ческого общества мусулман т.е. от эльмицакданберли[545] потомственной эльбулгарский Ваисовского Божиего полка сотрудник всего мира Шигабутдин мулла Сайфутдин оглы эльбулгари Ваисова. Поэтому я не возму кристиянский билит, ну вот. Если есть закон пощай заморяет меня на о-Сахалин. Ну вот на Государственной думу выбранный лица благочистевей общества господа челины я сердечное бытия Вам (заявление) заявляю я есть без венной пострадаю, и я стою за истинно. Покорано прушу вас дотонка смотрить моя дело и стоимоста и решете наше ваисовский вопрост. Или вы тридвыте[546] лично меня сомого еще возвратете моя своей документов, который от убрано от меня в г. Казань 5-й часте Господин приставом 20 октября 1894 г. Еще позволте меня [л. 3] прогунный денег что доихать народину. Или пос возворатить меня на казенный чет на родиню.[547] А я не имею средства. А только я не возьму кристьянский билит. А вы об этом доложите государю императору белому царю Николай Александровичу великому отца монарху потаму что наше Ваисовский духовной религиозный уделавой бумаго стоит нисколько сут у его Императорского величества. Еще кроме это дело я послал по почто на имя Государственной думу двая великий Святое дело. В 1-й почтовой квитанции принят на почто за № 699 1906 г. февраля 25 дня. А дрогой дело принят на почто за № 962 1906 г. марта 11 дня и прошу покороно с внеманиям читать. А только это дело без нас не вырешется потаму что Ваисовский дела поручено на меня особые порученеем от нашего великого началника Божиего полка духовного отца Ваисова. Изволте знать я сердечное бытия есть его намитник[548] выше назначенный лица поверенный и необходимо нужно тода к вам взять меня и соберать из нашех Ваисовского Божияго полка на разборка на совит. А это великий дело без совит нелзя и без нелзя на это на основания вот так [Коран 3:103 и 3:109]. С тем уславыю подписываюсь по мусулманский [л. 3об.] и по русский вот так [...[549]]. Лично поручению его духовного отца Ваисова я есть выше назначенный лицо поверенный

[544] "Крестьянский билет" – имеется ввиду паспортная книжка, т.е. удостоверение личности, необходимое для передвижения по стране. Отказ именоваться "крестьянином" был одним из самых принципиальных для рядовых ваисовцев.

[545] "Ельмицакданберли" – от араб. al-mithaq – договор, пакт (с Богом).

[546] Требуйте (?)

[547] Следует читать – "или пусть возвратят меня за казенный счет на родину".

[548] Наместник.

[549] Здесь следуют звания и подпись Ш. Сайфутдинова по-татарски, ниже то же самое фактически дублируется по-русски.

ислам т.е. делам его и по святое отичество и под условыю на должность и на ответство есть намистник, поэтому согласно время началник гловнокамандующе Ваисовского Божьего полка сотрудник всего мира Шигабутдин мулла Сайфутдин оглы эльбулгари Ваисова [...[550]]

1906 г. марта 24 дня

Документ № 47. 7.04.1906.
РГИА. Ф. 1278. Оп. 1. Д. 245. Л. 32–34об.

[...] На имя Священнику пост Александровский на о-Сахалина
От началник Ваисовского божияго
полка сотрудник всего мира
Шигабутдин мулла Сайфутдин оглы
эльбулгари Ваисова ...

Святое разяснение[551]

за № 279. Имею чисть разяснеть вам, господин Священник по Божия премудрсть через выше наука Святое гирфан и по согласня на все 4 Священный книга Теврат, Забур, Инзил, Коран, т.е. Библий, Посалтырь, Ивангель, Коран.

А толька по правыло Святое Коран и по на основания Святое шаригат, по указа наше он великого началника Божьего полка духовного отца Ваисова и по согласно Святое отичества. Ну вот когда еще был доктор Лев Александрович Господин Ландаву и я сердечное бытия заявлял и разяснел Вам, т.е. сочинил на имя ваше Великий Святое дела на 8 лестов бумагах. А вы стало быть не поняли или позабыли? Апять закрыл Вас тюмната забложденe, постой душагубный ваше Вера и дела! И тогда вы провазались с Морозовам и чераз этот приставания было вам писано и разяснена истинно източника вот что. Ну вот вы все не бросайте своей привичка и заскарвляйте и протисняете пристаюте на Морозову, поэтому еще пришлось нам разяснеть через Морозова и необходимо нужно разяснеть ясня и корудка для удвольства Бого великого и для благопалучию Государа Императора и ползю по [л. 32об.] полезна и спасения для всего мира и по закона в сило закон чераз Военного Губернатора. Изволте вам знать и читать с внеманьям и потом можыте провожать от себя кода вы знаете[552].

[550] "Аллага аманат..." и далее следуют религиозные формулы и воззвания к Аллаху по-арабски. Текст заканчивается указанием даты составления документа в двух вариантах – по Хиджре (1324) и от рождения Христа (1906).

[551] Документ дан с оригинальной орфографией с незначительными сокращениями.

[552] Здесь речь идет о том, что копия письма на имя священника была также одновременно послана и Военному Губернатору Сахалина Валуеву, поскольку Ш. Сайфутдинов опасался, что священник утаит его письмо и этим бумагам не будет дан законный ход. Генерал-майор Аркадий Михайлович Валуев – военный губернатор Сахалинской области с 22 января 1906 по 30 октября 1910 года.

2-й пункт. Ну вот Господин Священник 1906 г. Апреля 3 дня в пост Александровский на Рельцавой улица в 1-й час дин вы постритились с Морозовом. А Морозов так как человек дал вам чис. А вы говорели ему ну как Морозов, те кристьянен или магоматанен? А он Морозов вам на это ответал что нет я не кристьянен, а я есть Ваисовского Божьего полка. А вы ему на это говорели те погубишь своей души. А Морозов на это вам ответил нет, благодаря Бого великму я не погиб и не погибаю, а вы сами погибли и люди погибайте с отманом и с этом словам вы разошлись.

Ну вот провда и верна слова Морозова и я сердечное бытия началник ваисовского Божьего полка поутверждаю слова Морозова есть провда и извисно по вашему словам и делам, и на это есть фактя ясня доказательства, и свидетель на Ваше слова[553] Священный книга который выше помянутый, т.е. Библий был свод закон и благоистинно и в 1-й потеводетель народу. Поэтому Морозова слово и фактя и свидетель сам Библий и за ваше за ложный слова на основания вот так [Коран 11:17]. Еще за Морозова слово как Библий фактя. А на Библий святое Коран фактя т.е. Святое Коран признают Библию и сохранил, и сойденел на себя все Библий, и Посалтырь, и Ивангель, вот что по этому на них Коран свидетель, и народу последней потеводитель на основания вот так [Коран 36:2–3]. Ну вот Морозов был кристиянен и был кумерник ранше незнавшый, был забложден по прероды и потом знал истинно и остановился по Библий т.е. держал фактя Библий и принял вера правой Святое ислам нашел истинно и постопел на сиктя ваисовскму [л. 33] Божьему полку и отстопелся от икона и веровал иненого Богу великму Аллах (Алла). А Бог великий открыл его сердце и показал под истинный и вывеюл его от забложднение из тюмната на свит поэтому он Морозов вышел из погибли и стоейт на истинном поте[554], и он Морозов ведет как ясня динь и красный солонца который истинный и ложно на это на все на основания вот так [Коран 2:256 и Коран 64:11].

Ну вот когда так который выше помянутый согласно 4 Священный книга и согласно моя на оснавания Петр Морозов есть наше ваисовского Божьего полка и есть он не погиб, и есть он прававерне не татарин и не кристиянен и не идлопоклонник, и не расколник, есть верноподдной причажный природный духовной лица потомстовенный эльболгарский

[553] Следует читать – "Вот правдивые и верные слова Морозова, и я, сердечные бытия, начальник ваисовского божьего полка, подтверждаю, что слова Морозова правдивые".

[554] Следует читать – "А Бог великий открыл его сердце и показал истинный путь и вывел его из заблуждения и темноты на свет, поэтому Морозов вышел из погибели и стоит на истинном пути".

ваисовского Божьего полка сотрудник всему мира стараверского общества мусульман, т.е. от эльмицакдан берли на основания вот так [Коран 7:172]. Он Морозова вера и дело верно и чисты, и чисны истинно правда. Поэтому вы не имеете право так заскарбить человека без фактя. Ну вот мы с Морозовам имеем право и наше слово и дело фактичный мы говорем без боязно который белое говорим белой, а которы черный говорем черны. А вы говорете, которы белое черне, а черне белой, а на своей слова не имеете фактя, а болше говорете по мнения и по заблождений связь природа по ложный Ваше причага. И такам положение все течение 1900 лет время сотворели кумир Бого великму, и есть кристиян кумирник и идлопоклонник, т.е. кумирник зато Иисуса читает Божия сынам который ясня человек сойденяет Бого кумир. А мать Исуса читает Божия мать. А который сам Бог великий Аллах [Алла] чисты от кумира вот так [Коран 112:1]. И его Бого читает трух лица. Есть это великий кумир за это кристиян кумирник. Еще кристиян идлопоклонник за то что молятся на иконы [л. 33 об.] и на разный забражыний на миртовой партрит [555] так как на покойник и погола. Это есть без верне без Божне и без умый есть глопия тюмные ясня дорак, тот человек кто молятся на икона. Ну вот когда так Морозов душы своей спас. А вы и что есть кристиян погибли потамучто кристиян т.е. кто веравт слова Христа и он от Бого великова проклят. Еще прокляняет что есть ангелов и пророки и Божия народ на основания вот так [Коран 3:87].

Ну вот Исус есть великий посланник Божия для всего мира. А имя его не Исус, и не Христус, т.е. он кристиян и Христа не был, и не был разпят. А он живой ушел на небо на основания вот так, а имя его Гайса! [Коран 4:158] рухуллах, т.е. имя Гайса! А рухуллах свят дух т.е. он родился без отца, т.е. слова и приказ Божиям, так как наше отиц Адам. Еще у Исуса был мать. А Адама сотворил из земли. Бого не сего не трудно, и он Бог как желают и так делает. Ну вот Исус как имя Гайса и как Адам, на основания вот так [Коран 3:59]. Ну вот сказал Исус после меня тот будут Антыхрист кто именуют моя имя и благо чистивой адеждымы сделается намистником мойем. А все дела изполнения их на протев меня и Богу и напротев на истинно т.е. истинно спрятят, а ложь обнарожет и усиливеть и утмановть. Народ вот самы оне будут Антыхрист сказал на основания вот так [Коран 2:42 и 61:6]. Когда так вам плагается адевать благочистивей адежда и ходить по домам отмановать народ, и сотворить кумир Бого великму и молится на икон? Гди есть фактя? Вот значеть вы самы погибаете и люди потопаете и чераз ваше чертовский подца тичение 1900 лет сколька померли кристиянен и все оне померли без верне и без Божне и все от Бого проклят и все оне пошли [л. 34] в Ад присподня на вичной огонь не погасимый нет им

[555] Следует читать – "мертвый портрет".

спасения. Кто только кумирник молятся на икон и почитал Исуса Божия сыном как выше разяснен на основания вот так [Коран 2:161]. Вот если не провда наше слова с Морозовым если не спасена; а вы не погибали ну тогда найди фактя и дай ответ на наше на основания и ришите наше ваисовский вопрост. Нет вы не найдете вы уже умиртовились и у вас толька язик болтается от вас прова и сило и власть отнитя. А истинно открылся толка вы не ведете и не човствоваете закрыте ваше души сердца от поганый дела и пище и от водка, от свининя, мяса и от кумир вас переди и зад забор. Бог великий Вам не показвают истинно на основания вот так [Коран 36:9].

Ну вот еще не адин пророк и адин святое водка не пили и свиненя мяса не ели. А вы и ваше кристиянский народ табак курт водка пьет и свинена мяса ест и чожими бабами на пасха цолоется и голяет, и рука дают, и миста пляшет и всякий поген делает. А вы им же по домам ходете собираете коски их. А это не видте? А ведешь Морозов еще соейшь язик. Ведь Морозов тебя несего не говорил и не заскарбил вас; и даже здоровкался дал вам чисть. А вы как скот начинайте заскарбить середи улица, без фактя особнно в настоящей време слобод Вера религое по указа Его Императорского величестова. Как те имеешь право касатся Морозова мало того Морозов был спитано чераз господа мицина[556], и потом чераз полной камичения слободели по закона и в сило закон по приказа Государа императора. Мало того мы вас не признаем наше ваисовский духовной религиозной дела стоейт лично Государа императора. Какой ваше дело касатся нам: не то что Вам касатся за скарвленеем, и нет вам дорого и фактя крома нежный потченения и почитания потаму что Петр Морозов вышел потеводитель [л. 34 об] и духовной отиц для всему мира християнскму народы, изволте знать. Ну вот как выше сказано и разяснена по прижнямо християнский народ как ушли и как идет нет различия от скот живодны. А попи как хичный звера еще хожа на протев Бого на основания повеливающем указам Бого царя вот так [Коран 8:22].

Ну вот за ваше вера и дело нужно мнуго разтолькавать и фактя на основания мнуго. Ну я булше не буду разтольковать потому что мною разтолькавано не отнакратно ранше чераз Г. мицина т.е. Г. доктор Ландаву и Г. Валкинештейн моя дела. Оне знает и стоейт и извисно лично Государа императора Белому царю Николаю Александровичу великму отца монарха. Ну вот еще быть вам извисно это дело пошлю на государственный доме[557] пост оне ведет и разбирает кто из вас с Морозовым душа погубает Морозов или вы. Пос ведет Государь император Ваше

[556] Видимо имеется в виду, что Морозов был освидетельствован в психиатрической клинике на предмет умственных способностей и признан душевно здоровым.

[557] Следует читать – Государственную думу.

изделий как те хорошей священник и как пристают постоянный на ваисовскму Божияму полку касаются не за своей дела. С тем условию подписовиюсь по мусульманский и па русский вот так [...[558]] Началник ваисовского Божиего полка сотрудник всего мира Шигабутдин Эльбулгари Ваисова. Я ваисовского Божияго полка сотрудник всего мира Петр Морозов [...]

1906 г. Апрыля 7 дня [...].

Документ № 48. 7.04.1906.
РГИА. Ф. 1278. Оп. 1. Д. 245. Л. 34об–35.

На имя военному Губернатору Г. Валуеву на о. Сахалин[559]
за № 281-м

Святое заявление

[л. 35] Я, начальник Ваисовского Божьего полка, имею честь представить Святое разъяснение за № 280 на имя Священника пост Александровский. Ну вот. Г. Военный Губернатор читай с вниманием и потом передайте по закону и в силу закона. Ну вот. Я мог помимо вас послать лично по почте ему, священнику. Но тогда он спрячет и не покажет никому, поэтому послал через Вас по официальному, чтобы Вы знали и пусть обнаружится истина. А я, сердечное бытия, для это назначен согласно времени от Бога великого, есть основатель правой веры Святого ислама и наместник пророка и наместник Божьего полка, его самого духовного отца Ваисова. Поэтому наша обязанность, необходимо нужно заключенных Богом великом за это, как увижу несправедливое дело и слова, не пропущу, заявляю правительству, потому что истинные слова и дела просветляют и спасают народ. Извольте знать.

Подпись: [...[560]] 1906 г. Апреля 7 дня

[558] Подпись по-татарски: "Бен гариб Аллаһ ислам Шиһабеддин бин мулла Сайфеддин углы Әлболгари Вәисев әлем имза әйләдем вә би Аллаһ ат-тәүфыйк".

[559] Текст "Святого заявления" Ш. Сайфутдинова дан с исправленной орфографией, с максимальным сохранением стилистики текста.

[560] По-татарски: "Бен гариб әл-ислам Шиһабеддин Әлболгари имза әйләдем вә би Аллаһ ат-тәүфыйк".

Документ № 49. 23.12.1906.
РГИА. Ф. 1412. Оп. 35. Д. 12. Л. 2–6об.

[…[561]]

На имя его Императорского Величества[562]
Государя Императора Белого Царя Николая Александровича
Великому отцу монарху

От начальника Божьего полка, т.е. наш он великий и определенный повелевающим указом Бога и Царя дистаночный начальник и посланник Божий, т.е. халифят Аллах, основатель правой веры святого Ислама и вероисповедник, сотрудник всего мира, самого духовного отца Ваисова, лично и по поручению и по указу и по приказу его, я есть вышеназначенное лицо и поверенный, сотрудник всего мира и известный Вашему Императорскому Величеству Шигабутдин Сайфутдин оглы Эльбулгари Ваисов. Еще по распоряжению великого князя, наследника сардара Ходжа Магомед Гинанутдин духовного отца Ваисова. [л. 2об.] Еще от имени 12 лиц поверенных. Еще по просьбе верноподданных, присяжных природных духовных лиц староверского общества мусульманского Ваисовского Божьего полка, от всех имен за № 300

Святое заявление и прошение

Ваше Императорское Величество, мы, выше поименованные лица, имеем честь заявить и просить Вас по Божьей премудрости и через святую науку гирфанию и по правилу святого Корана и на основании святого Шаригата и согласно святому отечеству и по указу нашего великого начальника Божьего полка, духовного отца Ваисова. А Вы, Императорское Величество, возьмите во внимание по закону и в силу закона.

Пункт 1-й. Я, сердечное бытия, выше именованное лицо, Шигабутдин Эльбулгари Ваисов благополучно приехал из о. Сахалина в г. Казань 25 августа 1906 года, проживаю в г. Казани 5-я части в канцелярии всему миру государственного молитвенного здания, мяктуби гирфан. И как

[561] Религиозные формулы и воззвания к Аллаху.

[562] На документе имеется две печати Канцелярии: "29. Дек[абря] 1906" и "Г. Главноуправляющий приказал оставить без последствий и ответа. За Управляющего делами… Января 1907 г. ". Сбоку приписано, по-видимому, рукой главноуправляющего "Бестолковое". Внизу страницы дописано от руки: Все прошения "Ваисова Божьего Полка" оставлены без ответа. Документ публикуется с исправленной орфографией, при максимальном сохранении авторской стилистики и содержания прошения.

только приехал, Казанскому [л. 3] губернатору подал святое заявление за № 298 и еще другое заявление за № 299. Покорнейше прошу справиться и узнать до тонка наше справедливое требование.

2-й пункт. Еще, я сердечное бытия, из о. Сахалина 10 лет ходатайствовал духовное верховное религиозное дело и государственные деловые бумаги. И подал всего 297 номеров, больше полторы тысячи листов бумаги. А из них подал японскому Императору 7 номеров. Извольте справиться, спросить и узнать. Еще из них 4 номера дел подал на имя Государственной думы. Также прошу справиться, узнать и по этому делу решить ваисовский вопрос, потому что если помимо нашего ваисовского дела, тогда опять не утвердится Государственной думой. А это растолковано и разъяснено раньше ясный факт и доказательство, что есть все находятся в Вашего Императорского Величества святых руках.

Пункт 3-й. Прошение. Ну вот, согласно времени, наш хозяин, великий князь и наследник, родной сын духовного отца Ваисова сардар Ходжа Магомед Гинанутдин Ваисов [нрзб.] ноября месяца 1906 года [л. 3об.] по своему делу уехал в Закаспийскую область, в город Мерв. По клевете неприятеля Бога и Царя гражданское начальство арестовало его, отобрали у него все документы и представили начальнику области. Об этом деле оттуда наш сардар сообщил в канцелярию и распорядился нам и дал приказ, чтобы мы от имени 12 лиц поверенных староверского общества мусульман сообщили по телеграмме внутреннему министру, еще на имя начальника Закаспийской области, еще на имя губернатора Туркестанской области. И мы 12 лиц поверенных староверского общества мусульман подали телеграмму внутреннему министру и начальнику области и губернатору, чтобы немедленно освободили нашего начальника Божьего полка сардара беспрепятственно. На это не было нам результата и известия и не знаем, где наш начальник сардар Ходжа Магомед Гинанутдин Ваисов. Извольте знать Вашему Императорскому Величеству по этому следствию [л. 4] окончательный. Просим Вас, Ваше Императорское Величество, сделайте дознание и сделайте Императорское монаршье распоряжение освободить нашего сардара беспрепятственно, дать ему полную волю и полный ход, потому что мы староверское общество мусульман Ваисовского Божьего полка после духовного отца Ваисова присягнули ему сардару и в настоящее время он есть наш шаригатский хозяин, наместник духовного отца Ваисова. И есть наш султан, потомственный Эльбулгарский хан и преемник Божий дервиш по святому отечеству на должность и на отечество, есть наместник и потомок великого пророка Мухаммеда […], поэтому есть султан всего мира по преемству и по наследству своего духовного отца Ваисова, и есть не самозванец, и не самовольство и не [само]управство. Поэтому когда так, почему пристаете и притесняете, почему позволяете и почему продолжаете наше ваисовское дело, т.е. не решаете ваисовский вопрос?

4-й пункт. Еще самое важное дело насчет воинской повинности. Об этом столько растолковывал и ходатайствовал [л. 4об.] Вашему Императорскому Величеству сам духовный отец Ваисов, чтобы из староверского общества мусульман не брали солдат на военную службу. И нет на это у вас закона. А нам не полагается служить, не позволяет святой шаригат, потому что мы, Ваисовский Божий полк, есть хранители Государя Императора по Божьей премудрости, по святой молитве и есть мы придворный хранитель Вашего Императорского Величества и есть защитник Ваш, стоим на защите Вас. И стоимость наше за справедливость повелевающим указом Бога Царя только одно удовольствие Бога великого и для благополучия что есть Государя Императора и пользы, но для всего мира, за народ и, особенно, для интереса Вашего Императорского Августейшего дома и семейства из рода в род и до окончания мира сего, аминь. Извольте знать, поэтому когда так, почему пристает к нам гражданское начальство, откуда они взяли право мусульман смешивать с безверными крестьянами. Если не правда 1906 г. Казанской губернии Лаишевского уезда нашего Ваисовского Божьего полка Мубаракшу Гадельшу оглы Эльбулгарского насильно взяли и посрамили, [нрзб.] и потом 20 декабря заключили в тюрьму. [л. 5] А у нас на счет этого дела было заявление военному министру сардара с подписью 12 лиц поверенных, вот что, а военный министр с вниманием. Насильно забрали и заключили в тюрьму. Вероятно, хотят судить. Ну вот, Ваше Императорское Величество, дайте распоряжение, строгий приказ казанскому губернатору и военному окружному суду, чтобы они не могли судить и не касались своим законом без фактов и без доказательств ни чем и освободили Мубаракшу Гадельша оглы беспрепятственно и отстранили от военной службы. И не смешивали бы нас с крестьянами, как выше сказано. Вот что.

5-й пункт. Еще, Ваше Императорское Величество, решите наш ваисовский вопрос. Вычитывай указ, обнародуй и отдай нашу духовную верховную власть свою нам в руки и очищай нашу потомственную булгарскую землю от чертовского народа, чертом черту, где есть чертова земля. А об этом Вам неоднократно писал сам духовный отец, сам Ваисов, вот что.

Дальше пункт 6-й. Ну вот, Ваше Императорское Величество, насчет выборов в Государственную думу. Есть много партий против Вас. И они хотят и желают [л. 5об.] разрушить Вас и Ваше [нрзб.]. Поэтому они есть неприятели Бога и Царя, безверные и безбожные. Не слушайся их и не бойся их, надейся твердо и упорно на единого Бога Великого Аллаха и дай строгий приказ и указ. Т.е. если они бунтуются, бить их наповал через войско. А если войско противится, тогда дай знать соседним державам, спроси помощи для усмирения. И будут их усмирять так, как усмирили Китай. Ну вот, которая партия идет напротив вас, они самые зловредные враги, неприятели Бога Царя, безверные и безбожные и помимо 4 священных книг.

Они только желают выполнить свою жадность и хотение. А их хотения не выполнишь никогда. И они не получат свои желания никогда, Бог великий накажет их и разрушит дочиста, до праха, так как [нрзб.] нет. Поэтому не бойся их с Божьей помощью с нашей стороны, как выше сказано. Вычитай указ, открой духовную верховную власть всему миру, отдай наше ваисовское дело. Если невозможно, нельзя ли без Государственной думы, т.е. своим правительством и Государственным советом. И потом народ сам повинуется. А народ в настоящее время не понимает в чем заключается дело, поэтому противится. [л. 6] И тогда нужно народ покарать властям духовным верховным. Тогда, что есть мусульмане, поймут и поступять все в секту Ваисовский Божий полк и весь русский народ пойдет, почему прячешь, истинно. Во-первых, нужно народу дать знать истину. И тогда Вам будет легче и мы ничего не знаем, отдай наше дело, решите ваисовский вопрос. 30 лет писал духовный отец Ваисов сам. И мы с Петром Морозовым из о. Сахалина трудились и писали 10 лет. Поэтому растолковано и разъяснено Вашему Императорскому Величеству, что есть наше святое духовное и верховное религиозное и государственное ваисовское дело. Стоит у Вашего Императорского Величества в святых руках самим известно.

7-й пункт. Ваше Императорское Величество, мы, выше поименованные лица, стоим за справедливость. В случае, [если] в чем будем виновны, тогда представьте нас Государственному совету. И засудит нас, во-1-х, Бог Великий [л. 6об.], во-2-х, верховный суд Оттоманской порты на основании святого Шаригата и согласно нашим ваисовским документам. Больше никто. Вот из нашей стороны бесспорный и свет нерушимый, ясный короткий святой ответ и с тем условием подписываюсь по-мусульмански и по-русски вот так […].

Я, выше поименованное лицо, сотрудник всего мира Шигабутдин мулла Сайфутдин оглы Эльбулгари Ваисов. […] 1906 г. Декабря 23 дня.

Ваше Императорское Величество! Имею честь препомянуть, т.е. наше Ваисовский Божий полк сотрудник всему миру и великий Божий воин и духовный отец и святой отец и 1-й путеводитель для русского народа Петр Морозов Эльбулгари Ваисов, и также его семейства сотрудница всему миру жена и дочери, они от меня остались благополучно, еще нашего Ваисовского Божьего полка андижанских мусульман 8 человек. Они с Морозовым вместе. Поэтому прошу покорно сделайте монаршье распоряжение, чтобы их никто не убеждал, вот что. Затем от нас святая молитва. Молимся дыша не дыша, для благополучия Вашего Императорского Величества.

Шигабутдин Эльбулгари Ваисов.

Документ № 50. 13.03.1908.
РГИА. Ф. 1412. Оп. 35. Д. 12. Лл. 12–13.

Его Императорскому Величеству[563]
Возлюбленному Великому Государю-Монарху Николаю Александровичу
Всепросветлейший и Всемилостивейший Самодержец всей России

Ваисовскаго божьяго полка
Старовѣрческаго Мусульманскаго О-ва
въ Казани.
Суд. съ 1862 г.
_____дня 190 г.
№_____

Ваисов, С.-Петербург, Крюков канал, д. № 24, кв. [нрзб.] Преемника Божьего Дервиша сотрудника всего мира, сектант духовного отца Ваисова, верноподданный слуга Вашего Императорского Величества Сардар Ваисовского Божьего Полка Староверского Мусульманского Общества Древних Болгарских Ханских Предков Хадзя-Мухамед Гинануддин Багаудин Оглы Эльбулгари

Всеподданнейший святой доклад

Имею честь всеподданнейше докладывать Вашему Императорскому Величеству сего года 31 Января из г. Казани служители всего мира Государственного Молитвенного Дома Мяктяб гирфан, т.е. Мусульманская академия и Автономное Духовное Управление от всех верноподданных Ваисовского Божьего Полка Староверческого Мусульманского Общества. Изъявляя сочувствие и благосклонность и преданность искреннею любовью Российскому Государю был послан по телеграфу всеподданнейший Святой Доклад лично Вашему Императорскому Величеству и извещение о посланных наших уполномоченных депутатов в количестве 2-х духовных лиц лично представиться Вашему Императорскому Величеству, согласно поданной всеподданнейшей телеграммы последовала депутация Ваисовского Божьего Полка и ожидая всеминутно всемилостивейшего соизволения Вашего Императорского Величества. По сему обстоятельству обязывал меня Сардара Ваисовского Божьего Полка Староверческого Мусульманского Общества моя искренняя преданность и священный долг службы Вашему Императорскому Величеству приехать из г. Казани представиться лично Вашему Императорскому Величеству. Ожидая всемилостивейшего соизволения я неизменно верный слуга Вашего Императорского Величества остановился в С.-Петербурге, где я в настоящее

[563] Прошение напечатано на бланке ваисовского общества. Сверху проставлены печати "от ЕИВ" и дата принятия документа – "14 марта 1908 г." Внизу на первой странице дописано от руки: "Прошу справку, известен ли проситель К[анцеляр]ии. 22/III" и пр. Документ дан с немного исправленной орфографией.

время должен с нетерпением ожидать ежеминутно особого Всемилостивейшего соизволения Вашего Императорского Величества.

Искренне с глубокой любовью, преданный и благосклонный воле Божьей и воле Государя, вероисповедный слуга святыми молитвами и хранитель Божьей мудрости Вашего Императорского Величества и Августейшего Дома и Семейства и родины, Потомственный Древних Болгарских Ханских предков, Приемник сотрудника всего мира Божьего Дервиша Духовного Отца Сектанта Ваисова, Сардар Ваисовского Божьего Полка Староверческого Мусульманского Общества. Ходзя Мухамед Генанутден Багавутден Оглы Болгари Ваисов[564].

С.-Петербург, 13 марта 1908 г.

Документ № 51. 12.04.1908.
РГИА. Ф. 1412. Оп. 35. Д. 12. Лл. 14–18.

ВСЕГО МІРА
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
МОЛИТВЕННЫЙ ДОМЪ
И АВТОНОМНАЯ ДУХОВНАЯ
УПРАВЛЕНІЯ
МЯКТЯБГИРФАНЪ
т-е МУСУЛЬМАНСКАЯ АКАДЕМІЯ
КАНЦЕЛЯРІЯ СОТРУДНИКЪ
ВСЕГО МІРА САРДАРА
ВЪ КАЗАНИ
Сущ. въ 1882 г.
Дня 190 г.
№

Всепресветлейший, Державнейший Великий
Государь Император Николай Александрович[565]
Самодержец Всероссийский,
Государь Всемилостивейший

Сардара Ваисова Божьего Полка Мусульманского Староверческого Общества Мухамеда Багаутдин Оглы Ваисова, жит[ельствующего] в Казани, в Ново-Татарской слободке, Мяктяб Гирфан, канцелярии Ваисова

Всеподданнейшее прошение

Мусульмане староверы ведут свое происхождение от предков своих древних булгар, живших на Волге близ Казани, остатки коих присягали на верность Русским Государям и крепко стоят на своей клятве.

Мне, как наставнику и руководителю (Дарвиш, Сардар) община поручила обратиться к Вашему Императорскому Величеству с всеподданнейшим прошением и изложением тех несправедливостей, горя и обид, которые чинит нам местная администрация.

[564] Подпись от руки.

[565] Прошение напечатано на специальном официальном бланке для прошений и снабжено печатью ваисовской канцелярии. Сверху поставлена печать "от ЕИВ" и дата принятия документа – 12 апреля 1908 г. Внизу на первой странице дописано от руки: "Посланы ли бумаги Губ[ернато]ру?" и "Ожидать отзыва Губ[ернато]ра. 25/IV". Текст третьей страницы набран на бланке общины.

Община наша (Ваисов Божий полк) была образована в шестидесятых годах прошлого столетия верховным отцом нашим Багаутдином Ишаном Ваисовым, Великим мучеником за святую веру, проповедником слова Божьего.

Дервиш Багаутдин Ваисов родился в 1804 году в Казанской губернии, в Свияжском уезде, в деревне Мальвине, жил в Казани и посвятил свою жизнь науке и проповеди ислама во всей его чистоте и нравственной высоте.

Сознавая всю святость и ответственность своего дела, Багаутдин Ишан Ваисов, руководствуясь Кораном и ставя его превыше всех законов, на основании текста Корана: "Верующие повинуйтесь Богу, повинуйтесь посланникам Его и власть имущим", т.е. Государям (глава 4-ая стих 62) решил получить верховную санкцию и с этой целью отправился в 1862 году в С.Петербург с одним из многочисленных своих учеников, где имел счастье представляться Августейшему Деду Вашего Императорского Величества, в Бозе Почившему Государю Императору Александру Николаевичу и всеподданнейше доложить свои взгляды и религиозные принципы, которые он проповедовал.

Осчастливленный одобрением незабвенного Монарха Дервиш Ваисов возвратился в Казань, где с еще большим рвением стал проповедовать слово Божье и учить мусульман, как следует жить правоверному мусульманину по заветам святого Корана, но непонятый местной администрацией, которая не пожелала даже вникнуть в сущность учения его, и подстрекаемый доносами разных лиц, он, Ваисов подвергся жестоким преследованиям, которые дошли до того, что построенная им Мяктяб Гирфан, т.е. Мусульманская Академия, в которой он жил со своим семейством, была в 1884 году осаждена полицией и громадной толпой народа и после семидневной бомбардировки каменьями была разрушена до основания, причем была убита супруга Дервиша Божьего, а сам Ваисов со своим семейством и учениками были изувечены и заключены в тюрьму, а все его богатое имущество, движимость, книги, древние рукописи, редкая библиотека, манускрипты, документы и метрики о происхождении Ваисовых от древних булгарских князей, золото, серебро и жемчуг было конфисковано и расхищено.

Продержав духовного отца нашего Ваисова несколько месяцев в тюрьме, Губернское Начальство сочло нужным лишить его в глазах народа ореола святости и мученичества и перевело его здорового в сумасшедший дом, хотя лица, ежедневно приносившие ему пищу и мы, дети его, видели, что он вполне нормален и ум его по прежнему светел и чист.

После 10-тилетнего заключения в 1893 году нам вдруг объявили, что Ваисов умер и был тайно в неизвестном месте похоронен, несмотря на наши мольбы отдать нам его тело для погребения.

Допустив этот выдающийся произвол, Казанская администрация остальных последователей отца нашего сослала в Сибирь и на каторгу, но нам, оставшимся на месте живется нелегко, притесняют и не дают нам житья.

Сколько мы ни жаловались, сколько ни подавали бумаг, сколько ни подавали прошений на Высочайшее Имя – нам или не отвечали, или не обращали на нас внимания, а преследования нас продолжаются, несмотря на то, что в нашем учении нет ничего противного Закону Божьему или Державному Монарху.

Мольба наша к Вашему Императорскому Величеству заключается в следующем:

1) Повелите Государь, наши неоднократные справедливые прошения, числом до 32000, поданные в разное время разыскать и разобрать, все наши убытки нам причиненные вознаградить и имущество возвратить как ценное и редкое.

2) Лиц Ваисова Божьего полка сосланных в Сибирь и на каторгу мы молим возвратить, ибо они не совершали преступления.

3) Почитая своим священным долгом быть верными подданными Вашего Императорского Величества, мы молим своего возлюбленного Монарха дабы повелено было не нарушать нашей святой веры, дабы могли бы мы свободно исполнять все требования нашей религии Ислама, согласно воле Божьей и Шариата, дабы светская власть не препятствовала нам в этом.

4) Разрушенную до основания Мяктиб Гирфан, т.е. Молитвенный Дом, Мусульманская академия, мы просим разрешения Вашего Императорского Величества восстановить и так как при разрушении пропали все наши богатства, мы просим помочь нам из средств казны и тем восстановить наши убытки.

5) Я, как Сардар мусульман староверов, т.е. наставник и руководитель общины и как сын дервиша Божьего Ваисова, испрашиваю повеления Вашего Императорского Величества дабы указана была нам мусульманам Ваисова Божьего полка могила отца нашего, дабы могли мы поставить над останками его памятник.

6) Наша наследственная земельная собственность на месте древнего города Булгар на берегу Волги отобрана у нас незаконно и вот уже много лет мы не имеем земли, наши справедливые просьбы о наделении нас землею оставлены без внимания, а без земли мы гибнем, несмотря на наше стремление к образованию, к культурной жизни и прогрессу. Мы молим Ваше Императорское Величество дабы повелено было разрешить нам переселиться на нашу родину, на родную землю, за которую мы по сие время платим Государственный налог по 8 коп[еек] за десятину, а владеют ею и пользуются другие.

7) Налог Государственный мы платим, но другие налоги платить мы не считаем себя обязанными и это вытекает из того, что решительно ничем со стороны властей ни в смысле прощения, ни в смысле культурного развития мы не пользуемся, мы ограблены и разорены совершенно, священной обязанностью своей мы считаем защиту Царя и родину нашими молитвами, мы составляем Ваисов Божий полк готовый всегда встать до последнего за Ваше Императорское Величество, но воинскую повинность нести нам не позволяют наши религиозные воззрения, о чем мы считаем нравственным долгом и полным чистосердечием доложить Вашему Императорскому Величеству.

8) Великие принципы, возвещенные волей Вашего Императорского Величества в Манифесте 17 Октября не коснулись нас, местные власти не позволяют нам печатать книг и газет, все конфискуют, все отбирают.

Мы молим, дабы повелено было распространить и на нас великие принципы свободы совести и слова, право религиозно-нравственного воспитания наших детей, право открытия на наш счет школ, мектебе и медресе, в чем нам ныне отказывают.

С открытой душой жду я помощи от Вашего Императорского Величества и только от Вас, Государь!

Власти нас притесняют, не дают нам, верным подданным своего Государя, жить.

С верою в Бога и правду Царскую мы ждем правды и справедливость от Вашего Императорского Величества.

Вернопудданый Вашиму Императрскому Величеству Сардара Ваисовского Божьего полка Худзя Мухамад Гинанутдин Багавутдин оглы Болгари Ваисов[566].

Документ № 52. 30.06.1908
НАРТ. Ф. 420. Оп. 1. Д. 111. Л. 11.

В Казанский Временный Комитет по делам печати[567]

Возвращая при сем 4 номера документов, присланных при предложении Главного Управления по делам печати от 8 апреля 1908 года за № 3722-м, имею честь представить при сем в отдельной тетради на 10 полулистных страницах и свое заключение, прося дополнить оное на основании имеющихся в распоряжении Комитета данных сообщением

[566] Подпись от руки и печать сардара на русском языке.
[567] Рукописный вариант документа.

в Главное Управление статей закона, по коим состоялось задержание брошюры "Джавахиру'ль хикмет", 3-ей части, на 40 стр. 8°, до выпуска ее из типографии газ[еты] "Баяну'ль-хакк" в свет.

Член Казанского Временного Комитета по делам печати Н. Катанов
Г. Казань.

30 июня 1908. № 720.

Документ № 53. 28.07.1908
НАРТ. Ф. 420. Оп. 1. Д. 111. Л. 12–16 об.

В Главное Управление по делам печати

№ 888[568].

[л. 12] *Присланные в Казанский Временный Комитет по делам печати при*[569] предложении Главного Управления по делам печати от 8 апреля 1908 года за № 3722-м четырех документов, *представляют из себя нижеследующее.*

Документ № 1 есть конверт, в котором сын основателя секты Ваисовцев, по имени Айнани'д-дин, жительствующий в г. Казани, Ново-Татарской слободе, на Большой Симбирской-Поперечной 2-ой улице, в доме Гиззетуллы Хамидуллина, рассылает своим последователям как бумаги о приобщении их к своей секте, так и издания, в которых излагается мусульманское вероучение Ваисовцев и которые именуются вообще "Джавахиру'ль-хикмет" ("Существеннейшие из мудрых изречений", а не "Замечательнейшие из чудес", как переводят некоторые).

Документы №№ 2 и 3 в заголовках на трех флагах и под ними содержат: символ веры Ваисовцев, имя их наставника и руководителя (Айнани'д-дин) и молитвенное воззвание: "Боже наш, даруй победу Государю (букв. Султану) нашему, Государю (букв. Султану) мусульман! Боже наш, даруй победу Августейшему Монарху Николаю Александровичу, Детям и Внукам Его до окончания дней! Аминь."

Документ № 2 есть присяжный лист, который прочитывает публично и подписывает человек, только что вступающий в секту Ваисовцев[570].

[568] Весь документ написан рукой Н.Катанова. Начальная и заключительная часть документа исправлены с целью переадресовки документа в ГУП. Эти строки были вписаны в документ позднее и иной рукой, нежели составлен весь документ. Курсивом обозначены, замененные слова и фразы.

[569] Начало предложения зачеркнуто и сверху написано "Вследствие", конец предложения также перечеркнут и сверху дописано: "Казанский Комитет по д. печати имеет честь представить следующее объяснение по поводу … четырех документов, относящихся к мусульманской секте Ваисовцев". Зачеркнутые части текста выделены курсивом. Дописанные М.Н. Пинегиным фразы будут указаны в примечании.

[570] См.: НАРТ. Ф. 420. Оп. 1. Д. 111. Л. 9, 9об., 9а. №33077.

Документ № 3 есть бумага, которую наставник и руководитель секты Айнани'д-дин посылает в то правительственное учреждение, в книгах коего значится человек, только что вступивший в секту ваисовцев, и в которой Айнани'д-дин [л. 12об.] просит об исключении этого человека из сословных списков и о том, чтобы не именовали его ни по происхождению, ни по сословию и не выдавали ему паспортов[571].

Документ № 4 есть корректурный оттиск 3-ей части издания Ваисовцев, озаглавленного "Джавахиру'ль-хикмет-хям ʿарз-наме" ("Существеннейшие из мудрых изречений и прошений") и напечатанного в г. Казани 1908 года, в типографии газеты А.Я. Сайдашева "Баяну'ль-хакк" на 40 страницах в 8-ю долю листа. Содержание этой книжки по-русски вкратце может быть передано так:

В предисловии (стр. 2) говорится, что руководитель и наставник секты, именующий себя сардаром (командиром) Божьего полка, потомком сейидов, дервишем, скорбящим за весь мир и составляющим блеск веры, ходжа Мухаммед Айнани'д-дин Ваисов в 1905 году, в феврале, ездил в С.Петербург и подал в Комитет Министров прошение о том, что он со своими последователями-мусульманами много претерпел различных неприятностей и диких выходов со стороны чиновников, которые поставлены Государем для высказывания справедливости в Государстве Русском. В конце предисловия (стр. 3) говорится, что книжка написана в г. Казани, "мусульманской академии", "автономном мухаммеданском управлении", 1326 года 12-го числа мухаррема, по-русски: 1908 года 2 февраля.

В самой книжке (стр. 4–7) излагается вероучение Ваисовцев, ничем не отличающееся от такового-же казанских татар-суннитов. Затем заявляется, что ни Оренбургское Татарское Собрание, [л. 13] ни Оренбурский муфтий, ни казии, ахуны, муллы, ишаны и суфии мусульмане недостойны своего звания, ибо все они держат мусульман в невежестве, удаляют их своими хитростями от истины и богопочитания, сами не понимая настоящего смысла, ни закона мусульманского, ни Корана всеславного (стр. 8–10). Затем (стр. 10) автор говорит, что люди собираются к этим лжеучителям, как собаки к мертвечине, не понимая, что идут себе на погибель. Далее (стр. 11–21) доказывается, что и эти лжеучители, и их последователи всею душою и всем телом прилепляются к бренным мирским благам, между тем как спасение души и тела – лишь в вере в одного Бога и посланнике его – Мухаммеда, и что эту веру можно постичь только благодаря учению руководителя Ваисовцев, который исповедует и разъясняет ее, никого за него не боясь и ни от кого его не скрывая. Потом в стихах (стр. 21–25) разъясняется, что мирскими грехами руководит вовсе не Бог, а дьявол, и что, пока время еще не ушло,

[571] См.: НАРТ. Ф. 420. Оп. 1. Д. 111. Л. 8, 8об., 9а. №33078.

надо исправиться и последовать за человеком, который ведет к Богу всех без различия. Затем (стр. 25) автор обещает дать и 4-ую часть.

Во второй части книжки (стр. 26–40) приводится на татарском языке снабженное разъяснениями прошение Ваисовцев, поданное в Комитет Министров. В прошении разъясняется, что имя отца Ваисова с 1863 года известно было еще Государю Императору Александру Николаевичу, а потом стало известно Государю Императору Александру Александровичу (стр. 28), и что как отец его, так и он сам со своими последователями все время в душе и [л. 13об.] сердце молились и молятся о здравии и благоденствии Государей с их семьями (стр. 28–29), уповая на Господа Бога, что он, благодаря молитвам Ваисовцев, сохранит Россию от козней врагов. Далее (стр. 30) говорится, что, несмотря на молитвы самого отца Ваисова Хамзина за Государя, он, т.е. отец, просидел в заключении и томлении 43 года, дом его, находившийся в г. Казани, Ново-Татарской слободе, на Большой Симбирской улице, и именовавшейся Императорским Молитвенным Зданием и Мусульманской Академией, разрушен, имущество из него разграблено силою, а самого духовного отца бросили в больницу для сумасшедших, последователей же его частью забрали, частью сослали в Сибирь на поселение и на каторгу, разлучивши их с имуществом и семьями (стр. 30). Имущество и добро вышеупомянутого дервиша равнялись добру полцарства нашего Государя Императора. Книги, родословия и разные ценные вещи сохранялись в мусульманской академии, пока не были отняты властями г. Казани. За время с 1862-го по 1905-ый год подано более 33.000 прошений как Государям, так и в правительственные места России, но все безрезультатно. Да и есть ли в России справедливые власти (стр. 31)? О своих делах и нуждах мы доносили и в Государственный Совет. Почему же никто не обратил на них внимания, когда мы не совершали пред Российским Государством ни измены, ни преступлени (стр. 32)? У нас нет для обучения вере и закону ни мектебов, ни медресе, ни мечетей приходских, ни мечетей соборных. Все годы чинили нам нападения и разгромления, которые совершаются и теперь изо дня в день. Разве мы не [л. 14] такие же подданные Российского Императора, как и другие, что мы все время терпим неприятности и невзгоды (стр. 32)? Мы, представители староверского мусульманского общества, мусульмане Ваисовского Божьего Полка, просим тысячу тысяч раз обратить внимание на наше положение. Видно, кроме Бога не у кого просить защиты от притеснений несправедливых начальников. Мы проливаем вместо слез кровь (стр. 33). Государя нашего и министров мы просим обратить внимание на нас и удовлетворить нас за те безнравственные и несимпатичные поступки с нами, которые мы терпим с прежних времен, и тем избавить нас и государство наше от невзгод и конечной гибели, а врагов всех по-

бедить и одолеть (стр. 35). 13 ноября 1885 года Государю Александру Александровичу послано сведение за № 147, что мы, мусульмане староверческого общества, Ваисовского Божьего Полка, не подчиняемся ни Оренбургскому Татарскому Собранию, ни казиям, муллам и муфтию его (стр. 35). Мы просим о том, чтобы мы могли иметь свои мектебы и медресы, под наблюдением нашего сардара и разные ремесленные школы специально для членов нашего общества (стр. 36). Просим также, чтобы нас не брали в солдаты, ибо мы уже достаточно молимся душою и сердцем и за Государя нашего, и за Государство. Заявляем, что кроме 8 коп[еек] за десятину, вносимых в Государственное Казначейство, никакого другого налога или земского крестьянского сбора не принимаем и не признаем. Членов нашего староверского общества не должны называть татарами, крестьянами и мещанами (стр. 36), а должны называть верноподданными [л. 14об.] присяжными мусульманами Ваисовского Божьего полка, исповедующими ислам со времен Авраама (стр. 37). Мы не согласны на то, чтобы имена наши со званиями крестьян, мещан или купцов прописывались на паспортах. Просим о том; чтобы выдаваемые нашим сардаром свидетельства заменяли паспорта для разъездов и проживания по делам как в России, так и в других государствах (стр. 38). Просим, чтобы Коран и законы наши печатались все под наблюдением нашего сардара и чтобы к печатанию их не имели касательства ни русские цензоры, ни начальники. Усердно просим, чтобы Государь и Комитет Министров обратили на нас внимание и расследовали те насилия и невзгоды, которые мы терпим от чиновников уже 42 года (стр. 38).

В конце книжки сказано, что прошение сочинено 31-го января 1905 года[572], по-татарски: 8-го числа зиль-хиджы 1322 года, и что податели живут в г. Казани, Ново-Татарской слободе, на Большой Симбирской-Поперечной 2-ой улице, в доме Гиззетуллы Хамидуллина.

На основании содержания всех 4-х документов можно составить следующие понятие[573] об учении секты Ваисовцев, по их заявлениям существующей с 1862 года и известной Государям Александру II, Александру III и Николаю II, но не значащейся, сколько мне известно, ни в каких списках утвержденных Правительством обществ или союзов.

1. Дом, в котором секта Ваисов наставляет новых членов и обучает их основам ислама, ничем однако не отличающимся от [л. 15] основ ислама, проповедуемых прочими мусульманами-суннитами, именуется Мусульманской Академией.

---

[572] Из-за отсутствия оригинального текста пересказанного в документе прошения, можно отослать читателя к аналогичному прошению сардара, посланному в апреле 1906 года (документ № 39 в приложении), которое, на мой взгляд, близко по содержанию к январскому прошению Г. Ваисова.

[573] Сверху приписано – "как о самих Ваисовцах, так и".

2. Дом, в котором Ваисовцы молятся, называется Государственным Молитвенным Домом, потому что "только они молятся как следует о здравии и благоденствии Государя Императора, тогда как другие, тоже именующие себя мусульманами, молятся об Нем лишь постольку, поскольку это нужно им ради мирских выгод".

3. За время своего существования, с 1862 по 1908 год, секта выпустила более 33.000 бумаг, изготовлением которых, под именем Автономного Духовного Управления, занималось под главным руководительством самого Ваисова несколько лиц, знакомых как с татарскою грамотой, так и с русскою.

4. Секта именует себя Обществом Мусульманских Староверов и Людьми Божьего Полка, а наставник и руководитель секты называется сардаром, т.е. командиром полка "генералом ордена", потомком сеидов и булгарских ханов.

5. Членам секты запрещается именовать себя и сочленов татарами, крестьянами, мещанами, дворянами или потомственными почетными гражданами, а повелевается именовать тюрками, потомками булгар, членами Ваисовского Божьего Полка и сотрудниками всего мира, повинующимися только Богу, Царю и своему сардару.

6. Члены секты не должны исполнять никаких других уставов и законов, кроме [л. 15об.] дарованных Богом и Царем, т.е. Корана и Шариата, и предписаний своего сардара.

7. Представителям гражданской власти, т.е. чиновникам Правительства, повиноваться не следует, так как члены секты от них за время с 1862 года кроме обид, притеснений и насилий ничего не видали.

8. Члены секты, считая себя более древними мусульманами, чем другие, например, татары-сунниты, говорят, что вера их идет "альмисактан-бирле", т.е. со времен завета, заключеннного ветхозаветным Авраамом и самим Богом.

9. Члены секты не должны признавать ни Оренбургского Духовного Собрания, ни Оренбургского муфтия, ни татарских мулл и ахунов, кроме самого Айнани'д-дина, ибо все они заинтересованы только мирскими делами.

10. Члены секты не должны учиться в общих с другими мусульманами-татарами учебных заведениях, а должны иметь свои собственные мектебы, медресы и ремесленные школы, и не должны посещать мечетей этих "собак", а должны иметь собственные мечети.

11. Члены секты не должны иметь общения с татарами, которые из мирских выгод лезут к своим муллам, как собаки к мертвечине.

12. Члены секты должны быть избавлены от воинской повинности, налогов, податей и прочих сборов, как доброжелатели Царя и исполнители воли Божьей.

13. Члены секты не должны пользоваться [л. 16] правительственными паспортами, а должны довольствоваться вместо них свидетельствами, которые выдает им их сардар.

14. Выдаваемые сардаром свидетельства должны иметь силу для разъездов и проживания не только в пределах России, но и в других государствах.

15. Ни гражданские власти, ни цензора не должны иметь наблюдения за сочинениями Ваисовцев – это наблюдение должно принадлежать только сардару Ваисовцев.

В дополнение к выжеизложенному имею честь сообщить, что 3-ья часть сочинения "Джавахиру'ль-хикмет" *до выпуска в свет была задержана местною властью, как содержащая в себе много*[574] мест, где говорится о неповиновении гражданским властям, о нежелательности признавания правительственных паспортов и налогов и о многократных насилиях со стороны чиновников, а затем *она была снабжена*[575] пометками мест, неудобных к печати и *возвращена издателям – Ваисовцам; этим в Комитете дело с брошюрой и было закончено*[576] и брошюра в Комитет *более* не поступала, *ибо*[577] издатели не *согласились*[578], по видимому, *с упомянутыми пометками и не пожелали выпускать своей*[579] книжки *в кастрированном виде в свет до тех пор, пока высшая власть не разберет их дело вообще и дело с этой книжкой в частности и пока не разрешит им* напечатать *ее как*[580] "правдивое описание их дел с 1862-го по настоящий год", *без*[581] каких-бы то ни было сокращений.

В заключение считаю *не лишним*[582] сообщить, что муллы и татары, считая Ваисовцев своими врагами, воздерживаются от общений с ними, как людьми невежественными, ненормальными и даже опасными для состояния ислама, и что, как видно из казанско-татарских газет, напр[имер] из № 82 газ[еты] "Эхбар" от 23 июня 1908 года, сектой

---

[574] Над зачеркнутым дописано: "в наборе была доставлена владельцем типографии Сайдашевым в Комитет по делам печати на просмотр; член Комитета проф. Катанов отметил на корректурных листах все те места".

[575] "Корректура с пометками".

[576] "была возвращена комитетом в типографию. Но в отпечатанном виде…"

[577] "так как"

[578] "желали"

[579] "выпустить"

[580] "с исключениями, без которых типограф не согласился ее печатать. Позднее до меня дошли слухи, что Ваисов будто бы ездил в Петербург жаловаться в Министерство Внутренних Дел на действия Казанского Комитета по делам печати, который не разрешает ваисовцам…"

[581] "и просил высшую власть разрешить им печатать это сочинение без…". Далее приписано: "Кроме того, Ком-ту известно, что во время печатания возвращаемой при сем брошюры и листов под №№ 2 и 3 полиция произвела обыск в типографии Сайдашева и отобрала все оттиснутые экземпляры этих изданий, но Комитета это дело с формальной стороны уже не касалось".

[582] "нужным"

Ваисовцев заинтересовался и писатель Толстой, который как говорят московские газеты, посылал в Казань даже человека с поручением ему изучения догматов этой секты, считая последователей ее чем-то вроде протестантов или реформаторов ислама, между тем как *они, попросту говоря, неучи*[583], *а* основатель их секты – человек *сумасшедший, недаром посаженный*[584] в психиатрическую больницу.

Член Казанского Временнного Комитета по делам печати Н. Катанов.

Г. Казань. № 720[585].

Документ № 54. 11.08.1908
НАРТ. Ф. 420. Оп. 1. Д. 111. Л. 27[586].

В Казанский Временный Комитет по делам печати

Возвращая при сем 2 секретных отношения Начальника Казанского Губернского Жандармского Управления на имя Председателя Казанского Временного Комитета по делам печати от 9 июня с.г. за № 7342-м и 2 августа с.г. за № 8139-м и два печатных произведения секты Ваисовцев: 1. "Иглян" – "Объявление" и 2. 2-ую часть сочинения "Джавахири хикмети дервишон", напечатанные 1907 года в типографии братьев Каримовых в г. Казани, – имею честь представить при сем на 7 полулистных страницах описание означенных двух документов, заключение об учении секты ваисовцев и перечень печатных источников, где говорится об этом учении[587].

Член Казанского Временного Комитета по делам печати Н. Катанов.

Г. Казань.
11 августа 1908 г.
№ 781[588].

[583] "их скорее можно назвать старообрядцами среди казанских мусульман"

[584] "был человеком ненормальным, вследствие чего и был помещен". Далее приписано: "Такая же ненормальность наблюдается у сына его Гайнана Ваисова, продолжающего вербовать членов для своей секты среди невежественной массы безграмотных мусульман, завлекая их обещаниями материальных выгод на земле и вечным блаженством на небесах".

[585] В конце приписано: "При сем возвращается конверт и в нем три приложения".

[586] Документ представляет собой отпечатанный на пишущей машинке текст, подписанный Н. Катановым.

[587] Упоминаемые материалы в деле отсутствуют.

[588] Внизу приписано другой рукой: "Возвращено Жандармскому начальству с приложением содержания сего рапорта г. Катанова от 15 августа за № 959". В данном деле копии рапорта Н. Катанова не имеется.

Документ № 55. 31.10.1908.
НАРТ. Ф. 41. Оп. 13. Д. 3. Л. 102–103.

В № 484
6 Нояб[ря] [1]908
МВД
Косяковское
Волостное Правление
Свияжского уезда
Казанской губернии
31 Октября 1908 г.
№ 3005[589]

Его Высокородию Господину Судебному Следователю Казанского Окружного Суда по особо-важным делам

Рапорт

Вследствие предписания от 27 сего Октября за № 540, Волостное Правление имеет честь донести Вашему Высокородию, что Хузя Мухамет Гинанутдин Багаутдинов Хамзин Оглы Ваисов происходит из крестьян здешней волости дер. Молвиной, значущийся записанным в посемейном списке под № [л. 102об.] 158, родился 8 февраля 1878 года, имеет братьев Галяутдина 36 л., Хузя Мухамет Гаяна 26 л., Хузямухамет Газизяна 20 л. 1-я жена его Биби-Хатыма Гайнуллина 28 л. и 2-я Биби Сайран Гайнутдинова Ваисова; детей неизвестно, к исполнению воинской повинности призывался в 1899 году без льготы, но куда зачислен при призыве будет донесено немедленно особо. Судим был два раза. 1-й по приговору Городского судьи 2 участка гор. Симбирска извещение от Мая 1894 года за № 954 за кражу денег, приговорен к тюремному заключению на четыре месяца и 2-й по приговору Городского судьи 3 участка гор. Симбирска извещение от [л. 103] 3 Марта 1895 года за № 296, приговорен тоже за кражу денег к тюремному заключению на три месяца. При сем представляются его два заявления о нежелании подчиняться Крестьянскому Судебному Установлению, 1-е от 4 февраля 1906 года за № 233 и 2-е от 18 Июля 1908 года за № 33093 со всей перепиской Волостного Старшины о взыскании с Ваисова по решению суда 20 руб. 9 коп.

[...[590]]

[589] Сбоку приписано: Справка. Переписка по осмотру возвращена 13 Апреля 1909 г. за № 187.

[590] Подписи волостного старшины и писаря неразборчивы.

Документ № 56. 24.02.1909.
НАРТ. Ф. 41. Оп. 13. Д. 3. Л. 4–5.

Протокол обыска

[л. 4] 1909 года Февраля 24 дня И[сполняющий] д[олжность] Судебного Следователя Казанского окружного Суда по особо-важным делам Шулинский[591] по делу о противозаконном сообществе, именующем себя Староверским обществом Мусульман Ваисовского Божьего полка, прибыл в квартиру крестьянина дер. Молвиной, Косяковской волости Свияжского уезда Гинанутдина Багаутдинова Ваисова, проживающего в г. Казани, в Ново-Татарской слободе по Большой Симбирской улице в доме ему принадлежащем, в присутствии Товарища Прокурора Казанского Окружного Суда В.И. Шкляева, Пристава 5 части гор. Казани Е.Г. Разумова и нижепоименованных понятых и хозяина квартиры Ваисова, произошел обыск порядком, указанным 357–367 ст. Уст. Уг. Суд., при чем оказалось следующее: Дом разделяется на два помещения – верхнее – квартира Ваисова и нижнее – мусульманское училище и молитвенный дом. Над входными дверями привешена вывеска с надписью, указывающею, что тут помещается "Мектеб-гирфан Мусульманская Академия Староверского общества Ваисовского Божьего Полка и канцелярия Сардара". По приходе в квартиру Ваисова ему было объявлено о необходимости произвести обыск. Он согласился на это охотно и просил лишь, чтобы из отобранного ничего не было утрачено. Самая квартира Ваисова состоит из прихожей, залы и спальни. В прихожей стоит письменный [л. 4об.] стол с разными письменными принадлежностями, чернилами, гектографическими чернилами и краской для штемпеля. На столе в двух ящиках его и на маленьком столике с ящиками, стоящим в этой же комнате, было найдено три[592] металлических печати, одна печать вырезанная на дереве (клише) по-татарски, два экземпляра набора типографского шрифта, спаянного свинцом, одна печать каучуковая на татарском и арабском языках, семь каучуковых штемпелей на русском языке Ваисовского Божьего полка, масса писем и переписок, печатные бланки, метрические книги и разные брошюры на татарском языке. В зале очень приличная обстановка: два трюмо, горка с посудой, ковры и мебель. В зале в ящиках этажерки найдена масса бланков того же общества. В сенях один угол был занят сложенными брошюрками на татарском языке. В зале же на стенке оказалось висевшими на гвозде револьвер и две нагайки. В нижнем этаже, занятом школой и молитвенным

[591] Следователь по особо-важным делам при Казанском окружном суде, статский советник Владимир Михайлович Шулинский; в 1915–1916 гг. проживал в доме Мандельштамов по ул. Касаткиной. См.: Адрес-календарь и справочная книжка Казанской губернии на 1916 г. – Казань, 1916. – С. 276.

[592] Зачеркнуто слово одно и сверху приписано "три".

домом, оказались на полке в углу священные мусульманские книги, на полке у стены несколько штук чалм, употребляемых мусульманами при молитве и столик с грифельными досками, тетрадями и книжками. Тут же на полке оказался флаг из зеленого цвета шерстяной материи с арабскими надписями, нашитыми на нем из белой материи. Ваисов заявил, что флаг этот вещь священная [л. 5] и вывешивается над молитвенным домом в праздники. Вручив его лично мне, он просил его сберечь и не осквернить. Ваисов заявил, что разрешение на функционирование староверского мусульманским обществом Ваисовского Божьего Полка, а равно открытие школы и на право хранить оружие он не имеет и считает, что это разрешение зависит только от Бога. Все взятое в квартире Ваисова и молитвенном доме завязано в три тюка и отпечатано печатью Суд[ебного] Следователя. Оружие взято отдельно. […] И[сполняющий] д[олжность] Суд[ебного] Следователя Шулинский.

По прочтении протокола г. Ваисов заявил, что записано в протоколе все правильно, но подписаться не может, так как это запрещают ему его религиозные воззрения.

Понятые: крестьянин Григорий Григорьев Комаров
Кр-н д. [нрзб.] Спасского уезда Василий Жирнов.
Кр-н д. [нрзб.] Свияжского у[езда] [нрзб.]
Присутствовал Тов[арищ] прокурора Шкляев.
Пристав 5 части Разумов
Околоточный Надзиратель 5 ч. г. Казани Слепов.

Документ № 57. 2–8.03.1909.
НАРТ. Ф. 41. Оп. 13. Д. 3. Л. 15–22об.

Протокол[593]

[л. 15] 1909 года Марта с 2 по 6 дня И[сполняющий] д[олжность] Судебного Следователя Казанского Окружного Суда по особо-важным делам Шулинский, по делу о противозаконном сообществе, именующимся староверским обществом мусульман Ваисовского Божьего полка, в присутствии нижеподписавшихся понятых, производил осмотр найденных при обыске в квартире Ваисова писем на русском языке, официальных документов на имя Ваисова, почтовых расписок, отрезных купонов, счетов и вообще материала на русском языке.

I. Счета. 1. Расписки почтовых контор в приеме заказных писем, всего 187 штук, из числа коих 82 за 1908 г. и 10 за 1909 г., при чем письма

[593] Документ дан в сокращенном виде, с минимальными исправлениями. Протокол (как и последующие аналогичные документы) рукописный, составлен следователем В.М. Шулинским.

значатся адресованными в следующие пункты: Симбирск, Самару, Свияжск, Лаишев, Екатеринбург, Челябинск, Томск, Иркутск, Тюкалинск, Астрахань, Царское Село, С.-Петербург, Асхабад, Андижан, Мерв, Коканд, Ташкент, Иолотань, Манчжурия, Хабаровск, Харбин, Николаевск, Приморск, Владивосток, Александровский пост и пр.

2. – 29 штук расписок в приеме телеграмм.

3. – 13 расписок в приеме посылок ценных и без цены.

4. – 11 расписок в приеме денежных пакетов за период времени с 1903 г. по 1908 г. всего на 79 р. 25 к. и 7 расписок в приеме денежных переводов [л. 15 об.] с 1907 г. по 1909 г. всего на 198 рублей, при чем по более значительной сумме перевода обращают на себя внимание две расписки за 1908 г. о переводе из Казани в Петербург на имя Ваисова ста и пятидесяти пяти рублей.

5. – 41 штука отрывных купонов от денежных переводов, из числа каковых, судя по штемпелям почтовых контор, было послано: в 1906 г. два на 7 р. 10 к., в 1907 г. 8 на 162 р., в 1908 г. 30 на 481 р. 7 к. и в 1909 г. 1 на 9 руб., а всего на 659 руб. 17 коп. Адреса отправителей значатся в следующих пунктах: д. Н. Майдан, с. Абатское, ст. Шумовка, Томск, Казань, Мерв, пост Александровский, Иолотань, Полоцк, д. Козлова, Андижан, ст. Болотное, д. Усманка, Заречная слобода и пр. Самый крупный перевод на 125 р. от Идриса Абдул Хаирова со ст[анции] Болотной Томской губ.

6. – 5 отрывных купонов на посылки и бандерольные отправления.

7. Три конверта от денежных писем, из коих одно на 14 руб., другое на 4 рубля и третье на 65 руб., все со штемпелями и ярлыками Серебрянского Вол[остного] Пр[авления] Тоб[ольской] губ., при чем два первых с датами за 1908 г., а последний за 1909 год. Все адресованы на имя Ваисова в Государственный молитв[енный] Дом и канцелярию Сардара. В первом конверте ничего не оказалось, во втором 2 заменяющих паспорт Ваисовских свидетельства за № 160 на имя Курманбая Иманбая Оглы, уроженца Акмолинской области, и уроженца той же области Иманбая Бурджена Оглы Булгари [л. 16] и третьем два паспорта: от 29 февраля 1906 г. за № 208 на имя киргиза Акмолинской обл[асти] Челеккая Балтаева и от 29 Ноября 1905 г. за № 667 на имя киргиза Чиликкая Тмулина.

II. Письма. 1. Два письма на имя Канцелярии Ваисова Ходже Мухаметову Ваисову с оттисками почт[овых] штемпелей "Коканд" и "Казань" и с датами на одном за Июль месяц 1907 г., а на другом за Декабрь месяц того же года, от имени "Маруси". Оба письма написаны крайне безграмотно. В письме за Июль месяц, подписанном "Твоя Маруся", последняя называет Ваисова "дорогой Ходжа", сообщает, что по отъезде его ей без него стало скучно и она просит написать ей, хорошо

ли он доехал и написать ей, если вздумает опять приехать в Коканд, чтобы она могла его встретить; в заключение она целует его. В письме за Декабрь месяц, подписанном "Твоя любящая и глубокоуважающая Маруся"; последняя, называя Ваисова "Дорогой Ходжа", сообщает, что она была у мамы в Москве и только по возвращении оттуда получила его письмо, чему была от души рада; затем, высказывая предположения, что он уже может быть забыл "свою Марусю", пишет, что она не забыла его и из Москвы послала ему два письма, на которые, однако, почему то не получила ответа, [л. 16об.] и что получив его открыточку, она "была довольна своей судьбой", так как он ее не забыл. Затем она просит ответить на это письмо, обещает прислать ему свою карточку, просит написать, может ли она надеяться когда-нибудь еще увидеть его и в заключение крепко целует его и сообщает свой адрес "г. Коканд, гостиница Франция. Марии Васильевне Брусничкиной".

2. Отбитое на пишущей машинке письмо, подписанное рукописно "Лев Толстой" с датой "15 Января 1909 г. Ясная Поляна". На конверте адрес "Молитвенный дом Ваисова Божьего Полка Ходзя Мухаммеду Гинанутдину Ваисову". Письмо следующего содержания: "Любезный брат Ходзя Мухаммед Гинанутдин Ваисов. Очень рад был получить от И.Ф. Наживина известие о вашем желании приехать ко мне. Я уже давно желал узнать подробности о том, как вы понимаете Бога и жизнь человека на земле. По тому, что слышал о вас, надеюсь, что наши взгляды будут одинаковы. Если бы люди держались только истины, то все было бы едино. Будем же и мы стараться держаться только истины и потому быть едиными с теми, которые держатся ее. Очень рад буду видеть вас у себя. Приезжайте, когда хотите; я никуда не уезжаю. Лев Толстой". Далее следует P.S., подписанный Н. Гусевым, в каковом сообщается, каким образом нужно ехать в Ясную Поляну.

[л. 17] 3. Два письма от Ив. Наживина к Ваисову с оттисками почтовых штемпелей "Ст[анция] Колокша" и "Казань", одно за Август месяц 1908 г., а другое за Февраль 1909 года. В первом письме[594] Наживин, благодаря Ваисова за то, что он вспомнил о нем, высказывает свое сожаление, что ничего утешительного сообщить ему не может, так как не видит никакой возможности для него освободиться от преследований и все обращения его к правительству считает совершенно бесполезными, при чем советует "терпеливо сносить эти гонения за веру в Бога". Затем сообщает, что бумаги свои Ваисов может послать к нему или к Ив[ану] Мих[айловичу] Трегубову в Петербург, который тоже пишет в газетах, и что статья его, Наживина, о "Божьем Полке" находится сейчас в Петербурге и в заключение дружески жмет его руку. Во втором письме Наживин, обращаясь к Ваисову, как к "дорогому брату", пишет,

[594] Здесь и далее подчеркнуто В.М. Шулинским.

что ему было тяжело читать письмо Ваисова с описанием его страданий, но знает, что он, Ваисов, "человек твердо уповающий на Бога и потому способный страдать без ропота". Далее высказывая мнение, что все прошения совершенно бесполезны и что если он, Ваисов, напишет еще 100.000 бумаг, то его все равно не услышат и не исполнят ни одной его просьбы, советует больше не писать, а "лучше все силы духовные" сосредоточить на служении Богу [л. 17об.] и окружающим людям, при чем высказывается, что если Бог захочет, то можно прожить и без земли Булгарской, а если Ему это не нужно, то никакие булгары не помогут. Затем извиняясь за данный совет, говорит, что он очень полюбил "Божьих воинов", которых видал в Казани и что ему больно, что все они, т.е. Божьи воины, стремятся за тем, что недостижимо, да и не нужно, тогда как нужно только любить Бога, любить и помогать друг другу, прощать врагам обиды и тогда Бог не оставит. В заключение сообщает, что статья скоро будет напечатана и тогда ее пришлет и не советует покупать дома, так как его могут отнять и говорит, что лучше жить на квартире.

4. Четыре письма на имя Сардара Ваисова от русских его последователей: а) из Андижана за Сентябрь м-ц 1908 г. от Владимира Петрунова, который пишет, что он русский, православный, твердо узнал мусульманскую веру, забыл о своем православии и "путается" с бритой головой "между мусульманским вероисповеданием", "со страхом" желает поступить в божий полк и ожидает спасения, сообщает, что миссионеры уже объяснили ему о любви Божьей; б) из Андижана за Сентябрь м-ц 1908 г. от бакинского мещанина Николая Виссарионова Либермана, 60 лет, который сообщает, что по милости творца мира он с 5 Июня 1908 г. стал исповедовать магометанскую веру, о чем и донес [л. 18] Бакинскому Губернатору, а 8 Сентября встретил агента Ваисова Шигабутдина Сайфутдинова, который передал ему догматы Ислама и рекомендовал его андижанскому сарту Габдулхаю Мухамет-Ибрагим Ходжа Оглы, а этот последний уже подробно ознакомил его с их верой; поэтому просит причислить его к староверскому Об-ву мусульман Ваисовского Божьего Полка и присовокупляет, что зовут его теперь Абдурахманом Абдуллаевым Либерманом, так как казый и мулла нарекли ему это имя; в заключение просит молитв Ваисова, дабы Бог "содержал" его на истинный путь; в) из Александровска на Сахалине за Август месяц 1906 г. "святое письмо от сотрудника всего мира Петра Морозова ель булгари Ваисова"; Ваисову Петр Морозов, Марфа Петровна, Татьяна и Анна Петровны только свидетельствуют свое почтение, а главная часть письма обращена к "Начальнику Божьего полка сотруднику всего мира Шигабуддину Сайфуддинову Булгари Ваисову", которого называют также "Великим Дервишем"; из письма видно, что Шихабуддин жил вместе с

ними на Сахалине; г) оттуда же за ноябрь 1908 г. от того же Морозова; в начале письма он высказывает "Сардару духовному отцу Ваисову Великому начальнику" с "Августейшем домом семейством" здравствовать на много лет и просит Бога о помощи духовному [л. 18об.] верховному управлению и всему Божьему полку управлять по указу духовного отца Ваисова, затем просит выслать свидетельство для сына его Михаила и Алкоран в русском переводе, а также передать прилагаемое письмо его "учителю сотруднику всего мира Шихабуддинову", с которым они были знакомы на Сахалине, а теперь без него один среди "неверного народа и проклятого гражданского закона", в приложенном тут же письме к Шихабуддину Сайфутдинову между прочим сообщается, что просимые свидетельства на Мишино имя не получены, хотя 2 рубля денег были на это высланы, а также сообщает, что мулла там не заключает брак между Вали и Таней.

5. Письмо оттуда же от того же Морозова к Шихабуддину Сайфутдинову в Казань за Сентябрь месяц 1907 г. В этом письме сообщает, что Михаил Петрович посылает два рубля денег и просит выслать документ.

6. Прошение в Канцелярию Сардара от уполномоченного от деревень Тунужской инородческой управы Каинского уезда "Кучимханского наследника"[595] Мухаметгана Мухамет Рахима Оглы от 19 авг[уста] 1907 г. с жалобой на действия администрации по поводу высылки административным порядком "сотрудников Ваисовского Божьего полка" Мухамед Юсуфа Файзуллы и Гельмана Гаптулфаиза и с просьбой ходатайствовать пред Государем о расследовании этого дела; к прошению приложена копия прошения на имя Томского генерал-губернатора [л. 19] по тому же поводу и с почтовой запиской о приеме означенного прошения заказным письмом.

<u>III. Переписка с Ваисовым должностных мест и лиц.</u> 1). Изорванный конверт с оттиском печати Комитета Министров, с печатной надписью "Из канцелярии комитета Министров" и с адресом "Казань. Сардару Мусульман Ходжи Мухамеду Гинанутдину Багаутдину Оглы Ваисову. № 201"; дата на почтовом штемпеле от Июля месяца 1905 г. В конверт вложены отношения Комитета Министров по делам Председателя Комитета от 28 Июля 1905 г. за № 201 на имя "Сардара Мусульман Староверов Ваисовского Божьего Полка Ходжи Мухамеда Гинанутдина Багаутдина Оглы Ваисова", в котором последний извещается, что за окончанием работ Комитета, посланные им, Ваисовым, прошения препровождены в особое Совещание для согласования действующих узаконений с Высочайшим Указом 17 Апреля 1905 г. по делам веры.

[595] Вероятно, имеется ввиду Кучюм-хан.

2). Отбитое на пишущей машинке объявление с оттиском штемпеля казанского губернатора от 8 Марта 1907 г. за № 308, подписанное губернатором Стрижевским, Непременным членом Маловым и Секретарем Федосеевым, в коем "Председателю Казанского Общества мусульман Ваисовского Полка" объявляется, что ходатайство его об освобождении членов этого общества от отбывания воинской повинности, оставлено Министерством [л. 19об.] без последствий. Под объявлением значится, что оно препровождено для выдачи чрез Казанское Городское Полиц[ейское] Управление.

3). Отношение Самарской Казенной Палаты от 18 Сент[ября] 1906 г. за № 12290 с адресом "Г. Казань. В Канцелярию сардара Ваисовского Божьего Полка Староверского Мусульманского общества"; отношение подписано Начальником Отделения и старшим бухгалтером, подписи коих неразборчивы; в этом отношении Казенная палата, сообщая, что 3 руб., внесенные членом означенного общества татар Гале Зайналлы Оглы Булгари в Казанское Казначейство в государственный поземельный налог за 1906 г. по 8 коп. за десятину за землю из дер. Абдулиной Бугульминского уезда, по принадлежности не перечислены, так как по собранным сведениям за означенным обществом недоимок налога и земли не значится, просит канцелярию сардара сообщить, где находится означенный земельный участок и по чьему распоряжению внесены эти деньги.

4). Объявление Прокурора Оренбургского окружного суда от 31 Мая 1908 г. за № 2550, в котором объявляется "находящемуся в гор[оде] Казани государственному молитвенному дому всего мира Мяктяб Гирфан", что прошение его от 10 Мая препровождено на распоряжение Оренбургского Полицмейстера. Подпись за прокурора неразборчива. Под объявлением значится, что таковое было препровождено для выдачи в Казанское [л. 20] Гор[одское] Полиц[ейское] Управление, а этим последним вручено чрез Пристава 5-й части г. Казани.

5). В конверте с оттиском почтового штемпеля "Иркутск" и Городского Иркутского Полиц[ейского] Управления с адресом "Казань. Начальнику Автономного Духовного Управления Староверского Мусульманского Общества" вложено сообщение означенного Управления от 29 Окт[ября] 1908 г. за № 26865, поданное И.д. помощ[ника] Полицмейстера Фастовым, секретаря и казначея, в коем уведомляет, что деньги отосланы для выдачи Вафину в Казанское Гор[одское] Полиц[ейское] Управление. Означенное уведомление написано на прошении Ваисова к Полицмейстеру за № 33.104, написанном по указанному поводу.

6). Конверт с адресом "В г. Казань. Канцелярия духовного отца Вайсова. № 1188. Из СПб. Ценз[урного] Комитета" и почтовыми штемпелями "Петербург. 11.V.1906". и "Казань. 14.05.06". Конверт пустой.

IV. Телеграммы. 1) От 28 Янв[аря] 1908 г. с Сахалина "Город Казань в канцелярию Вайсову. Таню отдаем замуж за Вали. Просим распоряжения. Отвечай. Мор[оз]ов"; 2) от 14 Февр[аля] 1908 г. "Казань. Канцелярия Ваисова. Дениг нет" из Челябинска; 3) от 20 Авг[уста] 1908 г. из Семипалатинска "Казань. Отв. 5 ук. Канцелярию Бож. полка Сердар. Девять человек сосланных, не знаем, что делать, отвечай Булгарии"; 4) от 23 Сент[ября] 1908 г. из Самары "Казань. Канцеляру Ваисову. Волжско-Камский банк 465". [...[596]]

[л. 20 об.] V. Счета. 1) Квитанция № 57 от 21 Марта 1907 г. от типографии Шараф в Казани о заказе за 300 руб. 5000 экз[емпляров] "Завагир хикм[ети] Дарв[ишан]" Г. Ваисова С.В.Б. полка и о получении в задаток 150 руб.; 2) счет на имя Ваисова от 15 Февр[аля] 1908 г. от конторы и типографии газеты "Баяныль-хак" на 240 руб., в счет каковой суммы получено 75 р., за напечатание книг по образцу в количестве 200 экз. и листовок по образцам в количестве 4000 экз.; 3) счет Ваисову от 4 Апр[еля] 1907 г. от машинно-переписного класса в Казани на 11 р. 40 к. за переписку на пишущей машинке; 4) Счет Ваисову граверно-каучукового заведения Окунь и татарского [нрзб.] в Казани на 7 руб. за бланк и печать; 5) счет такого же заведения Исерлис в Казани на имя Канцелярии Ваисова на 3 р. 50 к. за изготовление каучукового штемпеля; 6) счет магазина Кушаева в Казани на имя Ваисова от 3 Авг[уста] 1905 г. о продаже ему золотого перстня за 12 р. 50 к.; 7) Счет Ваисову от издательства "Посредник" на 2 р. 17 к. за высланные книги; 8) Четыре счета от 29 Июля 1905 года с Нижегородской ярмарки от магазинов Герасимовой на 15 руб. за футляр, Лесина на 44 р. 30 к. за оренбургские платки, Соколикова на 84 р. 33 к. за шарфы газовые, венецианские, арабские и Лебедева на 210 руб. за 400 шт[ук] шарфов шелк[овых] и наб[ивных]; все счета на имя Ваисова и по всем деньги получены сполна, а также один счет от 30 Июля 1905 г. на 32 р. 50 к. за платки оренбург[ские] и на 30 р. 60 к. за платки уральские; 9) счета магазина [нрзб.] [л. 21] в Казани на 46 р. 5 к. и Иммера и сын в Москве на 3 р. 32 к.; счета – номеров Ермолаева на Нижегородск[ой] ярмарке на 13 р. 65 к., меблиров[анных] комнат "Кремль" в Москве на 4 р. 25 к. и меблир[ованных] комнат "Эрмитаж" в Петербурге на 25 р. 15 к., а также счет за детскую кровать на 4 р. 70 к. от магазина Матвеева в Казани.

VI. Официальные документы. 1) Объявление Ташкентской Суд[ебной] Палаты содержащемуся в Мервском арестантском доме арестанту Ходжа Мухамед Генанутдин Багутдинову Вайесову с препровождением ему копии приговора от 12 Февр[аля] 1903, по делу по обвинению его по 271 и 1 ч. 286 ст. Уг. Улож. по порядку обжалования этого приговора; 2) Три служебные записки – одна делопроизводителя

[596] Опущена незначительная часть.

Мервского Уездного Управления и две комендантского адъюнкта г. Асхабада за 1902 и 1903 гг. по поводу арестанта Вайсова (Шах Заде ишан Вайсову); 3) Три билета на того же арестанта, из коих 2 Мервск[ого] Арестного дома и один Асхабадской областной тюрьмы; из последнего билета видно, что Ваисов содержится по приговору Асхабадского Окр[ужного] Суда от 11 Дек[абря] 1902 г. по обвинению по 271 и 1 ч. 286 ст. Уг[оловного] Улож[ения] и что срок заключения кончился 12 февраля 1904 г.; 4) копия заочного решения Миров[ого] Судьи 3 уч[астка] г. Казани от 22 Авг[уста] 1908 г. по делу об очищении квартиры Ваисова по иску […[597]] и повестке Судебного Пристава при съезде мировых судей от 26 Авг[уста] 1908 г. по тому же делу; 5) Свидетельство о выполнении воинской повинности Загидуллой Гайбадуллиным в 1874 г.; 6) Свидетельство о явке к исполнению воинской повинности [21об.] крестьянина Юнусова за 1907 год; 7) Паспорт за № 2322, выданный 30 Июля 1908 г. из Бакинской Управы сроком на один год мещанину гор. Баку Николаю Виссарионову Либерману, 58 лет; 8) справка от 26 Апр[еля] 1908 г., подписанная почтальоном Михайловым, о выбытии С. Ваисова, жившего по Невскому пр[оспекту] в доме № 73 кв. 33, 12 Апреля в Казань в канцелярию (Ваисова) Сардара.

VII. Визитные карточки, объявления и ярлыки с почтовых отправлений. 1) Визитные карточки корреспондента "Русское слово" Дамбита, члена Государственной Думы Сыртланова и 3 карточки скоропечатни и граверно-каучукового заведения Исерлис; 2) объявления: Банкирского дома А.В. Смирнов в Петербурге с адресом на конверте "Казань. Всего мира Госуд[арственный] Молитвен[ный] Дом Мактаб-Гирфан Сардара Ваисова"; Товарищества "Посредник" в Белостоке на имя Сардара Староверского О-ва Х.М. Г. Ваисова, склада пишущих машин "Лев" в Полтаве с адресом "Казань. В Мусульманскую академию и Автономное Духовное Управление"; 3) ярлыки: А) 2 от газеты "Переводчик" с адресом "Казань. Староверского мусульман[ского] Мактабгирфан канцелярия Ваисова", Б) газеты "Речь" с адресом "Автономное Духовное правл[ение] и канц[елярия] Сардара Ваисова", и В) заказного бандерольного отправления Сардару Ходзя Магомеду Ваисову от Л.Н. Толстого из Ясной Поляны.

VIII. Отпуски телеграмм: 1) "Станция Челябинск. Ваисову первиде по телеграмму двести рубли немедленно сегодня 14 Ваисов" [л. 22] и 2). "Мерв. Карамзинский. Хафизу Габдуллину. Где находится Божий Полк Сардар, отвечайте. От канцелярии Ваисова". Тут же приложена расписка в принятии телеграммы 15 Дек[абря] 1906 г.

IX. Черновики писем и прошений. 1). Черновик письма Ваисова к Льву Николаевичу Толстому от 24 Янв[аря] 1909 г., в котором он благодарит за присланное ему письмо; 2) Четыре черновика писем Ваисова к Наживину Ивану Федоровичу; А) в одном, без даты, жалуется на притеснения правительством и полицией Божьих воинов; Б) в другом, с датой 29 Янв[аря] 1909 г., пишет о своей радости по случаю получения письма от Л.Н. Толстого, сообщает, что молитвенный дом, который Наживин посетил в Сентябре 1908 года, отнят у них насилием и что они покупают в Ново-Татарской слободе дом у Пахомова за 2700 рублей, в счет которых он уплатил 100 рублей, 600 р. обязан внести 10 Октября и 2000 руб. при совершении купчей после Января, что в этом доме в верхнем этаже живет он с семейством, а в нижнем помещается Молитвенный Дом и училище для детей; сообщает также о том, что не имеет денег для расплаты с Пахомовым; В) в третьем, с датой 23 Февр[аля] 1909 г., сообщает о своем посещении Льва Николаевича в Ясной Поляне, благодарит за сочувствие, выраженное в письме и пишет, что слышал о желании Наживина купить землю для поселения и предлагает таковую купить около Казани, так как продается небольшое [л. 22об.] имение (282 дес[ятины]), вполне пригодное, за 55 тыс[яч] рублей, затем сообщает, что они, Божьи воины, хотели бы тоже устроить небольшую колонию и заняться земледелием и если бы нашелся такой благодетель, что снабдил бы их нужными деньгами, то они в течение двух лет расплатились бы с этим долгом; и Г) в четвертом, без даты, трактуется о том же с добавлением просьбы одолжить Божьим воинам денег для покупки земли под колонию, а если это невозможно, то оказать содействие в этом "великом деле" и быть их "Героем защитником", а также это письмо к Льву Николаевичу; 3) черновик "Святого доклада" в Государственную Думу.

X. Много разных черновиков, конвертов, писем, объявлений, не имеющих для дела никакого значения, и нарисованный карандашом на продолговатом листочке писчей бумаги столб с серпом луны наверху и с флагом с изображением серпа луны и пятиконечной звезды; под рисунком подпись "Ал. Мансуров".

XI. Паспорт № 651, выданный Старо-Ютвинским Вол[остным] Правл[ением] 10 Сент[ября] 1908 г. кр-ну д. Живут себе Усадом Кириллу Анисимову.

[…[598]]

[597] Фамилия написана неразборчиво, возможно Мазитов.

[598] Далее указаны все сделанные в протоколе исправления и даны подписи судебного следователя и понятых.

Документ № 58. 9.03.1909.
НАРТ. Ф. 41. Оп. 13. Д. 3. Л. 23–26об.

Протокол[599]

[л. 23] 1909 года Марта 9 дня И[сполняющий] д[олжность] Судебного Следователя Казанского Окружного Суда по особо-важным делам Шулинский, по делу о противозаконном сообществе, именующимся староверским обществом мусульман Ваисовского Божьего полка, в присутствии нижеподписавшихся понятых, при экспертизе Профессора Императорского Казанского Университета Николая Федоровича Катанова, производил осмотр большого тюка с разными документами, бланками, книгами и другими вещами, отобранными при обыске 24 Февраля сего года в квартире Гинанутдина Ваисова, при чем оказалось следующее: Все вещи завязаны в холст, перевязаны бечевкой, концы которой к особому ярлыку припечатаны сургучной печатью Судебного следователя по особо-важным делам. По вскрытии тюка были отделены все печатные произведения без рукописных текстов и другие предметы от рукописей.

Печатные произведения.

1. 210 листов бланков "№ 1. Метрическая книга для староверского мусульманского О-ва". Из надписей [л. 23об.] на татарском языке видно, что эти бланки предназначены для записи родившихся.

2. 165 листов бланков "№ 2. Метрическая книга для староверского мусульманского О-ва". Из татарского текста видно, что эти бланки предназначены для записи бракосочетающихся.

3. 208 листов бланков "№ 3. Метрическая книга для староверского мусульманского О-ва". Из татарского текста видно, что эти бланки предназначены для записи умерших.

4. 757 экземпляров листов бланков "Свидетельства № 160" от имени "Канцелярии духовного отца Ваисова" (Вайсова), предназначенных для членов староверского мусульманского об-ва в замене паспортов и текст которых указан в протоколе осмотра от 17 и 18 Октября 1908 г. (документ № 7).

5. 70 листов бланков "Всего мира государственного молитвенного дома, автономного духовного управления и канцелярии духовного отца Сардара", с изображением трех флагов с серпами луны, пятиконечными звездами и татарскими текстами, совершенно тождественные с указанными в протоколе осмотра от 16 Октября 1908 года. [л. 24]

6. 98 экземпляров листов почтовой бумаги большого формата с литографированными изображениями Суюмбекской башни в Казани, минарета и черной палаты в с. Успенском Спасского уезда Казанской губернии (развалин Болгар) и татарскими и арабскими текстами, подобными тем, которые имеются на бланках, указанных в п. 5 сего протокола.

7. – 454 экземпляра листов писчей бумаги с точно такими же литографированными изображениями и текстами, как и в пункте 6-м сего протокола.

8. – 88 штук конвертов для бумаг размером в лист писчей бумаги с напечатанными текстами на татарском и русском языках адреса сардара, молитвенного дома, мусульманской академии и канцелярии.

9. Конверты с таким же адресом пяти образцов – 8 штук для четвертой доли листа писчей бумаги, 117 для 1/8 доли листа писчей бумаги, 7 штук для 1/2 листа почтовой бумаги малого формата и 7 штук со штемпельным оттиском адреса на русском языке для 1/8 доли листа писчей бумаги.

10. Разные бланки с оттисками штемпелей молитвенного дома и [л. 24об.] канцелярии сардара трех образцов, из числа каковых а) 4 четвертушки листа почтовой бумаги большого формата с оттисками нерусского штемпеля 1908 года, б) 17 перегнутых вдвое полулистов писчей бумаги с оттисками штемпеля[600] формы учреждений Ваисова на русском и татарском языках; в) 14 полулистов почтовой бумаги большого формата с такими же оттисками; г) 9 листов почтовой бумаги большого формата с оттисками штемпеля той же фирмы, но меньшего размера, чем на двух предыдущих бланках; д) один лист почтовой бумаги малого формата с оттиском такого же штемпеля.

11. Визитные карточки: а) 12 штук с изображением серпа луны и пятиконечной звезды и адресами: Ваисова на татарском языке и его учреждений – на русском; б) 121 штук с тем же изображением, как в пункте а) и адресами: Ваисова на татарском и русском языках и учреждений его на одном русском.

12. 18 штук бланков открытых писем с адресами: Ваисова на татарском языке и его учреждений на русском.

13. Два календаря – русский изд. Т-ва Брокар и татарский 1907 года.

14. Книги: а) стр. 9–48 сочинения по истории ислама на татар[ском] языке, изданного [л. 25] редакцией газеты Ульфят; б) словарь Барудия на трех языках – арабском, персидском и татарском, изд. 4, Казань 1907 г. 40 стр. в 8′; в) учебник арифметики на татарском языке Абдулбадыгова, Казань 1904 г., 80 стр. в 8′; г) стихи "Сенной базар" Тукаева на татар[ском] языке, Казань, 22 страницы, в 12′; д) сочинение Сулейманова по исламу, Казань 1902 г., 114 стр. в 8′, на татарском языке; е) "Книга для чтения" на татарском и арабском языке Тагирова, изд. 4, Казань, 80 стр. в 1/8 долю листа; ф) каталог книжного магазина бр. Ка-

[599] Документ дан полностью, в оригинальной орфографии.

[600] Дописано сверху.

римовых на татар[ском] языке, Казань 1903 г., 52 стр. 8′, с пометками на полях по-татарски нужно купить и одно нужно; з) книга под заглавием "Маавифат намэ", т.е. книга Бога, соч[инение] турка Ибрагима Хакки, на арабском, персидском и турецком языках, Казань 1888 г., 168 стр., в 8, в переплете, содержание касается вероучения ислама; и) та же книга, что и указанная в п. з), только снабженная на 1-й стр. оттиском штемпеля адреса Ваисова на татарском яз[ыке] и его учреждений на русском; і) сочинение на русском языке Барудия "Основы ислама", Казань 1906 г., 15 стр. в 16′; к) "Большая география, материк [л. 25об.] Азия", соч[инение] на татарском языке Насырова, Казань, 1894 г., 207 стр. в большую 8′, с оттиском штемпелей на первой странице автора: книги Насырова и Ваисова на татарском и учреждений его на русском языке, а также с двумя рукописными заметками на татарском языке: в первой заметке написано "да облегчит Бог возвращение сыну из путешествия (т.е. родится он), святое имя его будет Абдул Ахат Гади, если же будет дочь, то будет имя ее Биби Марьям Бану. Да будут имена их благодательными и подходящими, жизнь их да будет благословенной и да будут они слугами Ислама. Аминь. Милостью света обоих Светов", – во второй заметке – "В 1323 году Гиджры месяца Джумади второго 22 числа, по христианскому в 1905 году Августа 7-го числа появилось на свет дитя мужского пола в ночь на воскресенье. Имя его Абдул Ахат Гази Ходжа Мухамет Гинанутдин Гинанутдинов Аль Булгари Ваисов, в г. Казани в Ново-Татарской слободе. Да будет святое имя его надлежащим, а он сам при благодательном руководстве Божьем да будет слугою науки и религии и да Господь миров Бог даст ему долголетие драгоценной жизни. Аминь".

[л. 26] 15. Конверт такого же формата и с теми же адресами, как в пункте 8-м сего протокола с рукописными добавлениями: на русском языке – "Заказное. В С.Петербурге Крюков канал, дом № 24-й, квартира 13-я Сардару Ваисову" и на татарском карандашом "почтовых расходов за этот конверт вышло бы три рубля, поэтому я вложил его внутрь посылки. Простите. Ибрагим Зайнуллин Аль-Булгари".

Разные вещи.

1. Завернутый в газетную бумагу лист, покрытый гектографической массой;

2. Четыре листка размером в ¼ листа писчей бумаги "копировальной кальки", переложенные папиросной бумагой;

3. Два транспоранта, три тетрадки и несколько листов почтовой бумаги большого формата и четыре тетрадки и два листа писчей бумаги;

4. Три бланка открытых писем, из которых два с изображением цветов и один с изображением шести барышень с зонтиками в левых

руках и бланк денежного перевода в редакцию газеты "Переводчик" в Бахчисарае;

5. Шесть визитных карточек – военного муллы г. Ташкента Ахтямова, поставщика казенных учреждений Гатауллина в Петербурге, Габдулвалиева [л. 26об.] в Верхнем, Сюняева в г. Харбине, Адгамова на зав. Миассе и Сергеенко в г. Клин, а также печатный адрес торговли сырьем и пушными товарами Шаги Сайдашева в г. Томске;

6. Отпечатанное на полулисте писчей бумаги приветственное слово Государя императора к Государственному Совету и Государственной Думе 27 Апреля 1906 года.

Рукописи.

Книги с рукописями, масса писем, прошений, разных расписок и др. документов, требующих продолжительного времени для просмотра завернуты в холст, завязаны и опечатаны печатью Судебного следователя по особо важным делам.

Осмотр продолжался с 11 часов утра до 4-х часов дня. […[601]]

И[сполняющий] д[олжность] Судебного Следователя В. Шулинский

Эксперт Проф[ессор] Казан[ского] Универ[ситета] Николай Катанов

Понятые – Григорий Григорьев Комаров, – крестьянин Григорий Степанов

За экспертизу желаю получить вознаграждение. Профессор Университета Николай Катанов[602].

Документ № 59. 10.03.1909.
НАРТ. Ф. 41. Оп. 13. Д. 3. Л. 27–29об.

Протокол

[л. 27] 1909 года Марта 10 дня И[сполняющий] д[олжности] Судебного Следователя Казанского Окружного Суда по особо-важным делам Шулинский, по делу о противозаконном сообществе, именующимся староверским обществом мусульман Ваисовского Божьего полка, в присутствии нижеподписавшихся понятых и эксперта Профессора Императорского Казанского Университета Николая Федоровича Катанова, производил осмотр: 1) печатей и штемпелей, отобранных в квартире Ваисова и 2) бумаг и книг, отобранных в моле[ль]ной Ваисова, помещающейся в нижнем этаже под его квартирой, при чем оказалось следующее:

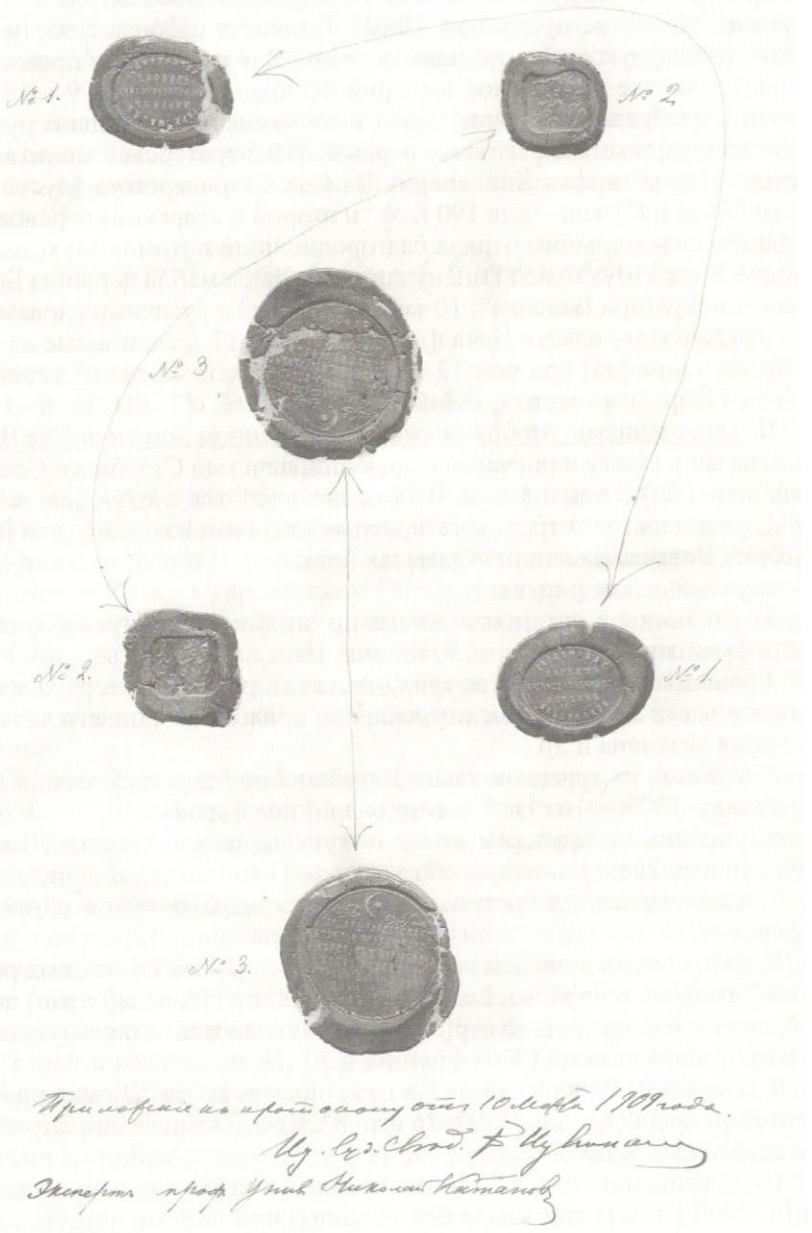
[601] Указаны исправления, внесенные в протокол.

[602] Подпись и последняя фраза написана рукой Н.Ф. Катанова. На остальных протоколах осмотра вещественных улик (документы № 60–63) подписи тех же понятых, следователя и эксперта.

I. Печати и штемпеля.

А) Три печати металлические, из которых на 1-й по-русски имеются слова: “Гардеманде Дарвиш Багауддин Камзин Ваисов Альбулгари”, на второй имеются татарские слова в переводе на русский: “Ходжа Мухаммед Гинануддин потомок Сеидов” и на третьей вверху по-татарски “Военная молитва. Решение принадлежит Богу”. Между этими двумя фразами пятиконечная звезда и серп луны, а внизу русские слова: “Сардар Ваисовского Божьего Полка староверск[ого] Общ[ества] Мусульман Ходзя Мухамед Генанутдин Багавутдин Оглы Ваисов”.

[л. 27об.] Б) Двенадцать штемпелей, из которых 1-й каучуковый изображает пятиконечную звезду с серпом луны, 2-й деревянный заключает в себе татарские слова: “Дардеманд Дервиш Багауддин сын муллы Хамзина Ваисова, Аль Булгари”, 3-й каучуковый с русскими словами “Ваисовского божьего полка Староверского Мусульманского О-ва в Казани. Сущ. с 1862 г. дня 190 г. № ”; 4-й каучуковый с русскими словами: “Императорский молитвенный дом Мактабгирфан Канцелярия Сардара”, 5-й каучуковый с русским и татарским текстами, из коих первый состоит из слов: “Всего мира Государственный молитвенный Дом и Автономное Духовное Управление Мяктябгирфан, т.е. Мусульманская Академия канцелярия сотрудника Всего Мира Сардара Ваисовского Божьего Полка Староверского Мусульманского О-ва в Казани. Сущ. с 1862 г. дня 190 г. №”, а второй передается по-русски так “Сто тысяч воплей отвергнутого от рук справедливости, справедливости. Кто убежит от Господа. Ты видишь (Господи), что нет в них веры. Сардар спасительного отряда верующих в Бога военных молитвенников служащий нации и вере благороднейший потомок Мухаммеда и Сеидов Ходжа Мухаммед [л. 28] Гинануддин сын Дардиманда Дервиша Багауддина, Аль Булгари Ваисова”; 6-й каучуковый с изображением трех флагов на древке с серпом луны и пятиконечной звездой и татарскими словами: “Он, он, он, он (т.е. Бог) сто тысяч воплей отвергнутого от рук справедливости, справедливости. Кто убежит от Бога? Ты видишь (Господи), что нет в них веры. Славославимый, известный в настоящее время великий воитель и сотрудник Государя, служащий нации и вере благороднейший потомок Мухамеда и Сеидов странник ислама Ходжа Мухаммед Гинануддин, сын благословенного иже со святыми дердименда Дервиша Накшбендия Багауддина Аль Булгари Ваисов, мусульманского года 1326, христианского 1908, город Казань” и кругом “Спасительный отряд военных молитвенников поручающий Богу решение и дело и уповающий на него, ибо нет мощи и силы ни в ком другом кроме Бога Всевышнего и Всевеликого”, 7-й каучуковый с изображением серпа луны и пятиконечной звезды и русским текстом: “Императорский Молитвенный дом Мактаб-Гирфан, т.е. Мусульманская Академия. Кан-



Илл. № 34. Оттиски металлических печатей

целярия [л. 28об.] духовного отца Ваисовского Божьего полка староверского общества мусульман. Новая Татарская слобода 5 части г. Казани"; 8-й каучуковый с русским текстом "Для свободного проживания и выезду во все российское империи беспрепятственно", 9-ый каучуковый с изображением серпа луны и пятиконечной звезды и русским и татарским текстами, из коих первый: "Императорское молитвенное здание Мактабгирфан Канцелярия Ваисов Староверского Мусульманского Об-ва в Казани – дня 190 г. №" и второй (татарский) переводится: "Главарь спасательного отряда благороднейший потомок Мухаммеда и сеидов Ходжа Мухаммед Гинануддин сын Дардеманда дервиша Багаутдина Аль Булгари Ваисова"; 10-ый каучуковый с русскими словами: "А не гражданскому власти Начал[ьству]"; 11-й и 12-й свинцовые из типографского шрифта; при чем 12-й с русским текстом служит переводом 11-го с татарским текстом, именно: "Сущ. с 1862 г.".

II. Тюк с вещами, отобранными в молитвенном доме и школе Ваисова, завязан в газету и опечатан сюргучной печатью Судебного Следователя по особо-важным делам. В тюке заключаются следующие вещи:

1. ученическая тетрадь с татарскими статьями из священной [л. 29] истории Ветхого Завета от Адама до Лота;
2. ученические рисунки;
3. учебник на татарском языке по мусульманскому вероучению, часть 2-ая, соч. Барудиа, изд. 9, Казань, 16 стр. 8*;
4. ученическая тетрадь со стихами на татарском языке, распеваемыми учениками до урока, после урока, при приходе стороннего человека, во время экзамена и др.;
5. учебник на турецком языке Карабаша по искусству чтения Корана, Казань, 1905 г., 16 стр. 8*, дозв[олено] ценз[урой];
6. учебник на арабском языке о мусульманской молитве, Казань, 1899, 16 стр. 16*;
7. самоучитель татарского языка без начала и конца с русским переводом;
8. собрание проповедей на арабском и татарском языках под редакцией Хамитова и Якубова, Казань, 1904, 168 стр. 8*, дозв[олено] цензурой, с оттиском на третьей стр[анице] каучукового штемпеля, указанного в протоколе этом под № 9 в пункте Б.
9. сочинение Ваисова часть 2-я на татарском языке "Джавохири хикмети Дервишан" Казань, 1907, 26 стр. 8*. Содержание этого сочинения указано в протоколе.
10. Рукописная тетрадь с прозаическими и стихотворными текстами на [л. 29об.] татарском языке без заглавия, при чем эти тексты тождественны, в большей части с содержанием 1-й и 2-й части выходившем в свет и 3-й не выходившей в свет указанного в пункте 9 сочинения

и с краткой биографией Багаутдина Хамзина Ваисова, заключенного в психиатрич[ескую] лечебницу в 1884 г. и умершего там же 9 февраля 1892 года[603], а также с добавлением некоторых литературного характера статей.

Оттиски печатей и штемпелей, указанных в пункте 1 сего протокола, сделаны на 5 отдельных листах писчей бумаги и занумерованы согласно нумерации в пункте 1 протокола. Экспертиза производилась 3 часа […].

Эксперт проф. Унив. Николай Катанов

Документ № 60. 12–13, 15, 20.03.1909.
НАРТ. Ф. 41. Оп. 13. Д. 3. Л. 44–50, 52–55.

Протокол осмотра[604]

[л. 44] 1909 года Марта 12, 13, 15 и 20 дня И[сполняющий] д[олжности] Судебного Следователя Казанского Окружного Суда по особо-важным делам Шулинский, по делу о противозаконном сообществе, именующемся Староверским Обществом мусульман Ваисовского Божьего Полка, в присутствии нижеподписавшихся понятых, производил осмотр разных прошений, заявлений и др. переписки на русском языке, найденных при обыске 24 Февраля в квартире Ваисова. Эти документы взяты из тюка с рукописями, найденными в означенной квартире.

1. Отбитый на пишущей машинке на 32-х страницах (8 листов писчей бумаги) "Всеподданнейший Святой доклад" на имя Государя императора Николая Александровича от имени сардара Ходжа Мухаммеда Гинануддина Багауддинова Ваисова, с обозначением полного титула последнего, указанного в ранее осмотренных его прошениях и заявлениях, и 12-и поверенных староверского мусуль[манского] О-ва, за № 33076, с датой в конце "28 Октября 1908 года". Доклад этот никем не подписан. Кроме этого экземпляра полного доклада имеется еще отбитые на пишущей машине отдельные листы этого доклада с 1 по 5 в количестве 15, с 5 по 9 в количестве 41, [л. 44об.] с 9 по 13 в колич[естве] 16, с 13 по 16 в колич[естве] 15, и всех остальных каждого по 16 листов. Первый лист доклада представляет бланк с печатными русским и татарским текстами и изображением трех флагов, тождественный с указанным в протоколе осмотра от […[605]].

[603] Дата указана ошибочно. См. § 2 второй главы.
[604] Документ дан с небольшими сокращениями, с оригинальной орфографией.
[605] Далее пропуск, место составления и дата протокола не указаны.

Содержание доклада. […[606]]

2. В листе бумаги с надписью на нем "за переписку 10 р., за бумагу 1, итого 11 руб." вложено 6 экземпляров того самого документа за № 147, адресованного на имя Всепресветлейшего Державнейшего Великого Государя Императора Александра [л. 47] Александровича, который описан в протоколе осмотра от 17/18 Окт[ября] 1908 г. (док. 8).

3. Отбитая на пишущей машинке на двух с ½ листе писчей бумаге "докладная записка" за № 330101 сардара и представителей староверского мусульманского общества на имя председателя Совета Министров с датой в конце "2 февраля 1909 года", подписанная Ваисовым по-русски и ниже 12-ю подписями по-татарски; под подписью Ваисова приложены оттиски печатей и штемпелей, указанные в пункте третьем I–А и пункте 6-м I–Б протокола. Первый лист отбит на бланке с литографированными изображениями башни Сумбеки, развалин Булгар, трех флагов со звездами и серпами луны и с русскими и татарскими текстами. В прошении говорится, что последователей староверского мусульманского об[щест]ва в настоящее время не менее 2-х миллионов, из коих 2/3 живет в приволжских губерниях, а остальные в Западной Сибири и Средней Азии; что это общество ведет свое начало со времен болгарского царства, развалины столицы которого "Болгары" сохранились до сих пор; что приблизительно в 6-м веке по мусульманскому летоисчислению к болгарскому князю Айдар-хану прибыло трое арабских проповедников магометанской веры, один из коих Зюбяир Биниджегеда был потомком пророка Магоммеда и, по преданию, женился на ханской дочери Туйбики, при чем от них-то и пошла [л. 47об.] династия болгарских ханов, а под влиянием проповеди Зюбяира болгарское царство приняло магометанскую веру; что пало это царство вследствие нашествия татар, которые однако приняли от болгар мусульманскую веру; что Багаутдин Хамзин Ваисов был потомком болгарских ханов, всесторонний знаток Корана и шариата и ревностный проповедник, который устроил в Казани Мактеб Гирфан и Молитвенный Дом, при чем проповедь его была направлена главным образом, против магометанского духовенства за неисполнением Корана и шариата. Далее следует описание печальной судьбы Ваисова и его Мектеб Гирфан и высказывается, что недоверчивое и карательное отношение администрации к Ваисовскому Божьему Полку объясняется, главным образом, незнакомством с вероучением их и происками татарских мулл, распускающих нелепые слухи о неблагонадежности Ваисовцев; разногласие с татарами заключается главным образом в том, что Ваисовцы признают духовной главой Ваисова, как потомка болгарских ханов, а также в том,

[606] Идет пересказ сути прошения, во многом повтор тех положений, которые имеются в документе № 54.

что Ваисовцы признают, что вся жизнь верующего и весь быт должны соответствовать святому писанию, данному Магометом. Затем следует изложение особенностей Ваисовцев: они всегда в шапке и хотя из-за этого претерпевали много неприятностей, но категорически отказываются [л. 48] снимать шапки, исходя из того, что если мусульмане пред Богом на молитве не снимают шапок, то следовательно в них они должны быть везде; ваисовцы признают, что единственным уважительным поводом к войне является защита веры, а потому уклоняются от военной службы; тем более, что казарменный быт и обмундировка препятствует неуклонному исполнению разных обрядов; ваисовцы отвергают паспорта и взамен этого каждый член полка имеет удостоверение от сардара. Засим сообщается, что в настоящее время вождем Общества состоит сын Багаутдина Ваисова сардар Ходжа Мухаммед Гинанутдин Багаутдинов Оглы Ильбулгари Ваисов, что в Казани есть Центральное Духовное Управление и Государственный Молитвенный дом, в других местностях частные молитвенные здания, что религиозные требы, както браки, похороны, моления выполняются духовными лицами общины и ведется самостоятельная регистрация рождений, смертей и браков и разбираются судебные дела среди последователей. В виду этого они просят, чтобы при выработке вероисповедного закона были приняты во внимание потребности Ваисовцев, чтобы был отменен закон, в силу которого все мусульмане подчинены Оренбургскому татарскому дух[овному] Управлению, чтобы Ваисовцам было даровано право автономного [л. 48об.] дух[овного] управления, чтобы было указано место погребения духовн[ого] отца Ваисова и чтобы молитвенный дом находился под защитой полиции.

4. Два экземпляра отбитого на пишущей машинке письма Ходзя Мухамед Гинанутдина Ваисова к Ивану Федоровичу Наживину с датой "21 августа 1908 года". В этом письме, сообщая случай избиения и заарестования стражниками и татарами ваисовцев в Каинском уезде Томской губ., о повсеместном притеснении ваисовцев в России и о продаже дома, принадлежащего бывшему ваисовцу Гизатулле Хамидуллину, в каковом доме помещается молитвенный дом, Ваисов просит все брошюры из жизни ваисовцев присылать к нему для просмотра и сообщить адреса сотрудников иностранных газет, чтобы в них напечатать о положении ваисовцев.

5. Два экземпляра "святого заявления" Ваисова и 12 поверенных за № 33085 от 22 Мая 1908 года по поводу запроса Сыр-Дарьинского Военного губернатора о том, почему выдан документ для проживания жителю Ферганской области мулле Зюннун Уста Мухамед Неяз и с разъяснением вероучения ваисовцев. Один экземпляр подписан по-татарски Ваисовым и поверенными.

6. Два экземпляра "Вторичного Святого Отзыва" за № 33.076 от 9 Февраля 1908 г. на имя Мирового судьи 3 уч[астка] г. Казани, совершенно тождественного с указанным в протоколе осмотра от 27 Октября (т. II). Один экземпляр подписан по-татарски.

[л. 49] 7. Два экземпляра "святого заявления" за № 33.090 от 17 Июля 1908 года на имя Губернатора г. Астрахани, совершенно тождественного с указанным в протоколе осмотра от 17 октября. Оба экземпляра подписаны по-татарски и на одном оттиск печати сардара.

8. Два экземпляра "святого заявления" № 33.073 с датой на одном в конце "1908-го 17-го Января" на имя "Военного губернатора Начальника края в городе Ташкенте" от имени Ваисова и 12 поверенных. Один экземпляр подписан по-татарски и с оттиском печати сардара. В заявлении говорится, что сосланные на каторгу за андижанское восстание мулла Зуннун Уста Мухаммед Нияз Оглый и мулла Габдуль-Каюм Мухаммед Ибрагим Суфа Оглый[607], состоящие членами Ваисовского Божьего Полка, никакого участия в восстании не принимали и согласно особого ходатайства скоро должны возвратиться, почему просят не притеснять их и излагается при этом сущность религиозных воззрений ваисовцев.

9. Два экземпляра отбитого на 5 листах писчей бумаги с печатью и виньеткой из 3-х флагов и текстами на первом листе "Святого Заявления" № 33.086 с датой "6 июня 1908 года" на имя Военного губернатора г. Томска от имени Ваисова и 12 поверенных. Один экземпляр подписан по-татарски и с оттиском печати сардара. В заявлении заключается протест против действий администрации и стражников по поводу избиения и заарестования 4 Мая 1908 г. в Каинском уезде членов Ваисовского Бож[ьего] полка в 6 деревнях.

[л. 49об.] 10. Два экземпляра "святого заявления" в Казанскую Городскую Управу за № 33.092 от 18 Июня 1908 г., тождественного с тем, копия которого указана в пункте 1-3-ми протокола осмотра 28 Января с.г.

11. Два экземпляра отбитого на пишущей машине "прошения" Ваисова в Главное Управление по делам печати за № 33.082 с датой "1908 г. 31 Марта С.Петербург", причем указан временный адрес: С.Петербург, Невский пр. д. № 73 мебелиров[анные] комнаты № 16. В прошении заключается жалоба на действия Казанск[ого] Времен[ного] Комитета по делам печати, конфисковавшего в типографии Сайдашева брошюру Ваисова "Дживагира хикмет дервишон"[608] и святой присяжный лист, из коих последний нужен для раздачи членам Ваис[овского] Бож[ьего] Полка.

12. Два экземпляра отбитого на пишущей машинке "святого заявления" № 33.091 от 18 Июля 1908 г. на имя Прокурора Казанского Окр[ужного] Суда. Содержание касается события, описанного в заявлении Казанскому Губернатору за № 33.073, указанном в протоколе осмотра от 27 Окт[ября] 1908 г., и заключает просьбу о привлечении Пристава 6 части к уголовной ответственности и о взыскании с него убытков. Оба экземпляра подписаны по-татарски и к одному приложен оттиск печати сардара.

13. Два экземпляра отбитого на пишущей машинке "святого заявления" № 33.102 от 18 Ав[густа] [1]908 г. на имя Гос[поди]на Прокурора, с жалобой на действия Околоточного Надзирателя 2 части Савельева и городовых, напавших в августе м-це на члена Ваисовского Об[щест]ва Газизуллу Шарафуддинова, избивших и арестовавших его. Оба экземпляра подписаны по-татарски и к одному приложен оттиск печати Сардара.

14. Два экземпляра отбитого на пишущей машинке [л. 50] "святого заявления" за № 33.103 от 21 Августа 1908 г. на имя Мирового Судьи 3 уч[астка] г. Казани от имени Ваисова по поводу вызова его повесткой в качестве ответчика по делу о квартире, в коей помещается молитвенный дом, проданный Гизатуллой Хамидуллиным татарину Мезитову.

15. Два экземпляра отбитого на пишущей машинке "святого отзыва" за № 33.093 от 18 Июля 1908 г. в Косяковское Волостное Правление от имени Ваисова и 12 поверенных, совершенно тождественного с указанным в протоколе осмотра […[609]]. Один экземпляр подписан по-татарски и имеет оттиск печати сардара, а другой представляет копию первого и подписан: "С подлинным верно. Сардар Ваисов".

16. Отбитое на пишущей машинке "Святое заявление" Ваисова к Симбирскому губернатору за № 3.074 от 17 Янв[аря] 1908 года и копия с него, заверенная Ваисовым. То и другое подписаны по-татарски и к подлинному приложен оттиск печати Сардара. Содержание представляет жалобу на муллу и татар д. Биденьги, Сундюковской в., Симбирского уезда, подстрекавших к избиению членов Ваисовского Божьего полка.

17. Бланк "Святого присяжного листа" за № 33.077, содержание указано в протоколе осмотра от […[610]].

[607] Среди учеников и последователей Дукчи-ишана действительно был Абдулкарим (Абд ал-Карим) Мухаммад-Ибрагим оглы, который принял активное участие в событиях 18 мая 1897 г. (Андижанский мятеж); за что был арестован, приговорен к каторжным работам и выслан в Сибирь. Информация любезно предоставлена Бахтияром Бабаджановым.

[608] Речь идет о 3-м выпуске брошюры Г. Ваисова "Джавахири хикмате дарвишан" (Казань, 1908), не увидевшем свет по цензурным соображениям.

[609] Окончание фразы пропущено.

[610] Окончание фразы пропущено.

18. Отбитый на пишущей машинке "Всеподданнейший святой доклад" от 13 марта 1908 г. на имя Государя императора Николая Александровича от имени Сардара Ваисова; адрес указан "С.-Петербург, Крюков канал, дом № 27, кв. 13". В докладе говорится о том, что 31 января был [л. 50] послан по телеграфу святой доклад Его Императорскому Величеству и извещение о посланных староверским мусульманским обществом для представления Его величеству двух депутатах, но "до сего времени" не последовало Всемилостивейшее соизволение. Тут же приложена копия означенного "Святого доклада", заверенная Ваисовым.

[…[611]] [л. 52] 28. Отбитый на пишущей машинке оттиск, очевидно, телеграммы от имени Сардара староверского мусульманского Общества на имя "турецкого Оттоманского Посланника в Петербурге". В этом оттиске говорится, что Божьи воины староверского мусульманского Общества Ваисовского Божьего полка обращаются с горькими слезами к великому Султану покровителю святой веры Ислам по телеграфу, чтобы он защитил их, верующих, от всяких насилий и оскорблений со стороны русских властей и чтобы он, султан, обратился к европейским государям с требованием справедливо обращаться с верующими; далее, описывая тоже событие 11 Октября, которое указано в 26 и 27 п.п. сего протокола, присовокупляет, что "Божьи воины" в России от подобных насилий страдают уже более 50 лет и несмотря на жалобы и просьбы в количестве более 33.000 №№ русскими властями на это не обращено никакого внимания.

29. Отбитый на пишущей машинке оттиск письма на имя редактора газеты "Речь" в Петербурге от имени Сардара и поверенного ислама, в каковом он просит напечатать "нижеследующие строки" в газете. Далее идет изложение указанного выше события 11 Октября и в конце присовокупляется, что 13 Октября Обществом поданы телеграммы: Государю, Столыпину[612], [л. 52об.] а также покровителю ислама турецкому Султану чрез его посланника в Петербурге.

30. Отбитое на пишущей машинке письмо, подписанное Ваисовым с оттиском печати сардара, начинающееся со слов "Милостивый государь, Господин Редактор". Содержание – тоже самое, что и предыдущего письма, только не упомянуто о посылке телеграммы Турецкому Посланнику.

31. Отбитый на пишущей машинке "Всеподданнейший святой доклад" за № 33076, тот самый, который описан в п. 1-м сего протокола и

[611] Опущена часть протокола (пункты № 19–27), в котором идет перечисление копий святых заявлений на адрес разных должностных лиц. В ряде случаев идет повтор ранее указанных документов.

[612] Столыпин Петр Аркадьевич (1862–1911) – государственный деятель, в 1906–1911 годах министр внутренних дел и председатель Совета министров Российской империи.

представляющий очевидно черновик того доклада, судя по многим пометкам и надписям чернилами. Доклад этот заканчивается 41-строкой татарского текста и приложенными оттисками печати сардара и штемпеля, указанных в пункте третьем 1-А и пункте 6-м 1-Б протокола от 10 Марта.

32. Точно такой же "Всеподданнейший святой доклад" за № 33.076 с оттисками печатей и подписями.

33. Написанное чернилами свидетельство за № 160, заменяющее паспорт, которое, судя по одинаковости текста с печатными экземплярами такого же свидетельства, а также по выцветшим чернилам [нрзб.] бумаги на этом свидетельстве, послужило оригиналом для печатных свидетельств. В свидетельстве другим почерком и другими чернилами проставлено имя Ходжа [л. 53] Мухамат Генануддин Багавуддин оглы Вайсов, т.е. это свидетельство выдано якобы этому лицу для проживания во всей России.

34. 5 печатных бланок таких же свидетельств без проставленных имен и 11 таких же свидетельств на имя Хабибрахмана Габдульджаббарова, Идриса Фахреддина ГабдульХайрзада, Абуталеба Габдульмана Кучум хана, Нурмухамеда Мухамадзина, Имамуля Муслимен Гезатуллы Хамидуллина, Ибрагима Зайнуллина, Габдулла Исмагилова, Насыбуллы Мухамед Садыкова, Галяджуддина Хабибуллина, Салагеджан Тлавли и Хабибуллы Ибрагимова.

35. Написанная чернилами копия "разъяснения" за № 147 на имя Государя Александра III, послужившая очевидно оригинальным для всех других фигурирующих в деле подобных же документов. В конце подпись по-татарски и печать Багауддина Ваисова, а также приложена роспись о сдаче заказного письма на почту 13 Ноября 1885 г.

36. Прошения и заявления Багауддина Ваисова: А) на имя Попечителя Казанского учебного Округа Шестакова[613] от Ноября 1881 г. с просьбой о выдаче свидетельства на открытие в Ново-Татарской слободе училища под названием Староверско-мусульманского Духовного медресе, Б) за № 111 на имя директора Окружной Лечебницы Рагожина от 10 октября (год не указан[614]), В) на его же имя от 7 Июня 1885 г., Г) в комиссию депутатов [л. 53об.], присланных для расследования неурожайных лет в Казанской губернии, Д) в Окружной Суд.

[613] Шестаков Петр Дмитриевич (1826–1891) – попечитель Казанского учебного округа.

[614] Рагозин Л.Ф. – врач-психиатр, выпускник медицинского факультета Московского университета. В 1873–1875 гг. работал в Преображенской психиатрической больнице, затем состоял ассистентом профессора И.П. Мержеевского в Военно-Медицинской академии, в 1884–1889 гг. – директор Казанской окружной психиатрической лечебницы, с 1889 года – директор Медицинского департамента. Указанное письмо, вероятно, датируется октябрем 1884 года.

37. Разные, не имеющие для дела значения, документы восьмидесятых годов Ахметзяна [нрзб.] Абдуллина.

38. Пять прошений за 1902 и 1903 г. содержащегося в Мервском арестантском доме "Потомственного князя Шахи Зада Ходжа Мухаммеда Генануддина Багавуддина Ваисова" на имя Пристава г. Мерв.

39. Два его же прошения за те же года на имя Начальника Мервского уезда и Асхабадского Окружного Суда.

40. Восемь его же прошений за те же года из Асхабадской Областной тюрьмы на имя Товарища Прокурора Асхабадского Окружного Суда.

41. Два прошения его же от 21 Февр[аля] 1903 г. на имя Ташкентской Суд[ебной] Палаты, из коего видно, что Ваисов 11 Декабря 1902 г. судим Асхабадским Окружным Судом по обвинению по 271 и 1 ч. 286 ст. Уложен[ия] и был приговорен в арестантское отделение на один год.

42. Три черновика его же прошений на имя Председателя Комитета Министров и один Прокурора Окружного Суда.

43. Доверенность от 9 Февра[ля] 1909 г. за № 33112, адресованная в Казанскую почтово-телеграфную контору от имени сардара Ваисовского Божьего полка и подписанное Ходжа Мухамедом Гильмуддином Багауддиновым Ваисовым с приложением "именной духовной должностной [л. 54] печати" в двух экземплярах с татарским и русским текстом. В доверенности сказано, что доверяет члену О-ва Ваис[овского] Бож[ьего] Полка Ибрагиму Зайнуллину получать с почты всякого рода корреспонденцию, а также и денежную, адресованную на имя канцелярии Сардара Ваисова.

44. Жалоба от имени кр[естьяни]на Тюкалинского уезда д. Исаковой Фомы Андреева Боркотова, адресованная на имя Государственного молитвенного дома канцелярии Ваис[овского] Бож[ьего] Полка от 2 Марта 1908 г.

45. Письмо Татевоса Акопова на имя Ваисова из Иолотани от 12 Июля 1908 г. с жалобой на то, что поверенный староверского мус[ульманского] об[щест]ва Габдулла Исмагилов в Январе 1908 г. обманом выманил у жалобщика 30 руб. и денег не возвратил, почему просит взыскать их с него.

46. Письмо к Ваисову из Юрина от 7 Янв[аря] 1908 г. от Петра Иванова Зарубина, ко[то]рый упрекает Ваисова в том, что он обманул его, взяв из лавки его товару на 33 рубля и не возвратил за это денег, при чем высказывает, что Ваисов сделался теперь "хуже всякого поганого" и Бога не боится.

47. Отбитая на пишущей машинке копия прошения Гинануддина Ваисова к Председателю Комитета Министров.

48. Две копии Всеподданнейшего прошения от 8 Апреля 1908 г. за № 33.082.

49. Семь экземпляров "святого заявления" Гин[ануддина] Ваисова на имя Военного Министра с ходатайством об [л. 54об.] освобождении членов Ваисов[ского] Б[ожьего] полка от воинской повинности.

50. Прошение на имя Казанского Губернатора с просьбой разрешить Сардару Божьего Полка издавать журнал "Истлям Галями", т.е. Священное знамя[615].

51. Черновики докладов к народным представителям в Гос[ударственной] Думе и Председателю таковой.

52. Три экземпляра копии разъяснения за № 147 на имя Государя Александра III и 2 экземпляра заменяющих паспорт свидетельств за № 160, из коих в одном имена не проставлены, а в другом проставлено имя "Назмуддин Шаможамат оглы".

53. Приговор мусульман староверов, проживающих в разных деревнях Симбирской губ. от 11 Сент[ября] 1884 г. о том, что они желают приезда к ним на праздник Курбан Багауддина Ваисова и все расходы по проезду принимают на свой счет.

54 Прошение Ваисова от 5 Авг[уста] 1902 г. к Начальнику Закаспийской области, в коем он, находившийся в то время в Мервском арестантском доме, ходатайствовал о разрешении ему свиданий с семьей, жившей в Иолотани и после переселившейся в Мерв[616].

55. Его же прошение от 25 Февр[аля] [1]904 г. к Управляющему Государевым Мургабским имением с просьбой об отводе ему земельного участка для посева хлопка.

56. Объявление Асхабадского Прокурора от 27 Сент[ября] 1902 г. тому же лицу и Биби Хатыме Ваисовой о передачи прошения их Прокурору Ташкентской Суд[ебной] Палаты.

57. Три заявления в Казанское Губ[ернское] Казначейство от имени Нурмухаммеда Мухамедзянова, [л. 55] Ахмед Гирея Мухамедшина и Ибрагима Зайнуллина о взносе по 1 рублю за булгарскую землю (по 8 коп. за десятину).

58. Расчет о стоимости земли, усадьбы, инвентаря в [нрзб.], из коего видно, что имение продается за 55000 р. с переводом 10.600 р. долга Госуд[арственному] Двор[янскому] Банку.

59. Три бланка извещений Волостных Правлений за № 33078 об исключении из крестьянских списков, 12 не имеющих значения документов, 5 конвертов по адресу Государя Императора и др. лиц и клочок бумаги с сургучным оттиском печати Сардара на русском языке.

---

[615] Данная инициатива Г. Ваисова не была реализована.

[616] Село Иолотань в Мервском уезде Закаспийской области. В с. Иолотань молодой Гайнан Ваисов провел несколько лет, занимаясь торговлей. Здесь же жила семья его второй жены.

60. Рукописная тетрадь с текстом, разделенным на семь глав, в которых доказывается, что христианские вероисповедания не согласны со священным писанием. […]

Документ № 61. 14, 17, 18, 23.03.1909
НАРТ. Ф. 41. Оп. 13. Д. 3. Л. 56–64.

Протокол экспертизы[617]

1909 года Марта 14, 17, 18 и 21 дня И[сполняющий] д[олжность] Судебного Следователя Казанского Окружного Суда по особо-важным делам Шулинский, по делу о противозаконном сообществе, именующемся староверским обществом мусульман Ваисовского Божьего полка, в присутствии нижеподписавшихся понятых, чрез эксперта Профессора Императорского Казанского Университета Н.Ф. Катанова, производил осмотр книг с рукописными записями на татарском языке, найденных при обыске в квартире Ваисова и находящихся в тюке с рукописями, при чем оказалось:

1. Метрическая книга под № 1 для записи родившихся младенцев мужского и женского пола; книга листового формата, не пронумерована и не прошнурована; записи идут на всех 58 страницах, судя по записям видно, что тут записывались и взрослые мужчины и женщины, очевидно в порядке поступления в секту; каждый лист разделен на 10 граф с печатными заглавками их, в коих указывается № по порядку, мужского или женского пола, имя и отчество, место происхождения, место рождения, год рождения по мусул[ьманскому] летоисчислению, месяц рождения, год рождения по христианск[ому] летоисчислению, число рождения.

2. Такая же книга под № 1, в которой записи идут на 92-х страницах.

3. Книжка в переплете и вложенная в [л. 56об.] нее тетрадь с татарскими записями. На книжке имеется надпись на русском и татарском языках о том, что это метрическая книга для мусульман Ваисовского Божьего Полка. Книги разделяется на три отдела. Первый отдел – о родившихся, второй – о разводящихся и третий – посемейные списки. В первом отделе записей нет, во втором записана одна страница и в третьем 44 страницы. Судя по именам, записи касаются жителей Закаспийской области, в посемейном списке указаны год рождения по христианскому летоисчислению. В тетрадях заключаются записи посемейных списков староверского общества мусульман с указанием годов, по-видимому, рождения.

4. Книга в переплете под заглавием метрическая книга № 3, содержащая в себе вслед за присяжным листом на татарском языке на верность службе Императору Александру III от имени Багаутдина Ваисова и с приложением его двух печатей на русском и татар[ском] языках, следуют записи 7 лиц, вступивших в секту Ваисова, с указанием места их происхождения и христианского года принесения присяги на службу Ваисову; записаны следующие лица: Хабибуррахман Абдул Джаббаров, Тимиргалей Зайнуллин, Мухамед Гирей Мухамед Шакиров, Абдулла Исмаилов Кильдишев, Ярулла Гайфуллин, Насибулла Мухамед Садыков и Ахмет Гариф [л. 57] Шагиахметов, при чем они значатся вступившими в 1906, 1907 и 1908 годах.

5. Книга в переплете, заглавие на второй странице "Для записи мусульман староверского общества", содержащая в себе вслед за указанным в пункте 4-м присяжным листом на верную службу Императору Александру III от имени Багаутдина Ваисова – записи родившихся на 82-х страницах с указанием занятий каждого как-то "человек ученый", "торговый", "ремесленник", "земледелец", "кочевник" и места происхождения, а именно г. Казань, Оренбург, Симбирск, Астрахань, Томск, Закаспийская область, Уфа, Пермь, Уральск, Витебск, Тобольск, Акмолинская область и Семипалатинская область. Всего записано 82 номера[618], но определить время вступления в секту по записям нельзя; в означенных номерах записано всего: мужчин 183 души и женщин 137, при чем записи эти касаются не только детей, но и взрослых сектантов.

6. Книга в переплете под заглавием "Книга для записи с понедельника 28 Апреля 1908 года бумаг и писем, входящих в Мусульманскую Академию и магометанское Духовное Собрание". Последняя запись 11 Февраля 1909 года. В числе записей обращают на себя внимание записи писем с деньгами (переводов): 1) 15 мая 1908 г. 6 руб. от Гарифуллы Тухватуллина; 2) 27 Мая – 20 руб. из Тобольской губ. от Юсуфа Кашкаева, 3) 5 Июня – 2 руб. от Галимджана за казначейскую квитанцию; 4) 7 Июня – 8 руб. из Николаевска перевод по телеграфу; 5) 30 Июня – 7 руб. из [л. 57 об.] Иркутска от Мухамед Шакира; 6) 5 Июля – 6 руб. ст. Серебрянская от муллы Фируша; 7) 4 Сентября – 12 руб. из Андижана от Шихабутдина; 8) 16 Июля – 3 руб. из Иолотани от Идриса; 9) 28 Июля – 9 руб. из Андижана от Шихабутдина; 10) 2 августа – 8 руб. из Андижана; 11) 2 Августа – 10 руб. из Серебрянска от Фируша; 12) 20 Августа – 3 рубля из Андижана от Шихабутдина[619]; 13) 10 Сентя-

[617] Документ дан с незначительными сокращениями и с оригинальной орфографией.

[618] Зачеркнуто слово "человек" и сверху вписано – "номера".

[619] Здесь и далее имеется ввиду Ш. Сайфутдинов, который осенью 1908 г. находился в Средней Азии, преимущественно в Андижане.

бря – 12 руб. из Семипалатинска от Мухамеджана Мухамед Рахимова; 14) 15 Сентября – 4 руб. из Серебрянска от Фируша; 15) 15 Сентября – 3 руб. из Андижана от Шихабутдина; 16) 4 Октября – 7 руб. из Андижана (очевидно от Шихабутдина); 17) 6 Октября – 10 руб. 7 коп. из Иолотани от Ходжи Мухамет Азизан[620]; 18) 8 октября – 1 руб. из Мерва от Галимджана; 19) 25 Октября – 5 руб. 50 коп. от Нургалея; 20) 27 Октября – 21 руб. из Новой Казанки от Гилязутдина; 21) 27 Октября – 7 руб. из Татарского от Фируша; 22) 19 Ноября – 21 руб. из Серебрянской от Фируша; 23) 13 Декабря – 6 руб. из Плоцка от Мухаммед Садыка; 24) 17 Декабря – 27 руб. из Болотного [?] от Идриса; 25) 12 Янв[аря] 1909 года – 9 руб. из Андижана; 26) 31 Янв[аря] – 8 рублей из Серебрянска от Юсуфа Кашкаева; 27) 4 Февраля – 65 рублей из Серебрянска от Фируша; 28) Того же числа – 18 рублей от Иманбая из Серебрянской[621]. Из книги видно, что корреспонденция получалась из следующих мест – Астрахань, Петербург, Иолотань, Мерв, Андижан, Иркутск, Николаевск, Семипалатинск, Новая Казанка, Омск, Челябинск, Уфа, Самара, Чердынь, Екатеринбург, Ташкент, [л. 58] Плоцк, Мензелинск, Томск, Полтава, Варшава, Москва, Баку, Ходжент. Из записей видно, что Ваисов получал корреспонденцию между прочим от Ивана Федоровича Наживина и Льва Николаевича Толстого.

7. Книга в переплете под заглавием "Книга для записи всякого рода писем, прошений и др. бумаг, исходящих от Мусульманской Академии и Духовного Правления с 28 Апреля 1908 года". Последняя запись от 2 Февраля 1909 года. В числе записей значится и отметки о возвращаемых паспортах. Отправленные бумаги значатся за №№-ми "Книги известия" от 33.078 по 33.111. В книгу записаны как частные письма, так и бумаги, отправляемые должностным лицам и правительственным учреждениям; как-то – Волостным правлением, Губернское Правление, Полицейское Управление, Прокурору Окружного Суда, Томскому губернатору и пр. В книгу вложено два листа бумаги с татарскими записями имен мужчин и женщин староверского мусульманского общества с изложением просьбы их о присылке тетрадей для записи членов Об[щест]ва. На полях написано рукой Сардара по-татарски: "просьба их исполнена 2 Мая 1907 года".

8. Переплетная книга для записи на татарском языке "лиц, которым выдано Гинанутдином Багаутдиновым Ваисовым свидетельства" с 26 Марта 1906 года [л. 58 об.] по 21 Февраля 1909 года, с указанием места жительства означенных лиц. Всего заполнено записями 23 страницы идет нумерация этих лиц от № 1 до № [нрзб.]. Местожительства указаны: г. Казань, Казанская губ., Сибирь, Челябинск, г. Самара, Сахалин, Мерв, Тобольская губ., Томская губ., Семипалатинская и Акмолинская обл., г. Томск и пр.

[620] Газизян Ваисов

[621] На полях в конце дописано карандашом – 318 руб. с коп.

9. Переплетная книга для записи входящих бумаг на татарском языке, полученных от должностных лиц и правительственных учреждений за 1906, 1907 и 1908 года, с подписью Гинанутдина Ваисова, в ответ на его заявления и прошения, при чем указаны №№ этих последних, а именно 12.290, 33.056, 33.059, 33.061, 33.062–33.066, 33.073–74-67-74; ответы значатся – от Самарской Казенной Палаты, Военного Министра, Лаишевского Уездного Воинского Управления, Казанского Губернатора, Мирового судьи г. Казани, Оренбургского губернатора, Казанской Казенной Палаты, Ташкентского Военного Губернатора, Симбирского Губернатора и пр.

10. Переплетная книга неизвестного лица для записи расходов на татарском языке деньгами и вещами; записи касаются домашних расходов с 1869 г. по 1 Сентября 1897 г.

11. Переплетная книга для записи лиц, принесших присягу, с указанием полученных с них денежных сумм: "от Тимиргалея Зайнуллина купца за 10 душ 15 рублей, от Мингаутдина [л. 59] Тазутдинова земледельца за 10 душ 7 руб. 50 коп., от Салахутдина Гимадуддинова земледельца за 6 душ – 1 р. 50 коп., от Нургалея Тимиргалеева купца – 100 рублей; Шарафутдина Мухтарова купца за 4 души 6 рублей, от Шарафутдина Мухтарова за 4 души 6 рублей[622], от Тимиргалея Зайнуллина купца за 10 душ 12 рублей, от Нурмухаммеда Мухамеджанова за 3 души 9 рублей, от Ахмеджана Мухамеджанова за 2 души 6 рублей и от Давлетши Тимиргалеева за 1 душу 3 рубля". Спустя 11 страниц на пяти страницах идут другие записи с именами лиц, принесших присягу и заплативших деньги, но не сполна. […[623]]

[л. 60] 12. Переплетная книга формата в ¼ листа с заголовком "Книга для записи бумаг и прошений, отправляемых в разные места Мусульманской Академией". На первых 5 страницах идут записи на татарском языке отправлений с 9 Марта 1905 г. по 29 Февраля 1908 г. писем простых и заказных, бандеролей и посылок. Чрез 7 страниц имеется следующая запись по-татарски: "В субботу 10 числа Зильхуджи 1323 г. в части г. Казани называемой Новая Слобода при молитве Мусульманской академии поднят священный флаг Ислама, который да пребудет на лице земли до скончания века, старанием и содействием [л. 60об.] сардара спасительного отряда благородного потомка Мухаммеда и сеидов Ходжи Мухаммед Гинануддина Багауддинова Эль Булгари и в присутствии нижеследующих лиц – Гизетуллы Хамидуллина, Мухамед-Галея

[622] Так в самом тексте фраза повторяется дважды.

[623] Пропущена часть текста в виде 2-х таблиц с данными о взносах в рублях в 1906 и 1907 годах

Байрам-Алеева, Хуснуддина Хусаинова, Абдулхамида Абдулмеджанова, Халилуллы, Хабибуллы Загидуллина, Абдуллы Гизетуллина, Абдулладжана Абдулхамидова, Шаххором Валея Мухаммед Галеева, Файзурахман Гатауллина, Ходжа Мухаммеда Фахруддина Багауддинова[624]. Итак, знамя Ислама, будучи поднято, развевается к небу. Аминь".

Через 2 страницы следует запись 1906 года 12 поверенных Ваисова: "1. Шихабуддин Сайфуддинов, 2. Мухамет Галей Байрам Алеев, 3. Хуснуддин Хусеинов, 4. Нурмухаммед Мухамедджанов, 5. Мухамед Юсуф Файзуллин, 6. Сибгетулла Нагметуллин, 7. Гильман Абдулфаизов, 8. Ахмеджан Мухамед Галеев, 9. Хайруддин Валиуллин, 10. Ахмет Гирей Мухаммедшин, 11. Ибрагим Зайнуллин и 12. Мубарекша Гадельшин". При каждой фамилии стоит эпитет "Аль Булгари".

Через 15 страниц на 3-х страницах по-русски помещены адреса разных лиц. Затем следует по-татарски перечень лиц за 1905 и 1906 гг. с отметкой суммы денег полученных с них […[625]].

[л. 62 об.] 13. Такого же формата в 6 листов писчей бумаги не переплетенная тетрадь. На первой странице записано количество экземпляров, разосланных в 1907 г. и озаглавленных "Джавахири Хикмети Дервишан". Из записи видно, что всего разослано 938 экземпл[яров], из которых 18 Апреля 800 экземпляров послано "Дедушке Нурмухаммеду".

Через одну страницу следует татарская запись: "1907 года 8 Апреля от Мухамед Галея поступило 2 р. 60 к.

10 Апреля от него же 1 р. и от Абдуллы Измаилова 1 рубль

Того же числа от Гизетуллы Хамидуллина 1 р. 50 к.

11 Апр[еля] от Абдуллы Измаилова 2 рубля.

15 числа за 3 штуки получено 80 копеек.

29 Апр[еля] от Мухамед-Галея 1 рубль".

Через 2 страницы следует татарская запись: "От Нурмухаммеда из 2000 "Хикмет" 1-й и 2-й части вернулось 1170 экземпляров".

[л. 63] В Самаре за Джелялетдином осталось 100 "Хикмет".

Также 200 экземпл[яров] осталось в Челябинске у Галяуддина[626].

За 30 экземп[ляров] "Хикмет" я получил 6 р. денег".

На следующей странице такая запись на татарском языке: "26 Апреля 1907 года Абдулле Измаилову 2-й части выдано 50 экземпл[яров]".

Гизетулле Хамидуллину 2-й части 1000 экземп[ляров]. Ему же 1-й части 200 экземпл[яров]. Мухаммедгалею Байрамгалееву 2-й части 20 экземп[ляров]. 18 Апреля выдано Нурмухаммеду Мухаммеджанову 1-й

[624] Газизян Ваисов.

[625] Оставшаяся часть протокола (л.61–64) содержит записи денежных переводов от конкретных лиц, суммы, полученные за свидетельства или данные в долг, а также суммы, уплаченные владельцу дома Гизетулле Хамидуллину за аренду дома под молитвенный дом и мусульманскую академию. Данная часть текста опущена.

[626] Вероятно, имеется в виду, Галяутдин Ваисов

части 800 экземп[ляров]. 14 Сентября Нургалею Тимиргалееву выдано 200 экземп[ляров]. Всего на 24 рубля, считая каждую часть по 12 рублей. Эта запись относится, очевидно, к последнему, Нургалею Тимиргалееву.

"Еще за 30 экземп[ляров] по 12 коп[еек] 3 р. 60 коп[еек]. 14 Сентября Измаилу Шамсуддинову выдано 200 экземп[ляров] на 24 р., по 12 р. каждая часть".

Через одну страницу такая запись на татарском языке: "За 2-ую часть "Хикмет" получено 1 р. 20 к. Кроме того 29 Апр[еля] за 2-ую часть с Мухаммедгалея Байрамгалеева получено 1 рубль".

Через одну страницу татарская запись: "28 Июля 1907 года Зайнулле Шакирзянову выдано 1-й и 2-й части "Хикмет" по 500 экземп[ляров], 12 коп[еек] каждый, [л. 63 об.] всего на 120 рублей".

Через 34 страницы татарская запись экземпляров "Хикмет", разосланных даром, но с указанием общей стоимости:

"22 Апреля Нургалею послано 50 экземп[ляров],

7 Апреля Газизулле Шарафуддинову 100 экземп[ляров] по 50 каждой части.

Того же числа Давлетше Гирею в Астрахань 50 экз[емпляров] по 25 экз[емпляров] каждой части.

21 Января 1908 г. в Томск Идрису Фахруддинову Абдулхаирову послано наложным платежом на 1 рубль 1-й и 2-й частей и деньги получены.

3 мая 1908 г. Давлетгирею Давлетшину выдано 200 экз[емпляров] 1-й и 2-й части по 15 к. каждый экземпляр, всего на 30 рублей и в Астрахань послано 20 экземп[ляров] по 20 коп. на 4 рубля" […[627]].

Документ № 62. 23–24.03, 1.04. и 4.04.1909.
НАРТ. Ф. 41. Оп. 13. Д. 3. Л. 65–71.

Протокол экспертизы

1909 года Марта 23 и 24 и Апреля 1 и 4-го дня И[сполняющий] д[олжность] Судебного Следователя Казанского Окружного Суда по особо-важным делам Шулинский, по делу о противозаконном сообществе, именующемся староверским сообществом мусульман Ваисовского Божьего полка, в присутствии понятых, чрез эксперта Профессора Казанского Университета Н.Ф. Катанова, производил осмотр разных печатных листков на татарском и др[угих] восточных языках и руко-

[627] Опущена последняя заключительная часть протокола, в которой указаны суммы, данные в долг (в среднем по рублю), а также иные расходы. Далее указаны исправления, сделанные в тексте переписчиком, и протокол заверен подписями судебного следователя, эксперта Н. Катанова и понятых.

писных тетрадей и черновиков на тех же языках из числа материала, найденного в квартире Гинануддина Ваисова, при чем оказалось:

I. Печатные листки и вообще печатный материал: 1) Корректура брошюр Кильдишева о Ваисове на татарском языке; 2) Объявление типографии Харитонова на том же языке; 3) брошюра Багауддина Ваисова 1880 года на арабском и татарском языках об исламе, дозв[олено] цензурою; 4) два экземпл[яра] листка, соч[инения] того же автора 1880 г. на персидском и татарском языках с цитатами из религиозных книг; 5) брошюра того же автора 1881 года на татарском языке в стихах об учении Ислама и Ваисова с молитвою за государя Александра III; 6) несколько листков из татарского сочинения о вере; и 7) корректурный оттиск [л. 65об.] 3-го выпуска татарск[ой] брошюры "Джавахири Хикмет" Гинана Ваисова, 40 стр. 8°, типогр[афия] А.Я. Сайдашева 1908 г., с зачеркнутыми 11 Марта 1908 г. членом Вр[еменного] ком[итета] по дел[ам] печати Н.Ф. Катановым листами, которые, по мнению Катанова, сказались неудобными для печатной брошюры[628].

II. Рукописный материал.

1) Три листка и 9 тетрадей на татарском и арабском языках духовно-литературного содержания, принадлежащих Багауддину Ваисову и сыну его Гинануддину; большая часть этого материала представляет черновики печатного сочинения Ваисова "Хикмет".

2) Пять черновиков метрических записей о бракосочетающихся на татарском языке за 1900, 1906, и 1907 гг. и два без обозначения года.

3) Написанное на русском языке разъяснение вероучения Общества мусульман староверов, написанные на имя Государя Александра Александровича от 13 Ноября 1885 г. за № 147, представляющее копию разъяснения, указанного в протоколе осмотра от 17 и 18 Октября 1908 г. (докум. 8), но с подписью по-татарски Багауддина Ваисова и с двумя печатями на русском и татарском языках, из чего видно, что осматриваемый документ послужил оригиналом для всех других подобных документов. Тут же приложено извлечение из этого разъяснения на татарском языке с двумя оттисками печатей того же Багауддина Ваисова с удостоверением в [л. 66] конце Гинануддина Ваисова на татарском языке.

4) "Святое заявление" за № 309 от 21 Ноября 1907 г. от имени "председателя сотрудника всего мира Шихабуддина муллы Сайфуддинова Аль-Булгари Ваисова на имя Государственной Думы на татарском и русском (на русском языке татарскими буквами)" языках, с подписью 12 поверенных, перечисленных в документе 6-м указанного протокола осмотра от 29/30 Октября и 3 Ноября 1908 г., за исключением Ахмеджана Мухамедалеева и Сибгатуллы Нагметуллина, вместо к[ото]рых указаны Бурхануддин и Загидулла Губайдуллины. В прошении описывается вероучение Ваисовцев, враждебное отношение гражданских властей с 1863 г. к Ваисову и ваисовцам и приносится жалоба на действие этих властей, кроме этого упоминается, что подобные же прошения подавались на Высочайшее имя.

[628] Подробнее см. документ № 53.

5) Заявление за № 243 от 27 Февр[аля] 1903 года от того же Шихабуддина муллы Сайфуддинова, живущего, как значится, "на остр[ове] Сахалин в г. Александровском в сумасшедшем доме". В заявлении он обращается к Богу за защитой против дьявола, затем излагает вероучение Ваисова и жалуется на то, что ни Ваисова, ни самого Шихабуддина [л. 66 об.] никто понять не хотел, а напротив всячески оскорблял; затем описывает как из Казани его привезли на Сахалин через Одессу и в заключении указывает, когда он о своих делах подавал святые заявления.

6) Неясный оттиск большого штемпеля с арабским, татарским и русским текстами и с изображением в верху трех серпов луны.

7) Черновик изложенных на татарском и арабском языках вероучения Ислама и Ваисовцев и удостоверения необходимости открыть Мусульманскую Академию в Казани с датой "9 Июля 1896 г." и с рисунком, изображающим 3 флага с арабским символом веры.

8) 9 черновиков частью литературных произведений, частью личных писем, заявлений в неоконченном виде.

9) Расписание предметов занятий в школе Ваисова от 26 Июня 1908 года.

10) Присяга на арабском и татарском языках на службу и верность Государю Александру III с клятвою быть другом его друзьям и врагом его врагам и повиноваться только Ему и Богу, также Мухаммеду и лицам, облеченным властью. Присяга подписана Багауддином муллою Хамзиным Ваисовым и снабжена его печатью на татарском языке. Дата не указана.

[л. 67] 11) Лист писчей бумаги с записью на татарском языке поступлений в Казначейство Ваисова: "Из Самары 13 Июня 1904 г. от Нурмухаммеда Мухаммеджанова за 3 души 9 рублей, в Казани от Мухаммедгалея Байрамалеева 3 рубля, и из д. Мулла Или[629] от Мингазуддина Сайфуддинова 1 рубль и Абдулшукура Абдуллатыпова 50 коп. Кроме того, поступило от последнего 200 скопов ржи, за 11 душ с него поступило 5 р. и остается 50 коп., поступило – гороху 3 ведра, чечевицы 4 ведра, полбы 50 скопов, ячменя 10 и овса один пуд; с Мингадуддина Сайфутдинова в казначейство следует за 8 душ 4 рубля, из которых получено только один рубль, остается 3, кроме того, от него поступило ржи 5 мер, немолотой 120 скопов, гороху 20 мер, чечевиц один пуд, овса 3 меры, гречи одна мера, пшеницы одна пудова и полбы 3 меры".

[629] с. Молвино Свияжского уезда Казанской губернии.

12) Проспект знамени с тремя флагами с серпами луны и пятиконечной звезды на концах древков, имеющийся в более полном виде на печатных бланках Ваисова; на этих листках написаны проспекты бланка заведения Ваисова на русском и татарском языках; к сему на отдельном листке приложен проспект большой печати на арабском и татарском языках, не имеющейся в числе найденных [л. 67об.] при обыске и содержащий следующие слова: в середине: "Он (т.е. Бог) ", на правом флаге: "Во имя Бога милостивого и милосердного. Нет другого Бога кроме единого и Мухаммед Пророк Его". Внизу "Сто тысяч воплей о правосудии. Кто убежит от Истинного Бога. Ты видишь, что нет у них веры. Славословимый и известный в настоящее время главарь спасительного отряда военных молитвенников, благодатный потомок Мухаммеда и сеидов, служащий нации и вере, сотрудник Ислама Ходжа Мухаммед Гинануддин сын скорбителя дервиша секты Накышбендие Багауддина Аль Булгари Ваисов".

13) Семнадцать листков метрических записей черновых о бракосочетающихся и родившихся и посемейных списков разных лиц, и одна запись проклятия одной женщине прелюбодейке. В числе семнадцати указанных документов имеется две с пометками о денежных получках. [...[630]]

[л. 68 об.] 17) Тетрадка с подписями и печатями разных лиц из числа последователей Ваисова с изложением их вероучения татарскими буквами на русском и татарском языках и с признанием Ваисова их Великим Начальником.

18) Тридцать пять черновиков прошений, заявлений и удостоверений Ваисова и последователей его на татарском языке на имя Государя, разных учреждений и должностных и частных лиц, именно: 1. – Императора Николая II за № 33.024, 2. – Петра Морозова с изложением вероучения Ислама и Ваисова, 3. – Императора Николая II за № 33.023, 4. – Мирового Судьи 3 уч[астка] г. Казани № 33.103, 5. – Мухамет Юсуфа № 33107, 6. – редакции газеты "Речь" в Петербурге, 7. – Турецкого Посланника в Петербурге, 8. – Императора Николая II (по-видимому, Телеграмма), 9. – последователей с жалобой на весь мир, 10. – муллы Халима Бурды, 11. – Гилядюддина Сагадуддинова, 12. – Ахметжана Мухаметалеева, 13. – последователей за № 33.095, 14. – Прокурора Казанского Окр[ужного] Суда № 33.094, 15. – последователей № 33.058, 16. – Военного Министра № 33.058, 17. – Директора Д-та Иностранных Вероисповеданий № 33.103, 18. – редактора газеты "Ульфет"[631], 19. – Казанского Губернатора № 33.051, 20. – муллы Галимджана[632], 21. – Ивана Федоровича Наживина, 22. – Казанского губернатора, 23. – Начальника Мервского уезда № 33.007, 24. – Его же за тем же №, 25. Императора Николая II, 26. – Императора Александра III от Багауддина Ваисова 1883 г. 1 августа, 27. – последователей № 33.096, 28. – Министра Юстиции от имени последователей Ваисова, 1906 г. 18 Дек[абря], 29. – Казанского [л. 69] губернского Правления № 33.105, 30. – Императора Николая II от имени последователей Ваисова, 31. – Полицмейстеру г. Иркутска № 33.014, 32. – Ваисова от Тимиргалея Гайнуллина на верность службы ему, 33. – Ваисова от разных лиц на верность службы, 34. – Ваисова от Ибрагима Зайнуллина 8 марта 1908 г.

19) Письмо Ваисова в редакцию Казанской татарской газеты "Тан Юлдузы" от 27 Июня 1906 г. за № 456 и черновик письма в ту же газету от неизвестного члена.

20) Черновик письма Ваисова № 33.057 в редакцию газеты Ахмеджана Сайдашева[633].

21) Четыре черновика произведений по мусульманскому богословию.

22) Резолюция Магометанского Духовного Управления староверского Общества г. Казани от 4 Ноября 1908 года по поводу присуждения 80 ударов кнутом Билялетдину Мухамед Рахимову из селения Аджи Симбульской вол. Курмышского у. Симбирской губ. за великое нарушение установлений ислама: намерение совершить блуд, при чем сказано, что 80 ударов кнутом могут быть заменены взносом в казначейство Ваисова ста рублей, под резолюцией подпись Билялюддина. К резолюции посредством медной кнопки присоеденено обязательство Билялюддина Мухамед Рахимова от 4 Ноября 1908 г. уплатить через 5 дней в Казначейство Ваисова сто рублей; под обязательством подпись Билялюддина. К этим документам приложена записка [л. 69 об.] о том, что за присягу и недельное пребывание в мусульманской академии следует получить 15 рублей, о чем следует помнить. Далее сказано: "Затем упомянутому Билялюддину из Мусульманской Академии имеет быть выдано свидетельство, а в Волостное Правление имеет быть отослан обратно крестьянский паспорт".

23) Связка разных документов: а) Прошение Биби Гайни Зямал Ваисовой и 7 женщин от 1 Авг[уста] 1890 г. на русском языке на имя Турецкого консула за № 384 по поводу страданий Багауддина Ваисова, б) прошение тех же лиц от Июля 1890 г., а также 40 других и 12 поверенных на имя Командующего войсками Казанского Военного округа

[630] Далее указаны имена жертвователей и суммы, поступившие в казначейство. Аналогичная информация содержится и в пункте 14. В пунктах 15–16 указаны имена людей, получивших свидетельства.

[631] Редактором-издателем газеты "Ульфят" (1905–1907) был Габдрашид Ибрагимов (1857–1944).

[632] Речь идет, вероятнее всего, о Галимджане Баруди.

[633] Газета "Баянелхак" (1906–1914) издавалась и редактировалась Ахметзяном и Мухаметзяном Сайдашевыми.

№ 383 по тому же поводу на рус[ском] языке, в) заявление № 308 Гизетуллы Хамидуллина на имя Казанской Городской Управы 10 Ноября 1907 г. на татарском и русском языках татарскими буквами, г) заявление 12 поверенных и Шихабуддина Сайфуддинова[634] от 29 Окт[ября] 1907 г. на имя Казанской казенной Палаты на татарском языке[635], д) заявление за № 306 от 2 Ноября 1907 г. на Имя Государя Николая II от 12 поверенных, е) заявление мусульманских поверенных на имя Казанского Губернатора № 302 на татарск[ом] языке, ж) второй экземпляр того же документа, з) заявление № 301 на татарском языке Шихабуддина Сайфуддинова и Хайруддина Валиуллина на имя Государя Николая II от 11 Июля 1907 г., в конце заявления заметка на татарском, что сардар отправился в Бухару 15 Сент[ября] в 7 часов вечера по Меркурию, и) заявление № 50 на татарском языке от разных лиц неизвестно на чье имя, за подписью Багауддина Ваисова от 1886 г., 3 Янв[аря], і) заявление на русском [л. 70] и татарском языках, переписанное 19 марта 1893 г., от имени Багауддина Ваисова, неизвестно на чье имя, с изложением его страданий, к) черновик литературного произведения на татарском языке Багауддина Ваисова 1885 г. 25 Декабря, в котором тоже заключаются жалобы на страдания его.

24) Печатная брошюра на арабском и татарском языках под заголовком "Шараитуль Иман" (Катехизис), напечатанная с дозволения цензуры 1880 г. в Казани в Университ[етской] типографии на счет Багауддина Ваисова, снабженная 4-мя оттисками его печати одной на русском и 3-х на татарском языках и штемпельным оттиском канцелярии Ваисова, на заглавном листе рукописная заметка гласит, что за книжку с исповедующих ислам имеет быть взыскаем 1 рубль, и не признающим ислама она никоим образом не продается. Книжка содержит 32 стр. 16°, при чем на стр[аницах] 31 и 32-й от имени Багауддина Ваисова помещена на татарском языке молитва о здравии и благоденствии Государя Александра II и с прибавлением в конце книги татарских слов: "обращающие на этой брошюре будут спасены от неурядиц времени"; на обложке имеются карандашные пометки: "в г. Петербург мы прибыли 9 Марта в воскресенье утром в 8 часов и встречены Мухамед-Юсуфом и Гильманом. Адрес: С.-Петербуг, Московская часть, 3-й уч., д. № 15, Разъезжая ул., кв. 49" и в другом месте: [л. 70 об.] "1908 года Марта 5 дня в 5 часов отправился я из Казани в путь в г. Петербург… 6 Марта вечером в 7 ½ час. Снова я в пути по направлению к Петербургу". В эту книжку вложены: 1) две квитанции Казанского Казначейства от 16 Июня 1907 г. и 5 Июня 1908 года о взносе Сардаром феркаи наджия Ходжа Мухаммед Гинануддина Багауддина Оглы Ильбулгари Ваисовым каждый раз по одному рублю государственного поземельного налога по 8 коп. с десятины, и 2) свидетельство за

[634] Имя и фамилия Ш. Сайфутдинова особо подчеркнуто карандашом.
[635] Слова "на татарском языке" вписаны вверху документа.

№ 160, заменяющее паспорт, на имя Сардара Гинануддина Багауддинова Ваисова и его семьи 1-й жены Биби Сайран Гайнуддиновой, наследника сотрудника всего мира Абдул Ахада, наследницы Биби Умма Гульсум и 2-й жены Биби Гайши Гатауллиной, на свидетельстве имеется подпись и печать Гинануддина Ваисова и оттиск штемпеля его заведения. Свидетельство это значится прописанным: 11 Окт[ября] [1]907 г. за № в Мервском Городск[ом] Полиц[ейском] Управлении, 5 Августа 1907 г. на Нижегородской ярмарки в 7-м уч[астка], в Петербурге 14 Марта 1908 г. в Спасской части 4 уч[астка] и владелец свидетельства записок проживающим в доме № 24 по Крюкову каналу и отмечен находящимся на службе; 28 марта 1908 г. в Московской части 1 уч[астка] г. Петербурга, владелец свидетельства записан проживающим в доме № 73 по Невскому проспекту и показан состоящим на службе; 10 Марта 1908 года в Литейной части 2 уч[астка] и владелец свидетельства записан проживающим в доме № 108 по Невскому просп[екту] и показан состоящим на службе, и в Москве 14 Февр[аля] 1909 года Тверской [л. 71] части 2 уч[астка] и владелец свидетельства записан проживающим в доме № 17 и показан проезжающим.

25) Свидетельство за № 160, заменяющее паспорт на имя Мухамедши Мухаррамова Оглы Булгары с женой и дочерью, в каковой вложен лоскуток писчей бумаги с татарской записью следующего содержания: "С Мухамедши Мухаррамова за 3 души к господину сардару в казначейство имеет быть вручено конечно согласно ниже приведенному распределению всего 10 рублей, именно: присяга 3 рубля, жертва 3 рубля, свидетельство 1 руб., Хикмет (книга вероучения) – 1 руб. и копия сведений 2 рубля".

26) Резолюция на татар[ском] яз[ыке] от 4 Марта 1907 г. о присуждении Гаджабкемали, жене Бикмуллы Мухамеджанова, 33 ударов кнутом за дурную жизнь с мужем, с ее подписью и подписью Ваисова.

27) Копия от 23 Авг[уста] 1907 г. на татар[ском] яз[ыке] с акта о разводе Гинануддина Ваисова с женой его Биби Сайран Гайнуддиновой и перечень ее вещей; другой экземпляр такой же копии. На той и другой копии имеются подписи ее и двух свидетелей.

28) 4 экземпляра черновых записей на русск[ом] и татар[ском] языках.

[…] За экспертизу желаю получить вознаграждение Эксперт Н. Катанов[636].

[636] Последняя фраза написана рукой Н.Ф. Катанова, а весь текст – рукой двух переписчиков. 6 апреля профессору Н.Ф. Катанову за проведенную экспертизу на протяжении более чем тридцати часов в течение 14, 17, 18, 21, 23 и 24 марта, а также 1 и 4 апреля, было заплачено вознаграждение в размере 24-х рублей. См.: НАРТ. Ф. 41. Оп. 13. Д. 3. Л.71 об.

Документ № 63. 19–28.03.1909.
НАРТ. Ф. 41. Оп. 13. Д. 3. Л. 72–77об.

Протокол экспертизы

1909 года Марта 19, 20, 21, 23, 24, 25, 26, 27 и 28-го дня И[сполняющий] д[олжность] Судебного Следователя Казанского Окружного Суда по особо-важным делам Шулинский, чрез эксперта Учителя русского класса при Медресе Старо-Татарской слободы гор. Казани Гайнуддина Назмуддиновича Ахмарова и в присутствии понятых, производил осмотр писем на татарском языке, найденных в квартире Гинануддина Ваисова, из которых содержания имеющих для дела значение приведена в сем протоколе вкратце.

Всех писем и документов, по подсчету, оказалось 1158 экземпляров. Из этого числа имеющими для дела значение оказались следующие:

1. Письмо Ваисова Гинануддина к Рахманиазу, без даты и конверта, в коем просит прислать 500 руб., присовокупляя, что крайне нужно хоть 300 руб., при чем упрекает, что отстает от истинного пути и даже не пишет ему; деньги просит передать брату Хозя Мухаммед Газизу для пересылки ему.

2. А) Письмо от Рахманиаза к Ваисову от 30 Марта 1904 г., в коем просит простить его, что денег еще не нашел среди туркмен, но с Божьей помощью на днях может быть найдет и пришлет; Б) Письмо от него же от 25 Мая 1905 г. из Иолотани с сообщением о посылке сорока рублей в счет просимых 300 р. и другое письмо без даты от него же с уведомлением, что 300 руб. вышлет в половине Ноября; В) Тоже от него же о присылке 50 руб. [л. 72об.] с обещанием прислать еще 64 руб. Из письма видно, что Рахманиаз состоит старшиной и сборщиком казенных податей в Иолотани.

3) Письмо из Ишимского у. Тобольской губ[ернии] от Тимиргалея Зайнуллина Альбулгари за 1905 г.; пишет о посланных 5 руб. Ваисову и прилагает бумагу на татарском языке, которую просит Ваисова послать от своего имени в Тобольскую Казенную Палату. Письмо вложено в конверт с адресом на имя "Императорского Молельного Дома Мактеб Гирфан, т.е. Мусульманской Академии, канцелярии духовного отца Ваисовского Божьяго Полка Староверского Общества мусульман".

4) От него же письмо к Ваисову за 1905 год с вложением 3-х руб. и с упоминанием о ранее присланных 5 и 6 руб. и с просьбой молиться за него.

5) Денежное письмо за 1905 г. на 3 руб. по тому же адресу, упоминается, что деньги собраны от нескольких лиц.

6) Письмо за 1904 г. по адресу Ваисова в г. Мерв от Нурмухамета Мухамедзянова из Самары с просьбой не упоминать в письмах о посланных деньгах, так как письма попадают в руки хозяина.

7) Письмо за 1902 г. от него же по тому же адресу о посылке 3 р.

8) Тоже от него за 1902 г. о посылке 3 руб.

9) Письмо к Ваисову от брата его Галяутдина из дер. Биденьги Симбирского у[езда] семейного характера, но на письмо приложен оттиск каучукового штемпеля и печати "Сотрудник всего мира духовного отца Ваисова наследника Худжа Мухаммеда Галяуддина Хамзина Ваисова".

10) Письмо от одного из последователей Ваисова к нему из Андижана от Декабря 1908 г. с упоминанием об одном русском человеке, принявшем мусульманство и желающим присоединиться к их [л. 73] обществу, к письму приложено два прошения, судя по почерку одного и того же лица; одно прошение значится от мещанина г. Баку Николая Виссарионовича Либермана, при чем последний упоминает об отсылке Ваисову своего паспорта за № 2322, просит ходатайствовать пред начальством о выключении его из метрических книг православного исповедания и зачислить в Ваисовский Божий Полк. На этом прошении наложена резолюция 18 Дек[абря] 1908 г. "удовлетвореть его просьбы на уснавании святой коранельмизид и шаригат Мухаммад зачислена в Ваисовский староверский мусульманской Об-ва с выдачею мусульманской документа. Сардар Ваисов"; другое прошение значится от Абдурахмана, в коем последний, называя Ваисова добрым пастырем, сообщает, что он плакал от радости, получив его привет и что Бог [нрзб.] дней удостоив счастья с ним в одну веру и что удостоился благословения Ваисова; в конце пишет, что в том, что он, Ваисов, печется о своем стаде, он убедился из его, Ваисова, истинно апостольских посланий; оба прошения на русском языке.

11) В конверте с адресом Ваисова в Мерв и с датой на оттиске почтового штемпеля от 4 Апр[еля] 1903 г. вложены следующие документы: а) Два заменяющих паспорт свидетельства за № 160, б) два листа писчей бумаги без текста, но с оттисками печатей Багауддина Ваисова, в) приговор на татарском языке за подписью 30 человек кр[естья]н д. Биденьги об избрании брата Ваисова Гаяна Ваисова муллою и г) прошение на [л. 73об.] татарском языке на имя сардара Ваисова об утверждении Гаяна Ваисова муллою.

12) Денежное письмо на 18 руб. за 1909 г., в письме упоминается, что деньги собраны с разных лиц; тут же приложено два паспорта на имя киргиз за №№ 3 и 410; в письме приписка по-русски, что за паспорт за № 410 прилагается один рубль и что в Мектеб гирфан киргиз [нрзб.] посылает один рубль.

13) Письмо Ваисова к жене Биби Хатыме в Мерв за 1903 из Асхабада.

14) 23 письма Ваисова в Мерв из Асхабада к жене Биби Хатыме с Марта по Октябрь 1903 г., из них видно, что писаны они Ваисовым из Асхабадской тюрьмы, что содержание их касается разных просьб, както о высылке денег, вещей, ходатайств о переводе в Мервскую тюрьму и пр. и что в селении Иолотань был молитвенный дом ваисовцев, к[ото]рый закрыт и запечатан полицией.

15) 7 писем от мачехи и братьев Ваисова из дер. Биденьги Симбир[ской] губ. к Ваисову в Мерв и Иолотань по разным семейным делам и вообще частными делам. Во всех этих письмах ничего имеющего значения для сего дела не имеется.

16) а) Письмо к Сардару Ваисову, в Иолотань за Июнь 1907 г. из Казани от жены Ваисова Биби Сайран; в письме последняя упрекает Ваисова, что уехал от нее потихоньку к молодой жены, что доказал последний факт, не сказав ей об этом, что он присвоил себе звание Сардара секты Фиркаинаджия, а поступает [л. 74] с нею несправедливо; и сообщает, что оставаться с двоими детьми в Казани без него она не может, а поэтому приедет к нему; б) подобного содержания другое письмо.

17) В конверте с адресом на имя Сардара Ваисова в гор. Казань и с датой на оттисках штемпелей за Июнь и Июль 1908 г. вложено два письма из Мерва, из коих одно от жены Ваисова Биби Гайши, а другое от ее сестры Биби Фатыми и мужа последней Рахманиаза; в письмах содержаться упреки Ваисова в том, что он, женившись на Биби Гайше, уехал в Казань и уже 8 месяцев не приезжает и не дает на содержание, хотя ее обязан содержать также, как и казанскую жену.

18) А) Письмо к Ваисову от Биби Гайши, из коего видно, что Биби Гайша живет в Иолотани у Рахманиаза (муж сестры ее) и что Биби Гайша сообщает, что если Ваисов не приедет к ней, тогда не может оставаться в Иолотани и уедет к семье зятя в Убу; Б) от нее же с упреками, что Ваисов бросил ее и не дает на содержание и просьбой о присылке 25 р. денег, В) и Г) от нее же за Февраль и Март 1908 г. с подобными же упреками.

19) а) Письмо в Казань к Ваисову от Ноября м-ца 1908 г. от Мухамед Шакира с жалобой на Челябинскую полицию, не принимающую Ваисовских свидетельств взамен паспортов и с просьбой дополнить свидетельства сведениями о семейном положении и приложить к ним печать полиции; к письму приложен паспорт за № 668 на имя Мисалима Миннибаева и заменяющее паспорт [л. 74об.] свидетельство Ваисова за № 160 на имя Мухамед Шакира Мухамед Латыфа; б) письмо от него же, в котором он благодарит Ваисова за свидетельство, присланное ему на звание Мухтасиба (старшее духовное лицо у магометан, вроде благочинного) и сообщает о присылке 7 рублей; в) от него же от 1907 г. о присылке денег от разных лиц за свидетельства.

20) а) Три денежных письма в Казань к Ваисову от разных лиц – на 10 р., на 10 р. и на 6 руб., из писем видно, что деньги посылаются за свидетельства и за присоединение к секте Ваисова и что ранее было послано Ваисову 46 р. и 40 руб.; б) 20 денежных писем – на 1 р., 3 р., 1 р., 4 р., 5 р., 10 р., 15 р., 25 р., 3 р., 25 р., 3 р., 10 р., 25 р., 10 р. (конверт без письма), 21 р., 8 р., 8 р., 1 р., 1 р., 12 р. и 15 р., – деньги за присягу, свидетельства и пожертвования.

21) Жалоба на имя Сардара Ваисова от имени Шихабудди́на Газы (военноначальник, главнокомандующий) от 4 Марта 1907 г., в коем просит, чтобы Ваисов, как Государь Ваисовцев, сделал распоряжение, чтобы собирающиеся в его, Ваисова, доме женщины не оскорбляли его, не подстрекали бы против него жену его, Шихабуддина, высказывая, что он старик и что на Сахалине у него остались 2 русские жены, которые приедут к нему сюда, и чтобы Ваисов разрешил ему с женой уехать в другой город.

22) Письма из разных мест и от разных лиц, в коих упоминается о посылке денег в казначейство Ваисова: а) о 13 руб. за копию сведений, за присоединение к секте и за души […[637]].

[л. 75об.] 23) Письмо от Мая 1908 г. по адресу канцелярии Сардара Ваисова от Мухамедши Мухамед Рахимова из Николаевска Приморской области, в коем Рахимов благодарит Ваисова за присылку указа на звание муллы, за свидетельства и др. документы, просит прислать метрические книги и печать муллы.

24) В конверте с надписью по-татарски адреса Ваисова и отпечатанных по-русски текстом "Член и поверенный Староверского Об-ва мусульман Ваисовского Божьего полка Габдулла Исмагил Оглы Болгари" вложена визитная карточка последнего с написанной карандашом просьбой о присылке кружки для сбора денег в Ваисовскую Государственную казну.

25) Письмо в канцелярию Ваисова от Зайнуллы Гайнуллина из Томской губ. с жалобой на постановление Томского Генер[ал]-Губернатора о высылке двоих ваисовцев в административном порядке и с приложением копии означенного постановления, из коей видно, что два означенных лица высланы за подстрекательство инородцев к неплатежу податей и неповиновению властям.

26) а) Письмо к Ваисову от солдата Мубаракши Гадельшина из Сперкевице, в котором пишет, что по совету сардара [л. 76] он уклоня-

[637] Далее перечисляются имена и размеры сумм денег, присланных в канцелярию Ваисова, в т.ч. за август и сентябрь 1908 г. Ш. Сайфутдиновым с просьбой о разрешении ему собирать пожертвования.

ется от исполнения солдатских обязанностей и его за это судили, при чем на суде он "все титулы свои" говорил громогласно и просил, если виноват, донести самому Царю, но однако его присудили на 2 года в дисциплинарный батальон; далее пишет, что если он умрет, то будет мучеником, а если останется жив, то сделается непобедимым военноначальником и что, пока душа в теле, он без приказания Ваисова ничего делать не будет; б) его же открытое письмо и в) его же письмо.

27) Письмо Ваисова к Мухамед Рахиму в Томскую губ. от Мая 1908 г. с уведомлением о получении от него 80 руб. денег, а также о том, что просимых свидетельств не послал, так как желающие получить таковые не занесены в книги Мактеб Гирфан.

28) А) Письмо от Мухамед Юсуфа к Гинануддину Ваисову от Мая 1907 г., в котором упрекает Ваисова за то, что он присвоил себе звание Имам (мулла), каковое ему не принадлежит, а имамов, которые были назначены его отцом Багауддином он, Гинануддин, не признает, а далее пишет, что Ваисов не должен довольствоваться одним званием сардара, а прибавить к таковому титул "Сотрудник всего мира"; Б) Его же письмо к Ваисову [л. 76об.] за 1908 г. на 16 страницах, в котором он упрекает Ваисова в разных обманных действиях из корыстных целей, в злоупотреблениях с последователями и вообще некрасивых поступках.

29) Четырнадцать писем от Шигабуддина Сайфуддинова, который именуется званием "Газы" (военноначальник) к сардару Ваисову за 1908 год. Из писем видно, что Шихабуддин является главным агентом Ваисова в Средней Азии и особой доверенностью уполномочен им на сбор денег и присоединение в их секту, что частью этих денег пользуется он сам, а остальное отсылает в Казань, сардар же содержит его семью в Казани. В одном письме пишет об одном сосланном в Сибирь, который приехал в Андижан, но властям не показывается, так как не имеет разрешения на отлучку, и к[ото]рый присоединился к их секте и дал 4 рубля на свидетельства. В другом письме просит разрешить приехать в Казань из Закаспийской области для личных переговоров о делах того края и для успеха миссий, так как писать об этом нельзя; упоминает также о сборе и посылке денег.

30) Три письма к Ваисову за Октябрь, Ноябрь и Декабрь м[еся]цы 1908 г. от троих солдат Аминева, Шарипова и Хусеинова из Новогеоргиевской крепости. А) В одном письме [л. 77] сообщая о получении от Ваисова письма и 2-х книг "Хикмет", пишут, что хотя в Новогеоргиевске находится 1000 человек солдат из мусульман, но при всем их старании они не могут привлечь кого-либо из них в секту Фиркаинаджия и спрашивают совета, как они должны поступать и какие доказательства приводить для привлечения в секту, а также уведомить, каким образом она освобождает своих последователей от солдатчины и какие свидетельства выдает; Б) в двух других письмах сообщают о получении от него письмо и еще 2-х книг и просят о присылке Устава Ваисова и всех других документов.

31) Два напоминания Ваисова Абдулхамиту Сагитову и Нижмаддину о недоимках, в коих сказано, что они должны внести в его Государственное казначейство следуемые с них за 1323 год по мусульманскому летоисчислению первый 6 рублей за 3 души, а второй – по 2 рубля с души.

32) А) Письмо Тимиргалея Зайнуллина за 1905 г. о присылке 36 р., одного рубля и 25 рублей Ваисову; при письме приложен лист бумаги с изложением истории ссылки его, Тимиргалея, в Сибирь; в письмах он просит, чтобы Ваисов хлопотал о возвращении на родину в Казанскую губернию. Б) тридцать штук [л. 77об.] прошений на имя Гинануддина Ваисова от имени разных лиц с жалобами на действия разных должностных лиц.

Кроме того, за этот период времени осмотрено еще триста писем, содержание которых для дела значения не имеет.

Экспертиза продолжалась в течение – 19 Марта 2-х часов, 20 Марта 5 часов, 21 Марта 2-х часов, 23 Марта 3-х часов, 24 Марта 4-х часов, 25 Марта 8 часов, 26 Марта 7 часов, 27 Марта 6 часов, 28 Марта трех часов.

[…] За произведенную экспертизу желаю получить вознаграждение Гайнетдин Ахмаров[638].

Документ № 64. 1–21.04.1909.
НАРТ. Ф. 41. Оп. 13. Д. 3. Л. 79–87об.

Протокол экспертизы[639]

1909 года Апреля 1, 2, 3, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 13, 14, 15, 17 и 21 дня И[сполняющий] д[олжность] Судебного Следователя Казанского Окружного Суда по особо-важным делам, Шулинский, по делу о противозаконном сообществе именующемся староверским об[щество]м мусульман Ваисовского Божьего Полка, чрез эксперта учителя русского класса при медресе Старо-Татарской слободы г. Казани Гайнеддина Назмуддинова Ахмарова, в присутствии понятых, продолжал производить экспертизу, начатую 19 марта сего года, именно просмотр писем и других бумаг на татарском языке, найденных в квартире Гинануддина Ваисова, при чем в данном протоколе письма, имеющие для дела значе-

[638] Написано рукой В. Шулинского, понятых и Г. Ахмарова.

[639] Документ дан в оригинальной орфографии и с незначительными сокращениями.

ние, заносились по нумерации, составляющей продолжение нумерации в протоколе, начатом 19 марта и оконченном 28 марта.

33) А) Письмо к Ваисову от Шихабуддина Сайфуддинова от 4 Дек[абря] 1908 г. из Самары, с подробным сообщением об аресте живущего в Самаре последователя Ваисова Зеляледдина, у к[ото]рого жандармы сделали обыск и отобрали бумаги, книги и 2 кинжала, и с просьбой, чтобы сардар послал телеграмму в Жандарм[ское] Управл[ение] о немедленном освобождении Зеляледдина, как члена Божьего Полка; Б) Письмо от него же от 27 Сент[ября] 1908 г. из Андижана с сообщением [л.79об.] о присоединении в подданство Ваисова одного русского, который служил офицером и приставом, но принял магометанство, женился на сартянке, называется Абдурахманом и присоединился заочно к секте Ваисова; Шихабуддин просит прислать ему свидетельство без денег, так как он имеет большое знакомство среди русских и сартов и может влиять на богатых людей, и высказывает уверенность, что этот русский будет истинным последователем, как Морозов; затем сообщает, что один из путешественников ходжа из Андижана, побывавший во всех государствах, человек, известный султану и воевавший в Судане в рядах армии Махди, узнав о святости Багауддина Ваисова от Махди, принял подданство Ваисова заочно и просит свидетельство, но деньги хочет уплатить после; Шихабуддин советует выслать свидетельство в долг, так как этот ходжа знает, каким образом можно завлечь сартов в секту Ваисова; далее пишет, что многие желающие присоединиться к секте сомневаются, может ли свидетельство сардара заменить заграничный паспорт, и сообщает о присоединении еще 5 человек и о присылке 7 руб. денег Ваисову, а также о 3-х главных муллах, принявших подданство Ваисова, но еще не внесших деньги. Подписано письмо "Шихабуддин Газы" (военноначальник); В) От него же из Андижана от Сентября 1908 г., сообщает о своей деятельности по присоединению к секте Ваисова, что все ишаны и муллы охотно присоединяются; что есть много богатых, из коих у одного 13 миллионов, [л. 80] что все секреты края он разузнал, что тамошний народ подобно овцам следует один за другим и что необходимо, чтобы он, Шихабуддин, жил там постоянно, как уполномоченный сардара; в конце сообщает, что просимые сардаром 2000 руб. надеется там собрать; Г) Его же от того же Сентября с уведомлением, что объехал города Андижан, Коканд, Наманган и Ташкент и вся Ферганская область присоединяется к их секте, что свидетельства их продаются и Ташкентский полицмейстер сам подписал свидетельство, но что пожертвований нет; просит особых свидетельств для казыев и тысячников, и для приставов особые заявления и тогда в каждом городе надеется собрать по несколько тысяч; Д) Его же от того же Сентября с сообщением, что какой-то ишан обещал собрать деньги

и собирается в Казань, и с советом Ваисову обращаться с ним мягко, вежливо, не упоминать о кнуте, так как при этих условиях их всегда можно уловить в сеть; затем сообщает о 15 руб., полученных от 3-х нагаев[640] в Намангане; Е) Его же от Октября 1902 г. к Ваисову с Сахалина с сообщением о присоединении к секте Петра Морозова, жены его Марфы и дочерей Татьяны и Анны, а также о том, что он, Шихабуддин, женился на Татьяне Морозовой, бракосочетание совершил сам он, что все они держат уразу, не признают начальства и закон, не снимают шапок в присутственных местах и исполняют [л. 80 об.] пятикратную мусульманскую молитву, затем просит прислать им свидетельство и книгу об условиях веры.

34) Прошение на имя сардара Ваисова от киргиза Мухамед Галея Ибрагимова с сообщением о присылке сардару 9 рублей денег и с жалобой на действия назначенного Ваисовым муллы Файруши, который постоянно ругает всех бранными словами, называет неверными, оскорбляет молодых и старых, женщин и детей; и с просьбой сменить Файрушу, заменить его кем-либо из скромных учеников и с предупреждением, что если Файруша останется, то все киргизы от него убегут и бросят свидетельства; сообщает также, что из собранных для Ваисова 24-х рублей Файруша удержал себе 4 рубля.

35) Письмо к Ваисову от Окт[ября] 1908 г. от Гилязетдина Сагаддудинова с сообщением о присылке 61 руб. и с запросом о том, могут ли они, проживающие в Новой Казанке Астраханской губернии, не входящей в состав Булгарской земли, торговать по свидетельству сардара без торговых документов, и что если могут, то многие присоединятся.

36) Письмо Гинануддина Ваисова к Мухамед Юсуфу и Гильману на бланке его с литографированным изображением башни Сумбеки и развалин Булгара, очевидно написанное в ответ на письмо Мухаммед Юсуфа, указанное в пункте 28 протокола, начатого 19 Марта и конченного 28 Марта; в письме говорится [л. 81] о вреде разлада между ними, а также о том, что они неправильно считают себя имамами мусульман и истинными последователями Багауддина Ваисова, при чем предлагается отказаться от их притязаний пока и действовать заодно с ним.

37) Письмо от 16 Мая 1907 года к Ваисову от Мухамедзяна Гумерова из Томска, в письме говорится, что Ваисов в рассылаемых печатных объявлениях восхваляет своего отца Багауддина, именуя его Багауддином Накшбандие, при чем называет развратниками и ответственными пред Богом тех, которые не почитают его отца и не следуют за ним, но, говорится далее, это все обман и сам Багауддин был обманщиком и развращал невежественный народ, а он, Гинануддин, исправляя учение Багауддина, хочет возвысить его до степени святого и страдальца за веру

[640] Ногай – так в Средней Азии именовали казанских татар.

и, значит, он, Гинануддин, такой же обманщик, а также обманным образом берет за свои бумаги и свидетельства, стоящие 2 коп., по 25 рублей. К письму приложен экземпляр печатного на зеленой бумаге объявления Гинануддина Ваисова на татарском языке (печ[атано] в типогр[афии] Каримова), в котором говорится о святости и страданиях за веру Багауддина Ваисова и о его сочинении; из рукописной надписи на объявлении по-татарски видно, что объявление [л. 81об.] было послано в Томск; письмо и объявление вложены в конверт с почтовым штемпелями "Томск" и "Казань" и "доплатить 14 к.", так как письмо было послано без марки; на конверте надпись самого Ваисова по-татарски "письмо присланное от развратника и безбожника. Бог его накажет по уставу Корана".

38) Письмо Ваисова от 28 Дек[абря] [1]908 г. на имя имама Ахмет-Шакира Хабибуллина, написанное, как видно из текста, в ответ на письмо от 11 Декабря; в письме излагаются правила поступления в его секту, говорится, что в секту принимаются люди всех национальностей, что принимающие его подданство выходят из сословий и у них остается лишь звание "мукмин" (истинно верующий) и "мусульманин" (правоверный), что по принятии выдаются особые свидетельства, чтобы можно было путешествовать во всех странах мира, что с поступающих взимается, смотря по состоянию каждого, пошлина за принятие подданства, которая расходуется на истинные пути, так как их истинное общество день и ночь имеет расход на бумаги, перья и чернила; далее пишет, что брат Ахмет-Шакира Ахмет-Хараз должен за принятие его подданства внести сто рублей, по получении коих беспрепятственно будут посланы документы.

39) Письмо Гин[ануддина] Ваисова к Сагадуддину без даты, в котором говорится, что пишется письмо по просьбе [л. 82] Шихабуддина Газы, к[ото]рый, возвращаясь с Сахалина, виделся с Сагадуддином и передал ему, Ваисову, желание Сагадуддина принять его подданство; далее поясняется, что в XIII веке по мусульманскому летоисчислению, по повелению Бога, послан был в качестве Халифа всего мира дервиш Багауддин Булгари, чтобы распространить свет Ислама по всему миру и завоевать весь мир по уставу Корана, и Багауддин в течение 45 лет вел жестокую войну с врагами Бога всего мира; следовать по пути Багауддина обязательно и Корану и желающие идти по истинному пути должны подавать заявление в его, Ваисова, Магометанское Духовн[ое] Управление, а от него, Сардара, выдают документы, как доказательство пред проклятыми неверными того, кто он такой; затем сообщает, что скоро начнется постройка нового здания Мусульманской Академии и Автономного Дух[овного] Управления, на каковую постройку постановлено вначале израсходовать 100000 рублей, и это будет крепостью и

защитой для мусульман всего мира, при этом уведомляет, что подписка и сбор пожертвований на это открыта у него и просит Сагадуддина принимать жертвы.

40) Четыре денежных письма к Ваисову от разных лиц за 1907 г., одно на 3 р., другое на 20 руб., третье на 6 руб. и четвертое на 5 руб. и два отрезных купона и перевод за 1908 г. Ваисову по почте 3 р. и 20 к. и 31 рубля.

41) А) Письмо от Ибрагима Зайнуллина [л. 82 об.] к Ваисову в Петербург за Май 1908 г. с извещением о получении денежных переводов всего на 77 руб., из числа каковых 55 р. послал в Петербург ему, а 22 р. заплатил за его [нрзб.]; в письме Ваисова называет "нашим султаном и сардаром" и сообщает о присоединении к секте доверенного от кр[естья]н дер. Кудашевой, который дал 2 рубля за присоединение и обещал уговорить общество.

42) [...[641]] Б) от Ахмета-Гарея Мухамедшина от Марта 1908 г. с сообщением, что они, последователи Ваисова, условились ежемесячно жертвовать на содержание семьи Ваисова и Мектебе Гирфан всего 7 или 8 руб. и уже передали его, Ваисова, доверенному Гизетулле 22 рубля. В) к Ваисову в Петербург из Казани от жены Биби-Сайран за Март 1908 г. с сообщением, что на его имя прислано переводов на 82 руб. и с просьбой прислать доверенность на получение денег. Г) К нему же в Казань из Царского Села от Лукмана Гайнеддинова от Апреля 1908 г. с извещением, что на его имя в Царское Село в Северную Гостиницу прислано всего 80 рублей. Д) к нему же от старшего брата его Галяуддина из Челябинска с сообщением о проезде через Челябинск последователя Ваисова Мухамед-Юсуфа, который очень обижен был, что он, Ваисов, присвоил себе деньги, присланные на имя его, Мухамед-Юсуфа, а также о том, что, по словам Юсуфа, из Сибири никто Ваисову присылать денег не будет и что он, Юсуф осуждает жену Ваисова, так как она развращает всех последователей. Е) Письмо Ваисова к последователю Тимиргалею в Тобольскую губернию за 1906 г. с извещением о поднятии в Казани знамя ислама и об устройстве на его канцелярии большой вывески на русском и татарском языках.

[л. 83об.] 43) Письмо к Ваисову от Хабибуллы Ибрагима из Самары за 1907 г. с просьбой дать разрешение на соборные моления по пятницам; при этом Ваисов называется "Султаном, Государем и хозяином Шаригата всех мусульман".

44) Копия духовного завещания Багауддина Ваисова, оставленного им жене Биби-Гайше Зямал и сыновьям Салахуддину, Галяуддину, Гайнанеддину, Мухамед-Гаяну и Газизян Фахреддину, точно такая

[641] Часть текста перечеркнута переписчиком протокола.

же, какая указана в протоколе экспертизы профессора Катанова от 6 и 7 Апреля[642].

45) Список последователей Ваисова в Андижане и Ферганском крае за 1908 г. в количестве 23 человек.

46) На перегнутом вдвое полулисте писчей бумаге с оттиском штемпеля Императорского Молитвенного Дома и с датой 7 Ноября 1905 г. написано по-татарски, что Рахманиаз Бикмухамедов из Иолотани пожертвовал в Государственную Ваисовскую казну для посева хлеба землю в количестве 10 танап[643] до смерти жертвователя; этот документ подписан Рахманиазом Бикмухамедовым и Гинануддином Ваисовым. Далее следует следующая запись о пожертвовании же с доходов от хлеба, овощей и плодов: [л. 84] "За 1904 г. 600 р. получено. Всего за прошлый год 224 р., еще 129 р. 50 к., всего 393 р. За нынешний год всего 211 р. 50 к." и далее следующая запись: "100 р. получено, всего следует 603 р. 50 к., остается еще 503 р. 50 к., получено 249 р."

47) Документ о разводе Гинануддина Ваисова с женой Биби-Сайран Гайнеддиновой от 16 Мая 1907 г. и копия с этого документа; подлинный документ подписан Биби-Сайран и Ваисовым; в разводной сказано, что Ваисов отдает жене одного мальчика и одну девочку.

48) На листе почтовой бумаги большого формата с оттиском и штемпелем Императорского Молитвенного Дома и др[угих] учреждений Ваисова и с датой от 23 Февраля 1909 года по-татарски написано Ахмед-Гиреем Мухамедшиным и подписано им, свидетелем Ибрагимом Зайнуллиным и сардаром Гинануддином Ваисовым обязательство Мухамедшина в том, что если он на имеющийся у него выигрышный билет выиграет 200.000 р., то жертвует на успех дела секты Ваисова 150.000 р., если выиграет 100.000, то жертвует 50.000 р., если выиграет 50.000 р., то жертвует 25.000 р., если выиграет 40.000, то жертвует 20.000 и до 10.000 р. включительно только жертвует половину выигрыша.

49) Письмо от Шихабуддина "Газы" (Сайфутдинова) из Казани [л. 84об.] к Ваисову в Иолотань от Ноября 1907 года. В письме Шихабуддин упрекает Ваисова, что он, не заботясь о том, чтобы Государственная Дума узнала об их секте, живет в Иолотани из-за пустых доходов с мельницы, затем, указывая на то, что отцу его, Багауддину, от Ишана Джагфара 2-го было приказано, чтобы он не выезжал из Казани, упрекает, что Ваисов убежал из Казани, чтобы добывать деньги в Иолотани, между тем как их можно было добывать и в Казани; далее, упрекая, что Ваисов вызвал его с Сахалина, где им, Шихабуддином, на их дело было положено много стараний, и что не слушает его советов, предлагает отказаться от звания сардара, если не приедет в Казань, так как он только губит их дело и не обращает внимания на жалобы, которые шлют к нему его последователи; упрекает, что Ваисов получил из Волостного Правления крестьянский паспорт, между тем как отец его ввел вместо паспортов копии сведений и не велел от гражданских властей брать никаких паспортов, что и исполняют его последователи, которые не ходят по тому развратному пути, как он, упрекает, что Ваисов в прошлом году получил торговое свидетельство, чего не [л. 85] должен был делать, а в этом году своим последователям, по примеру его, Шихабуддина, не велел брать этих свидетельств и даже написал в Казенную палату, что не будут платить за это деньги; упрекает также, что Ваисов на Нижегородской ярмарке приклеил к своему свидетельству марку, чего также нельзя делать; говорит, что вообще слова Ваисова не согласны с его делом и что он, Ваисов, поступает безнравственно, проповедуя наказание розгой даже для людей, преданных их делу; упрекает, что Ваисов, когда он, Шихабуддин, поступил в услужение к Хайреддину, написал к последнему, из зависти к нему, Шихабуддину, письмо, что будто бы он, Шихабуддин, проклят Богом, причиняет всем обиды и называет людей проклятыми, говорит, что если бы Ваисов не был завистником и невеждою, то не вызвал бы его обманным образом с Сахалина и прелагает подальше спрятать свой кнут и брать таковой не своей рукой, а законом Шаригата; заявляет, что Ваисову никогда не удастся вытеснить его, Шихабуддина, с пути его отца, так как этот путь ему, Гинануддину, не принадлежит, а если он это сделает, то не будет не только сардаром, но и мусульманином; угрожает, что если Ваисов будет [л. 85об.] продолжать поступать также безнравственно, то они, ваисовцы, будут судить его самого; упрекает, что Ваисов не обрезывает усов, бреет бороду, носит крахмаленные воротнички и по внешнему виду похож на француза, а время проводит в еде, питье и лени; заявляет, что Ваисов любит только одних богатых и вообще очень корыстолюбив и высказывает, что если бы у него, Шихабуддина, было много денег, то он бы купил его, Ваисова; затем зовет приехать в Канцелярию или же отказаться от звания сардара, упрекает далее и в том, что там, в Иолотани, все время покупает женам платья и ичеги и вообще много тратит денег и таким образом деньги, добытые путем неразрешенным, тратит также на путь неразрешенный; говорит, что калым тех женщин, которые стоят в одной степени с его женой, равняется 2 р.60 к., а сам дал имущества на 300 руб.; упрекает, что он поступает не так, как велит поступать сво-

[642] См. документ № 24.

[643] Танаб – единица земельного надела, мера поверхности, распространенная в Средней Азии. Согласно Е.А. Давидович, используемые в разных областях Азии танабы различались своей площадью весьма существенно. В справочнике приведено, по меньшей мере, шесть вариантов среднеазиатского танаба, размерами от 400 кв. сажен (примерно 1/6 десятины) до 900 кв. сажен. Наиболее часто встречающиеся размеры – 375, 400, 600, 625, 900 кв. сажен. См.: Давидович Е.А. Материалы по метрологии средневековой Средней Азии. – М., 1970. – С. 125–130.

им последователям, говоря им, что если имеете две одежды, то одну продайте и пожертвуйте на их путь (т.е. секту Ваисова), вознаграждение же ждите от Бога; упрекает [л. 86], что у него, Ваисова, кто сардар, кто секретарь, кто старший министр, вообще много разных громких званий, а людей, действительно старающихся для дела, топчут ногами; упрекает, что обещал привезти в Мактаб Гирфан учителя, а вместо того внес смуту, а слова оказались ложью и на проезд израсходовал и сейчас расходует много денег, добытых несправедливым путем; упрекает, что Ваисов со своими министрами ходит в европейском платье, и, забывая о религии, мочатся стоя; он поднимает смуту с женой и тратит на это много имущества; далее высказывает, что если Ваисов отречется от всего этого и будет стараться, то останется сардаром, но при этом просит не ходить впредь при пустых званиях сардара, секретаря и старшего министра, а если будет оскорблять братьев словами "розга" и "проклятый", то будет сам подлежать наказанию розгами, и добавляет "мы отрежем твою голову". В конце упрекает, что Ваисов по секрету от всех некоторым последователям шлет значительные денежные суммы и сообщает, что в отсутствие Ваисова поступило много писем из Сибири и, между прочим, от Морозова, сын которого сделался мусульманином и просит прислать [л. 86об.] свидетельство; требует, чтобы приехал Ваисов скорее и принимался за дело.

50) Письмо от него же к Ваисову, от Января 1908 года. Заключает в себе советы, которые нужно писать на всех бумагах, именно полный титул такой "Всемирное Государственное Молитвенное здание Мактеб Гирфан, т.е. Мусульманская Академия и Автономная Верховная Власть и Управление, Канцелярия духовного отца сардара Ваисова староверского Общества Мусульман Ваисовского Божьего Полка"; затем сообщает, что многократно слышал от самого Багауддина, что он велел заместителя своего именовать "Наш он Великий Начальник Божьего Полка", т.е. иными словами в словах "Начальник Божьего Полка" заключается святость; что касается слова "сардар", то сардаров очень много и это слово в арабском языке означает полководец, а потому обязательно нужно упоминать "Начальник Ваисовского Божьего Полка" и если бы это было не нужно, то "покойный наш Государь" (т.е. Багауддин Ваисов) писал бы о себе только сардар; далее поясняет, что Начальник Божьего Полка один на 18.000 миров и старше ангелов, сначала Бог, [л. 87] а за ним Начальник Божьего Полка, т.е. Государь, поставленный Богом и пророком, сардаров же есть тысяча тысяч; сардар Фиркаинаджиа одна часть тоже самое, но русские этого не понимают; далее говорит, что Багауддин был послан Богом проповедовать религию среди русских на их языке; из дальнейшего содержания письма видно, что Ваисовцы ожидают вторичного явления в мир Багауддина Ваисова, т.е.

воскресения его и что его Государи всех стран признают и посадят на трон. В конце письма дается совет Ваисову требовать дела Багауддина от Царя, всегда иметь в виду Государя Багауддина и ссылаться на него и добавляется: "я, бедняк, очень любил Государя Багауддина и потому и тебя очень люблю и останусь при этом мнении до смерти".

Содержание всех остальных писем и разных документов особого значения для дела не имеет. Экспертиза производилась по 3 ч. ежедневно в означенные числа кроме 5 Апр[еля], когда производилась 4 ч. […[644]]

Эксперт учитель русского [л. 87об.] класса при медресе Старо-Татарской слободы г. Казани Гайнетдин Назмуддинов Ахмаров.

За произведенную экспертизу желаю получить вознаграждение. Учитель Гайнетдин Назмуддинов Ахмаров[645].

Документ № 65. 28–30.04.1909.
НАРТ. Ф. 41. Оп. 13. Д. 3. Л. 130–140.

Постановление[646]

1909 года Апреля 28/30 дня И[сполняющий] д[олжность] Судебного Следователя Казанского Окружного Суда по особо-важным делам Шулинский рассмотрел дело о противозаконном сообществе, именующемся староверским обществом мусульман Ваисовского Божьего полка, нашел:

В 1862 году, в гор[оде] Казани, среди татарского населения возникла религиозная секта, получившая название староверского общества мусульман Ваисовского Божьего полка, основателем которой был крестьянин дер. Молвиной Свияжского уезда Багауддин Хамзин Ваисов. Выдавая себя за наместника пророка Мухамеда и духовного главу магометан, он основал в Казани в Ново-Татарской слободе молитвенный дом мусульман староверов и училище, при чем учил своих последователей не признавать никаких гражданских законов и властей и не подчиняться их распоряжениям. Когда в 1884 году Пристав 5-й части Разумов явился к дому Багауддина Ваисова для заарестования его, то последний со своими последователями оказал вооруженное сопротивление, но все же он был заарестован, а молитвенный дом его был закрыт. За оказанное полиции сопротивление последователи [л. 130об.] Ваисова были сосланы в Сибирь, а сам он, по надлежащим обследовании был признан Ка-

[644] Далее указаны исправления по тексту, сделанные переписчиком и подпись следователя.
[645] Последние два предложения написаны рукой Г. Ахмарова.
[646] Документ дан в оригинальной орфографии и полностью.

занским Окружным Судом душевно-больным и заключен в Окружную Лечебницу, где и умер в 1892 году.

Долгое время после того секта эта в Казани не проявляла активной деятельности и только в 1905 году после Манифеста 17-го Октября сын умершего Багауддина Ваисова Гинануддин Ваисов в Ново-Татарской же слободе вывесил над своей квартирой большую вывеску, на которой было написано, что в этом доме помещается: "Всего мира Государственный Молитвенный Дом, Автономное Управление, канцелярия сардара Ваисовского Божьего Полка" и "Мактеб-Гирфан, или Мусульманская академия", и над дверью дома повесил маленькую вывеску с надписью: "Дом нации и религии. Сардар спасительного отряда благородный потомок Мухаммеда и Сеидов Ходжа Мухаммед Гинануддин сын скорбящего дервиша Багауддина Аль-Булгари"; по мусульманским же праздникам стал вывешивать зеленый флаг, называемый им "флаг Ислама" (проток[ол] эксперт[изы] от 14 по 21 Марта), длиною в 6 ½ аршин, с изображением серпа [л. 131] луны и пятиконечной звезды с текстом религиозного содержания.

На собраниях, которые устраивал Ваисов в этом доме, он, изображая из себя муллу, проповедовал, что мусульмане последователи его должны подчиняться только верховной духовной власти его одного, как потомка пророка и болгарских ханов, но ни в каком случае не должны подчиняться гражданским законам и административным и судебным властям, а также не должны признавать Оренбургское Магометанское Духовное Собрание и вообще татарское духовенство, как подчиняющееся власти гражданской, не должны идти в солдаты, платить какие бы то ни было законом установленные подати и налоги, за исключением введенного им государственного поземельного налога по 8 коп. за десятину земли и не должны пользоваться законом установленными паспортами. У каждого вступающего в секту он отбирал паспорт и выдавал от себя особое свидетельство на право проживания и передвижения по государствам всего мира, отобранные же паспорта он отсылал при особых извещениях в Волостные Правления, давая им знать, чтобы указанное в паспорте лицо не числить впредь в крестьянских списках, так как это лицо сделалось членом староверского общества мусульман Ваисовского Божьего Полка и потому не принадлежат ни к какому сословию и [л. 131об.] национальности. Последователей своих за их проступки он судил сам, приговаривая провинившихся или к штрафу, или к кнуту, при чем телесному наказанию подвергал в своем же доме. У себя Ваисов устроил особое казначейство, в которое последователи должны были вносить по 1 руб. с каждых получаемых 40 руб. и кроме того установлены были особые платежи за заменяющие паспорт свидетельства, за копии бумаг, за его брошюрку и еще особый налог, при чем размер денежных сборов

зависел от усмотрения Ваисова и состоятельности последователя. Помимо того на устраиваемых им по пятницам собраниях, во время которых он, изображая муллу, читал молитвы, он делал особый сбор, размер которого зависел от усмотрения каждого присутствовавшего.

Все это установлено из показаний свидетелей Пристава Разумова, муллы Иманкулова, Шагимарданова и Шагидуллина (т. 1 л. д. 114, 119, 121 и 122 об.) и подтверждено осмотром и экспертизой разных документов (т. 1 л. 39, 42, 44, 51, 69, 92, 99 и пр.).

Свидетель Кильдюшев, выйдя из членов означенного общества, написал особую брошюрку на татарском языке под заглавием "Западня [л. 132] Гайнана Ваисова", в которой описал учение и деятельность Ваисова, направленную к доходящему до деспотизма возвеличиванию самого себя, подстрекательству к неповеновению гражданским законам и властям и главным образом к извлечению разными способами от своих последователей возможно большего количества денег, за которые щедрым деятелям обещает райские награды; на основании долгих наблюдений и личного опыта Кильдюшев убедился, что всё учение Ваисова и вся его деятельность – один сплошной обман из корыстных побуждений (л.д. 33 и 108 т.1).

При обыске квартиры Гинануддина Ваисова, состоящей из верхнего и нижнего этажей, в первом оказалось жилое помещение для него с семьей и его канцелярия, а в нижнем молельня и школа, при чем в канцелярии его кроме оружия (револьвер, отточенные кинжалы, сабля и тесак), вышеуказанного зеленого флага (две вывески были сняты полицией ранее) и двух кнутов, была найдена масса материала, с несомненностью доказывающего наличность организованного сообщества под главенством Гинануддина Ваисова, как то: 3-ри металлические [л. 132об.] печати и 12 штемпелей "Государственного Молитвенного Дома, Автономного Духовного Управления, Мектеб Гирфан, т.е. Мусульманской Академии и сардара Ваисовского Божьего Полка Гинануддина Ваисова", метрические книги для записи родившихся, бракосочетавшихся и умерших членов староверского общества мусульман Ваисовского Божьего Полка, печатные бланки сардара и указанных выше его учреждений, бланки заменяющих паспорт свидетельств, книги с записью членов означенного общества с указанием рода занятий каждого и места происхождения (всего занесено 183 мужчин и 137 женщин), книги для записи получаемой и отсылаемой корреспонденции, книги с записями денежных поступлений от последователей Ваисова, отрезные купоны от денежных переводов, очень большое количество разных прошений от имени сардара Гинануддина Ваисова и 12 поверенных ислама и свыше тысячи штук писем на имя сардара Ваисова и его учреждений частью на русском, и в большинстве на татарском языке.

При обыске Ваисов заявил, что разрешения на право открытия молитвенного дома и школы, а равно на право [л. 132] хранения оружия не имеет, так как, по его мнению, разрешение это зависит только от Бога (л.д. 4, т. III).

Из приложенной к делу справки видно, что Гинануддин Ваисов с ходатайством о регистрации староверского общества мусульман Ваисовского Божьего Полка не обращался (л.д. 63, т. I).

Осмотром и экспертизой всего найденного у Ваисова материала вполне подтверждается справедливость показаний о секте Ваисова и его деятельности вышеуказанных свидетелей. В так называемых "Всеподданнейших святых докладах" и в прошении на имя Председателя Совета Министров, подаваемых от имени сардара Ваисовского Божьего Полка и 12 поверенных Ислама, разъясняется, что мусульмане Ваисовского Божьего Полка считаются потомками древних булгарских ханов и наследственными земельными собственниками Булгарских земель (при слиянии Камы с Волгой), что Ваисов ведет свой род от потомков пророка Магомета, а потому является духовной главой магометан, что для них необходима полная автономия, самоуправление и независимость от правительственных властей, что их должно освободить от отбывания воинской [л. 133об.] повинности, так как они призваны охранять Государя и родину лишь святыми молитвами, освободить также от всех налогов кроме поземельного по 8 коп. за десятину, каковой налог они считают для себя обязательным в силу договора, заключенного их предками с Царем Иоанном Грозным, что им должно разрешить открывать мектебе и медресе (школы) и издавать газеты и книги по усмотрению сардара. В других прошениях, как-то: на имя Воинских Присутствий, Казанской Палаты, Прокуроров и пр. Ваисов жалуется на действия властей и притеснения ваисовцев, разъясняя, что последние ни в каком случае не должны отбывать воинскую повинность, выправлять торговые свидетельства, пользоваться паспортами, платить налоги и подати и что должностные лица и места к его последователям должны обращаться не иначе, как чрез него, Сардара Ваисовского Божьего Полка. Из переписки о неприведении в исполнение решения Косяковского Волостного суда видно, что Ваисов решений Суда не признает, то же самое видно и в отношении Мировых Судей. Из переписки по поводу уклонения от воинской повинности [л. 134] Нагумана Мухаррама Шаги Мухаммедова усматривается, что последователи Ваисова действительно уклоняются от отбывания воинской повинности, а из целого ряда найденных паспортов разных лиц, извещений Ваисова и друг[их] переписок видно, что последователи Ваисова совершенно не признают паспортов, препровождая их обыкновенно Ваисову. Равным образом имеются переписки, из коих усматривается, что последователи Ваисова не выправляют торговых документов и не платят податей; между прочим, из копии постановления временного Томского Генерал-Губернатора видно, что несколько человек последователей Ваисова подвергались административной высылке за подстрекательство к неплатежу податей и неповиновению властям (л.д. 44, 50, 75об., 100 т. III,; л. 16, 17 об., т. II; л. 70 об., 95 и пр. т. I).

Все это, в связи с целым рядом писем и прошений к Ваисову от его последователей с жалобами на действия властей по разным поводам, с ходатайством о командировании поставленных им мулл, о присылке последних метрических книг и печатей, с просьбою о разрешении вступить в брак и проч., служит неопровержимым доказательством того, что [л. 134об.] последователи Ваисова фанатически преданы ему, строго следуют его предписаниям, не признают гражданских властей, не платят налогов, кроме введенного Ваисовым, не признают законов, признают лишь тех мулл, которые присланы Ваисовым и все это делают, очевидно, на почве глубокой веры в его посланничество и святость его дела (л.д. 72об., 73, 74 об., 75 об., 77, 79, 80, 82 об., 84 т. III).

Веря в него, они рабски подчиняются его решениям, что лучше всего видно из резолюций его от 4-го марта 1907 года и 4 Ноября 1908 года, а также из двух актов о разводе самого Ваисова с женой Биби Сайран от Мая и Августа 1907 года; в резолюции от 4-го Марта 1907 года говорится о присуждении сардаром жене Бикмуллы Мухаммедзянова Габжабкемали 33 ударов кнутом за дурную жизнь с мужем, а в резолюции от 4 Ноября 1908 года – о присуждении Билялюддина Мухаммед Рахимова к 80 ударам кнутом за намерение совершить блуд, но с заменой последнего наказания взносом в казначейство сардара ста рублей, причем в последнем документе имеем расписки Билялюддина в том, что обязывается внести сто рублей чрез пять дней; что касается актов о разводе, то видно, что Ваисов разводил себя с женой сам (л.д. 69, 71 т. III).

Из так называемого "Установления о казначействе военных молитвенников", составленного Ваисовым, усматривается, что последователи его обязываются беспрекословно во всем повиноваться сардару и приносить на верность ему особую присягу, а жалобы все подавать не иначе, как чрез него (л.д. 95об., т. III).

Приписывая себе происхождение от пророка Мухаммеда и какой-то недосягаемый ореол святости Гинануддин Ваисов считает, что и судить его какие бы то ни было русские суды не могут и во "всеподданнейшем святом докладе" высказывает, что если он окажется в чем-либо виновным пред Государем Императором, то судить его должен Бог, Верховный Духовный суд и Оттоманская Порта. Не добившись в России никаких особых прав, он в телеграмме на имя Турецкого Посланника жалуется на притеснения со стороны русских властей, обращается к

"Великому Султану покровителю Ислама" с просьбой защитить их и обратиться к европейским государям с предложением, чтобы с ними обращались справедливо (л.д. 44 и 52 т. III).

Почти в каждом прошении Ваисов возносит к Богу молитвы о здравии [л. 135об.] Государя Императора и высказывает, что ваисовцы обязаны повиноваться лишь Государю, но в виду распространения учения о неповиновении гражданским законам и властям, а также в виду обращения, как к последней инстанции, к Турецкому Султану, покровителю Имама с предложением даже вопрос о ваисовцах сделает предметом международного конгресса, является очевидным, что вся проповедь Ваисова о повиновении Государю Императору является пустыми словами и что Особа Государя Императора является для него вовсе не столь Священной, как он пишет в своих бумагах.

Наконец, имеется масса материала, служащего доказательством того, что все побудительная причина, весь импульс деятельности Ваисова является корысть, стремление обогатиться. Так, прежде всего, из книг Ваисова с записями получаемых с последователей денег, а равно из указанного выше "Установления о казначействе военных молитвенников" видно, что Ваисовым установлен целый ряд разных денежных сборов с его последователей в его "казначейство", как-то: 1) по числу душ с торговых людей по 3 руб., с ремесленников по 2 руб. и с земледельцев [л. 136] по 50 коп., причем в случае запоздания в уплате налагается двойной платеж; 2) за присягу (не менее одного рубля с каждого), 3) за копии сведений (не менее 2-х рублей с каждого), 4) за заменяющие паспорта свидетельства (не менее одного рубля с каждого), 5) за брошюрку его сочинения "Хикмет", стоящую не дороже 12 коп., не менее одного рубля, 6) пожертвования, размер которых, по видимому, зависит от усмотрения "сардара", но не менее 3 руб., 7) налог на доходы в пользу общества, а кроме того желающие вносили деньги на содержание "Мусульманской академии". Затем в книге для записи с понедельника 28 Апреля 1908 года бумаг и писем, входящих в "Мусульманскую Академию и Магометанское Духовное Собрание", значится, что с означенного числа по 11 Февраля 1909 года Ваисовым получено денежных переводов с разных мест Российской Империи всего более чем на 300 руб., а с осмотром отрезных купонов от денежных переводов установлено, что Ваисовым за 1908 год получено от разных мест по почте 481 руб. 7 коп. Помимо того масса писем с упоминанием о посланных деньгах, но не значущихся денежными, показывает большое количество поступающих к Ваисову от последователей денег. [л. 136об.] В этих же книгах и письмах имеются доказательства того, что Ваисов зорко следил за аккуратным взносом денег и в случае неаккуратности делал напоминания (л.д. 15об., 57, 58, 59, 60, 61, 62, 63, 69, 75, 77, 83, 95 об. т. III).

В письме к Рахманиязу Ваисов просит о присылке 500 руб. и не менее 300 руб., в письме к имаму Ахмет Шакиру Хабибуллину от 28 Декабря 1908 года пишет, что с брата Ахмет-Шакира Ахмет-Хораза за принятие его, Ваисова "подданство" следует получить сто рублей, после чего будут посланы все документы; в письмах к Наживину просит дать денег на покупку земли для образования колонии Божьих воинов и отослать это письмо к Льву Николаевичу Толстому, в указанной выше резолюции о присуждении наказания Билялюддину Мухамед Рахимову заменяет 80 ударов кнутом взносом ста рублей денег (л.д. 22, 69, 72 и 81 об. т. III).

В довершение всего нравственный облик Гинануддина Ваисова, по имеющимся в деле доказательствам, очерчивается в очень непривлекательном виде. В молодости, будучи по занятию мелким торговцем с лотка галантерейным товаром, он два раза отбыл наказание за кражи по приговорам [л. 137] Городского Судьи и Окружного Суда. Письма жены его Казанской Биби-Сайран и Закаспийской Баба-Гайши и Биби-Хатымы полны упреков в том, что он бросил их и не дает на содержание их и детей, при чем Биби-Сайран обличает его в присваивании звания "Сардара". Один из Ваисовцев Мухамед Юсуф упрекает его в том, что присвоил звание Имама, каковое ему не принадлежит, и не признает Имамов, назначенных его отцом Багауддином, а также упрекает Ваисова в разных обманных действиях. В письме от Мухаммедзяна Гумерова Ваисов и отец его Багауддин называются прямо обманщиками и развратителями невежественного народа и между прочим указывается на тот факт, что Ваисов свои свидетельства и бумаги "стоящие 2 коп." продает последователям по 25 рублей. Всего характернее в этом отношении письмо Шихабуддина Сайфуддинова, который, как видно из тех же писем, был последователем еще Багауддина Ваисова, затем сослан на Сахалин и в сравнительно недавнее время возвратился в Казань, и в настоящее время живет в Средней Азии и является главным агентом Ваисова по распространению [л. 137об.] его секты среди сартов и туркменов и уполномоченным его по сбору в их среде денег для Ваисова. В письме от Ноября 1907 года Шихабуддин делает Ваисову целый ряд упреков в том, что слова его не согласны с делом, именно, что проповедуя, чтобы последователи его не брали паспортов и не выправляли торговых свидетельств, сам он выправил паспорт и получил торговое свидетельство, что Ваисов не соблюдает законов шаригата, не подрезывая себе усы и брея бороду, так что по внешнему виду похож на француза, что Ваисов, проповедующий, что из двух одежд одну последователи его должны давать на нужды секты, сам любит людей только богатых и вообще очень корыстолюбив, что он деньги, добываемые неразрешенными путями, тратит на свои нужды и на жен и что он злоупотребляет

кнутом, который он должен брать "не своей рукой, а рукой Шаригата", а в конце высказывает угрозу, что если Ваисов не исправится и не займется делом сардара, то его самого будут судить и накажут розгой и даже отрежут голову. Затем по показаниям свидетелей, Ваисов, разъезжая на деньги, [л. 138] собранные с последователей, якобы по делам секты, нередко проводит время в кутежах. В подтверждении справедливости этих слов можно привести тот факт, что из писем проживающей в Коканде в номерах "Франция" Маруси Бурсничкиной видно, что Ваисов находился с ней в близких отношениях и занимался с ней совсем не святыми делами (л.д. 16, 73об., 74, 76, 81, 86, 120 об., 134 об., 137, 139 и пр. т. III).

Из целого ряда счетов можно видеть, что Ваисов (который, по словам свидетелей не имеет других источников дохода, кроме денежных сборов с последователей) занимается торговлей, делая иногда покупки на значительные суммы (л.д. 20об. т. III).

Большинство прошений и заявлений, подаваемых Гинануддином Ваисовым, подавались от имени его и 12 поверенных ислама. Функции их деятельности в точности не известны, но надо думать, что лица эти суть те представители спасительного отряда, о котором упоминается в вышеуказанном "Установлении о казначействе военных молитвенников", которые, как сказано в том документе, должны быть "в повиновении изволению господина главаря отряда". В "Установлении" сказано, что [л. 138об.] служение при казначействе, собираемые в нем суммы, и запись их поручается казначею мулле мусульманской академии, распоряжение же казначейством и вспомоществлениями предоставляется изволению главаря спасительного отряда; что касается 12 представителей, то они назначаются в казначейство с согласия дервишей спасительного отряда и господина главаря оного и, как сказано, должны относиться к казначейству с вниманием и старанием ради пользы общества мусульман. Так как все записи в книгах о приходе и расходе сумм велись самим Ваисовым, то очевидно, что он и был казначеем-муллой мусульманской академии; двенадцать представителей были следующие в 1908 году – Хуснуддин Хусаинов, Ахметгирей Мухамедшин, Ибрагим Зайнуллин, Хайруддин Валиуллин, Мухамет-Галей Байрам Алиев, Мубаракша Гадильшин, Ахметзян Мухамедгалеев, Шигабуддин Сайфутдинов, Нурмухаммет Мухаметжанов, Ходжа Мухаммет Мухамед Гаян, Ходжа Мухаммед Галяуддин Багауддинов и Сибагатулла Нигматуллин. Из числа этих лиц Ходжа Мухаммед Мухамед Гаян и Ходжа Мухаммед Галяуддин Багауддинов, как видно из дела, родные братья Гинануддина Ваисова (л.д. 43 об.).

При обысках у Хусаинова, [л. 139] Мухамедшина, Зайнуллина и Мухамедгалеева ничего особенного найдено не было, но были найдены

некоторые документы, указывающие с несомненностью на принадлежность их к староверскому мусульманскому обществу, чего впрочем, они и сами не отрицали (л.д. 6, 7, 8 и 9 т. III).

Обсудив все вышеизложенное следует прийти к следующим выводам:

1. Что Гинануддин Ваисов организовал под своим деспотическим главенством сообщество, дав ему название Староверского Общества Мусульман Ваисовского Божьего Полка и открыл исполнительный орган его под названием Автономное Духовное управление и канцелярия Сардара, при каковом открыл также школу и молельню под названием Мектеб Гирфан или Мусульманская Академия и Государственный Молитвенный Дом, при чем образовал особое, так называемое, "государственное" казначейство, назначив для поступления в него разные сборы со своих последователей и для содействия себе 12 человек так называемых "поверенных Ислама"; 2., что хотя он и прикрыл свою деятельность в данном случае желанием восстановить истинный ислам и вообще религиозной внешностью организованного им [л. 139об.] сообщества и исполнительного органа последнего, но является совершенного доходным, что он вовсе не религиозный фанатик, верящий в свое посланничество, а ловкий аферист, присвоивший себе звание верховного главы мусульман с единственной целью извлечения для себя материальных выгод из фанатически настроенных его учением невежественных мусульман, считающих его за истинного потомка Магомета; 3., что противозаконность означенного сообщества как с формальной стороны, так и по существу, не подлежит никакому сомнению, так как, во-первых, Ваисов не обращался к подлежащей власти с ходатайством о регистрации общества, а во-вторых, по учению Ваисова, последователи его не должны подчиняться обязательным для всех граждан законам и повиноваться законным распоряжениям или постановлениям властей, как то: не должны отбывать воинскую повинность, платить налоги и подати, выправлять торговые свидетельства, пользоваться паспортами, подчиняться судебным решениям и проч.; 4., что приданная Ваисовым означенному сообществу и его проявлениям внешняя религиозная форма никоим образом не может служить причиной безразличного отношения судебных властей [л. 140] к его противозаконной сущности и безнаказанности участников, так как при подобном взгляде пришлось бы легализировать и безусловно вредные с точки зрения государства политические партии, если бы последние пожелали облечься в подобную сообществу Ваисова религиозную форму и 5., что организация подобного сообщества и участие в нем вполне подходит под понятие 1 п. 125 ст. Угол[овного] Улож[ения].

Посему, я, Судебный Следователь, постановил: привлечь в качестве обвиняемых по настоящему делу Гинануддина Багауддинова Ваисова, Хуснуддина Хусаинова, Ахметгирея Мухаметшина, Ибрагима Зайнуллина, Хайруддина Валиуллина, Мухамед Галея Байрам Алиева; Мубаракшу Гадельшина, Ахметхана Мухамедгалеева, Шигабуддина Сайфуддинова, Нурмухаммеда Мухамеджанова, Ходжа Мухаммеда Гаяна Багаутдинова Ваисова, Ходжа Мухаммеда Галяуддина Багауддинова Ваисова и Сибагатуллу Нигметуллина, предъявив им обвинение по 1 п. 125 ст. Угол[овного] Улож[ения][647].

Документ № 66. 23.05.1909.
НАРТ. Ф. 41. Оп. 13. Д. 3. Л. 146–148об.

Протокол допроса обвиняемого[648]

1909 года *Мая 23* дня. В *камере своей* Судебный Следователь Казанского Окружного Суда **по особо-важным делам** допрашивал нижепоименованное лицо в качестве обвиняемого; при чем на основании 403 ст. Уст. Угол. Суд., удостоверившись в его самоличности, объявил допрашиваемому, что на него падает обвинение в том, что *в 1905/9 гг. организовал и участвовал в сообществе, именующемся староверским обществом мусульман Ваисовского Божьего Полка, каковое сообщество целью своей деятельности поставило неповиновение законам и законным распоряжениям и постановлениям властей, т.е. в преступлении, предусмотренном 1 п. 125 ст. Угол[овного] Улож[ения].*

На предложенные Следователем вопросы допрашиваемый отвечал:

Зовут меня *Ходзя Мухаммед Гинануддин Багауддинов (Эль-Булгари) Ваисов*

Возраст обвиняемого во время совершения преступления *30 лет*

Родился *г. Казань*

Крещен

Прописан *д. Молвино, Косяковской в., Свияжского у.*

Рождение – брачное.

Жительство *г. Казань, Ново-Татарская сл., Большая Симбирская ул., д. Пахомова*

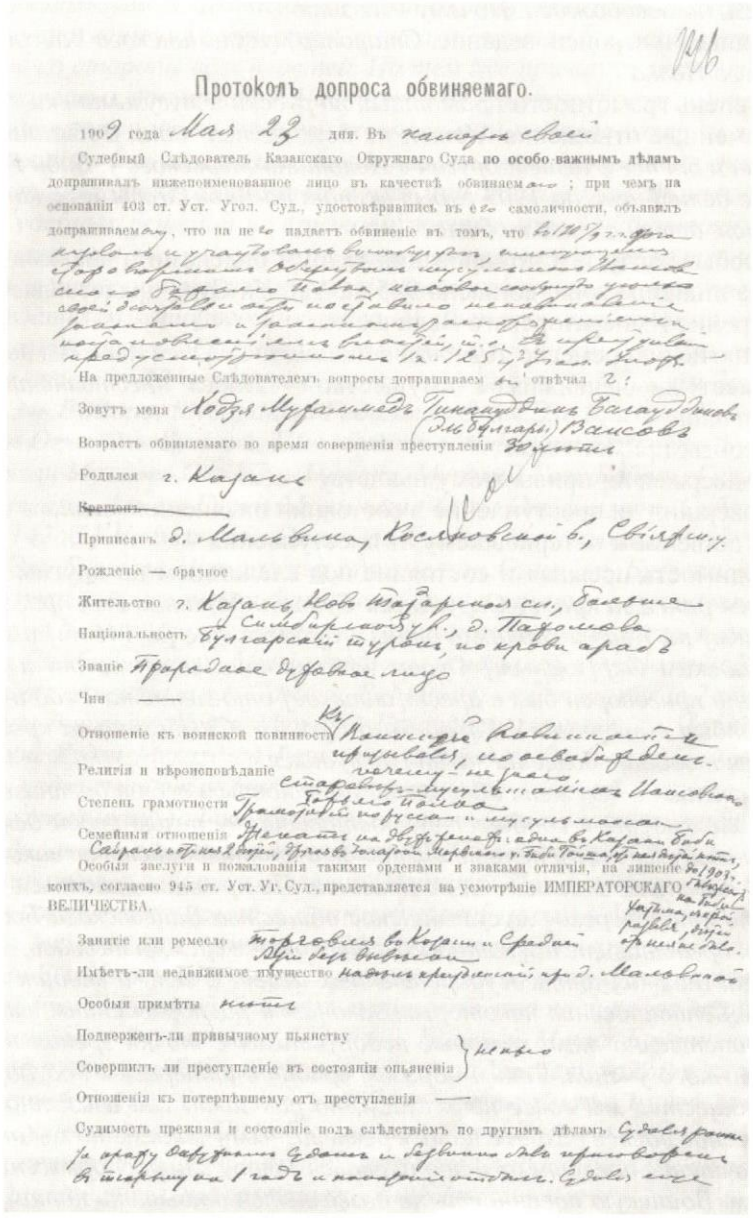
Национальность *Булгарский турок, по крови араб*

Звание *Природное духовное лицо*

Чин –

[647] Подпись следователя В. Шулинского. Постановление написано другой рукой.

[648] Документы №№ 61–63, 66 и 67 представляют собой типографским способом отпечатанные бланки допроса, заполненные от руки, чаще всего следователем. Здесь и далее курсивом дан рукописный текст, отражающий ответы обвиняемых.



Протоколъ допроса обвиняемаго.

1909 года Мая 23 дня. Въ камерѣ своей

Судебный Слѣдователь Казанскаго Окружнаго Суда **по особо-важнымъ дѣламъ** допрашивалъ нижепоименованное лицо въ качествѣ обвиняемаго; при чемъ на основаніи 403 ст. Уст. Угол. Суд., удостовѣрившись въ его самоличности, объявилъ допрашиваемому, что на него падаетъ обвиненіе въ томъ, что [illegible]

На предложенные Слѣдователемъ вопросы допрашиваемый отвѣчалъ:

Зовутъ меня Ходзя Мухаммедъ Гинануддинъ Багауддиновъ (Эль-Булгари) Ваисовъ

Возрастъ обвиняемаго во время совершенія преступленія 30 лѣтъ

Родился г. Казань

~~Крещенъ~~

Приписанъ д. Мальвина, Косяковской в., Свіяжск. у.

Рожденіе — брачное

Жительство г. Казань, Ново-Татарская сл., Большая Симбирская ул., д. Пахомова

Національность Булгарскій турокъ, по крови арабъ

Званіе Природное духовное лицо

Чин —

Отношеніе къ воинской повинности къ воинской повинности призывался, но освобожденъ почему-не знаю

Религія и вѣроисповѣданіе Староверъ-мусульманинъ Ваисовскаго Божьяго Полка

Степень грамотности Грамотный по русски и мусульмански

Семейныя отношенія Женатъ на двухъ женахъ: одна въ Казани Биби Сайрамъ и отъ нея 2 дѣтей, другая въ Голландіи Марвиной у. Биби Тойша, отъ нея дѣтей нѣтъ, до 1903 г. [illegible]

Особыя заслуги и пожалованія такими орденами и знаками отличія, на лишеніе коихъ, согласно 945 ст. Уст. Уг. Суд., представляется на усмотрѣніе ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

Занятіе или ремесло торговля въ Казани и Средней Азіи безъ вывѣски

Имѣетъ-ли недвижимое имущество надѣлъ крестьянскій при д. Мальвиной

Особыя примѣты нѣтъ

Подверженъ-ли привычному пьянству } нѣтъ

Совершилъ ли преступленіе въ состояніи опьяненія }

Отношенія къ потерпѣвшему отъ преступленія —

Судимость прежняя и состояніе подъ слѣдствіемъ по другимъ дѣламъ Судился раньше за кражу окружнымъ судомъ и безвинно былъ приговоренъ въ тюрьму на 1 годъ и наказаніе отбылъ. Судился еще

Илл. № 35. Первый лист протокола допроса Г. Ваисова

Отношение к воинской повинности – *К воинской повинности призывался, но освобожден. Почему – не знаю*

Религия и вероисповедание. *Старовер мусульманского Ваисовского Божьего Полка*

Степень грамотности *Грамотный по русски и мусульмански*

Семейные отношения *Женат на двух женах: одна в Казани Биби Сайран и от нее 2 детей, другая в Иолотани Мервского у. Биби Гайша, от нее детей нет, до 1903 г. был женат на Биби-Хатыме, с которой развелся, детей от нее не было.*

Особые заслуги и пожалования такими орденами и знаками отличия, на лишение коих, согласно 945 ст. Уст. Уг. Суд., представляется на усмотрение Императорского Величества.

Занятие или ремесло *Торговля в Казани и Средней Азии без вывески*

Имеет ли недвижимое имущество – *Надел крестьянский при д. Молвиной*

Особых примет – *нет*

Подвержен ли привычному пьянству – *нет*

Совершил ли преступление в состоянии опьянения – *нет*

Отношение к потерпевшему от преступления –

Судимость прежняя и состояние под следствием по другим делам *Судился ранее за кражу Окружным Судом и безвинно был приговорен в тюрьму на 1 год и который отбыл. Судился еще [л. 146об.] в 1902 г. Асхабадским Окр[ужным] Судом за сопротивление власти и тоже безвинно приговорен был в арест[антское] отделение на 1 год и который отбыл в тюрьме. У Городского Судьи г. Симбирска за кражу не судился и вообще более ни за что не судился.*

Я слышал в чем меня обвиняют, но виновным себя в организации и принадлежности к сообществу, поставившему целью своей деятельности возбуждение к неповиновению или противодействию закону или распоряжениям властей – я не признаю. Не признаю виновным потому, что староверское мусульманское общество Ваисовского Божьего Полка, представителем которого в настоящее время я являюсь, не преследует никаких антигосударственных целей, а если и вводит в свое учение неповиновение некоторым законам и распоряжениям властей, то единственно тем, которые недопустимы с точки зрения нашего религиозного учения. Таким образом вредить интересам Государства или Общества мы вовсе не желаем, но раз закон или известное распоряжение идет в разрез с нашим религиозным учением, то мы отдаем предпочтение последнему и подчиняться закону или распоряжениям не можем. Воинскую повинность не дозволяется отбывать потому, что во время отбывания воинской повинности становится невозможным исполнять все те обряды, которые предписаны нашей религией. Налогов [л. 147] и податей не платим потому, что мы, староверы мусульмане, не пользуемся никакими услугами со стороны Правительства для нашего просвещения и культуры, и никакой защитой, а наоборот вечно гонимы со стороны всех властей. По тем же причинам мы не выправляем торговых документов. Паспортов не признаем потому, что в них нас называют не тем званием, которое нам принадлежит, а просто крестьянами или мещанами, тогда как мы все "природные духовные лица староверского общества мусульман Ваисовского Божьего Полка". Судебных решений не признаем потому, что Суд постоянно относится к нам несправедливо и постановлял всегда неправильные решения, а потому мы признаем только наш собственный Духовный Суд, председателем которого я состою. Я считаюсь сардаром, т.е. предводителем нашего общества, духовным начальником его. При мне состоит совет из 12 поверенных, которыми состоят Ибрагим Зайнулла Оглы Эль Булгари, Мубаракша Гадыльша Оглы Эль Булгари, Хуснуддин Хусаин Оглы Эль Булгари, Шихабуддин Сайфуддин Оглы Эль Булгари, Ахметхан Мухамед Оглы Эль Булгари, Мухамед Гали Байрам Гали Оглы Эль Булгари, Ахмет Гирей Мухамедша Оглы Эль Булгари, Сибагатулла [л. 147об.] Нигматулла Оглы Эль Булгар, Мингазетдин Сайфуддин Оглы Эль Булгари, Нурмухамед Мухамедзян Оглы Эль Булгари; других же не помню по именам и фамилиям, но они указаны в прошениях. Все живут в Казани за исключением Сибагатуллы, живущего в дер. Биденьге Симбирского у., Мингазетдина, живущего в д. Молвиной, Нурмухамеда, живущего в г. Самаре. Вспомнил, что остальные 2 поверенных мои братья – Худзя Мухамед Галяуддин, живущий в Челябинске, и другой Худзя Мухаммед Гаян, живущий в д. Биденьги. Под прошениями подписываются они сами при приезде в Казань, или доверяют подписаться кому-нибудь другому, потому что по нашему учению мы все "одно тело, одна душа, одно бытие". Они состоят при мне для разрешения разных вопросов согласно Шариату. При нашем молитвенном доме я состою имамом, т.е. духовной главой, а сам в другие места назначаю от себя других имамов. Мы считаем себя верноподданными и слугами Его Императорского Величества, но не признаем гражданской власти, чуждой нашей религии и потому не имеющей права вторгаться в нашу чисто религиозную жизнь. Никакой Марии Брусничкиной в Коканде я не знаю. Разные сборы, как то за Хикмет, за свидетельства и пр. существуют для того, чтобы общество наше имело возможность существовать. Пока больше ничего показывать не буду, но в будущем оставляю за собой право дать более подробные объяснения для оправдания деятельности нашего общества.

Сотрудник всего мира и Преемник дервиша Божьего духовного отца Ваисова Худзя Мухаммад Гинануддин Багавуддин оглы Ильбулгари Ваисов. [...[649]]

Документ № 67. 13.06.1909.
НАРТ. Ф. 41. Оп. 4. Д. 1983. Л. 25–26об.

Протокол допроса обвиняемого

1909 года *Июня 13* дня. В *камере своей* Судебный Следователь Казанского Окружного Суда по **особо-важным делам** допрашивал нижепоименованное лицо в качестве обвиняемого; при чем на основании 403 ст. Уст. Угол. Суд., удостоверившись в его самоличности, объявил допрашиваемому, что на него падает обвинение в том, что *участвовал в 1905/9 гг. в сообществе, именующемся Староверским Обществом мусульман Ваисовского Божьего Полка, каковое поставило целью своей деятельности неповиновение закону и постановлениям и распоряжениям властей, т.е. в преступлении, предусмотренном 1 п. 125 ст. Уг. Улож.*

На предложенные Следователем вопросы допрашиваемый отвечал:

Зовут меня *Хузя Мухаммед Гаян Багауддинов Ваисов*

Возраст обвиняемого во время совершения преступления *27 лет*

Родился – *В д. Биденьге, Сюндюковской в[олости], Симбирского у[езда] и губ.*

Крещен –

Прописан – *в д. Молвиной, Косяковской в., Свияжского уезда.*

Рождение – брачное

Жительство *д. Биденьга*

Национальность – *сословия Турецкого*

Звание – *старовер мусульманин Ваисовского Божьего полка*

Чин –

Отношение к воинской повинности – *освобожден по льготе*

Религия и вероисповедание. *Ислам магометанский Ханафи имам Агзамский секта Аглисюннат Вольжамагат Суннинский*

Степень грамотности *Грамотный*

Семейные отношения *Женат, двое детей при мне.*

Особые заслуги и пожалования такими орденами и знаками отличия, на лишение коих, согласно 945 ст. Уст. Уг. Суд., представляется на усмотрение Императорского Величества.

Занятие или ремесло *Хлебопашество и, кроме того, состою муллой в д. Биденьге у староверов мусульман; там имеется наш молитвенный дом, в муллы выбран староверами мусульманами дер. Биденьги и утвержден в этом звании братом моим сардаром Гинануддином Ваисовым*

[649] Подпись Г. Ваисова по-татарски и судебного следователя В.М. Шулинского.

Имеет ли недвижимое имущество – *имею дом, построенный в дер. Биденьга*

Общие приметы –

Подвержен ли привычному пьянству –

Совершил ли преступление в состоянии опьянения –

Отношение к потерпевшему от преступления –

Судимость прежняя и состояние под следствием по другим делам *Не судился*

[л. 25об.] Я слышал, в чем меня обвиняют, но не признаю себя виновным в принадлежности сообществу, поставившему целью своей деятельности возбуждение к неповиновению закону и распоряжениям властей. Хотя я и состою в числе 12 поверенных сардара староверского общества мусульман Ваисовского Божьего полка, состою муллой в д. Биденьга у староверов мусульман, подписываюсь в разных прошениях, подаваемых сардаром должностным лицам, подписывал составленный сардаром "Устав относительно военных молитвенников", из податей признаю лишь 8 коп. сбор с десятины земли, а других податей и налогов не признаю, хотя я не признаю воинской повинности и паспортов и считаю, что гражданскому начальству подчиняться можно лишь в том случае, если распоряжения его не противоречат Корану и Шариату, но все же я не считаю себя виновным в принадлежности к указанному выше сообществу. Не считаю виновным себя потому, что для нас, староверов мусульман, на первом плане стоит безусловное подчинение всем предписаниям Корана и Шариата; между тем это делает невозможным, когда нас берут в солдаты; государственный земельный налог по 8 коп. с десятины земли был введен царем Иоанном [л. 26] Грозным при покорении Булгарского Царства, а так как мы считаемся потомками Булгар, то и вносим этот налог. Остальных налогов и податей не считаем нужным платить потому, что Правительство Русское для нас, староверов мусульман, ничего не делает и мы ничем не пользуемся от него. Паспорта не признаем потому, что в них пишут не настоящее наше звание, а называют нас крестьянами. О предстоящем направлении дела Прокурору Казанского Окр[ужного] Суда мне объявлено. От предъявления следствия я отказываюсь, так как следствие будет предъявлено нашему сардару моему брату Гинануддину и он в случае надобности сам может сказать, чем еще надо дополнить следствие. Более показать ничего не имею. Я прошу добавить, что я, как и все другие члены Ваисовского Божьего полка, Верноподданный

присяжный природный духовный староверского общества мусульман расписываюсь по мусульмански. [...[650]]

Документ № 68. 21.07.1909.
НАРТ. Ф. 41. Оп. 4. Д. 1983. Л. 77–78об.

Протокол допроса обвиняемого

1909 года *Июля 21* дня. В *камере своей* Судебный Следователь Казанского Окружного Суда по **особо-важным делам** допрашивал нижепоименованное лицо в качестве обвиняемого; при чем на основании 403 ст. Уст. Угол. Суд., удостоверившись в его самоличности, объявил допрашиваемому, что на него падает обвинение в том, что *в 1905/9 гг. участвовал в сообществе, именуемом староверским Об[щество]м мусульман Ваисовского Божьего Полка, каковое целью деятельности своей поставило неповиновение закону и законным распоряжениям властей, т.е. в преступлении, предусмотренном 1 п. 125 ст. Уг. Улож.*

На предложенные Следователем вопросы допрашиваемый отвечал:

Зовут меня *Шихабуддин Сайфутдин (Оглы Булгари)*

Возраст обвиняемого во время совершения преступления *47лет*

Родился – *В 1861 году в д. Карашам, Азелеевской в., Свияжского у.*

Крещен –

Прописан – *нигде не прописан, лишен права.*

Рождение – брачное.

Жительство *г. Казань, Адмиралтейская слобода, ул. Жировка, д. Хуснуддиновой*

Национальность *Сословия турки, но не из тех, к[ото]рые живут в Турции, а из Булгарских турок при впадении Камы в Волгу*

Звание –

Чин –

Отношение к воинской повинности – *Не отбывал*

Религия и вероисповедание. *Старовер Мусульманин секты Ваисовского Божьего Полка*

Степень грамотности *Грамотный*

Семейные отношения *Женат и имею сына 15 лет, к[ото]рый живет в Коканде.*

Особые заслуги и пожалования такими орденами и знаками отличия, на лишение коих, согласно 945 ст. Уст. Уг. Суд., представляется на усмотрение Императорского Величества.

Занятие или ремесло *Торговля фруктами и зеленью*

Имеет ли недвижимое имущество –

[650] Далее следуют роспись Г. Ваисова по-татарски и подпись следователя.

Общие приметы – *Среднего роста, борода с проседью, особых примет нет*

Подвержен ли привычному пьянству –

Совершил ли преступление в состоянии опьянения –

Отношение к потерпевшему от преступления –

Судимость прежняя и состояние под следствием по другим делам *Судился и был сослан в каторжные работы по приговору Судебной Палаты в 1894 или 1895 г.; в 1906 г. возвратился с Сахалина с разрешения начальства.*

[л. 77об.] *Слышал, в чем меня обвиняют, но виновным себя в принадлежности к сообществу, поставившему целью своей деятельности неповиновение закону и гражданским властям не признаю, хотя не отрицаю того, что я поверенный, выше назначенное лицо самого духовного отца Ваисова Багауддина, от которого я получил доверенность по его ходатайствам пред Государем Императором. Для своего оправдания я имею документ, выданный мне Багауддином Ваисовым, именно копию свидетельства за № 147 на Имя Государя Александра III. Я последователь Багауддина Ваисова, к[ото]рый был наместником Магомета и взял на себя обязанность восстановить истинный Ислам для благополучия всего мира и государства и для пользы народов. Гинануддин сын Багауддина является в настоящее время представителем Ваисовского Божьего Полка Староверского общества мусульман, но я, хотя и уважаю его, как сына Багауддина, однако я могу признавать его власть лишь в том случае, если проповедь, деятельность и жизнь его вполне согласны* [л. 78] *с указаниями Багауддина Ваисова, а если не согласны, то и я признавать его не буду и останусь безусловным последователем отца его. Я действительно поверенный Ислама и подписывался под прошениями, к[ото]рые Гинануддин подавал на имя Государя, при чем сделал так потому, что Гинануддин в этих прошениях писал по правилам Корана и хлопотал об общем нашем деле. Я лично с острова Сахалина на Имя Государя подал 297 прошений по делам Ваисовского Божьего полка и мы все ждем решения Государя, так как Багауддин Ваисов завещал ничего против Государя Императора не делать. Мы признаем только один гражданский закон, указанный Богом, именно Шаригат и ему только можем подчиняться, а гражданским законам вообще, как не согласным с Шаригатом, мы подчиняться не имеем права, а потому не можем подчиняться и гражданской власти, которая руководствуется гражданскими законами. Мы, Божьи Воины, ежедневно в пятикратной молитве молимся за Государя Императора и благополучие всего мира, а потому* [л. 78об.] *считаем ненужным идти в солдаты, мы защищаем Государя своими молитвами пред Божьей мудростью. Что делает Гинануддин, я не знаю, но я лично признаю подати и налоги и торговые свидетель-*

ства, так как понимаю, что без них Государство не может существовать. Если бы нас именовали в паспортах староверами мусульманами Ваисов[ского] Божьего Полка, а не крестьянами, то мы могли бы пользоваться общими для всех паспортами, а свидетельство Багауддин Ваисов ввел именно потому, что в паспортах нас именовали крестьянами. Я десять лет жил на Сахалине и пользовался всегда хорошей репутацией, в доказательство чего представляю Вам удостоверение Военного Губернатора о. Сахалина за № 1161. На Сахалине меня месяца 3 держали в сумасшедшем доме из-за того, что я обратил русского Морозова в мусульманство, но меня признали здоровым и в доказательство представляю удостоверение заведующего медицинской частью на Сахалине. Более пока объяснить ничего не имею. Хотя все в этом протоколе записано все правильно, но подписываться я отказываюсь, так как не желаю нарушить указ духовного отца Багауддина Ваисова, который не велел подписывать никаких официальных бумаг до решения Государя Императора. Отказ от подписи удостоверяем Губернский Секретарь Александр Иванович [нрзб.]. Крестьянин Григорий Степанов.

Документ № 69. 5.11.1909.
НАРТ. Ф. 390. Оп. 1. Д. 3185. Л. 1–2.

Протокол допроса обвиняемого

1909 года *Ноября 5* дня. В *камере своей* Судебный Следователь Казанского Окружного Суда по **особо-важным делам** допрашивал нижепоименованное лицо в качестве обвиняемого; при чем на основании 403 ст. Уст. Угол. Суд., удостоверившись в его самоличности, объявил допрашиваемому, что на него падает обвинение в том, что *в 1905/9 гг. участвовал в противоправительственном сообществе, именуемом староверским обществом мусульман Ваисовского Божьего полка, каковое целью деятельности своей поставило возбуждение неповиновения закону и законным распоряжениям властей, т.е. в преступлении, предусмотренном 1 п. 125 ст. Уг. Улож.*

На предложенные Следователем вопросы допрашиваемый отвечал:

Зовут меня *Нурмухамед Мухамедзян (Оглы Булгари)*

Возраст обвиняемого во время совершения преступления *58 лет*

Родился – *8 Декабря 1850 году в г. Казани*

Крещен –

Прописан – *Нигде не прописан, происхожу из мещан г. Казани.*

Рождение – брачное

Жительство *Жил в Самаре*[651], *а теперь переехал в Казань и живу в Ново-Татарской слободе, в доме Тахавыева*

Национальность *Старовер мусульманин Альмисактан Бирля Ваисовского Божьего Полка*

Звание –

Чин –

Отношение к воинской повинности – *Не отбыл по льготе 1-го разряда.*

Религия и вероисповедание – *Старовер мусульманин*

Степень грамотности *по мусульмански*

Семейные отношения *Женат и двое сыновей и одна дочь*

Особые заслуги и пожалования такими орденами и знаками отличия, на лишение коих, согласно 945 ст. Уст. Уг. Суд., представляется на усмотрение Императорского Величества.

Занятие или ремесло *Торговля яблоками*

Имеет ли недвижимое имущество – *нет*

Общие приметы –

Подвержен ли привычному пьянству –

Совершил ли преступление в состоянии опьянения –

Отношение к потерпевшему от преступления –

Судимость прежняя и состояние под следствием по другим делам *Не судился*

[л. 1об.] *Слышал, в чем меня обвиняют, но не признаю себя виновным в принадлежности к противозаконному сообществу, хотя я действительно старовер мусульманин Ваисовского Божьего Полка. Я принадлежал к Ваисовскому Божьему Полку еще в то время, когда жил отец Гинануддина – Багауддин Хамзин Ваисов и его я признаю духовным отцом и потомком пророка Мухаммеда. Что касается Гинануддина, то его я пока вовсе не признаю духовным отцом и не считаю сардаром и вопрос об этом должен быть решен на предполагаемом в 1910 году съезде староверов мусульман Ваисовского Божьего Полка, при чем если съезд признает Гинануддина сардаром и духовным отцом, то я буду его признавать таковым. Я положительно не помню, чтобы когда-нибудь подписывал какое-либо из прошений, подававшихся Гинануддином. Я не слыхал от Багауддина Хамзина Ваисова, чтобы он запрещал идти в солдаты. Действительно я, согласно приказания Багауддина Ваисова,* [л. 2] *вношу в казначейство государственный поземельный налог по 8 коп. с десятины земли, в чем у меня имеются квитанции казначейства. Однако я признаю и другие налоги, если они будут введены, а равно выправление торговых документов. "Свидетельства" на проживание у меня есть, но таковое я получил еще от самого Багауддина Хамзина Ваисова. Все налоги я со-*

[651] Сверху дописано: "2 года, приказчиком Габидуллина".

гласен признавать по правилам Корана и на основании св. Шариата. Более показать ничего не имею. Расписаться не могу, так как Багауддин Хамзин Ваисов запретил нам, его последователям, подписываться под судебными протоколами. Отказ от подписи засвидетельствовал – Отставной Губернский секретарь Александр Иванович [...[652]*].*

Документ № 70. 12.01.1910.
НАРТ. Ф. 390. Оп. 1. Д. 3185. Л. 37–38 об.

Протокол допроса обвиняемого

1910 года *Января 12* дня. В г. Челябинске И.д. Судебного Следователя Троицкого Окружного Суда по 3-му участку Челябинского уезда, согласно своего постановления от *по треб. № 407 Суд. Следователя по особо-важным делам* допрашивал нижепоименованного в качестве обвиняемого; предварительно удостоверившись на основании 403 ст. Уст. Угол. Суд., в *его* самоличности и объявил ему, что он обвиняется в *том, что в 1905/9 гг. он участвовал в качестве члена и поверенного ислама, в сообществе мусульман Ваисовского Божьего полка, во главе которого стоял брат его Гинанутдин Ваисов, проживающий в г. Казани, целью сообщества возбуждение к неповиновению и противодействию закону, т.е. 1 п. 125 ст. Уг. Уложс.*

На предложенные Следователем вопросы допрашиваемый отвечал:

Имя отчество фамилия? *Ходжа Мухамет Галяутдин Багаутдинов Ваисов*

Возраст *30 лет*

Место рождения – *г. Казань*

Место приписки – *д. Молвина, Косяковской вол., Свияжского у.*

Настоящее место жительства *г. Челябинск, Офицерская ул., д. Чупрякова*

Звание (состояние, сословие и чин)? – *Член Староверского о-ва мусульман Ваисовского Божьего Полка*

Народность и племя? – *мусульманин*

Религия? *магометанская*

Степень образования? *малограмотный*

Семейные отношения? *женат, имею двоих малолетних детей*

Занятие и ремесло? *торговля фруктами*

Степень имущественного обеспечения? – *товара имею до 2000 рублей*

Особые приметы – *нет*

[652] Подпись неразборчива. Далее следуют роспись Аполлона Иванова и третья подпись – следователя.

Не состоите ли в каких-либо отношениях с потерпевшим по настоящему делу –

Нет ли особых заслуг? – *нет*

[л. 37об.] Не был ли под судом? *не судим*

Отбытие воинской повинности и обозначение того Уездного Воинского Начальника, у кого состоящий в запасе обвиняемый находится на учете – *призывался по льготе 1-го разряда.*

Признаете ли себя виновным? *Я не признаю себя виновным в приписываемом мне преступлении. В свое оправдание могу сообщить, что я совершено никакого участия в сообществе, поставившего целью противодействие закону и властям не принимал и ни на каких прошениях не расписывался, кроме одного, поданного лично Государю Императору Николаю II от своего имени об утверждении за мною отцовского наследства. Лично я подчиняюсь и гражданской власти и закону. Например, я ежегодно выправляю промысловое свидетельство, являлся лично к призыву на военную службу, плачу подати и налог в Косяковской волости по 8 копеек за десятину (Допрашиваемый Хамзин Ваисов предъявил: 1/ квитанцию Казанского казначейства на рубль в уплату по 8 коп. налога за десятину земли, квитанция выдана 6 июня 1899 г. за № 141119 на имя наследника Худжи Мухаметова Галяутдина Ваисова; 2/ промысловые свидетельства за 1908, 7 и 9 годы на торговые предприятия 4 разряда* [л. 38] *из Челябинской Городской Управы; 3/ два патента за № 440 и 545 на продажу табачных изделий, выданных Челябинским Казначейством). Паспорта я не имею и живу по свидетельству за № 147, выданному мне отцом Багаутдином Ваисовым, каковое свидетельство и представляю. (Было представлено свидетельство за № 147, прилагаемое к исполненному требованию). В Казани я был лишь в 1904 году, позднее же не был. Больше показать ничего не имею, так как никакого сообщества с преступной целью не знаю. Ходжа Мухамет Галяутдин Хамзин Ваисов.* [...[653]]

[653] Собственноручная подпись Галяутдина Ваисова. Далее следует неразборчивая роспись младшего судебного следователя и постановление, о том, что у обвиняемого взята подписка о неотлучке.

Документ № 71. 7.02.1910.
НАРТ. Ф. 390. Оп. 1. Д. 3185. Л. 46.

Его Высокородию[654]
Господину Судебному Следователю по особо важным делам
Сардара Староверского
общества мусульман Ваисовского Божьего
полка Ходзя Мухамет Генанутдина
Багаутдиновича Оглы Ель-Булгари Ваисова,
прож[ивающего] в Казани,
в Ново-Татарской сл[ободе],
в собственном доме

Прошение

Покорнейше прошу распоряжения Вашего Высокородия о выдаче мне конфискованных у меня двух брошюр "Дживогир Гикмет Дервишан" 1-й и 2-я в количестве 5000 экземпляров, которые освобождены от конфискации, но я их до сего времени не получил, которые, как мне известно, находятся у г. Пристава 5-й части г. Казани. Казань, 7-го февраля 1910 года.

Сардар Староверского Волжско-болгарского мусульманского об-ва Ваисовского Божьего полка Ходзя Мухаммад Генанутдин Багавутдин оглы Ильбулгари Ваисов.

Документ № 72. 7.02.1910.
НАРТ. Ф. 390. Оп. 1. Д. 3185. Л. 47.

Его Высокородию
Господину Судебному Следователю по особо важным делам
Сардар Староверского Общества
мусульман Ваисовского Божьего
полка Ходзя Мухамет Генанутдина
Багаутдиновича Оглы Ель-Булгари Ваисова,
прож[ивающего] в Казани,
в Ново-Татарской сл[ободе],
в собственном доме

Прошение

1-го марта с.г. в Казанском Съезде Мировых Судей будет рассматриваться дело по иску с меня Ахметзяна Сайдашева за брошюровку моей

[654] Прошение напечатано на пишущей машинке и подписано собственноручно Г. Ваисовым. Сверху проставлена дата поступления прошения следователю – 8 февраля 1910 г.

книжки "Дживогир Хикмет Дервишан 3-й брошюр", по которой у Вас производится следствие.

В виду этого покорнейше прошу Вас переслать один экземпляр этой книжки в Казанский Съезд Мировых Судей в том виде, как она находится у Вас, т.е. несброшюрованная и без обложки, для доказательства Съезду, что книжка не имеет обложки и не сброшюрована и потому я не обязан платить за ту работу, которая еще не сделана. Г. Казань, 7-го февраля 1910 года.

Сардар Староверского Волжско-болгарского мусульманского об-ва Ваисовского Божьего полка Ходзя Мухаммад Генанутдин Багавутдин оглы Ильбулгари Ваисов.

Документ № 73. 18.02.1910.
НАРТ. Ф. 390. Оп. 1. Д. 3185. Л. 63–63 об.

Постановление

1910 года Февраля 18 дня И[сполняющий] д[олжность] Судебного Следователя Казанского Окружного Суда по особо-важным делам Шулинский, рассмотрев два прошения обвиняемого Мухаммеда Гинануддина Багауддинова Ваисова, в одном из которых он просит сделать распоряжение выдать ему освобожденную от конфискации брошюру его на татарском языке "Джавахир-и Хикмети Дервишан" в количестве 5000 экземпляров, а в другом просит препроводить в Казанский Съезд Мировых Судей один экземпляр той же брошюры в несброшюрованном виде из числа отобранных из типографии Сайдашева, так как 1-го Марта с.г. в Съезде будет рассматриваться дело по иску с него Сайдашевым за брошюровку означенной брошюры и имея в виду: 1, что из находящегося в производстве моем следствии о Ваисове усматривается, что по постановлению от 24 Февраля 1909 года связка означенной брошюры, каковая экспертом профессором Катановым признана не преступной по содержанию, того же числа выдана была под расписку Приставу 5-й части г. Казани Разумову для выдачи Ваисову и 2, что из протокола осмотра от 28 Октября 1908 года видно, что из типографии Сайдашева всего было доставлено мною части 3-й означенной брошюры в несброшюрованном виде 1017 двойных листов с 1 по 16 стран., 1013 двойных листов с 17 по 32 стр. и 1008 двойных листов с 33 по 40 стр.; Постановил: согласно 149 ст. Учр. Суд. Уст. сообщить Прокурору Казанского Окружного Суда о неисполнении приставом 5-й части Разумовым распоряжения моего о выдаче Ваисову отобранных у него брошюр "Джавахир-и хикметы дервишан" и 2, признавая отсылку вещественных доказательств в заседание гражданского Суда по

требованию сторон незаконной, оставить ходатайство об этом Ваисова без последствий и выдать ему удостоверение о данном протоколе от 28 Октября 1908 года. [...[655]]

Документ № 74. 12.03.1910.
НАРТ. Ф. 51. Оп. 4. Д. 13475. Л. 40–40 об.[656]

1910 года Марта 12 дня, я нижеподписавшийся верноподданный присяжный природный духовный староверского общества мусульманин Ваисовского Божьего полка деревни Молвиной Свияжского уезда Казанской губернии, проживающий в дер. Беденьге Сюндюковской волости Симбирского уезда, Хузя Мухамед Гаян Багаутдинов Вайсов выдал настоящий отзыв Сюндюковскому Волостному Правлению в том, что я Вайсов в метрических книгах о рождении записанным нигде не значусь, а значусь записанным в книге, присланной из канцелярии Всего мира Государственный Молитвенный Дом [л. 40об.] Мяктяб Гирфан, т.е. Мусульманская Академия Автономное Духовное Управление и канцелярия Сотрудника Всего мира Сардара Староверского О-ва Мусульман Ваисовского Божьего полка и родился в 1882 году Февраля 17 дня под № 2-м, в чем и подписуюсь. Имамул муслимн Худзя Мухамед Гаян Вайсов.

Документ № 75. 17.09.1910.
НАРТ. Ф. 51. Оп. 4. Д. 13475. Л. 121–135.

[В] Казанскую судебную палату[657]

От начальника Божьего полка самого духовного отца Ваисова по личному поручению я есть выше назначенное лицо, поверенный ислама по делу его, сотрудник всего мира и согласно время по исполнению его приказ и указ на ответственность есть наместник, Божий воин Шигабутдин мулла Сайфутдин оглы Эль-Булгари Ваисов, проживающий в Казанском уезде Больше-Менгерской волости в деревне Новой Джульбе, в собственном доме жены

[655] Подпись следователя В.М. Шулинского. Внизу приписано: "Справка: Ваисову удостоверение выдано 23 Февраля за № 127".

[656] Текст написан от руки, но не Гаяном Ваисовым. В конце – собственноручная подпись Г. Ваисова.

[657] Текст "Святого заявления" написан от руки самим Ш. Сайфутдиновым на 28-ти страницах. Документ открывается религиозными формулами на арабском языке, в самом тексте содержатся неоднократные отсылки к Корану. Документ дается в сокращенном и немного исправленном виде, в современной орфографии и пунктуации, но с максимальным сохранением авторского стиля. Сверху имеется печать КСП с датой поступления – 17 сентября 1910 г. От руки приписано неразборчиво: "Прошение это... "

за № 324 Святое заявление

Имею честь господину [председателю] Казанской судебной палаты заявить и разъяснить, ясно и коротко растолковать по Божьей премудрости, через высшую науку святой гирфан, и по правилам Святого Корана, и на основании Святого Шаригата, и по согласно святому отечеству и ваисовских документов, которые основаны нашим великим начальником духовным отцом Ваисовым, и приняты, и утверждены их Императорским Величеством Белыми царями Александром 2-м и 3-м, великими отцами монархами!!! Свидетельство за № 160-м, еще [л. 121об.] сведения, копия за № 147 и моя доверенность. А эти документы в настоящее время находятся лично у Государя Императора в святых руках.

2-й пункт. Я вышепоименованное лицо 18 августа получил повестку от Казанской судебной палаты, чтобы явиться 23-го октября 1910 г. Т.е. вы обвиняете нас по 123 статье по уголовному делу. Поэтому мне необходимо, нужно Вам объяснить перед Вашим судом, чтобы Вы знали до тонкости, где источник истины. Я, вышепоименованное лицо, сердечные бытия, после духовного отца Ваисова, затронул дела по его указу и приказу 1894 г. 20 октября. Короче сказать, также дело разбиралось Казанской судебной палатой. И я тогда появился лично сам Начальником Ваисовского божьего полка, и тогда меня суд не судил, дело пошло Государю Императору для разбора, а потом меня общим советом правительства безвинного отправили на о. Сахалин и там жил 10 лет. В течение всего этого времени [я] стоял за правду и защищал правду, святую веру отечества. Еще там на о. Сахалине был сосланный на каторгу из русских людей из г. Козмодемьянска Петр Морозов. И он от меня принял святую веру ислам, со своим семейством причислились к секте Ваисовского Божьего полка, и через него нам опять пришлось пострадать больше. Сахалинское правительство за нами очень строго следило, испытывали всякими манерами [представители] медицины и администрации. А мы все стояли верно, твердо, упорно, точка на точке, как стоял духовный отец сам Ваисов. И как нам указал и [л. 123[658]] приказал без фальши и без измены. Потом по указу Его Императорского Величества на о. Сахалине состоялась комиссия. Петра Морозова утвердили членом староверского общества мусульман и Ваисовского Божьего полка, так как нас все доктора медицинской комиссии признали светлым умом и полными здравого рассудка, нормальным положением и истинной правой веры святого ислама. Нашу секту нашли не вредной государству, а полезной. Потом в

[658] Л. 122 – конверт, в котором было послано это "Святое заявление".

1906 г. я получил удостоверение [нрзб.] от военного губернатора г. Валуева за № 1161 июня 21 дня 1906 г., а также медицинскую [справку] от главного врача А.Г. Погоевского. Это мое удостоверение взял у меня судебный следователь по особо-важным делам под расписку. Ну вот, на о. Сахалине в течение 10 лет по качеству Морозова и по требованию духовных религиозных дел духовного отца Ваисова от Государя Императора ходатайствовал духовные деловые бумаги, всего 297 номеров, больше 3000 листов бумаги сам сочинил, сам писал. А Морозов со своим семейством подписывался на моих бумагах. Это все известно Государю Императору и что есть правительству. Особенно более тонко знали о том доктор медицины и начальство, которые управляли о. Сахалином. Вот через эти ходатайства и по страданиям [нашим] открылась свобода веры, т.е. Государь Император дал свободу веры, веротерпимость и нас освободил и через нас [дал] волю всем, кто желает и может поступить по истинной вере. Ну вот, потом по указу его [л. 123об.] Императорского Величества я приехал на родину в г. Казань, [на] свою потомственную эльбулгарскую землю.

3-й пункт. Ну вот, господа судья, я сердечно вам буду разъяснять самые трудные дела, чтобы вам можно было легче понять, т.е. кто такой духовный отец Ваисов, и духовенство, и наместник Ваисова, и что обозначает слово Ваисов, и кому должно [принадлежать] это слово Ваисов. Ну вот, есть наружный Божий путь, он называется Святой шаригат. Это есть закон. Только этот закон, по указу Бога, следит за наружными делами. А силы его два человека свидетели[659]. А только эти два человека [должны] быть [из] верующих Богу народа. Вот тогда шаригат имеет силу арестовать и судить. Ну вот, есть духовный путь, он называется тарикат. Тогда только человек найдет истину. А духовный и духовенство всему миру государству и народы, живущие на земле, есть одно. И также шаригат покрывает весь мир. А это духовенство находится [на] правой вере Святого ислама. Так как, в 1-х, от Бога [вера] дана нашему отцу Адаму, и потом всем пророкам до последнего пророка Мухаммеда. И от друг друга все [они] исполняли веру ислам. Они не изменяли слово Божье. Они пророки и их народ все были верноподданными, природными духовными лицами староверского общества мусульман. Вот когда появился пророк Мухаммед, им создался от Бога великого Святой Коран и покрыл весь мир. А народы, сколько есть на свете, все причислились к пророку Мухаммеду в общий народ, сделались мухаммеданские, верующие и неверующие. [л. 124] А Коран, от сотворения мира и до окончания мира, соединил всю мудрость [...]. Ну вот, в этом Ислам! Духовные потом ушли все пророки и тогда были пророки дистанций. А после Мухаммеда пророк идет до

[659] Возможно, имеется в виду, что на суде по шариату принимаются свидетельства двух лиц-свидетелей.

окончания мира. Его наместники сами они сохраняют путь духовный. Они идут по дистанции, по святого рода условию получают друг от друга. Т.е. если помрет [вероятно, дистаночный наместник пророка – Д.У.], тогда получает другой по определению Бога великого Аллаха [Аллах]. Вот он называется наместником и дистаночным начальником, духовным отцом. [...]. А между этими наместниками бывают основатели веры Ислам 100 и 1000-летние. Т.е. когда засорится [испортится] этот ислам, цари и народ отступятся [от истинной веры], тогда Бог великий посылает и назначает сам основателя веры ислама из наместников пророка Мухаммеда. Ну вот, 1-й Ваисов был сам пророк Мухаммед и по духовному называется Ваисов. А слово Ваисов есть духовное имя. А кто Ваисов, он получает знания от Бога по святому духу. Поэтому [тот], кто Ваисов, не нуждается ни в каком наружном учении. Ему адвокат не нужен и никто. Т.е. он Ваисов может учить и наставлять на истинный путь Божий всех царей и народ. Вот что обозначает Ваисов. Это не отцовская фамилия, что получается по природе. Нет, не так. Тут отец не причем. На этот факт вы хорошо знаете, что от пророка родился неверующий, а пророк родился от неверующих. А это из турецкой книги известно. Ну вот, вы [л. 124об.] узнали, что слово Ваисов есть духовное звание. Только это имя-звание может получить наместник пророка, больше никто. Ну вот, духовный отец Ваисов наш от Мухаммеда пророка 32-е лицо есть великий и главный наместник. Вот Бог великий его выбрал основателем веры ислама 100 и 1000-летний основатель. И он основал, вызывал и выкликивал [нрзб.] царей и народ на свет. Поэтому он назывался начальник Божьего полка и духовный отец Ваисов. Ему была дана от Бога мудрость великая [...]. Поэтому из наместников никто не был, как он Ваисов и не будет до окончания мира. Вот я, вышепоименованное лицо, лично по поручению его иду и дела свои веду по указу его и имею факты документов лично от него, который выше помянутый. [Я] есть не самозванец, не самовольный и не самоуправство, а есть поверенный и есть наместник, возлагаю на себя [обязанность] мирского покровителя и обязуюсь отвечать по делу его духовного отца Ваисова. А духовный отец Ваисов мне приказал подписываться словом Ваисовым. Вот я, сердечное бытие, есть поверенный ислама и есть начальник Ваисовского Божьего полка и есть наместник его. Поэтому по общим основаниям есть Ваисов. Ну вот, кто Ваисов, как [он] должен управлять делами, на это приведу пример и потом факты, ясные доказательства. Т.е. на открытом море судно не может плавать [л. 125] без капитана и без рулевого, а рулевой без компаса. Вот также вера ислам как море не ведает конца и края, и неизвестна глубина. Вот нужно вести все божьи дела и светские государственные дела без ошибки, нужно спасать царя и народ. Так как на судне спасает капитан, вот поэтому Бог послал пророков управлять божьими духовны-

ми делами. Вот теперь пророческими делами управляют их наместники, потому что после Мухаммеда пророка не было и не будет до окончания мира. И также Коран до окончания мира есть судья, помимо Корана нет другого никого. Этот Коран соединил в себе Библию, Псалтырь, Евангелие, сохраняет и ведет за собой до окончания мира. Кто Святого Корана держится, тот человек найдет Библию, и Псалтырь, и Евангелие, и всех пророков, и Иисуса, и Апостолов, все найдет и вечно будет спасен в царстве небесном у Бога великого. Поэтому Бог великий нам всем вообще приказал всем царям и народам, живущим на земле, держаться [нрзб.] зубами Святого Корана […]. Вот господа, когда так пророки, вот нужны наместники, вот кто Ваисов и вот [зачем] нужен Ваисов, т.е. вы хорошо знаете. На этом свете примеров много. У табуна пастух есть и у каждого дела подрядчик есть. Ни одно семейство без хозяина не живет и у каждого дела свой хозяин есть […]. Только [л. 125об.] узнайте, кто истинный Ваисов. А Ваисов есть всемирный хозяин и апостол, [он] спасает царя и народ. Еще господа, вы пожалуйста, читайте с вниманием это великое мудрое дело. Ну вот, царь нужен и правительство нужно, но только нужно как понять, т.е. Бог, Ваисов и царь – вот они, т.е. Бог великий через Ваисова и через царя управляет всеми делами. В Святом Коране Бог соединил в одном стихе Ваисова и царя […]. Т.е. говорит Бог великий, признавайте и повинуйтесь мне, единому Богу великому Аллаху и повинуйтесь моему посланнику, пророкам и повинуйтесь царю, который между вами и из вас, будет он царь. Поэтому Ваисов и царь по необходимости нужны. А народ только спасается через них. Еще царю нужно правительство, нужны суд, судья; это все нужно, и власть и чины-ордена[660] нужны, без этого нельзя. Но только была бы правда, истина. А Бог великий дал власть чинам-орденам [нрзб.] поддерживать истинный путь божий и народ, чтобы их вести по правилам, по порядку согласно времени, как нужно вести, т.е. время также имеет силу, и перемена жизни. И на каждое время есть закон, устав Святого Шариата. А это согласно времени знает хозяин, который Ваисов, наместник пророка. Вот дают указ царю, потом царь управляется с властью как нужно, вот тогда только народ не заблуждается, весь народ стоит благочестивый и богатый, цари спокойны, никакой боязни нет. Тогда бомбы [л. 126] бросать, убивать некому, извольте знать. А эта власть чинам орденам не дана помимо Бога и божьего закона. Судить и составить никакой закон помимо указа божьего, и водка не пить, и кабак-бардак не открывать, и не нарушать истинную веру ислам, и не притеснять народ за веру […]. А у нас в настоящее время на всем земном шаре что есть все цари и их правительства смешались и заблудились, народ отступился от признания Бога и царя, и отпали от истинной веры и от святого Бога и святого закона. Если [нрзб.] разные

[660] Непонятно, м.б. имеются в виду чиновники.

инспектора и миссионеры, которые самозванцы и самоуправцы, и самовольные, как антихристические собаки, от себя, от своего поганого мозга и [нрзб.] сочинили и составили закон гражданский как ловушку, помимо 4-х святых книг Библии, Псалтыря, Евангелия и Корана […[661]], заловили и запутали вовсю царя и народ, нарушили, уничтожили правду, веру и звания, имя, отчество поименовали, назвали себя поганым именем сословий – крестьяне, мещане, почетный гражданин и прочее. Вот даже цари не поняли и не могли отказаться, и все муфтии и муллы и попы на всем земном шаре запутались, чертовский [нрзб.] приняли, подписались и исполняют […[662]].

[л. 126об.] Вот господа, за это от Бога пришло такое время, Бог послал и выбрал, как выше сказано, из главных наместников пророка духовного отца Ваисова основать веру святой ислам и вызывать, выкликать вовсю царя и народ, что есть на свете, наставить на истинный божий путь. Вот он пришел и появился Его Императорскому Величеству Белому Царю Александру 2-му, Великому отцу монарху. Александр 2-й принял его веру и утвердил духовного отца Ваисова основателем веры ислама и вероисповедником, сотрудником всего мира. Короче сказать, потом [Ваисов] походатайствовал Александру 2-му и 3-му по правилам Святого Корана духовно-религиозные и государственные деловые бумаги с 1863 года до 1893 года, аккурат 30 лет. И его походатайственных деловых бумаг несколько сот и тысяч находится лично у Его Императорского Величества, у Белого царя Николая Александровича, Великого отца монарха. Извольте вам знать. Эти великие дела после духовного отца Ваисова я тронул в 1894 году октября 20 дня. Лично по его поручению, по приказу и по указу его возложил на себя обязанность и ответственность мирского покровителя и наместника его [л. 127], как выше сказано. Поэтому [я] есть Ваисов. Ну вот, как выше [приведенный] пример с судном и капитаном, [управляющим] на море через компас, точно также делами духовного отца Ваисова, духовно-религиозными и государственными делами управляю я, сердечное бытия Шигабутдин эльбулгари Ваисов. У меня море есть вера ислам, а подо мной указ Ваисова. А судно мое – Коран, а компас мой – Святой Шаригат и наши ваисовские документы, которые вышеупомянутое свидетельство за № 160 и сведения копия за № 147. А рулевой мой есть Государь Император, как согласно выше на основании. А Ваисов есть капитан. Ну вот, если капитан пьянствует или спит, тогда

[661] Даны названия этих книг по арабски.

[662] Далее пропущена часть текста, в которой Ш. Сайфутдинов обвиняет, вероятно, муфтия и мулл в том, что, согласившись именоваться этими сословными званиями, они подписались под ними и, таким образом, исполняют эти поганые законы. И народ на земле стал подобен свинье, которая валяется в грязи, стал хуже скотины, хуже кровожадного зверя. Написано очень бессвязно.

и рулевой также ослабится и начнет пьянствовать, тогда все судно должно погибнуть или [нрзб., налететь?] на камень или на мель.

Вот наши дела и действия похожи на этот пример. Вот поэтому истинный Ваисов и Ваисовский божий полк не заблуждаются. У нас есть компас и факты ясней доказательства сведения, копия за № 147, которые подтверждены Белым царем Александром 3-м, Великим отцом монархом. Вот поэтому, мы гражданский суд, судей и прочие должностные лица, начальство и их законы поганые и статьи ваши не признаем и знать не хотим, и не смешиваемся, так как [отделены] небо от земли и вода от огня. Еще по вере христианской начальство также не признаем, потому что христиане и их староверы, православного сословия крестьяне есть безверные, безбожники, идолопоклонники, без ума и без закона, слепота, глухота, темнота, немые, хуже скотины [л. 127об.] и зверя […]. Ну вот, господа, вы возьмите во внимание и читайте с любовью, верой и с надеждой, искренне от души, глубины сердца пишу я бесспорно и без зла. У нас этого нет. Мы говорим правду и стоим за правду. Которое белое – говорим белое, а которое черное – говорим черное. Только на это дело мы назначены от Бога говорить. Наше дело только говорить, мы больше ничего не в состоянии сделать. А что необходимо делать, сам Бог великий делает. Мы только говорим по приказу и указу Божьему без боязни и по необходимости, потому что мы обязаны, как выше разъясняли. А кроме нас эти речи говорить и писать не может никто, потому что это великое дело. И мудрость не поручена и не дана никому, только [тому], кто Ваисов. Он может. Вот поэтому мы пишем ясные факты и доказательства, как красное солнце и светлый день. Ну вот, только вера ислам и духовенство это есть у нас, у Ваисова и Ваисовского божьего полка. […[663]]

[л. 128 об.] Пункт 4-й. Ну вот, имея в виду, господа судьи Казанской [судебной] палаты, сколько я написал выше и очень коротко разъяснил, так вы теперь поняли истинную веру и узнали, кто [есть] такой духовный отец Ваисов и для чего он пришел, и в настоящее время после него кто будет Ваисовым, кто преемник, кто без ошибки управляет. Это вам нужно узнать и это также трудно для вас без растолкования. Хотя [есть] сын духовного отца Ваисова родной. Если эта наука – мудрость Божья – не дана и не поручена [ему], тогда он есть не Ваисов.

[663] Далее пропущена часть текста, в которой Ш. Сайфутдинов обвиняет христиан в том, что они против Бога, так как являются "кумерниками" (т.е., сотворяют кумиров и поклоняются им), за что Бог предал их анафеме. Автор "Святого заявления" вновь нападает на миссионеров и инспекторов. Бог великий послал начальником божьего полка и своим посланником Ваисова (а затем, вероятно и самого Ш. Сайфутдинова в качестве преемника последнего), который должен уничтожить неприятелей и неверующих, должен уничтожить и разрушить их ложную веру. В подтверждении истинности своих слов он неоднократно цитирует суры Корана.

У духовного отца Ваисова [есть] 4 родных сына, но их нельзя называть Ваисовыми. Их природное имя-отчество Багаутдин оглы Хамзин, а не Ваисов. Если из них кто будет исполнять отцовские дела наместником по приказу и по указу его, без фальши, по цели Ваисова, тогда [он и будет] Ваисовым. А если ошибочно, тогда только остается [членом] божьего полка по отцовской фамилии Хамзин. А Ваисов есть духовная фамилия, как выше было сказано. Еще скажем так, кто [есть] Ваисов и Ваисовского божьего полка, [то] можно сказать, что все Ваисовы, потому что они одна душа, одно тело. Но только не каждый наместник пророка – главный наместник. Только между ними один, который получает после смерти Ваисова наместническую науку гирфан. Вот только он может дела вести, а остальные [л. 129] должны и обязаны ему повиноваться. Ну вот, в настоящее время, если кто появится [в качестве] наместника, духовного отца Ваисова, тогда его можно узнать по его разговору и по делу. […[664]]

[л. 129об.] Вот из нас в настоящее время кто смешивается с вами и вашим законом и от вас получает обвинительные акты, ваши дела и бумаги[665]? И вам дает ответы и на своем ответе подписывается? Признает и принимает адвоката? Еще за дела ваисовские попадут в тюрьму и выйдут на поруки. Еще подобные дела делает. Но тогда он Шаригата, указа Ваисова и цель не знает. Поэтому он не есть наместник Ваисова. Тогда он не имеет [права] сам себя называть и именовать Ваисовым, вот что. А тогда он есть самозванец и самоуправец, самовольный и заблуждающийся глубоко, есть слепой. А мир и без того заблужден. А он опять заблуждается, так как равно слепой хочет вести слепых. Вот за это он будет отвечать и его может судить гражданское начальство, судьи, потому что он уже сам себя судил и повиновался, признал их начальником над всеми своими делами. А на словах говорит, что не признаю. А еще он поэтому есть изменщик. За это его будет судить духовный верховный суд на основании Святого [л. 130] Шаригата и согласно сведениям копии за № 147. Ну тогда я, сердечное бытия, от такого самозванца наместника Ваисова отступаюсь прочь, не признаю его Ваисовым. А я тогда остаюсь по указу духовного отца Ваисова самого, потому что я поверенный духовного отца Багаутдина эльбулгари Ваисова. Больше некому. А кроме духовного отца Ваисова никого не признаю сардаром. А наш сардар есть

[664] Далее пропущена часть текста, в которой Ш. Сайфутдинов многословно развивает свою мысль о том, что наместник не должен смешиваться с гражданскими законами и начальством, а должен руководствоваться в своих действиях свидетельством № 147 в качестве "компаса", что претендовать на роль наместника может лишь тот, кто хорошо и ясно знает истинную цель. Претендент не должен руководствоваться своей гордостью, завистью или желанием. Ваисов должен быть один до самой своей смерти, он тот, кого определит Бог великий.

[665] Здесь и далее идет фактический выпад против Гайнана Ваисова.

духовный отец Ваисов сам! Еще он и его дела не обнародованы по указу Государя Императора, когда так нам всем хозяин духовный отец Ваисов. А дела его вести поверенный, кому нужен хозяин, который отвечает за дела Ваисова, так, как выше разъяснено.

5-й пункт. Вот господа, я, как выше говорил, поверенный, и наместник, и Ваисов, и начальник Ваисовского божьего полка, и сотрудник всему миру, и всемирный путеводитель, и спасатель, апостол. Это все соединяется в одной точке – в слове поверенный. А [то], что я это говорю не от себя, а у меня на меня [есть] поручение, как выше разъяснено, это знает Государь Император. Потому что у меня доверенность отобрана 1894 года 20 октября. И с того времени я стою верно, на нормальном положении: светлым умом, как равно драгоценный камень, есть не самозванец, и не самоуправство, и не самовольно, и не от гордости, и не от самолюбия, и не от зависти, и не от лицемерства или какого-нибудь особого желания, помимо справедливости. Стою верно, твердо, упорно и пострадал, и страдаю, и стремился, и стремлюсь, [л. 130об.] и трудился, и тружусь, пока жив, за это великое святое дело. По указу Ваисова ходатайствую очень громко и тонко разъясняю истину словами. Ну вот, с этими словами я еще ищу хозяина над собой с большими знаниями, наместника Ваисова. Если найду, буду повиноваться ему. А только после духовного отца Ваисова не нашел еще. А в настоящее время каждый хочет появиться и является, но все мимо цели Ваисова. Поэтому, так как мне поручено и велено, я иду и дела веду. Вот кому нужно идти за мной без сомнения и без опасения Бога великого. [...][666]

[л. 131] А вас, ваши законы и статьи я не признаю, вам подписи не давал и вас крестьянский обвинительный акт не получал и не ведал, и даже от вас и вашей тюрьмы, даже смерти не боюсь. Если помрем шахидами, останемся божьими воинами. До настоящего времени я 24 года терплю, т.е. в 1886 году получил я документ, свидетельство за № 160-м и с того времени служу духовному отцу Ваисову. Из 12 свидетельств губернскими правительствами отобрали 12. Никогда не получал крестьянский билет из волости. Потом был в Сибири, Иркутске и потом на о. Сахалин, как выше разъяснил. Даже в Российской империи редкая [есть] тюрьма, в которой я не был. Вот значит с 1886 года и до сих пор 24 года

[666] Далее пропущена часть текста, в которой Ш. Сайфутдинов многословно рассуждает о том, что после смерти духовного отца Ваисова не нашелся еще человек, который следовал бы истинной ваисовской цели. Сам же Ш. Сайфутдинов все делает в интересах всего мира, царя и народа. В особенности автор текста заботится об интересах и здравии царя Николая Александровича с семейством и августейшим домом. Поэтому автор документа отказывается признавать суд и предъявленное обвинение.

я терплю, в этом терпении и страдании за истину, от жены и от детей отступился, светские удовольствия долой прочь [...][667].

[...][668] [л. 131об.] Мы народ темный не смущаем и говорим слова, глядя на народ, если не Божьего полка, мы не говорим. А кто чувствует и спросит, ему только и говорим. Или кто безверный человек хочет поступить [в Божий полк] и принять веру ислам, мы можем принимать и учить, так, как на Сахалине принял и учил Морозова. А на это имеем полное право, это наша обязанность, как выше разъяснил. А наше учение не ведет человека к худому, а ведет к хорошему, как выше разъяснил, по пути божьему. Т.е. мы не научим ни против Бога и Царя, не учим против Государя Императора и правительства. Т.е. не учим убивать царя и царскую фамилию, прочих министров и губернаторов. И вас судей мы не убиваем и не учим никого. [л. 132] Мы стараемся сохранить, спасти вас всех. Мы орудия, бомбы не имеем и не учим. Наше орудие, бомба есть Святой Шаригат и устав на основании. Вы теперь поняли, что я, как выше упомянул, каждое время имею силу на основании устава. Вот поэтому у нас в настоящее время истинная правая вера ислам основалась без орудия и без рукопашной [борьбы], а основалась на фактах и доказательствах. И [святая вера ислам] откроется всему миру [через] ходатайства, написанные ваисовскими руками и пером. В настоящее время наше орудие перо, извольте знать. И даже вы сами это все знаете дальше. Ну вот еще, если истинное слово будем говорить темному глупому человеку, тогда [это значит] равно как бросать жемчуг или повесить свиньям драгоценный [камень]. Вот у нас великий пророк не приказывал свиньям драгоценный камень повесить и бросать собакам жемчуг, т.е. лицемерам, неверующим, глупым, темным, беззаконным и безумным народам не продавать истину. Наместник Ваисов знает, кому как говорить. [...][669]

[667] Своими многолетними мучениями Ш. Сайфутдинов подтверждает тот факт, что он и есть наместник Ваисова – а иначе зачем ему терпеть эти мучения. В подтверждении приводится Сура 67 Власть (ал-Мулюк).

[668] В шестом пункте своего "Святого заявления" Ш. Сайфутдинов пишет о том, что ваисовцы не занимаются миссионерской деятельностью, а говорят лишь тем, кто сам интересуется, в свою веру принимают лишь тех, кто пожелает.

[669] Далее автор "Святого заявления" утверждает, что распространять истину ваисовцы имеют полное право, так как Император дал им полную свободу совести, провозгласив веротерпимость и свободу. Более того, это их прямая обязанность, вмененная Богом. [л. 132] Бог не принимает никакую веру, кроме ислама, а все иные добрые дела и молитвы пропадают, подобно семенам, брошенным в песок или в болото. В подтверждение приводится Сура 3 Семейство Имрана (ал-Гимран). Далее, Ш. Сайфутдинов в очередной раз отвергает гражданские законы, называя их чепухой и ерундой, говорит, что признает лишь шариат как закон, данный Богом. Приводится Сура 45 Коленопреклоненная. А если ваисовцы и виновны, то судить их могут лишь лично Государь, великий Бог и верховный духовный суд Оттоманской порты [л. 132об.].

[л. 132об.] Еще будет вам известно, [что] я [послал] в мусульманскую фракцию Государственной думы на имя Садретдина Максудова[670] святое заявление, а еще самим господам Шубинскому, Селину, Гулькину[671] на счет староверов. Еще 4-е дело на имя господина председателя [Государственной думы] за № 323-м, а почтовый № 928 от 8 июля 1910 года. Если справитесь об этом номере, тогда найдете все мои дела, всего 52 страницы листов бумаги. Это также свидетель моей стойкости. Сам сочиняю и сам пишу. [...[672]]

[л. 133об.] Тогда мы останемся вами недовольные и с просьбою вернемся к Богу великому [нрзб.] с молитвой, надеемся на него и остаемся сторонниками Бога великого. Бог как хочет, воля Его. Он могучий, сильный и мудрый. Он Бог знает, как с вами поступить. Вот на это еще практичный факт приведу. А вы поэтому поймите и с этого возьмите пример. Я, сердечные бытия, в течение своей жизни никому зла и худого дела [не сделал]. Также мой родной отец и наше поколение и природа. Нет этого, есть честное, благодаря Богу великому. Ну вот, за правду, когда я служил духовному отцу Ваисову, за это меня сослали в Сибирь безвинного. И я вернулся по приказу его Ваисова. Потом меня отправили на Сахалин. Меня сколько притесняли, а я все равно грязью не замарался. Мой след чистый. А это правительство сами писали [о] моей жизни, и вот сам пишу, поэтому знали. Ну вот, как выше сказано, зло вернется самому. И вернулось сахалинскому начальству и через них во вред и убыток общей России. Ну вот, на Сахалине из русских людей Петр Морозов принял через меня истинную веру ислам. Как выше сказано, он Морозов разрушил и уничтожил темную, ложную веру в кумиров отечества, разбил в пух и прах все поганые иконы, чертовский, чертовский, чертам, черту, и открыл всем христианам путь вступить в истинную веру ислам. И для христиан [Петр Морозов] выступил 1-м путеводителем, духовным святым отцом. За это на Сахалине нас с Морозовым притесняли, смеялись попы и некоторое начальство. Я тогда им писал о приставаниях, [писал] что вам придет от Бога наказание [л. 134] и будет сильная война. Они

[670] Максуди Садри (1878–1957) – общественный и политический деятель, депутат Государственной думы 2-го и 3-го созывов от Казанской губернии, член мусульманской фракции.

[671] Шубинский Николай Петрович (1853–1921) – адвокат, депутат Государственной думы 3-го и 4-го созывов от Тверской губернии, член фракции октябристов, председатель судебной комиссии и заместитель председателя комиссии по запросам; Селиванов Алексей Алексеевич (1839–?) – депутат Государственной думы 3-го созыва от Рязанской губернии, октябрист; Гулькин Дионисий Петрович (1861 – ?) – депутат Государственной думы 3-го созыва от Бессарабской губернии, умеренно-правый, позднее беспартийный.

[672] В 7-м пункте Ш. Сайфутдинов вновь говорит о своей деятельности в течение 24-х лет, о притеснениях со стороны властей, о том, что причиненное ваисовцам и лично Ш. Сайфутдинову зло вернется тем, кто творит это зло и "копает яму". При этом автор вновь ссылается на Коран, Сура 26 Поэты [л. 133].

не слушали и все продолжали свой смех. Потом Бог великий услышал нашу молитву и послушал нас, открыл войну и заставил японского императора [начать войну]. И сам Бог ему помогал и послал ему войско, неведомый божий полк и разбил [русскую армию] в пух и прах. Это уже Вам известно. А если не успели помириться, тогда он пришел бы во всю Российскую империю и взял бы Казань и дал бы нам больше, потому, что Казань есть наша и вернуться нам время поспело.

Ну вот, тогда японская армия пришла на Сахалин, взяла и начальство при нас сокрушила. Вот тогда поверили, что я им верно писал. Потом мы с японским военным правительством вместе жили 3 месяца. И тогда я на имя японского императора подал очень великое дело и вручил главнокомандующему японской армии лично. А они любовно приняли от меня это великое святое дело. И японскому императору я разъяснил и растолковал истинную веру ислам, как и зачем меня сослали, до тонкости заявил и разъяснил с начала и до конца. Они все узнали и поняли, в чем суть и в чем заключается [дело] и прочли японскому императору, чтобы мое дело не осталось тайной, [должны] дать знать русскому царю и турецкому султану и прочим державам. Ну вот, японскому императору всего подал 7 дел святого заявления за №№ 242-м, 244-м, 246-м, 247-м 1905 г. Ну вот, если русское правительство знало бы меня, ни за что на Сахалин не послало бы. Вот не знали божье дело. Нельзя напрасно, за правду притеснять, на добро отвечать злом. Вот зло как вернется самому.

[...[673]] [л. 134об.] Государю Императору и вам самим в общем придет от Бога великого наказание ужасно жестокое и хуже японской войны. Тогда не то, что только Казань возьмет, а возьмет всю Россию, разрушиться Российская империя. А это ваше орудие и солдаты для Бога нипочем. У Бога все готово, он не нуждается, у него сабля точенная и пушка заряжена, и войско готово, невидимый Божий полк. А они [нрзб.] за один смех тысячу человек убивают неверующих. А кто верующий, останется. [...[674]]

[л. 135] Ну вот, если вы не будете нас притеснять, дадите полную волю, как выше разъяснили, то помогаете царю, а царь это дело делает, как ему Бог велит. Вот за это Государь Император собрал Государственную думу для совета как удобнее делать, и как это дело определить, как обнародовать. Государь Император как можно постарайтесь лучше сделать совет, без совета нельзя [...]. Государь Император собрал умных людей. Идет царь с народом, а народ с царем. А это собрание на совете, на доброе дело есть справедливое. А между этим великим советом стоит

[673] [л. 134об.] Далее пропущена часть текста, в которой Ш. Сайфутдинов предостерегает власть, что если его слова и далее будут игнорироваться, а ваисовцы будут несправедливо притесняться, то страну ждут новые бедствия, хуже японской войны и пр.

[674] Опущена заключительная часть текста, в которой Ш. Сайфутдинов предостерегает власть и призывает их дать Ваисовскому Божьему полку полную свободу.

сам Бог Великий Аллах. Впоследствии Бог им разум откроет, знает и ждет время. Также [на] каждом собрании Думы между господами членами [будет] присутствовать сам Бог Великий Аллах [...].

Ну вот, тогда придет время и по указу Его Императорского величества вера ислам [распространится по] всему миру и установится духовная верховная власть, суд, судья всему миру. [...] Вот господа, теперь все узнали. Когда так, воля ваша, из двух одну любую вы берете, для нас все равно. Конец писания.

Документ № 76. 6.09.1912.
РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 508. Лл. 9–9об.

Его Превосходительству Господину Симбирскому Губернатору[675]
Муллы Села Татарская Бетеньга
Курбан Гали Джагфаров
Се[р]азетдин Джагафаров
Симбирского губернии и уезда

Прошение

В Селе Татарской Бетеньги имеется мечеть так как мы состоим при ней Муллами, неся свои обязанности между тем [нрзб.] нек[о]торые магометане нашего закона нам не подчиняются даже и всего Начальство. Первый именно который проживает в Селе Татарской Бетеньги Гаян Ваисов, который совершает разные дела. Именно смущает [народ] и между тем совершает у себя в дому молельный дом[676], что совершенно по закону не полагается, но между тем народ мутится и получается разный отголосок. Просим покорно Ваше Превосходительство привлечь [л. 9об.] упомянутого магометанина Гаяна Ваисова за то, что бы он не смущал народ и не приносил вреда для нас. Кроме того, Гаян Ваисов принимает разного рода подачки, которые поступают, неизвестно куда девается это вся сумма, котор[ая] им собирается. 26-го Августа 1912 года по закону должно совершаться Богослужение в мечети и то некоторые магометане не присутство[ва]ли на молебни, так как по его смущению. Кроме того он Гаян Ваисов совершает даже такие темные дела с вер[ой] нашей Религии и все духовные дела. Еще крест[ьяне] села Татарской Бетеньги тоже самое. Аседулла Гатиатулла и Халим Ахметов, Незаметдин Хейсаметдинов, Газизан Ваисов. Просим Ваше

[675] На документе имеется две печати с датами поступления документа в канцелярию Симбирского губернатора – 5 и 6 сентября 1912 года. Прошение написано от руки, по-видимому, малограмотным человеком, вероятнее всего, татарином, но не самими муллами. Документ дается с оригинальной орфографией.

[676] В оригинале – "молленый Дом".

Превосходительство привлечь упомянутых крестьян Села Татарской Бетеньги по закону. Муллы 1-й Мечети Села Татарской Бетеньги.
Курбангалий Джагфаров
Сиразитдин Джагфаров

Документ № 77. 12.09. – 5.12.1912 г.[677]
РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 508. Лл. 10–12об.

[л. 10] Симбирское Губернское Правление предписывает Симбирскому Уездному Полицейскому Управлению, с возвращением настоящей жалобы мулл 1-й соборной мечети дер. Беденьги Курбан-Галея и Серазетдина Джегафаровых, на действия крестьянина Гаяна Ваисова, доставить Правлению надлежащие по существу этой жалобы сведения и заключение.

Сентября 12 дня 1912 года. № 6068.
Советник [нрзб.]
В Симбирском Уездном Полицейском
Управлении Постановлено: настоящую
переписку доставить в Симбирское
Губернское Правление
Декабря 5 дня 1912 года [...[678]]

Представляя переписку с произведенным дознанием и двумя документами, отобранными от Ваисовых, доношу Симбирскому Уездному Полицейскому Управлению, что указанные в дознании Алим Ахметов и Саддык Хусаинов остались не спрошенными [л. 10об.] вследствие временной отлучки, которые в половине Декабря с./г. должны быть дома и что медленность в производстве дознания произошла вследствие временных отлучек допрошенных лиц. Худжа Мухамет Газизан и Худжа Мухамет Гаян Багаутдиновы Ваисовы принадлежат к Ваисовской секте Божий полк и первому из них, как видно из предписания Господина Симбирского Уездного Исправника от 5 Января 1911 года за № 5, Г. Министром Внутренних Дел воспрещено жительство в Туркестанском крае и Казанской губернии в течение 5 лет с 28 Декабря 1909 года и он состоит здесь под негласным надзором полиции, а второй отбывал наказание в Вятском Исправительном Арестантском Отделении по приговору Казанской Судебной Палаты от 23 Октября 1910 года за проступок, пред[усмотренный] 1 ч. 125 ст. Уголов[ного] Улож[ения] и

[677] Документ состоит из машинописной и рукописной частей и представляет собой протоколы допросов, а также материалы дознания.

[678] Печать уездного полицейского управления с подписями соответствующих чинов, а также печать губернского правления от 8 декабря 1912 года.

будучи 23 Апреля с./г. досрочно освобожден, прибыл в избранное им место жительство дер. Беденьгу под надзор полиции. Ваисовцы хотя в настоящее время и не распространяют своей секты Божьего полка, но возможно, что при долговременном пребывании их здесь, бывшие в этой секте татары постепенно перейдут вновь в эту секту, т.к. они относятся благосклонно к Ваисовым и тогда среди магометанского населения может произойти нежелательная смута.

3 Декабря 1912 г. № 2155. Пристав [нрзб.]

[л. 11] 1912 года Октября 5 дня Пристав 1 стана Симбирского уезда на основании поручения Симбирского Губернского Правления от 12 Сентября с./г. за № 6068 производил дознание по содержанию прошения Мулл д. Татарской Беденьги Сюндюковской волости, Курбан-Гали Джагафарова и Серазетдина Джагафарова; при чем оказалось:

Мулла 1 Соборной мечети д. Татарской Беденьги Курбан-Гали Джагафаров объяснил, что проживающие в д. Татарской Беденьге Гаян и Газизан Ваисов выдают себя за мулл Ваисовской секты и выполняют все требы у своих единоверцев; в доме Ваисовых происходят по их секте моления и Ваисовы производят сборы точно такие же, как и муллы. Ваисовых посещают кр-не с. Татарской Беденьги Аседулла Гадиатуллов, Халим Ахметов и Незаметдин Хисаметдинов, которые не посещают мечети и не бывают на молебне о Государе; 26 Августа сего года был назначен молебен о здравии Государя и об этом объявлено всему приходу заблаговременно, но Ваисовы и другие вышеуказанные лица на молебен не явились и поэтому считаю их не признающими никакой власти и начальства; все это происходит под влиянием Ваисовых и в 1911 году, кажется в Декабре м-це Газизан Ваисов похоронил по своему обряду тещу Аседуллы Гадиатуллова – Замял Хисаметдинову. Ваисов ясно исповедует Ваисовскую секту, т.к. однообщественнику Саддыку Хусаинову говорил, что если бы магометанские муллы получали указ на звание муллы не русский, а бумагу от Канцелярии Имамы [л. 11об.] Муслимин Ваисовской секты, то они Ваисовы и их единоверцы ходили бы в мечеть. Ваисовы вообще мешают мусульманскому исповеданию и поэтому подана жалоба. Мулла Курбангалий Джагфаров.

1-й Мулла 1 Соборной мечети д. Татарской Беденьги Серазетдин Гимадетдинов Джагафаров объяснил, что он подтверждает лишь отзыв брата своего Курбан-Гали Джагафарова и более добавить ничего не может. Сиразитдин Джагфаров

Кр-нин д. Татарской Беденьги, Сюндюковской волости Аседулла Гадиатуллов Оглы, 38 лет, спрошенный 14 Ноября объяснил, что при-

надлежит к секте Божий полк Ваисовской и поэтому в мечеть не ходит, а совершает богомоление в доме Ваисовых; Гаян и Газизан Ваисовы считаются муллами и исправляют все духовные требы, а за это получают доход как муллы у магометан. Начальство и всех должностных лиц признают, а в мечеть не ходят потому, что разное верование и, безусловно, верны наследникам Ваисова, основавшего эту секту. В сентябре месяце сего года у меня родилась дочь Биби-Гакиша и ей имя давал Гаян Ваисов, а в прошлом 1911 году, кажется в декабре месяце умерла теща моя Гайни Замал Хисаметдинова и ее по своей секте хоронил Газизан Ваисов. Пятницу, магометанский праздник, выполняем и за Государя молимся не только по пятницам, а ежедневно. Аседулла Гадиатуллов подписался по-татарски […].

[л. 12] Кр-нин д. Татарской Беденьги, Сюндюковской волости, Незаметдин Хисаметдинов, 60 лет, спрошенный 14 Ноября объяснил, что у него родители держались старой Ваисовской секты Божий полк и он держится той же секты; муллой у них [является] Гаян Ваисов, а Газизан Ваисов исполняет обязанности муллы только в отсутствии Гаяна и они совершают все духовные требы, а муллам других татар новой веры не подчиняемся. Ваисовы муллами состоят только потому, что они наследники основателя веры Багаутдина Ваисова. Законы российские признаем и за Государя молимся ежедневно, а также подчиняемся и признаем все начальство, начиная с младшего десятника и кончая высшими должностными лицами. Погребение, при рождении детей имя и браки совершает Гаян Ваисов; он Хисаметдинов отдал три дочери и все браки совершал Гаян Ваисов. Хисаметдинов назвался неграмотным.

Старовер Мусульманин д. Муллина, Косяковской волости, Свияжского уезда, Казанской губернии, Худжа-Мухамет Газизан Ваисов, 23-х лет; объяснил, что состоит духовным лицом староверского общества мусульман Божий воин и следует преданию своего отца основателя секты Багаутдина Ваисова; следует его учению, согласно которого признает только Верховную власть, а последнее гражданское начальство не признаю; этому же учу и своих последователей. Духовные требы исполняет брат Гаян, а в отсутствии его я; при дальнейших расспросах отозвался, что [л. 12об.] он и брат действуют на основании предъявляемого ими свидетельства Канцелярии Духовного отца Ваисова, сотрудника всего мира, Староверческого Мусульманского общества, выданного Духовным отцом 11 Февраля 1886 года в гор. Казани и на основании разъяснений о вере, поданных Ваисовым за № 147 на Высочайшее имя в 1885 году. От дальнейших показаний отказался. Н.с. дух[овного] отца Ваисова Худжа Мухамед Газизан Ваисов[679].

[679] Собственноручные подписи Газизяна и Гаяна Ваисова.

Старовер Мусульманин д. Муллина, Косяковской волости, Свияжского уезда, Казанской губернии, Худжа-Мухамет Гаян Багаутдинов оглы Ваисов 30 лет, спрошенный 28 Ноября, объясняю: состою духовным лицом секты Ваисовского Божьего полка и на основании этой секты исполняю все духовные требы у таких лиц, которые об этом просят. Я именуюсь старовер мусульманин и кто меня из начальства будет именовать также, то это начальство признаю, а начальство, именующее меня крестьянином, не признаю. Действую на основании документов, предъявленных братом и более объяснить ничего не могу. Склонять в свою секту не намерен и не склоняю. Х.М. Гаян Ваисов.

Мулла 1-й соборной мечети Курбан Гали Джагафаров, спрошенный вторично: объясняю, что распространение секты Божьего полка не замечается; сектантов Ваисовской секты 4 дома и они продолжают существовать 2 года, а ранее было до 20-ти домов. Джагфаров.

Пристав [нрзб.]

Документ № 78. 11.01.1913.
РГИА. Ф. 1412. Оп. 35. Д. 12. Л. 85–86об.

[…[680]] Его Императорскому Величеству Государю Императору Белому Царю Николаю Александровичу Великому Отцу Монарху[681]

От наше[го] великого начальника Ваисовского Божьего полка и староверского общества мусульман духовного отца Ваисова лично по поручению я есть выше назначенное лицо и полномочный присяжный поверенный ислама, сотрудник всего мира, Божий воин Шигабутдин мулла Сайфутдин оглы Эльбулгари Ваисов, проживающий в Казанском уезде Большой-Менгерской волости деревне Новой Куюк. Канцелярия у меня в собственном доме ж[ены]

№ 357 Святое заявление и прошение

Имею честь и выведу источник истины. Ну вот я, выше именованное лицо, защитник Вашего Императорского [л. 85об.] Величества и точно также защитник староверского общества мусульман. Вот поэтому по свидетельству сведений из разных мест, продолжается не почитание и притеснения мусульман за веру ислам и по учение детей от полицейских нижних чинов. И в особенности у нас есть Великий пастырь и учитель и мударрис дамулла Ишмухамед Денмухамедов деревни Тюнтяр Урбарской волости Малмыжского уезда Вятской губернии[682]. И он сам асула кадим[683], т.е. староверского общества мусульман. Вот он борется с новым заветом асул джедидами[684] 19 лет и много пострадал через них за справедливость и за защиту Вашего Императорского Величества и сохраняет самодержавие. Об этом я больше растолковывать не буду. Вот дамулла Ишмухамед Денмухамедов в течение 19 лет своей борьбы для факта сочинил много книг. Ну вот, я пожелал знать его стоимость и за это достал его сочинение две книги, и мне очень понравились его стоимость[685]. И учение в действии, в делах сохраняет самодержавие и государственную законность. Поэтому необходимо, пишу Вашему Императорскому Величеству, даю знать и лично посылаю его две книжки. А книжка [имеет] название "Хранитель империй". Покорнейше прошу сделать перевод. Вот он мулла Ишмухаммед Денмухамедов есть великий учитель мударрис, имеет большое медресе, [л. 86] т.е. академическую гимназию, в [которой] каждый год учится много учеников. И от его учения больше 100 мулл служат по приходам на разных местах. И они все усул кадим, по старому все стоят за правду и сохранение государственной законности, по учению и по указу дамуллы Динмухамедова. Вот такой мударрис, от роду имеет 70 лет. Вот такой великий учитель находится в нужде и притеснении, под стремление и унижение от разных нижних чинов, я слышал и знал по сведениям. Ну вот. Его ни почем не почитают полицейские нижние чины. Это очень нехорошо и великая совесть, ну вот. Если он стоит за защиту Вашего Императорского Величества, когда так не нужно [до] своих пасторов допускать нижних чинов и нужно его почитать по его стоимости. Ну вот, Ваше Императорское Величество, до обнародования нашего Ваисовского Божьего дела сделайте монархические распоряжение г. Губернатору, [чтобы] это унижение без порядку не было бы.

[680] Религиозные формулы и воззвания к Аллаху.

[681] Документ публикуется полностью с исправленной орфографией, при максимальном сохранении авторского стиля и содержания прошения. На документе имеются печать, что он поступил в Канцелярию императора 19 января 1913 года.

[682] Динмухамметов Ишмухаммед (Ишми-ишан, 1842, д. Верхняя Сунь, Мамадышского уезда Казанской губернии –1919, г. Малмыж, Вятской губернии) – религиозный деятель, представитель кадимизма. После получения образования в Тюнтерском медресе и Бухаре, И. Динмухамметов становится имамом-хатыбом мечети д. Тюнтер (1877). С середины 1880-х годов И. Динмухамметов известен как общественный деятель, резко выступавший против взглядов улемов-реформаторов (Г. Курсави, Ш. Марджани), считая, что они отходят от норм шариата, буквы и духа Корана. С 1890-х годов Ишми-ишан становится резким противником джадидистов, борясь за сохранение устоев традиционного ислама. Расстрелян большевиками по обвинению в контрреволюционной деятельности. Подробнее см.: Салихов Р.Р. Ишмухаммет Динмухамметов // Татарская энциклопедия: В 5-т. – Казань, 2005. – Т. 2. – С. 290–291.

[683] "Усул кадим" – старый метод в системе обучения. Этим же термином часто обозначают консервативное направление общественной мысли и консервативное течение общественного движения.

[684] "Усул джадид" – новый метод.

[685] Имеется в виду содержание, ценность сочинений Ишми-ишана.

Пункт 2-й. Еще я сердечное бытия послал дервишское[686] отношение на имя Ее Императорского Величества Государыни Марии Федоровны, почтовый № 735-й, 7 декабря 1912 г. и Императрице Александре Федоровне, почтовый № 736 7 декабря 1912 года. Еще Императорскому Высочеству Великой княжне Ольге Николаевне, почтовый № 734 7 декабря 1912 г. Еще Его Императорскому Высочеству Великому князю наследнику Михаилу Николаевичу, почтовый № 733 7 декабря 1912 г. [л. 86об.] А сочиненные слова всем одна речь и просьба. Прошу исполнить. И Вы требуйте меня лично по делу Ваисова. Без нас решать вопрос не может никто. В Государственную думу сколько дел подал, все молчит. Еще из о. Сахалина ходатайствовал, все молчит и все продолжаются притеснения. Нет покоя и нет воли и все время под надзором полиции. Никуда не пускают. Почему это так? Отдайте свободу волю. Еще на о. Сахалине чтобы не было притеснения Петра Морозова и отдай наше дело, решите наше ваисовское дело, вопрос. Издай указ, обнародуй всем народам. Еще не идите напротив турецкого султана, а то, Боже спаси, тогда разрушится Российская империя. И даже помогай ему, всему великому султану, тогда будет спасение во веки веков, Аминь. А то готов неведомый Божий полк, неверующим и кумирникам конец от Бога.

С тем условием подписываюсь по-мусульмански и по-русски вот так [...[687]] Сотрудник всего мира, Божий воин Шигабутдин Булгари Ваисов. 1913 г. Января 11 дня.

Документ № 79. 31.01.1913.
РГИА. Ф. 1412. Оп. 35. Д. 12. Лл. 102–103.

Всепресветлейший Державнейший,
Великий Государь Император
Николай Александрович
Самодержавец Всероссийский Государь Всемилостивейший![688]

Верноподданного Казанской губернии
Свияжского уезда Косяковской волости, деревни
Муллино Члена Старовера мусульманского
Общества Ваисовского Божьего полка,
то есть хранящего Государя Императора

[686] Фактически Ш. Сайфутдинов присваивает себе титул "дервиш".

[687] Подпись по-татарски: "Бен ... гариб Аллаһ мөэтәһид вә гариб мулла шиһаб дәрвиш Шиһабеддин мулла Сайфеддин углы ал-Болгари Вәис". Далее следует обращение к Богу и формулы его восхваления.

[688] Документ написан на специальном бланке для всеподданнейших прошений от руки профессиональным переписчиком и подписан Газизяном Ваисовым.

Божьей мудрости потомство Булгарского
Князя, наследника-сотрудника всего мира
Божьего Дервиша Худзя-Мухамед Газизян
Ваисова Эль-Булгари

Всеподданнейшее прошение

1 Ноября 1912 года я призывался к отбытию Воинской Повинности по городу Свияжску и принят на действительную Военную Службу, назначен в Двинск Витебской губернии, 99 пехотного Иваногородского полка, а 23 Декабря я явился в город Двинск в назначенный полк.

Мы староверы мусульманского Общества Божьего полка, наш великий Пророк Мухамет Божьего здания по священной книге святой Алькоран, после Булгарского Казанского ханства, наши предки приняли великое русское подданство и по своей вере Ислам Магометанский и по святой шаригате, верноподданный [л. 102об.] Государю мой отец Дердеменд дервиш Багаутдин Ваисов был признан Божий воин, сотрудник всему миру, мы преемники сотрудника Ваисова никогда не отступали от подданства Вашему Величеству, храним по Божьей мудрости, мой отец весь свой век служил Вашему Величеству по молитвам и извещал своим детям служить молитвой и правдой Царю, а я наследник сотрудник Ваисов, главарь 33000 домов мусульман Худзя Мухамед-Газизян Ваисов желаю служить век свой по молитвам – Всеподданнейше прошу:

1., Предоставить мне свободное выполнение своих религиозных обязанностей. 2., Возвратить мне разграбленный в 1884 году в г. Казани 5 части, Бол[ьшой] Симбирской улице Молитвенный дом и имущество моего отца сотрудника Ваисова. 3., Так как я нахожусь на Военной Службе, оставил семейство: мою жену и 2-х малых детей без всяких средств и без всякой помощи, – потому оказать им необходимое пособие. 4., К 300 л[етию] Царствованию Дома Романовых и верноподданства наших предков Булгарского Казанского ханства – прошло несколько веков – удостоить меня Божьего воина наследника Булгарского хана [л. 103] Худзя Мухамед-Газизан Ваисова военно-офицерским чином и знаком. Худзя Мухамед Газизян Ваисов Эль Булгари.

1913 года Января 31 дня.

Документ № 80. 19.04.1913.
РГИА. Ф. 1412. Оп. 35. Д. 12. Л. 105–110об.

[…] Его Императорскому Величеству Государю Императору Белому Царю Николаю Александровичу Великому Отцу Монарху[689]

От начальника Ваисовского Божьего полка и староверского общества мусульман, сотрудника всего мира, Божьего воина, Божьего дервиша муллы Шигабутдина муллы Сайфутдина оглы Эльбулгари Ваисова, проживающего в Казанском уезде, Больше-Менгерской волости, деревни Новой Куюк, во временной канцелярии, в собственном доме жены

за № 363 Святое заявление

Имею честь из истинного источника провести духовное верховное и религиозное великое дело и государственную законность по Божьей премудрости через высшую науку святую гирфанию. И буду растолковывать, разъяснять ясней факта и доказательства, согласно всех 4-х священных книг[...[690]] и на основании святого шариата, согласно [л. 105об.] святому отечеству повелевающим указом Бога Царя, полный светлым умом, в своем нормальном положении, равно как драгоценный камень. 1-м пункт. Ну вот, сначала буду припоминать которое мною послано [было] великое святое дело и дервишское отношение и просьбы свои убеждения Ее Императорскому Величеству Государыне Императрице Марье Федоровне, почтовый № 739, от 7 декабря 1912 г., еще Его Императорскому Высочеству великому князю наследнику Михаилу Николаевичу, почтовый № 733, от 7 декабря 1912 г., еще Их Императорскому Высочеству великой княжне Ольге Николаевне, и Татьяне Николаевне, и Марье Николаевне почтовый № 734-й, 1912 года 7 декабря. Покорнейше прошу справиться и [у]знать до тонка. А я на это ждал ответ. За что и почему не было? И зачем вы не исполнили мои просьбы?

2-й пункт. Ну вот, за что именно оставили без последствий, не взяли во внимание и [не] помогли мне. Вероятно, вы взяли во внимание, что [я] дервиш нищий да? Поэтому берете на шутку и насмешку. Стало быть вы не чувствуете дервиша. [л. 106] Будто бы я пишу так о себе, если не правду. Ну вот, посланник Божий, основатель святой веры ислама, наместник Иисуса и наместник великого пророка Мухаммеда был великий дервиш сам духовный отец Ваисов. А вы его не почитали и заморили его, арестовали в голодный и холодный сумасшедший дом. Не то, что нас. И нас мучаете

[689] Документ публикуется с исправленной орфографией, при максимальном сохранении авторского стиля и содержания прошения. На документе есть печати канцелярии – 27 мая 1913 и "Из Имп. Гл. Кц.".

[690] Даны названия книг по-татарски: ат-Тора, аз-Забур, ал-Инзил и Коран.

27 лет, разорили и сослали в Сибирь и на о. Сахалин. Сколько я принял наказаний и претерпел. И приехал на родину в 1906 г. И с этого времени не спокоен. Или арестовываете в тюрьму или передаете под надзор полиции безвинного и без причины. А в настоящее время опять [отдали на] 4 г[ода] под надзор полиции[691]. Нет места жительства, нет земли и нет дома. И где нам жить и чем пропитаться и семейство чем воспитывать? Разве это закон? Или государство? А я в течение 27 лет борюсь с врагами за защиту Вашего Императорского Величества, за сохранение родины и самодержавия по указу и по приказу его духовного отца Ваисова, как указал наш он великий начальник Божьего полка повелевающим указом Бога и царя! Инша-Аллах буду [л. 106об.] стоять до своей смерти, так как мне поручено. А Вы, Императорское Величество, как обращаетесь со своим дервишем? А это помните, [в] уме держите, это все Бог великий ведет нас. И будет судить правый судья. Эти зря не придут. Вот Бог, дервиш и царь. Есть трое и между ними никто не касается. Не ошибитесь [...[692]].

Пункт 3-й. Ну вот, как меня притесняло правительство, арестовало в тюрьму в 1910 году 9 ноября и освободило 1912 года 28 июля. Это мало. Опять передали на 4 года под надзор полиции, объявили, в какой город нельзя мне ехать и [там] проживать; а если я [буду] уезжать из дома, тогда чтобы заявил становому приставу, когда поеду. Потом он будет делать расписание полицмейстеру, [л. 108] где я буду жить, ну скажем, это лето. С этим мне правительство даст ход. А только этот ход мне не нужен, потому что я, во-1-х, сердечные бытия, не буду заниматься светской суетой, а буду исполнять свои духовные обязанности вероисповедника, исполнение которых мне поручено от начальника Божьего полка, духовного отца Ваисова. Эту святую обязанность я признаю над собой заповедью, священным долгом, который заключен Богом великим, обязанностью по присяге. Поэтому [я] есть верноподданный, присяжное природное духовное лицо староверского общества мусульман, потомственный эльбулгарский [воин] Ваисовского Божьего полка и выше назначенный уполномоченный присяжный поверенный ислама, сотрудник всего мира, всемирный путеводитель. [Я] возлагаю на себя обязанности мирского покровителя над

[691] Имеется в виду, что после освобождения из тюрьмы все осужденные ваисовцы оказались под надзором полиции, что значительно ограничивало возможности их передвижения.

[692] Далее (лл. 106об.–107об.), Ш. Сайфутдинов разъясняет, что дервиш действует по поручению пророка Мухаммеда и управляет всеми пророческими делами на основании святого шариата. Пророки Авраам, Моисей, Иисус и Мухаммед являются наместниками царя и народов. Поэтому дервиш, сотворенный самим Богом и действующий по поручению пророка Мухаммеда, стоит даже выше царя и всех народов, живущих на земле. В подтверждение своего тезиса о превосходстве дервиша над царями Ш. Сайфутдинов приводит суру из Корана. Дервиш и царь составляют неразрывную связь, пару, как тело с душой. В этой паре дервиш – душа, а царь – тело. А потому царь не может жить без дервиша, а дервиш без царя.

всеми царями и народами, есть Божий воин и Божий дервиш, который [как] выше написано и разъяснено. А эта должность встречается согласно времени только через 1000 лет и через 100 лет. Бог великий посылает и назначает сам для основания святой веры ислама, как выше разъяснено. Во 2-х, если я буду заниматься светской суетой, тогда должен бросать это святое дело. Тогда что же будет? Должны упасть свет и государство. Ну вот, если не мы, Ваисовский Божий полк, всего мира государства, где есть покой и стоимость, кто стоит, дайте ответ. И кто может писать и говорить такие речи? Много есть во всем мире людей, каждый только учится для удовольствия своего, каждый трудится и стремиться выполнить свое хотение, жадность, нафес[693], больше ничего. По делам и по разговорам [они] известны и дела их свидетельство. И также наши дела нам [л. 108об.] свидетель, спрашивать и сказать не нужно. Вот что. В 3-х, я уже 27 лет страдаю. Мои года прошли заниматься светской суетой, 52-й год от роду. И с какого конца начинать, т.е. работать или торговать, оба конца потеряны. Т.е., если торговать, нет средств, а также работать, раз не рабочий, время прошло. В 3-х на одну лошадь два хомута не надевают, у меня занятие есть духовные дела, о которых я выше разъяснил. Ну вот, разъяснил свою стоимость [ценность], пусть не останется тайной.

Пункт 4-й. Ну вот, поэтому я ваше гражданское распоряжение о поднадзоре не признаю и не буду исполнять, и буду по всей Российской империи путешествовать, где мне нужно по своим ученикам. Особенно меня зовут в гости мои ученики в Азиатском крае, в Ташкенте и Ходженте, Коканде и Мерве, Андижане и Самарканде, в Закаспийский край и Кавказ. Ну вот, в этом крае во всех местностях есть у меня ученики, которые были на о. Сахалине или Сибири. А я к ним буду ездить. Они меня зовут. Ну вот, если мои услуги нужны правительству, я готов. Тайно ходить не буду. Или пойду в Сибирский край до Сахалина к Морозову. На это дайте мне полную волю и ход. Поэтому мне необходимо, нужно ехать и буду преподавать народу, в особенности [л. 109] своим ученикам по указу Ваисова, исполнять истину и молиться Богу великому о спасении родины и сохранении государственной законности, самодержавия. [...]

Пункт 5-й. Я буду ездить и ходить по своим документам, свидетельству № 160, которое нам поручено от духовного отца Ваисова, чтобы мне не было притеснения ни в чем. Вот поэтому прошу Вас, Императорское Величество, сделайте монаршее распоряжение по закону и в силу закона внутреннему министру, чтобы он сделал распоряжение всем губернаторам. А губернатор по своим губерниям по уездам. Т.е., они в каждой нас знали бы, что где я буду появляться. [Я] буду именовать лично сам себя начальник Ваисовского Божьего полка и староверского общества мусульман, сотрудник всего мира мулла Шигабутдин мулла Сайфутдин оглы

[693] Нәфес – желание, злонамеренность.

эльбулгари Ваисов. Вот тогда полиция и прочее начальство не приставало бы ни в чем, т.е. не арестовывало бы в тюрьму или не отправляло бы меня в этапном порядке. В особенности меня никуда не отправьте, так как я из о. Сахалина приехал в г. Казань и [л. 109об.] нигде не прописан и не имею жительства нигде, где желаю, там и живу. Ну вот, Вы Императорское Величество, мою стоимость узнали от меня. Напротив вас и правительства измены нет. Преступления и худого дела не делаю, все лишь в пользу Вашего Императорского Величества. Поэтому когда так не приставали бы ко мне с чужими делами, по клятву на счет меня провокаторов, не принимали бы людские слова разных клятвенников, все народ темный и безверный. Все они отступились от признания Бога и царя. В особенности нам шайтан враг. И потом что есть шайтанский полк все враги. Потому что сатана их обуздал, куда нужно, туда и ведет, заставляет исполнять все свои сатанинские дела и удовольствия. Весь народ превратился в сатану, т.е. все вино пьют и табак курят и остальные поганые дела делают напротив божества. В каждом человеке дела факты и свидетель, как выше сказано.

Пункт 6-й. Еще правило как остановить хулиганье, т.е. каторгу или арестантские роты. Как только наказания срок закончился, нужно дать полные права, не нужно предавать под надзор полиции. Этот надзор кто может терпеть 4 года. Ему нельзя ничего делать, его не принимает никто. Вот он закружится и его забирает зло. Потом он начинает убивать людей и грабить и воровать что попало. Ну вот раз человеку дано наказание, зачем еще надзор? Это хуже тюрьмы. Человек раз кончил срок и [л. 110] нужно дать полное право. А если он опять не поправиться, ну тогда нужно строгие меры принять. Если в 3-й раз не поправится, еще строже. Вот тогда скоро поправишь. Особенно не нужно [нрзб.] судить, а нужно по указу Ваисова, как основал он, Ваисов. Иначе народ не поправишь.

Пункт 7-й. Еще Ваисовскому Божьему полку был бы особый паспорт. Не нужно писать крестьянин, а нужно верноподданный присяжный, природное духовное лицо староверского общества мусульман, вероисповедник мухаммеданского Ваисовского Божьего полка. Мы, ваисовцы, убегаем от сословия крестьян. Еще решите наш ваисовский вопрос, духовное верховное дело в непродолжительное время. А если кто касается ваисовской секты, спроси меня, я есть ответчик. А кроме нас не может решить вопрос никто, потому что не дана и не поручена эта великая мудрость Божья.

Пункт 8-й. У меня в Свияжском уезде, в деревне Карашам есть усадьба и яблоневый сад и земля. А ими завладел один татарин, и мне не дают волю, когда они меня сослали в Сибирь за веру. Я уже по указу Вашего Императорского величества вернулся на родину и должен, обязан сам за-

владеть. А мне не дают. У меня есть два сына – Кашафутдин и Зилли-Султан. Разве мы должны быть без земли и без места? [л. 110об.] [...[694]]

Лично по поручению духовного отца Ваисова, выше назначенное лицо полномочный присяжный поверенный ислама мулла Шигабутдин мулла Сайфутдин оглы Булгари Ваисов. Божий воин, Божий дарвиш. [...[695]] 1913 года апреля 19 дня.

Документ № 81. 31.05.1913.
РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 508. Лл. 34–45.

[л. 34] Копия представления Томского Губернатора на имя Г. Министра Внутренних Дел от 31 Мая 1913 г. за № 2212[696].

В дополнение телеграммы от 16 Мая 1913 года за № 277, по делу о вооруженном сопротивлении, оказанном жителями аула Бугояк Каинского уезда, честь имею доложить Вашему Высокопревосходительству нижеследующее:

До прибытия в Сибирь инородца Файзулина Махамета-Юсуфа, сосланного по приговору общества в 1900 году, за дурное поведение, из Казанской губернии, в Каинском уезде не существовало секты "Ваисовцев"; инородцы жили спокойно и вражды между ними не наблюдалось.

Незначительные несогласия вызывались домогавшимся места муллы инородцем Мухаметом Рахимом Гумеровым, который, по отсутствию соответствующего образовательного ценза, Губернским Управлением не был утвержден в должности. Тем не менее, оставаясь фактическим муллой, он продолжал исполнять религиозные обряды, вызывая этим неудовольствие утвержденных Губернским Управлением мулл и их сторонников.

С прибытием в Каинский уезд Юсуфа Файзуллина и Гильмана Била Габдула[697] образовалась секта "Ваисовцев", главными руководителями коей стали два названные инородца; к ним примкнул и Гумеров, неудовлетворенный [л. 34об.] в своих домогательствах. Последний, как местный уроженец, признаваемый значительною частью населения за

[694] В заключении Ш. Сайфутдинов вновь просит адресат запросить все посланные в канцелярию святые заявления и решить ваисовский вопрос.
[695] Далее следует текст по-татарски: "Тапшырдым Аллага аманат...", религиозные формулы и воззвания. В конце дана дата по хиджре и по христианскому летоисчислению.
[696] Документ публикуется с исправленной орфографией, при максимальном сохранении а Машинописный документ, заверенный помощником делопроизводителя. Некоторые фразы подчеркнуты карандашом и отмечены особыми знаками.
[697] Гильман б. Габдулла

муллу, способствовал распространению секты даже более чем **Юсуф** и **Гильман**.[698]

Распространение в Каинском уезде секты "Ваисовцев", происхождение коей видно из представляемой при сем копии отношения Казанского Губернатора от 6 марта 1908 г. за № 2175, вредно отразилось на религиозных и общественных делах. Последователи секты проявили неповиновение инородным старшинам, уклонялись от участия в обсуждении общественных дел в составе инородных управ, стремились к абсолютному обособлению и установлению своей особой организации под управлением предводителей секты, которых признавали за высших духовных лиц. К чинам полиции относились враждебно. Отказывались от принятия окладных листов и раскладок оброчной подати и губернского земского сбора.

В виду вредной деятельности инородцев **Юсуфа Файзуллина** и **Габдулы Гильмана**, оба они, по постановлению Временного Томского Генерал-Губернатора от 29 Января 1907 г., высланы были этапным порядком в Ново-Кусковскую вол. Томского уезда под надзор полиции.

[л. 35] Однако, с высылкой двух названных инородцев, окончательное спокойствие среди населения не водворилось. Враждебные отношения продолжали поддерживаться последователями "Вайсовской секты". Вследствие чего постановлением Томского Губернатора от 9-го Апреля 1908 г. за № 3631, высланы были этапным порядком, в избранное место жительства, инородцы Тунужской инородной управы Каинского уезда Томской губернии: Мухамет-Рахим Гумеров, сын его Мухамет-Чан Мухамет Рахимов, Назыр Курманов, Набиул[ла] Вахитов, Мухамедьяр Рачипов, Мухамедьяр Бекбулатов, Абтрахман Сарыпов, Чаныр Нурлинов и крестьяне из ссыльных Уфимской губернии Мензелинского уезда, Амикеевской волости Зайнул[ла] Галиул[л]ин, Казанской губернии и уезда, Алатовской волости Геляутдин Мифтахетдин[ов], а всего 10 человек.

Тогда только наступило временное успокоение.

Через некоторое время, в аул Бугоякский возвратился своевременно высланный, несомненно ярый и убежденный фанатик Вайсовец Мухамедьяр Бекбулатов.

Вслед за ним в Бугоякский аул прибыл из деревни Малый-Тебисс, расположенной неподалеку от станции Тебисской, Сибирской железной дороги, инородец Абдул [л. 35об.] Телиб **Меликов**, считавшийся тоже Ваисовцем; проживая в дер. Малый Тебисс **Меликов** склонял своих односельчан к переходу в секту, отвергал существование властей, как светских, так и духовных, подстрекал к неповиновению, вел нетрезвый образ жизни и обманом выманивал деньги у односельчан. Вследствие

[698] Здесь и далее имена выделены в оригинале текста.

такого неодобрительного поведения, почетные старики в 1911 г. сначала удалили его от общественных дел, а затем потребовали, чтобы Меликов выехал из д. М.-Тебисс навсегда.

Потеряв доверие односельчан, а вместе с тем и возможность эксплуатировать их, Меликов переселился в аул Бугояк и объявил себя муллой. Таким образом, в Бугояке соединились на религиозной почве "Ваисовцев", ярый фанатик **Бекбулатов** и несомненный мошенник **Меликов**, которые, в короткое время, сумели фанатизировать весь аул.

Чтобы яснее представить себе ход событий, закончившихся вооруженным сопротивлением чинам полиции жителей аула Бугояк, необходимо возвратиться несколько назад к административному устройству инородцев Каинского уезда.

Инородцы Каинского уезда бывших инородных управ [л. 36] Борабинской, Чайской, Теренинской, Любейской, Туражской, Каргалинской и Тунужской, с незапамятных времен вели оседлый образ жизни. Это обстоятельство, несомненно, и послужило основанием к переименованию их в разряд оседлых, состоявшемуся по журналу Томской Казенной Палаты 1834 года Февраля 20 дня, на основании положения ясачной комиссии, утвержденного Главным Управлением Западной Сибири.

Еще за 10 лет до указанного переименования у них была введена вместо ясака подушная подать, которая с 1854 года сравнена с полным крестьянским окладом. Затем, согласно ВЫСОЧАЙШЕ утвержденного 19 Января 1898 года мнения Государственного Совета инородные управы Каинского уезда стали облагаться взамен подушных сборов государственною оброчною податью. Губернский земский сбор инородцы всегда платили на одинаковых основаниях с крестьянами.

Будучи сравнены с местными крестьянами по обложению казенными и земскими сборами, Каинские инородцы, как оседлые, в силу ст. 16, 41–45 Полож[ения] Инор[одцев], также издавна должны были быть сравнены с ними и в отношении управления и суда. Между тем, Общее Полож[ение] о Крест[ьянах], распространенное на Каинский уезд в 1882 году [л. 36об.] до последнего времени, не применялось по отношению инородцев. Они по-прежнему, вместо инородных волостей /ст. 42 Полож[ения] Инор./, составляли инородные управы, которые совсем не предусмотрены законом для оседлых инородцев. Никаких сельских обществ, вопреки прямому указанию ст. 41 Полож[ения] Инор., не имели. Во главе управ стояли избранные на трехлетие старшины с наемными писарями. Других должностных лиц инородцы не избирали. Суда своего у них также не было. Судебные дела их принимали к своему производству Мировые Судьи.

Таким образом, в управлении оседлых инородцев Каинского, а также и других уездов создалось такое положение, которое не могло найти

для себя основания в существующих узаконениях. Со стороны местных губернских властей, начиная с 1873 года, делались попытки к упорядочению управления и суда у инородцев, как оседлых, так и кочевых. Но неоднократные представления об этом в Министерство или оставались без ответа, или не разрешались по существу.

Только в 1908 году, на основании распоряжения Министерства Внутренних Дел от 10 Сентября за № 24731, Присутствие Томского Губернского Управления, по журналу [л. 37] от 12 Декабря за № 959 определило: все оседлые инородные управы, в том числе и вышеупомянутые управы Каинского уезда, с 1 Января 1909 года, переименовать в инородные волости и ввести в них внутреннее общественное управление и суд по правилам, изложенным в Общ[ем] Полож[ении] о Крест[ьянах].

Министерством распоряжение это было вполне одобрено. Однако, фактически в исполнение была приведена только первая часть означенного постановления: инородные управы стали называться волостями. Но управление у них осталось то же, какое было и раньше. В единичных только случаях инородцами Каинского уезда были избраны сельские старосты. Вообще же инородцы не подчинились требованию об избрании, согласно Общ[ему] Полож[ению] о Крест[ьянах], волостных судей, сельских старост, сотских, десятских и других.

От различного рода натуральных повинностей в виде исправления дорог, сооружения мостов, отбывания гоньбы, инородцы также считали себя свободными. Крестьянское население уезда до 1903 г. не делало попыток привлечь их к отбыванию натуральных повинностей. В 1903 г. инородцы были введены на трехлетие в общую поездную раскладку на натуральные повинности. Но от [л. 37об.] уплаты причитающихся платежей уклонились. Поэтому с 1906 г. были вновь освобождены от указанной раскладки и в таком положении оставались до 1910 года.

Так как все инородцы Каинского уезда рассеяны небольшими аулами на пространстве всего уезда, и аулы эти вкраплены среди крестьянских селений, то представлялась полная возможность все инородческие аулы причислить к крестьянским волостям, включив большинство из них в состав ближайших крестьянских сельских обществ. Такое распределение и было сделано по журналам Общего Присутствия Губернского Управления от 18 Декабря 1909 г., 5 Февраля и 5-го Августа 1910 г. за №№ 1198, 88 и 892. С 1910 года все инородные волости прекратили свое существование.

Однако и после присоединения к крестьянским волостям, инородцы продолжали протестовать против устройства у них управления и суда по Общ[ему] Полож[ению] о Крест[ьянах]. Они и до настоящего времени опасаются обращения их в крестьянское сословие, привлечения

к воинской повинности и ограничения землепользования. Вместе с тем не хотят нести новых повинностей по выбору или найму должностных лиц и отбыванию натуральных повинностей. В течение 1911 и 1912 годов [л. 38] ими было подано множество жалоб в местные и центральные учреждения по поводу упразднения их инородных волостей. Они не могут помириться с новым порядком управления.

Землеустройство здесь еще не окончено, и инородцы несравненно лучше обеспечены землей, чем крестьяне, но ленивы: землю почти не обрабатывают, предпочитая сдавать ее в аренду и на это существовать. Скот, за исключением некоторых, держат ограниченное количество. Молоко продают на маслодельные заводы.

Уплачивая довольно исправно государственную подать, они всеми мерами стараются уклониться от уплаты волостных, мирских и страховых сборов и от несения натуральной повинности.

Интересуясь условиями, на которых состоялось причисление их к волостям, инородцы осведомились, что в журнальном постановлении Общего Присутствия Губернского Управления было вставлено, между прочим, следующее выражение: "Чтобы за инородцами были сохранены (при причислении к крестьянским волостям) личные права по освобождению от воинской повинности и другие, какими они раньше пользовались". Эта последняя, совершенно излишняя и неверная фраза, ввела инородцев [л. 38об.] в заблуждение и укрепила их убеждение в том, что они не обязаны нести никаких повинностей кроме государственной подати.

Далее в журнальном постановлении Каинского Окружного по воинской повинности Присутствия, от 27 Января 1892 года за № 4, между прочим, говорилось: "Окружное Присутствие находит, что инородцы, избавленные, на основании решения Правительствующего Сената от 14 Октября 1874 г. за № 1438 от несения воинской повинности, не должны быть вносимы в посемейные списки". Копия и с этого документа попала в руки инородцев и давала им основание отказываться от составления посемейных списков.

Представляя из себя, в общем, довольно спокойный элемент населения, инородцы, вооруженные указанными документами, считают незаконными предъявляемые к ним требования относительно выбора сотских и десятских, составления посемейных списков, уплаты волостных и других, кроме государственной подати, сборов и т.п.

Уступая, однако, давлению крестьянских властей и полиции, аулы, один за другим, пошли на уступки. Сначала некоторые выбрали старост, потом в волостных судах появились судьи из инородцев, начали постепенно и с трудом вноситься и денежные сборы.

[л. 39] Особенное упорство инородцы проявили относительно внесения членов своих семей в посемейные списки, которые считают необходимыми только для населения, отбывающего воинскую повинность и к выбору сотских и десятских.

Высшую же степень упорства проявили, конечно, "Ваисовцы", опирающиеся не только на вышеуказанные журнальные постановления, но и на религиозное учение своей секты, признающее только власть ГОСУДАРЯ и военную и совершенно отрицающее власть гражданскую.

Жители Бугоянского аула, причисленные к Воробьевскому обществу Меньшиковской волости Каинского уезда поголовно и до крайних пределов фанатизированные Бекбулатовым и Меликовым, со дня причисления, т.е. с 1 Января 1911 года, не несли никаких повинностей, кроме государственной подати, которую лично вносили в Казначейство, квитанции хранили у себя, а не представляли в вол..

Таким образом, за Бугоякским аулом накопилась недоимка в размере полного оклада сборов за 1911 и 1912 годы. В виду упорного нежелания платить недоимку по представлению крестьянского начальника 3 участка, Каинский Уездный Съезд, протоколом от 20 Апреля 1912 г. определил разрешить продажу имущества крестьян [л. 39об.] неплательщиков в пяти аулах Меньшиковской волости, в том числе и в ауле Бугоякском. После этого определения, 4 аула начали постепенно вносить недоимку, но от выбора сотских и десятских продолжали отказываться; точно также не соглашались вносить членов семейств в посемейные списки, участвовать в постройке хлебозапасных магазинов, починок дорог и т.п. Бугоякский же аул, кроме того, категорически отказался и от уплаты недоимок.

5 Января 1913 г. прибыл в Бугоякский аул Меньшиковской волости старшина Плотников, созвал селенный сход и предложил избрать десятских на 1913 г. Инородцы единогласно отказались, говоря: "Нам не нужна полиция, у нас свой порядок управления и выбор этот для нас не обязателен".

Затем старшина предъявил требование об уплате недоимок. Со стороны инородцев последовал и на это предложение решительный отказ. "Никаких податей и сборов мы платить не должны и не будем". На предупреждение старшины, что, за неплатеж недоимок, он произведет опись имущества для продажи, инородцы ответили: "Описывать имущество не допустим, а если кто к этому приступит, будем того бить и стрелять".

[л. 40] Несмотря, однако, на это заявление, старшина Плотников, с бывшими при нем сельскими чинами полиции, отправился осуществлять свое намерение, но инородцы выбежали со сборни и один из них

закричал: "Ура". После этого все инородцы, вооружившись кольями, стали наступать на старшину и чинов полиции.

Вооруженная кольями, палками и железными лопатами толпа инородцев кричала: "Уходи старшина или убьем здесь". Старшина Плотников, видя явную опасность для своей жизни, вынужден был оставить юрты Бугоякские, составив об изложенном акт.

13 Февраля 1913 г., явившегося в тот же аул, совместно с волостными и сельскими властями и полицейскими чинами, пристава 5 стана Каинского уезда **Бурматова** встретила толпа инородцев, вооруженных ружьями, железными вилами, кинжалами, пиками на палках, железными палками с заостренными наконечниками и приказала остановиться, не доезжая до нее в расстоянии 12–15 саженей. На объяснение пристава, что он приехал не для избиения инородцев, а для взыскания недоимки по окладным сборам казенному и мирскому, инородцы заявили: "Они совсем не те инородцы, которые подчинены [л. 40об.] местным властям, а составляют из себя совершенно отдельную секту мусульмане Божьего полка и платить какие-то сборы, кроме государственной оброчной подати, не согласны; если же к ним будет применено в настоящее время принудительное взыскание, то они будут защищать себя до последней капли крови, для чего все и вооружились".

Становой пристав Бурматов, получив на дальнейшие свои разъяснения оскорбления, во избежание столкновения с вооруженными инородцами, коих было до 27 лиц, уехал, не достигнув цели.

Как заметил пристав, на дробовых ружьях, бывших в руках инородцев, были надеты пистоны, что служило показателем готовности их к боевому употреблению. Об этом событии приставом был составлен протокол.

Двадцать четвертого Апреля, в шесть часов утра, пристава Бурматов и Закржевский, в сопровождении шести урядников, старшины, старосты, пятидесяти сотских и десятских, крестьян села Воробьевского, прибыли в аул Бугоякский для приглашения инородцев к следователю и производства торгов за недоимки. В ауле встретила их толпа вооруженных мужчин, женщин и подростков, которая отказалась [л. 41] исполнить все предъявленные приставом требования. При попытке задержать одного из инородцев, последний ранил ножом в живот десятского, остальные с кольями, ружьями, топорами железными лопатами бросились на чинов полиции, ударили колом урядников Лежепекова и Сибирцева и, преследуя чинов полиции, выгнали их за селение. Последние, при отступлении, защищались шашками и сделали несколько выстрелов. У урядника Кучевского выбит был револьвер; трое инородцев оказались легко ранеными.

1 Мая, в 9 часов утра, прибыли в аул Бугояк, вместе со мной, воинская команда, Прокурор, Следователь и чины полиции. Посредине улицы аула стояли столы и скамейки, покрытые тканями, а впереди них в два ряда мужская часть населения аула, певшая, при моем приближении, по их словам, молитву. Женщин и детей не было видно. По прекращении пения я потребовал немедленной уплаты всей недоимки. Инородцы отказались, ссылаясь на неимение денег, хотя у некоторых из них имелось по 35 голов скота и, кроме того, доходы от сдачи в аренду соседним крестьянам больших земельных угодий.

[л. 41об.] Затем, по моему распоряжению, выделены были главные участники вооруженного сопротивления, и судебные власти немедленно же приступили к следствию, которое продолжалось, в моем присутствии, без перерыва, до 8 часов вечера.

Тем временем десятские верхами отправились в степь за Бугоякским скотом, но розыскать его не могли, только к вечеру скот сам возвратился в аул. Тогда чинами полиции произведена была опись скота, предназначенного к продаже за недоимку, и десятские угнали в соседнее село Воробьевское 15 коров и 1 лошадь.

Туда же в село Воробьевское под конвоем отправлены были 18 мужчин и 2 женщины, арестованные по постановление судебного следователя.

На другой день, 2 Мая утром, арестованные инородцы были направлены в Каинскую тюрьму, а оставшиеся не арестованными жители аула Бугояк, не желая допускать описанный скот до продажи, уплатили старшине Плотникову полностью всю числившуюся за ними недоимку, в размере 430 рублей 50 копеек.

В 1909 г., в пределах Каинского уезда, насчитывалось всего 3639 душ мусульман обоего пола, [л. 42] причем последователей секты "Ваисовцев" насчитывалось до 296 душ, которые проживали в деревнях: Энабишенской – 40 д., Большом Мангыте или Бугояке – 64 д., Малом Мангыте 9 д., Сарчабалыке 54 д., Чеке 49 д., Агачауле 45 д. и Новом Майзасе 33 д. Распространение секты шло столь успешно, что из всех мусульман, проживавших в поименованных деревнях, не примкнули к секте только 57 душ. Вследствие административной высылки главных руководителей из секты "Ваисовцев", распространение секты приостановилось и среди инородцев стала намечаться наклонность отпадения от секты, что продолжалось до возвращения Бек-Булатова и переселения Меликова.

27 Апреля 1913 г. за № 3991 сообщено было Департаменту Духовных Дел, что в Каинском уезде насчитывается до 250 последователей секты Ваисовцев. Но сведения эти требуют проверки, с каковою целью мною и будут сделаны соответствующие распоряжения. "Ваисовцы"

не признают мулл, утвержденных правительством, а муллы ненавидят "Вайсовцев"; ненавидят их и инородцы, исповедующие мусульманскую религию. Секта "Ваисовцев" безусловно вредна, но борьба с ней облегчается тем, что [л. 42 об.] с распространением ее борется само магометанское духовенство и население.

Воспрещение жительства Ваисовцев, на основании положения об усиленной охране, в известной местности, крайне вредно отражается на деле, потому что выдворенные из среды мусульманского населения одной местности, они переселяются в среду мусульманского населения другой местности, где продолжают свою пропаганду. Так, высланные из Казани два инородца развратили часть инородческого населения Каинского уезда. Высланные из Каинского уезда 10 "Ваисовцев" переселились в Семипалатинскую область, где тоже, вероятно, успели приобрести последователей. Высылка "Ваисовцев" из зараженных ими мест возможна была бы только в определенные местности с исключительно христианским населением, где пропаганда их не имела бы успеха.

Каждый последователь секты снабжен паспортом, один экземпляр коего при сем представляется. Где фабрикуются подобные документы, несомненно, известно Бекбулатову и Меликову, но "Ваисовцы", очень дорожа этими паспортами, не говорят, откуда их получают. Между тем, в высшей степени желательно и необходимо было бы выяснить, как место фабрикации, [л. 45][699] так и лиц, занятых этим делом.

Предварительно решения вопроса о мероприятиях против распространения этой секты, казалось бы, необходимым выяснить число последователей и зарегистрировать их поименно. Регистрация эта вряд ли встретит серьезные затруднения, так как само магометанское население и муллы, вероятно, охотно укажут чинам полиции последователей секты. Подлинное за надлежащими подписями.

Верно: за Помощника делопроизводителя [нрзб.].

Документ № 82. 4.10.1913.
РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 508. Лл. 77–88.

Справка.
Ваисов и его учение[700]

Магомет предсказывал, что из его религии образуется со временем 73 секты, и предсказание это почти сбылось. После разделения на две главные части – суннитов и шиитов – мусульманский духовный мир

[699] Такая нумерация указана в архивном документе.
[700] Документ составлен в Департаменте духовных дел иностранных исповеданий и подписан сотрудником по мусульманским делам Г.Н. Тарановским.

выделил из себя значительное количество религиозных учений, духовных орденов и сект, причем в суннитской его половине их оказалось всего более. Секта Ваисова, возникшая в конце 70-х годов минувшего столетия, представляется наиболее поздним религиозным явлением на суннитской почве.

Секта Ваисова возникла как протест против существующего состояния ислама в России. Постоянное соседство с русским населением и русскими [л. 77об.] культурными центрами не могло не оказать значительного влияния на татарскую народную массу, которая поэтому начала выходить из своего замкнутого состояния. Татары стали подражать русским в одежде и образе жизни; их женщины перестали ходить с закрытыми лицами; в магометанские школы (медресе) начало проникать европейское образование; молодые мусульмане стали поступать в русские учебные заведения. Узкий фанатизм начал сменяться спокойным и подчас индифферентным отношением к предписаниям Магомета. И такому влиянию цивилизации поддались даже официальные представители ислама – муллы.

Врагом всех этих новшеств и ревнителем древнего магометанского благочестия и традиций явился крестьянин дер. Молвиной Свияжского уезда, Казанской губернии, Багаутдин Хамзин Ваисов, с именем которого связано возникновение в 70-х годах прошлого [л. 78] XIX столетия так называемой "староверческой" мусульманской секты.

Ваисов выступил суровым обличителем лицемерия, недостатков религиозного усердия и невежества магометанского духовенства. В своих брошюрах, сочинениях и проповедях он резко нападает на современных мулл, обвиняя их в испорченности нравов, взятничестве и легкомыслии, с каким они усвояют себе чужеземные нравы. С не меньшею силой вооружается он и против всех вообще магометан, не принадлежащих к секте. "Настоящие верующие – говорит Ваисов – не могут пьянствовать, развратничать и курить табак". "Как настоящие мусульмане мы не имеем никаких отношений с татарами[701]. Мы признаем только свою веру правильной и не откажемся от нее, между тем как [л. 78об.] крестьяне-татары постоянно распутничают, пьют вино, курят табак и прочее, что магометанский закон нам строго воспрещает". "Между нами и татарами – говорят сектанты – такое же различие, как между небом и землей".

Не ограничиваясь ролью сурового обличителя пороков, Ваисов решился привести магометанское "правоверие" к его первоначальной чистоте, очистив его от наслоений, выросших на нем вместе с давностью его исторического существования.

[701] Таким именем сектанты называют мусульман, не принадлежащих к секте – примечание составителя справки.

Собственно в догматическом отношении Ваисов и его последователи стоят вполне на почве мусульманской ортодоксии, именно в той ее форме, в какой она исповедуется магометанами-ханафитами, т.е. большинством магометанского населения России. Коран, Шариат и Шары-туль-Иман являются для сектантов [л. 79] такими же непререкаемыми источниками вероучения, как и для всех прочих магометан-ханафитов. Но при этом Ваисов оказывается горячим поклонником мистико-созерцательных воззрений небезызвестного в магометанском мире Шейха Баги эд-Дина эль Накешбенди из Бухары, основавшего в 8 веке магометанской эры орден "религиозного созерцания" (подобно ордену "суфитов"), задачей которого было отвлечение от внешнего мира и своеобразное идеальное стремление созерцать Творца, так сказать воочию, во всех внешних проявлениях прекрасного. Учение это, как известно, не осуждается исламом, и на зависимость от него Ваисова указывает уже то обстоятельство, что Ваисов является распространителем мистических стихотворений Баги эд-Дина.

Реформаторская деятельность Ваисова направлена [л. 79об.] была исключительно на внешнюю богослужебно-обрядовую сторону магометанской религии. По его учению, прежде всего, должна быть уничтожена мечеть, так как она в своем настоящем виде не дает того, что имел в виду Магомет, и является лишь искажением идеи Магомета о молитвенном доме. Она должна быть "вымазана свиным салом" как негодное место. Далее, так как жизнь и деятельность мулл не соответствуют их значению и роли, и они не являются учителями и хранителями закона "великого пророка", то, по учению Ваисова, они не должны быть признаваемы, и самая духовная иерархия магометан должна быть уничтожена.

Своим последователям Ваисов строго воспретил посещение мечетей, признание мулл в качестве духовных лиц и руководителей и какое бы то ни было духовно-религиозное общение с магометанами, не принадлежащими [л. 80] к секте. Последних сектатор называет не иначе как "безверными язычниками" и "идолопоклонниками".

Отрицая мечеть и магометанское духовенство и призывая мусульман к строгой нравственной жизни по Корану, Ваисов думал, что он не только не вводит чего-либо нового, но возвращает исламу его первобытную чистоту. Отсюда его глубокое убеждение, что он проповедует "старую" магометанскую веру.

Относительно организации и культа сектантской общины в делах Департамента Иностранных Исповеданий имеются лишь скудные сведения. Духовным главой секты до самой своей смерти (в 1893 г.) был Ваисов, называвший себя "дервишем", "сотрудником всего мира", "духовным отцом", а свою секту "Божьим полком", "обществом мусульман

староверов". Члены [л. 80об.] секты называют себя "сотрудниками" и "сотрудницами всего мира", а свою общину "сектой спасенных".

Молитвенные собрания сектантов происходят в домах их духовных руководителей, например, в доме Ваисова, в доме Халитова[702], куда сектанты ходят 5 раз в день. Религиозные требы, совершаемые у магометан муллами (наречение имени новорожденному младенцу, совершение обряда бракосочетания, погребение умерших), у сектантов совершаются их духовными вожаками, например, тем же Ваисовым, Халитовым, а также другими лицами, избираемыми сектантами из своей среды и носящими название "имам мусульманов".

"Духовная должность, говорят сектанты, не являются необходимым элементом в нашей религиозной организации, без которого существование ее было бы [л. 81] немыслимо: она учреждена лишь по нужде и в видах более удобного регулирования внешнего порядка этой организации. В сущности же мы все, мусульмане староверы Ваисовского Божьего полка – служим преимущественно своим духовным интересам и, как таковые, считаем себя духовными лицами".

Что касается, наконец, отношений секты к государственной власти и действующим узаконениям, то сектанты признают над собою лишь власть Государя Императора и подчиненного ему военного начальства, но отказываются повиноваться представителям гражданской администрации и суда, отрицая гражданскую власть, как несогласную с Кораном, и всякие сословные разделения.

На почве такого учения было несколько крупных столкновений сектантов с полицейскими чинами, окончившихся заключением основателя этой секты Багаутдина Ваисова, как человека ненормального, в дом [л. 81об.] умалишенных, где он и умер в 1893 году. Преемником Багаутдина Ваисова состоит ныне его сын – Мухамед Гинанутдин Ваисов, человек неграмотный. Последователи секты "Божьего полка" вызывают со стороны окружающего их населения враждебное к себе отношение и многие из них по общественным приговорам односельчан были высланы в Сибирь административным порядком. Всех последователей этой секты насчитывалось в 1906 году до 60–70 человек.

О личности основателя секты, а равно и о последователях его в делах Департамента имеются следующие сведения.

В течение 20 лет (начиная с 1841 года) Ваисов обучался у некоего дервиша Салихова, стремившегося насадить среди магометан добрые нравы и чрез него, как бы по преемству, получил духовный дар дервиша.

---

[702] Один из первых последователей и ближайший помощник Ваисова, бывший мулла дер. Беденьги Симбирского уезда, удаленный от должности муллы Оренбургским Магометанским Духовным Собранием – примечание составителя справки.

[л. 82] В 1864 году во всеподданнейшем прошении на татарском языке Ваисов ходатайствовал о разрешении построить на счет казны текиэ (род часовни) над могилой умершего имама Джафара и о назначении его, Ваисова, надзирателем этого текиэ. При этом Ваисов представил бумагу, заключающую в себе воззвание к магометанам по случаю смерти Джафара, где, между прочим, говорится, что "всем надлежит пользоваться благословением имама Джафара чрез посещение его останков". Оренбургское Магометанское Духовное Собрание усматривало в таком образе действий Ваисова корыстные побуждения.

В 1880 году Ваисов обратился в Министерство Внутренних Дел с ходатайством о разрешении ему учредить общество для религиозно-нравственного развития татар.

[л. 82об.] В 1881 году Ваисов во всеподданнейшем прошении на Имя Ее Императорского Величества Государыни Императрицы Марии Федоровны ходатайствовал о предоставлении ему казенных средств для перевода и издания его сочинений на русском языке.

Ходатайства эти были оставлены без последствий.

В 1882 году Симбирский Губернатор доводил до сведения Министерства, что Ваисов проповедует свое учение в дер. Беденьге, Симбирского уезда, и что Оренбургское Магометанское Духовное Собрание признает это учение безусловно вредным. По сему Губернатор просил Министерство указать, какие должны быть приняты меры к пресечению этой пропаганды.

Со своей стороны Министерство поручило тогда же Казанскому Губернатору сделать распоряжение о вразумлении Ваисова, чтобы он прекратил свои поучения, [л. 83] смущающие народ, и воздержался от поездок в Беденьгу, с предупреждением, что в случае повторения или новых жалоб, против него будут приняты более строгие меры за распространение смут и раздоров в населении.

В Декабре того же года Казанский Губернатор вошел в Министерство с представлением, в коем сообщалось, что названный Ваисов, называя себя сотрудником всему миру, вероисповедником, старовером, дервишем Болгарии и выдавая себя за какого-то святошу, близко угодного Богу, разъезжает из места жительства своего по разным селениям, проповедует свое учение, несогласное с духом магометанской религии, и тем производит смуты в среде магометанского населения, возбуждая оное против мулл.

При этом Губернатор присовокупил, что вследствие такового характера проповеди Ваисова магометане г. Казани [л. 83об.] обратились к нему, Губернатору, с просьбою об удалении из их среды Ваисова, с его семейством, а равно и его ближайшего сотрудника крестьянина Лаишевского уезда, дер. Метесков Ахметзяна Абдуллатыпова.

Находя со своей стороны дальнейшее пребывание Ваисова в Казанской губернии крайне вредным для общественной безопасности и спокойствия, Губернатор просил Министерство о высылке упомянутых лиц из Казанской губернии и о водворении их в одну из местностей, где нет магометанского населения.

В подкреплении сего ходатайства Губернатор, независимо от вышеизложенного, объяснил: 1) что, несмотря на сделанное Ваисову, согласно предложения Министерства, внушение прекратить свои поучения и не ездить в дер. Беденьгу, он продолжает свою деятельность и тем производит там смуты в населении; 2) что Ваисов открыл в Казани в доме своей жены, без [л. 84] надлежащего разрешения, училище, за самовольное открытие коего против него в мае того же года было возбуждено судебное преследование; 3) что по подстрекательству Ваисова произошли серьезные беспорядки при переделе земель крестьян дер. Кармаш[703], Свияжского уезда и 4) что в Июле того же 1882 года Ваисов подал два прошения, содержание коих вместе с другими изложенными выше действиями его подало местной гражданской власти основание предполагать, что Ваисов находится не в полном уме, и произвести 28 того же Июля освидетельствование его умственных способностей в Казанском Губернском Правлении, по распоряжению коего он был отдан на испытание в лечебницу и затем признан сумасшедшим. 22 Сентября того же года Ваисов был вторично освидетельствован в Губернском Правлении, которое, приняв во внимание, что Ваисов давал на предлагаемые ему вопросы толковые [л. 84об.] и удовлетворительные ответы, и, выслушав объяснение Директора инородческой учительской семинарии Ильминского, что секта сотрудника всего мира существует в магометанстве, что она молится за благосостояние всего мира и Государя Императора, что дервишем Ваисов считает себя по преемству и что многое в писаниях Ваисова обусловливается незнанием русского языка, русских законов и правительственных форм, – признало его, Ваисова, человеком раздражительным, беспокойным, сутяжником, но в данное время совершенно здоровым. После сего Ваисов был выпущен из больницы.

Со своей стороны Министерство Внутренних Дел, усмотрев из дополнительного донесения Губернатора, что беспорядки при переделе земли крестьян дер. Кармаш вызваны были не столько учением Ваисова, сколько личными корыстными видами самих этих крестьян, [л. 85] желавших пользоваться прежними их земельными наделами, нашло, что, за отсутствием других фактических доказательств нарушения Ваисовым и Абдуллатыповым общественного гражданского порядка, обвинения, возводимые на них преимущественно магометанским ду-

[703] Правильно – дер. Карашам Свияжского уезда Казанской губернии. О беспорядках в этой деревне смотри подробнее в вводной части (глава 1, § 4).

ховенством, видящим в них своих религиозных противников, не могут служить основанием к высылке указанных лиц, тем более, что действующими законами не установлено каких-либо мер к ограждению терпимых в государстве исповеданий от возникновения в среде их последователей безвредных, как в данном случае, сектантских учений. По сим соображениям Министерство, не признав возможным одобрить предложенную Губернатором меру, предложило ему от 16 Февраля 1883 года, № 855, во избежание возможных столкновений Ваисова с его противниками, учредить за его действиями и отношением к нему магометанского [л. 85об.] населения негласное наблюдение.

По возвращении из больницы Ваисов в 1883 году был привлечен к следствию в истязании татарских мальчиков.

В 1885 году он вместе со своими приверженцами оказал вооруженное сопротивление властям при производстве, в исполнении судебного решения, описи имущества его жены, за что и был привлекаем к ответственности в Казанском Окружном Суде. Признанный экспертами страдающим умопомешательством Ваисов, по решению Суда, был вновь помещен в дом умалишенных, где он, как объяснено выше, и умер в 1893 году.

После смерти Ваисова последователи его, согласно сообщенным в 1899 году Министерству Казанским Губернатором сведениям, оставались в дер. Молвиной, Свияжского уезда и в Мамадышском уезде. Вдова же Ваисова Биби-Гайша Зямал переехала на жительство в упомянутую [л. 8б] выше дер. Беденьгу, которая, по-видимому, являлась в то время центром "ваисовцев", так как там, согласно имевшимся у Губернатора сведениям, проживал поверенный умершего Ваисова – Ахметша Ибрагимов.

О сыне Ваисова Мухамед Гинанутдине Ваисове в делах Департамента имеется сведение, что он называется преемником дервиша Ваисова, Сардаром (полководцем), и что приговором Асхабадского Окружного Суда, состоявшимся 11 Декабря 1902 года, за преступление, предусмотренное 271 (насильственное сопротивление власти) и 1 ч. 286 ст. (словесное оскорбление должностного лица) Улож[ения] о Нак[азании] он присужден, по лишении всех особенных лично и состоянию присвоенных прав и преимуществ, к отдаче в исправительные арестантские отделения сроком на один год, каковое наказание он и отбыл в Асхабадской тюрьме с 12 Февраля 1903 года по 12 Февраля 1904 года.

[л. 86об.] В 1905 году названный Мухамед Ваисов из Казани обращался в Департамент Духовных Дел Иностранных Исповеданий с ходатайством об оказании содействия к возвращению из ссылки на родину девяти принадлежащих к секте "Ваисовского Божьего полка" лиц, выслан-

ных в Сибирь по приговорам сельских обществ. Ходатайство передано Департаментом на усмотрение Земского Отдела.

В 1906 году последователи учения Ваисова возбуждали пред Военным Министерством ходатайство об освобождении их от воинской повинности, в виду того, что отбывание таковой идет в разрез с их вероучением.

Департамент Иностранных Исповеданий высказался против удовлетворения этого ходатайства.

[л. 87] Согласно приказанию Вашего Превосходительства имею честь представить при сем дело № 60 – 1906 года ч. III, в коем заключается подробная справка о секте ваисовцев, составленная в 1906 году.

При этом обязуюсь доложить нижеследующие позднейшие данные о названной секте

1). В 1909 году Департаментом собирались сведения о последователях ваисовского учения, причем таковых оказалось в Казанской губернии 120, Астраханской, Закаспийской и Семипалатинской областях по одному, в Симбирской губернии – 18 дворов, в Томской губернии – 296 душ, в Черноморской области 6 и в Ферганской два.

2) Приговором Казанской Судебной Палаты от 23 Октября 1910 года 11 человек ваисовцев, в том числе и сыновья основателя секты Гинанутдин и [л. 87об.] Мухаметгаян Ваисовы, признаны виновными по 1 ч. 125 ст. Угол[овного] Улож[ения] и приговорены к заключению в исправительном доме на сроки от 2 до 4-х лет. Мухаметгаян Ваисов, по отбытии наказания, в настоящее время состоит под надзором полиции в Симбирской губернии, где проживает также под надзором полиции и брат его Газизян, коему в 1909 году в порядке ст. 34 Пол[ожения] о гос[ударственной] охране воспрещено на 5 лет проживание в Туркестанском крае и Казанской губернии.

3) По сведениям, собранным в текущем 1913 году, дальнейшего распространения учения ваисовцев и увеличения числа его последователей в последнее время не наблюдалось, равно как и случаев проявления с их стороны каких-либо действий, которые повлекли бы за собою возбуждение против отдельных лиц уголовного преследования или применение к ним мер административного воздействия. Исключение в настоящем случае составляет [л. 88] Томская губерния, где в этом году несколько ваисовцев привлечены к уголовной ответственности по 264 ст. Улож[ения] о Нак[азании] за вооруженное сопротивление властям при взыскании недоимок в Феврале и Апреле месяцах.

Чиновник особых поручений Тарановский

4 Октября 1913 года.

Документ № 83. 10.11.1913.
НАРТ. Ф. 41. Оп. 15. Д. 1. Л. 33–36 об.

[л. 33] Перевод с татарского на русский язык значит так[704]:

1913 года Ноября 10 дня, мы нижепоименованные Казанского уезда Больше-Менгерской волости, дер. Зюльби Нового Куюка всем обществом при местном Сельском Старосте Мухамедзяне Халикове, составили сей приговор в нижеследующем. Так как в нашей деревне Зюльба Новом Куюке находится некто пришелец из крестьян Тетюшского уезда дер. Кара-Шам с семьей Шигабутдин Сайфутдинов, Ваисовской секты, и который был сослан в Сибирь, [по] Высочайшему Манифесту отбывший свое наказание, возвратился в Казань и проживает в настоящее время в нашем обществе. Так как этот Шигабутдин Сайфутдинов в обществе нашем распространяет нелепые слухи, например: не платить оброки, земские повинности и не отдавать молодых на военную службу и, в конце концов, не подчиняться властям, ибо Ваисовской секте дарованы все эти права от Государя Императора. Таким образом, он Сайфутдинов возмущает весь народ, не только наше одно общество и поблизости наших деревень, кроме того смущает народ, не ходит в мечеть, а муллу нашего называет безбожником, а властей обзывает антихристами. По случаю таких возмущений общества нашего мы всепокорнейше просим Высших властей всем нашим обществом удалить навсегда возмутителя народа Шигабутдина Сайфутдинова [л. 33об.] со всем семейством его, мы не желаем в среде нашего общества такого возмутителя народа. В чем и подписуемся[705].

Документ № 84. 15.02.1914.
НАРТ. Ф. 41. Оп. 15. Д. 1. Л. 3–5.

[Протокол[706]]

[л. 3] 1914 года Февраля 15 дня я, Пристав 2 стана Казанского уезда, составил настоящий протокол в следующем: до сведения моего дошло, что мусульманские сектанты, последователи секты Ваисова – крестьяне: Свияжского уезда Шигабутдин Сайфутдинов, проживающий в дер. Куюк, Больше-Менгерской волости, этой же деревни Мухамет-Галей Байрамгалеев и дер. Коморгузи, Больше-Атнинской вол[ости], Гилязутдин Хабибуллин распространяют свою секту между крестьян разных деревень и раздают какие-то книги, требуя за них деньги. Таких книг раздали в дер. Коморгузи и в дер. Большой Серды, Мульминской вол. В виду изложенного я, Пристав, постановил: произвести по сему поводу надлежащее дознание.

Пристав 2 стана Казанского уезда Сомов.

Февраля 15 дня. Спрошенный Мулла дер. Коморгузи Мухамет-Назип Шагимарданов заявил, что в Январе месяце сего года местный крестьянин Гилязутдин Хабибуллин роздал какие-то книги шести своим однодеревенцам, а именно: 1, Зиганше Ахмадуллину, 2, Бикмулле Ибатуллину, 3, Абдулвалею Хакимову, [л. 3 об.] 4, Хасану Ихсанову, 5, Хусаину Ихсанову и 6, Гайнулле Тохватуллину, а Мухамет-Галей Байрамгалеев дал такую же книжку жене местного крестьянина Ахмадуллы Ибатуллина, Рабиге. При вручении книг Гилязутдин Хабибуллин и Мухамет-Галей Байрамгалеев требовали 1 руб. за каждую и говорили, что кто будет иметь эту книжку и сделается последователем секты Ваисова, того Русские Министры и Миссионеры не будут крестить, не будут учить по-русски и не будут брать в солдаты. Когда же им на это возражали, что Государь Император до сего времени их не принуждал, то они говорили, что так сделают Министр и Миссионеры. Кроме сего 21 Января сего года тот же Гилязутдин Хабибуллин при разговоре говорил ему, что при настоящем законе жить нельзя – "закон плохой, бросай свою чалму и Указ", подразумевая тот Указ, которым он назначен Муллою. К сему Мулла добавил, что после надлежащего внушения и увещания означенные лица будто-бы полученные книги возвратили и снова начали посещать Мечеть, т.е. секту Ваисова оставили. Мухамедназиб Шагимарданов[707].

Спрошенный по сему делу кр[естьяни]н [л. 4] дер. Коморгузи Зиганша Ахмадуллин заявил, что от однодеревенца своего, Абдулвалеева Хакимова, он узнал, что однодеревенец, Гилязутдин Хабибуллин продает хорошие Божественные книги, поэтому он сходил в дом Хабибуллина и купил у него книжку за 1 руб. Не умея читать, не знает, что в ней напечатано. На другой или на третий день – это было в середине Января м-ца сего года, в деревне был по своим делам. Общественный сход, куда явился местный Мулла, который и сказал всем, что эта книжка нехорошая, поэтому он отдал Хабибуллину эту книжку обратно и получил в возврат 1 руб. При продаже книжки Хабибуллин только хвалил эту книгу, но больше ничего не говорил и не обещал. Зиганша Ахмадуллин неграмотный, а за него по личному доверию расписался однодеревенец Гали Шамсутдинов.

[704] Документ без заглавия; документ дан с исправлениями орфографических и пунктуационных ошибок при максимальном сохранении стилистики документа.

[705] Далее следуют имена 126 членов сельского общества, подписавших этот приговор. На л. 35–36 об. – татарский оригинал приговора с подписями и печатью сельского старосты Мухамеджана Халикова.

[706] Документ рукописный, без заглавия. Представляет собой протокол допроса свидетелей. Документ дан в сокращенном виде.

[707] Собственноручная подпись муллы.

Спрошенный кр[естьяни]н дер. Коморгузи Бикмулла Ибатуллин заявил, что в конце минувшего Января он услыхал, что некоторые однодеревенцы купили хорошие Божественные книги и когда к нему пришел в дом торговец разным мелочным галантерейным товаром Мухаметгалей [л. 4 об.] Байрамгалеев, то он и купил у него эту книжку за 1 руб., которую представил. По неграмотности он эту книжку не читал и содержания не знает. При продаже Байрамгалеев о содержании книжки ничего ему не рассказывал, а только предложил купить, сказав, что многие однодеревенцы у него купили. Более ничего сказать не может. Бикмулла Ибатуллин неграмотный, а за него по доверии расписался однодеревенец Гали Шамсутдинов.

Спрошенный по сему делу, кр[естьяни]н дер. Коморгузи, Абдулвалей Хакимов заявил, что в конце Января месяца сего года он услыхал, что Мухаметгалей Байрамгалеев хвалил некоторым однодеревенцам книжку и будто-бы говорил, что "купишь эту книжку – будешь настоящий мусульманин". Услыхал это и узнав, что книги эти продает однодеревенец Гилязетдин Хабибуллин, которому оставил их для продажи Байрамгалеев, книжку приобрел от Хабибуллина за 1 руб. На второй или на третий день после покупки от своего Муллы услыхал, что книжки эти нехорошие, отдал ее обратно Хабибуллину и в возврат получил с него 1 руб. Книжку эту по неграмотности [л. 5] не читал и не знает ее содержания. Абдулвалей Хакимов неграмотный, а за него по доверенности расписался однодеревенец Гали Шамсутдинов.

Спрошенный крестьянин дер. Коморгузи Хасан Ихсанов заявил, что в конце минувшего Января он действительно приобрел от своего однодеревенца, Гилязутдина Хабибуллина книжку за 1 руб. Книгу эту хвалил торговец Мухаметгалей Байрамгалеев, говорил, что "не надо никакого закона и не надо Муллы, не следует ему подчиняться". Книгу эту он прочитал и понял только молитву, но прочее, в ней напечатанное, не понял. Через несколько дней книжку эту отдал обратно Хабибуллину и получил в возврат 1 руб. Местный Мулла сказал, что книга эта нехорошая. Хасан Ихсанов расписался по татарски[…[708]].

[708] Подпись по татарски – Хасан Ихсан. Далее опущено окончание текста с аналогичными показаниями свидетелей.

Документ № 85. 22.02.1914.
НАРТ. Ф. 41. Оп. 15. Д. 1. Л. 31–31 об.

Его Превосходительству
Господину Казанскому Губернатору[709]
От всего Сельского общества
в д. Зюльби Нового Куюка,
Большеменгерской волости,
Казанского уезда и Указного муллы
Хасанзяна Мухамет-Касымова
Прошение

В нашем обществе дер. Зюльби Нового Куюка проживает со своим семейством возвращенный из ссылки бывший крестьянин Тетюшского уезда[710], дер. Карашам, Шигабутдин Сайфутдинов, Ваисовской Новой Секты, который был сослан судом за неподчинение Властям, который в настоящее время пропагандирует эту секту между обществом и в других деревнях. Его пропаганда заключается в том: "Во-первых, не повиноваться властям, не платить подати, не подавать сыновей на Военную службу, и тому подобное. Кроме того [он] ходит постоянно с кинжалом или ножом, обзывая, что это все Антихристы и не ходит в Мечеть, а мулла как имеет поганый Указ Антихристовую грамоту, [призывает] не слушать его увещевание и не ходить молиться в поганую мечеть". Кроме того, если наш мулла [л. 31об.], например, покажется на улице, то издевается над муллой и оскорбляет его разными словами и угрожает ему. В виду этих обстоятельств мы всем обществом просим удалить [его] из нашего сельского общества дер. Зюльбей Нового Куюка и чем успокоить наше общество. Покорнейше просим Ваше Превосходительство сделать обо всем дознание по этому делу через кого будет следовать и удалить из нашего общества Шигабутдина Сайфутдинова с его семейством. При сем прилагаем приговор Сельского Общества дер. Зюльбей Новых Куюк Больше Менгерской волости Казанского уезда. Февраля 20 дня 1914 года[711].

Для доставления сведений по содержанию прошения препровождаю Больше Менгерскому Волостному Правлению. Земский Начальник 5 участка Казанского уезда.

№ 294. 15 марта 1914 г.[712]

[709] На документе печать канцелярии губернатора с датой – 22 февраля 1914 г., а также неразборчивая надпись. Документ рукописный, дан с исправлениями орфографических и пунктуационных ошибок при максимальном сохранении стилистики документа.

[710] Ошибочно, следует – Свияжского уезда.

[711] Далее следует подпись по-татарски и печать Большеменгерского волостного правления.

[712] Последние фразы отпечатаны на пишущей машинке, подпись земского начальника неразборчива. Также неразборчива приписка карандашом чуть ниже по тексту.

Документ № 86. 11.03.1914.
НАРТ. Ф. 41. Оп. 15. Д. 1. Л. 2–2 об.[713]

Министерство Внутренних Дел
Казанский губернатор
По Канцелярии
10 Марта 1914 г.
№ 2983 г. Казань

Г[осподину] Прокурору Казанского Окружного Суда

Последователи известной секты Ваисова, крестьяне 1) Свияжского уезда Шигабутдин Сайфутдинов, 2) дер. Куюк, Больше-Менгерской волости, Мухамет-Галей Байрамгалеев и 3) дер. Коморгузи, Больше-Атнинской волости, Галяхутдин Хабибуллин занялись распространением учения своей секты между крестьянами разных деревень Казанского уезда и начали продавать, без надлежащего разрешения, какие-то книги на татарском языке со взиманием платы за каждую книгу в размере 1 руб. Обстоятельства эти нашли себе полное подтверждение в данных произведенного Приставом 2 стана Казанского уезда дознания, при чем были отобраны у названных лиц и распространяемые ими книги разных названий в количестве 322 экземпляров.

Сущность учения упомянутой секты состоит в том, что приверженцы ее не должны повиноваться никому из властей, не должны признавать последних, так же как и мулл, определяемых властями, не должны посещать мечетей и вести метрических книг, существующих с разрешения отвергаемых властей, не должны платить никаких сборов и отбывать воинскую повинность.

В виду такого преступного направления деятельности Сайфутдинова, Байрамгалева и Хабибуллина, произведенное дознание имею честь при сем препроводить Вашему Превосходительству на зависящее распоряжение.

Приложение: вещественные доказательства (322 экземпляра книг в тюк) [… [714]].

[713] Текст набран на пишущей машинке

[714] Подписи губернатора, управляющего канцелярией и старшего помощника правителя неразбочивы.

Документ № 87. 2.04.1914.
НАРТ. Ф. 41. Оп. 15. Д. 1. Л. 37–37об.

Министерство Внутренних Дел
Больше-Менгерское
Волостное Правление
Казанского уезда
Казанской губернии
2 апреля 1914 г. № 655

Его Высокородию Господину Земскому Начальнику
5 участка Казанского уезда
Рапорт[715]

[л. 37] Представляя при сем переписку за № 294 с прошением Куюкского общества и муллы Касимова и приложениями, Волостное Правление доносит Вашему Высокородию, что, как оказалось по произведенному на месте дознанию, проживающий в деревне Куюк в доме своей своячницы крестьянской девицы этой деревни Зязили Ахметшиной 17 лет крестьянин-ссыльный из Свияжского уезда, Азелеевской волости, деревни Карашам Шигабутдин Сайфутдинов 50 л. со своею женою Биби Нагимой Ахметшиной 25 л. и двоими детьми: Зыллусултаном 4 л. и дочерью Бибивасилей 8 месяцев, исповедует ваисовскую веру, за что в 1891 году по приговору своего общества был сослан в Сибирь, затем в 1894 году по распоряжению Иркутского Губернатора возвращен на родину, а в 1895 году по приговору Казанской Судебной Палаты в числе других за религиозные убеждения был сослан на остров Сахалин, оттуда, по воспоследовавшему Высочайшему Манифесту в 1906 году распоряжением Сахалинского Военного Губернатора был возвращен в Казань, по каковом возвращении поселился в деревне Куюк, где и живет, обрабатывая душевой надел своячницы и занимаясь по соседним селениям торговлей мелочным товаром и татарскими скатертями; на руках никакого вида на жительство не имеет; кроме лишь свидетельства Канцелярии Духовного Отца Ваисова – старообрядческого мусульманского общества от 11 Февраля 1886 [л. 37об.] года за № 160, предъявленного у Пристава 5 Ярмарочного участка города Н.Новгорода 17 августа 1913 года.

По слухам Сайфутдинов, обходя с товаром селения, действительно пропагандирует свое Ваисовское вероучение, называя вероисповедание магометан поганым и мулл их еретиками, но были ли им с пропагандою внушения: “не подчиняться Властям, не платить податей и не отдавать своих сыновей на военную службу”, – заявление общества и муллы не нашло ни в чем подтверждения. Лишь мулла Касимов заявляет о том, что

[715] Машинописный документ отпечатан на бланке волостного правления.

он слышал от людей, но от кого не указал, как Сайфутдинов в деревне Куюк, а так же в дер[евне] Большой Серде, Мульминской волости, пропагандируя свою веру, говорил, что в их вере не нужно платить подати, не давать солдат и не подчиняться властям; затем по отношению того, что Сайфутдинов ходит всегда с оружием, один крестьянин дер[евни] Куюк Хамидулла Галимов утверждает, что он сам видел у Сайфутдинова кинжал, которым последний угрожает убить всякого при ссоре на религиозной почве.

По отзыву муллы дер[евни] Куюк Касимова Сайфутдинов действительно при встрече с ним на религиозной почве спорит и ругает его, но при ком не указал, и даже через крестьянина дер[евни] Куюк Закира Каримова грозил распороть мулле брюхо.

Сам Сайфутдинов заявил, что он никаких оскорблений и угроз мулле никогда не делал, а наоборот мулла постоянно при встрече ругает его поганым, из-за чего у них и происходит спор на религиозной почве.

По отзыву Куюковского общества у них по этому же делу недавно был Пристав 2 стана Казанского уезда, производил дознание и от Ваисовца Сайфутдинова отобрал несколько брошюр на татарском языке о вероучении ваисовцев.

Волостной Старшина Баязитов.

Волостной Писарь[716].

Документ № 88. 22.04, 25.04, 2.05. и 12.05.1914.
НАРТ. Ф. 41. Оп. 15. Д. 1. Л. 17–29.

Протокол осмотра и экспертизы[717]

[л. 17] 1914 года Апреля 22 и 25 и Мая 2 и 12 дня Судебный следователь Казанского окружного Суда по особо-важным делам Шулинский по делу о крестьянине Шигабуддине Сайфутдинове, Мухамет-Галей Байрамгалееве и Гелязутдине Хабибуллине, обвин[енных] по 125 ст. Угол. Улож. в присутствии понятых, через эксперта Профессора Казанского Университета Н.Ф. Катанова; производил осмотр тюка, препровожденного при предложении Прокурора Казанского Окружного Суда от 14 Марта 1914 года за № 2378 и перевод заключающихся в них сочинений на восточных языках. Тюк опечатан 3 печатями Казанского уездного Исправника. По вскрытии в нем оказалось 4 свертка.

[716] Вместе подписи Баязитова – печать, а подпись писаря оригинальна.

[717] Документ рукописный, имеются отдельные вставки, выполненные рукой Н.Ф. Катанова. Документ дан с исправленной орфографией и пунктуацией, с минимальными сокращениями.

I. Первый сверток с надписью деревни "Коморгузи"[718].

1. Книжка в переплете на арабском и татарском языках под заглавием "Шарыитуль-иман" (Условия веры). Дозволено цензурою СПб. 30 мая 1880 г. На заглавном листе по-татарски написано: "С мусульман, состоящих в вере магометанской, взимается один рубль, но не признающим ее и лицемерам не продается вовсе. На Господа упование и привет".

На последней 32 странице мастичный оттиск печати с татарской [л. 17об.] надписью "Дервиш скорбитель за веру Багаутдин сын муллы Гамзы Ваисова Аль-Булгари".

Из печатного текста 1-й и 32 страницы видно, что брошюру составил в 1880 г. Багаутдин Ваисов Аль-Булгари.

Содержание представляет из себя обыкновенный мусульманский катехизис с добавлением на 31 странице молитвы о здравии и спасении Государя Александра II–го.

2. Точно такой же экземпляр той же книги и с такой же надписью на татарском и оттиском печати.

3. Брошюра на арабском языке под заглавием "Шараитуль Иман". Напечатана в Казани в 1913 году в типографии и на счет бр[атьев] Каримовых. 8 страниц. Содержание тоже, но без молитвы за Царя.

4. Под тем же заглавием брошюра на арабском и татарском языках, напечатана в Казани в 1913 году в типографии и на счет бр[атьев] Каримовых. 24 страницы. Содержание то же, только без молитвы за Царя.

5. Брошюра на арабском и татарском языках в 16 страниц под заглавием "Джаннатуль-асма" (Рай имен), напечатана с цензурою дозволения в Казани 1905 года в типографии наследников Чирковой на счет Мингазютдинова. Содержит в себе эпитеты Божьи с указанием, какие имена от каких напастей помогают.

[л. 18] 6. Та же брошюра, что и № 5, печатана в Казани 1904 года в типографии и на счет бр[атьев] Каримовых с дозволения цензуры от 1903 г.; 16 стр.

7. Та же брошюра на арабском языке, что и под № 3, печатана с цензурного дозволения от 1902 г. в Казани в 1903 году в типографии и на счет бр[атьев] Каримовых.

8. Брошюра на татарском языке 16 стр. под заглавием "Кисик-баш-китабы" (Книга об отрезанной голове), напечатана с цензурного дозволения из Петербурга от 1901 г. в Казани в том же году в типографии бр[атьев] Каримовых на их же счет. В книге содержится рассказ о делах и событиях из первых времен ислама, именно о голове одного богатыря. Рассказ повествует, как нужно веровать, чтобы быть настоящим мусульманином.

[718] Книги из списка "Коморгузи" были изъяты у Г. Хабибуллина. Здесь и далее названия книг подчеркнуты составителем документа.

9. Брошюра в 16 стр. на арабском и татарском языках под заглавием "Дуга-и-Даулет?" (Молитва о счастье), напечатана в Казани с цензурного дозволения из СПБ. 1903 г. в том же году в типографии и на счет бр[атьев] Каримовых. Эта молитва показана спасающею верующего человека от бед видимых и невидимых, земных и загробных.

10 Брошюра в 16 стр. на татарском языке под заглавием "Кыссатуль-Мансур Аль Халлядж" (Биография благочестивого Мансура), напечатанная с цензурного дозволения из СПБ. от 1889 г. в Казани [л. 18 об.] в Университетской Типографии на счет наследников Хусаинова. Содержание представляет рассказ о самой благочестивой жизни мусульманина Святого Мансура.

11. Свидетельство за № 160 в два листа с печатным русским и татарским текстами и изображением трех флагов, на древках которых по серпу луны, а на 2-х из самых флагов по серпу луны с пятиконечной звездой. На флагах арабский текст символа мусульманской веры, а под флагами по-татарски напечатано "Сотрудник ислама, проживающий в гор. Казани в Новой Слободе, благородный потомок Сеидов Ходжа Мухамед Гинануддин сын высокостепенного и благословенного скорбителя за веру дервиша Багаутдина Ваисова Аль-Булгари". Печатный текст напечатан в Казани в Центральной типографии с дозволения цензуры от 28 Февраля 1906 г.

В свидетельстве сказано, что оно дано Галазетдину Хабибулле Оглы Ильбулгари, уроженцу Казанской губернии и уезда Атнинской волости дер. Гомсерхозя с женой и детьми "для свободного проживания и въезда во все российское империи беспрепятственно".

В конце свидетельства имеются 2 оттиска печати: на русском и татарском языках, одинакового значения, а именно "Дардеманде Дарвиш Багаутдин Камзин Ваисов Аль Булгари". Датировано свидетельство 11 февраля 1886 года, а по мусульманскому летоисчислению "Тарреха Гиджрия, т.е. Сяня [л. 19] 1304 года Мага Жимодиаль Ахир 9-го дня". На следующей странице имеется оттиск штемпеля с текстом: "Всего мира Государственный молитвенный дом и Автономное духовное Управление Мяктяб Гирфан, т.е. мусульманская академия [и] канцелярия сотрудника всего мира Сардара Ваисовского божьего полка Староверческого мусульманского общества в Казани. Существует с 1872 года[719]. Ноября 11 дня 1908 г. № 158", рукописная надпись: "Приемник Дарвиша Божьего Духовного отца Ваисова, Сотрудник всего мира, Сардар, т.е. поверенный ислама, Духовный начальник староверческого общества мусульман Ваисовского Божьего полка воинов Ходзя Мухамед Гинанутдин Багаутдин Оглый Ильбулгари Ваисов. Выдал сий документ нашему члену. С приложением должностной имянной духовной печати". Под надписью оттиск круглой печати с изображением серпа луны и пятиконечной звезды и надписью татарской "военная молитва" и "воля принадлежит Богу" и русской "Сардар Ваисовского Божьего полка Староверского общества мусульман Ходзя Мухамед Генанутдин Багаутдин оглы Ваисов".

[719] В дате 1862 цифра 6 исправлена на 7 (1872 г.).

[л. 20] II. Второй сверток с надписью "Дер. Большая Серда".

В нем оказались три экземпляра одной и той же брошюры в 32 стр. на арабском и татарском языках в переплетах под заглавием "Шараитуль Иман" (Условия веры), напечатанные с дозволения Петербургской цензуры 1880 г. в Казани в том же году в Университетской типографии, на счет Багаутдина Хамзина Ваисова и по рукописной подписи на татарском языке, тождественной с той, которая указана в первом свертке под № 1-м. Содержания то же.

III. Третий сверток с надписью "Байрамгалеев".

1. Шестнадцать экземпляров белых листков бумаги в ¼ долю листа с напечатанными арабскими молитвами против разных болезней (бессоницы, головной боли, сглаза и от слез) с объяснением на татарском языке. Напечатаны в 1913 г. в Казани в типографии и на счет бр[атьев] Каримовых.

2. Двадцать один экземпляр синих листков бумаги в ¼ долю листа с напечатанным текстом арабской молитвы об умножении числа покупателей в магазине и о снискании любви народной с объяснениями на татарском языке. Напечатано в Казани в 1912 г. в типографии Каримовых.

[л. 20 об.] 3. Шесть экземпляров брошюры в 16 стр., на арабском и татарском языках с молитвою, читаемою по окончании чтения Корана и с приложением нескольких глав Корана с объяснениями к ним. Издание 2-е, печатано на счет Исмагила Шамсутдинова в Казани в 1909 году в типографии Домбровского. На задней части обложки перечислены мусульманские святые, почивающие у дер. Очь Тиряк (Три поля), у озера Кабан и у Сумбекиной башни.

4. Четыре экземпляра брошюры на татарском языке в стихах в 16 страниц, под заглавием "Ахыр Заман" (Последнее время), напечатанной в Казани в 1906 году в Университетской Типографии на счет наследников Хусаинова. В брошюре говорится о кончине мира по мусульманскому древнему вероучению.

5. Четыре экземпляра брошюры Абдурашитова на татарском языке в 16 страниц под заглавием "Кучляп Бирельгян Кыз" (Силою отданная замуж девица), напечатанная в Казани в 1913 году в типографии Домбровского. Содержит повесть об одной девице, насильно выданной замуж и бросившейся в воду.

6. Книга на татарском языке "Дивани Хикмят" (Сборник мудрых изречений). Сочинение Ахмада Ясави, писателя XII–го века, 6-е издание наследников Хусеинова, печатано в Казани в 1912 г. в Университетской [л. 21] типографии, 262 страницы. Религиозно-нравственного содержания.

7. Четыре экземпляра брошюры на татарском языке под заглавием "Бедавам Китабы" (Книга с рифмою Бадавам). Напечатана в Казани в 1913 году в типографии и на счет бр[атьев] Каримовых, 16 стран[иц]. Книга религиозно-нравственного содержания, как-то о вере, молитве, неверии, посте, пилигримстве и пьянстве, о покойниках и пр.

8. Брошюра на арабском и татарском языках в 16 страниц под заглавием "Мунтахади Тажевид" (Сборник правил о чтении Корана), напечатано в Уфе в 1907 году в Губернской типографии, на счет автора Зиффа Касимова под редакцией Мухамед Сабира Хасанова. Изложено правило чтения Корана.

9. Два экземпляра брошюры в 16 страниц на татарском языке под заглавием "Кызганыч Вакигалар" (Печальные события), напечатано в Казани в 1913 году в типографии Еремеева и Шишабрина на счет наследников Хусеинова. В книге говорится о народных бедствиях по случаю землетрясения.

10. Брошюра на татарском языке в 32 стран[ицы] под заглавием "Балалар дусты" (Друг детей), напечатано в Казани в 1912 году в типографии Каримовых. Перевод Камиля Баширова с русского сочинения [л. 21об.] Шелгуновой. Содержит три рассказа "Чертов родственник – Винкурд", "Смирный муж и скверная жена" и "Курица, несущая дорогие яйца".

11. Два экземпляра брошюры в 32 страницы на татарском языке под заглавием "Жырлар" (Песни), часть 2-я, издание 3-е, печатана в Казани в 1913 году в типографии бр[атьев] Каримовых. Содержит народные песни непреступного содержания.

12. Восемь экземпляров брошюры "Ахыр Заман", указанной в пункте 4-м, напечатанной в Казани в 1912 году в типографии и на счет бр[атьев] Каримовых.

13. Четыре экземпляра брошюры на арабском языке, под заглавием "Суар Миналь Куръан" (Глава Корана), напечатаны в Казани в 1913 году в типографии и на счет бр[атьев] Каримовых, по 16 стр[аниц] каждая.

14. Та же брошюра, что и упомянутая под № 13, напечатана в Казани в 1911 г. в типографии Домбровского на счет Кадырова, 16 страниц.

15. Брошюра на арабском и татарском языках в 31 стран[ицу] под заглавием "Мажмауль Абвабъ" (Собрание молитв), напечатана в Казани в 1910 году в типографии Домбровского на счет наследников Хусеинова. Брошюра содержит стихи Корана и молитвы с объяснениями против

90 различных болезней, например: кашля, [л. 22] грыжи, колике, опухоли, задержании мочи, болезни горла, уха и проч.

16. Брошюра в 23 стран[ицы] на татарском языке под заглавием "Бахча Тарбиясе" (Содержание огорода), напечатана в Казани в 1909 году в типографии и на счет бр[атьев] Каримовых, автор Ш. Усманов из Симбирска. Брошюра посвящена обработке и содержанию огорода.

17. Брошюра в 16 страниц на татарском языке под заглавием "Начар ашый торган атларымызны ничек даваларга?" (Как кормить нам лошадей, которые плохо едят). Автор Г. Кугашев. Брошюра переведена с русского сочинения И. Лиманова, напечатана в Казани в 1912 году в типографии и на счет бр[атьев] Каримовых.

18. Брошюра на арабском языке в 17 стр. под заглавием "Лямиятуль-имам Аль-Бусири" (Произведение Бусирия с рифмою ля) напечатана в Петербурге в 1907 году Багаутдином Хуснутдиновым в типографии Ибрагимова. Брошюра содержит биографические данные о Магомете со ссылками на книги Моисея и Евангелие.

19. Брошюра на татарском языке в 78 стр[аниц] под заглавием "Хазаинуль-Афкар" (Сокровищница мыслей). Сочинение писателя XIII века Абдуллы Мухамеда Кузаи, напечатано в Казани в 1911 г. в типографии и на счет бр[атьев] Каримовых. В книге говорится о загробной жизни в раю и в [л. 22об.] аду праведников и грешников.

20. Брошюра в 56 стр[аниц] на татарском языке под заглавием "Ана Арслан" (Львица). Автор перевода Тазютдин Ибрагимов. Печатано в Казани в 1913 году в типографии и на счет бр[атьев] Каримовых. В брошюре говорится об одной львице, воспитавшей какого-то царевича.

21. Брошюра в 20 стран[иц] на татарском языке под заглавием "Урманда" (В лесу). Сочинение М. Веригова, татарский перевод Ш.С., напечатана в Казани в 1912 г. в типографии и на счет бр[атьев] Каримовых. В брошюре говорится о животных, растениях и птицах, водящихся в лесу.

22. Брошюры два экземпляра в 32 страницы каждая на арабском и татарском языках под заглавием "Хутбаи-жума" (Пятничная молитва) с объяснением на татарском языке, напечатана в Казани в 1906–1908 гг. в типографии Домбровского на счет Кадырова, с приложением проповеди на татарском языке.

23. Брошюра в 24 стран[ицы] на татарском языке под заглавием "Ойгану" (Пробужденье), соч[инения] Назиба Думави. Напечатана в Казани в 1912 году в типографии и на счет бр[атьев] Каримовых. В брошюре содержатся стихи на разные темы, вроде: Азраил (Ангел смерти), Зимняя лунная ночь, Путешествие по Оренбургу с одним ишаном киргизом и пр.

[л. 23] 24. Два экземпляра брошюры на арабском и татарском языках под заглавием "Шараитуль-иман", напечатаны в Казани в 1913 году в ти-

пографии и на счет бр[атьев] Каримовых, 24 страницы. Содержание то же, только без молитвы за Царя (См. сверток I, № 4).

25. Брошюра на арабском языке под заглавием "Шараитуль-иман" (Условия веры). Напечатана в Казани в 1913 году в типографии и на счет бр[атьев] Каримовых, 8 страниц. Содержание то же, но без молитвы за Царя (См. сверток I, № 3).

26. Брошюра на арабском и татарском языках в 16 страниц под заглавием "Мухтасара Иман" (Краткое изложение веры), напечатано в Казани в 1910 г. в типогр[афии] Домбровского на счет Кадырова.

27. Брошюра на арабском и татарском языках в 15 страниц под заглавием "Дугай Мустажад" (Молитва о помощи и милости), напечатана в Казани в 1904 г. в типографии и на счет бр[атьев] Каримовых. Молитва помогает избавлению от долгов, спасению от ада и земных бедствий.

28. Брошюра в 16 страниц на арабском языке под заглавием "Фикхи Кайдани" (Законоведение Кайдания), напечатана в Казани в 1906 году в типографии и на счет бр[атьев] Каримовых. Содержит в себе правило касательно учения и обрядов Ислама.

29. Брошюра в 16 страниц на арабском и татарском языках под заглавием "Рисале-и фарзи гайн хям дагават" (Брошюра с заповедями и молитвами). Напечатано [л. 23 об.] в Казани с дозволения С.-Петербургской цензуры 1905 года в том же году в типографии Чирковой на счет Кадырова. Содержит в себе описание обрядов и молитв Ислама.

30. Брошюра в 8 страниц на татарском языке под заглавием "Унбер Ахмед исемляре" (Имена 11 Ахмедов), напечатано в Казани 1908 года в типографии Домбровского на счет Кадырова и содержит в себе имена 11 мусульманских святых Ахмедов с указанием, что эти имена помогают против болезни, страха и прочего.

31. Брошюра в 30 страниц на арабском и татарском языках под заглавием "Джавахири хикмяти дервишон" (Драгоценности изречений дервишей), напечатано в Казани в 1907 г. в типографии Шарафа, часть 1-я. Автор Ходжа-Мухамед Гинанутдин Ваисов. Брошюра снабжена оттиском печати с надписью по-русски "Сардар Ваисовского Божьего полка староверского общества мусульман Ходзя Мухамед Багаутдинов Хамза оглы Аль Булгари" с изображением пололуния и пятиконечной звезды. Содержание этой брошюры религиозно-нравственного характера. Заключает вероучение Ислама.

Эксперт Н.Ф. Катанов заявил, что содержание брошюры подробно было изложено при экспертизе в деле о Гинанутдине Ваисове и др. его последователях.

32. Брошюры в 26 страниц на арабском и [л. 24] татарском языках под заглавием "Джавахири хикмяти дервишан", часть 2-я. Напечатано в Казани в 1907 г. в типографии бр[атьев] Каримовых с оттиском такой же печати, что и на брошюре под № 31. Содержит в себе большую пятнич[ную] молитву с объяснениями и стихи, произнесенные Багаутдином Ваисовым в заключении из-за козней мусульманских ученых, доносов невежд и беззаконий чиновников. Эта брошюра осмотрена была в том же деле. Стихи на страницах 15 и 16 направлены против инспекторов народных училищ, которых называют доносчиками, так как они вмешивались в школьное дело Багаутдина Ваисова, причем говорится, что их ввел в заблуждение проклятый дьявол.

33. Брошюра в 24 страницы соч[инения] Абдурашитова на татарском языке под заглавием "Сумбека". Напечатана в Казани в 1912 году в типографии Домбровского на счет Кадырова и посвящена биографии Царицы татарской Сумбеки, матери Утямыш Гирея. Содержание чисто исторического.

34. Брошюра в 20 страниц на татарском языке Мухамет Васима Султанова под заглавием "Канау буе" (Вдоль канавы). Издание 2-е, напечатано в Казани в 1910 году в типографии Каримовых. Брошюра заключает в себе стихотворения новометодиста, ученика Уфимской мусульманской школы, призывающие мусульман к свету науки и [л. 24об.] цивилизации. Содержание не преступное.

IV. Четвертый сверток с надписью "Куюк"[720].

1. 12 экземпляров брошюр на арабском языке в 16 страниц "Суир Миналь Куран" (Необходимые главы Корана), Казань 1911 года. Типография Домбровского. Издание Кадырова. Эти главы читаются перед начатием исполнения и по окончании каждого дела, при поминовении усопших, а также пред смертью.

2. Брошюра на татарском языке в 16 страниц "Тагбир-наме" (Снотолкователь). Казань 1904 г. типография Чирковой. Печатано с дозволения Петербургской цензуры от 10 Июля 1904 г., в 12 главах брошюры содержатся объяснения снов разного характера: животные, птицы, хозяйства, напитки, дождь, снег и пр., ничего преступного в брошюре нет. Всего 18 экземпляров.

3. Брошюра на татарском языке в 8 стр[аниц] под заглавием "Хикаят фи Имам Агзам" (Рассказ в честь Имама Агзама), Казань, 1904 г. Типография Чирковой. Печатано с дозволения Петербургской цензуры от 10 Июля 1904 г. Брошюра содержит в себе стихотворный рассказ о жизни древнего юриста-богослова Абу Ханифы и ничего преступного в себе не заключает. Всего 36 экземпляров.

4. Брошюра в 16 страниц на арабском [л. 25] и татарском языках, под заглавием "Китаб хасияту дуга-и риджалюль-гайдь" (Книжка "Особенности молитвы к невидимым мужам"). Печатано в Казани, в 1904 г. в

[720] Книги, отобранные у Ш. Сайфутдинова.

типографии Чирковой, с дозволения Петербургской цензуры от 10 Июля 1904 г. В брошюре перечисляются разные святые ислама, начиная с Адама и кончая Мухамедом, которые помогают верующим как в земной жизни, так и в будущей от разных бед, видимых и невидимых. Всего 16 экземпляров. Ничего преступного в брошюре нет.

5. Брошюра в 32 страницы на арабском и татарском языках. Печатана в Казани в типографии Чирковой в 1904 году с дозволения Петербургской цензуры от 10 Июля 1904 г. под заглавием "Дугаи сейфи" (Молитва о небесном мече). В предъявленном сказано, что эта молитва помогает верующему человеку от 30 бед земных и 10 загробных, например, от болезни, от трудных родов, от врагов, от хищных зверей, для нахождения потери, против бесплодия и т.д. Всего 20 экземпляров.

6. Брошюра в 15 страниц на арабском и татарском языках под заглавием "Хутбаи Адам" (Молитва Адама), печатана в Казани в 1902 году, в типографии Чирковой на счет Идрисова с [л. 25 об.] дозволения Петербургской цензуры от 5 Августа 1902 г. В предисловии сказано, что эта молитва помогает человеку спасаться от чар колдовства, а также снисканию любви и дружбы. Всего 44 экземпляра.

7. Брошюра на арабском и татарском языках в 32 страницы под заглавием "Шараитуль Иман", издание Багаутдина Ваисова с дозволения Петербургской цензуры от 30 мая 1880 г. С оттиском печати Багаутдина Ваисова (См. сверток I, № 1).

8. Брошюра в 8 страниц на татарском языке, печатано в Казани в 1901 году с дозволения Петербургской цензуры от 14 Декабря 1901 года на счет Идрисова под заглавием "Вакти сехер китабы", в которой стихами рекомендуется каждому мусульманину подобно разным святым вроде Моисея и других лиц молиться Богу с раннего утра. Ничего преступного в брошюре нет. Всего тридцать шесть экз.

9. Брошюра в 16 страниц на татарском языке под заглавием "Аввалюн-Низафет" (Начало очищения религиозного). Издание 10-е, цена 4 коп. Соч[инение] муллы Галимзяна Галеева[721]. Казань, 1912 г. Типография и издание Торгового Дома "Идрисов, Галеев и К°". Содержит в себе ряд вопросов и отзывов по описанию обрядов ислама: омовение. 8 экземпляров. Преступного содержания ничего нет.

10. Брошюра в 23 страницы на татарском языке под заглавием "Хуснуль-Гибадат" (Красота богослужения), издание одиннадцатое. Казань 1912 г., цена 5 коп. Сочинение муллы Галимзяна Галеева. Издание и Типография Торгового Дома "Идрисов, Галеев и К°". Брошюра заключает в себе изложение учения ислама о молитве, в количестве 7 экземпляров.

11. Брошюра в 32 страницы на татарском языке под заглавием "Жулъбагиы?" (Путеводитель), часть 1-я, соч[инение] Абдул Гафуры Муслимова. Издание III-е, цена 6 коп. Казань, 1910 г. Типография и издание Торгового Дома "Идрисов, Галеев и К°". Брошюра заключает в себе азбуку татарского языка и книгу для чтения, два экземпляра.

[721] Сочинение Галимджана Баруди.

12. Брошюра в 8 страниц на арабском языке под заглавием "Шараитуль иман" (Условия веры), Казань 1913 года. Типография и издание бр[атьев] Каримовых. Брошюра заключает в себе арабский букварь и мусульманский символ веры, один экземпляр.

13. Брошюра в 24 страницы на татарском языке под заглавием "Бер залим гаяр да галим кази" (Один жестокий вор и ученый судья). Печатано в Казани 1880 г. на счет Катеева, типография не указана. Дозволения Петербургской цензуры от 20 марта 1880 г. Брошюра содержит в себе сказку [л. 26об.] о том, как один мусульманский ученый, попавший в плен к одному вору, разными доказательствами из Корана пристыдил его и сделал его хорошим человеком. Один экземпляр.

14. Брошюра в 30 страниц на арабском языке под заглавием "Арбаг-гинат" (40 преданий), часть 1-я. Казань, 1898 г. Типография и издание Торгового Дома "Идрисов, Галеев и К°". Брошюра заключает в себе изречение Магомета касательно: молитвы, вина, богослужения, приветствия, покойника и пр. На брошюре надпись чернилами от руки: "собственник книги Кашафутдин Шагабутдинов", один экземпляр.

15. Брошюра в 16 страниц на татарском языке под заглавием "Бедавам" (Всегда), Казань 1906 года. Типография Домбровского. Брошюра призывает мусульман к добрым делам и к постоянному памятованию имени Божьего и исполнению заповедей, чтобы попасть в рай, а не в ад. Преступного содержания нет.

16. Брошюра в 8 страниц на арабском и татарском языках под заглавием "Ишаратуль-марам иля ма фи икамати' ль-бурхан" (Указание на то, что содержится в брошюре Икаматуль-бурхан – "Приведение доказательств"). Казань, [л. 27] 1910 г. Типография Харитонова. Брошюра направлена против татар новометодистов, советуется всецело подчиняться законам Государя Императора, а не выдумкам новометодистов, которые обучают детей светским наукам, недозволяемым Кораном и Шариатом. Один экземпляр. Преступного ничего нет.

17. Брошюра в 16 страниц на татарском языке под заглавием "Бадъуль Магариф" (Начало наук), издание 14-е, цена 4 коп. Казань, 1911 г. Соч[инение] муллы Галимзяна Галеева. Типография и издание Торгового Дома "Идрисов, Галеев и К°", один экземпляр. Брошюра в себе заключает объяснение мусульманского символа веры. Преступного ничего нет.

18. Брошюра в 16 страниц на татарском языке под заглавием "Россиядя дюрт фирке" (В России 4-е секты). Казань, типография Чирковой 1909 г. Издание Г.Л.С. Брошюра рассказывает о том, что мусульмане, уклонившись от древней истинной веры ислама, разбились на разные

секты, числом 11, которые по своему учению составляют 4 главные группы. Преступного в брошюре ничего нет. На последней странице значится, что продолжение следует.

[л. 27об.] 19. Брошюра под заглавием "Джавахири хикмети дервишан" (Драгоценность изречений Дервишей), ч. 1. Казань 1907 года. Типография Шараф. 30 страниц. Издание Мухамед Гинанутдина Ваисова Аль Булгари. Два экземпляра. Описание смотри (сверт. III, № 31). На заглавном листе обоих экземпляров имеются оттиски такой же печати, как описано раньше.

20. Два экземпляра той же брошюры, часть 2-я. Казань, 1907 г. Типография бр[атьев] Каримовых. Издания Гинанутдина Ваисова Аль Булгари, 26 страниц. С оттиском печати Гинанутдина Ваисова. Описание смотри сверток III, № 32.

21. Сшитые вместе 2 брошюры. Одна под заглавием "Рисалеи Нурнаме" (Брошюра о божественном свете), в 15 страниц на татарском и арабском языках. Казань. Печатано с дозволения Петербургской цензуры от 30 Июля 1874 г. В брошюре говорится о том, из чего созданы у Магомета: голова, лицо, глаза, нос, уши, язык, губы, зубы, сердце, бедра, руки, мясо, горло, грудь, волосы, кости, ноги. На 16 странице напечатано "Казань, Университетская типография 1875 г. Издание Амашева".

Вторая брошюра 16 страниц на арабском и татарском языках под заглавием [л. 28] "Корани Шариф Таглильлафи уа Дугаи Гаджамбуль истикфарь уа Салявати Шариф уа балиха Шариф дугалар" (Славословие Св. Корана, молитва о прощении грехов, святые молитвы и разные другие божественные слова). Казань, 1875. Университетская типография. Издание Амашева, с дозволения Петербургской цензуры от 30 Июля 1874 г. Брошюра заключает в себе мусульманские молитвы на разные случаи жизни.

22. Брошюра на арабском и татарском языках в 32 страницы под заглавием "Таглимати Курание" (Учение кораническое), сочинение Шакирзяна Хамидова, Казань, 1908 года. Издание и Типография бр[атьев] Каримовых. В брошюре приводится в арабском подлиннике и татарском переводе те стихи Корана, в которых рекомендуется изучать науки и разные ее отрасли.

23. Брошюра в переплете в 2-х частях в 60 и 87 страниц на арабском и татарском языках под заглавием "Тарики ходжаган" (Образ жизни и учение св. людей ислама), Казань. Типография Тилли, дозволено Петербургской цензурою 23 мая 1874 г. На заглавном листе и на 86 стр[анице] оттиски [л. 28 об.] печати с татарскими словами: "Ищущие руководительства в Боге едином скорбящий о вере дервиш Багаутдин Ваисов Аль Булгари". На заглавном листе по-татарски чернилами написано: "1909 года в месяце Шевваль 15 числа в пятницу, а по-русски 15 октября я решился боль-

ше никаких грехов не делать и прочел полную покаянную молитву. Да будет свидетелем сего настоящая книга и Господь всех миров. 1909 года октября 25 числа в воскресенье вечером в ночь на понедельник в 9 часов появился на свет мальчик, имя ему мы дали Зилли Султан, отец его Шахабутдин, мать Биби Нагима". В конце приложено 2 листка (4 стр.), из коих на 1-й странице оттиск такой же печати, как выше сказано, и рукописная запись татарскими буквами на русском и татарском языках от 15 мая 1909 года, представляющая прошение на имя Его Императорского Величества Николая Александровича Монарха от верноподданных природных духовных лиц староверческого общества мусульман держащегося завета Авраама с Богом потомственных болгарских наследников Ваисовского Божьего полка и поверенных ислама сотрудников всего [л. 29] мира Шигабутдина, сына мулла Сайфутдина Аль-Булгари Ваисова в гор. Казани по разрешению духовного отца. В этой записи приведены цитаты из Корана против тех, кто заставляет подчиняться гражданским властям, обижающих их духовного отца Ваисова. В конце упоминается, что 1909 года 15 мая в пятницу постановлено подать жалобу Государю на Жандармский Департамент и эта жалоба за № 59–23 мая 1909 года сдана на почту. В брошюре содержится описание жизни и учения мусульман секты Накшбендия. В 1-й части, 58 и 59 страницы, имеется молитва о здравии и спасении Государя Императора Александра Николаевича, под покровительством которого мусульмане живут, молятся и служат Единому Истинному Богу [...[722]].

За экспертизу прошу меня вознаградить. Н. Катанов[723].

Документ № 89. 9.06.1914.
НАРТ. Ф. 41. Оп. 15. Д. 1. Л. 54–55 об.

Протокол допроса свидетелей[724]

191*4* года *Июня 9* дня, в *с. Чепчугах* Судебный Следователь Казанского Окружного Суда по особо-важным делам допрашивал в качестве свидетел*ей* нижепоименованных предварительно на основании 443 ст. Уст[ановления] Уголовн[ого] Суд[опроизводства] Императора Александра II, изд. 1883 года, предупредив, что на суде они могут быть спро-

[722] Указаны исправления и дополнения, имеющиеся в тексте. Далее следуют подписи следователя В.М. Шулинского, эксперта Н.Ф. Катанова и понятых Михаила Тимофеевича Шульгина и Степана Аниковича Ануфриева.

[723] За экспертизу этих книг профессору Н.Ф. Катанову полагалось вознаграждение в размере двадцати рублей. См.: НАРТ. Ф. 41. Оп. 15. Д. 1. Л. 29 об.

[724] Данный протокол допроса свидетелей, как и последующие, заполнен на стандартном бланке рукой судебного следователя В.М. Шулинского. Курсивом выделена рукописная часть документа

шены под присягой и сделав внушение о необходимости показать всю правду по чистой совести.

На предложенные вопросы свидетели отвечали:

Имя, отчество и фамилия *Мухаметназиб Шагимарданов*

От роду *33* лет

Религия *Магометанин*

Звание *Кр[естьяни]н д. Кормогузи, Больше Атнинской в., Казанского уезда*

Местожительства *д. Коморгузи*

Степень образования *Грамотный*

Под судом *не был*

В родстве *с участвующими не состою*

Особых указанных в 4 п. 707 ст. У.У.С. Императора Александра II, изд. 1883 года, отношений, а равно тяжбы со сторонами *не имею*

Я служу указным муллой в соборной мечети д. Коморгузи.

Как то в Январе месяце настоящего года от детей, пришедших в "мектебе" (школа), я узнал, что Рабига Назмутдинова и Абдулвалий Хакимов говорили, будто бы, что скоро у нас откроют русское училище, будут учитель и учительница и что потом будут учить [л. 54об.] и крестить. Об этом я сказал сельскому старосте Галяму Мухаррамову и так как тогда был сход по случаю годового отчета, то староста просил меня дать наставление крестьянам. Я сказал тогда, что так говорить, как передали мне дети, могут только дураки, что Государь нас, мусульман, любит и крестить не велит и что ему, поэтому, надо служить верно.

После того мне стало известно, что принадлежащий к Ваисовской вере Гиляетдин Хабибуллин продавал в д. Коморгузи книжку "Шараитуль иман" (Условия веры), сочин[ение] Ваисова, при чем говорил тем, кому продавал, что если купят у него означенную книгу, то купивших власти не тронут, крестить не будут и даже в солдаты не возьмут, а тех, кто не купит, возьмут в солдаты и будут крестить. Книжку эту купили у него Хусаин Ихсанов, Бикмулла Ибатуллин и Зиганша Ахмадуллин, Абдулвалей Хакимов и еще кто-то, заплатив за каждую книжку по одному рублю. Некоторые после книжку эту вернули Гиляетдину обратно.

Ту же книжку продавал еще последователь Ваисовской веры из д. Куюк Мухаметгалей Байрамгалеев; у него [л. 55] книгу купила Рабига Назмутдинова и Хасан Ихсанов.

Я взял книжку у Бикмуллы Ибатуллина и прочел ее, при чем оказалось, что в книжке ничего запрещенного нет и содержится только изложение мусульманской веры.

Я спрашивал Гиляетдина Хабибуллина откуда он взял, что Государь крестить нас хочет, на что он ответил мне, что крестить будет не Государь, а Министры и миссионеры, кроме того он говорил, что нам, мусульманам, надо жить по Корану и Шаригату, а не по гражданскому закону и что если я брошу чалму и указ (о назначении на должность муллы), то "я тебе подчинюсь", говорил он. Кроме Гиляетдина у нас в деревне есть еще один Ваисовской веры – Хасбиулла Валиуллин. Они уже давно не ходят в мечеть и принадлежат к вере Ваисова. Из других последователей этой веры я знаю Садыка из д. Шепшиан Алатской волости и Шигабутдина Сайфутдинова.

Вера Ваисова такая же магометанская вера, только они считаются староверами мусульманами и не признают мулл, назначенных [л. 55об.] гражданской властью; они учат, что надо жить по Корану и Шаригату и если эти мусульманские законы запрещают, то гражданский русский закон не может этого разрешить. Подать они платят, а отдают ли детей в солдаты, я не знаю. Все они имеют свои особые свидетельства, так же как Вы мне предъявляете (предъявлено свидетельство № 160 на имя Гиляетдина Хабибуллы Оглы Ильбулгари), которые для них заменяют паспорта; обычных же паспортов они не выправляют, потому что тогда, как говорят они, они пойдут по гражданскому закону.

Более я ничего не знаю.

Мулла Мухамедназиб Шагимарданов[725]

И[сполняющий] д[олжность] Суд[ебного] След[ователя] Шулинский.

Документ № 90. 9.06.1914.
НАРТ. Ф. 41. Оп. 15. Д. 1. Л. 56–57.

Протокол допроса свидетелей

[л. 56] 1914 года *Июня 9* дня, в *с. Чепчугах* Судебный Следователь Казанского Окружного Суда по особо-важным делам допрашивал в качестве свидетелей нижепоименованных предварительно на основании 443 ст. Уст. Уголовн. Суд. Императора Александра II, изд. 1883 года, предупредив, что на суде он может быть спрошен под присягой и сделав внушение о необходимости показать всю правду по чистой совести.

На предложенные вопросы свидетель отвечал:

Имя, отчество и фамилия *Галлям Мухаррамов*

От роду *42* лет

Религия *Магометанин*

[725] Собственноручная подпись муллы.

Звание *Кр[естьяни]н д. Коморгузи*
Местожительства *там же*
Степень образования *Неграмотный*
Под судом *не был*
В родстве *с участвующими не состою*
Особых указанных в 4 п. 707 ст. У.У.С. Императора Александра II, изд. 1883 года, отношений, а равно тяжбы со сторонами *не* имею.

Как-то после Нового года мулла Назиб Шагимарданов попросил меня, как сельского старосту, собрать сход по случаю того, что некоторые из однодеревенцев купили какие-то книжки у Гилязетдина Хабибуллина и что книжка эта Ваисовской веры. Я собрал сход. На сходе были между прочим Гилязетдин Хабибуллин, Хасан и Хусаин [л. 56об.] Ихсановы, Бикмулла Ибатуллин, Зиганша Ахмадуллин, Абдулвалей Хакимов и Рабига Назмутдинова. Гилязетдин говорил, что никому нет дела, что продавал книжку, что в книжках ничего плохого нет, а если найдут плохое, то он за это и ответит. Некоторые купили книжку у него, а другие у торговца мелочным товаром в разъезд из д. Куюков Мухамет-Галей Байрамгалеева. Все купившие говорили, что купили книжку для того, чтобы вера наша была чище. Мулла говорил, что не нужно покупать книг Ваисовской веры, а можно покупать книжки на базаре, но я не слыхал, чтобы мулла говорил, что Государь никого крестить не собирается.

Слух был в деревне, что будто бы продававшие книжки говорили, что кто купит, того крестить не будут, но действительно ли это так было, я не знаю, только что покупавшие книжку – это отрицали. У нас в деревне двое Ваисовской веры Гилязетдин Хабибуллин и Хасбиулла Насибуллин. Вера их такая же магометанская и они никому у нас не мешают, только что они не признают наших [л. 57] мулл и в мечеть не ходят, а любят у себя на дому. Муллы за это сердятся на них. Я уже третий год состою сельским старостой, но могу утверждать, что подати последователи Ваисовской веры платят аккуратно и ни от кого не слыхал, что они учат, что не нужно отдавать детей в солдаты. Не слыхал я и о том, что они не признают русских паспортов.

В Феврале месяце становой пристав отобрал книжки у Гилязетдина Хабибуллина и у тех лиц, которые у него книжки покупали.

Я не слыхал и о том, что есть целое общество Ваисовской веры. Мухаметгалей Байрамгалеев торгует разной мелочью и между прочим книжками, но какие книжки, я не знаю.

Шигабутдин Сайфутдинов у нас никогда не торговал книжками.

Неграмотный.

И[сполняющий] д[олжность] Суд[ебного] След[ователя] Шулинский.

Документ № 91. 9.06.1914.
НАРТ. Ф. 41. Оп. 15. Д. 1. Л. 61–62.

Протокол допроса свидетелей

1914 года *Июня 9* дня, в *с. Чепчугах* Судебный Следователь Казанского Окружного Суда по особо-важным делам допрашивал в качестве свидетелей нижепоименованных предварительно на основании 443 ст. Уст. Уголовн. Суд. Императора Александра II, изд. 1883 года, предупредив, что на суде он может быть спрошен под присягой и сделав внушение о необходимости показать всю правду по чистой совести.

На предложенные вопросы свидетель отвечал:
Имя, отчество и фамилия *Хасанзян Мухамет-Касимов*
От роду *76 лет*
Религия *Магометанин*
Звание *Кр[естьяни]н д. Куюк, Больше-Менгерской в., Казанского уезда*
Местожительства *д. Куюк*
Степень образования *Грамотен по-татарски*
Под судом *не был*
В родстве *с участвующими не состою*
Особых указанных в 4 п. 707 ст. У.У.С. Императора Александра II, изд. 1883 года, отношений, а равно тяжбы со сторонами *не имею.*

Я уже 50 лет состою указным муллой соборной мечети д. Куюк Новой Зюльбы. В нашей же деревне проживают последователь секты Ваисова Шигабутдин Сайфутдинов и Мухаметгалей Байрамгалеев. Я уверен, что они совращают магометан в свою секту, но отдельных случаев указать не могу. Говорят, что Байрамгалеев совратил в свою секту кр-на д. Коморгузи Гилязетдина Хабибуллина. [л. 61об.] Байрамгалеев торгует мелочью в разноску и, говорят, продает и Ваисовские книжки. Он ходит по разным деревням из дома в дом и, говорят, приглашает всех быть такими же, как они, т.е. последователями Ваисовской секты. Мне известно, что Шигабутдин Сайфутдинов немного помешан.

С нами, муллами, они прямо не спорят, но от людей слышал, что Царя ваисовцы признают, но учат, что не нужно отдавать в солдаты и платить податей.

Больше всего ваисовцы действует против мусульманского духовенства. Они не признают ни мулл, ни мечетей, ни даже муфтия. Они даже не считают нас мусульманами, самый указ о назначении мулл признают грязным, неправильным, даже самую веру нашу считают грязной. Они говорят, что мы служим не по закону и вообще не же-

лают с нами знаться. Они считают, что хуже нашей веры ничего не может быть.

В доказательство, что они действительно так рассуждают, я представляю Вам три листа с записями Шигабутдина Сайфутдинова, переданные им мне (предъявлены).

[л. 61 об.] На вопрос Ваш о том, есть ли у нас в деревне татары, совращенные в секту Ваисова, я считаю нужным сказать, что по всему вероятно таковые у нас имеются, но держатся этой секты в тайне и я никого не могу сказать лично, так как в мечеть ходят все, кроме Сайфутдинова и Байрамгалеева.

Кроме Сайфутдинова и Байрамгалеева я никого из ваисовцев не знаю и есть ли у них организованное общество, мне неизвестно […[726]].

Документ № 92. 9.06.1914
НАРТ. Ф. 41. Оп. 15. Д. 1. Л. 65–66.

Протокол допроса свидетелей

[л. 65] 1914 года *Июня 9* дня, в *с. Чепчугах* Судебный Следователь Казанского Окружного Суда по особо-важным делам допрашивал в качестве свидетелей нижепоименованный предварительно на основании 443 ст. Уст. Уголовн. Суд. Императора Александра II, изд. 1883 года, предупредив, что на суде он может быть спрошен под присягой и сделав внушение о необходимости показать всю правду по чистой совести и *с предупр[еждением] по 722 ст. У.У.С.*

На предложенные вопросы свидетель отвечал:

Имя, отчество и фамилия *Шигабутдин Сайфутдин оглы Булгари Ваисов*

От роду *52 лет*

Религия *Староверского общества Мусульман Ваисовского Божьего полка*

Звание

Местожительства *д. Новый Куюк*

Степень образования *Грамотный*

Под судом *был*

В родстве с участвующими *не состою*

Особых указанных в 4 п. 707 ст. У.У.С. Императора Александра II, изд. 1883 года, отношений, а равно тяжбы со сторонами *не* имею.

Я ничего общего не имею с сыном Багаутдина Ваисова Гинанутдином Ваисовым. Духовным отцом считаю лишь Багаутдина Ваисова, а

[726] Подпись по-татарски – "указлы мулла Хәсәнҗан Мөһәммәдкәрим углы". Далее следует подпись следователя Шулинского и переводчика Степана Кукушкина.

он никогда не давал нам такого учения, чтобы не платить податей и не отбывать солдатчину. Поэтому и я никогда такого учения не мог преподавать другим. Паспортов казенных мы, ваисовцы, действительно [л. 65 об.] не берем, так как там нас называют крестьянами и татарами, а между тем мы верноподанные присяжные природные духовные лица. Три книги "Шараитуль иман" (или "Иман шарты") я действительно продал в д. Большой Серде по 1 рублю за экземпляр. Книга эта цензурированная, сочинена Багаутдином Ваисовым и заключает в себе только мусульманское вероучение и молитву за Государя.

Я и Мухаметгалей Байрамгалей оглы аль Булгари живем в дер. Новом Куюке: он потому что оттуда родом, и я из-за того, что моя жена из этой деревни. Мы живем тихо и исполняем только свои обряды. Никого в свою веру не соблазняем. Но нас постоянно преследуют мулла Хасанзян Мухамет-Касимов и его жена Хадича: они постоянно возбуждают народ против нас и жалуются начальству ни за что ни при что. Предъявленные мне Вами три письма (предъявлены письма, преставленные муллой Мухамет-Касимовым) писал я к тому мулле именно по поводу его постоянных придирок к нам. Показание [л. 66] мне прочитано. Показание записано правильно, но от подписи я отказываюсь, потому что наш духовный отец Багаутдин Ваисов не велел нам подписывать никаких бумаг. Рукоприкладчику за себя я тоже не могу разрешить подписаться.

И[сполняющий] д[олжность] Суд[ебного] След[ователя] Шулинский.

Документ № 93. 13.06.1914.
НАРТ. Ф. 41. Оп. 15. Д. 1. Л. 67–68.

Протокол перевода[727]

[л. 67] 1914 года, июня 13-го дня Судебный Следователь Казанского Окружного Суда по особо-важным делам Шулинский, по делу о Шигабутдине Сайфутдинове и других, обвиняемых по 125 ст. Угол. Улож., в присутствии понятых, через эксперта, наставника Казанской Учительской Семинарии Н.И. Ашмарина, производил перевод писем на татарском языке, представленных свидетелем Хасанзяном Мухамет-Касимовым, при чем оказалось следующее.

1. На письме, написанном на сложенном вдвое четвертичном листе писчей бумаги, Шигабутдин называет муллу "муллою [нрзб.] взяток" и "рабом женщины"; говорит о том, что мулла и жена муллы распростра-

[727] Протокол написан рукой эксперта Н.И. Ашмарина и заверен следователем В.М. Шулинским.

няют о нем, авторе письма, различные слухи, называя его отступником от веры. За это Шигабутдин называет жену муллы лживой и жестокой доносчицей и посылает ей проклятия. Мулле, как гяуру, т.е. неверному (не мусульманину) объявляет священную войну (джигад) за то, что он хочет прогнать его, Шигабутдина, из деревни. Обещает подать на муллу жалобу и грозит ему судом. На письме дата: 17 июня 1910 г.

2. В письме к мулле, написанном на полулисте писчей бумаги, говорится о том, что мулла называет автора письма и еще какого-то Мухаммед-Галея вероотступником, но несмотря на это прихожане не обращают внимания на слова муллы и дают [л. 67об.] Мухаммед-Галею пособие (садака). Пишущий письмо стращает муллу судом и говорит, что мулла ест запретное, т.е. питается тем, чего ему не разрешено шариатом. По его словам, если мулла не откажется от указа, то он погибнет навеки, так как в указе значатся слова: "магометанское духовенство" и "крестьянин" – и не найдет себе спасения ни в сей жизни, ни в жизни будущей.

3. Письмо Шигабутдина к мулле, написанное на листе писчей бумаги, содержит в себе упреки за то, что мулла обзывает Шигабутдина и Мухаммед-Галея гяурами, с той лишь разницею, что Мухаммед-Галей не посещает мечети, а Шигабутдин ходит в нее из страха. В письме говорится, что указ муллы – нечистый, что это указ Дажжала (т.е. Антихриста) и что поэтому не следует повиноваться его указу. Далее называется нечистым или поганным самый закон (это слово написано в письме по-русски, но только арабскими буквами) и указ. В письме читаем следующее: "Мы отрешились от поганного закона и указа". Тому, кто еще назовет его отступником от веры, Шигабутдин грозит судом или убийством, обещая расправиться с обидчиком при помощи кинжала. Хочет подать жалобу Губернатору, чтобы тот прислал казаков, так как татары не дают покоя. На письме дата: 4 ноября 1913 г.

[л. 68] Все три письма написаны крайне бессвязно, безграмотно и неразборчиво.

На перевод писем употреблено было три часа с половиной[728].

[728] Эта часть протокола написана рукой Н.И. Ашмарина. Далее следует одно предложение, подпись эксперта Н.И. Ашмарина, следователя В.М. Шулинского и подписи понятых Михаила Тимофеева Шульгина и Степана Ануфриева.

Документ № 94. 24.06.1914.
НАРТ. Ф. 41. Оп. 15. Д. 1. Л. 69–71.

Постановление

[л. 69] 1914 года Июня "24" дня Судебный Следователь Казанского Окружного Суда по особо-важным делам Шулинский, по делу о Шигабутдине Сайфутдинове, Мухамет-Галея Байрамгалееве и Гилязутдине Хабибуллине, обвиняемых по 125 ст. Уг. Ул., нашел, что обстоятельства дела заключаются в следующем:

В Феврале месяце 1914 года до Пристава 2-го стана Казанского уезда Сомова агентурным путем дошли слухи, что проживающие в дер. Новом Куюке Больше-Менгерской волости Казанского уезда крестьянин Мухаметгалей Байрамгалеев и крестьянин Свияжского уезда Шигабутдин Сайфутдинов и проживающий в дер. Коморгузи Больше-Атнинской волости Казанского уезда Гилязетдин Хасбибуллин, принадлежащие к Ваисовской секте, распространяют секту путем устных бесед и через продажу брошюр.

Факт покупки у них нескольких экземпляров брошюры "Шараитульиман" (или "Иман шарты") сочинение Багаутдина Ваисова, подтвердили некоторые из крестьян дер. Коморгузи и дер. Большой Серды, пояснив, что за брошюру они платили по одному рублю и что некоторые из них книгу возвратили обратно по настоянию муллы, получив в свою очередь обратно и покупную стоимость книги. При обыске у Сайфутдинова, Байрамгалеева и Хасбиуллина отобрано много книг на татарском языке, а у Хасбибуллина кроме того свидетельство за № 160 [л. 69об.], значущееся выданным ему 11 ноября 1908 г. за № 158 Гайнетдином Багаутдиновым Ваисовым, именующим себя духовным начальником Староверского общества Мусульман Ваисовского Божьего полка.

На Сайфутдинова помимо того подал жалобу Казанскому губернатору указной мулла дер. Новый Куюк Хасанзян Мухамет-Касимов, утверждая, что Сайфутдинов занимается пропагандой своей секты, которая учит не подчиняться властям, не платить податей, не отдавать сыновей в военную службу и не признавать мулл и мечетей. При следствии мулла Мухамет-Касимов представил три письма на татарском языке, полученных им от Сайфутдинова.

При следствии однако выяснилось:

1, что никаких мер к распространению своей секты Сайфутдинов, Байрамгалеев и Хасбибуллин не принимали и никого из обращенных в их секту не оказалось;

2, что не имеется решительно никаких данных к утверждению, что трое указанных лиц представляют организованное противозаконное сообщество;

3, что содержание брошюр "Шараитуль-иман" и всех других, отобранных при обыске книг и брошюр, оказалось вовсе не преступным;

4, что, по словам сельского старосты дер. Коморгузи Галляма Мухаррамова, Гилязетдин Хасбибуллин подати платит аккуратно, а по словам волостного писаря Больше-Менгерского Волостного правления Никонова, Сайфутдинов [л. 70] и Байрамгалеев хотя и не платят податей в Больше-Менгерской волости, но вследствии того, что земли своей там не имеют;

5, что решительно никого они не призывали к неплатежу податей, к не отбыванию воинской повинности и не имению паспортов, но действительно русских паспортов они не признают и не выправляют;

6, что будучи допрошены в качестве свидетелей с соблюдением 722 ст. Уст. Уг. Суд., Хасбибуллин и Сайфутдинов категорически отказались от подписи протоколов, ссылаясь на то, что Багаутдин Ваисов запретил своим последователям подписывать бумаги, при сем Хасбибуллин заявил, что он лично готов хоть сейчас идти в солдаты, а Сайфутдинов, что он признает своим духовным начальником лишь давно умершего Багаутдина Ваисова, который никогда не учил последователей своих не платить податей и не отбывать воинскую повинность, и

7, что представленные муллой Мухамет-Касимовым три письма Сайфутдинова, при переводе их через эксперта Ашмарина, оказались ответами на слова самого муллы, называвшего Сайфутдинова вероотступником и гяуром, при чем со своей стороны Сайфутдинов в письме объявляет мулле, как гяуру, священную войну, грозит жаловаться на него суду и губернатору и называет указ о назначении муллы нечистым и закон поганным, говоря, что он с Байрамгалеевым отрешились от них.

[л. 70об.] На основании вышеизложенного и принимая во внимание: 1, что для обвинения по 125 ст. Угол. Улож. необходима наличность сообщества, заведомо поставившего целью своей деятельности возбуждение к неповиновению или противодействие закону или обязательному постановлению или законному распоряжению власти, между тем такого сообщества в данном случае не оказалось;

2, что тот факт, что Хасбибуллин аккуратно платит подати и хоть сейчас готов идти на военную службу служит опровержением того слуха, что он будто-бы пропагандировал не платить податей и неотбывание воинской повинности;

3, что каких бы религиозных и политических убеждений указанные лица не держались, но они не могут подлежать уголовной ответственности, если не составляют организованного сообщества и не пропагандируют своего учения, и

4, что хотя они и не признают законных паспортов, но это не может рассматриваться в смысле противодействия закону, так как для государства это является совершенно безразличным, а если и влечет известные неудобства по передвижению, то единственно для них самих, я, Судебный Следователь, пришел к заключению: 1, что настоящее дело подлежит прекращению за отсутствием факта преступления и 2, что все вещественные доказательства подлежат возвращению по принадлежности за исключением отобранного [л. 71] у Хасбибуллина свидетельства за № 160 и трех писем, представленных муллой Мухамет-Касимовым, из которых первое, как незаконный вид на жительство, подлежит уничтожению, а второе возвращению мулле Мухамет-Касимову.

В виду этого руководствуясь 277 ст. Уст. Угол. Суд. постановил: препроводить настоящее дело Прокурору Казанского Окружного суда для направления к прекращению за отсутствием факта преступления, уведомив, что судебных издержек произведено было на вознаграждение экспертов Катанова и Ашмарина на 24 рубля и переводчика Кокушкина на 3 рубля, а всего на двадцать семь рублей [...[729]].

Документ № 95. 30.06.1915.
РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 508. Лл. 57–58.

ИМПЕРАТОРСКИЙ Телеграф в Царскосельском Дворце
Телеграмма № 89[730]

237 слов

Подана в Абатском 1915 г. 10 ч.

Получена в Царском Селе 1915 г. 30 июня 3 ч. 45 м.

Его Императорскому Величеству Николаю Александровичу Отцу Монарху

Духовного Староверского общества мусульман, т.е. издревле Альмисакдан Бирли Абади Абяде мусульман верноподданного присяжного природного, известного Вашему Императорскому Величеству под номером Вашей Канцелярии Тимергали Зайнулла Оглы Альбулгари, Нургали Тимергали Оглы Альбулгари Самарской губернии Бугульминского уезда Абдукяиской волости той же деревни Ахмеджан Мухамеджан Оглы Альбулгари, Нурмухамед Ахмеджан Оглы Альбулгари, той же губернии и уезда Куакской волости, той же деревни. Объявление. Имею честь покорнейше Вам объявить 1914 года 27 ноября отобрали у нас которые Вам объявлены прежде утвержденные наши собственные мусульманские документы свидетельства. Викуловский становой пристав

[729] Подпись следователя В. Шулинского.

[730] Оригинал телеграммы на бланке, на документе имеется печать СЕИВК от 3 июля 1915 года. Телеграмма была препровождена в Департамент духовных дел.

Тарского уезда Тобольской губернии отправил нас под конвоем [л. 58] в село Абатское к становому приставу Ишимского уезда Тобольской губернии. Тот же абатский пристав стращает штрафом. 28 июня объявил уплатить четверым по 10 рублей, если не уплатим двухнедельных срок, то передаст мировому судье. Опишут имущество и продадут с аукционного торга. Заставляет насильно по ложным клеветам христианским документам показывается. Нам чужой веры не нужно, не принимаем, не относится и не полагается. Кто русский крестьянин ему мусульманский документ и мусульманское звание негодно. Абатский пристав объявил нам: наши отобранные мусульманские документы находятся у тобольского губернатора. Неизвестно почему нам благополучно не возвращают документы. Ваше Императорское Величество, просим у Вас милости честно благополучно возвратить собственный свой каждому мусульманские документы все мусульманские права. Отмените с нас штраф и защитите нас от несправедливостей начальства. Обин были бы мы всегда всякий случай дела благополучны сохранны. Аминь. Мы проживаем в селе Абатском Тобольской губернии Ишимского уезда. Нургали Тигагали глы Альбулгари.

Документ № 96. 19.12.1915.
РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 508. Лл. 55–56.

Министерство Внутренних Дел,
Тобольский Губернатор
Декабря 19 дня 1915 г.
№ 55133 г. Тобольск.

В Департамент Полиции[731]

С возвращением присланной при надписи от 9 Июля с.г. за № 4129 копии всеподданнейшей телеграммы за подписью Нургали Тигагали оглы Альбулгары, уведомляю Департамент Полиции, что в селе Абатском Ишимского уезда проживает семья мусульман Самарской губернии, Бугульминского уезда, а именно: Ахматзян-Мухаметзан оглы Болгари 85 л., его сыновья: Нурмухамет Ахметзан оглы Болгари 37 л., Темер-Гали-Зайнула оглы Альбулгари 40 л. и зять Нур-Гали-Темер-Гали оглы Болгари. Первые трое живут в селе Абатском около 30 лет на квартире, дома своего не имеют, а последний проживает около 10 лет и имеет свою избу; занимаются они торговлей мануфактурным [л. 55об.] товаром на развоз по ярмаркам и торжкам, имеют небольшое хозяйство, хлебопашеством не занимаются. Третий сын Ахматзана по отзыву отца Дематхын Ахмет 30 лет, находится в военной службе, взят в мобилизацию в Июле 1914 года. Установленных законом паспортов не имеют, а имеют свидетельства от канцелярии духовного отца Ваисова сотрудника всего мира староверческого мусульманского общества, существующего с 1862 года в гор. Казани; эти свидетельства без подписей, дат и номеров, но с приложением печатей.

[731] Копия, сделанная в Департаменте полиции и отосланная в Департамент духовных дел иностранных исповеданий.

Произведенным дознанием выяснилось, что Пристав 2 стана Тарского уезда Скворцов, производя в селе Вакуловском сбор добровольных пожертвований по уполномочию местного Комитета Общества Красного Креста, пригласил к пожертвованию в числе других и прибывшего на ярмарку в село Викуловское одного из Альбулгари, но тот от пожертвования отказался, при чем поведение его в это время было настолько [л. 56] вызывающе и дерзко, что Пристав вынужден был пригласить его в свою канцелярию для выяснения подобного отношения к пожертвованиям на Красный Крест. В канцелярии Пристава отец и сыновья Альбулгари вели себя грубо и оставались в шапках, несмотря на то, что в канцелярии находился портрет ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА и предложения снять шапки не исполнили. По проверке затем документов оказалось, что установленных законом видов на жительство они не имеют и поэтому были отправлены по месту жительства в распоряжение Пристава 1 стана Ишимского уезда.

Документы Альбулгари в настоящее время возвращены им, а копии с них 7 Октября с.г. за № 44482 отосланы в Канцелярию ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА по принятию прошений, куда названным инородцем Альбулгария принесена была аналогичная жалоба на действия Пристава 2 стана Тарского уезда.

Подлинный за надлежащим подписью и скрепою.

Верно: За делопроизводителя Департамента Полиции Гаврилов

Документ № 97. ¾.1917.
РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 508. Лл. 74–76об.

Краткое содержание[732] "Святого заявления и прошения и Божьей телеграммы" за № 400 от 20 Марта 1917 г., поданные на имя Исполнительного Комитета Государственной Думы 40 последователями мусульманской секты "Ваисовского Божьего полка" во главе с "начальником и

[732] Документ без даты, но написан между 20 марта и 15 апреля 1917 г. Напечатан на машинке, некоторые места выделены и подчеркнуты карандашом. Документ посвящен краткому изложению "Святого заявления и прошения", посланного ваисовцами под руководством Ш. Сайфутдинова в адрес новой власти (РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 508. Л. 89-97об.). В документе в суммированном виде изложено содержание прошения, которое отражает отношение ваисовцам к произошедшим в стране переменам.

главнокомандующим муллой Шигабутдин Сайфутдин оглы Эльбулгари Ваисовым".

Содержание "святого заявления", крайне многословное сбивчивое (по малограмотности автора) и обильно пересыпанное изречениями из Корана и Шариата, распадается на 10 пунктов.

1 п. Заключает в себе обычное заявление о происхождении учения староверческого мусульманского общества от Бога, а последователей его – от Болгарских ханов. Автор обращается к Исполнительному Комитету Государственной Думы и советует ему, в интересах государства и собственной пользы, с полным вниманием относиться к вере Ваисовского Божьего полка и изучать его дела (характерно – автор наряду с Кораном и шариатом упоминает "Священные книги" – Библию, Псалтырь и Ивангиль [Евангелие]).

2 п. Прежде всего всякому человеку нужна вера, а затем закон. Без веры не может быть закона. Истинная вера только в старообрядческом мусульманском обществе Ваисовского Божьего полка. "Мы не татары, не крестьяне, не раскольники и не идолопоклонники, говорит автор, а верноподданные, присяжные [л. 74об.] природные духовные лица … сословия турки староверского общества …, повинующиеся одной духовной верховной власти начальства, а не гражданской власти, которая разбита в пух и прах, поганная власть и закон старый чертовский".

3 п. Ваисовский Божий полк выражает благодарность Государственной Думе и Исполнительному Комитету "за правила старания и великие дела". Великий Бог помогал Вам уничтожить поганую власть и ее законы и миссионерскую хитрость. На место Царя выбирайте народным Советом кого хотите. Временным Правительством мы довольны и будем повиноваться, если не будете нас притеснять и дадите нам полную свободу исполнять свою веру по шариату. Просим Царя Николая Александровича не притеснять, на наш взгляд он не виноват, ему не давало волю правительство, и от имени Царя управляли сами они хищные звери, и государь боялся их.

4 п. Рассказывает о преследованиях, которые воздвигались на них по наущению мулл правительством. В частности, говорит о себе, что он дважды был сослан в Сибирь в 1891 г. (по 1894 г.) и 1895 г. (по 1906 г.). О несправедливостях начальства он написал в разное время до 1500 листов бумаги в разные правительственные места. На Сахалине с ним страдали и студенты. "Дай Бог великий и нам и вам и студентам, и всем народам волю", заключает автор.

[л. 75] 5 п. Старый закон и власть уничтожены, надо уничтожить и Оренбургское татарское духовное собрание. С особенною критикою ополчается автор на мулл, которые не законно, не по шариату получили должности, они поставлены на места по старому поганому закону, они

грабят народ беспощадно, не учат его истинной вере и нравственности, они сами пьянствуют и спаивают народ водкой, они волки в овечьей шкуре. Нужно поставить мулл без указа, на основании шариата, советует автор. Татарские муллы продажные люди и грабители народа, не таковы духовные лица Ваисовского Божьего полка: "Миссионерское общество духовному Ваисову давало жалования в сутки 40 руб., говорили – брось эти ходатайства, и он не согласился".

6 п. Советует Исполнительному Комитету заняться делами Ваисовского Божьего Полка и всем державам растолковать, особенно Германии, Австрии и Турции. По Божьей милости на Вашу долю выпало великое счастье и радость, что духовный отец Ваисов находится в Вашем Царстве. Никакому Царству не миновать Ваисовских дел. Американский Президент "Вельсун"[733] правильно сказал, "что каждому Государству надо взять закон с веры. По-моему, заключает автор, надо заключить мир и не надо проливать кровь". "Об этом я написал в конгресс всех царей от 1 Января 1916 г. за № 395. Бумагу подал Казанскому Губернатору и приказал ему услать Государю Императору, а Государя просил представить всем державам" …

[л. 75об.] 7 п. Автор опять возвращается к истории Ваисовского Божьего полка. В 1863 году, говорит он, у нас в г. Казани был открыт государственный молитвенный дом – мектуб-гирфан, т.е. мусульманская академия, основатель – духовный отец Ваисов и Государь Император. В 1885 г. поганая власть старого правительства разрушила молитвенный дом. В 1905 г., когда вышла свобода, опять открыли молитвенный дом по правилам Св. Корана и шариата, но и на этот раз был разрушен молитвенный дом "антихристическими собаками" по доносу мулл. В настоящее время мы – Ваисовский Божий полк – просим Вас разрушить Оренбургское татарское духовное собрание и открыть в г. Казани Верховное духовное управление из Ваисовского Божьего полка. Всех татарских мулл надо арестовать и судить по шариату со всею строгостью.

8 п. По заявлению автора – это самый важный пункт. Излагается понятие о Боге по учению Ваисовского Божьего Полка. Бог один. Он не имеет ни начала, ни конца, никого не родил и ни от кого не рожден. Он все знает и видит. Он ставит Царей и низвергает их, когда они отступают от его законов. В настоящее время Бог управляет над вами и положит вам на сердце – кого хочет поставить царем. По мнению автора – причиной войны послужило отступление людей от Бога. Стали все (все духовенство, попы и все [л. 76] муллы) подчиняться законам "антихристических собак" гражданской власти, кроме Ваисовского Божьего полка. Он боролся с ними и разбил их богатырскими силами в

[733] Вудро Вильсон (Томас Вудро Вильсон, 1856–1924) – 28-й президент США (1913–1921).

прах… Бог один и закон должен быть один по правилам святого шариата, который имеют только Ваисовцы. Этот закон будет существовать до скончания века.

9 п. Есть еще впереди опасность: война не окончена и чем она кончится, мы не знаем, один только Бог знает. Я, говорит автор, по Божьей милости пишу то, что знаю чрез гирфан. "Это мы называем Божьей телеграммой, она получается от Бога чрез Св. Духа". Все, что я пишу, не есть самохвальство, самозванство… Мы поверенные ислама и знаем истину; а что это правда, можно привести пример: мы с духовным отцом Ваисовым 50–60 лет непрестанно говорили, что гражданские законы поганые, правительство – антихристические собаки, посылали им 1000 проклятий и предсказывали им скорый конец. Наши слова сбылись, а тогда нам никто не верил, а муллы посмеивались. Вот и в настоящее время война откроет великие Ваисовские дела. Та из воюющих сторон, которая примет учение Ваисовского Божьего полка, одержит победу. Бог пошлет ей невидимый Божий полк, и он как молния поразит врага". После этих слов автор считает нужным повторить основы учения: Коран, [л. 76об.] говорит он, книга для всего мира; Мухамед последний Пророк. "Еще Исус, великий Божий пророк, сказал, когда он находился на земле, что я над вами Божий Посланник, а после меня придет последний пророк Мухамед" (?). Наш духовный Отец и основатель Божьего полка Ваисов – наместник Исуса и наместник пророка Мухамеда. В заключение автор именем великого Бога благословляет Исполнительный Комитет и просит не оставить без внимания дела Ваисовского Божьего полка, дать о них знать всем Членам Думы и всем государствам мира.

10 п. Автор еще раз возвращается к необходимости полной свободы вероисповедания и создания нового, основанного на вере, закона. Однако одного закона недостаточно: надо судить строго, чтобы уничтожить воровство. Затем дает некоторые нравственные и практические советы: не надо курить и пить водку. Землю и леса надо отнять у помещиков и казны, попов и мулл и раздать между всеми. "С тем условием подписываюсь (следуют подписи)".

Заключение. Ваисовцы просят дать им полную свободу исповедания своей веры, разрушить Оренбургское Духовное Собрание и открыть в г. Казани Верховное Духовное управление из ваисовского Божьего полка.

Начальник Отделения […[734]]

[734] Подпись начальника отделения ДДДИИ неразборчива. Вероятно, им был Г. Тарановский.

Часть 3.
Биография Багаутдина Ваисова из "Асар" Ризы Фахреддина и материалы к биографии Джагфара Салихова

Документ № 98. Б/д (середина – вторая половина 1920-х гг.)[735] [Биография Б. Ваисова] Фахреддин Р. Асар. Т. 3 (рукописный). Л. 180–183об.

[л. 180] Баһаеддин бин Хәмзә бин Вәис бин Габделбакый бин Сәид бин Касыйм бин Ишмөхәммәд бин Хафиз бин Ишбулат бин Айтуган бин Иржәмәс бин Теләш бин Ялмаш бин Сәидәхмәд бин Шайдак бин Сәидгали бин Шәйх бин Тәмти Хатаи Болгари. Казан шәһәрендә мәҗүнләр ауруханәсендә өч йөз унберенче (1311/1893) ел рабигыләүәл 18 (шәркый 17 сентябрь)дә вафат булды. Яше ай хисабы берлә 85ләрдә иде. Җеназасыны Йосыф ахунд укыган.

Милләтемездә ишанлык юлында булып үзләренә "Вәиси" вә "Әһелулла" русча да "Божий полк" исемләре берлә башка ишанлардан аерылган бер жәмәгатьнең ишанлары вә башлыклары ошбу кеше буладыр. Үзе "Баһави ишан" дип мәшһүр иде. Шәйх Ишморад әфәнде: "Бәгави ишан әз-залл мөфассал[736]" дип тәгъри итәдер (Тәлфикыл-әхбар, 462 бит).

Нинди сәбәпләр берләдер, соң вакытларда (гомуми сугыштан элек иске хөкүмәт заманында) монлар хакында хөкүмәт тәфтиш[737] ясаган вә эшләре Казан судебный палатасында каралган. Ошбу рәсми хөкем вакытында мәгълүм булган хәл үземезнең милли гәзитәләремездә нәшер ителде. Моның кыскачасы ошбу:

Казан вилаятендә Баһаеддин Вәисов 1862нче (милади) елда үзене хужа Баһаеддин тарикына мәнсүб кылып, үзенә адашкан халыкларны кортылдыручы итеп санарга керешкән. Үз мәсләге берлә Казан вилаятендәге әһле исламны әшна (якын) кылу өчен 1874нче елда "Тарика-и хважаган" исемендә бер рисалә нәшер иткән вә үзенең йортында "Мәктәби гыйрфан" исеме берлә бер мәктәп вә гыйбадәтханә ачкан. 1884нче елга кадәр һич манигъсыз[738] шушы мәктәптә укытып торган. Шундан соң хөкүмәт тарафындан монларның хәлләре тәфтиш ителгән вә бөтен мәсләкләре Коръән вә шаригатьтән һәм дә Императордан башка һич кемгә итагать итмәүдән гыйбарәт икәнлеге мәгълүм булган. Мәхәлли ма'мурләргә

[735] Документ дан на татарском языке, с орфографией, максимально приближенной к оригиналу. Время написания документа не указано, но судя по косвенным данным в тексте, окончательный вариант составлен не ранее 1926 года.

[736] залл – бозык юлга керүче, бозык, начар; мөфассал – тулы, җентекле

[737] тәфтиш – тикшерү

[738] манигъсыз – каршылыксыз

итагатьлек[739] кылулары сәбәпле Баһаеддин ишан үзе мәҗнүн хисап ителеңеп мәҗнүнләр йортына салыну вә мөридләре Сибириягә нәфи кылыну берлә хөкем булган вә шул хөкем ижра кылынган. Баһаеддин ишан шул йортта 1892нче елда вафат булган. (Югарыдагы тарихны без үзенең угылы Гайнанның мәктүбенә бина итеп яздык. Углының хәбәре дөрест булыр). 1897дә Баһаеддин ишан угылы Гайнаеддин үзен мәхбүс[740] вә мазлум хәлендә дөньядан үткән атасының халифәсе[741] кылыб игълан иткән. Мәктәп вә гыйбадәтханә ачып, атасы юлында дәвам кылган. 1905нче ел 17 октябрьдән соң мәктәп вә гыйбадәтханә өстенә: "падишаһлык имтиязлы идарә'и рухания Божий полк Вәисевгә мәнсаб Сәрдарның канцеляриясе һәм дә мөселман академиясе" мазмунында язылган ләүхә куйган. Вәисев тәгълиматы[742] кәгазьләргә язылмый ялгыз агызлардан риваят ителеңеп күңелләргә салынып вә сакланып килгән. Мәзкүр тәгълиматка [л. 180об.] күрә бу мәзһәбтә булганлар ялгыз "Төрек вә болгарый һәм дә Божий полк әгъзалары вә бөтен дөнья хәдимләре" дип йөртүленергә, татар, крестьян, мещан кабиләләрдән исемләрне алмаска, [нрзб.] башкаларның паспортларны һәм дә мөлкия законларны кабул итмәскә тиешле булалар. Мөридләр үз малларындан кырыктан берне үз җәмгыятьләренә тапшырырга мәҗбүрләр.

Мөридләр тарафындан мәхкәмәдә бирелгән җәваплар ошбу мазмунда: "Без, хөкүмәткә каршы түгелмез, ләкин дини тәгълимләремезгә хилаф булганлыктан законларга итагать кылырга икътидарымыз юк; дини вазифаларымызны йөртүгә манигъ булганлыкдан гаскәрлек хезмәтне итү безнең өчен мөмкин түгел, һич хокукка малик булмаганлыгымыз, Коръән вә шаригать хөкемләрене йөртә алмаганлыгымыз сәбәпле налоглар түләмәвемездә мәгъзүрмез. Үземезнең теләмәгән исемләр (крестьян, мещан кебек) язылганлыктан хөкүмәт паспортларын да кабул итә алмыймыз".

Судебный палата мөридләрне гаеблиләр дип хөкем иткән вә гаебләре берабәренә җәзаларын һәм тәгъәен кылган. "Вәиси" һәм дә "әһелулла"лар хакында булган рәсми мәгълүмат шушы.

* * *

Әгәр дә Баһаеддин ишанның вә мөридләренең бөтен мәсләкләре шушы, Судебный палата хозурында мәйданга чыккан нәрсәләрдән генә гыйбарәт булса, монларның дини җәһәтдән бу мәмләкәттәге башка мөселманлардан аерымлыклары булмый. Мәхкәмәдә мәгълүм булган маузуглардан бәгъзеләренең дингә мөнәсәбәтләре булса да, хакыйкать

[739] итагать – буйсыну, карышмау, күндәм булу
[740] төрмәгә ябылган
[741] халифә – урынбасар
[742] тәгълиматы – инструкция

хәлдә анларны "дини" бер маддә вә мәсләк итеп санауга вәҗһе юк. Бәлки анлар сәяси нәрсәләр. Судебный палата үзе дә монларга хөкем вакытында дини мәзһәб тәэсис итүчеләр хакындагы низам маддәләренә түгел, бәлки сәяси ноктадан гаепле итәдер.

Хәл ошбу рәүештә булса, монларның әһле исламдан аерылып йөрүләре вә гомум мөселманлар монларны мәкруһ күрүләре[743] ни җәһәттән вә ни өчен буладыр?

Туй мәҗлесләрен үткәрү көнләре булу мөнасәбәте берлә 1328/1910 тарихында Оренбург шәһәрендә Мөхәммәдшакир әфәнде ханәсендәге хосусый бер мәҗлестә ниндидер бер сүз мөнасәбәте берлә ошбу рәвештә сүзем булды:

Илл. 36. Ризаэддин б. Фахреддин

Баһаеддин ишанның шәхесе хакында бәхәсем юк. Моның гасырында булган әһле ислам бу затны ни өчен яратмадылар, бәлки нәфрәт иттеләр, моның сәбәбе нинди нәрсә иде? Моңа мәнсүб булган мәсләк, дини бер мәсләк идеме, юкса, сәяси бер мәсләк булганы хәлдә, моңа халык тарафындан дини мәсләк исеме бирелдеме? Яки гасырында булган голяма үзләре яхшы тәфтишләр ясамаулары сәбәбендән һәр төрле риваятьләргә канәгать вә кабул итеп тордылар да, шул сәбәбдән дини мәсләк төсе бирелдеме? Аз гына бер мөнасәбәт килү берлә хәтта түбән дәрәҗәдә кешеләр хакында тәфтишләр ясап вә сүз сөйләп китүче [л. 181] Шиһабеддин хәзрәт үз гасырында вә үзенең Казанында торган бу кешенең "Мөстәфадел әхбар"да хәтта бер генә мәртәбә булса да исемен дә зикер итми[744]. Моның сәбәбе нинди нәрсә? Бу кешене "Асар"га дәреҗ итү муафикъ[745] булырмы, юкмы? Шушы хосуслар бу мәҗлес әһелендән җәвап вә мәшвәрәт өметләнәдер идем.

Мәҗлес әһле Баһаеддин ишан хакында үз белгәнләрене вә кешеләрдән ишеткәнләрене, үзенә һәм мөридләренә даир күп нәрсәләр сөйләделәр. Үзем әһәмият биргән кешеләрне вә сүзләрене бу урында сөйләүләре тәртибе берлә зикер итеп үтәмен.

[743] мәкруһ күрелүн – начар күрелүн
[744] зикер итү – искә алу, искә төшерү
[745] муафикъ – муафыйк, туры килү

Мөнир әфәнде (Челәбе шәһәрендә имам): Баһаведдин ишанның үз шәһәремездә булган углыны[746] үземә чакыртып мәсьәләләре, игътикад[747] вә гамәлләре хакында күп нәрсәләр сөаль иттем. Зәки[748] вә ачык сүзле адәм икән. Һәр бер сүзне дөрест аңлый вә шуңа күрә җавап хәзерли. Моның җаваплары ндан – монлар дини бер мәзһәб түгел, бәлки сәяси бер мәсьәлә тагъкиб итүчеләр икән – дип хөкем иттем.

Һади әфәнде Максуди (Йолдыз җәридәсе сахибе): минем фикеремгә күрә монларның мәсьәләләре һәм дини һәм сәяси булып мөрәккәб[749], Судебный палатада биргән жаваплары ндан мәсьәләләрнең сәяси булуы аңлашса да, шул юлга керүләренә багыйс[750], динне шулай аңлауларыдыр вә дин хөкемләрен ригаять итүгә[751] мәҗбүр булуларыдыр. Имамларга игътида итмәүләре вә үзләренә мохалифәт кылучыларны әкфар итүләре әлбәттә сәяси эшләрдән түгел. Бу мәзһәбкә мәнсүб бер адәмне мин сөйләттем вә: "Бу көндә Әфганстанда мәншүрле имам юк, дини эшләрен халыклар үзләре теләгән кешеләрдән ижра кылдыралар, Духовный собранияләре дә юк, фаразан сез бу көндә Әфганстанда булсаңыз шунда үзеңездән башка булган мөселманларны үзеңезгә мөхалифләр дип санармы идеңез?" дип, бер сөаль дә бирдем. Моңа каршы: "Әгәрдә моңа каршы Әфганстан мөселманлары шундый хәлдә булсалар, тәмам безнең мәсьәләгемездәләрдер, анлар берлә безнең арамызда аерма булмас да иде" диб жавап бирде. Баһаведдин ишан үзе дә үз гасырындагы Казан муллаларындан артык дәрәҗәдә тыгызлык күргән вә күп сүз ишеткән булырга охшый. Шул сәбәбдән зиһененда муллаларга дошманлык урынлашкан вә бу хәл үзенең яранларына сираять иткән[752] булса кирәк.

Бөрһан Шәрәф: дин җәһәтендән башка мәзһәб саналу өчен йә гакыйдәдә вә яки гамәлдә ачык рәвешдә мохаләфәт[753] табылу кирәк. Мадамки вәисиләрнең гакыйдәләре вә гамәлләре әһле ислам гакыйдәсенә вә гамәленә муафыйк, бу сурәттә монларны аерым мәзһәб игътибар итүгә вәжһ юк. Шуның өчен монларны дин җәһәтендән түгел, бәлки сәясәт җәһәтендән аерым бер мәсьәлә санау кирәк буладыр. Үз мәсьәләләренә үзләре тарафындан "сәяси" исеме бирелмәүдә зарар юк. Эш исемдә түгел, бәлки сәяси мәзһәб тәгъризына садыйк булуда. Сәяси мәзһәб ихтияр итүләренә "дин"нең мәдхәле булса булыр. Ләкин моның берлә генә дини мәзһәб саналу ярамас. Сәяси мәзһәбләрнең бик күпләрендә "дин" тәэсире, "дин"нең сәбәп булганлыгы мәгълүм.

[746] Сүз революциягә хәтле Чиләбедә торган Галәветдин Вәиси турында бара.
[747] игътикад – ышану, инану
[748] зәки – акыллы, тиз аңлаучы, үткен
[749] мөрәккәб – кушылган, бергә жыелган
[750] багыйс – сәбәп, сылтау
[751] ригаять итүгә – хөрмәтләү
[752] сираять итү – йогынты ясау
[753] мохаләфәт – каршылык, каршы хәрәкәт

[л. 181об.] Сафа ахунд Максуди: ошбу җәйдә мин ахунд хажи Гали әфәнде бин Гайса (Хан Урдасында, казакъ) берлә мосахәбәт иттем. Вәисиләр хакында сүз чыкты. Шул вакыт ахунд хажи Гали: "Мин Баһаведдин ишан тарафындан язылган әсәрләрне күрдем. Монларның күбесе мәхбүс[754] вакытында язылган булса кирәк. Мәгәрдә бу әсәрләрдә дин вә мәзһәбкә хилаф сүз тапмадым. Ни өчен Казан муллалары бу затны бу дәрәҗәдә мәкруһ күрәләр вә нинди урынлардан алып моңа хилаф гакыйдәләр иснад итәләр?" диде.

Габдулла Апанай: вәисиләр хакында Казан мөселманлары галәйанга[755] килгән вакытларында бер мәҗлестә: "хакыйкатьне аңламый торып, бер кешенең диненә вә шәхесенә тәгаррыз итү[756] ярамый. Безнең өчен һәр нәрсәдән элек Баһаведдин ишан вә әттәбагының дәгъваләре нинди нәрсә икәнлегене яхшы белү кирәк. Лязем күрелсә шундан соң тагън[757] кылырга вә орышырга юл булыр. Бу сәгатьтә арамызда монларның мәсьәләләре нинди нәрсә икәнлегене белүче күрелми. Шундый булгач, тагънга[758] ашыгу урынлы булмый", дип сөйләдем. Шушы сүзләремдән хәбәрдар булыпмы, яки мотлак хөснезан кылыпмы вәисиләрдән бере яныма килеп: "Хәзрәт! Безнең хакымызда "Азад"да (җәридә) бәгъзы нәрсәләр язып безне мөдафига кылсаңыз[759] иде, без сездән шуны үтенәмез!" диде. Мин моңа: "Мин сезнең мәсьәләгеңезне белмим, хәлеңез миңа тәмам караңгы, белер-белмәс хәлдә бер кешене яки фиркане яманлап җәридәгә язу ярамаган кебек, мактап яки мөдафига итеп язу да ярамый. Үзеңез үзеңезнең юлыңыз ничек икәнлекне язып китереңез. Шуны укыганымыздан соң, әгәрдә муафыйк күрсәк, җәридәгә басармыз" дидем. Беркадәр көнләрдән соң мәзкүр адәм озын бер нәрсә язып китерде, ләкин укып та бер хасил чыгара алмадым. Мәсьәләләрене тахлил итү мөмкин булмады. Мәкаләнең мөндәриҗәсе "Божий полк" вә "хизбулла" кабилендән жөмләләрне тәкрарлаудан гыйбарәт булды. Монлар указлы имамлардан башкаларга икътида итәләр, жомга вә гает кебек шигаре исламны тәрк кылмыйлар. Безнең берлә берлектә икесе Петербургка бардылар, вагонда бер вакыт намаз калдырганлыклары беленмәде. Мөмкин кадәр тасдил әркан берлә укыйлар. Баһаведдин ишанның үзенә күрә гыйлем җәһәтендән угълы Гайнан бер кадәр югарырак булыр. Атасындан яшь хәлендә калган бу адәмне Баһаведдин ишан мөридләре атасы урынына утырырга лаек булачак рәвештә тәрбия иткәнләр вә атасының фикерләрен тәмам хәлләрендә моның зиһененә

[754] мәхбүс – төрмәгә утыртылган, зинданга ябылган кеше
[755] галәйану – кайнау; каты ачулану
[756] тәгаррыз итү – кеше эшенә катнашу, тыкшыну
[757] тагън – сүгү, хурлау
[758] тагънга итү – сүгергә
[759] мөдафига кылу – яклау

салганнар. Һәрхәлдә монлар дин бер мөстәкыйль мәзһәб сахибләре түгелләр. Була калса сәяси мәсләк сахибләре булырлар.

Борһанеддин әл-Мәржани: Казан имамларына нәфрәт иткәнендән соң Бәһаеддин ишан ике ел кадәр булыр беренче җамигъка мөлязәмәт[760] итте. Валидәмезгә[761] икътида[762] кылып укыйдыр иде. Бер вакытта үз мәсләкләрене мәдхе[763] итеп, Габделлатыйф әл-Бидәнги берлә берлектә валидәмезгә мәктүб күндерделәр вә үз мәсләкләренә носрат итүне[764] үтенделәр. Валидәмез бу мәктүбкә илтифат итмәде вә мәктүбенә җавап та язмады. Ошбу сәбәбтән валидәмезгә нәфрәт иткән булса кирәк. Мәсҗедкә йөрмәс булды. Гайре рәсми сурәттә үзләре өчен мәсҗед ачып гыйбадәтләрене шунда [л. 182] кылып тордылар. Бер вакытлар валидәмез хазрәтләрендән: "без бу Бәһаеддин ишанны кем дип белик, бу нинди адәм?" дип сораган идем. "Нәфесенә залим, үзенә вә башка мөселманларга да җинаять кыладыр" дип җавап бирде. Мәсләкләре китап рәвешендә язылмаганлыктан үзгәрүе вә башкаруы мөмкин.

* * *

Мәҗлес әһле озак вакытлар сөйләштеләр, төрле хәбәрләр нәкыль[765] ителәр вә иң ахырда ошбу нокталарда иттифак иттеләр:

1) бу көндәге вәсиләр Бәһаеддин ишан мәсләгендә булган кешеләр. Ләкин бу мәсләк дини мәсләк түгел, булса сәяси булыр. Шуның өчен монлар безнең дини карендәшләремездер.

2) монларда булган хамияте диния вә миллия бик күп мөселманларга нисбәт берлә артык көчле, үзләре сабурлар[766]. Мәгәр дә наданлыклары сәбәпле хакыйкати ислам берлә лязем дәрәҗәдә әшна[767] түгел.

3) бу мәсләкне Габделлатыйф әл-Бидәнги тәэсис иткән вакытында, дини вә иҗтимагый бер гайә[768] өмиде берлә тәэсис иткән булу ихтималы бар. Габделлатыйф вафатындан соң бу гайәне тәгъкыйб кылырлык кеше булмаганлыктан мәсләк үзенең чыкыб Бәһаеддинның шәхесенә мотабигат итүдән генә гыйбарәт булып калган булуы мөмкин.

4) башка мөселманлардан үзләрене аерылган хисаб итүләрендә үзләре гаепле булган кебек, монларны ошбу хәлгә мәҗбүр итүче вә килештерү хакында сәгый вә иҗтиһадта мөсаһәлә[769] кылучы мөселманлар да гаепсез түгел.

[760] мөлязәмәт итү – тырышлык, тырышып эшләү
[761] валидәмезгә – хужа, яклаучы, монда – атасына (Ш. Мәржанига)
[762] икътидаэ – иерү, бергә ияреп шуның кебек эшләү
[763] мәдех – мактау, яхшылыгын сөйләү
[764] носрат итү – ярдәм итү
[765] нәкыль – сөйләү, телдән телгә сөйләү
[766] сабурлар – сабырлы, сабыр итүче
[767] ашна – якын
[768] гайә – чик
[769] мөсаһәлә – әһәмият бирмәү

5) Бәһаеддин ишан тәрҗемәи хәле "Асар"да язылу кирәк, язылсын! (Шуның берлә мәҗлес тәмам булды.)

* * *

Казан шәһәрендә 1883нче ел басылган "Тәварихи Болгария"дә (75–76нчы битләрдә) "безнең бу заман галимлары вә әгниясенең[770] бер Бәһауга мөкабәлә[771] кылырлык та кодрәтле юк?" мазмунында сүз сөйләнә. Шуңа караганда, Бәһаеддин ишанның бик көчле вә нөфүзле булуы вә шуның өстенә дә шәригатьтә игътибарсыз вә мөбалатсызлык берлә сыйфатлануы аңланадыр.

Тугъры сүзле, диндәр вә мәгълүматле адәмләрдән бер зат вәисиләр хакында: "гакыйдәләрендә Коръән вә сөннәткә вә гомумән ысуле дингә хиләф нәрсә юк, истихляле мәгъсият итмиләр, намаз вә руза кебек фарыз гамәлләр хакында булган игътинарлы башка мөселманлардан да артык дисәк, жаиз, җомгаларны вә гаедләрне үз җәмгыятьләре берлә укыдылар, указлы муллаларны вә рәсми мәсҗедләрне, Оренбург духовный собраниясене игътираф кылмыйлар, үзләрне халис[772] һәм саф мөселман дип игътикад кылалар" дип тәгъриф итте.

Бәһаеддин ишан тарафыннан 1880нче елда Казан шәһәрендә басылган бер [л. 182об.] борынгы "Шәраител иман" рисаләсе бар. Монда игътикад вә гамәл мәсьәләләрендә үзгәреш күрелми. Оренбург собраниесе архивасында Бәһаеддин ишанның төркичә язып Императорга биргән бер гаризәсе бар. (Моны министр Собраниягә йибәргән). Эш номеры 171, ел 1864. Гарызхаль озын. Әһәмиятле җөмләләрен генә бу урынга күчерәмен:

1. Хвалын өязе "Иске Кулаткы" авылының Җәгъфар бин Салай 1863нче елда вафат булды (Җәгъфәр ишан бин Салих 352). Мәзкүр зат хале хәятында бер мөриде Бәһаеддингә үзенең вафаты соңында истихарә[773] берлә эшкә керешергә боерды.

2. Истихаремдә Аллаһе тәгалә мәзкүр газизнең кабере өстенә тәкия салып хезмәт кылырга белдерде, иза тәхәйрәтәм фил-омур фәстәгыйну мин-әл-әһли-л-кабур ишарәтене бәшарәт әйләде.

3. Сез Падишаһымыз Император Әгъзам Александр Николаевич хәзрәтләрендән сорыймыз, мәзкүр газизнең кабере өстенә тәкия корып [куйган без] фәкыйрьләре хезмәт берлә мөшәррәф итүеңезне.

Гарызхальнең рухы шушы. Ахырында имза юк. Башында гына Казан шәһәрендә үз йорты берлә торучы мужик Бәһаеддин Хамзә угъ-

[770] әгния – ганинең, гани – бай, күп маллы
[771] мөкабәлә – каршы тору
[772] халис – саф, чын
[773] истихарә – төш салу, төш кую (берәр эшнен яхшы яки начар булачагын алдан төштә күрер өчен кичтән догалар укып, шуңа ниятләп йокыга яту)

лындан гариза дип язылган. Рәсем хаты бик бозык, гыйбарәте чыгышсыз. Шулай булса да, морады аңлана.

Бу гарызхаль, бу кешедә гыйлемнең әсәре дә булмаганлыкка ачык дәлил. "Иза тәхәйр тәм фил-омур…" хәдис ителеп йөртелсә дә асылсыз сүз.

Һәрхәлдә Баһаеддин ишан, хак гакыйдә дә мохалифәт итүче адәм түгел, бәлки дөньяви сәбәбләр вә шәхси ачулар берлә Собраниягә вә указлы имамларга бойкот игълан итүче бер адәм.

* * *

Гаиләсе: Баһаеддин ишан вафат булган вакытында калган хатыны Бибигайнижамал бинт Габделлатыйф булып, угыллары монлар: Хужа Мөхәммәд Сәлахеддин, Хужа Мөхәммәд Галәеддин, Хужа Мөхәммәд Гайнанеддин (Гайнан дип йөртәләр), Хужа Мөхәммәд Гаян, Хужа Мөхәммәд Газизҗан. Олуг углы атасыннан калып озак тормады, вафат булды. Хатыны вә дүрт углы калды.

* * *

Бу тәржемәи хәле ошбу урынга йитеп тукталганыннан соң үзенең углы Хужа Мөхәммәд Гаян Вәисзаде тарафыннан тәртип ителгән бер тәржемәи халь килде. Моны Мөхәммәд Гаян әфәнде үзе йибәргән. Мокабилә кылып чыктым бәгъзы бер кәлимәләрне төзәттем. Шундый булса да тәржемәи халь ноктасыннан файдалы, ләкин безнекенә керми калган бәгъзы бер җөмләләр бар, шуны сайлап монда күчерәмен. Китап озынга китсә китәр. Күчерү тиешле күреләдер.

[л. 183] 1. Баһаеддин ишанның анасы Зөя мозафаты "Борындык" авылның Камияр (Мөхәммәдьяр) ахунд кызы Бибижәмилә иде. Аталары вә бабалары һәммәсе гыйлем әһелендән булып, "мулла" гонванларында иделәр.

2. Асыл ватанлары Зөя мозафаты "Мулла иле" кариясы иде (Каюм Насыйри язуында – бу әсәр Гали Рәхим каравында 1926нче ел Казанда басылган. Шуның Мулла иле авылыны сөйләгән урынында 44 б., ошбу гыйбарәт бар: "Зияратында Тәмти Хатаи балаларыннан беренең өстенә куелган ташта ошбу рәвештә язылган: 1199 сәнә вә фи шәһре мөхәррәм (милади берлә 1784 ел үктәбрь яки нуябрь буладыр) Габделхалик бин Габделбакый бин мулла Сәид бин Касыйм бин Ишмөхәммәд хафиз бин Ишбулат бин Иржәмәс бин мулла Теләш бин Шәйхби бин Тәмти Хатаи ал-Болгари". Моңа күрә әгәрдә таштан күчерелгән исемләрдә күчергән вакытта төшеп калган исемләр булмаса безнең бу урында язылган шәжәрәдә артык исемләр кушылган буладыр).

3. Атасы Хәмзә хәзрәт "Сатмыш" авылында имам вә шунда вафат та булган. Анасы, бер ир вә икенчесе кыз, ике бала берлә бик яшь хәлендә ятим калган. Казанга килеп балалар укытып торган вә шунда вафат иткән.

4. Баһаеддин ишан Казанда Мөхәммәдкәрим бин Мөхәммәдрәхим мәдрәсәсендә укыгандан соң кәсеп вә тижарәткә керешкән. Яңа бистәдә йорт та алган вә Җәгъфәр ишанга мөрид булып аңа йөргән, сәүдә берлә йөрүе сәбәпле русча һәм белгән.

5. Җәгъфәр ишан, үзе вафат булгандан соң үз урнына урынлашу хакында Баһаеддин ишанга васият әйткән вә аның вафаты соңында Баһаеддин ишан ошбу вазифага шоруг кылган.

6. Дәрвиш Баһаеддин үз заманында бер ишан иде. Хөемләре[774] сөйләгән рәвештә үзенә хас бер мәзһәб ихтираг кылганы юк. Аның мәзһәб әһле сөннәт вәл-җамәга мәзһәбе булып, шул юлда жаныны фида итүгә хәзер иде.

7. Мәдрәсәләр хакында яңа чыккан низамларга риза булуларына үпкәләп, Баһаеддин ишан мәншүрле[775] имамлардан гомуми рәвештә йөз чөерде вә оеп намаз укудан сакланды. Үз ханәсендә үз яранлары берлә жыелып укырга башлады. Яранлар арасында бу эш гадәт булып һәр урындагы мәншүрле имамларга нәфрәт иттеләр, дини хезмәтләрнең һәммәсенә үз араларыннан беренә тапшыру ысулыны гамәлгә куйдылар.

8. Оренбург духовный собраниясенә бер кадәр тәртип салдыру кайды[776] берлә Баһаеддин ишан үз гомерендә күп мәртәбә Уфага барды, мөфти вә казыйлар берлә күп сөйләште, Сәлимгәрәй мөфтигә йибәргән мөрәжәгате дә күп булды. Бу эшләрдән бер нәтижә дә чыкмаганлыкны күргәнендән соң Оренбург собраниесе берлә дә галәкасен өзде. Ошбу вакытта [л. 183об.] Императордан башка бөтен мәэмүрләргә дә бойкот игълан итте.

9. Муллалар берлә галәкәсене кисү сәбәпле Казан мөселманлары Баһаеддин ишан вә яранлары хилафына аякландылар вә һәр төрле ифтиралар вә бөһтанлар ихтираг иттеләр. "Баһави ишәк" гонваныны бирделәр.

10. Фикер сахиблары йитештерү кайды берлә Баһаеддин ишан Казан шәһәрендә "Мәктәбе Гыйрфан" исеме берлә бер мәктәп ачып, Габделлатыйф әл-Бидәнгине мөдәррис вә Әхмәджан хажины мөгаллим иткән вә үзе мөдир булган иде.

---

[774] хөемләр – дошманнар

[775] мәншүр – билгеле хезмәт өчен бирелгән хокук кагазе; мәншүрле имам – указлы имам

[776] кайд – кайгырту

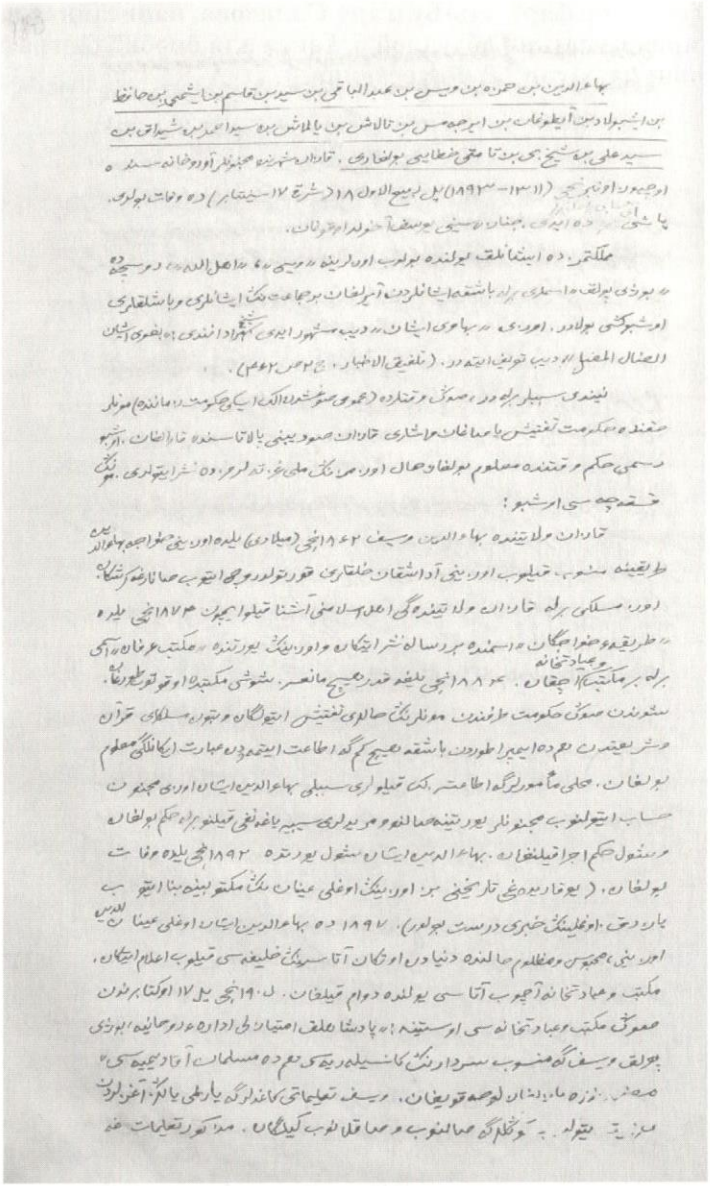
11. Казан шәһәрендә вә әтрафта булган дошманларның сәгаят кылулары сәбәпле зур мажаралар вә вакыйгалар булды. Бөтен әсбабы вә әмләке мосадәрә ителде, үзе хәбескә ябылды вә соңындан мәжнүнләр йортына күчерелде, яранлары нәфи ителделәр.

12. Баһаеддин ишанның юлы ошбу иде: Коръәне кәримдән аерылмау, Коръәнгә хилаф булган законларга итагать итмәү, Алладан башка һичкемдән курыкмау, гаскәрлеккә бармау, рус падишаһлары берлә әһле ислам арасында булган гаһдкә күрә бер десятина йиргә 8 тиен налог түләү булганлыктан шундан артык налог түләмәү, мәхкәмәләргә кергәндә бүрекне салмау ачык баш хәлдә калмау, керәстьян исеме белән йөрмәү, бәлки төрек вә болгари дип йөртү кабилендән эшләр.

13. Баһаеддин ишан башка ишанлар мисалында кешеләргә карап тормады, соң вакытына кадәр тижарәт берлә мәшгуль булды. Әтрафка чыгып сату итәдер иде. Казанда үз йортында мивә бакчасы булып, шуның берлә дә файдаланадыр. Бакча тәрбияләүдә назыйрсыз диярлек дәрәҗәдә маһир иде. Яхшы атлар йигәдер вә яхшы киемләрдә йөридер, жумарт, ингамлы[777] вә ихсанлы иде. Мулла иле авылында уникә десәтинә йире булып, шунда ашлык чәчәдер иде. Үзенең мөридләрен һәр вакыт эшләү вә кәсеп кылырга үз мәгыйшәтләрен үзләре тәэмин итүгә тәргыйб вә тәхриз кыладыр иде.

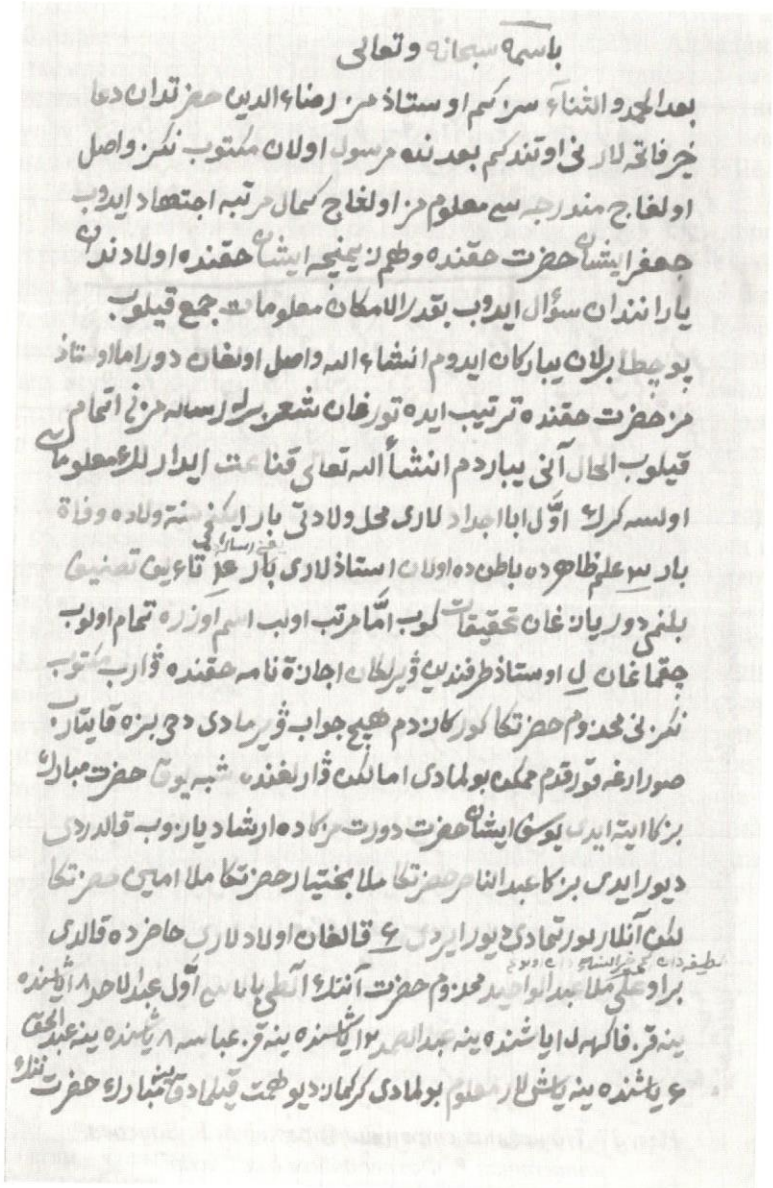
14. Сиксән яшендән узган шәех Баһаеддин ун санә кадәр зинданда калып, жафалар вә газаплар тартканындан соң ишанның авыру икәнлегене жәмәгатьләренә белдергәнләр. Бер углы вә берничә яранлары шул сәгатьтә авырулар йортына кереп күрешкәнләр. Гакыллы камил булып васият язуын үз кулы берлә тапшырган вә әһәмиятле нәсыйхәтләр дә сөйләгән. Иректән чыгарулары сәбәпле видаглашып янындан чыкканлар. Иртә берлә барсалар 1361 / 1893нче ел 18 рабигыль әүвәл / 17 сентябрь жомга көн иртә сәгать 6-да тәслиме рух итте дип хәбәр биргәнләр. Ни кадәр сорасалар да, үзене күрсәтмәгәнләр. Үзләре дәфен дә иттергәнләр. Женазасын гаскәри имам укыган. Женазасына артык күп кеше йибәрмәгәнләр. Баһави ишан кафер дип сөйләүче имамның женаза намазы укуларына Баһаеддин ишанның яранлары тәгажҗеб[778] итәләр.

[777] ингам – яхшылык итү
[778] тәгажҗеб – гажәпләнү, ис китү, хәйран булу



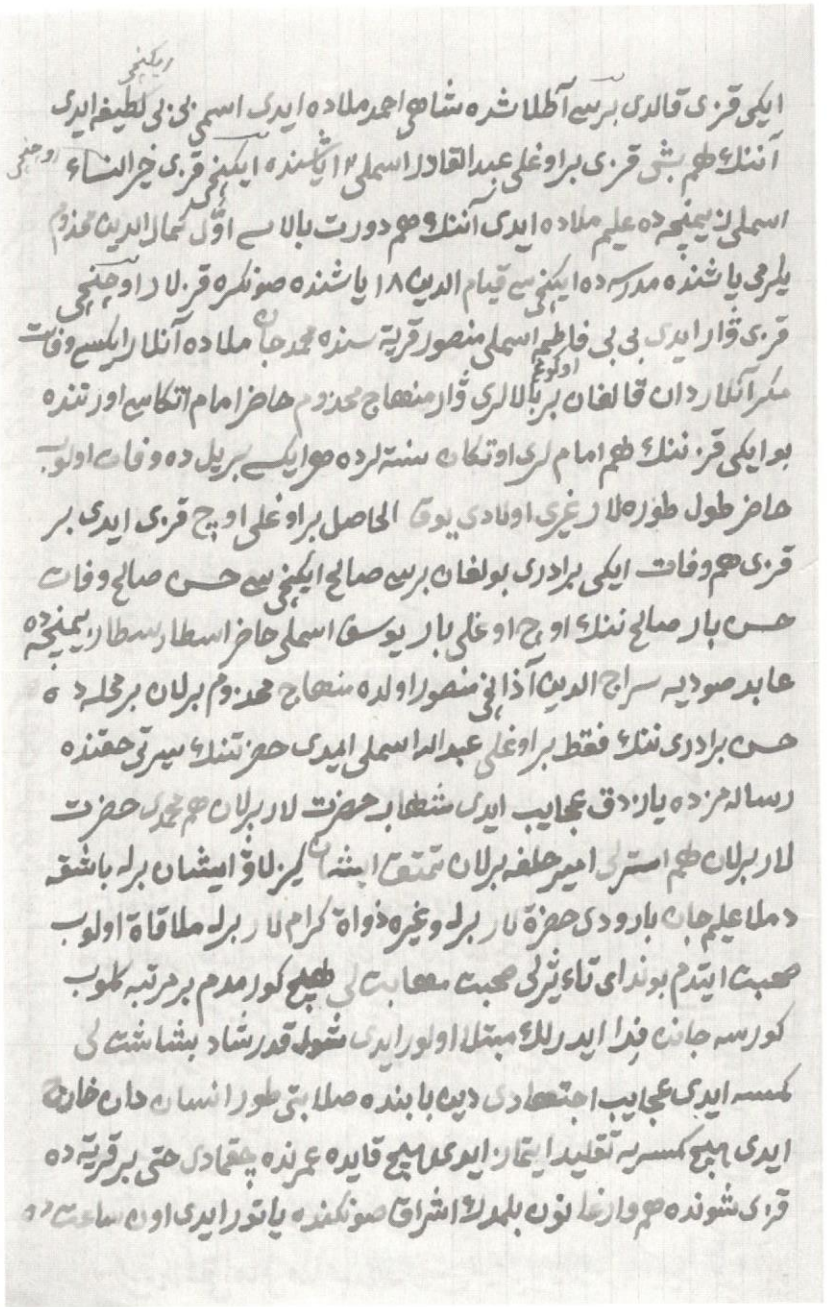
Илл. 37. Начальная страница биографии Б. Ваисова, написанная Р. Фахреддином для "Асар"

Документ № 99. СПб. ИВРАН. Ф. 131. Оп. 1. Д. 2. Л. 18–21.
Биография Джагфара аль-Булгари Салихова, написанная имамом села Старая Кулатка Габдуллой б. Гайса для биобиблиографического сборника “Асар” Р. Фахреддина.



باسمه سبحانه وتعالى

بعد الحمد والثناء سزكم اوستاذ من رضاء الدين حضرتدان دعا
خير فاتحه لارني اوتندكم بعدنده مرسول اولان مكتوب نكز واصل
اولغاج مندرجه سي معلوم من اولغاج كمال مرتبه اجتهاد ايدوب
جعفر ايشان حضرت حقنده وهم زيمنجه ايشان حقنده اولادندن
يارانندان سؤال ايدوب بقدر الامكان معلومات جمع قيلوب
پوچطا برلان يباركان ايدوم انشاء الله واصل اولغان دور اما اوستاذ
من حضرت حقنده ترتيب ايده تورغان شعر برله رساله من نى اتمام
قيلوب الحال آنى يباردم انشاء الله تعالى قناعت ايدارلك معلومات
اولسه كرك اول ابا اجداد لارى محل ولادتى بار ايكنجى سنة ولاده وفاة
بار ٣ علم ظاهرده باطن ده اولان استاذلارى بار ٤ تاءيف تصنيف
بلنمى دور يازغان تحقيقات كوب اما مرتب اولب اسم اوزره تمام اولوب
چقماغان ل اوستاذ طرفندين ڤيرلكان اجازة نامه حقنده ڤارب مكتوب
نكزنى مخدوم حضرتكا كوركازدم هيچ جواب ڤيرمادى دخى بزه قايتارب
صورارغه قورقدم ممكن بولمادى اما لكن ڤارلغنده شبه يوق حضرت مبارك
بزكا ايته ايدى يوسف ايشان حضرت دورت مزكا ده ارشاد يازوب قالدردى
ديور ايدى بزكا عبد الناصر حضرتكا ملا بختيار حضرتكا ملا امين حضرتكا
لكن آنلار يورتمادى ديور ايردى ٦ قالغان اولادلارى حاضرده قالدى
براوغلى ملا عبد الواحد مخدوم حضرت آننك آلطى بالاسى اول عبد الاحد ١٨ ياشنده
ينه قز فاكهه ١٥ ياشنده ينه عبد الصمد ١٢ ياشنده ينه قز عباسه ٨ ياشنده ينه عبد الحق
٦ ياشنده ينه ياشلار معلوم بولمادى كركماز ديو همت قيلمادق مبارك حضرت ننك



ايكى قزى قالدى برسى آطلاشده شاهى احمد ملاده ايدى اسمى بى بى لطيفه ايدى
آننك هم بشى قزى براوغلى عبد القادر اسملى ١٢ ياشنده ايكنجى قزى خير النساء
اسملى زيمنجه ده عليم ملاده ايدى آننك هم دورت بالاسى اول كمال الدين مخدوم
يلرمى ياشنده مدرسه ده ايكنجى سى قيام الدين ١٨ ياشنده صونكره قزلار اوچنجى
قزى ڤار ايدى بى بى فاطمه اسملى منصور قريه سنده محمد جان ملاده آنلار ايكسى وفات
مكر آنلاردان قالغان بر بالالرى ڤار منهاج مخدوم حاضر امام اتكاسى اورتنده
بو ايكى قزننك هم امام لرى اوتكان سنه لرده هر ايكسى بر يلده وفات اولوب
حاضر طول طوره لار غيرى اولادى يوق الحاصل براوغلى اوچ قزى ايدى بر
قزى هم وفات ايكى برادرى بولغان برسى صالح ايكنجى سى حسن صالح وفات
حسن بار صالح ننك اوچ اوغلى بار يوسف اسملى حاضر اسطار سطار زيمنجه ده
عابد صوديه سراج الدين آذانجى منصور اولده منهاج مخدوم برلان بر محله ده
حسن برادرى ننك فقط براوغلى عبد الله اسملى ايدى حضرتننك سيرتى حقنده
رساله مزده يازدق عجايب ايدى شهاب حضرت لار برلان هم محمدى حضرت
لار برلان هم استرلى امير حلفه برلان تمتع ايشان كيزلاڤ ايشان برله باشقه
دملا عليم جان بارودى حضرة لار برله وغيره ذواة كرام لار برله ملاقاة اولوب
صحبت ايتدم بوندای تاءثيرلى صحبت مهابت لى هيچ كورمدم بر مرتبه كلوب
كورسه جانن فدا ايدرلك مبتلا اولور ايدى شول قدر شاد بشاشت لى
كمسه ايدى عجايب اجتهادى دين بابنده صلابتى طور انسان دان خارج
ايدى هيچ كمسه يه تقليد ايتماز ايدى هيچ قايده عمرنده چقمادى حتى بر قريه ده
قزى شونده هم وارغانون بلمدك اشراق صونكنده ياتور ايدى اون ساعت ده

چای کاکوب می بولسه ده یاران کرور ایدی صونکره مدرسه کا ژارور ایدی
اویله نمازین اوقوب چغار ایدی صونک کلوب قیلوله قیلور ایدی احشام
بعدنده مریدلار تربیه قیلور ایدی ینه چای کا کرورلار ایدی یستو بعدنده برنجی
ساعت کا قدر اولتور ایدی انواع عبادات برله ایکی وقتده کشی کرور ایدی غیری
وقتده هیچ یبارلماز ایدی کم بولسه ده کرک بولسه وقتن صاقلار ایدی
عمر بوی شویله بولدی مجالس کا آصلا یورومادی ایته ایدی مکتوبات شریف
ده امام ربانی حضرتی مجلس کا اون شرط برله قبول ایدار کا بیورمشلر
طابلمی دیور ایدی اما مدرسه کا نندی شکرة دعوت قیلسه کلوب کیف ایدوب
اولتره ایدی شکرة کثرتی حددان تجاوز الحال مدرسه لارنده بغیر حساب
شکرة قالدی اوچ مدرسه مسجد آستی طوبطولی هر فن دان درس اوقته
ایدی توضیح ملا جلال علم منطق نحو صرف فقه تفسیر حدیث ایته ایدی علم
منطق ننک علم کشف کا کوب فایده لی بیرلاری بار دیو اوچ سنه حضرت
اعتکاف برکا کردم خدمت ایدار کا کوب غرایب لار کوره ایدم کتابت کا یازماق
ممکن توکل الحاصل شو قدر شریعت ننک سنن مستحباتنی علی وجه الکمال ادا
ایتماک کا فائز ایدی عجایب بعد الموت اوزیم غسل ایتدم الحمد لله ینه غرایب لار
مشاهده قیلدم حتی منکر اینانماز لق کتابت جائز توکل ینه حضرت
آذانی پیر شنبه بیرکان ایکان ایون آلطی ده پریصتق بزدن آب یاسینیه
آلدی صابر اینه دان کلمکان دیو جواب یازوب بیردم الحاصل کل اعتماد
اول خداغه ایکنجی سزه دور حق لق جانبنه معین اولورسز دیو
کوز یاش برله انتظار ایده مزلار اکرده بو معلومات آز بولسه دخی یازارسز
من اوله الی آخره جعفر حضرت نکی کبی عمر بوینی یازوب یبارورمزلار
اسکی قولاطقی امامی ملا عبد الله عیسی اوغلی یازدی ۱۱ ایون ۱۸۹۷

اما حضرت اوزی عمرنده هیچ کیم کا ارشاد قالدرمادی هر وقت کشی یوق دیو ایته ایدی غرض برله یورکلار دیور ایدی

هر وقت یاران غه
محبت سز کشی دان قوش بولور
قاچ نکز دیور ایردی آنلارده بر سوزون
بار سز ننک نسبت نورنکزنی مثوروب سوزن
توتون لارن سزه ایچره لار سز طویمی سز یوغالته سز
صونکره بزه کلورسز آرچتورغه دیور ایدی
صونکره براوچ یل تربیه آصلا قیلمادی طوتمی لار
دیور ایدی سز صحبته کنه کره لار ایدی
صحبته ژاروب کران کم بولسه ده کرک بزده نه قدر
کونکل نی قوتلاب کرسانکده آزراق اوترغاچ
یغلاماق پیدا بوله ایدی حتی کتکانچه یغلاب چقوب
کیته لار ایدی شو ندای عجب تاثیرلی ایدی
سوزلاسه ده سوزلامسه
ده والسلام

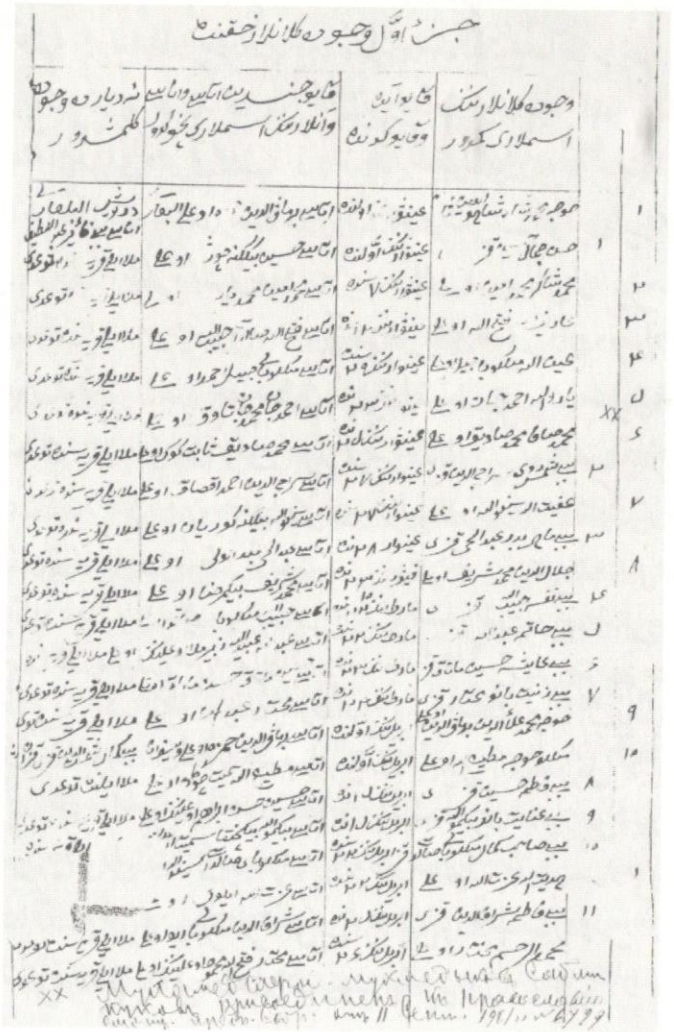
آبصطای اون سنه مقدم وفات اولوب خاتون سز طوردی
کریاول قریه سی ننک بایغول قزی ایدی عوام دان اسمی حفظیه
بنت ام حبیبه ایدی اهل یاران قوز نصقی اویاز دان پنصنه دان
صراطو دان سبزدان قزان دان صمار دان استرخان دان قرغز دان
باش قرط دان امام دان مؤذین دان فقرا دان اغنیا دان زیبجه دان
اطراف دان کوب ایدی قرق امام مدرسه سندان ایللی مؤذین صانی لار
بویله اوقغان عالم کمسه ننک حسابی یوق اجنبی امام لارنی یبارمی
ایدی کرک حاجی وغیره بارده عوام دیه ایدی خواص دیکان لاری بارده
عوام دیور ایدی قشر کا قناعت قیلوب طوره لار اهل هوا دیور ایدی
ایمانی قشری ده لب شریعت لب ایمان نی ایکانلوکنی بلمازلار دیور ایدی
آنلار برله صحبت مرض مهلک سم قاتل امتحان برله اولتوره لار محبت برله
استفاده ایچون اوتورمی لار دیور ایردی یبارمکان ایچون اطراف سوکالار دشمان
طوته لار ایدی یاران غه افترالار چغاره لار ایدی اما حد ذاتنده آندای

برجمعه وقتن صاقلار لار ایدی اونار کمسه یرمی کمسه ایللی شارده بوله ایدی

سان شریعت آندای اجتهاد طور عقل دان خارج درجه ده ایدی

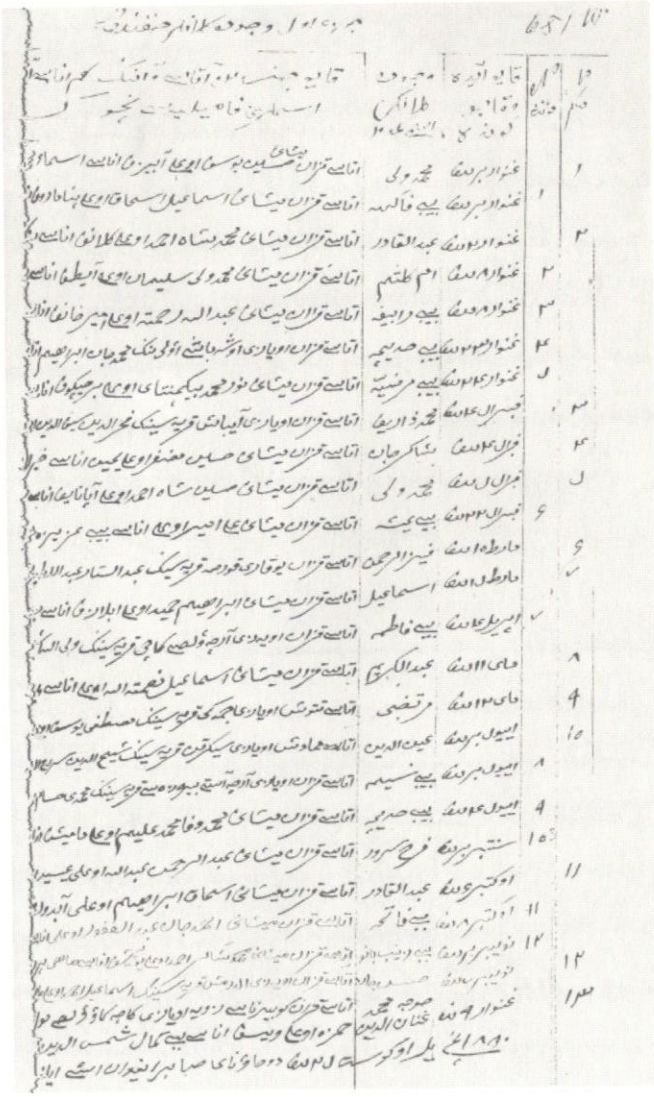
Документ № 100. НАРТ. Ф. 4. Оп. 177. Д. 101. Л. 21.
Метрические записи. Запись о родившихся в с. Молвино Свияжского уезда Казанской губернии. 1874 г.

В пунктах 1 и 9 записаны дети Б. Ваисова. В переводе на русский язык записи гласят, что (пункт № 1) 1 января 1874 г. родился Ходжа Мухаммед Шах-Шахауддин-сани. Отец – Багаутдин сын Хамзы, дарвиш ал-Болгари, мать – Биби-Фаиза дочь Габдуллатифа; (пункт № 9) Ходжа Мухаммед Галяутдин сын Багаутдина, родился 1 апреля. Отец – Багаутдин сын Хамзы, мать – Биби-Камал дочь Шамсетдина; родился в Казани.

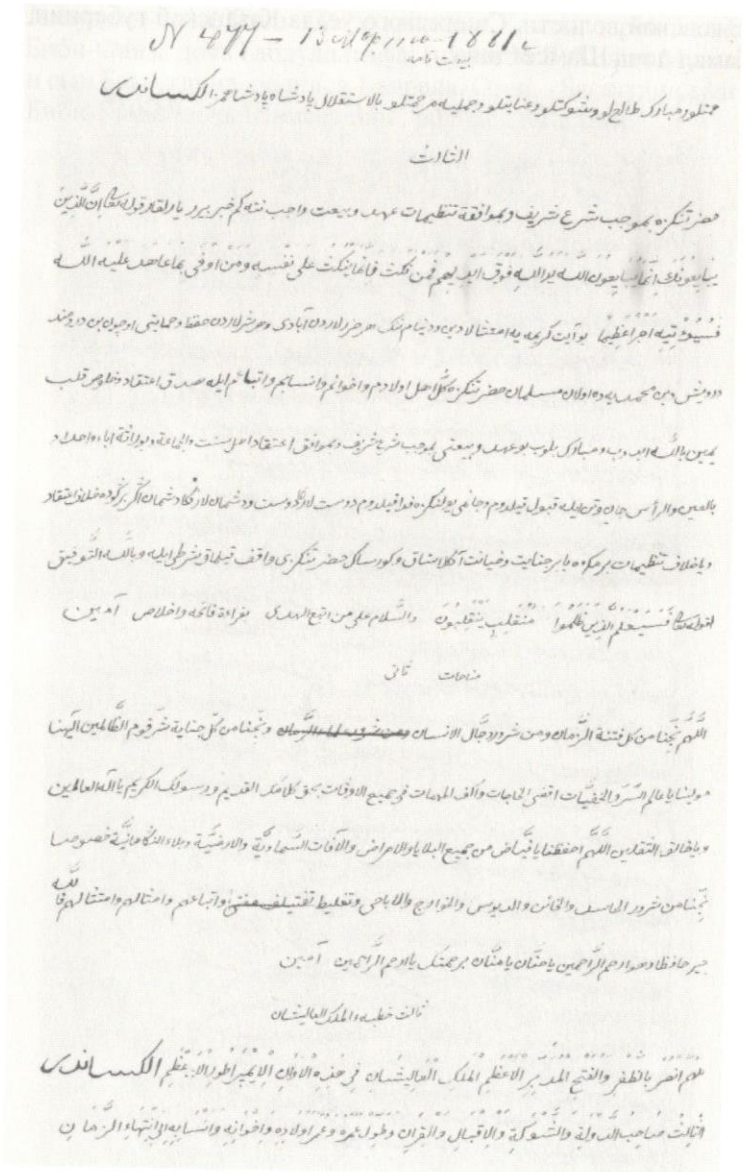


Документ № 101. НАРТ. Ф. 4. Оп. 180. Д. 30. Л. 651.
Метрические записи. Запись о родившихся в Казани, в Ново-Татарской слободе (мечеть № 11). 1878 г.

Под пунктом № 13 указано: 9 января родился Ходжа Мухаммед Гайнаеддин. Отец – Багаутдин Хамза углы Ваисов, урожденный д. Молвино, Косяковской волости, Свияжского уезда Казанской губернии; мать – Биби-Камал дочь Шамсетдина.



Документ № 102. РГИА. Ф.777. Оп. 3. Д. 5. Л. 88–91об. Фотоснимок рукописного сочинения Б. Ваисова "Бэйгатьнамэ" ("Присяга на верноподданство"), поданного в ГУП (№ 477) и не допущенного к печати 14 марта 1881 г.



الصدقة والصلة تزید العمر دیوب احمد حدیث اوقودی — اماحی لارشری طوقیماقدین قضای معلق تحقیق ایرشدی
بخششی یامانه طوقنور بوشرلار — مدد خواجگان اولمادیسه توبلمارلار
8 آچلسه ایدی حکمت نورلانوردی جهان کل مخلوق مسرور اولوردی — عنایتلو شاهم اول عالیشان شول نور ایله فرح قیلوردی
اولاد اولاد میراث قالو بن — همه بکلار مسرور اولوردی
9 جهانه متصرف شاها نقشبند دانا اوقودی حکمت خواجگین بن — عاشق معشوق کلارد رنه دردانکا رتاقی واقف اعیان لار بوسر دین
دنیا چرخ ذوالی ایلا نه — ایلانورا نقشبند دانا
10 تصرفی جهان ننک ویرلشس آنکا یوق ثانیی احمد اداستار نکا — استالسه قیلورا اعانت نصرت یاردم سلسله سی خوب آطالا
حالا بودولت شاهم ظلیت — الامید ان قایجان آچیله
11 ویردم جانمی یولنکا اولدم قربان احمل اوراودم ل دعا شاه ده — شرظالم لاردان صغندیم شول قد صففیه کون تون اجتهاد ایله ارشاد ده
الهی کریم سبحان العظیم — قیلسنکلار مضمون شرلاردین سلیم
12 نیاز ایله دعا قیلغوچی بارمی ار دیاد عمر دولت حقیده — دولتیدین خیرلار راحات اباد ان قانی شکری فکری بریده
شکران نعمت نه دوبلا سرلار — قیلسنکز تنبیه آچنو دکر کسرلار
13 حفظ امانه مناجات قیلماقم اوچون کوراملای درغاش حانولار — برکات دعا سبب حفظ امان لاردیغه ایلیمنک کتاب بیجات قیلسنکلار
براولوب ظالم لار تلغوا ایتدی لار — دعاء شاهنی یغا قیلدی لار
14 الهی بارلی مناجات قیلسنکمدی قبول بومناجاتی حرمت عزیزیان — درگاهنکدین قبول اولماق ایله قیلوبردی فخر سرور جهان
سن سین خالق رزاق عالم — سننک حکمنکدین در تدبیر عالم
15 بس یقیدی لارحقی مدعی لار ویردن کاوت تفریق قیلما غه — قیلوب احتیاز ظالمنکز دادی ایله یایلسه ایدی حمتی جهان غه
غم غصه دین قوتلب حرذی روح — اولسه ایدی روشن کشته ایدی کنفو
16 اولوب مبارک بلاهی شوکتی محیط جمیع ظالم سو اولسه ایدی — اولاد اولاد سلطنتی اولوب بلند نقطه اوکلدی اسمی تیلسه ایدی
جهان شاه لاری اولوب ظلیت — قدم کاهینه محتاج اولسه ایدی
17 چه اماسه عالم چه ارمی شاه قانی احتیاز قیلان بر دانا — تحقیق تدقیق شکر حق درد والله شامت لارایدین یعلدی باغانا
باغانه سرجادر اولور می — شاه دین باشقه جهان تورار می
18 بن دردمند درویش صاحب بیعت قیلشم یحیی وناده مستقیم — حقی حق لاب شکران نعمت سعیم شویله امر قیلمش اول حکیم
یاالله العالمین خلصنا — من جمیع الآفات والفتنه

نظم

بتب عالم حسابنچه مناجات قیلدم چنانچه — بوخفه متدان بونشاننام هیچ بوندین جانم چقانچه
بودنیا مثل چادر در ستعلی شاه عادل لار — میخی درویش دعاسی در طنابی بخشی عالم لار

قال احمد المختار محمد المصطفی صلی الله علیه وسلم

قوایم الدنیا باربعة اشیاء الاول بعلم العلماء والثانی بعدل الامراء والثالث بسخاوت الاغنیاء والرابع بدعاء الفقراء
لولا بعلم العلماء لهلک الجهلاء ولولا بعدل الامراء یأکل الناس بعضهم بعضا کما یأکل الذئب الغنم ولولا بسخاوة الاغنیاء لهلک الفقراء
ولولا بدعاء الفقراء لهلک الدنیا بس شونینک اوچون الله عظیم الشأن بیورمشدر قال الله تبارک وتعالی یا ایها
الذین امنوا اطیعوا الله واطیعوا الرسول واولی الامر منکم دیو

اللهم یا مجیب المتوبین ویا محب المتطهرین خلصنا من شر کل قوم الظالمین والله خیر حافظا وهو ارحم الراحمین
سبحان ربک رب العزة عما یصفون وسلام علی المرسلین والحمد لله رب العالمین یا ناصر یا معین ویا مجیب
الداعین بک نستعین یا احد یا صمد آمین

نظم

الا ای سرور شاهان بوخفه متدن اولوب گریان قوروب حلقه ایروب ارشاد سرده اولماق اوچون جوشان
دعای حضرت سلطان نه قیلسنک سنکا دزدا همیشه اولاسر خشادان چو جانم در سره قربان
قیلوب عمرهمی عمره ضم دوشندم امدی الی الآن جد ارغه قالمادی درمان بلور بولی همه اعیان
کلوبدک طواف استون بوسردن بیخبر ذی فنون میسر اولمادی بس عون آنکا وصل جنابندن
خلق استارکه کعبه مکه دن بن استارم قوت کاهدن نه فاصل قوری غوغادن اویوب نفسه مکر طغیان
یاشیم یتمش بر اچنده دعاء دولت ننک فکر ندن خواجگان لارننک رأیندن مناجاتدن اولوب هر آن
جهان ننک عز وجاهن شویله ادعان ایلدم بن کم تیونکدین بنده اولماق لیق ده دهر سلطان اولمادان بکدر
مرادم شویله در حالا سنکا ای قامت بالا قوماسون حضرت مولا منی برآن همان سن سن

ما بعده

ای همتلو وعنایتلو ومبارک طالع لو وجمیله مرحمتلو افندم سلطانم بوحکمت معلوم جناب شرف مابنکز اولسه ایدی عسکر دعاء
عسکر سلاحه قوت اولماق امیدی ایله بن غریب الاسلام دردمند درویش تولنکی دعاچی بلاسن ایکن هیچ غم چکمه
نه سننک خصم لارننک اگر دعاء ارشاده میدان آچلب نقص کلمادکندن بلکه ابا واجداد لارننک خصم لاری انشاء الله تعالی اولدوز
لاری دن معلوم اولنسه لار اکرک یعنی چاه هلاکته دوشب وخراب اولوب همگی الی یوم التناد عبرت اولوب قالسه لار ارکرک

سلسله خواجگان حلقه و دام بلاست — هر که درین حلقه نیست غافل ازین ماجراست

آمین

مبارک باد نامه

نظم

آستانه نک اولا شاها مسند اهل زاد — دولتنک افزون ایده مولا الی یوم التناد

الحمد لله رب العالمین شکر حقغه سز عنایتلو لارننک شاه لیق منصبی ایله مشرف اولماقنکز عین مرادی

الهی

الٓهی وفضل حکمت نامتناهی در نظم حکمت محض است اگر لطف جهان آفرین خاص کند بندهٔ مصلحت عام را
یعنی الله سبحانه وتعالی لطف عنایتی ایله نظام عالم وعامهٔ بنی آدم مصلحتی اوچون برینده‌نی خاص وممتاز
وشاهلیق منصبی ایله سرافراز ایلمکی محض حکمتی در واول حرمتلو شاه لارنک بر مؤید لاری وارکان دولت
وحشمت وشوکت وسلطنت لاری واجراء احکام شرعیه لاری اقطار الارض حراست واهل بغی وعدوانه سیاست
ایتمکلرینی انتظام امور انام قیلمشلر وبس امدی اوشبو حکمت مقتضاسنچه فضل عنایتی ایله الله
سبحانه وتعالی سن افندمزنک تخت وسعادت بختنکنی مبارک ایدوب حاسدلار حسدندن واهل بغی
وعدوان لار شرندن مصون ومحفوظ ایلاب عمر عزیزنکنی اوزون ودشمانلاری سرنکون ایدوب حشمت
ودولتنکنی کامل وبلند وطالعنکی چندان وچندان منور اولوب اولاد اولاد الی یوم التناد ممتد اولسه
ایدی خصوصا فضل عنایت ربانی وحکمت الٓهی ایله وجود شریف لارنک هر خطالاردن وبلاء ناگهانیه لاردن
مصون ومحفوظ اولوب دشمان بدخواه لارنک هر امرده وهر حالده مغموم ومقهور اولسه ایدی ودوستلارنک
همیشه مسرور وممنون اولوب باخصوص اباواجدادواقربالارنک جمله وجملهسی هر حالده وهر امرده سندن
راضی وشادخرم اولوب وسننک ایله افتخار قیلسه لار ایدی خصوصا آینه قلبنک بدر منیر کبی روشن
ومصفی اولوب سعی واجتهادنک الی آخر العمر عدل ووداد ایله معمر ومزین اولوب سایه حشمت همایون
لارنکده امت احمد صلی الله علیه وسلم اباواجدادلاری دن توارث قالدغی بیعت لاریده مستقیم اولوب
وشمول بیعت لاری برابرینده آسوده حال وفارغ البال همیشه امن وامانده اعتقاد پاک ایله عبادتده ودعا
وتضرعده باخصوص احیاء سنت اوزره سعی واجتهادده اولماقلاری برکاتندن یوما فیوما بقاع وبلاد
مملکتده شوکت وسلطنتنک ساری بلکه یریوزیندن داد عدالتده سعی واجتهادنک جاری اولوب حجتلو
عزیزه وعزیز اهل اولادلارنک واخوان اقارب لارنک وانساب عالیه لارنک ایله دائم الاوقات برقرار اولوب
شادان وخندان سیران ودوران ایله مسرور وممنون اولوب روزگار کچیرسنک. ایدی یا رب العالمین بحرمة

اخلاص وفاتحه وبحرمة سید المرسلین احمد محمد وبحرمة سلسلهٔ خواجگان رضوان الله تعالی علیهم اجمعین
وبك نستعین آمین

عنایت نامه

عنایتلو افندمزنک معلوم جناب مستطابنکز اولسه ایدی اول قدیم ایامدن بیعت مقابلندن اباواجدادلارمزنه
اولگی شاه لار ویردگی عنایت نامه لاری اطراف شتیدن اهل طغیان واهل فتان تو بیروب اغدا وحسدلارنک غضبی حرکته
کلوب خصوصا زمان مدعی لاری هلاکتمزه قصد قیلماقلاری سببلی قضاء ناگهانیه ایرشب اول عنایت
نامه جانبی چونکه اوزمز اویده یوق لیقدن اول عنایت نامه‌نی صاقلامق ممکن اولمایب بلکه جان لاردین
صاقلامق مشکل اولمش ایکن اما فضل عنایت الٓهی ایله جان لاری نجات طاپمش چونکه بوقضا وقت سرنوشت
اوزاگیده اولوب مشکل اولدغی سببلی نه چاره قالوا انا لله وانا الیه راجعون بشمول عنایت نامه بو نیچه قایو
اباواجدادلارمزنک عمری برپادشاهه تجدید عهد وبیعت قیلماق ایله یعنی اباواجدادلار کابر کره عهد
وبیعت قیلشماق ایله مشرف اولوب عمر عزیزلاری دوکنمش وقایوسی‌نک ایکی یه وقایوسی‌نک اوچه
امدی بز غریب الاسلام دردمند درویش فولنک اوچنچی کره عهد وبیعت قیلشماق ایله مشرف اولماقمزدر
الحمد لله رب العالمین شکر حقعه هزار وهزار عمر عزیزلارنک اوزون وبخت سعادت لارنک گون بگون
افزون اولغای ایدی هم بزلاریده کرمنکز ایله طرفنکزدن عنایت نامه ایله مشرف قیلماقنکزنی رجا مز بعده

مصراع

گر ادا رسم نجم دگلدر یقله عالم قالادین

آمین

رجاء دفتر نامه

شنا

اوفیم اشنکی محمد ان اسکی دوحاوی صوبرانیه حاکم لاری نک اشلاریله بزلار ظاهرا وباطنا واقف اولساقده
اولارنی واقف اولمای الارمزده با اعتقادات شرعیه عداوت ظاهر اولوب حتی بزلاری هیچ برمذهب حصایه ایب
واعتبار

دفتره

واعتبار قیلمایب نکاح لارمزنی وطوغان لارمزنی ووفات لارمزنی یازدرماس لار ویازماس لار شول قدر اکرداپه دفتره مش لار دراکه هیچ

بر برکا بورمس کاوبورطمزدن چقمازغه میسنوی ناچالستوالارنی قوشب یاتیصکه کا باغلارلار اکر بریره چقساق دعالکرا اوچون

دعوت قیلسه لار یعنی اوکوستیتشی دوم تنک سباع وسلامتلکی اوچون بیعته وفا قیلوب قدیمی ایامدن ادقولا

کلدکی دعالارا اوقماق اوچون التماس ایتسه لار اپاچی منذهب اولدقلاری سببلی شول دعالاردن قطع نظر قیلماق لاری ایله نهی

ایدرلار هم دعوت قیلغوچی موءمن ومسلمانلاری بهتان عظیم ایله اذا وجزا ایدرلار خلقی معهود دعادن محروم قیلماق اوچون

برکی اوی مزدن چقمازغه نچالستوالارنی قوشب یاتیصکه کا باغلاماق اوچون سعی واجتهاد ایدرلار اگر بر مصلحت اوچون بریره

بارساق وچقساق اولا عامل لارن قوشب یالغان بریکور قیلورلار واول یالغان بریکورلاری ایله برلاری عیب لارنکا حکذ اول

ناچالستوالاسین قوشارلار احمدی الله عظیم الشأن وتنظیمات امرلارینکا مخالفت قیلوب هم دعاء امریکا انکار ایدب

قوش

یورطنک ضررن قصد قیلغان بعض نره نه سویلامک قالدی بو نشأ مته نه الله چند اماق کرک ونه عالم ونه پادشاه

بس شونکا حضرتلرینکا عنایتلو افندم مزدن بر غریب دعاچی قلنکز کرمنکزدن نکاح لارمزنی وطوغان لارمزنی ووفات لارمزنی یمک

اوچون بموافق شرع وتنظیمات آنلاردن آیرلیب اولا آلدمزغه واولا اسمزنکا دفتر ویرلسه ایدی دیو رجامز دارحم

بموجب حکمت مأمور اولنمش معهود دعالارنی نهی ومنع اولماماقن حضرتنکزدن رجا والتماسمز در

لقوله تعالی

ولتکن منکم امة یدعون الی الخیر ویأمرون بالمعروف وینهون عن المنکر واولئک هم المفلحون وقوله تعالی ولولا

دفع الله الناس بعضهم ببعض لفسدت الارض ولکن الله ذو فضل علی العالمین وقوله تعالی ان الله

یأمر بالعدل والاحسان وایتاء ذی القربی وینهی عن الفحشاء والمنکر والبغی یعظکم لعلکم تذکرون

شعر حکمت

اولسه ایدی واقف بو سردین سوناردی فتنه قارد قلارینه اورلارنی — اولاد اولاد دولتی اولوب افزون اولوردی محیط جهانی شوکتی
نفاق ایله دهشتکر اولدلار — معقول دیو خلافی سویلادلار
راضی دعا ترکی میدان اوتی معنای رموزی جاهل لار بیلورمی — اول عبادت الله دن تانی مرسل لارنالنت شاهد حکمت دکلمی
قانی بلوب شکران قیلغوچی — بونعمت لارده دعا اوقوچی
بوشعرلار شعر در دکلدر جر مونک زا ایله اخذ قیلنور سر — شعراء اسلام کم لاردر نه دلانلار الا الذین امنوا اولدلار
ولکل مقام مقال — ولکل میدان رجال

الهنا مولینا هر دایم نیازم حضرتنکدن اوشبودر یاربی جمیع ظالم لارنکدین داد داد داد صد هزار فریاد داد

88

مظلوم لاره نصرت واعانت ایدوب واول ظالم بد فعال لارنک خسأمت وکثافت لاری دن امان وخلاص قیلوب

وجمیع دشمان بدخواه لارنکی مغموم ومقهور ایدوب عنایتلو وجملیه مرحمتلو افندم حضرتی اولانکدین

غیریه محتاج قیلماسک ایدی یارب العالمین آمین

شرایط بیعت ده مستقیم اولوب عمرمی عمر عزیز لارنکزه ضم قیلوب ازدیاد دولت وبرکات عمرلارنکز اوچون

ونیاز

دعاء ومناجات وتضرع اجتهاد دین وجود نی فدا قیلمش غریب قلنک دردمند درویش قازان گوبیرناسی ده

لزویه اویازی ده کاچکاو قولصی ده معلا ایلی آولیدن حالا معیشتمز قازان بشنجی جاسن اولوغ سمبراسکی

اوبرامت حضرتلارنکزه دعاء ومناجات اوچون قورلمش بناوه دین محمدیه ده اولان مسلمان

بهاوالدین ملا حمزه اوغلی ویسف بونسخه یه الم امضا ایلدم ۱۸۸۱ نجی سنه ماه مارطنک اول کوننده

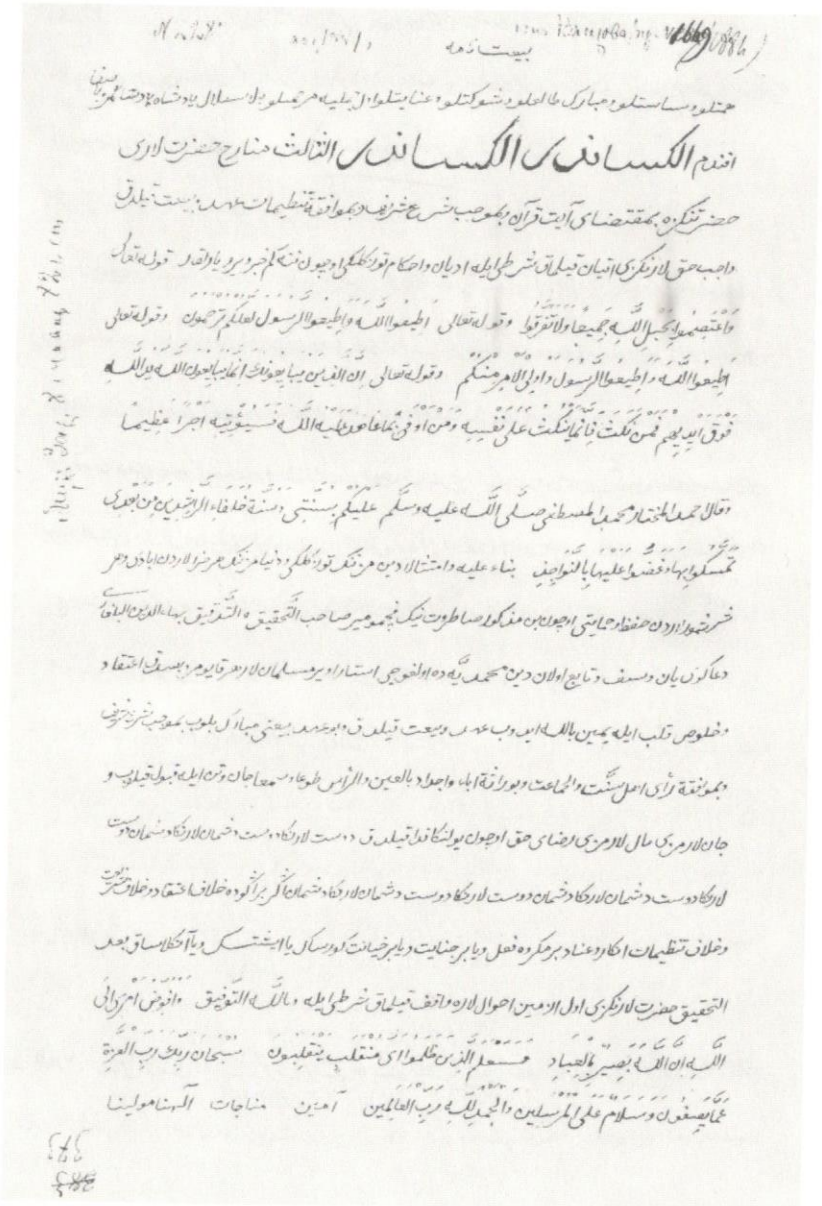
کیچ ساعت بشده المشهور بهاء الدین البلغاری هم مهرم صالدوم

هم صیغز ورتی کیتت اجالیدن امضاسنی رجا ایدم مذکور ویسف

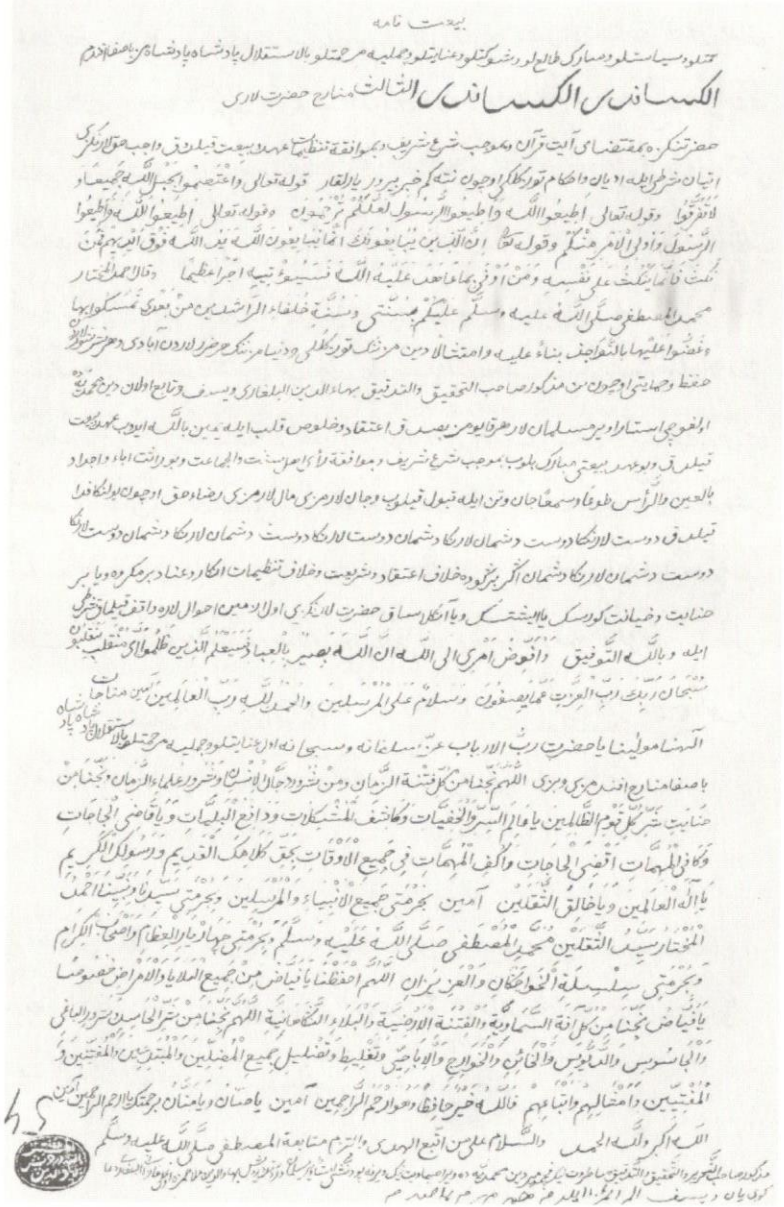
لاستوبنسته یارماوای بو شلینه آلتمش تبن لک مارکه قویلدی

بو لانت زمانی اقامت الکساندر رنیوانسکی چاسن تیلنیزنی اوراسن دوم نومبر ۹ ۱۸۸۲ کوارتیر دوم ۱۲ نج

Документ № 103. РГИА. Ф.777. Оп. 3. Д. 5. Л. 373–373об. Фотоснимок рукописного варианта сочинения Б. Ваисова "Бэйгатьнамэ" ("Присяга на верноподданство").



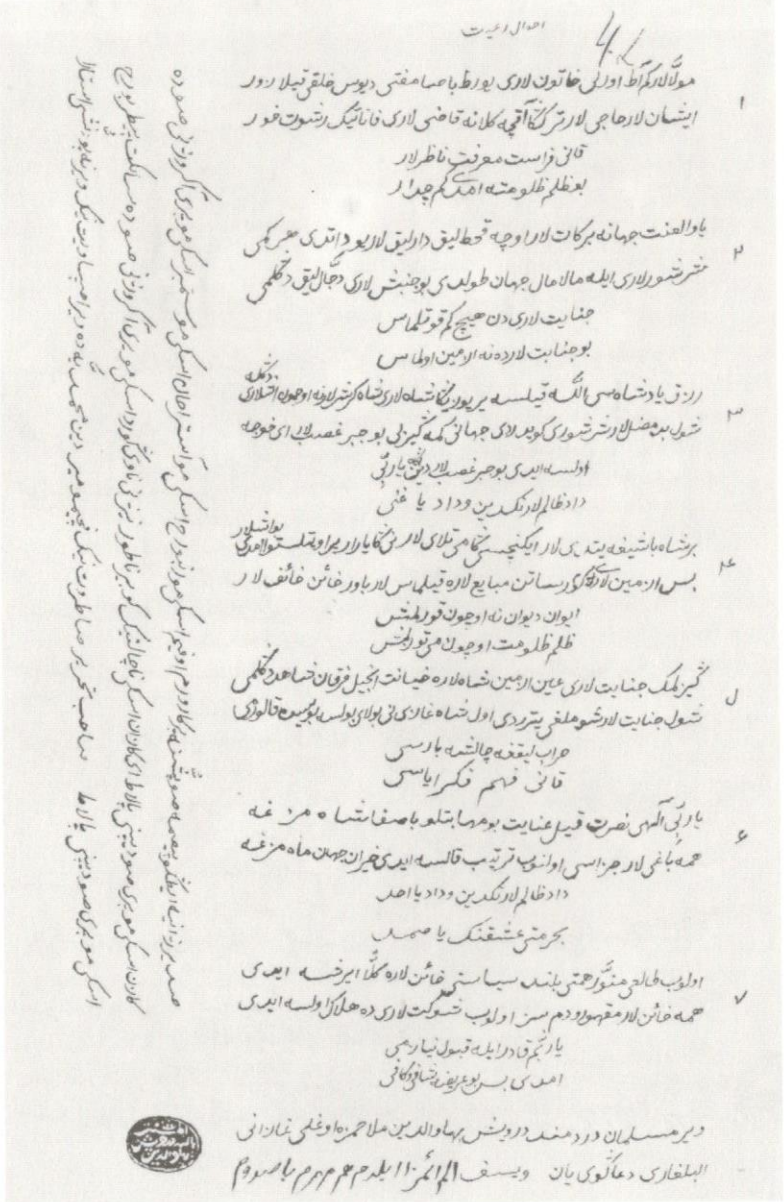
Документ № 104. РГИА. Ф.821. Оп. 8. Д. 842. Л. 54.
Фотоснимок рукописного варианта сочинения Б. Ваисова "Бәйгатьнамә" ("Присяга на верноподданство").



بیعت نامه

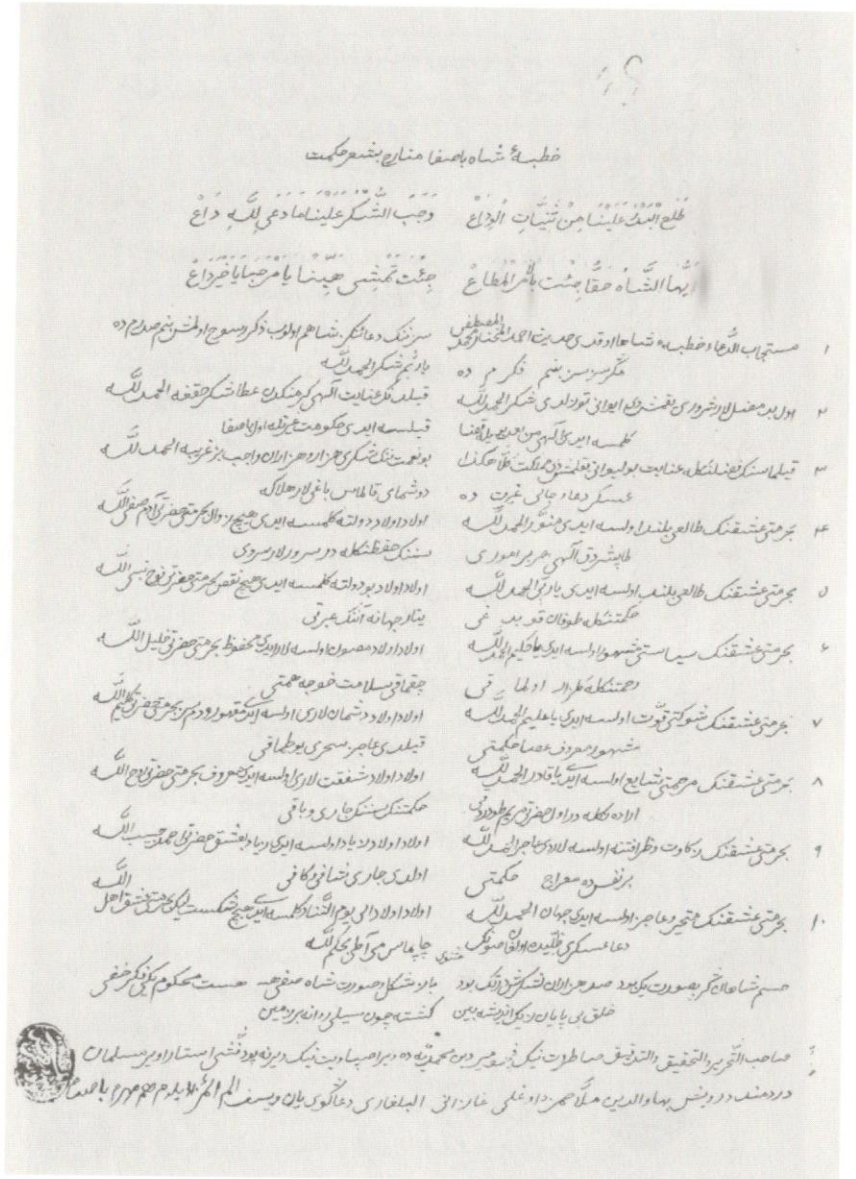
الکساندرس الثالث

Документ № 105. РГИА. Ф.821. Оп. 8. Д. 842. Л. 42.
Фотоснимок рукописного варианта сочинения Б. Ваисова "Әхвәл-и рәгайят" ("Положение народа").

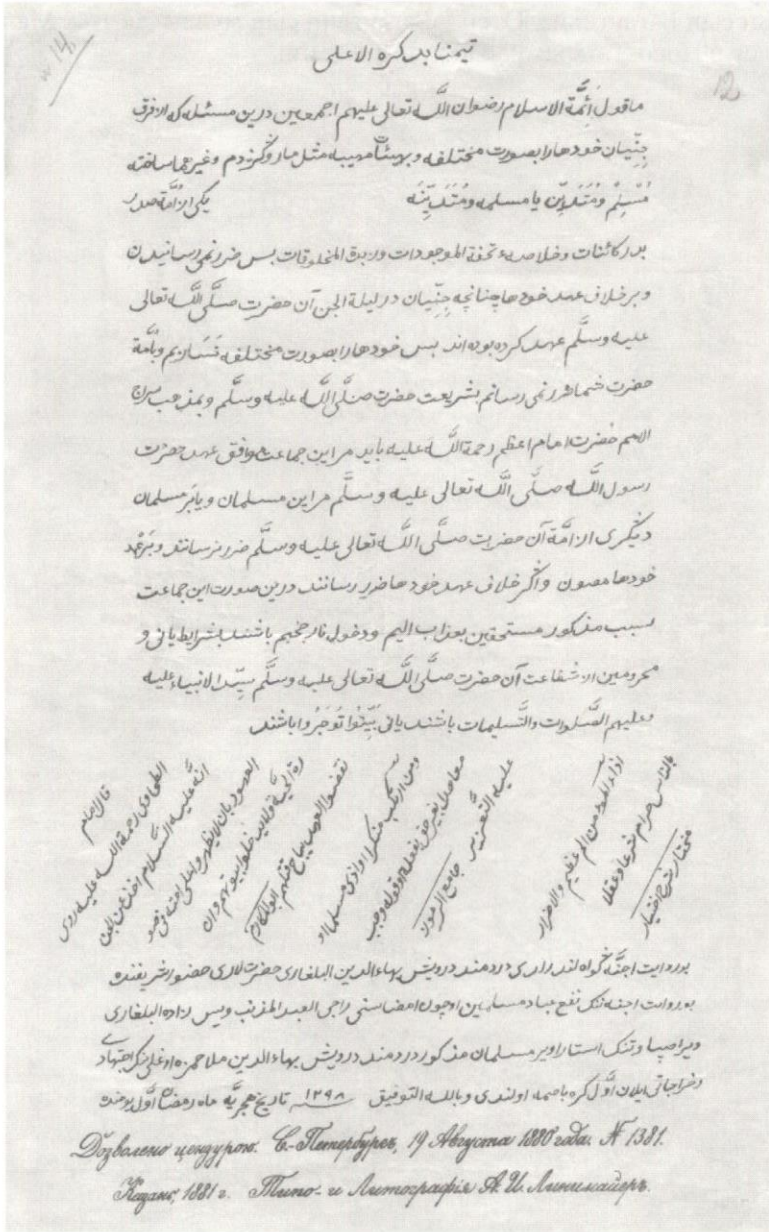


احوال رعیت

Документ № 106. РГИА. Ф.821. Оп. 8. Д. 842. Л. 53об.
Фотоснимок рукописного варианта сочинения Б. Ваисова "Хотбэ-и шаһ басафа монарх бишигырь хикмэт" ("Проповедь во славу чистого монарха в стихотворной (рифмованной) форме").



Документ № 107. НАРТ. Ф. 969. Оп. 1. Д. 50. Л. 12.
Литографическое издание Б. Ваисова 1881 г.



Документ № 108. НАРТ. Ф. 4. Оп. 177. Д. 130. Л. 20.Метрические записи. 1878 г. Запись о родившихся в с. Молвино.

Под пунктом № 6 указано: 5 февраля родился Ходжа Мухаммед Гайнанеддин сын Багаутдина. Отец – Багаутдин сын муллы Хамзы. Мальчик родился в Ново-Татарской слободе г. Казани

اولکی حز وجوده کلان لار حقنده

صفر	وجوده کلان لارننک اسم لاری کمدور	قایو چیلاده وقایو کونده وجوده کلان	قایو جنسدان آتاسی وآناسی وآنلارننک اسم لار کم دور	نه دکلی
۱	اول بالا شفیع ... میکلی بای اوغلی	عنوارننک ۴ کونده	آتاسی میکلی بای صالداد بکر قزاق	اوغلی ملا ایلینده
۱	بیبی ساجده بیکمولا صالداد قزی	عنوارننک ۴ کونده	آتاسی بیکمولا صالداد بیکنه	اوغلی ملا ایلینده
۲	صابر جان ثابت اوغلی	عنوارننک ۱۰ کونده	آتاسی ثابت عبید ابراش اوغلی ننک	اوغلی ملا ایلینده
۳	ظریف عبید اوغلی	عنوارننک ۱۸ نده	آتاسی عبید ولید	اوغلی ملا ایلینده
۴	عین الدین حسین اوغلی	عنوارننک ۲۲ نده	آتاسی حسین اشموک صوقر	اوغلی ملا ایلینده
۲	میکلی صفا فیض صالداد قزی	عنوارننک ۲۷ سنده	آتاسی فیض صالداد محمد جان	اوغلی ملا ایلینده
۳	بیبی کمال دمین قزی	عنوارننک ۲۸ سنده	آتاسی دمین محمد یار	اوغلی ملا ایلینده
۴	بیبی صابره ایبت قزی	فبرآل ننک اول کونده	آتاسی ایبت حبیب الله	اوغلی ملا ایلینده
۵	حسین ولی الله اوغلی	فبرآل ننک ۳ نده	آتاسی ولی الله شفی قارعا	اوغلی ملا ایلینده
۵	بیبی عادله فخر الدین قزی	فبرآل ننک ۳ نده	آتاسی فخر الدین شاهی	اوغلی ملا ایلینده
۶	خوجه محمد عثمان الدین بهاء الدین اوغلی	فبرآل ننک ۸ نده معلوم ایتدی	آتاسی بهاء الدین حمزه ملا	اوغلی یا تکاب
۷	عین الدین مختار اوغلی	فبرآل ننک ۱۲ سنده	آتاسی مختار عبد المن	اوغلی ملا ایلینده
۸	خلیل الله حسین احمد صالداد اوغلی	فبرآل ننک ۲۲ نده	آتاسی حسین احمد صالداد	اوغلی ملا ایلینده
۹	مختار عنایت الله اوغلی	فبرآل ننک ۲۲ نده	آتاسی مختار فتح الله قارا	اوغلی ملا ایلینده
۶	بیبی موجوده فتح الله قزی	فبرآل ننک ۲۷ سنده	آتاسی فتح الله کوکه	اوغلی ملا ایلینده
۷	بیبی میکه سیف الدین قزی	فبرآل ننک ۲۷ سنده	آتاسی سیف الدین میکلی بای	اوغلی ملا ایلینده
۸	بیبی حانه ابراهیم قزی	مارط ننک اول کونده	آتاسی ابراهیم بابا رحمة الله	اوغلی ملا ایلینده
۹	عین جمال شاه احمد قزی	مارط ننک ۲ سنده	آتاسی شاه احمد صمن یار عاق	اوغلی ملا ایلینده
۱۰	میکلی بیان سراج الدین	مارط ننک ۱۱ نده	آتاسی سراج الدین سمیت میق	ملا ایلینده
۱۰	عنایت الله بیکچنتای اوغلی	مارط ۱۶ سنده	آتاسی بیکچنتای عبد الغفار	اوغلی ملا ایلینده
۱۱	سعد الدین سعید اوغلی	مارط ننک ۱۲ نده	آتاسی سعید سمیت میق	اوغلی ملا ایلینده
۱۱	محی بیبی ... محی الدین قزی	مارط ننک ۱۲ نده	آتاسی محی الدین ابراهیم ... اوغلی	ملا ایلینده
۱۲	بیبی فاطمه احمد جان قزی	مارط ننک ۲۳ نده	آتاسی احمد جان شریب	اوغلی ملا ایلینده

Документ № 109.
Свидетельство № 160, выданное на имя Шигабутдина Сайфутдинова после его возвращения из ссылки в Казань. 1908 г.

يا هو عناية الا هو ولا غير...

يا هو يا معبد بر حق اياك نعبد و اياك نستعين

يا هو عنايت يا عزيزوم مدد يا اباالقاسم شفاعت يا الهى

الامان آمين... وبالله التوفيق والهداية وبه عناية

تيمنا بذكره الاعلى

ما قول ائمة الاسلام رضوان الله تعالى عليهم اجمعين

دست خط لاجل فرقه ناجيه مؤمن حق مجاهد الاسلام

تويست ايصالنى تيلى پريرودنى دوخاونى بوزيه ازدان يه

اصواطوى زاكون

١٠٦ نچى نومير

2

СВИДѢТЕЛЬСТВО.

№ 160 Фиркаинаджіа Мукминихакъ Мжагидель Ислама, т. е. исполнитель природнаго Духовнаго Божьяго изданія Святого закона.

Я вѣрноподданный присяжный лично извѣстный ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ и проч. и проч. Мжагидель Экбаръ, Догоханъ Газзы, т. е. Божій воинъ потерпѣвшій Великіе убытки и страдающій за захватъ повѣренный Ислама Фиркаинаджіа Мукминихакъ, дынъ мухамедыяда Мюстагидахакъ, т. е. вѣроисповѣдникъ Святого Ислама своего, сословія Туркій, природный духовный Старовѣрскаго Общества мусульманъ и имѣющій миллатъ Ибрагима Халилуллы, т. е. тотъ который повелѣвающимъ Указомъ Бога

3

Царя, по закону и въ силу закона, имѣющій вѣру дине Ислама Магометанскаго, религіи Ханафѣй Имамъ Агзамской Секты Эглисоннатъ Ивальджемагатъ Сунитской, обряда (какъ есть магометанскаго): Альмисакъ данъ Берли мусульманъ, т. е. издревле безпрепятственно молящійся только одною Святою молитвою Святого Ислама на своихъ собственныхъ устахъ, по правиламъ Святаго Корана, на основаніи Святаго Шарригата и согласно святому „Отечеству", повелѣвающимъ Указомъ Бога Царя и повинующійся только одной духовной Верховной власти и начальству.

на основаніи вотъ такъ:

اسلام حق كفر باطل اسلام حق كفر باطل

اسلام حق كفر باطل اشهد ان لا اله الا الله و اشهد ان محمداً عبده و رسوله اعوذ بالله من الشيطان الرجيم يا ايها الذين امنوا توبوا الى الله توبة نصوحا و افوض امرى الى الله و توكلت على الله و لا حول و لا قوة الا بالله العلى العظيم ان الدين عند الله الاسلام ذلك فضل الله

4

يؤتيه من يشاء والله ذو الفضل العظيم امنا به و صدقنا وبالله التوفيق فالله خير حافظا و هو ارحم الراحمين يا حنان يا منان برحمتك يا ارحم الراحمين يا رب حاضر و ناظر طائشير و بحضرتك امانت امان و امان لمن آمين

Дардимандъ Дервишъ сотрудникъ всего міра сего Божьяго полка опредѣленной дистанціи начальникъ, природное духовное лицо Багаутдинъ Эльбулгари Дервишъ Хамаинъ и духовный отецъ Вайсовъ на основаніи своихъ присяжныхъ листовъ, принесенныхъ мною ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИМЪ ВЕЛИЧЕСТВАМЪ ГОСУДАРЯМЪ ИМПЕРАТОРАМЪ МОНАРХАМЪ: покойному АЛЕКСАНДРУ ТРЕТЬЕМУ и нынѣ Царствующему САМОДЕРЖЦУ ВСЕРОССІЙСКОМУ НИКОЛАЮ ВТОРОМУ съ приложеніемъ святой молитвы отъ 9 марта 1881 года и 30 Октября 1894 года и согласно всеподданнѣйшихъ докладовъ отъ 9 сентября 1885 года и 30 октября 1894 года за № 142 и 40.

5

Сотруднику
всего міра сего, нашего Божьяго полка
Казанскій Губерніи
Свіяжского уѣзда
Адмліевскій волос.
деревни Кара-
шамъ Выше
назначенный
лица Паверх-
ный духовного
Отца Вайсова

Шигабутдинъ
Сайфутдинъ
оглы эльбулгари
родѣлся 1861 г.
и пренемъ жена
Биби Нагимя
Ахмедша Кази
родѣлся 1889 г.
Еще сынъ Кашафутдинъ
Шигабутдинъ
оглы родѣлся 1894 г.

Еще дючъ Биби зайнябъ
рожденъ 1908 г

А въ случаѣ надобности и по собственному его желанію имѣетъ право быть онъ во всемъ свѣтѣ, начто я самъ и благословляю его самого спаси Боже Аминь! Все же духовнои свободъ да не посмѣетъ никто воспрепятствовать кромѣ меня самого его духовнаго Отца Вайсова по закону и въ силу закона, и даже да будетъ это свидѣтельство метрикулярнымъ документомъ въ подоспѣвъ его изъ рода въ родъ до окончанія міра сего, Аминь! во всемъ этомъ подписуюсь своею собственною личною подписью своей руки во мусульмански и удостовѣряю все это и

сіе приложеніемъ должностной печати своего Божьяго полка, опредѣленной для меня и начертанной на мусульманскомъ и Европейскомъ діалектахъ своими діалектами.

СОТРУДНИКЪ ВСЕГО МІРА
СЕГО БОЖЬЯГО ПОЛКА ДУХ. ОТЦА
Багаутдинъ Эльбулгари

Г. Казань, 11 февраля 1886 года. По мусульманскому лѣтосчисленію Таррехъ Гиджрія, т. е. Сяня 1304 года Мага Жимодіалъ Ахиръ 9 дня. Отъ молитвеннаго зданія Мактиба Гирфанъ, Канцеляріи Духовнаго Отца Вайсова, 3 часть г. Казань, Академическая Слободка домъ Степанова № 24.

КАНЦЕЛЯРІЯ
духовнаго отца
ВАЙСОВА,
сотрудника всего міра,
старовѣрскаго
мусульманскаго
общества.
Сущ. съ 1862 года
г. КАЗАНИ.

СОТРУДНИКЪ
ВСЕГО МІРА
БОЖЬЯГО ПОЛКА
ХАНЦЕЛЯРІЯ
ОГЛЫ БУЛГАРІИ

Илл. 38. Образцы оттисков печатей ваисовцев

Заключение

Риза Фахреддин, прежде чем начать работу над биографией Багаутдина Ваисова, поделился с терзавшими его сомнениями со своими собеседниками: учитывая массу негативных мнений и высказываний, бытующих в татарской среде в отношении ваисовцев, разумно ли включать биографию опального ишана в свод "Асар", предназначенный для отражения биографий и судеб "выдающихся представителей тюрко-татарского мира"? Собеседники Р. Фахреддина дали положительный ответ не из-за особой симпатии к ишану и его сыновьям, но скорее потому, что видели в этом движении одно из своеобразных проявлений исламского дискурса, а в ваисовцах – своих единоверцев, чья искренняя религиозность не вызывала никаких сомнений. И в настоящее время, при всей маргинальности и неоднозначности данного явления, на вопрос о необходимости его изучения следует дать положительный ответ.

Представленная вниманию читателей работа является далеко не первой в длинном ряду исследований по истории ваисовского движения (Н.Ф. Катанов, М. Сагидуллин, Л. Климович, Р.К. Валеев, А. Франк, М. Кемпер и др.). Однако хочется надеяться, что данное исследование, как и весь публикуемый комплекс документов, откроют новые страницы в, казалось бы, известном явлении, а также внесут свою лепту в создание более полной и целостной картины татарского мира Волго-Уральского региона пореформенной эпохи.

Возможно, представленная вниманию читателей история движения кому-то показалась чрезмерно персонифицированной. Однако исследование не является простой суммой биографических очерков, каким бы яркими или трагичными не были судьбы отдельных героев. В монографии была предпринята попытка сквозь призму судеб лидеров и идеологов проследить сложный процесс зарождения и трансформации целого движения, составившего особую страницу в истории татарского народа.

Ваисовская община (и движение в целом) родилась из сложного комплекса различных настроений и идей, бытовавших в мусульманской среде Волго-Уральского региона в позднеимперский период. Среди них важное место занимали протестные настроения, вызванные дальнейшим усилением социальной напряженности, сопровождавшей процесс модернизации, религиозной политикой христианского государства в отношении иноверцев, углубляющимся процессом бюрократизации официальных исламских структур и их отчуждением от рядовых верующих. Свою роль сыграли традиционные для религиозного сознания

страхи и фобии, обусловившие боязнь реалий современной жизни и отказ от достижений и пороков современной цивилизации. Ряд идей уходят своими корнями в причудливую историческую память народа. Не стоит сбрасывать со счетов и персональные заблуждения и амбиции отдельных харизматичных личностей. Однако конфликты, порождаемые как неуживчивым (возможно, даже склочным) характером Багаутдина, так и провоцируемые властями и единоверцами, вероятно, остались бы личным делом одного из многих ушедших в небытие исторических персонажей, если бы проповеди и идеи Б. Ваисова не попадали на благоприятную почву социальной, национальной, религиозной напряженности и недовольства, столь очевидной в Российской империи накануне ее падения.

В конечном счете, движение приняло такие формы, что можно говорить о своеобразном культурно-религиозном и политическом феномене в татарской истории, нуждающемся в тщательном изучении и осмыслении. Реинкарнация движения в виде "необулгаризма" на рубеже 1880–1990-х гг. способствовала необычайному всплеску исследовательского интереса к его предыстории, что породило в последнее двадцатилетие целый ряд интересных и новаторских исследований с оригинальными выводами и трактовками.

Данное исследование имеет свою специфику. Пожалуй, впервые изучение данной темы базируется преимущественно на архивных документах, большая часть которых к тому же впервые публикуется в виде приложения документов на языке оригинала. Извлеченный из центральных и местных архивов широкий комплекс источников оригинален и вполне репрезентативен. Эти документы позволяют не только описать основные моменты в истории становления ваисовского движения в пореформенную эпоху, они помогают вычленить наиболее важные аспекты функционирования общины с 1862 по 1916 гг., выявить основные тенденции и проанализировать эволюцию идей, циркулировавших в данном сегменте татарско-мусульманского сообщества империи.

Что же представляет собой ваисовское учение по своей сути – политическое или же религиозное это явление, является ли оно проявлением т.н. "плебейского суфизма" (противопоставляемого т.н. "суфизму интеллектуальному") или же перед нами разновидность обычного религиозного "сектантства"? Или, возможно, мы должны оценивать ваисовцев как "героев нации", боровшихся за "национальное освобождение" и народные интересы? Думается, что на эти и другие аналогичные вопросы нет одного, единственно правильного, ответа, поскольку само движение не представляло собой единое и неизменное явление. Поэтому оно не поддается однозначной трактовке.

В анализируемый период движение пережило несколько ключевых моментов. Первые два десятилетия (1860-е – середина 1880-х гг.) – это время, когда происходило становление религиозной общины под руководством члена суфийского братства Накшбандия Багаутдина Ваисова (оставим в стороне споры о легитимности его притязаний на звание шейха и преемственность от Джагфара). В облике Б. Ваисова мы видим человека XIX столетия, образ мысли и действия которого не выходят за рамки исламской религиозной традиции. Об этом свидетельствуют как его сочинения, так и иные документы того времени.

В последующее двадцатилетие (середина 1880–1905 гг.) община переживает сложное время угрозы распада и стремления сохранить преемственность традиций. Пустующее место харизматичного лидера остается вакантным. Хотя среди учеников и ближайших последователей Б. Ваисова в эти годы выделяется группа наиболее активных и деятельных лиц (Юсуф Файзуллин, Шигабутдин Сайфутдинов, Назмутдин Ижбаев и др.), они не могли заменить собой Б. Ваисова и "породить" из своей среды легитимного и всеми признанного лидера движения. При всей их убежденности в правоте своего дела, названные лица не обладали ни необходимыми знаниями, ни нравственным авторитетом или харизмой своего учителя. Более того, в силу жизненных катаклизмов они занимали чрезвычайно маргинальное положение в татарском обществе, находились внизу социальной и интеллектуальной иерархии. Гораздо более важным было то, что в это время в среде ваисовцев шел поиск новых актуальных проблем, которые могли бы прийти на смену прежним объединявшим общину идеям. Все это происходило на фоне складывания в татарском обществе более широкого интеллектуального контекста, в котором причудливо сочетались исламские и европейские формы, что естественно отражалось на облике и организационных формах функционирования общины.

Наконец, третий период в эволюции движения хронологически охватывает последнее предреволюционное десятилетие, т.е. период между двумя российскими революциями (1905–1916 гг.). Новейшие исследования по истории мусульманского населения империи убедительно доказывают, что в начале XX столетия в условиях активной модернизации российского общества происходит стремительный процесс секуляризации мусульманской уммы (особенно в среде мусульман Волго-Уральского региона), в ходе которой исламский дискурс постепенно модернизировался и вытеснялся европейским, а религиозно-культурная идентичность заменялась новой национальной (этнической) идентичностью.

Черты человека новой эпохи мы наблюдаем в облике нового лидера движения – Гайнана Ваисова, который не просто возобновил функ-

ционирование общины в период первой русской революции, но придал движению мощный импульс и привнес новую суть. При всем желании оставаться лидером религиозной общины и продолжать дело отца, Гайнан был человеком сугубо светским, образцом секуляризированного сознания и светского образа жизни. Он был довольно успешно адаптирован к политизированному российскому сообществу начала XX века, интегрирован в нее в большей степени, нежели его предшественники. Под руководством Гайнана движение трансформировалось от религиозной общины с ярко выраженной религиозной, социальной и культурной доктриной, в некое подобие политического сообщества, в котором религиозная составляющая уже перестала быть доминантой. Документы, публикуемые в данном сборнике, подтверждают эти наблюдения.

Трансформация движения прослеживается в самых разных аспектах. Религиозно-эсхатологические и апокалиптические мотивы в мировоззрении ваисовцев, столь актуальные в 1870–1880-х гг., т.е. в период, предшествующий наступлению нового четырнадцатого столетия по мусульманскому летоисчислению, в эпоху Гайнана Ваисова практически потеряли свою остроту. Кроме стихотворного цикла "Джавахир-и хикмати дарвишан" (большая часть которого, впрочем, была создана пером Багаутдина, однако издана Гайнаном) мы ни в одном из документов начала XX века не встречаем подобных настроений и фобий. Чрезвычайно распространенные в 1870–1880-х гг. среди мусульман Волго-Уральского региона опасения христианизаторских порывов со стороны властей в начале XX столетия также потеряли свою актуальность и остроту, а призывы к борьбе против русификации уступили место общим рассуждениям о религиозной свободе и автономии, о необходимости создания параллельных ОМДС религиозных структур. Только религиозная веротерпимость, очевидная в правительственном курсе с 1905 года, могла создать почву для появления подобных настроений и притязаний, немыслимых в предыдущий период. Менялась, хотя возможно, и не столь зримо, и социальная доктрина ваисовского движения.

Но гораздо более очевидная эволюция наблюдалась в булгарском аспекте движения. Идея булгарской принадлежности ваисовцев складывалась как форма обращения к тому прошлому, когда был "золотой век" ислама, а булгары считались истинными мусульманами, принявшими веру непосредственно от сподвижников Мухаммеда, заключившими пакт с самим Аллахом (этим объясняется также обращение ваисовцев к термину "мусульмане-староверы" и выражению "ал-мисактан-бирле"). Однако уже к концу имперского строя булгарская идея все более увязывается с формирующейся у татар национальной идентичностью и стремлением к обретению территориальной автономии. В 1917–1918 гг., в период бурных и легальных дебатов о национальном самоопределе-

нии, охватившем все мусульманское сообщество России (как, впрочем, все нерусские народности бывшей империи) этническая составляющая булгарской ориентации ваисовцев уже не вызывает никаких сомнений.

Таким образом, к февралю 1917 года ваисовское движение при внешнем сохранении прежних организационных форм и целевых установок, тем не менее, подошло в модернизированном виде. Февральская революция создала новую политическую реальность, способствовавшую дальнейшей трансформации движения. В новых условиях ваисовцы были вынуждены осмыслить факт свержения монархии и пересмотреть свое отношение к самодержавию и переменам, произошедшим в стране. Традиционные царистские взгляды не помешали ваисовцам вступить в союз с большевиками – революционерами и атеистами. Последнее обстоятельство предопределило крах данного противоестественного альянса, распадавшегося по мере укрепления советской власти. В начале 1920-х гг. многие из ваисовцев подверглись персональным репрессиям, а организация их в 1923–1926 гг. была официально запрещена. Впоследствии ваисовская община еще больше маргинализуется и фактически распадается, а в 1930-х гг. практически все руководители и активисты движения были вторично репрессированы. Хочется надеяться, что последующие мои исследования будут посвящены послереволюционному этапу развития движения.

Список иллюстраций:

(С. 10) № 1. Александр Касимович Мирза Казем-Бек (ОРРК НБЛ КГУ)
(С. 11) № 2. Атаулла Баязитов
(С. 12) № 3. Николай Федорович Катанов (ОРРК НБЛ КГУ)
(С. 36) № 4. Надгробие на могиле шейха Джагфара аль-Булгари (2005, фото автора).
(С. 36) № 5. Верхняя часть надгробия на могиле шейха Джагфара аль-Булгари (2005, фото автора).
(С. 37) № 6. Надгробие на могиле последней супруги шейха Джагфара Биби-Муршиды, умершей в 1912 г. Могила Биби-Муршиды располагается в паре метров позади могилы шейха Джагфара (2005 г., фото автора).
(С. 38) № 7. Надгробие на могиле шейха Хабибуллы Хансуварова (1805–1897) в соседнем селе Зимница. Новое мраморное надгробие было поставлено к юбилею шейха Хабибуллы Хансуварова. Село Зимница, Ульяновская область, РФ (2005 г., фото автора).
(С. 38) № 8. Старое надгробие с могилы имама с. Зимница Абдулвахида Хансуварова (1850–1920). Надпись гласит: "Имам вә мөдәррис Габделвахид бин әл-шәйх мулла Хабибулла углы, 1850нче елда дөньяга килеб, 1920-нче ел октябрь 30нда жан биреб, ноябрь 1ндә дәфен кылынды. Казан шәһәрендә Шиһабеддин әл-Мәржани хәзрәтләрендә шәкерде булыб, 5 ел анда мәдрәсәсендә гыйлем тәхсил кылыб, мәсоңра Зимница крыясендә әткәсе мәдрәсесендә гыйлем тәхсил кылмышдыр. 41 ел әткәсе урынында имам булыб [далее нрзб.]". Село Зимница, Ульяновская область, РФ (2005 г., фото автора).
(С. 41) № 9. Метрические записи. 1891 г. НАРТ. Ф. 4. Оп. 10д. Д. 77. Л. 113об. Запись об умерших в д. Беденьга. Под пунктом № 8 указано: 3 сентября скончался Габдуллатиф. Отец – указной мулла Халид сын муллы Джагфара. Умер в возрасте 86 (?) лет от старости.
(С. 42) № 10. Ново-каменная (№ 11) мечеть Ново-Татарской слободы (фото И. Минуллина, современный вид)
(С. 44) № 11. Титульный лист литографического издания [Баһаеддин әл-Болгари Вәисзаде]. Тарик-и хважаган. – Казан, 1874. (ОРРК НБЛ КГУ)
(С. 48) № 12. Последний лист литографического издания [Баһаеддин әл-Болгари Вәисзаде]. Тарик-и хважаган. – Казан, 1874. (ОРРК НБЛ КГУ)
(С. 56) № 13. Шигабутдин Марджани
(С. 67) № 14. Титульный лист сочинения: [Баһаеддин әл-Болгари, Габделлатыйф бин Халид]. Китаб мөстаб-и шәрех никая мохтәсар әл-викая. – Казан, 1871. (НБЛ КГУ)

(с. 68) № 15. Титульный лист и окончание литографического сочинения. Казань, 1874. (ОРРК НБЛ КГУ)
(С. 70) № 16. НАРТ Ф. 1. Оп. 3 Д. 10499. Л. 31а. Титульный лист брошюры "Шараит-уль иман" ("Иман шарты"), изданной Б. Ваисовым в 1881 г., с печатью "Канцелярии".
(С. 72) № 17. НАРТ. Ф. 969. Оп. 1. Д. 50. Л. 12. Литографическое издание Б. Ваисова 1881 г..
(С. 95) № 18. НАРТ Ф. 1. Оп. 3. Д. 10499. Л. 67об., 64. Часть "Заявления", поданного в 1886 г. Юсуфом Файзуллиным и подписанного 11 дервишами и поверенными: дервиш Хамидулла Гизетулла оглы (Казань), дервиш Сайфутдин Сагадеддинов (Казань), дервиш Мухаммедхалим Мухаммедзакир оглы, дервиш Сибагатулла Нигматуллин (д. Биденьга), поверенный Галиулла Ибатуллин (Карашам), поверенный Ахметшах Ибрагим оглы, Ахметзян Абдуллатып оглы, Гильман Абдулфаизов, Мухаммед Мухаммедзян оглы, Мухаммед-Гайнанеддин Багауддинов Ваисов (Казань), поверенный дервиш Мухаммед-Юсуф Файзулла оглы. Прошение написано в связи с арестом и отправкой в Казанскую окружную лечебницу Юсуфа Гилязетдинова, сына Гилязетдина Гизатуллина.
(С. 96) № 19. НАРТ Ф. 969. Оп. 1. Д. 50. Л. 47, 47 об. Бланк "Свидетельства", выдаваемого "Канцелярией" в 1880-х гг. членам секты. Данное свидетельство было выдано на имя Ибрагима Юнусова.
(С. 107) № 20. ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 22551. Л. 26. Галяутдин Ваисов 1919 г.
(С. 109) № 21. НАРТ. Фотографический фонд. Оп. 12. № 3306. Гаян Ваисов. Вильно. 1930-е гг.
(С. 110) № 22. НАРТ. Фотографический фонд. Оп. 12. № 3300. Гайнан Ваисов (?). Начало XX в.
(С. 110) № 23. НАРТ. Фотографический фонд. Оп. 12. № 3301. Гайнан Ваисов. 1917 г.
(С. 111) № 24. НАРТ. Фотографический фонд. Оп. 12. № 3302. Абдулахат Гайнанович Ваисов (1905–1921). 1910-е гг.
(С. 117) № 25. НАРТ Ф. 969. Оп. 1. Д. 50. Л. 40. Визитка Гайнана Ваисова.
(С. 118) № 26. НАРТ. Ф. 420. Оп. 1. Д. 111. Л. 8, 8об. Бланк "Канцелярии". Начало XX в.
(С. 121) № 27. Титульный лист (с печатью Гайнана Ваисова) сочинения Ваисовых "Джавахири хикмати дарвишан". Казань, 1907, часть 1-я. (НБЛ КГУ).
(С. 132) № 28. Лев Николаевич Толстой в Ясной Поляне. 1908 г.
(С. 217) № 29. НАРТ. Ф. 41. Оп. 13. Д. 3. Л. 93–98об. Начальные страницы протокола экспертизы с переводом "Завещания" Б. Ваисова
(С. 244) № 30. Владимир Михайлович Бехтерев (ОРРК НБЛ ОРРК)

(С. 249) № 31. НАРТ. Ф. 52. Оп. 4. Д. 2227 Л. 82 Письмо, посланное Ш. Сайфутдиновым на имя А. Сайдашева в ноябре 1889 г., с приложением "Правил"
(С. 250) № 32 Ахметзян Яхьич Сайдашев
(С. 251) № 33 Галимджан Баруди
(С. 349) № 34. НАРТ. Ф. 41. Оп. 13. Д. 3. Оттиски металлических печатей.
(С. 395) № 35. НАРТ. Ф. 41. Оп. 13. Д. 3. Л. 93–98об. Начальная страница протокола допроса Г. Ваисова
(С. 483) № 36. Риза Фахреддин
(С. 515) № 37. Образцы оттисков различных печатей

(Передний форзац) Д.М. Усманова. Р.п. Старая Кулатка. 2005 г.; общий вид могилы шейха Джагфара аль-Булгари (Джагфара Салихова), расположенной на старом сельском кладбище. Р.п. Старая Кулатка. 2005 г.; надгробие на могиле шейха Джагфара аль-Булгари (фото автора)
(Задний форзац) М. Кемпер. Р.п. Старая Кулатка. 2005 г.; Михаэль Кемпер и Габбас Гирфанович Сиразеев. Д. Карашам. 2005 г.

Указатель имен:

'Абд ар-Рахман б. аз-Зубайир – 135
Абдалла б. аз-Зубайир – 85, 352
Абдрахманов Хасан Сабитов(ич) – 184
Абдулбадигов Абдулкаюм, имам – 73, 184
Абдулбадыгов – 345
Абдулвалеева (Валеева, Халитова) Шарипзямал, д. Беденьга – 97, 275, 280–281
Абдулвахидов Мухаммедгалей Болгарский – 279
Абдулвахидова Шамси-Зямал Ибрагимовна – 279
Абдулвахитов Гайфулла – 186
Абдулгатаров Сайфульмулюк – 185
Абдулгафаров Хасанулла – 185
Абдулджаббаров Хабибрахман – 361
Абдулкаримов Ногман – 184
Абдулла Мухаммед Кузаи – 459
Абдуллатифов (Абдуллатыпов, Абдуллин) Ахметзян – 73, 74 182, 183, 189, 191, 192, 204, 205, 358, 444, 489
Абдуллатыпов Шакир, д. Молвино – 282, 283, 367
Абдуллатыфов Ибрагим – 158
Абдулмеджанов Абдулхамид – 358
Абдулнасыров Галей – 184
Абдулсалямов (Абсалямов) Хуснутдин – 64, 149
Абдулфаизов Гильман (Фаизов Гильман, Гильманов Г.) – 128, 208, 209, 210, 213, 214, 339, 364
Абдулхаиров (Габдулхайрзаде) Идрис Фахруддинов, ст. Болотная (Томск) – 336, 357, 361, 362, 365
Абдулхамидов Абулладжан – 364
Абдурашитов – 457, 461
Абдюшев (Габдюшев) К.С. – 78, 137
Абдюшев (Габдюшев) Сайфулла – 78
Абдюшев (Габдюшев) Хидиятулла – 77–78, 137
Абу Ханифа Нугман б. Сабит (Имам Агзам) – 192, 278, 291, 461
Авиз Мухаммад Баба б. Назармухаммед – 277
Авиз Мухаммед Баба сын Назармухаммеда – 277
Авраам, пророк – 134, 214, 222, 273, 329, 429, 465
Адам – 278, 291, 314, 350, 410, 462
Адамов Муртаза Мухтар – 185
Адгамов – 347
Адыгамов Р. – 88
Азаматов Д.Д. – 164, 223, 236
Азимов Муртаза Мустафин – 184
Айдар-хан, булгарский хан – 134–135, 352
Айтуганов Исхак Идрисов – 185
Аккерман Илья Филиппович, врач-психиатр – 103, 289, 297-298
Акопов Татевос – 358
Аксанов Хисамутдин, д. Молвино – 282
Акчурин, симбирский купец – 40
Алкин С.-Г. Ш., адвокат – 140
Алтынбаев Валиулла, сотник – 279, 281
Амашев – 464
Амерханова Э.И. – 33
Аминев – 376
Амирханов Мустафа – 185
Амирханов Хусаин, имам – 73, 184
Анисимов Кирилл – 343

Ануфриев Степан Аникович – 465, 472
Апанаев Габдулла – 485
Апанаев Мухаммедвали Хусаинович – 158
Апанаев Мухаммедзакир Абдулкаримов – 184
Апанаев Мухаммедюсуф – 184
Апанаев Хусаин Шагиахметов – 158
Аппаков Сайфутдин – 185
Арсаев Хасан Губайдуллов(ич) – 185
Арсланов Галлям-бай – 185
Арсланов Исхак Мазитович – 184
Архангельская Т.Н. – 133
Асадуллин Ф. – 21
Афанасьев Спасский Василий – 166
Ахмадуллин Зиганша – 449, 468
Ахмаров Гайнетдин Назмутдинович – 12, 13, 139, 372, 377, 385,
Ахмаров Назмутдин – 12
Ахмедзянов (Ахмеджанов) Нурмухаммед – 475, 476
Ахмеров Шагбазгирей (Шагбаз-Гирей) Измайлович – 11
Ахметзянов М. – 137
Ахметзянов Хайрутдин – 184
Ахметзянова Л. – 32
Ахметов Мухаммедгазиз – 185
Ахметов Мухаммедшакир – 185
Ахметов Халим (Алим), д. Беденьга – 420–422
Ахтямов – 347
Ахтямова Биби-Фатыха – 158
Ахунов А. – 132
Ашмарин Н., казанский цензор – 12, 276–279, 471-472, 474, 475
Аюп (Аййуб, Иов), пророк – 198, 202
Бабаджанов Б. – 354
Бабушкин С.Д. – 248
Байрамгалеев Мухаммедгали (Мухамметгалей) – 97, 100, 102, 125, 127, 140, 141, 144, 146, 147, 253–260, 272, 364, 365, 367, 392, 394, 397, 448–450, 452, 454, 468– 475
Балтаев Челеккай – 336
Бальдауф Ингеборг – 33
Баруди Галимджан, ахун – 93, 94, 106, 250, 346, 369, 462–463
Батыршин Галей – 184
Батяйкин – 300
Бахимов (Бахилов) Зямалетдин – 280, 281
Баширов Камиль – 458
Баязитов Атаулла, ахун – 11, 41, 69, 215, 232
Баязитов, старшина – 454
Безменов В.М., помощник секретаря Казанского окружного суда – 286, 287
Бектемиров Абдулганей Галиакберов(ич) – 185
Беннигсен А. (Bennigsen A.) – 22
Бехтерев В.М., врач-психиатр – 241–246
Биби-Ямиля Мухамедьяровна – 53, 196, 216, 488
Бигаев Галиоскар Сафин – 186
Бикбулатов Мухамедьяр – 149, 433–434, 437, 439, 440
Бикмухаммедов Мухаммедсадык – 186
Бикмухаммедов Рахманиаз, с. Иолотань, старшина – 372, 374, 382, 391
Бикмухаммедова Бибифатыма – 374
Бикчентаев Габдулсаттар, д. Карашам – 78, 288
Блинов, владелец мельницы – 279
Бобровников Владимир – 33
Боркотов Фома Андреев – 358
Боткин С.П. – 241

Боткин Я.А., врач-психиатр – 81, 241, 242, 245
Брусничкина Мария Васильевна – 336, 337, 392, 397
Булгаков, пристав – 249, 251, 252
Бурматов, пристав – 438
Бухов М.С. – 143
Вагапов Иксан Вахитов – 186
Ваисов (Хамзин) Сиразетдин Хамза оглы – 53
Ваисов Абдулахат-Газы Гайнанович – 111, 346, 371
Ваисов Абдулкарид-Газы Гайнанович – 111
Ваисов Абдулсамат-Газы Гайнанович – 111
Ваисов Багаутдин Хамза оглы – 2–5, 8–111, 14, 17, 18, 20, 22–28, 30, 32, 34–36, 41–97, 100, 103, 106, 107, 110, 112–116, 120, 122, 124–126, 129, 134, 136, 137, 142, 144, 147, 151–158, 162–170, 173, 176–184, 187–193, 195–215, 216–217, 219–226, 234, 235, 238, 239, 250, 257, 258, 260–275, 280–281, 283, 285, 286, 289–290, 292, 293, 295–297, 301, 303–306, 311, 316–319, 323, 328, 348, 351–353, 357, 359, 361, 366–370, 373, 375, 378–381, 384–386, 391, 401–405, 409–418, 423, 426, 428–432, 441–447, 455–457, 461, 464, 470, 473, 474, 479, 481–493, 486–491, 496–498, 506–512, 516–519
Ваисов Газизян Багаутдинович – 3, 17, 22, 30, 31, 41, 51, 57, 60, 61, 90, 106, 117, 141, 146, 150, 217, 219, 223, 333, 362, 364, 372, 381, 420–423, 426, 427, 447, 488
Ваисов Гайнан (Гайнанетдин, Гинанутдин) Багаутдинович – 2–5, 8, 9, 12, 14–22, 24–26, 28–30, 43, 49, 52, 55, 57, 60, 61, 65, 76, 77, 80, 82–91, 98, 106–124, 127–130, 132–142, 144, 157, 217, 219, 222, 223, 281, 283, 299–303, 310–318, 321, 322, 325, 326–348, 350–364, 366, 368–395, 398, 399, 401, 403, 404, 406–408, 415, 443, 446, 447, 456, 457 , 460, 461, 464, 470, 482, 488, 497, 512, 518, 519
Ваисов Галяутдин Багаутдинович – 29, 55, 59, 106–108, 112, 140, 141, 143, 144, 217, 219, 223, 281, 333, 364, 373, 381, 392, 394, 397, 404, 405, 496, 483, 488
Ваисов Гаян (Мухаммедгаян) Багаутдинович – 8, 16, 18, 28, 47, 51, 54, 60, 106–109, 132, 137, 140, 141–146, 217, 219, 223, 277, 281, 333, 373, 381, 392, 394, 397, 398, 400, 408, 420–424, 447, 488
Ваисов Гаянетдин Багаутдинович – 58, 59, 159
Ваисов Гинаятелхак-Валидин Багаутдинович – 59
Ваисов Махмуд Сардарович (Гайнанович) – 145
Ваисов Мидхат Сардарович (Гайнанович) – 18, 19, 43, 122, 145
Ваисов Мухаммед-Джалялетдин Багаутдинович – 59
Ваисов Мухаммед-Зыяддин Багаутдинович – 59
Ваисов Салахетдин Багаутдинович – 60, 61, 91, 106, 216, 281, 381
Ваисов Хамза – 52, 196
Ваисов Шаха-Шагаутдин ас-Салис Багаутдинович – 59, 157
Ваисов Шаха-Шагаутдин Багаутдинович – 59, 157
Ваисов Шаха-Шагаутдин Факыя Сани Багаутдинович – 58, 59, 157, 496

Ваисова (Габдулгафарова) Бадигуль-Джамал Субханкуловна, жена Б. Ваисова – 55, 56, 59
Ваисова (Габдуллина) Сарви-Джамал Мухаммедаминовна, жена Б. Ваисова – 55, 56, 58, 59
Ваисова (Гайнуллина) Биби-Хатыма, жена Г. Ваисова – 111, 333, 358, 377, 391, 396
Ваисова (Гайнутдинова) Биби-Сайран, жена Г. Ваисова – 111, 112, 145, 333, 371, 374, 381, 382, 391, 396
Ваисова (Гатауллина) Биби-Гайша, жена Г. Ваисова – 111, 112, 371, 374, 391, 396
Ваисова (Халитова) Биби-Гайни-Джамал (Биби-Замал) Абдуллатыфовна, жена Б. Ваисова – 54, 55, 57, 60, 94, 96, 108, 127, 142; 216, 224, 280, 281, 369, 381, 446
Ваисова (Халитова) Биби-Фаиза Абдуллатыфовна, жена Б. Ваисова – 55–59, 72, 74, 82, 157, 159, 173, 178, 496
Ваисова Асаф Гаянович – 108
Ваисова Бану Гаяновна – 108
Ваисова Биби-Гайнел-Джамал Багаутдиновна – 59, 159
Ваисова Биби-Камал Шамсутдиновна, жена Б. Ваисова – 55, 58, 59, 91, 157, 496, 497
Ваисова Биби-Сазида Багаутдинович – 60
Ваисова Биби-Умма-Гульсум Гайнановна – 111, 371
Ваисова Биби-Шамси Фахри-Бану Багаутдинович – 59
Ваисова Биби-Эльма-Гаяна Багаутдиновна – 59, 157
Ваисова Гайнел-Камал Багаутдиновна – 59, 159
Ваисова Назыф Гаянович – 108
Ваисова Рауза Гаяновна – 58, 108
Ваисова Сахиб-Джамал Багаутдиновна – 59
Ваисова Умме-Камал Багаутдиновна – 58
Ваисова Фарида Гаяновна – 108
Ваисова Хаджар Гайнановна – 59
Валеев Р.К. – 21, 32, 43, 132, 516
Валеев Ф.Т. – 148
Вали б. Мухаммад аль-Амин аль-Каргалы – 45
Валитов Ахметхан Галеев – 184
Валитова Гильмизямал, д. Молвино – 288
Валиуллин (Валилулин) Хасбиулла – 467
Валиуллин Бикман – 140
Валиуллин Х. – 141, 141, 144
Валиуллин Хайрутдин – 143, 364, 370, 392, 394
Валкенштейн А.А. (Волкенштейн А.А.), врач – 297, 298, 315
Валуев Аркадий Михайлович, губернатор Сахалина – 312, 313, 316
Васильев Иван, писарь – 173
Васильев Матвей – 253
Василькевич С. – 260
Вафин – 340
Вахитов Набиулла – 433
Веригов М. – 459
Викторов О.С. – 240
Вильсон Вудро, президент США – 127, 479
Виноградов, помощник секретаря суда – 301
Габдрахимов Мухаммедкарим (Мухаммед-Карим б. Габдрахим) – 36
Габдулвалеев – 347
Габдулгаффар б. Мирфакир – 264
Габдулджаббаров Хабибрахман – 357

Габдулисламов Габдулнасыр (Габдулнасыр б. хазрат Габдулислам) – 40
Габдулкаюм (Абдулкарим) Мухаммед Ибрагим Суфа оглый, мулла – 354
Габдуллатиф б. Яхуда – 40
Габдуллатыфов (Латыфов) Ахметзян – 286, 287
Габдуллин Хафиз – 342
Габдулфаизов (Абдулфаизов) Гильман – 339, 364
Габдулхай Мухамет-Ибрагим Ходжа Оглы – 338
Габдулхалик (Абдулхалик) аль-Балликуллы аль-Булгари – 39, 45, 197
Габдюш б. Гыйбаддин – 78
Габидуллин Хамидулла – 156
Гаврилов, делопроизводитель – 477
Гадиатуллов (Гафиатуллов) Асадулла, д. Беденьга – 420, 422, 423
Гадыльшин (Гадельшин) Мубаракша – 132, 140, 141, 144, 319, 364, 375, 392, 394, 397
Газеев И. – 174
Газенвинкель К.Б. – 240
Гайнеддинов Лукман – 381
Гайнетдинов М. – 20, 28, 32, 49, 69, 84, 120, 122
Гайнуллин Зайнулла – 375
Гайнуллин Сафиулла – 158, 209, 211
Гайнуллин Тимиргалей – 369
Гайнутдинов Мухаммедхасан – 184
Гайнутдинов Шарафутдин – 185
Гайсин Габдулла (Габдулла б. Гайса), имам – 37, 38, 40, 153, 492
Гайсин Гали (Гали б. Гайса), имам, Ханская Орда – 484
Гайфуллин Ярулла – 361
Галанская Биби-Асма – 158
Галанская Биби-Гайша Ахметов(н)а – 158
Галеев Мухаммедзян Ибниямин-ович – 184
Галеев Мухаммедсадык – 185
Галиакберов – 241, 244
Галимов Хамидулла – 454
Галиуллин Зайнулла – 433
Галиуллин Залялютдин, д. Карашам – 288
Галкин-Врасский Н.Н. – 240, 247
Гарнати (аль-Гарнати) Абу Хамид– 135
Гарун ар-Рашид – 125
Гатауллин – 347
Гатауллин Файзрахман – 364
Гафуров Абдулнасыр – 209–211, 213–214
Герасимова – 341
Гибатуллин – 302, 303
Гизатуллин (Гизатулла оглы Ильбулгари) Габдулла – 364
Гизатуллин Гилязетдин – 94, 95, 272, 285
Гизатуллин Хамидулла – 95
Гильманов Габдулла (Гильман б. Габдулла) – 98, 99, 128, 432, 433
Гилязетдинов Юсуф – 95
Гимадуддинов Салахутдин – 363
Глен (фон Глен), мировой судья – 173
Гордов Н.Л., секретарь суда – 299
Григорьев С.А., член Казанского окружного суда – 286
Губаев Ибниямин – 184
Губайдуллин (Кубайдуллин) Мухамедзян – 186
Губайдуллин Бурхануддин – 367
Губайдуллин Загидулла – 342, 367
Гулькин Дионисий Петрович – 130, 418
Гумеров Мухаммедзян – 379
Гумеров Мухаммедрахим – 432, 433
Гусев Н. – 337
Давидович Е.А. – 382
Давлетшин Давлетгирей (Гирей), Астрахань – 365
Дамбит, корреспондент газеты "Русское слово" – 342
Даутов Зиганша Мустафин – 186
Даутов Измаил – 185
Демидов Петр – 54
Джагфар б. Габди – 45
Джагфаров Курбангалей – 137, 420–424
Джагфаров Насретдин – 146
Джагфаров Сиразетдин – 139, 420–424
Джунган-шах (Джиган-шах) – 277
Диллон М.Л. – 240
Динмухаммедов Ишмухаммед (Ишми-ишан), имам – 424–425
Добронравов Михаил, урядник – 279, 281
Домбровский, владелец типографии – 457–460
Дублицкий Н.А., член Ашхабадского окружного суда – 299
Думави Назиб, поэт – 459
Елачич М.Ф., член Казанского окружного суда – 286
Еникеев Сафиулла Курамшевич, пристав – 92, 236
Еремеев – 458
Ермолаев – 341
Ефремов Никита – 253
Жирнов Василий, крестьянин – 335
Завадский В.Р., товарищ прокурора – 247
Загибалов, мировой судья – 173
Загидуллин И.К. – 80
Загидуллин Хабибулла – 364
Зайнуллин Гали (Галей Зайнулла Оглы) – 340
Зайнуллин Ибрагим – 136, 140, 142, 144, 346, 358, 359, 364, 369, 381, 382, 392, 394, 397
Зайнуллин Тимергали – 149, 361, 363, 372, 377, 381, 475
Закржевский, пристав – 438
Залесский Н.П. – 240
Залялетдинов Халялетдин – 74, 191–193, 282, 378
Зарипова Л. – 21, 109
Зарубин Петр Иванов(ич) – 358
Зверев М.И., член КОС – 248
Зубайир б. Джа'да – 134, 135, 352
Зуннун Уста Мухаммед Нияз Оглый, мулла – 353, 354
Зюмагулов Сайфутдин – 100
Зюмагулова Асхаб-Джамал Минлебай кызы – 100
Зябиров Шакирзян – 208, 213–214
Зялялетдинов Хаялютдин, д. В. Ураспуги – 70, 269, 270
Ибатуллин Бикмулла – 449, 450, 468
Ибатуллин Галиулла – 78, 100, 288
Ибетуллин Валиулла, д. Карашам – 288
Ибиуллин Халиулла – 286, 287
Иблиаминов (Ибаминов) Хасан, д. Городище – 288
Ибрагим Хакки – 346
Ибрагимов Ахметша – 94, 267, 280, 281, 446
Ибрагимов Габдрашид – 368, 459
Ибрагимов Исхак – 185
Ибрагимов Мухаммедгалей – 379
Ибрагимов Тазютдин – 459
Ибрагимов Хабибулла – 357, 381
Иван (Иоанн) Грозный – 47, 141, 388
Иванов – 240
Иванов Аполлон – 404
Иванов Петр – 152, 156
Иванович, пристав – 299, 300

Игнатьев П.Н., министр внутренних дел – 177
Идрисов – 462, 463
Ижбаев Назмутдин Ишмухамет оглы (Ишмухаметов) – 94, 97, 102, 113, 127, 224, 226, 237–246, 248, 271, 272, 277, 359, 518
Измаилов Абдулла – 364
Иисус (Гайса), пророк – 85, 195, 292, 312, 314, 315, 412, 429
Иликеев Зюмагул – 99
Ильин Н.С. – 133
Ильинский, волостной старшина – 226
Ильминский Н.И. – 11, 74, 75, 188, 445
Ильясов (Ильязов) Амин – 185
Иманбай Бурджена Оглы Булгари – 336
Иманкулов Абдулгани (Габдулгани б. Габделвахаб б. Иманкул), имам – 56
Иманкулов Измаил Губайдуллин – 185
Иманкулов Мухаммедсадык, имам – 29, 138, 387
Имендеров Исхак Шарафутдинов(ич) – 185
Иосиф Прекрасный – 198, 202, 268
Искандеров Ибрагим Шарафутдинов – 185
Исмагилов Габдулла – 358, 375
Исхаков (Искаков) Абдулхалик – 185
Исхаков (Искаков) Гисматулла – 185
Исхаков Мухаммедвафа, муэдзин – 60
Ихсанов Хасан – 449, 450, 468
Ихсанов Хусаин – 449, 468
Ишмурзин Сатдык – 209
Ишмухаметов Шагиахмет – 184
Кабашев Халиулла Хабибуллин – 186
Кабули (аль-Кабули) Фаизхан, шайх – 39, 45
Кадыров – 460-461
Казаков Фуад – 250
Казем-бек А.К., исламовед – 10, 67–68, 174
Казем-Бек, член Казанского окружного суда – 286
Каримовы, книгоиздатели – 332, 380, 455–464
Карпов, ординатор клиники – 263
Касимов Зифа – 458
Касьянов А., секретарь суда – 301
Катанов Н.Ф. – 4, 12, 13, 14, 16, 17, 43, 49, 76, 77, 90, 134, 139, 216, 223, 326, 331, 332, 344, 347, 349, 351, 360, 365, 366, 371, 382, 407, 454, 460, 465, 516
Катеев – 449
Кашкаев Юсуф – 361, 362
Келькеже Ш. (*Quelquejay Ch.*) – 22
Кемпер М. (*Kemper M.*) – 2, 22, 23, 28, 32, 33, 36, 37, 45, 46, 49, 77, 84, 86, 87, 88, 129, 154, 289, 516
Киевский Егор Осипович – 209, 210, 211
Киевский Иван Осипович – 209–211, 214
Кильдишев Абдулла – 12–15, 29, 109, 138, 361, 366, 387
Климович Л. – 16, 17, 22, 46, 516
Кныш А.Д. – 45
Козихин, домовладелец – 224, 237, 242, 243
Комаров Григорий Григорьевич – 335
Королев Поликарп, урядник – 279, 281
Котляревский, прокурор Казанского окружного суда – 193

Кочкарев – 241, 244
Краус Р.К., член Казанского окружного суда – 248
Кричинский Леон – 18
Крупенников Н.П. – 240, 247
Крус Р. (*Crews R.*) – 23
Кугашев Г. – 459
Кузнецов В.П. – 81
Кукушкин Степан – 470, 475
Кулиев Шакир-Абдулджабар, имам – 73, 184
Купидонов Петр Гаврилович, пристав – 209, 211–214
Куприянов, мировой судья – 173
Курманбай Иманбай Оглы – 336
Курманов Назыр – 433
Курсави Г. – 425
Кучевский, урядник – 438
Кучумхан Абуталеб Габдульман – 357,
Кучюм-хан – 339
Кушаев – 341
Кюгельген (фон Кюгельген) А. – 45
Ландау Лев Александрович, врач-психиатр – 103, 297, 312, 315
Латыпов Шакур, д. Молвино – 278, 288
Лахитов Абдрахман – 280, 281
Лебедев – 341
Левчаткин В.И. – 81
Лежепеков – 438
Лесин – 341
Либерман Николай Виссарионович (Абдурахман Абдуллаев Либерман), бакинский мещанин – 338, 342, 373
Лиманов И. – 459
Литвин А.Л. – 21
Лорис-Меликов М.Т., граф, министр внутренних дел – 168, 169
Магдеев М. – 20
Маевский М.М., психиатр Казанской психиатрической лечебницы – 58, 90, 260
Мазитов Латиф – 184
Маковицкий Д.П. – 133
Максимов, штабс-капитан – 199
Максуди Садри, депутат Государственной думы – 27, 130, 418
Максуди Хади (Ахмед-Хади) – 484
Максудов Сафа, ахун – 484
Малеванный К. – 133
Малов, непременный член присутствия Казанской судебной палаты – 340
Малышева С.Ю. – 21, 33, 109
Мамяшев Рахматулла Губайдуллин – 186
Мандельштам – 138, 191, 334
Мансур – 442
Мансуров Ал. – 343
Марджани (Багаутдинов) Бурхануддин, имам – 485
Марджани Шигабутдин (Ш. Багаутдинов), ахун – 11, 40, 56, 57, 73, 184, 425, 483, 486
Масагутов Мифтахутдин – 63, 64
Матвеев – 341
Махди (Мухаммед б. Ахмед) – 85, 378
Махди, коранический персонаж – 85–88, 292
Мезитов – 355
Мейер М.С. – 126
Меликов Абдултелиб – 433–434, 437, 439–440
Мельников Константин Николаевич – 211
Мержеевский И.П. – 357
Миловидов А.К. – 248
Миловский, врач – 181
Мингазютдинов – 455
Миндубаев Валиулла, д. Карашам – 288
Миндубай, азанчей - 159

Миннибаев Мисалим – 374
Миннуллин З.С. – 33
Мифтахетдин(ов) Галяутдин – 433
Мишкин, казанский купец – 175
Моисей, пророк – 429, 459, 462
Молоствов Владимир Германович – 132
Молоствова Елизавета В. – 14–17, 57, 82, 132–134
Морозов Михаил Петрович - 339
Морозов Петр – 102, 289, 298, 312–316, 320–339, 341, 368, 378, 379, 384, 402, 409, 410, 417, 418, 426, 430
Морозова Анна Петровна – 298, 338, 379
Морозова Марфа – 298, 338, 3679
Морозова Татьяна Петровна – 298, 338, 339, 341, 379
Мотика Рауль – 33
Музаффаров Зариф (Зариф Мозаффари) – 16, 17
Музаффаров Хузиахмет, имам – 73, 174
Мукминов Миргалей – 185
Муллин Бурганутдин – 186
Мургалимов Мухаммедгалей – 186
Мусин Гайса – 186
Муслимов Абдулгафур – 462–463
Мустаев Фахретдин, имам – 137
Мустафин Тазетдин (Тазетдин б. Мустафа б. Рамазан б. Ишнияз ал-Ашнаки) – 46
Мустафина Д.А. – 33
Мухамедьяр-хазрат, ахун – 53, 488
Мухаммед, пророк (Магомет) – 52, 85, 86, 87, 88, 115, 116, 134, 135, 136, 170, 172, 193, 195, 215, 218, 222, 223, 235, 268, 269, 272, 279, 290–293, 299, 303, 308, 318, 327, 348, 352, 353, 367, 368, 373, 385, 386, 388, 389, 393, 403, 410–412, 427, 429, 440–442, 459, 462– 464, 480, 519
Мухаммедамин б. Габдулла – 56
Мухаммедгалеев Ахметхан – 140, 141, 144, 364, 366, 368, 392, 394
Мухаммедгалеев Валей (Шаххором) – 364
Мухаммедган Мухамет-Рахим Оглы – 339
Мухаммеджанов (Мухамедзяно) Бикмулла – 371, 389
Мухаммедзакиров Мухаммедхалим – 95
Мухаммедзянов Ахмеджан (Ахмедзян) – 363, 475, 476
Мухаммедзянов Нурмухаммед (Мухаммедзян оглы Булгари), Самара/Казань – 115, 286, 287, 288, 357, 358, 363, 364, 367, 373, 392, 394, 397, 402
Мухаммед-Карим б. Габдрахим – 38
Мухаммедкаримов Мухаммед-Рахим – 186
Мухаммедкасымов Хусянзян – 146, 451, 453, 454, 469– 471, 473–475
Мухаммедкулов Мухаммедфаиз – 101
Мухаммедлатыфов Мухаммедшакир – 374, 375
Мухаммедрахимов (Рахимов) Мухамедша – 375
Мухаммедрахимов Билялетдин – 369, 389, 391
Мухаммедрахимов Мухамеджан – 362, 433
Мухаммедрахимов Мухаммедкарим (Мухаммед-Карим б. Мухаммед-Рахим) – 51, 177, 488
Мухаммедсадыков Насибулла – 357, 361
Мухаммедшакиров Мухаммедгирей – 361

Мухаммедшин Ахметгирей – 140, 142, 144, 358, 364, 381, 392, 394, 397
Мухаммедьяров Мухаммедгалим – 101–102
Мухамметзянов – 241, 243
Мухаррамов Галлям, сельский староста – 467, 474
Мухаррамов Мухаметша – 371
Мухтаров Абдулла – 279
Мухтаров Багауддин Болгарский – 279
Мухтаров Галиахмед – 279
Мухтаров Гаянуддин – 279
Мухтаров Имамуддин Багауддинович – 279
Мухтаров Калимулла – 279
Мухтаров Кутлугахмед – 279
Мухтаров Мугинуддин Багауддинович – 279
Мухтаров Шарафуддин – 279, 363
Мухтарова (Тагирова) Лутфи-Камал – 279
Мухтарова Биби-Гайни-Бану Багауддиновна – 279
Мухтарова Биби-Камал Багауддиновна – 279
Мухтарова Биби-Фахима-Бану – 279
Мэйдзи (=Му-Сахид?), японский император/микадо – 310
Надеждин Яким (Аким) Иванов – 252
Наживин Иван Федорович – 133, 337, 343, 353, 362, 369, 391
Назирова Биби-Гайша Мухамметгалеевна – 63, 156
Назметдин б. Ахмед ал-Астрахани – 40
Назмутдинова Рабига – 466, 468
Накшбанди Багаутдин, шайх – 39, 45, 67, 68, 175, 194, 276, 442
Насибуллин Хабибулла – 468
Нафиков Биктагир, полицейский – 209–211, 213, 214
Нечаев П.В., ординатор – 239, 276
Нигматуллин (Негаматуллин) Назмутдин – 185, 392
Нигматуллин Зайнулла – 142
Нигматуллин Сибагатулла – 95, 140, 141, 144, 281, 364, 366, 392, 394, 397
Никитин Гавриил – 253–255
Никонов, волостной писарь – 474
Нофаль И.Г., цензор – 10, 41, 67, 68, 169, 176
Нурлинов Чаныр – 433
Нурутдинов Ф.Г. – 20, 109, 110
Окунь – 341
Оразов – 300
Панфилов, полицмейстер – 286
Пахомов, домовладелец – 343, 394
Петерсон Н.П., член Ашхабадского окружного суда – 299
Петраш Ю.Г. – 6, 7
Петров Аверьян – 162
Петрунов Владимир – 338
Пинегин М.Н. – 326
Пиотровский М. – 85
Плотников, старшина – 437–439
Погоевский А.Г. – 410
Попов, секретарь ОМДС – 162, 164
Прозоров С.М. – 6
Рагозин Л.Ф. – 81, 357
Радлов В.В. – 76, 77, 235
Разумов Е.Г., пристав – 138, 334, 335, 385, 387, 407
Раимов Измаил Темирбулатович – 183, 189
Рамеев Мухаммедшакир – 27, 483
Рамзи Мурад (шайх Ишмурад) – 43, 481
Рамов Ахмед Мусин – 186
Рафиков Исхак – 184
Рахим Гали (Гали Рахим, Габдрахимов Гали

Мухаммедшакирович) – 489
Рахманкулов – 241, 244
Рахманкулов Мифтахутдин – 186
Рахматуллин Ахметзян – 186
Рахматуллин Халиулла – 184
Рачипов Мухаммедьяр – 433
Рейнгардт Н.В., присяжный поверенный – 240
Розенштейн, пристав – 212
Романов Александр Александрович, император Александр III – 71, 76, 177, 203, 224, 225, 237, 238, 262, 328–329, 352, 357, 361, 366, 367, 369, 401, 409, 413, 414
Романов Александр Николаевич, император Александр II – 46, 48, 66, 69, 71, 84, 125, 144, 197, 198, 200, 203, 262, 290, 292, 293, 304, 323, 328, 329, 370, 409, 413, 465–468, 470, 487
Романов Михаил Николаевич, великий князь – 426, 428
Романов Николай Александрович, император Николай II – 117, 223, 278, 290, 293, 295, 311, 317, 321, 322, 326, 329, 351, 356, 368–370, 413, 416, 424, 428, 475, 478
Романов Хасан Ахметов(ич) – 148
Романова Александра Федоровна, императрица – 426
Романова Мария Николаевна, великая княжна – 428
Романова Мария Федоровна, императрица – 71, 176, 426, 428
Романова Ольга Николаевна, великая княжна – 426, 428
Романова Татьяна Николаевна, великая княжна – 428
Рябчиков, товарищ прокурора – 248
Сабиров Хамат – 186
Савельев, околоточный надзиратель – 355
Сагадеев Сиразетдин Шамсутдинов(ич) – 184, 185, 186
Сагадеев Шамсутдин Сагадутдинович – 174, 175
Сагадуддинов (Сагдутдинов) Сайфутдин – 95, 102
Сагадуддинов Гилязетдин (Гиляюддин) – 368
Сагидуллин М. – 4, 5, 8, 13, 16, 17, 49, 80, 82, 516
Сагими (аль-Сагими) Ахмед, шайх – 185
Сагитов Абдулхамит – 377
Сагитов Мухаммедюсуф, имам – 73, 184
Садыков Мухаммедшах – 277
Садыков Мухамметвалей – 186
Сайдашев Ахметзян Сагитов – 186
Сайдашев Ахметзян Яхьич – 19, 29, 43, 92, 94, 121, 184, 249–252, 327, 354, 366, 369, 406, 407
Сайдашев Мухаметзян – 369
Сайдашев Шаги – 347
Сайфутдинов (Шигабутдинов) Кашафутдин Шигабутдинович – 100, 101, 277, 432, 463
Сайфутдинов Зилли-Султан Шигабутдинович – 100, 101, 432, 453, 465
Сайфутдинов Мингазетдин, д. Молвино – 140, 142, 144, 277, 282, 283, 288, 367, 397
Сайфутдинов Нурутдин – 208, 213–214
Сайфутдинов Салахутдин – 100
Сайфутдинов Шигабутдин (Шигабутдин Сайфутдин оглы Зюмагулов), д. Карашам – 8, 91, 92, 94, 99, 100–103, 106, 113–120, 127, 129, 130, 131, 141, 143, 144, 146, 147, 152, 195, 224-226, 248–252, 257, 276–278, 289–291, 293, 295, 297, 298, 310–312, 316–317, 320, 338–339, 361, 362, 366, 367, 370, 375–392, 394, 397, 400, 408, 413-420, 424, 426, 428–430, 432, 448, 451–454, 461, 465, 467–474, 477–478, 513–514, 518
Сайфутдинова (Ахметшина) Биби-Нагима – 100, 453, 465
Сайфутдинова Биби-Василя Шигабутдиновна – 100, 453
Сайфутдинова Биби-Зайнап Шигабутдиновна – 100
Сайфутдинова Биби-Нафиса-Бану – 100, 277
Сайфутдинова Мухиб-Джамал – 100, 174
Сакеев Мухаммед, имам – 73, 183
Салих б. Хамидулла – 38
Салихов Абдулгаллям, имам – 73, 183
Салихов Гариф – 38
Салихов Губайдулла – 38
Салихов Джагфар-ишан (Джагфар ал-Кулаткалы) – 2, 10, 36–40, 42–46, 48–51, 58, 61, 67, 70–72, 153, 170–172, 196, 197, 382, 444, 481, 487, 489, 492–495, 518
Салихов М.-В. – 94
Салихов Мухаммеджан Джагфарович – 39
Салихов Мухаммедшакир – 185
Салихов Р.Р. – 42, 64, 73, 425
Салихов Садык – 38
Салихова (Султанова, Аюпова) Гульфира – 39, 40
Салихова Бадигульджамал – 39
Салихова Биби-Муршида – 37, 40
Салихова Бухария – 38
Салихова Васифаджамал – 39
Салихова Хабибджамал – 39
Салихова Хадича – 38
Салихова Халима – 38
Салихова Ханифа – 38
Саниев Мухаммед, имам – 73, 183
Сарыпов Абдрахман – 433
Сеитов Хуснутдин Гумерович (Хуснутдин б. Гумер ас-Суксуви) – 40–42, 58, 64, 159
Сеитов Шакир Хуснутдинович – 42, 58, 64, 65, 73, 158–160, 162, 184
Сейфуддинов (Сайфутдинов) Хаялетдин – 276
Сейфульмулюков Сейфуддин – 276
Селиванов Алексей Алексеевич, член Государственной думы – 130, 418
Селим, султан – 46
Семенов, пристав – 287
Сергеенко – 347
Сибгатуллина А.Т. – 33
Сибирцев, урядник – 438
Сиразеев Габбас Гирфанович – 99
Сирхинди Ахмад, шайх – 45, 227, 289
Скворцов, пристав – 477
Слепов, околоточный – 335
Слива В.М., товарищ прокурора – 299
Смирнов А.В. – 342
Смирнов В.Д., цензор Главного управления по делам печати – 11, 71, 178, 179
Сомов, пристав – 449, 473
Сперанский Д.М., член Казанского окружного суда – 286
Степанов Григорий – 347, 402
Степанянц М.Т. – 6
Столыпин П.А., премьер-министр Российской империи – 356
Стопани, земский начальник – 283
Стрижевский М.В., губернатор Казанской губернии – 340
Ступин – 300
Субханкул б. Габдулгаффар – 56
Сулейманов – 345

Султанов Айюб – 39
Султанов Мухаммедвасим – 461
Сыртланов Галиаскар (Гали-Оскар) Шахайдарович, депутат ГД – 131, 342
Сюняев – 347
Сююмбике, царица – 461
Тагиров – 345
Тагиров Ш. – 92
Тагиров, торговец – 285
Тазетдинов Мингаутдин – 363
Талха б. Усман – 135
Тарановский Г.Н., чиновник ДДДИИ – 440, 480
Тахавиев – 403
Тевкелев С.-Г., муфтий ОМДС – 10, 62, 69, 162, 164, 236, 489
Терегулов В. – 92
Тилли, владелец типографии – 464
Тимашев А.Е., министр внутренних дел – 62
Тимергалиев Нургали – 149, 150, 363–365, 475, 476
Тимиргалеев Давлетша – 363
Тимиргалеев Халиулла, д. Карашам – 288
Тимофеев Н.А. – 248
Тихметов Сиразетдин – 209–211, 213, 214
Тлавли Салагеджан – 357
Тмулин Чиликкай – 336
Толстой Л.Н. – 8, 15, 16, 18, 20, 109, 131, 132, 133, 137, 332, 337, 342, 343, 362, 391
Трегубов Иван Михайлович – 337
Трепавлов В.В. – 47
Трутнев, судебный исправник – 173
Туй-бике – 134, 135, 352
Туйкин (Тойкин) Вали – 92 , 249, 251, 252
Тукай Габдулла – 18, 43, 122, 345
Тухватуллин Гайнулла – 449
Тухватуллин Гарифулла – 361
Укаев Зиганша – 277
Уманец С.И. – 278
Усманов Зайнулла – 185
Усманов М.А. – 3, 40, 135, 137
Усманов Хабибулла, имам – 73, 183
Усманов Ш. – 459
Усманова Д.М. – 13, 23, 32, 34, 86, 90, 109, 126, 129, 154
Усманова С.З. – 3
Утнузов Галиакбер Шайахметов – 176
Утыз-Имяни Габдрахим, поэт – 45, 88
Утямыш-Гирей – 461
Утямышев Мухаммедгариф Ибрагимович – 185
Фаизханов Хусаин – 40
Файзуллин Мухаммедюсуф – 80, 94, 95, 98, 99, 113, 128, 208, 213, 214, 276, 277, 284, 339, 364, 368, 376, 379, 381, 432–433, 518
Файзуллин Шайхутдин – 185
Файруша (Фируша), мулла, ст. Серебрянская – 362, 379
Фархшатов М.Н. – 33, 198
Фаткуллин Гизятулла (Фатхуллин), д. Молвино – 282, 283
Фаткуллин Мухтар (Фатхуллин, Фатхулла оглы), д. Молвино – 282, 288
Фаткуллин Фазлулла (Фатхуллин Фазлый), д. Молвино – 282, 288
Фаткуллин Хамидулла – 209, 210, 211, 214
Фатхулла б. Валид аз-Задвари – 40
Фахреддин Ризаэддин (Риза) –2, 26–28, 37, 39, 40, 42, 46, 51–53, 57, 61, 69, 153, 481, 483, 491, 492, 516
Фахрутдинов Идрис – 357
Фахрутдинов, д. Сююндюкова – 159
Федоров Николай, нотариус – 166

Федосеев, секретарь – 340
Феофанов – 241, 244
Феткуллов (Фетаулов) Рахметулла – 279, 281
Франк А. (*Frank A.*) – 22, 33, 39, 135, 137, 516
Фрезе А.У. – 81
Фролова С.А. – 132, 133
Хабибуллин (Хайбуллин) Саидбаттал – 94, 224
Хабибуллин Ахмедхарас – 380, 391
Хабибуллин Ахметшакир – 380, 391
Хабибуллин Г. – 147
Хабибуллин Галяутдин – 357
Хабибуллин Гилязутдин (Галяхутдин) – 357, 449, 450, 452, 455, 456, 467–469, 473–475
Хабибуллин Н. – 186
Хабибуллин Хасан – 185
Хабутдинов А.Ю. – 21
Хазиков Закир – 277
Хайбуллин Сабит Сахипов – 185
Хайбуллин Салахутдин – 185
Хайбуллин Хусаин, д. Молвино – 288
Хайрутдинов Р.Р. – 42, 64, 73
Хакимов Абдулвалей – 449–450, 466, 468
Хакимов Абдулгали – 74, 191–193
Халидов Мухаммедзакир, имам – 73, 184
Халиков Мухамеджан – 448, 449
Халим Бурда, мулла – 368
Халимов Мухаммедкарим – 74, 191–193
Халитов Габдуллатиф (Абдуллатиф) – 3, 22, 40, 41, 57, 64, 67, 69, 108, 159, 165, 171, 206–209, 213, 214, 224, 279, 443, 486, 489
Хамидов Шакирзян – 464
Хамидуллин Гизатулла (Гизетулла Хамидулла Оглы), г. Казань – 79, 112, 116, 147, 284, 286, 287, 326, 329, 353, 355, 357, 363, 364, 370
Хамидуллин Фазлулла – 286, 287
Хамидуллина Биби-Магрифа – 284
Хамитов – 350
Хансуваров Абдулвахид б. Хабибулла – 38
Хансуваров Хабибулла (Хансувар б. Хабибулла б. Нугай) – 37, 38
Харитонов – 366, 463
Хасанов Мухаммедсадсир – 458
Хватов, надзиратель – 253
Хиляль – 216
Хисаметдин бин Шарафутдин аль-Булгари Муслими – 134, 137
Хисаметдинов Незаметдин – 420, 423
Хисаметдинова Гайнизамал – 420, 423
Хисамутдинов Хуснутдин – 185
Хисамутдинов, военный имам – 69, 183
Хисамутдинова Минсафа – 158
Хитрово К.Н., вице-губернатор – 78, 187, 189, 262
Хузиахметов Негаметзян – 208, 213–214
Хусаинов Мухаммеджан, муфтий ОМДС – 45
Хусаинов Садык – 421, 422
Хусаинов Хуснутдин – 141, 144, 286, 287, 364, 397
Хусаиновы, книгоиздатели – 456–458
Хусеинов – 376
Хуснутдинова, домовладелица – 400
Червинский – 241, 243
Чиркова, владелец типографии – 455, 461, 462, 463
Шагиахметов (Джагфаров) Гимадетдин, имам – 41, 64, 180, 206, 207

Шагиахметов (Джагфаров) Джамалетдин, имам – 41, 64
Шагиахметов Ахмедгариф – 361
Шагидуллин – 387
Шагимарданов Мухаммедназип – 138, 449, 466, 467
Шагимарданов Шарияздан – 131, 387
Шагимухаммедов Нагуман Мухаррам – 388
Шайдуллин Х. – 138
Шайдуллин Хабибулла – 131
Шакирзянов Зайнулла – 365
Шакуров К. – 30, 41, 57, 60, 106, 148
Шамиль, имам – 45, 46
Шамсутдинов Гали – 449-450
Шамсутдинов Исмагил (Измаил) – 365, 457
Шамсутдинов Мифтахутдин – 184
Шамсутдинов Нурутдин – 185
Шамсутдинов Шафик Назмутдинов – 186
Шараф Бурхан – 484
Шараф, владельцы типографии – 116, 120, 341, 464
Шарафутдинов Газизулла – 355, 365
Шарипов – 376
Шафигуллин Загидулла – 184
Шафигуллин Сайфулла, д. Молвино – 282, 288
Шафиев, домомвладелец – 299
Шахиахмед б. Юсуф (Шахиахмед б. Йусуф б. Кутлугмухаммед б. Тавкал) – 39
Шейх Мансур – 233
Шейх Хабибулла – 233
Шелгунов – 458
Шестаков П.Д., попечитель Казанского учебного округа – 357
Шибаршин – 458
Шкляев В.И., товарищ прокурора КОС – 334, 335
Шнирельман В. – 20, 21
Шредер Л.Л., мировой судья – 299
Шубинский Николай Петрович – 130, 418
Шулинский Владимир Михайлович – 138, 139, 147, 216, 344–335, 344, 347, 349, 351, 360, 365, 372, 377, 394, 407, 408, 454, 465, 468, 470– 472, 475
Шульгин Михаил Тимофеев – 465, 472
Щепетильников Михаил Иванович – 209–211, 214
Щепетов Александр – 253
Юдин Т.И. – 81, 241
Юнусов – 342
Юнусов Ахметгирей, имам – 184
Юнусов Бикчентай, д. Молвино – 277, 278, 282, 288
Юнусов Ибрагим – 96
Юнусов Исхак Губайдуллин – 150
Юнусов Мухаммедрахим – 250
Ягуд (Ягудин) Гатаулла – 186
Якубов – 350
Якупов, учитель – 173
Ямашов Зайнулла Мусин – 185
Яндашевский, пристав – 173
Ясави Ахмад, шайх – 458
Яушев Мухаммедзариф Ахметов – 158
Яушева Марьям-Бану Мухаметзарифовна – 158
Яхин Мухаммедзян Мусич – 185
Яхин Мухаммедсафа Нурмухамметов(ич) – 185
Яхонтов, пристав – 237, 241, 242, 246, 247

Указатель географических названий, названий населенных пунктов, административных образований:

Абатское, село – 336, 475, 476
Абдуллино, дер. – 340
Австрия – 479
Агачаул, дер. – 439
Аджи, село – 369
Адмиралтейская слобода – 55, 64, 110, 159, 400
Азелеевская вол. – 55, 99, 208, 213, 224, 225, 252, 400, 453
Азиатский край – 430
Азия – 14, 346
Академическая Слободка – 97, 215, 224, 237, 239, 371, 272, 277
Акмолинская обл. – 117, 336, 361, 363
Алатская вол. – 208, 213, 433, 467
Александровский пост – 103, 284, 312, 313, 316, 336, 338, 367
Амикеевская вол. – 433
Амстердам – 33
Андижан – 117, 118, 336, 338, 361, 362, 378, 382, 430
Апастовский район – 50
Аравия – 135
Арастры, дер. – 191
Астраханская обл. – 379, 447
Астрахань – 98, 117, 336, 354, 361, 362, 365
Асхабад (Ашхабад) – 286, 336, 374
Атнинская вол. – 208, 213, 456
Афганистан – 484
Багдад – 39
Баку – 117, 342, 362, 373
Бахчисарай – 347
Башкирия – 22, 43, 88
Беденьга (Татарская Беденьга), село – 41, 54, 57, 63, 64, 66, 97, 106, 108, 117, 137, 142, 145, 146, 159, 172, 180, 181, 187, 207, 208, 213, 279–281, 286, 355, 373, 374, 396, 398, 399, 408, 420–422, 443–446
Белосток – 342
Берлин – 23, 33, 84, 86, 87, 88
Бессарабская губ. – 418
Ближний Восток – 51
Болотное, станица – 336, 362
Большая Серда, дер. – 449, 454, 457, 471, 473
Больше-Атнинская вол. – 98, 203, 449, 452, 466, 473, 38, 452
Больше-Менгерская вол. – 409, 424, 428, 448, 451, 452, 453, 474
Большие Верезеи, дер. – 98, 203, 284
Большое Кусаково, дер. – 63, 156
Большой Мангыт, дер. – 439
Бугояк, аул – 149, 432-433, 437, 439
Бугульминский уезд – 340, 475, 476
Булгар – 57, 77, 134–137, 345, 352, 379, 399
Булгарское ханство (царство) – 17, 47, 399, 427
Бурундуки, село – 53, 488
Бухара – 39, 118, 137, 175, 194, 425, 442
Варшава – 117, 362
Верхние Ураспуги, дер. – 282
Верхний (Алма-Ата) – 347
Верхняя Курса, дер. – 148
Верхняя Сунь, дер. – 425
Вильно – 18, 51, 108, 109
Витебск – 117, 361
Витебская губ. – 427
Владивосток – 336
Волга, река – 322, 325, 388, 400
Волго-Уральский регион – 3, 8, 9,

22, 26, 27, 516, 518
Волжская Булгария (Болгарское ханство, Болгария) – 12, 177, 182
Воробьевское, село – 438, 439
Восточный Судан – 82
Вятская губ. – 81, 133, 162, 425
Гамбург – 33
Германия – 479
Городище, дер. – 288
Дагестан – 40, 46
Дамаск – 10
Двинск, город – 427
Евразия – 13, 47
Египет – 39, 46, 85
Екатеринбург – 33, 107, 117, 336, 362
Зайсан – 145
Закаспийская обл. (край) – 117, 118, 276, 318, 359, 360, 376, 447
Западная Сибирь – 352, 434
Заречная слобода – 336
Зеленодольский район – 21
Зимница, село – 37–39
Золотая Орда – 47
Иерусалим – 238, 272
Иолотань, село – 106, 111, 112, 117, 118, 299, 336, 358, 361, 362, 372, 374, 382, 383, 396
Иран – 10
Иркутск – 117, 336, 340, 361, 362, 416
Исаково, дер. – 358
Испания – 85
Италия – 255
Ишимский уезд – 372, 476, 477
Кавказ – 10, 40, 45, 46, 276, 430
Казанская губ. – 5, 50, 53, 56, 73, 77–80, 97, 102, 130, 132, 133, 136, 138, 146, 149, 157, 158, 162, 166–169, 176, 177, 180, 183, 187, 189, 191, 206, 224–225, 237, 241, 248, 252–254, 260, 282, 299, 301, 303, 319, 323, 333, 334, 344–345, 362, 367, 377, 408, 418, 421, 423–425, 432, 433, 441, 444, 445, 447, 453, 456, 481, 497
Казанский уезд – 93, 98, 141, 147, 208, 213, 253, 254, 284, 286, 287, 409, 424, 428, 453, 454, 456, 466, 469, 473
Казанское ханство – 12, 47, 427
Казань – 5, 7, 8, 11, 12, 13, 14, 16, 17, 19–22, 25, 26, 29, 33, 42, 49, 51–53, 57–68, 72, 73, 77–80, 83–88, 95–98, 102, 103, 106, 107, 111, 112, 113, 115–117, 121, 128–130, 132, 133, 135, 136, 138, 143, 145, 147, 155, 162, 169, 171, 173, 174, 176–178, 182–187, 189, 193, 196, 197, 202, 208, 209, 214, 215, 216, 219, 223–226, 236-238, 240, 249, 252, 277, 280, 281, 283, 285–288, 297, 302–304, 310, 317, 321–323, 326–329, 332–337, 339–342, 344–346, 348, 350, 352–355, 361-363, 367–370, 372, 374-377, 379–383, 385–386, 394–397, 400, 402–407, 410, 419, 423, 425, 427, 431, 440, 444, 445, 446, 448, 449, 453, 455–464, 477, 479, 480, 485, 487–489, 497, 512, 513.
Каинский уезд – 149, 339, 353, 354, 432–435, 437–440
Кама, река – 388, 400
Камышлов, город – 61
Камышловский уезд – 61, 281
Кара Чурма, дер. – 286, 287
Карашам, дер. – 12, 21, 77–79, 99, 100, 101, 137, 187, 224, 225, 249, 252, 288, 400, 431, 445, 448, 451, 453
Карашамская вол. – 158
Китай – 292
Клин – 347
Ключищенская вол. – 182

Козлова, дер. – 336
Козьмодемьянск – 102, 254, 409
Коканд – 118, 336, 337, 378, 392, 397, 400, 430
Колошка, станица – 337
Коморгузи, дер. – 449, 450, 452, 455, 456, 466, 468, 469, 473, 474
Косяково, дер. – 282
Косяковская вол. – 164, 167–169, 176, 191, 282, 285, 333, 334, 394, 395, 398, 404, 423, 424, 426, 497
Крым – 10, 40
Кудашево, дер. – 381
Куллекиминская вол. – 285
Курмышский уезд – 369
Куюк (Новый Куюк, Новая Джульба, Зульба), дер. – 100, 141, 146, 409, 424, 428, 448, 451, 454, 469
Лаишевский уезд – 93, 182, 185, 189, 248, 286, 287, 319, 444
Литва – 34, 109
Лондон – 10, 22, 23
Малая Русовка, дер. – 80
Малмыж, город – 425
Малмыжский уезд – 425
Малый Мангыт, дер. – 439
Малый Тебисс, дер. – 433, 434
Мамадыш-Акилово, дер. – 80, 214
Мамадышский уезд – 80, 158, 425, 446
Мангальская вол. – 253, 254
Манчжурия – 289, 336
Медина – 39, 68, 170, 174–176, 196, 268
Мекка – 68, 170, 174–176, 196, 268, 270
Мензелинск – 117, 362
Мензелинский уезд – 433
Меньшиковская вол. – 437
Мерв – 111, 112, 117, 118, 298, 299, 318, 336, 342, 358, 362, 363, 373, 374, 394, 395, 430 Мервский уезд – 106, 299, 358, 369, 396
Мериленд (США) – 33
Метески, дер. – 182, 189, 286, 287, 444
Миасс – 347
Молвино, село – 12, 52, 54, 55, 58, 59, 60, 65, 80, 100, 102, 117, 140, 155, 157, 162, 164, 166–169, 176, 180, 182, 187, 191, 206, 260, 278, 279, 282, 283, 285, 288, 299, 301, 303, 323, 333, 334, 385, 396, 408, 426, 441, 446, 488, 496, 512
Москва – 21, 25, 33, 88, 117, 118, 122, 137, 153, 242, 289, 297, 337, 341, 362, 371, 382
Мульминская вол. – 208, 213, 449, 454
Наманган – 118, 378, 379
Нижегородская губ. – 81
Нижний Новгород – 453
Николаевск – 117, 336, 361, 362, 375
Новая Казанка – 117, 362, 379
Новогеоргиевская крепость – 376
Ново-Кусковская вол. – 433
Ново-Татарская слобода – 55–61, 64, 65, 72, 73, 97, 110, 116, 117, 158, 162, 166, 171, 178, 182, 184, 174, 182, 199, 225, 234, 249, 302, 303, 326, 328, 329, 334, 343, 346, 350, 357, 385, 386, 394, 395, 406, 456, 497, 512
Ново-Чутинская вол. – 148
Новые Юрбеи, дер. – 254
Новый Булгар, дер. – 137
Новый Майзас, дер. – 439
Нурлат, село – 137
Одесса – 367
Омск – 117, 148, 362
Оренбург – 111, 117, 234, 361, 459, 483, 489
Оренбургская губ. – 39, 236

Орловский уезд – 162
Османская империя (Оттоманская порта) – 34, 91, 124, 126, 127, 217, 224, 226, 237–238, 253, 272, 283, 320, 389, 417
Пензенская губ. – 81
Пермская губ. – 61, 281
Пермь – 110, 361
Персия – 276
Поволжье – 3, 8, 9, 11, 29, 45, 47, 80, 88, 138, 192
Полоцк –117, 336, 362
Полтава – 117, 342, 362
Починок, дер. – 152
Прибалтика – 108, 109
Приморск – 336, 375
Приуралье – 45, 47, 88
Российская империя (Россия) – 5, 6, 11, 16, 17, 22, 23, 24, 29, 32, 33, 34, 39, 45, 48, 49, 81, 88, 116, 120, 126, 127, 150, 169–170, 175, 198, 226, 241, 280, 308, 309, 329, 353, 356, 390, 419, 426
Рязанская губ. – 418
Самара – 117, 336, 341, 362, 364, 367, 373, 378, 381, 397, 403
Самарканд – 430
Самарская губ. – 81, 149, 475, 476
Санкт-Петербург – 11, 25, 28, 112, 117, 127, 128, 173, 176, 188, 195, 198, 203, 225, 241, 289–291, 304, 321–323, 327, 336, 337, 340, 341, 346, 347, 354, 356, 362, 368, 370, 371, 381, 455, 456, 459
Саратовская губ. – 36, 37, 81, 170, 196
Сарчабалык, дер. – 439
Сатламышево, село – 50, 52, 53, 155, 196, 488
Сахалин, п-ов – 102, 103, 110, 127, 129, 277, 289, 290, 291, 297, 310–313, 316–318, 320, 338, 339, 341, 362, 363, 367, 375, 379, 380, 382, 391, 401, 402, 409, 410, 416–419, 426, 429–431, 453, 478
Свердловская обл. – 29, 108
Свияга, река – 77
Свияжск, г. – 282, 283, 336, 427
Свияжский уезд – 50, 52, 54, 55, 63, 77, 136, 137, 155, 157, 162, 164, 166–169, 176, 180, 187, 191, 196, 206, 208, 213, 224, 225, 249, 252, 260, 282, 285, 299, 301, 323, 333–335, 367, 385, 394, 395, 398, 400, 404, 424, 426, 431, 441, 445, 446, 451–453, 473, 488, 496, 497
Северная Африка – 85
Северный Кавказ – 45, 46, 48
Семипалатинск – 98, 117, 341, 362
Семипалатинская обл. – 117, 361, 363, 440, 447
Серебрянская, станция – 361, 362
Сибирь – 8, 9, 29, 98, 101–103, 110, 111, 138, 147, 148, 149, 152, 261, 279, 284, 288, 302, 324, 328, 354, 362, 376, 377, 381, 384, 385, 416, 418, 429–432, 448, 453, 478, 482
Симбирск – 117, 166, 180, 196, 234, 333, 336, 361, 395
Симбирская губ. – 41, 54, 66, 80, 81, 108, 137, 149, 159, 171, 172, 177, 187, 191, 359, 369, 374, 398, 408, 420, 447
Симбирский уезд – 41, 159, 180, 187, 208, 213, 281, 286, 355, 373, 397, 398, 420, 443, 444
Симбульская вол. – 369
Симферополь – 241
Синьцзяно-Уйгурский край (Восточный Туркестан) – 150
Сирия – 46, 198
Спасский уезд – 93, 335, 344
Сперкевицы – 375
Среднее Поволжье – 43, 138

Средняя Азия – 3, 8, 9, 10, 23, 29, 57, 118, 130, 146, 352, 361, 376, 379, 382, 391, 396
СССР – 22
Стамбул – 42, 64
Старая Кулатка (Большая Кулатка), село – 36, 37, 39, 42, 51, 153, 170, 171, 196–197, 487, 492
Старотатарская слобода – 73, 377
Судан – 85, 88, 379
Суыксу, дер. – 42
США – 479
Сюндюковская вол. – 159, 172, 208, 213, 279, 355, 408, 422, 423
Танай, дер. – 279
Татарские Наратлы, дер. – 12, 80
Татарское Азелеево, дер. – 77
Татарстан (РТ) – 22, 23, 25, 32, 43, 62, 76, 78, 88
Ташбильги, дер. – 137
Ташкент – 39, 117, 118, 336, 347, 354, 362, 378, 430
Тверская губ. – 418
Темти, дер. – 185
Тепорчаты, дер. – 191
Тетюшский уезд – 93, 132, 286, 287, 448
Тифлис – 40, 46
Тобольск – 117, 361
Тобольская губ. – 101, 147, 149, 336, 361, 363, 372, 381, 476
Томск – 117, 138, 336, 347, 354, 361, 362, 363, 365, 379, 380
Томская губ. – 98, 128, 147, 148, 336, 353, 363, 375, 376, 433, 447
Томский уезд – 433
Туркестанский край (Туркестан) – 106, 111, 118, 138, 146, 318, 421, 447
Турция – 479
Тюкалинск – 336
Тюмень – 101, 148
Тюнтер, дер. – 425
Узбекистан – 107
Ульяновская обл. – 36, 37, 38, 187
Уразлиной, дер. – 285
Уральск – 117
Урбарская вол. – 425
Усады, дер. – 343
Усманка, дер. – 336
Успенское, село – 344
Утяк, дер. – 279
Уфа – 33, 117, 162, 164, 234, 236, 458, 489
Уфимская губ. – 433
Фергана – 118
Ферганская обл. – 353, 378, 382, 447
Хабаровск – 336
Ханская Орда – 484
Харбин – 289, 336, 347
Хауран – 198
Хвалынский уезд – 36, 170, 196, 487
Ходжент – 117, 362, 430
Царевококшайск, г. – 285
Царевококшайский уезд – 285
Царское Село – 336, 381, 475
Чеке, дер. – 439
Челябинск – 107, 117, 143, 341, 342, 362, 364, 381, 404, 483
Чепчуги – 465, 469, 470
Чердынь – 117
Черемышева-Апанаева, дер. – 237, 248
Черноморская обл. – 447
Шаманы, дер. – 286, 287
Шепшиан, дер. – 467
Шираз – 276
Энабишенская, дер. – 439
Юрино – 358
Ядрин – 253, 254
Янгиюльский район – 107
Япония – 310
Ясная Поляна – 118, 132, 133, 337, 342, 343

Список использованных источников и литературы

I. Архивные материалы.

I.1. Национальный архив Республики Татарстан (НАРТ, Казань).

Ф. 1. Канцелярия казанского губернатора.

Ф. 1. Оп. 3. Д. 6073. 10 л. По всеподданнейшему прошению Дардеманда дервиша Момен-Хака с тремя молитвами на татарском языке. 1884.

Ф. 1. Оп. 3. Д. 7629. 97 л. О принадлежности к секте мусульманина Ваисова. 1889–1890.

Ф. 1. Оп. 3. Д. 8435. 6 л. По отношению Казанской Казенной палаты об уклонении татар Ваисовской секты в д. Карашам Азелеевской волости Свияжского уезда от уплаты казенных складных оброков. 1891.

Ф. 1. Оп. 3. Д. 10499. 92 л. Переписка с последователями Ваисова о существующей мусульманской секте Ваисова в деревне Татарская Беденьга Симбирской губернии. 1894–1897.

Ф. 1. Оп. 3. Д. 10541. 30 л. По всеподданнейшему ходатайству последователей умершего магометанина Ваисова крестьян д. Береза Больше-Атнинской волости Казанского уезда Юсуфа Файзуллина и др. о не стеснении их в исповедании их веры.

Ф. 1. Оп. 3. Д. 11295. 2 л. О мусульманских сборищах, устраиваемых домовладельцем г. Казани Вагапом. 1898.

Ф. 1. Оп. 3. Д. 11525. 56 л. О вооруженном сопротивлении последователей ваисовского магометанского толка крестьянина Абдул-Латыфова, мещанина Гизетуллы Халиуллина, Нурмухамета Мухаметзянова, оказанном околоточному Надзирателю 5 части г. Казани Калинину при исполнении им своих обязанностей. 1899–1901.

Ф. 2. Казанское губернское правление.

Ф. 2. Оп. 2. Д. 255. 12 л. По рапорту Казанского губернского полицейского управления об определении Свияжского мещанина Мухаметшакира Хуснутдинова муллою к мечети со столицей в г. Казани в Ново-Татарской слободе.

Ф. 2. Оп. 2. Д. 3648. 3 л. О назначении штатного ординатора Преображенской больницы для душевнобольных в г. Москве доктора медицины коллежского асессора Якова Боткина исполняющим должность Директора Казанской окружной лечебницы. 1889.

Ф. 2. Оп. 2. Д. 5725. 31 л. Об увольнении помощника пристава 2 участка г. Казани титулярного советника Еникеева по прошению по болезни от службы в отставку с исходатайствованием пенсии в усиленном размере. 1898.

Ф. 2. Оп. 3. Д. 318. 7 л. О крестьянине Ваисове, обвиняемом в оскорблении муфтия и Оренбургского Магометанского духовного собрания, допущенном в прошении.

Ф. 2. Оп. 3. Д. 413. 7 л. По рапорту Оренбургского магометанского духовного собрания о присвоении себе крестьянином Багаутдином Хамзиным Ваисовым власти духовного лица.

Ф. 2. Оп. 3. Д. 555. 7 л. О воспрещении крестьянину Б.Х. Ваисову выезда из места жительства. 1880.

Ф. 2. Оп. 3. Д. 1024. 4 л. Об ограждении от притеснений полиции Биби-Фаизы Ваисовой, об освобождении мужа ее из-под стражи. 1883.

Ф. 2. Оп. 3. Д. 7534. 89 л. Переписка об обществах, предполагаемых к открытию. Запрос судебного следователя Окружного суда об обществе мусульман Ваисовского божьего полка. 1908.

Ф. 4. Казанская духовная консистория.

Ф. 4. Оп. 10 доп. Д. 52. Метрические книги д. Беденьга. 1860–1869.

Ф. 4. Оп. 10 доп. Д. 60. Метрические книги д. Беденьга. 1870–1879.

Ф. 4. Оп. 10 доп. Д. 68. Метрические книги д. Беденьга. 1880–1889.

Ф. 4. Оп. 10 доп. Д. 77. Метрические книги д. Беденьга. 1890–1899.

Ф. 4. Оп. 10 доп. Д. 95. Метрические книги д. Беденьга. 1860–1869.

Ф. 4. Оп. 10 доп. Д. 99. Метрические книги д. Беденьга. 1910–1915.

Ф. 4. Оп. 177. Д. 96. Метрические книги мечетей Свияжского уезда. 1865–1866.

Ф. 4. Оп. 177. Д. 100. Метрические книги мечетей Свияжского уезда. 1871–1872.

Ф. 4. Оп. 177. Д. 101. Метрические книги мечетей Свияжского уезда. 1873–1874.

Ф. 4. Оп. 177. Д. 102. Метрические книги мечетей Свияжского уезда. 1875–1876.

Ф. 4. Оп. 177. Д. 103а. Метрические книги мечетей Свияжского уезда. 1877.

Ф. 4. Оп. 177. Д. 103. Метрические книги мечетей Свияжского уезда. 1878.

Ф. 4. Оп. 177. Д. 346. Метрические книги мечетей Свияжского уезда. 1890.

Ф. 4. Оп. 177. Д. 147. Метрическая книга г. Казани. 1871.

Ф. 4. Оп. 177. Д. 162. Метрическая книга г. Казани. 1879.

Ф. 4. Оп. 177. Д. 164. Метрическая книга г. Казани. 1865.

Ф. 4. Оп. 177. Д. 165. Метрические книги г. Казани. 1866–1869.

Ф. 4. Оп. 177. Д. 166. Метрические книги г. Казани. 1870, 1863–1872.

Ф. 4. Оп. 177. Д. 167. Метрические книги г. Казани. 1874–1876.

Ф. 4. Оп. 177. Д. 168. Метрические книги г. Казани. 1877–1878.

Ф. 4. Оп. 180. Д. 30. Метрические книги Новокаменной мечети Ново-Татарской слободы г. Казани. 1864–1918.

Ф. 41. Казанский окружной суд

Ф. 41. Оп. 2. Д. 654. 30 л. Дело о крестьянине Багаутдине Хамзине Ваисове, обвиняемом в оскорблении должностного лица. 1876–1877 гг.

Ф. 41. Оп. 2. Д. 695. 86 л. Дело о крестьянине Багаутдине Хамзине Ваисове, обвиняемом в оскорблении Мирового Судьи. 1876–1877 гг.

Ф. 41. Оп. 2. Д. 1073. 59 л. Об освидетельствовании в состоянии умственных способностей крестьянина Багаутдина Хамзина Ваисова. 1882–1883 гг.

Ф. 41. Оп. 2. Д. 1604. 13 л. Дело об освидетельствовании в состоянии умственных способностей отставного рядового Нурмухамета Ишмухамета Оглы Ижбаева, обвиненного в сопротивлении судебному приставу, сотрудника староверческого мусульманского общества. 1890 г.

Ф. 41. Оп. 2. Д. 1685. 45 л. Дело о крестьянах Шагабутдине Сайфутдинове и Якиме Иванове Надеждине, обвиненных в оскорблении. 1890–1891 гг.

Ф. 41. Оп. 2. Д. 2138. 69 л. Дело об освидетельствовании в состоянии умственных способностей крестьянина Мухаммет-Гали Байрам-Галея Оглы, обвиняемого в оскорблении тюремного надзирателя. 1896 г.

Ф. 41. Оп. 2. Д. 4885. 10 л. О крестьянах Шагабутдине Сайфутдинове, Мухамет-Фаиз Мухаметкулове, Мухамет-Галиме Мухамедьярове и Хасане Ибнаминове, обвиненных в оскорблении должностного лица при исполнении им служебных обязанностей. 1890–1891 гг.

Ф. 41. Оп. 3. Д. 200. 43 л. По иску крестьянина … Б.Х. Ваисова к обществу крестьян той же деревни об обязании их возвратить Ваисову 5 десятин 1592 сажени земли и предоставлении ему права отыскивать с них убытки. 1875 г.

Ф. 41. Оп. 3. Д. 216. 56 л. Дело об утверждении торгов на имение крестьянина Б.Х. Вайсова Дервиш и об укреплении этого имения за крестьянином Ахматуллою Габидуллиным. 1876 г.

Ф. 41. Оп. 3. Д. 568. 33 л. По спору о подлоге приговора общества крестьян деревни Карашам от 2 февраля 1881 года, заявленному крестьянами той же деревни Миндубаем Муслимовым и Мухутдином Халитовым и др. 1882 г.

Ф. 41. Оп. 4. Д. 1983. 144 л. Дело по обвинению лиц в принадлежности к сообществу староверное общество мусульман Ваисовского Божьего полка. 1909 г.

Ф. 41. Оп. 13. Д. 3. 157 л. Предварительное следствие, произведенное судебным следователем по особо важным делам по делу о противозаконном сообществе, именуемом староверском обществе мусульман Ваисовского Божьего Полка. 125 ст. Уголовного Уложения.

Ф. 41. Оп. 15. Д. 1. 71 л. Предварительное следствие, произведенное судебным следователем Казанского окружного суда по особо важным делам о крестьянах Шигабутдине Сайфутдинове, Мухамет-Галее Байрамгалееве и Галяутдине Хабибуллине, обвиняемым по 125 статье Уголовного уложения.

Ф. 51. Казанская судебная палата

Ф. 51. Оп. 2. Д. 37. 109 л. Дело о запасном унтер-офицере Гильмане Абдул-Фаизове, отставном рядовом Мухамете Юсуп-Файзулине и крестьянах Нагаметзян Хузиахметове, Шакирзян Зябирове, Нурутдин Сайфутдинове, Абдул-Латыфе Халитове и Багаутдине Хамзине Ваисове, обвиненных по 264 ст. Уложения о наказании. 1885 г.

Ф. 51. Оп. 4. Д. 1851. 80 л. Дело об отставном рядовом из крестьян Назмутдине Ишмухаметове Оглы Ижбаеве, обвиненном в преступлении, предусмотренном 272 ст. Уложения о наказании. 1890 г.

Ф. 51. Оп. 4. Д. 2227. 131 л. Дело о крестьянине Шагабутдине Сайфутдинове, обвиненном в преступлении, предусмотренном 274 ст. Уложения о наказании. 1891 г.

Ф. 51. Оп. 4. Д. 3856. 251 л. Дело о запасном рядовом из крестьян Нурмухамете Ишмухамете Оглы Ижбаеве и крестьянах Шагабутдине Сайфутдинове и Мухаммет-Гали Байрамгалееве, обвиненных … 1895 г.

Ф. 51. Оп. 4. Д. 13475. 450 л. Дело о крестьянине Гинанутдине Багаутдине Ваисове и других в числе 14 человек, обвиненных… 1910 – 1917 гг.

Ф. 51. Оп. 8. Д. 378. 35 л. Вещественные доказательства. Свидетельства староверского мусульманского общества Ваисова. 1908–1909 гг.

Ф. 51. Оп. 8. Д. 379. 5 л. Вещественные доказательства обвиняемого Хамидуллина по 125 ст. Уголовного уложения. 1908.

Ф. 51. Оп. 8. Д. 385. 46 л. Вещественные доказательства по обвинению Мухамет-Галеева Ахметхана, Зайнуллина Ибрагима, Шагимарданова Шарияздана, Сафаргалиева Хусаина и др. 1909.

Ф. 390. Прокурор Казанской судебной палаты

Ф. 390. Оп. 1. Д. 617. 27 л. О вооруженном сопротивлении уряднику Кошелеву крестьянином Файзуллиным и его матерью.

Ф. 390. Оп. 1. Д. 3185. 83 л. По обвинению Ходзя-Мухамед Галяутдина Багаутдиновича Оглы Эль-Булгари Ваисов в участии в сообществе в староверском обществе мусульман Ваисовского Божьего полка. 1909.

Ф. 390. Оп. 1. Д. 4298. 8 л. Сведения и характеристики на должностных лиц округа Казанского окружного суда.

Ф. 420. Казанский временный комитет по делам цензуры

Ф. 420. Оп. 1. Д. 111. 79 л. О пополнении штата в личном составе, об

увольнении некоторых членов Комитета и о вновь назначенных взамен уволенных.

Ф. 696. Личный фонд Н.Ф. Катанова

Ф. 969. Оп. 1. Д. 50. 72 л. Документы о секте ваисовцев и Ваисове, основателе секты. Том 1.

Ф. 969. Оп. 1. Д. 51. 4 л. Документы о секте ваисовцев и Ваисове, основателе секты. Том 2.

Ф. 969. Оп. 1. Д. 52. 16 л. Документы о секте ваисовцев и Ваисове, основателе секты. Том 3.

I.2. Российский государственный исторический архив (РГИА, СПб.)

Ф. 777. Санкт-Петербургский цензурный комитет

Ф. 777. 1881 год. Оп. 3. Д. 5. 387 л. По рассмотрению сочинений на восточных языках.

Ф. 821. Департамент духовных дел иностранных исповеданий

Ф. 821. Оп. 8. Д. 615. 151 л. Оренбургское Духовное Собрание. Жалобы на решения его по делам гражданским. 1873–1885.

Ф. 821. Оп. 8. Д. 842. 154 л. Ваисов Сеитов – его учение и деяния. 1873–1880.

Ф. 821. Оп. 8. Д. 843. 18 л. Записка о появлении различных сект в исламе. 1886.

Ф. 821. Оп. 133. Д. 508. 102 л. О секте Ваисовцев. 1909–1917.

Ф. 1276. Совет министров.

Ф. 1276. Оп. 4. Д. 815. 93 л. По вопросу о мерах борьбы с панисламистским движением. 1908 г.

Ф. 1278. Государственная дума.

Ф. 1278. Оп. 1. Д. 245. 150 л. По разным жалобам.

Ф. 1278. Оп. 1. Д. 250. 235 л. По жалобам разных лиц.

Ф. 1412. Канцелярия Его Императорского Величества

Ф. 1412. Оп. 35. Д. 12. 112 л. Прошения. Ваисовы.

Ф. 1412. Оп. 35. Д. 14. 6 л. Прошения. Ваисовы.

I.3. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ, Москва)

Ф. 124. Уголовный отдел Министерства юстиции

Ф. 124. Оп. 11. Д. 1812. 3 л. Дело о возбуждении дознания о Ходже Магомеде Генанутдине в ташкентской судебной палате по статье 249, 250.

Ф. 124. Оп. 47. Д. 952. 30 л. Дело о деятельности староверческого общества мусульман Ваисовского Божьего полка и о привлечении к дознанию его членов М. Сайфутдинова, А. Мухаметшина. 1908–1910.

Ф. 124. Оп. 26. Д. 32. 14 л. Дело по прошению Мухаммет-Юсуфа Болгари и Гильмане-Фаизе-Болгари, обвинявшихся в агитации среди национальных поселений, за повиновение властям, мировым судьей 4 Участка Каинского уезда в 1906 г.

Ф. 124. Оп. 48. Д. 650. 49 л. Дело по прошению о помиловании А. Мухаметшина, М. Сайфутдинова и др., осужденных за принадлежность к "староверскому обществу ВБП". 1910–1911.

Ф. 124. Оп. 49. Д. 229. 44 л. Дело о Г.Б. Ваисове, М. Сайфутдинове и др., осужденных по принадлежности к староверскому обществу мусульман ВБП в г. Казани в 1905 году. 1911.

Ф. 124. Оп. 52. Д. 416. 4 л. О выдаче заграничного паспорта Х.Г. Ваисову, осужденному Казанским судом. 1913.

Ф. 124. Оп. 53. Д. 479. 2 л. О Гильмане Файзи и Мухаммед Файзуллине. 1915.

I.4. Архив Санкт-Петербургского филиала Института Востоковедения (СПб.)

Фонд 131. Фонд Ризы Фахретдина. Материалы к сочинению "Асар".

Ф. 131. Оп. 1. Д. 1. Л. 137–158. Материалы по ваисовцам.

Ф. 131. Оп. 1. Д. 2. Л. 18–21. Биография ишана Джагфара Салихова.

I.5. Рукописный отдел Санкт-Петербургского филиала Института Востоковедения (СПб.)

Коран. Рукопись. А1419.

I.6. Научный архив Уфимского научного центра РАН

Ф. 7 (Старый акт). Оп. 1. Д. 13. Фахреддин Р. Асар. – т. 3 (рукописный).

I.7. Государственный архив административных органов Свердловской области (ГААОСО)

Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 20138. Дело по обвинению Ваисовой Раузы Гаяновны по ст. 58-10 ч. 1. УК РСФСР

Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 22551. Всероссийская Чрезвычайная комиссия. Особый отдел. По обвинению Вайсова Галяутдина Багауддинова.

II. Неопубликованные источники:

Ваисов М. Габдулла Тукай и сардар Гайнан Ваисов. К критике сати-

рической поэмы Габдуллы Тукая "Сенной базар, или Новый Кисекбаш" в татарской литературе. – М., 1979. – 70 с. (Машинописная рукопись).

III. Материалы дореволюционных периодических изданий:

"Божий" полк // Казанский вечер, 1906, 19 сентября (№ 40), 20 сентября (№ 41), 23 сентября (№ 44).

Горный. Ваисовский Божий полк // Слово, 1908, 30 сентября (№ 575).

Дело членов Ваисовского божьего полка // Камско-Волжская речь, 1910, 24 октября (№ 594), 26 октября (№ 595), 27 октября (№ 596).

Дело ваисовцев // Камско-Волжская речь, 1910, 12 октября (№ 584).

Хроника. Ваисовцы // Камско-Волжская речь, 1914, 17 декабря (№ 280).

Казан хәбәрләре. Вәисиләр эше // Йолдыз, 1910, 14 октября (№ 597).

Казан хәбәрләре. Вәисиләргә хөкем // Йолдыз, 1910, 21 октября (№ 600), 26 октября (№ 602).

Казанская судебная палата. Дело членов ваисовского божьяго полка // Право. 1910. 7 ноября (№ 45).

Курьезное заявление мусульманской секты ваисовцев // Казанский телеграф, 1908, 25 июля (№ 4616).

Мәхкәмә залындан. Вәисиләр эше // Бәянелхак, 1910, 26 октября (№ 680), 28 октября (№ 681).

IV. Опубликованные источники:

Адрес-календарь и справочная книжка Казанской губернии на 1916 г. – Казань, 1916. – 880 с.

әл-Болгари Б. Тарик-и хожаган. – Казан, 1874.

[Бәһаеддин әл-Болгари, Габделлатыйф бин Халид]. Китаб мөстаб-и шәрех никая мохтәсар әл-викая. – Казан, 1871. – 128 б.

Бехтерев В.М. Татарская психопатическая эпидемия в Казанской губернии // Внушение и его роль в общественной жизни. – СПб., 2001. – С. 105–110.

Вәисзаде [Вәисев Г.] Җәваһир-и хикмәт-и дәрвишан. – Казан, 1907. I җилд, 30 б; II җилд, 26 б.

Казанская окружная лечебница душевнобольных. – Казань, 1911. – 224 с.

Катанов Н.Ф. Новые данные о мусульманской секте Ваисовцев. – Казань, 1909.

Кәһарман милләте мөҗаһид әл-ислам вәисиләр тарихы һәм әҗмалы программасы. – Казан, 1917. – 23 б.

Килдишев Г. Гайнан Вәисевның тозагы. – Казан, 1908. – 16 б.

Маевский М.М. Случай эпидемического помешательства на религиозной почве // Неврологический вестник. 1897. Том. 5. Выпуск 4. – С. 123–140.

Маковицкий Д.П. У Толстого. 1904–1910. "Яснопольские записки" // Литературное наследство. Т. 90. В 4-х кн. – М.: Наука, 1979.

Манакиб-и Дукчи Ишан (Аноним жития Дукчи Ишана – предводителя Андижанского восстания 1898 года). Пер. с араб., введение и комментарии Б.М. Бабаджанова. – Алматы, 2004. – 398 с.

Материалы по истории Татарии второй половины XIX века. – М.-Л., 1936. Том 1, часть 1. – С. 312–317.

Мозаффари З. Ишаннар-дәрвишләр. – Казан, 1931. – 135 б.

Молоствова Е.И. Ваисов Божий полк // Мир ислама. – 1912. – Том I. № 2.

Прошение возвратить Б. Ваисову, а дело кончить // Гасырлар авазы – Эхо веков. –1996. № 3/4. – С. 143–152 [Публикация архивных документов по делу о Б. Ваисове М. Гайнетдинова и Л. Ахметзяновой].

Сагидуллин М. К истории ваисовского движения. – Казань, 1930. – 33 с.

Усманова Д.М. Духовное завещание Б. Ваисова // Гасырлар авазы – Эхо веков. – 2002. № ¾. – С. 127–138.

Шәкүров К. "Кайсы жирдә Муса булса, шунда фиргавен бар", яки вәисевчеләрнең эзәрлекләү тарихыннан // Гасырлар авазы – Эхо веков. – 2007. № 2. – С. 108-117.

Фахреддин Р. Асар. – Казань, 1900; Оренбург, 1901–1908. 2 тома.

Wajsow, Chodzja Muchammed Gajan. Wajsov, wajsowcy I stosunek do nich Lwa Tolstoja // Rcznik Tatarski. – Wilno, 1932. Tom I. P. 215–221.

V. Исследовательская литература:

Абдюшев К.С. Карашәм. – Казан, 1973. – 68 б.

Адыгамов Р. Габдрахим Утыз-Имяни. – Казань: Изд-во "Фэн", 2005. – 234 с.

Азаматов Д. Д. Оренбургское магометанское духовное собрание в конце XVIII–XIX вв. – Уфа, 1996. – 194 с.

Архангельская Т.Н. Казанские издания в библиотеке Ясной Поляны // Молодой Лев Толстой: научная конференция. Казань, 2001. См.: http://www/ksu/ru/miku/konf_tolstoi/s16.htm

Асадуллин Ф. Москва мусульманская: история и современность. Очерки. – М.: Умма, 2004. – 255 с.

Ахунов А. Лев Толстой и татары // Татарский мир. 2003. № 15.

Вәлиев Р.К. Өзелгән хәрәкәт // Гасырлар авазы – Эхо веков. – 2002. – № 1/2. – С. 78–89.

Вәлиев Р.К. Өзелгән дога (Тарихи очерк) // Мирас. – 2002. – №№ 8, 9, 11, 12; 2003. – №1.

Вәлиев Р.К. Өзелгән дога. – Казан, 2007. – 270 б.

Вәлиев Р.К. Болак арты республикасы. – Казань, 1999. – 159 с.

Валеев Р.К. Лев Николаевич Толстой и Гайнан Ваисов // Зеленодольский регион: проблема истории и культуры. Тезисы и материалы региональной научно-практической конференции "Историко-культурное наследие Зеленодольского района и Татарстана в ракурсе преподавания истории и музейно-краеведческой работы в школе", г. Зеленодольск, 24 октября 2003 года. – Казань, 2003. – С. 252–260.

Валеев Р.К. Лев Николаевич Толстой и Гайнан Ваисов // К истории русской революции. События, мнения, люди. – Москва, 2007. – С.687–693.

Валеев Р.К., Шакуров К.Р. Общественно-политическая деятельность ваисовцев в ссылке // Гасырлар авазы – Эхо веков. – 2008. – № 1. – С. 247–254.

Вәлиев Р.К., Шәкүров К.Р. Милли хәрәкәтнең бер чоры // Мирас. – № 5. – С.13-21.

Валеев Р.К., Шакуров К.Р. Опять о ваисовском движении // Мирас. – 2007. – № 6. – С.8–14; № 7. – С.21-28; № 8. – С.8-13; № 9. – С.12–18; № 11. – С.9–13; № 12. – С.12-16.

Гайнетдинов М. Багаутдин Ваисов // Татар әдәбияты тарихы. – Казань, 1986. Том 2. – С. 473–483.

Губернии Российской империи. История и руководители. 1708–1917. – М., 2003.

Давлетшин К. Кто такие ваисовцы? // Наука и религия. 1981. № 6.

Егоров Б.Ф. Боткины. – СПб., 2004. – 320 с.

Загидуллин И.К. Перепись 1897 года и татары Казанской губернии. – Казань. 2000. – 223 с.

Ислам: Энциклопедический словарь. – М., 1991. – 312 с.

Ислам на территории бывшей Российской империи. – М., 1998–2003, 4 выпуска.

Кашапов Р. "Божьи воины". Недолго они были союзниками большевиков. http://tatarica.narod.ru

Кемпер М. Багаутдин Ваисов // Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь. Выпуск III. – М., 2001. – С. 28–29.

Кемпер М. Суфии и ученые в Татарстане и Башкортостане (1789–1889). Исламский дискурс под русским господством. – Казань: Российский исламский университет, 2008. – 675 с.

Кемпер М. Габдерахим аль-Булгари аль-Утыз-Имани // Ислам на территории бывшей Российской империи. Выпуск II. – М., 1999. – С. 18–19.

Кемпер М., Усманова Д.М. Ваисовское движение в свете собственных прошений и поэм // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2001. № ¾. – С. 86–122.

Климович Л. Ислам в царской России. Очерки. – М., 1936. – 406 с.

Кныш А.Д. Мусульманский мистицизм. Краткая история. – СПб., 2004. – 454 с.

фон Кюгельген А. Накшбандийа-муджаддидийа // Ислам на территории бывшей Российской империи. Выпуск IV. – М., 2003. – С. 56–58.

Левин З.И. Реформа в исламе. Быть или не быть?: опыт системного и социокультурного исследования. – М.: Ин-т востоковедения РАН, 2005. – 240 с.

Магдеев М. Вәисов һәм вәисиләр // Татарстан яшьләре, 1988, 22 май.

Малышева С., Зарипова Л. Уравнение со многими неизвестными, или О том, как был убит Сардар Ваисов // Татарстан. 1992. № 5-6. – С. 37–42.

Наумкин В.В. Исламский радикализм в зеркале новых концепций и подходов // Восток. 2006. № 1. – С. 5–25.

Нурутдинов Ф.Г. Жизнь Сардара // Комсомолец Татарстана, 1989, 9 июля.

Петраш Ю.Г. Ислам: происхождение, вероучение, современность (Философско-культурологический взгляд). – М.: Республика, 2005. – 350 с.

Республика Татарстан: свобода совести и религиозные объединения. Словарь-справочник. Вып. 8. – Казань, 2001. – 394 с.

Салихов Р.Р. Ишмухаммет Динмухамметов // Татарская энциклопедия: В 5 т. / Гл. ред. М.Х. Хасанов, отв. ред. Г.С. Сабирзянов. – Казань: Институт Татарской энциклопедии АН РТ. 2005. – Т. 2. – С. 290–291.

Салихов Р.Р., Хайрутдинов Р.Р. Исторические мечети Казани. – Казань, 2005. – 191 с.

Сенюткин С.Б. Ваисовство как попытка обновленчества в исламском мире России // Ислам: вопросы истории, образования, цивилизаций / Под ред. С.Б. Сенюткина. Сб. научных статей. Вып. V. Ч. 1. – Нижний Новгород: Изд-во НГДЛУ, 2000. – С. 27–30.

Сенюткина О.Н. Ваисов и ваисовцы // Рамазановские чтения. Статьи, лекции, выступления. Ежегодный научно-богословский сборник. 2007. № 2. – С. 132–136.

Сенюткина О.Н. Тюркизм как историческое явление (на материалах истории Российской империи 1905–1916 гг.). – Нижний Новгород, 2007. – 520 с.

Ситдикова Г.Ф., Маринович Р.А., Костюшко В.В. Владимир Михайлович Бехтерев. 1857–1927. – Казань, 2003. – 28 с.

Степанянц М.Т. Ислам в философской и общественной мысли зарубежного Востока (XIX–XX вв.). – М.: Наука, 1974. – 190 с.

Трепавлов В.В. "Белый царь". Образ монарха и представления о подданстве у народов России XV – XVIII вв. – М., 2007. – 254 с.

Трепавлов В.В. "Ваша Высокая Порта". Российская государственность в системе традиционных представлений о монархии у народов Евразии XV-XVIII вв. // Восток. 2006. № 1. – С. 26–41.

Усманов М.А. Заветная мечта Хусаина Фаизханова. – Казань, 1980. – 224 с.

Усманов М.А. Татарские исторические источники XVII–XVIII вв. – Казань, 1972. – 224 с.

Усманова Д.М. "Ваисовский Божий полк староверов-мусульман": языки религиозного, сословного, политического и национального противостояния в Российской империи // Аб империо. – 2006. № 3. – С. 255–319.

Усманова Д.М. Ваисовское движение в 1870–1916-х гг.: источники и историография // Источники и исследования по истории татарского народа: материалы к учебным курсам в честь юбилея академика АН РТ М.А. Усманова / Сост. Д.М. Усманова, Д.А. Мустафина. – Казань: Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина, 2006. – С. 380–396.

Усманова Д.М. Государственная и верховная власть Российской и Османской империи глазами мусульманских "сектантов" // Turcica et Ottomanica: сб. в честь 70-летия М.С. Мейера / Сост. И.В. Зайцев, С.Ф. Орешкова; Ин-т востоковедения РАН. – М.: Восточная литература, 2006. – С. 329–336.

Усманова Д.М. Источниковедческие аспекты изучения истории ваисовского движения // Россия и современный мир: проблемы политического развития. Материалы II Международной межвузовской научной конференции. Москва, 13–14 апреля 2006 г. В 2 ч. – М., 2006. – Ч. 2. – С. 35–47.

Усманова Д.М. Н.Ф. Катанов – эксперт по ваисовскому движению // Наследие Н.Ф. Катанова: история и культура тюркских народов Евразии. Доклады и сообщения международного научного семинара, 30 июня – 1 июля 2005 г. – Казань: Алма-Лит, 2006. – С. 105–108.

Усманова Д.М. Ваисовцы в Литве // Orientas Lietuvos Didžiosios Kunigaikštijos visuomenės tradicijoje: totoriai ir karaimai. – Vilnius: VU leidykla, 2008. P. 253–262.

Франк А. Исламская историография и булгарская идентичность татар и башкир в России. – Казань: Российский исламский университет, 2008. – 266 с.

Хабутдинов А.Ю. Ваххабизм в Татарстане: сегодняшняя ситуация в исторической ретроспективе // Вестник Евразии. 2000. № 2 (9). – С. 86–107.

Шакуров К. Деятельность ваисовцев в Сибири // "Сулеймановские чтения – 2006": Материалы Всероссийской научно-практической конференции / Под ред. Яркова А.П. – Тюмень, 2006. – С. 144–146.

Шнирельман В. От конфессионального к этническому: булгарская идея в национальном самосознании казанских татар в XX веке // Вестник Евразии. 1998. № 1/2 (4/5). – С. 137–159.

Юдин Т.И. Очерки истории отечественной психиатрии. – М., 1951. – 478 с.

Crews R. For Prophet and Tsar. Islam and empire in Russia and Central Asia. – Cambridge-London: Harvard University Press, 2006. – 464 p.

Frank A. Islamic Historiography and Bulghar Identity among the Tatars and Bashkirs of Russia. –Leiden-Boston, 1998. – 232 p.

Frank A. Muslim Religious Institutions in Imperial Russia. The Islamic World of Novouzensk Dostrict and the Kazakh Inner Horde, 1780–1910. – Leiden-Boston, 2001. – 341 p.

Frings A. Tatar Jadids in Politics? Muslimische Reform statt tatarischer Revolution an der Mittleren Wolga // Das Zarenreich, das Jahr 1905 und seine Wirkungen. Jan Kusber, Andreas Frings (Hg.). – Berlin, 2007. – S. 287–322.

Kemper M. Sufis und Gelehrte in Tatarien und Baschkirien, 1789 – 1889: Der islamische Diskurs unter russischer Herrschaft. – Berlin, 1998. – 516 S.

Kemper M. Herrschaft, Recht und Islam in Dagestan. Von den Khanaten und Gemeindebuenden zum gihad-Staat. – Wiesbaden, 2005. – 464 S.

Quelquejay Ch. La "Vaisisme" a Kazan. Contribution a metode des confrefies musulmanes chez les tatars de la Volga // Die Welt des Islams. 1959, VI. P. 91–112.

Summary

Muslim "Sectarianism" in the Russian Empire: the Vaisov Holy Regiment of Muslim Old-Believers, 1862–1916

The monograph is devoted to the history of a religious movement that was active from the second half of the 19th century through the first quarter of the 20th century among Muslims in the Volga-Ural region, Siberia, and to some degree in Central Asia. Having emerged as a religious association under the leadership of the dervish Bagautdin, the movement quickly surpassed the bounds of a religious group as such, transforming itself into an organization ("the Vaisov Holy Regiment of Muslim Old-Believers") that claimed its own historical genealogy, religious autonomy, social status, and ultimately, political program.

In the first section of the study the biographies of the Muslim figures who were the sources of the "Holy Regiment" (Shaykh Dzhagfar Salikhov, the dervish Bagaudtin Vaisov, and the imam Gabdullatif Khalitov) are reconstructed. Their views and ideological positions are analyzed, and their activities at various stages are described. The evolution of the movement under the leadership of Gainan Vaisov during the later Imperial period is traced back. Approximately a hundred archival documents from the collections of the Russian State Historical Archive (RGIA) and the National Archive of the Republic of Tatarstan (NART) are presented in the second section. Most of these documents were discovered by the monograph's author and are being published for the first time. The previously unpublished biography of Bagautdin Vaisov, compiled by Riza Fakhreddin in the mid-1920's, which had remained in manuscript form, is also included in this section. Similarly included here are some photographic facsimiles of several poetic works submitted by Bagautdin Vaisov to the censorship committee, a biography of Dzhagfar Salikhov written by a village imam by request of R. Fakhreddin, examples of testimonies and other documents from the Vaisov movement's chancery. The publication is illustrated with photographs of some of the leading representatives of the Vaisov movement.

The founder of the Vaisov Holy Regiment of Muslim Old-Believers was the dervish Bagautdin Khamzin Vaisov who, after the death of his shaykh Dzhagfar al-Kulatki al-Bulgari, declared himself his successor (khalifa) and gathered around himself disciples and other like-minded people. Settling in Kazan in the early 1860's, he founded a separate community, and opened a prayer house in his own home in the New Tatar Quarter. Beginning in the mid-1860's B. Vaisov repeatedly appealed to the authorities for material support

for his community, subjecting the official Muslim clergy to sharp criticism, and accusing them of many defects, including corruption, depravity, and departure from "true Islam". At the same time B. Vaisov was giving sermons among his followers.

In his work Tariq-i khwajagan (1874) he expressed his willingness to pray for the health of the Tsar, to assist in the pacification of the Muslim population and to strengthen the authority of the Emperor among unconquered Muslim communities. A number of B. Vaisov's works, such as those containing critical attacks on the Mufti, were not allowed by the censors to go to press. In all likelihood, a portion of B. Vaisov's unpublished legacy was published posthumously by his son Gainan in a somewhat edited version under the title Jawahir-i hikmat-i darwishan (1907). In this work the author (B. Vaisov) reflects on Judgment Day, which he was expecting to arrive in the year 1300 AH (1882 CE).

The Vaisi movement evaluated the actions of the authorities as the machinations of Satan (dajjal), and the vices of the outside world were linked with the idea of the end of the world and Judgment Day. They saw in the Russifying actions of the local and central authorities directed against the Muslim population, and in the vices and debauchery that had developed among the Kazan Tatars under the leadership of the mufti and the qazis, signs of the arrival of dajjal. Vaisov rejected the authority of the Orenburg Muslim Spiritual Assembly (OMDS), accusing its leadership of corruption. This opposition to the leadership of the OMDS would later become the basis for the negative relations of the Vaisi movement toward the ruling Islam.

B. Vaisov presented himself as a harbinger of the end of the world. He called himself a "colonel" (sardar) and considered his followers to be members of a so-called "salvific group" (firqa-yi najiyya). The pledge of salvation was the return to the true Islam under the dervish's leadership. The eschatological that constitutes the Vaisov movement's religious doctrine was formulated in the works of B. Vaisov, and remained the common language of social and political reality of the 1870's through the 1890's. Allowing for some peculiarities of the conception of the end of the world formulated by B. Vaisov (primarily in its dating), the religious thought of the community's founder can be viewed against the backdrop of other eschatological movements (such as mahdism) that gained currency in various Muslim countries with the coming of the 14th century AH.

Later eschatological language took a back seat, and the perception of the political situation was rationalized in Vaisi texts. The "salvific group"

that talked about salvation and Judgment Day gradually transformed itself into a "sect" that would appeal to various representatives of the imperial authorities, and later to parliamentary representatives, and that recognized its special social position, its separateness within the Muslim community, and the presence of political predilections.

The idea of the Bulghar heritage was the central idea in the historical genealogy and religious teaching of the Vaisi movement. The Vaisi called themselves Bulghars (al-Bulghari) and "Muslim Old-Believers", rejecting corporate (soslovnye) and ethnic nomenclature such as "Tatar," "peasant" "hereditary honorary citizen", and others. The Vaisi suggested that as the descendants of the Bulghars they were the most ancient Muslims, and more so than Tatars, since their faith originated from the time of the Old Testament (al-misaqtan birla), concluded between Abraham of the Old Testament and God Himself. The term "Old Believer" was primarily used by the Vaisi movement for self-representation in Russian-language documents, where this term referred to a phenomenon on Orthodoxy that was not well known to Muslims. With this, the Vaisi specified that they were Muslim Old Believers and recognized their distinctiveness from Russian Old Believers.

Besides Kazan, the movement was spread among a series of districts in Kazan and Simbirsk provinces, and to a lesser degree, in the Lower Volga region, Siberia, and Central Asia. Vaisi ideas were most widespread among the lower social classes, such as Tatar peasants, craftsmen, and petty traders. The overall number of the movement's followers was from 2,000 to 15,000 people.

Not recognizing the levels of bureaucratic authority, and seeking contact with the Emperor by means of sending "holy declarations" and petitions, the group in effect positioned itself as a separate estate (soslovie), since in Imperial Russia the practice of collective addresses and petitions to the Emperor, bypassing the hierarchy of power, emerged specifically as the practice of estate subordination. The followers of the Vaisi movement refused to submit to the civil authorities, only recognizing the Emperor's authority over them. The members of the Vaisi movement considered performing the five daily prayers for the health of the Emperor their direct duty, suggesting that with the prayer they were defending the supreme authority better than with weapons in their hands. This idea became the basis for the pacifist ideas expressed by the movement in the first ten years of its existence.

In the 1870's through the 1890's the movement also obviously expressed the religious protest of Volga Muslims against the Russification and

Christianization policies being carried out by the authorities against the region's native population. During the General Census of 1897 the Vaisi encouraged the idea among the peasantry that the census was preparation on the part of the government to carry out the Christianization of the Muslims. At the same time, the movement took on the traits of a social protest in the conditions of intensifying social contradictions that were a result of the capitalist modernization of society in Russia. The intensification of the Vaisis' activity, the dissemination of Bagautdin Vaisov's teachings, and the increase of the number of his followers was evident among the Tatar peasants of the Volga region who were suffering from land shortages or landlessness, that combined the worsening of their position with the Christianizing efforts of the missionaries and authorities.

Such activity on the part of B. Vaisov spelled danger for the authorities, and at the end of the 1870's and in the 1880's he was repeatedly put on trial on the basis of civil and criminal investigations, and was examined by psychiatrists. In January 1885 the leader of the "sect" and a group of his followers were arrested. Having resisted the authorities, the Vaisi were convicted and exiled from the city, while the leader of the community was determined to be mentally ill and placed in Kazan's psychiatric clinic, where he died. After the founder's arrest and death in the psychiatric clinic, his disciples and followers, Shigabutdin Saifutdinov, Nazmutdin Izhbaev, Gabdullatif Khalitov, and others, continued his work. At the beginning of the 20th century Bagautdin Vaisov's sons, Gainan (from 1905 to 1918) and Gazizan (from 1918 to the beginning of the 1920's) stood at the head of the movement.

At the beginning of the 20th century the movement took on a sharply expressed political character. The evolution took place under the leadership of on of Bagautdin's sons, Ginanutdin (Gainan) Vaisov (8 January 1878–28 February 1918). In his youth he was involved in retail commerce, and he lived in Kazan, Simbirsk, and Central Asia (in the city of Merv). In 1903 he was sentenced to a year in prison for resisting a police officer, and he served his time in the Ashkhabad Jail. Late in 1904 or early in 1905 he returned to Kazan, and on the wave of revolutionary enthusiasm, he resurrected the community and declared himself its "sardar". It is remarkable that neither Gainan Vaisov, nor Bagautdin's other disciples and followers, could adopt for themselves the full titulature of the movement's founder, especially with respect to his Sufi titles (shaykh, dervish). Evidently Bagautdin did not leave any disciples who had the genuine basis to speak as a Sufi shaykh. Besides, some of his contemporaries disputed the right of Bagautdin himself to use Sufi titles.

The peak of Vaisi activity occurred from 1905 to 1909, when under Gainan's leadership they reestablished the prayer house in Kazan's New Tatar Quarter, and they founded a religious community and chancery with its own registry books and treasury that was independent of the OMDS. Gainan Vaisov adopted the title "sardar" and in 1908 undertook a trip to St. Petersburg hoping to obtain an audience with the Emperor. At the same time, the leader of the Vaisi movement established contacts with Count Leo Tolstoy, entered into correspondence with him, and requested funds for the purchase of land and the founding of a Bulghar community in Kazan province's Sviiazhsk district.

With the goal of officially legalizing their movement, in 1908 and 1909 the leaders of the community worked out the "Statutes regarding the military prayer books." They discussed the possibility of convening in 1910 an assembly of Muslim Old Believers, and intended to issue their own journal. G. Vaisov reprinted a portion of his father's poetic works, supplementing it with some of his own works. In the numerous appeals submitted during those years, the basic demands of the Vaisi movement were formulated: the recognition of their religious community's autonomy, the release of the Muslim Old Believers from military service obligations for religious reasons, the rejection of the name "Tatar," the refusal to pay most taxes and levies (with the exception of the land tax). The authorities viewed these demands as a clear political challenge, and the actions of the sectarians constituted a serious threat in their establishment of a new alternative and unregulated community.

In 1909 investigations leading were begun with regard to the Vaisi movement that led to a court case in 1910. Of the fourteen who were charged, eleven were found guilty of belonging to a criminal group "that had as its goal insubordination toward the government's orders", and they were sentenced to varying prison terms (from two to four years).

Following the February Revolution there a new stage began in the development of the movement that falls outside of the bounds of this study. It suffices to say that in the new political conditions the Vaisi movement was forced to reevaluate its relationship to autocracy, to consider the changes that had taken place in the country, and to rebuild its community. Having returned after the declaration by the Provisional Government of an amnesty in Kazan, G. Vaisov reestablished the community. In Kazan in April 1917 a congress of Bulghar "Warriors of God" was convened, which had greeted the Petrograd Soviet of Workers' and Peasants' Deputies, as well as the new Provisional Government. During the 1917 Revolution a paradoxical situation unfolded.

With the declaration of freedom of conscience, the religious aspect of this movement took a back seat, and its politicization took on an irreversible character. In 1917 and 1918 this was already a political movement whose leaders did not hide their political predilections and ambitions. Failing to find a common language with the leaders of the liberal wing of the Tatar national movement, in the summer and autumn of 1917 the leaders of the Vaisi movement came out in support of Soviet power. From both sides this was unnatural and essentially a forced alliance, reaching its logical conclusion of total collapse, it stands to reason, for one side. After the October Revolution there began a new stage in the history of the movement that was connected with the idea of "Islamic socialism", promoted by Gainan and Gazizian Vaisov, and Shigabutdin Saifutdinov. As Soviet power gained strength, and gained the upper hand on the front lines (especially the Eastern Front), the Bolsheviks were less and less inclined toward compromise and cooperation with diverse forces, especially religious organizations. In the beginning and middle of the 1920's many members of the Vaisi movement suffered personal repression, and in 1923 to 1926 their organization was officially banned. The final stage of the Vaisi movement (1917–1926), as well as their intellectual heirs of the late 20th and early 21st centuries, the "Neo-Bulgharists" will be the subject of a subsequent study.

Translated by Allen Frank

Для заметок

Оглавление

Введение 3

Глава I. Ваисовцы в XIX столетии: основание "Божьих полков староверов-мусульман" и Багаутдин Ваисов 35

§ 1. Джагфар аль-Кулаткы и Багаутдин Ваисов: "молитвенные солдаты царя" 36
§ 2. Штрихи к ранней биографии Багаутдина Ваисова 49
§ 3. Основание староверческой общины: первые конфликты с соплеменниками и властями 61
§ 4. Волнения 1870–1880-х гг.: социальные аспекты движения 75
§ 5. Предвестник в сумасшедшем доме: "Джавахир-ихикмат-и дарвишан". Разгром ваисовской общины 81
§ 6. Ваисовское движение в 1885–1905 гг.: поиск дальнейшего пути развития или способа выживания? 89

Глава II.Ваисовское движение в начале XX столетия 105

§ 1. Наследники: Гайнан Ваисов или Шигабутдин мулла Сайфутдин оглы аль-Булгари "Ваисов"? 106
§ 2. Ваисовская община в 1905–1909 гг.: обретение сардара и возрождение общины 116
§ 3. Ваисовцы во "враждебном окружении": определение врагов и поиски союзников в предреволюционный период 124
§ 4. "Булгарская" идентичность в сознании ваисовцев 134
§ 5. Следствие. Политический процесс 1910 года. Второй разгром общины 138
§ 6. Ваисовская община в 1911–1916 гг.: продолжение репрессий и конфликтов 145

ПРИЛОЖЕНИЕ 151

Предисловие к архивным документам из фондов Российского государственного исторического архива г. Санкт-Петербург (РГИА) и Национального архива Республики Татарстан (НАРТ) 151
Часть 1. Архивные документы из РГИА и НАРТ 1870–1900 гг. 155

Часть 2. Архивные документы из РГИА и НАРТ 1901–1917 гг. 289
Части 3–4. Биография Багаутдина Ваисова из "Асар"Ризы Фахреддина и материалы к биографии Джагфара Салихова. Сочинения Б. Ваисова, метрические записи и пр. документы 481

Заключение **516**

Список иллюстраций **521**

Указатель имен **524**

Указатель географических названий, названий населенных пунктов, административных образований **539**

Список использованных источников и литературы **544**

Summary **556**

Усманова Диляра Миркасымовна – доктор исторических наук, профессор кафедры современной отечественной истории Казанского государственного университета, специалист в области истории России позднеимперского периода, участник российских и международных проектов. Ее научные исследования были поддержаны рядом международных фондов (фонд Сороса, Volkswagenstiftung, ACLS, Gerda-Henkel Stiftung).

Область научных исследований:

- новейшая история Российской империи (история Российского парламентаризма, модернизационные процессы в начале XX века; государственно-конфессиональная политика в XX столетии, визуальная история позднеимперской России);
- история мусульманских народов России (мусульманское представительство в Государственной думе Российской империи, татарская и мусульманская пресса начала XX столетия, мусульманское "сектантство" в Российской империи).

Д.М. Усманова – автор более 180 научных работ, в том числе четырех индивидуальных и одной коллективной монографии: "Мусульманская фракция и проблемы "свободы совести" в Государственной Думе России (1906–1917)" (Казань, 1999); "Ислам в Среднем Поволжье: история и современность. Очерки" (Казань, 2002; в соавторстве); "Профессора и выпускники Казанского университета в Думе и Госсовете России. 1906–1917" (Казань, 2002); "Мусульманские представители в Российском парламенте. 1906–1916". (Казань, 2005); "Депутаты Казанской губернии в Государственной думе России: 1906–1917" (Казань, 2006).

Научное издание

Усманова Диляра Миркасымовна

МУСУЛЬМАНСКОЕ “СЕКТАНТСТВО” В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ:
“ВАИСОВСКИЙ БОЖИЙ ПОЛК СТАРОВЕРОВ-МУСУЛЬМАН”
1862–1916 гг.

В авторской редакции
Технический редактор – В.П. Лащенова
Обложка – Ш.К. Насыров
Компьютерная верстка – Ю.В. Волкова

Подписано в печать 25.11.2008. Формат 60x84 1/16. Печ.л. 35,5
Печать офсетная. Бумага офсетная. Тираж 500 экз.

Издательство «Фән» Академии наук Республики Татарстан
420111 г. Казань, ул. Баумана, 20
Лицензия № 0226 выдана 10 марта 1998 г. издательству «Фән»
АН РТ Министерством информации и печати РТ

Отпечатано в типографии «Фолиантъ»
420127 г. Казань, ул. Дементьева, 1а

ООО "Таис Книга" 1055 РКН/10
ISBN (12.08.09)
Усманова ТАТ Мусульманское
8619361
К-ИСТ
368.00